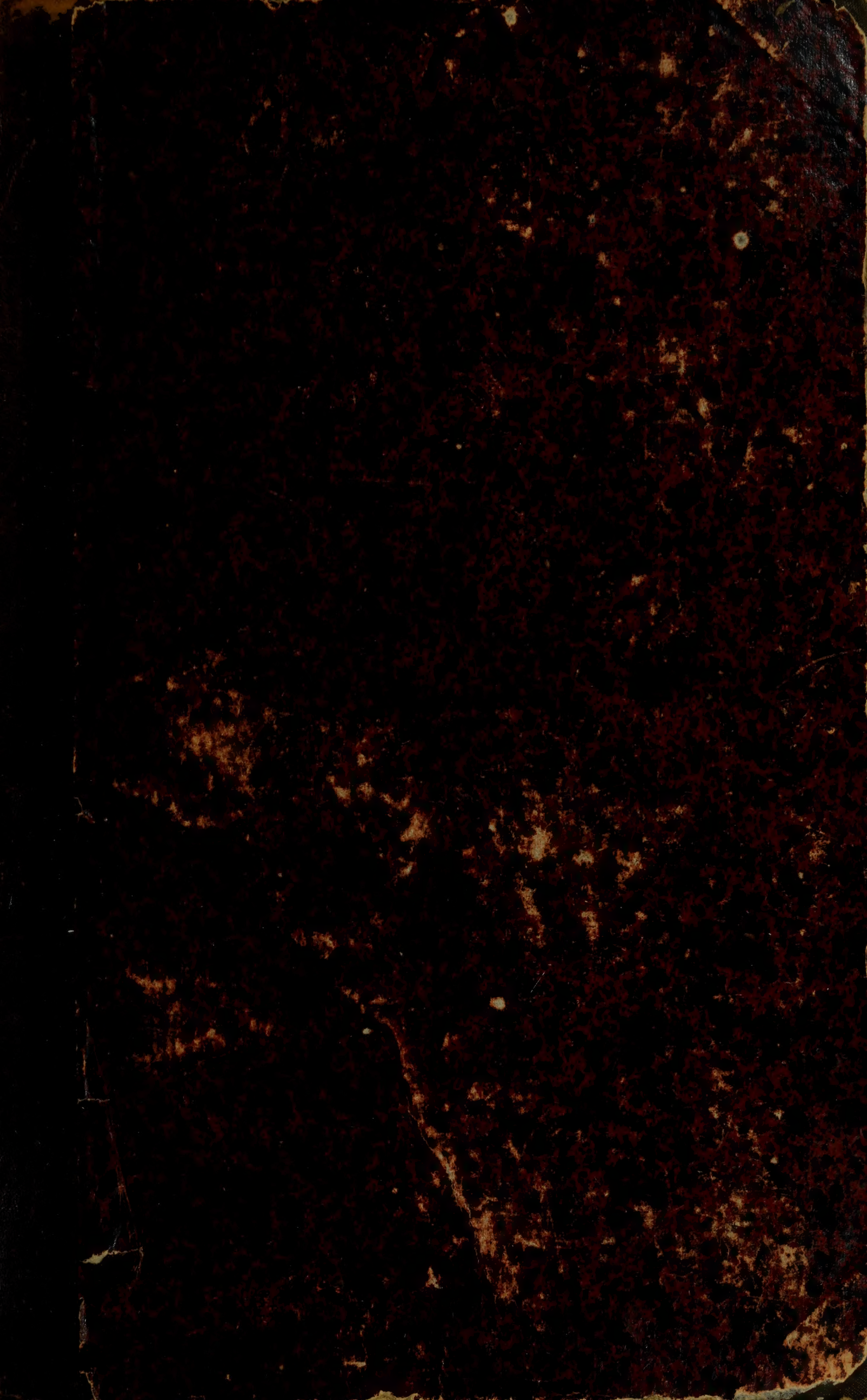
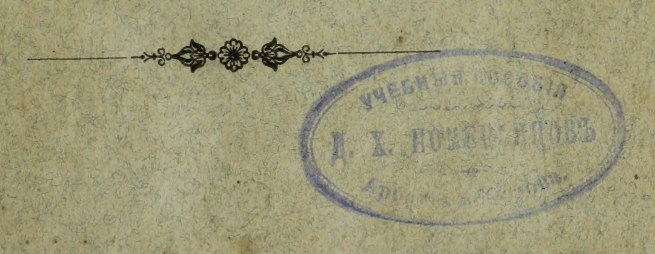
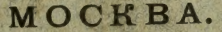


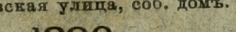
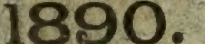
РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

НОЯБРЬ.




МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская улица, соб. домъ.

1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

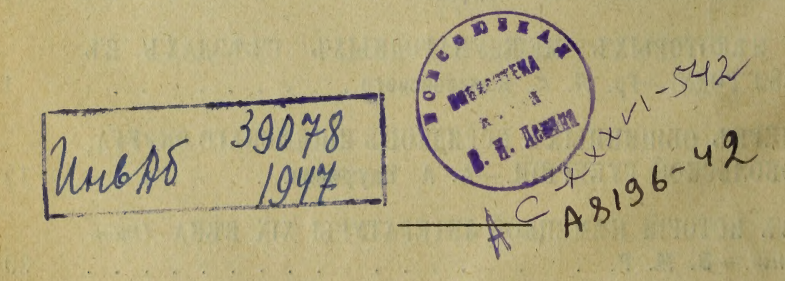
КНИГА XI.

МОСКВА.

1890.

Москва. Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.



ЧАЙЛЬДЪ ГАРОЛЬДЪ *).

(Байрона).

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Хоть не бывалъ поэтъ тебѣ послушенъ,
На зовъ пѣвца, Минерва, дай отвѣтъ!
Здѣсь храмъ **) твой возвышался; онъ разрушенъ
Пожарами, войной и гнетомъ лѣтъ,
Тебя повергшихъ въ прахъ; но хуже брани,
Пожаровъ и вѣковъ рука людей,
Которые не чтутъ воспоминаній,
Которымъ дѣла нѣтъ до тѣхъ преданій,
Что обезсмертили дѣла минувшихъ дней.

II.

Аѳины ***), гдѣ эпохи величавой
Герои и вожди?—ихъ больше нѣтъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. II.

**) Часть Акрополиса была разрушена во время осады венеціанцевъ взрывомъ пороховаго магазина.

***) Мы всѣ можемъ испытать или вообразить себѣ тѣ чувства, которыя пробуждаются въ душѣ при видѣ развалинъ города, который былъ столицей цѣлой имперіи. Не мало было написано о мысляхъ, пробуждаемыхъ въ насъ такимъ видомъ, и потому нахожу лишнимъ повторять объ этомъ здѣсь; но когда вспоминаешь о томъ, что̀ были прежде Аѳины, и когда видишь, во что они превратились, это сравненіе доказываетъ ничтожность человѣка и малое значеніе двухъ его лучшихъ добродѣтелей: патріотизма, который заставляетъ хвалить свою родину, и храбрости, помогающей ее защищать. Городъ, гдѣ боролись сильныя партіи, гдѣ раздавались прен ораторовъ, гдѣ возвышались и низвергались тираны, гдѣ чествовали знаменитыхъ гражданъ или вели ихъ на казнь, превратился въ жалкое поле маленькихъ интригъ и безконечныхъ споровъ, плодимыхъ кляузными агентами нѣсколькихъ англійскихъ лордовъ и дворянъ. Лисицы, совы и

Они, покрывъ себя безсмертной славой,
Прошли какъ сонъ; погибъ ихъ даже слѣдъ.
Дѣянья ихъ мы изучали въ школѣ,
Твердя о нихъ уроки цѣлый день;
Былыхъ временъ слѣдовъ не видно болѣ;
Надъ башнями, что годы побороли,
Величья прошлаго витаетъ только тѣнь.

III.

Минутный гость земли! на видъ унылый
Руинъ взгляни, щадя слѣды вѣковъ;
Здѣсь націи исчезнувшей могилы,
Обломки храмовъ попранныхъ боговъ.
Религіи смѣняетъ дней теченье;
Юпитеръ палъ; явился Магометъ;
Мѣняться будутъ вѣры и воззрѣнья,
Пока исчадья смерти и сомнѣнья
Не убѣдятся въ томъ, что ихъ надежды—бредъ.

IV.

Они въ цѣпяхъ, а небеса имъ милы!
Свой крестъ нести уже-ль здѣсь мало вамъ?
Сладка-ль такъ жизнь, что даже за могилой
Хотите жить, стремяся къ небесамъ?
Зачѣмъ вамъ знать, могилъ нѣмыя плиты
Блаженство или муки вамъ сулятъ?
Зачѣмъ вамъ въ край стремиться не открытый?
Вы взвѣстьте прахъ подъ плитами зарытый;
Краснорѣчивѣй онъ, чѣмъ проповѣдей рядъ.

змѣи, которыя поселились въ развалинахъ Вавилона, причиняли менѣе вреда, чѣмъ эти люди. Турки, по крайней мѣрѣ, могутъ объяснить свое владычество одержанною побѣдой; греки же испытали на себѣ послѣдствія несчастной войны, которая можетъ причинить не мало бѣдъ и храбрѣйшимъ. Но каково же положеніе побѣжденныхъ, когда два живописца оспариваютъ другъ у друга право грабить Парѳенонъ и то одинъ, то другой одерживаетъ побѣду, смотря по тому, что значится въ послѣднемъ фирманѣ? Силла могъ только наказать Аѳины, Филиппъ ихъ покорить, Ксерксъ ихъ сжечь, но судьбѣ было угодно дать возможность любителю древностей на жалованьи и его гнуснымъ агентамъ превратить Аѳины въ городъ ничтожный, какъ они сами. До пожара Парѳенонъ былъ храмомъ, церковью и мечетью. Съ этой точки зрѣнія нельзя не обратить на него вниманія: хотя онъ служилъ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, все же онъ трижды былъ посвященъ религіознымъ обрядамъ, поэтому его профанація—это тройное святотатство. Но, увы, „гордый человѣкъ, на короткое время пользующійся властью, можетъ совершить такія фантастическія дѣянія, которыя способны заставить плакать ангеловъ!“ (*Мѣра за мѣру* Шекспира).

V.

На мавзолей героя бросьте взоры.
На берегу пустынномъ онъ почилъ *).
Къ гробницѣ той, лишившейся опоры,
Народъ, стекаясь въ горѣ, слезы лилъ.
Въ странѣ полубоговъ гдѣ-жь та дорога,
Что къ мавзолею воина ведетъ?
Вотъ черепъ здѣсь,—какъ смотритъ онъ убого!
Ужели это храмъ, достойный бога?
Теперь и жалкій червь въ немъ больше не живетъ.

VI.

А, между тѣмъ, въ немъ честолюбье жило;
Онъ сталъ пещерой ветхою, но встарь
Онъ храмомъ былъ, гдѣ ярко мысль свѣтила,
Гдѣ для души воздвигнутъ былъ алтарь.
Гдѣ впадины зіяютъ, тамъ когда-то
Въ живыхъ очахъ несдержанная страсть
Читалась; тамъ была ума палата;
Дать снова жизнь тому, что смертью взято,
Софистъ иль праведникъ, имѣете ли власть?

VII.

Ты правъ, Сократъ, сказавъ: «мы только знаемъ,
Что смертнымъ недоступенъ знанья свѣтъ»!
Влача земную цѣпь, мы всѣ страдаемъ,
Какъ скрыться намъ отъ неизбѣжныхъ бѣдъ?
Зачѣмъ страдать отъ грезъ воображенья?
Все лучшее, что рокъ даетъ, возьмемъ,
Намъ берегъ Ахерона дастъ забвенье.
Тамъ сытый гость подъ гнетомъ принужденья
Не явится на пиръ: покой имъ купленъ сномъ.

VIII.

Но если бы, наперекоръ безвѣрью,
Какъ думаютъ святые, край такой

*) Не всегда у грековъ сжигали мертвыхъ. Аяксъ, напримѣръ, былъ похороненъ. Почти всѣ вожди дѣлались богами послѣ смерти, а въ большинствѣ случаевъ ежегодныя игры устраивались возлѣ ихъ гробницъ и ихъ память чествовалась пиршествами; такихъ почестей удостоились Ахиллъ, Бразидіасъ и даже Антиной, котораго смерть была такъ же славна, какъ жизнь его позорна.

Нашелся бы, гдѣ за могилы дверью
Насъ къ жизни призывали бы иной,
Тамъ Бога мы-бъ усердно прославляли,
Сродняясь вновь съ друзьями, что не разъ
Насъ утѣшать старались въ дни печали;
Вкушая сладость встрѣчъ, что мы не ждали,
И чествуя мужей, добру учившихъ насъ.

IX.

Мой другъ! любя разстался ты съ землею...
Въ томъ мірѣ смерть соединила-бъ насъ!
Когда моя душа полна тобою,
Мнѣ вѣрить ли, что ты на вѣкъ угасъ?
Въ осиротѣломъ сердцѣ образъ милый
Носить я буду; свѣтлыя мечты
И память о быломъ даютъ мнѣ силы
Надѣяться на встрѣчу за могилой *)...
Возликовалъ бы я, узнавъ, что счастливъ ты.

X.

Здѣсь, у руинъ колонны величавой,
Сижу я одиноко. Зевса храмъ
Когда-то тутъ стоялъ въ сіяньи славы;
Но какъ теперь о немъ понятье дамъ?
Что временемъ разрушено, то снова
Не возсоздастъ мечтою человѣкъ!
Лишь камни тѣ хранятъ слѣды былаго...
Для турка въ нихъ нѣтъ смысла никакого,
И съ пѣньемъ возлѣ нихъ проходитъ жалкій грекъ.

XI.

Съ тѣхъ поръ, какъ, потерявъ свои богатства,
Съ Палладой Зевсъ лишился алтарей,
Кто совершилъ всѣхъ хуже святотатство
Въ томъ храмѣ **)? Каледонія, краснѣй!

*) Эта строфа написана Байрономъ въ Ньюстедѣ, въ 1811 году, когда онъ узналъ о кончинѣ молодаго Эдельстона, своего кембриджскаго товарища. *Прим. перев.*

**) То храмъ Юпитера Олимпійскаго, отъ котораго уцѣлѣло всего 16 мраморныхъ колоннъ. Ихъ было 150. Иные предполагаютъ, что эти колонны украшали прежде Пантеонъ.

То былъ твой сынъ. Я радуюсь, что бритты
Такъ поступить позорно не могли!
Свобода отъ свободныхъ ждетъ защиты.
Увы! обломки храма съ грустью скрытой,
Бушуя, волны вдаль съ собою унесли *)!

XII.

Потомокъ пиктовъ, рядъ свершивъ насилій,
Разрушилъ то, что̀ годы сберегли,
Что̀ ва̀ндалы и турки пощадили...
Тотъ холоднѣе горъ родной земли,
Безплоденъ, какъ скалистыя вершины,
Кто беззащитный трогаетъ народъ!
Бороться не могли съ врагомъ Аѳины...
Прошедшихъ бѣдъ имъ вспомнились годины;
Какъ показался имъ ужасенъ рабства гнетъ **)!

XIII.

Британія, ужели ты довольна,
Что плачетъ грекъ, который слабъ и сиръ?
Въ хищеніяхъ такихъ признаться больно.
Ты за себя краснѣть заставишь міръ!
Владычица морей, страна свободы,
Ножомъ пронзила ты Эллады грудь...
Ты защищаешь слабые народы,
А забрала̀, что̀ пощадили годы,
На что и деспоты не смѣли посягнуть.

XIV.

Съ Эгидой что-жь ты не пришла, Паллада ***)?
Аларихъ былъ тобою побѣжденъ;
Гдѣ-жь былъ Пелея сынъ? Изъ бездны ада

---

*) Корабль потерпѣлъ крушеніе въ Архипелагѣ.

**) Спѣшу воспользоваться позволеніемъ, даннымъ мнѣ моимъ другомъ, докторомъ Кларкъ, и сообщаю слѣдующую выписку изъ его письма ко мнѣ: когда послѣдняя Метопа была взята изъ Пантеона, рабочіе, нанятые лордомъ Эльджинъ, разрушили одинъ изъ триглифовъ, между которыми находилась она. Дисдаръ, увидѣвъ эту порчу зданія, вынулъ изъ рта трубку, уронилъ слезу и дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Télos!“ Это я самъ слышалъ. Дисдаръ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ отецъ настоящаго Дисдара.

***) Zosimus разсказываетъ, что Минерва и Ахиллъ прогнали Алариха изъ Акрополиса, другіе же передаютъ, что король го̀товъ былъ почти такъ же безжалостенъ, какъ шотландскій пэръ. См. Чандлера.

Въ тѣ дни съ копьемъ на бой явился онъ.
Ужель не захотѣлъ Плутонъ суровый
Его изъ ада выпустить опять,
Чтобъ въ прахъ низвергнуть хищника другаго?
Увы! Ахиллъ не появился снова,
Покинувъ Стиксъ, какъ встарь, чтобъ городъ защищать!

XV.

Безъ горя на тебя глядѣть нѣтъ мочи
О, Грецiя! прахъ милый схожъ съ тобой!
Чьи горькихъ слезъ не проливаютъ очи,
Глядя на искаженный образъ твой?
Будь проклятъ часъ, когда для разграбленья
Твоихъ святынь явился Альбiонъ,
Когда онъ разгромилъ твои владѣнья
И плачущихъ боговъ безъ сожалѣнья
На сѣверъ мертвенный унесъ съ собою онъ!

XVI.

Вернуться къ моему герою время.
Гдѣ-жь Чайльдъ Гарольдъ, мой мрачный пилигримъ?
Его людскихъ скорбей не давитъ бремя;
Притворныхъ слезъ любовница предъ нимъ
Не льетъ и другъ съ протянутой рукою
Нейдетъ къ нему въ отъѣзда грустный часъ,
Теперь онъ чуждъ любви и твердъ душою;
И вотъ безъ слезъ разстался онъ съ страною
Войны и темныхъ дѣлъ, гдѣ кровь рѣкой лилась.

XVII.

Красивъ фрегатъ, что мчится на просторѣ,
Лѣсъ мачтъ онъ оставляетъ за собой;
Здѣсь шпицы колоколенъ тонутъ въ морѣ,
Тамъ свѣтится песокъ береговой,
А впереди, равниною безбрежной
Сверкая, серебрятся гребни волнъ...
Корабль средь нихъ, что лебедь бѣлоснѣжный;
Когда же киль въ борьбѣ съ волной мятежной,
Плохой корабль, и тотъ какъ будто жизни полнъ!

XVIII.

Любуйтесь обстановкою фрегата:
Здѣсь сѣть *) видна, тамъ пушекъ рядъ блеститъ;
Звучитъ команда; рвеніемъ объята,
Толпа матросовъ ей внимать спѣшитъ;
Здѣсь боцмана свистокъ порой въ движенье
Корабль приводитъ; мичманъ молодой
Тамъ дѣлаетъ свои распоряженья,
Имъ придавая важное значенье;
Онъ юнъ, а властвовать умѣетъ надъ толпой.

XIX.

На палубѣ нѣтъ пятнышка. Сурово
По ней шагаетъ строгій капитанъ;
Онъ проронить боится даромъ слово;
Кто страхомъ передъ нимъ не обуянъ?
Онъ преданъ дисциплинѣ, что заранѣ
Сулитъ успѣхъ; кто чтитъ ея законъ,
Тотъ верхъ всегда беретъ на полѣ брани;
Ей гордые покорны англичане;
Законъ—святыня ихъ, какъ строгъ бы ни былъ онъ.

XX.

Попутный вѣтеръ, дуй, съ волной играя,
Пока закатъ не сгинетъ въ лонѣ водъ!
Отставшую флотилью поджидая,
Корабль вождя тогда умѣритъ ходъ.
Лѣнивыхъ мы поносимъ безъ пощады;
По ихъ винѣ мы тратимъ время зря,
Невольно мы сгораемъ отъ досады,
Бросая вдаль задумчивые взгляды,—
Не мало надо ждать, пока сверкнетъ заря.

XXI.

Луна блеститъ; какъ эта ночь прекрасна!
Испещрено лучами лоно водъ;
Тамъ юноша въ любви клянется страстной,
И, вѣря, дѣва сердце отдаетъ;
Дай Богъ и намъ дѣла вести успѣшно

*) Сѣть предохраняетъ палубу корабля отъ падающихъ обломковъ во время боя.

На берегу! Вотъ новый Аріонъ
Запѣлъ мотивъ любимый и поспѣшно
Матросъ пустился въ плясъ, смѣясь потѣшно,
Забывъ, что ужь давно покинулъ берегъ онъ.

XXII.

Проливъ Кальпе такъ узокъ, что узоры
Двухъ береговъ видны. Европа тамъ
На берегъ Африки бросаетъ взоры.
Даритъ Геката лучъ свой тѣмъ мѣстамъ,
Гдѣ властвуютъ испанки, что богаты
Красой лица, и тѣмъ, гдѣ Мавръ царитъ.
Но въ часъ, когда подъ факеломъ Гекаты
Блестятъ испанскихъ горъ лѣса и скаты,
Какъ Мавританіи унылъ и мраченъ видъ!

XXIII.

Когда сіяетъ ночь, душа невольно
Мечтаетъ о любви, что скрылась въ даль,
О дружбѣ прежнихъ дней. Безъ дружбы больно
Влачить свой вѣкъ,—съ ней быть въ разлукѣ жаль!
Кто-жь долгой жизни радъ, когда увяла,
Намъ измѣнивъ, въ дни юности любовь?
Для смерти остается дѣла мало,
Когда намъ страсть «прости» на вѣкъ сказала...
Дни счастья пережить кто не желалъ бы вновь!

XXIV.

Глядя на волнъ безбрежную пустыню,
Гдѣ отраженъ Діаны блѣдный свѣтъ,
Забывъ и упованья, и гордыню,
Мы преданы мечтамъ минувшихъ лѣтъ;
Какія-бъ мы ни вѣдали страданья,
На днѣ души у всякаго изъ насъ
Отрадное блеститъ воспоминанье;
Какъ больно намъ, когда о немъ мечтанье
Слезу невольную изъ нашихъ вырветъ глазъ!

XXV.

Кто на вершинахъ скалъ сидитъ, внимая
Журчанью водъ, несущихся съ стремнинъ;

Кто, общества людскаго избѣгая,
Въ тѣни лѣсовъ скитается одинъ;
Кто на утесъ взбирается высокій,
Гдѣ стаду пастуха не слышенъ зовъ;
Кто любитъ и ущелья, и потоки,—
Тотъ развѣ въ мірѣ путникъ одинокій?
Нѣтъ, тотъ съ природою въ общеньи жить готовъ.

XXVI.

Кто-жь носится, скучая, въ вихрѣ свѣта
И осужденъ, усталый, дни влачить,
Любви не слыша теплаго привѣта,
Среди толпы, гдѣ некого любить,
Гдѣ павшему въ борьбѣ звучатъ проклятья,
Гдѣ даже не почтятъ вашъ прахъ слезой,
Кто дружеской руки не ждетъ пожатья,
Встрѣчая лишь льстецовъ однихъ объятья,—
Тотъ одинокъ вполнѣ; тотъ въ мірѣ всѣмъ чужой.

XXVII.

Счастливѣе сто разъ монахъ Аѳона!
Сродняется съ нимъ вѣчно чудный видъ:
Надъ нимъ лазурь сіяетъ небосклона,
У ногъ его спокойно море спитъ.
Усталый путникъ, бывшій въ краѣ этомъ,
Завидуетъ владѣльцамъ дивныхъ мѣстъ,
Жалѣя, что не жилъ анахоретомъ;
Не можетъ онъ мириться съ хладнымъ свѣтомъ,
Гдѣ осужденъ, какъ встарь, нести тяжелый крестъ.

XXVIII.

Я длинный путь описывать не стану,
Гдѣ мертвый штиль идетъ за бурей вслѣдъ;
Не мало кораблей по океану
Несется, хоть средь волнъ слѣдовъ ихъ нѣтъ.
Пловцы знакомы съ силой непогоды;
Какъ не завидна участь корабля,
Когда бушуетъ шквалъ и стонутъ воды!
Пловцовъ тогда кончаются невзгоды,
Когда отрадный крикъ звучитъ: земля, земля!

XXIX.

Здѣсь острова Калипсо *), тѣша взгляды,
Какъ двѣ сестры, блестятъ средь лона водъ:
Тамъ гавань есть; ей мореходы рады,
Хоть въ ней давно Калипсо слезъ не льетъ
Объ Одиссеѣ, что, съ богиней въ ссорѣ,
Ей измѣнилъ для смертной. Вотъ утесъ,
Откуда Телемакъ скатился въ море,
Гонимъ суровымъ Менторомъ; здѣсь въ горѣ
Она отъ двухъ утратъ лила не мало слезъ.

XXX.

О, юноши, хоть ликъ богиня скрыла,
Васъ искушенье можетъ въ грѣхъ вовлечь!
Ее богиня смертная смѣнила,—
Вы съ новою Калипсо бойтесь встрѣчъ!
О, Флòренсъ! Еслибъ только сердце это
Могло поддаться чарамъ красоты,
Тобою грудь моя-бъ была согрѣта;
Но лучшаго достойна ты привѣта,
Твой храмъ не осквернятъ грѣховныя мечты!

XXXI.

Такъ думалъ Чайльдъ Гарольдъ, глядя безъ страсти
На чудное видѣнье. Свѣтлый богъ,
Надъ нимъ ужь не имѣя прежней власти,
Героя моего плѣнить не могъ.
Волненій чуждъ, онъ къ цѣли шелъ упрямо,
Не признавая болѣе любви;
Предъ нимъ на вѣкъ закрылись двери храма,
Гдѣ онъ курилъ не мало ѳиміама:
Амуръ разжечь не могъ огонь въ его крови.

XXXII.

Красавица себѣ не объясняла,
Какъ Чайльдъ Гарольдъ могъ устоять предъ ней,
Когда толпа поклонниковъ вздыхала
У ногъ ея, клянясь въ любви своей.

---

*) Гоза, какъ говорятъ, былъ островъ Калипсо.

Плѣненъ ея волшебною красою,
Какъ могъ Гарольдъ не пасть къ ея ногамъ,
Признавшись, можетъ быть, кривя душою,
Что сталъ ея рабомъ? Тщетны́ порою
Признанья, но гнѣвить онѣ не въ силахъ дамъ.

XXXIII.

То сердце, что ей мраморнымъ казалось,
Молчанью и гордыни предано,
Съ искусствомъ обольщенія сроднялось,
Легко въ обманъ могло вводить оно!
Но Чайльдъ забылъ, какъ разставляютъ сѣти,
И силой обольщеній пренебрёгъ;
Коль нѣтъ любви, напрасны средства эти,
Когда-бъ лишь для любви онъ жилъ на свѣтѣ,
Съ толпой вздыхателей смѣшаться бы не могъ.

XXXIV.

Тотъ плохо знаетъ женщинъ, кто увѣренъ,
Что вздохами ихъ можно побѣдить;
Взявъ сердце въ плѣнъ, рабомъ, который вѣренъ
И преданъ имъ, зачѣмъ же дорожить?
Влюбленный поступаетъ неумѣло,
Смиреніе раба пуская въ ходъ;
Скрывая страсть, идите къ цѣли смѣло;
Надежда на успѣхъ не портитъ дѣла;
Дразните ихъ любовь—и васъ побѣда ждетъ!

XXXV.

Объ этой старой истинѣ скорбѣли
Не разъ и тѣ, что чтутъ ея законъ;
Счастливецъ, что достигъ завѣтной цѣли,
Ничтожествомъ награды пораженъ!
Безчестье, даромъ сгубленныя силы—
Любви счастливой горькіе плоды;
Когда-жь разстались мы съ надеждой милой,
Насъ мучитъ сердца рана до могилы,
Хотя былой любви исчезли и слѣды.

XXXVI.

Но здѣсь покинемъ рядъ мечтаній праздныхъ!
Не мало мы увидимъ горъ и водъ,
Не мало мы картинъ увидимъ разныхъ,
Не призраки—тоска насъ поведетъ.
Намъ быть въ краяхъ, какихъ игрой мышленья
Создать не въ состояньи человѣкъ,
Какихъ намъ не опишутъ тѣ творенья,
Гдѣ людямъ расточаютъ наставленья,
Какъ будто въ нихъ есть прокъ для нравственныхъ калѣкъ!

XXXVII.

Природа-мать, что можетъ быть чудеснѣй
Твоихъ роскошныхъ видовъ и картинъ?
Тобою полнъ, тебя встрѣчаетъ пѣсней
Твой преданный, хоть не любимый сынъ.
Не восхищаться видами нѣтъ мочи,
Гдѣ безъ прикрасъ ты въ дикости своей
Являешься. И днемъ, и въ мракѣ ночи
Улыбками мои ты тѣшишь очи,
Но гнѣва полная ты мнѣ всего милѣй!

XXXVIII.

Албанія! отчизна Искендеровъ, *)
Что удивляли подвигами свѣтъ,
Явивъ не мало доблестныхъ примѣровъ,—
О дикій край, я шлю тебѣ привѣтъ!
Гдѣ храмы возвышалися когда-то,
Пророка минареты тамъ видны.
Не блещетъ крестъ, съ церквей исламомъ снятый;
Средь кипарисныхъ рощъ страны богатой,
Близъ городовъ твоихъ сіяетъ рогъ луны!

XXXIX.

Вотъ бѣдный край, гдѣ Пенелопа **) въ горѣ,
Глядя на волны, плакала не разъ,

*) Искендеръ—турецкое имя Александра. Я упомянулъ о знаменитомъ Скандербергѣ (владыкѣ Александрѣ), котораго я сдѣлалъ соотечественникомъ Александра Македонскаго, который родился въ Пелла. Въ этомъ я послѣдовалъ Гиббону.

**) Итака.

А вотъ скала: Сафо̀ здѣсь вверглась въ море.
О пѣснопѣнья богъ, какъ ты не спасъ
Отъ гибели поэзіи кумира,
Когда огонь безсмертья въ немъ горѣлъ?
Сафо, погибла ты, но не для міра,
Коль можетъ намъ дарить безсмертье лира,
Тотъ рай, что лишь одинъ мы вправѣ ждать въ удѣлъ.

XL.

Левкадскій мысъ *) увидѣлъ Чайльдъ въ волненьи,
Въ осенній вечеръ, полный свѣтлыхъ чаръ;
Затѣмъ онъ посѣтилъ поля сраженій:
Вотъ Акціумъ, Лепантъ и Трафальгаръ **).
Не тронули его преданья славы;
Рожденъ подъ невоинственной звѣздой,
Не восхищался онъ борьбой кровавой,—
Считалъ войну преступною забавой
И брави презиралъ, встрѣчая ихъ съ враждой.

XLI.

Когда звѣзда, сіяя въ небѣ ясно,
Блеснула надъ Левкадскою скалой;
Когда предъ нимъ пріютъ любви несчастной
Въ послѣдній разъ мелькнулъ во мглѣ ночной,
Волненье Чайльдъ Гарольда охватило;
Въ тѣни скалы онъ плылъ, стремяся въ даль,
И на нее, въ тоскѣ, глядѣлъ уныло;
Когда же мгла ее отъ взоровъ скрыла,
Его больной души разсѣялась печаль.

XLII.

Въ сіяніи зари предъ нимъ блеснули
Зубчатые верхи Албанскихъ горъ:
Среди тумана вотъ утесы Сули,
Вдали-жь вершина Пинда тѣшитъ взоръ;

*) Левкадія въ наши дни Санта-Мавра. Со скалы „Левкадскаго мыса“, по преданію, Сафо брасилась въ море.

**) Объ Акціумѣ и Трафальгарѣ не зачѣмъ распространяться. Лепантскій бой столько же кровопролитный и значительный, но менѣе извѣстный, происходилъ въ заливѣ Patras. Во время этого боя авторъ *Донъ-Кихота* лишился лѣвой руки.

Ея алѣетъ снѣгъ, одѣтъ зарею;
Здѣсь рыщетъ волкъ, острить свой клювъ орелъ,
Тамъ хаты горцевъ, преданныхъ разбою...
То царство грозъ, что зимнею порою,
Зловѣщихъ силъ полны, громятъ и лѣсъ, и долъ.

XLIII.

Простившись съ просвѣщеньемъ, въ край далекій,
Что хвалятъ всѣ, хоть жить боятся въ немъ,
Явился Чайльдъ. Какъ путникъ одинокій,
Бродилъ въ краю онъ мрачномъ и глухомъ,
Гдѣ бѣдъ не зналъ, хотя, къ борьбѣ готовый,
И не страшился ихъ; тотъ край былъ дикъ,
За то его картины были новы.
Гарольдъ, мирясь съ погодой то суровой,
То знойной, безъ труда къ усталости привыкъ.

XLIV.

Поруганный исламомъ, крестъ смиреньемъ
Гордыню замѣнилъ минувшихъ дней...
Христіанина здѣсь клеймятъ презрѣньемъ;
Въ загонѣ и служитель алтарей.
Какъ суевѣрья жалки проявленья!
Оно для духовенства лишь доходъ,
Сулящій прочимъ смертнымъ разоренье;
Религію позорятъ лжеученья!
Кто золото ея отъ примѣсей спасетъ *)?

XLV.

Амбраціи заливъ блеститъ предъ нами.
За женщину здѣсь кровь лилася встарь,
Сражались подъ одними знаменами
И римскій вождь, и азіатскій царь **).
Здѣсь Августа трофеи свѣтъ дивили ***).

*) Эта строфа смягчена въ переводѣ. *Прим. перев.*.

**) Говорятъ, что за день до битвы при Акціумѣ тринадцать царей состояли при Антоніи.

***) Никополь, развалины котораго занимаютъ значительное пространство, находится въ близкомъ разстояніи отъ Акціума. Тамъ кое-гдѣ сохранились стѣны гипподрома. Ихъ кирпичи связаны цементомъ въ ширину кирпича; этотъ цементъ не уступаетъ имъ въ прочности.

Тотъ міръ исчезъ и памятника нѣтъ.
Людская скорбь была плодомъ усилій
Монарховъ, что анархіи служили...
Ужель былъ созданъ міръ для грома ихъ побѣдъ?

XLVI.

Долинами Иллиріи дорога
Гарольда шла отъ грани гордыхъ скалъ
Альбаніи. Тамъ мѣстъ онъ видѣлъ много,
Что ни одинъ туристъ не описалъ,
Хоть Аттика роскошно разодѣта,
Хоть живописны Темпе и Парнассъ,
Невольно вдохновляющій поэта,—
Картинами страна богата эта,
Которыя, какъ тѣ, красой плѣняютъ насъ.

XLVII.

Онъ за собою снѣжный Пиндъ оставилъ
И, не успѣвъ въ столицу заглянуть,
Чрезъ воды ахерузскія *) направилъ
Къ властителю Албаніи **) свой путь.
Слова Али—законы. Кровь ручьями
Онъ въ вѣчно непокорномъ льетъ краю,
Гдѣ горцы, защищенные скалами,
Порой вступаютъ въ бой съ его войсками,
Лишь передъ золотомъ клоня главу свою ***).

XLVIII.

О, Зитца! уголокъ земли священной ****),

---

*) Согласно Pouqueville, это Янинское озеро; но Pouqueville часто ошибается.

**) Знаменитый Али-паша.

***) Въ замкѣ Сули, среди скалъ, 5,000 суліотовъ держались въ продолженіе 18 лѣтъ противъ 30 тыс. албанцевъ. Замокъ, наконецъ, былъ взятъ измѣною, причемъ были совершены подвиги, достойные лучшихъ дней Греціи.

****) Монастырь и деревня Зитца находятся въ четырехъ часахъ пути отъ Янины, столицы пашалыка. Въ долинѣ течетъ рѣка Каламасъ (древній Ахеронъ), которая недалеко отъ Зитцы образуетъ прекрасный водопадъ. Мѣсто это, можетъ быть, самое красивое въ Греціи, хотя окрестности Дельвинаки и нѣкоторыя части Акарнаніи и Этоліи могутъ поспорить съ нимъ. Дельфы, Парнассъ и въ Аттикѣ даже Cape Colonna и Port Raphaël несравненно менѣе красивы. Скажу тоже объ Іоніи и Троадѣ. Я готовъ сказать то же самое о Константинополѣ, но разнообразіе его видовъ не даетъ удобнаго поля для сравненія.

Что полонъ чаръ, добравшись до высотъ,
Гдѣ ты въ тѣни стоишь уединенно,
Тебѣ привѣтъ плѣненный путникъ шлетъ!
Лазурь небесъ, сливаясь воедино
Съ деревьями, скалами и рѣкой,
Ласкаетъ взоръ волшебною картиной;
Вдали каскадъ, несущійся съ стремнины,
Хоть будитъ страхъ въ душѣ, плѣняетъ красотой.

XLIX.

Бѣлѣетъ одинокая обитель
Средь рощи, за которою грядой
Синѣютъ цѣпи горъ. Случайный зритель
Глядитъ на чудный видъ, смутясь душой.
Радушенъ здѣсь монахъ. Благословляя,
Всегда онъ встрѣтить путника готовъ,
И тотъ, плѣненъ красой волшебной края,
Уходитъ, съ сожалѣньемъ покидая
Того монастыря гостепріимный кровъ.

L.

Въ тѣни деревъ здѣсь отдыхать отрада;
Въ полдневный зной играетъ вѣтерокъ,
Больную грудь живитъ его прохлада;
Само̀ здѣсь небо дышетъ: долъ далекъ!
О, странникъ! коротай часы досуга
Средь благовонныхъ рощъ, гдѣ мракъ вѣтвей
Спасаетъ отъ жары и отъ недуга,
И наслаждайся здѣсь природой юга,
Сіяніемъ зари и прелестью ночей!

LI.

Амфитеатромъ *) мрачныя громады
Хемаріотскихъ Альпъ вдали блестятъ;
На ихъ подножье путникъ бросивъ взгляды,
Богатую долину видѣть радъ.
Стада пасутся тамъ, ключи, сверкая,
Журчатъ въ тѣни деревъ. То Ахеронъ **),

*) Хемаріотскія горы, какъ кажется, вулканическаго происхожденія.
**) Ахеронъ—теперешній Каламасъ.

Гдѣ нѣкогда царила смерть нѣмая.
Коль это адъ, то мнѣ не нужно рая!
Въ Элизіумъ попасть я не хочу, Плутонъ!

LII.

Кругомъ нѣтъ городовъ; Янина скрыта
Завѣсой мрачныхъ горъ. Ни селъ, ни хатъ
Въ окраинѣ не видно позабытой;
Безплоденъ этотъ край и небогатъ.
Въ ущельяхъ горъ мелькаютъ то и дѣло
Красивыя стада безстрашныхъ козъ;
Подпаски ихъ ведутъ въ одеждѣ бѣлой *),
То по горамъ за ними йдутъ смѣло,
То подъ навѣсомъ скалъ скрываются отъ грозъ.

LIII.

Додона, гдѣ-жь твой лѣсъ? Гдѣ знаменитый
Тотъ долъ, гдѣ эхо вторило словамъ
Юпитера? Оракулъ твой забытый
Умолкъ на вѣкъ; гдѣ-жь громовержца храмъ?
О, люди! грѣхъ на то роптать сугубо,
Что смерть готовитъ вамъ свои дары!
Вѣдь, съ участью боговъ сродняться любо;
Уже-ль вамъ дольше мрамора и дуба
На свѣтѣ жить, тогда, какъ рушатся міры?

LIV.

Съ Эпиромъ Чайльдъ разстался. Горъ вершины
Томятъ своимъ однообразьемъ взоръ;
Ихъ за собой оставивъ, онъ долины
Увидѣлъ вдругъ чарующій просторъ.
Хорошъ и долъ съ рѣкою величавой,
Что отражаетъ въ зеркалѣ своемъ
Густую зелень дремлющей дубравы,
Сіянье дня, заката лучъ кровавый
И блѣдный свѣтъ луны, когда все спитъ кругомъ.

LV.

Угасъ закатъ за гранью Томерита **);

*) Албанскіе плащи бѣлаго цвѣта.
**) Прежній Tomarus.

Былъ грозенъ плескъ Лаоссы бурныхъ водъ *);
Сгущалась тѣнь; все было мглою скрыто.
Гарольдъ тропой прибрежной шелъ впередъ.
Катилася рѣка, покрыта пѣной.
Вдали, какъ метеоры, въ тьмѣ ночной
Блестѣли минареты Тепалена.
А вотъ и фортъ; его бѣлѣютъ стѣны;
Тамъ крики войскъ звучатъ; имъ вторитъ вѣтра вой.

LVI.

Пройдя гаремъ, гдѣ царствуетъ молчанье,
Чрезъ ворота̀, Гарольдъ увидѣть могъ
олшебно разукрашенное зданье —
Всесильнаго властителя чертогъ;
Въ немъ евнухи снуютъ, рабы, солдаты;
Жилище, гдѣ проводитъ жизнь тиранъ—
Снаружи фортъ, внутри-жь дворецъ богатый;
Предъ деспотомъ всѣ трепетомъ объяты;
Тамъ сборище людей всѣхъ климатовъ и странъ.

LVII.

Среди двора стоитъ, сверкая броней,
Всегда готовый къ бою эскадронъ;
Украшены роскошной сбруей кони;
Стекаются сюда со всѣхъ сторонъ
Войска паши, дворецъ оберегая.
Здѣсь группы грековъ, мавровъ, мусульманъ;
Тамъ, пестрою одеждою сверкая,
Стоятъ, держа знамена, горцы края.
О томъ, что ночь пришла, вѣщаетъ барабанъ.

LVIII.

Въ чалмѣ, въ расшитомъ золотомъ кафтанѣ,
Держа въ рукѣ свой длинный карабинъ,
Стоитъ албанецъ; тамъ, при ятаганѣ,
Гарцуетъ Дели, горъ отважный сынъ;

---

*) Рѣка Лаосса была въ разливѣ, когда я ее видѣлъ, и возлѣ Тепалена казалась на глазъ такою же широкой, какъ Темза въ Вестминстерѣ. Это мнѣніе раздѣлялъ и мой товарищъ. Лѣтомъ она гораздо уже. Это, конечно, самая красивая рѣка Леванта. Ахелой, Алфей, Скамандръ и Кайстаръ уступаютъ ей и въ красотѣ, и въ ширинѣ.

Здѣсь македонецъ, шарфъ надѣвъ кровавый,
Проходитъ съ чернымъ евнухомъ; а вотъ
Проныра грекъ, и шустрый, и лукавый;
Тамъ тоже видѣнъ турокъ величавый,
Что, на слова скупясь, приказы лишь даетъ.

LIX.

Тѣ курятъ, наблюдая; тѣ играютъ;
Здѣсь турокъ совершаетъ своей намазъ;
Тамъ группы горцевъ гордо выступаютъ;
Болтливый грекъ пускаетъ въ ходъ разсказъ.
Различныхъ группъ повсюду видно много...
Чу! съ минарета муэззина гласъ
Вдругъ прозвучалъ торжественно и строго.
Слова звучатъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога,
Одинъ лишь Богъ великъ! Насталъ молитвы часъ!»

LX.

Въ то время постъ тянулся Рамазана;
Всѣ днемъ ему вѣрны; когда-жь закатъ,
Блѣднѣя, угасаетъ средь тумана,
Пророка сынъ разгавливаться радъ.
Въ дворцѣ Али, объятомъ суетою,
Роскошный столъ для пира былъ накрытъ.
Рабы сновали съ блюдами, гурьбою.
Лишь галлереи были скрыты тьмою,
Дворецъ же весь сіялъ, являя чудный видъ.

LXI.

Здѣсь женскаго не слышно разговора,—
Въ гаремахъ дамы скрыты. Здѣсь жена,
Какъ жертва неусыпнаго надзора,
Душой и тѣломъ мужу предана.
Она въ плѣну, но ей не снится воля;
Она любовь и власть супруга чтитъ;
Дѣтей взрощать ея святая доля.
Они всегда при ней. Ихъ нѣжно холя,
Въ душѣ порочныхъ думъ турчанка не таитъ.

LXII.

Въ роскошномъ павильонѣ, гдѣ отъ зноя
Спасалъ владыку брызгами фонтанъ,
Али полулежалъ; себя покоя,
Лѣниво онъ склонялся на диванъ.
Онъ вождь и кровожадный, и жестокій,
Но старика благочестивый ликъ
Не отражалъ его души пороки;
А предъ собой онъ крови лилъ потоки
И совершать дѣла преступныя привыкъ.

LXIII.

Хотя Гафизъ *) сказалъ, что увлеченья
Дней юности мирятся съ сѣдиной;
Хотя теосскій бардъ того же мнѣнья,
Но тотъ, кто глухъ къ мольбамъ и черствъ душой,
Кого страданье ближняго не тронетъ,
Тотъ съ тигромъ схожъ по лютости своей;
Кто предъ собою кровь струею гонитъ;
Кто лилъ ее въ дни младости, тотъ тонетъ
Среди кровавыхъ волнъ на склонѣ мрачныхъ дней.

LXIV.

Гарольдъ, разбитый дальнею дорогой,
Въ дворцѣ Али-паши пріютъ нашелъ,
Но скоро блескъ восточнаго чертога,
Гдѣ роскоши воздвигнутъ былъ престолъ,
Ему наскучилъ. Пышности отравы
Веселья губятъ скромную среду;
Душевный миръ тревожатъ эти нравы;
Не радуютъ условныя забавы...
Веселье съ пышностью не могутъ жить въ ладу!

LXV.

Албанцы полудикіе суровы,
Но къ доблести имъ славный путь знакомъ;
Они труды войны нести готовы;
Когда-жъ они бѣжали предъ врагомъ?
Ихъ жизнь скромна; они не лицемѣрны;

*) Гафизъ—персидскій поэтъ.

Надежна дружба ихъ, опасна месть;
Ихъ подвиги и удаль безпримѣрны,
Когда съ вождемъ любимымъ, долгу вѣрны,
Торопятся они съ врагами счеты свесть.

LXVI.

Въ дворцѣ Али, гдѣ къ бою все готово,
Гарольдъ увидѣлъ ихъ; судьбой гонимъ,
Впослѣдствіи онъ ихъ увидѣлъ снова,
Когда случайно въ плѣнъ попался къ нимъ.
Отъ злыхъ людей, въ бѣдѣ, не жди защиты!
Ему же горецъ далъ пріютъ и кровъ,
Гостепріимства чтя законъ забытый;
Порой не такъ гостепріимны бритты *)!
Какъ рѣдко намъ отвѣтъ даютъ на сердца зовъ!

LXVII.

Случилось разъ, что Чайльдъ Гарольда судно
Къ скаламъ Сулійскимъ буря принесла;
Бороться съ моремъ было безразсудно,
Но и въ странѣ, гдѣ царствовала мгла,
Быть можетъ, смерть матросамъ угрожала.
Страшилъ ихъ край коварныхъ дикарей;
Все-жь судно, наконецъ, къ брегамъ пристало,
Гдѣ горцы иностранцевъ любятъ мало,
Встрѣчая, какъ враговъ, непрошенныхъ гостей.

LXVIII.

И что-жь? Ихъ горцы встрѣтили, какъ братья;
Чрезъ скалы и ущелья провели;
Зажгли огонь; ихъ высушили платья;
Чтобъ ихъ согрѣть, вина имъ поднесли
И скромный приготовили имъ ужинъ;
Но, не скупяся, всякій далъ, чтò могъ;
Такъ поступаетъ тотъ, кто съ правдой друженъ.
Такой примѣръ для эгоистовъ нуженъ:
Краснѣть заставитъ ихъ тотъ нравственный урокъ.

*) Это намекъ на корнуэльскихъ грабителей во время кораблекрушеній.

LXIX.

Гарольдъ узналъ, бросая эти горы,
Гдѣ встрѣтилъ онъ и ласку, и привѣтъ,
Что по ущельямъ грабятъ мародеры
И путникамъ сулятъ не мало бѣдъ.
Проводниковъ лихихъ, готовыхъ къ бою,
Онъ нанялъ и направился впередъ...
Оставивъ лѣсъ дремучій за собою,
Простился съ ними онъ, плѣненъ красою
Долинъ Эттоліи, гдѣ Ахелой течетъ.

LXX.

Предъ нимъ заливъ, гдѣ дремлющія волны
Любовно отражаютъ блескъ небесъ;
Заливъ молчитъ; таинственности полный,
Глядится въ немъ вблизи ростущій лѣсъ.
Едва скользя по волнамъ, вѣтеръ дышетъ
Той нѣгою, которой югъ богатъ,
И въ полумглѣ деревья чуть колышетъ.
Здѣсь Чайльдъ Гарольдъ слова привѣта слышитъ;
Любуясь ночью той, волненьемъ онъ объятъ. **)

LXXI.

На берегу веселою ватагой
Сидѣли паликары *). Вкругъ огни
Бросали свѣтъ. Вина пурпурной влагой,
Окончивъ ужинъ, тѣшились они.
До полночи, подъ яркимъ неба сводомъ,
Ихъ пляска началась. Мечи сложивъ,
Они сомкнулись въ кругъ и полнымъ ходомъ
Пошли плясать; сливаясь съ хороводомъ,
Ихъ пѣсни раздался воинственный мотивъ.

LXXII.

Гарольда не смущали эти нравы;
Невдалекѣ отъ горцевъ находясь,

---

*) Паликаръ—это извращенное греческое слово палехаръ; такъ называютъ всѣхъ албанскихъ солдатъ, говорящихъ по-романски. Настоящее значеніе этого слова: воинъ-бобыль.

**) Албанскіе мусульмапе не воздерживаются отъ вина; но, по правдѣ сказать, и въ другихъ частяхъ Турціи не многіе покорны закону Магомета въ этомъ отношеніи.

Слѣдилъ онъ за невинною забавой,
Что поражала грубостью подчасъ.
Движенья паликаровъ были дики;
До плечъ спадали волны ихъ кудрей;
Ихъ взгляды были ярки, смуглы лики
И походили болѣе на крики,
Чѣмъ на мелодіи, напѣвы дикарей.

1 *).

Гремятъ барабаны, сраженья суля,
Надеждою духъ храбрецовъ веселя.
Услыша призывъ, иллиріецъ идетъ,
Химарецъ и мрачный лицомъ суліотъ.

2.

Онъ въ бѣломъ хитонѣ и буркѣ своей.
Кто въ схваткѣ съ врагомъ суліота храбрѣй?
Онъ волку и коршуну стадо даритъ
И въ долъ, какъ потокъ со стремнины, бѣжитъ.

3.

Тотъ горецъ, что мститъ за обиды друзьямъ,
Даруетъ ли жизнь побѣжденнымъ врагамъ?
Пощады не будетъ; намъ месть дорога;
Нѣтъ цѣли отраднѣй, чѣмъ сердце врага.

4.

Пещеру покинувъ, съ охотой простясь,
Герой македонецъ нагрянетъ какъ разъ.
Онъ въ шарфѣ багряномъ, что станетъ алѣй
Отъ крови, которой прольется ручей.

5.

Паргасскихъ пиратовъ пріютъ океанъ;
Въ рабовъ обратили они христіанъ;
И сходятъ теперь со своихъ кораблей,
Чтобъ плѣнные съ звономъ сроднились цѣпей.

---

*) Эти строфы заимствованы мной изъ разныхъ албанскихъ пѣсенъ, переведенныхъ мнѣ по-романски и по-итальянски.

6.

Богатствъ мнѣ не надо. Чтò деньги дарятъ
Безсильному, то заберетъ мой булатъ.
Не мало красавицъ умчу за собой;
На плечи ихъ косы спадаютъ волной...

7.

Красою я юныхъ любуюся дѣвъ;
Мнѣ милы ихъ ласки и сладокъ напѣвъ!
Я гусли имъ дамъ, чтобы пѣли онѣ
О томъ, какъ ихъ пали отцы на войнѣ.

8.

Превизы *) припомните штурмъ и рѣзню!
Все предали мы и мечу, и огню;
Добычу дѣлили, побѣдой гордясь;
Лишь юныхъ красавицъ тамъ кровь не лилась.

9.

Со страхомъ и жалостью тотъ не знакомъ,
Кто въ битву несется за храбрымъ вождемъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ пророка дни славы прошли,
Вождя мы не знали храбрѣй, чѣмъ Али!

10.

Мухтаръ, предводителя доблестный сынъ,
Идетъ во главѣ придунайскихъ дружинъ.
Гяуровъ сомнетъ онъ въ кровавомъ бою:
Имъ вновь не увидѣть отчизну свою!

11.

Селикторъ **)! вождю ты подай ятаганъ!
Суля намъ сраженье, гремитъ барабанъ.
Мы въ горы вернемся съ побѣднымъ вѣнкомъ,
Иль больше домой никогда не придемъ!

LXXIII.

Эллада, прежней доблести могила,
Хоть пала ты, тебя безсмертье ждетъ;

*) Превиза была взята штурмомъ у французовъ.
**) Селикторъ—оруженосецъ.

Ты велика, хотя давно почила!
Съ твоихъ дѣтей кто свергнетъ рабства гнетъ?
Не встанутъ тѣ, что пали въ Ѳермопилахъ,
Что храбро на̀ смерть шли, свой край любя.
Гдѣ тотъ герой, что подражать имъ въ силахъ?
Эллада! спятъ они въ своихъ могилахъ.
Изъ царства вѣчной тьмы кто-жь вызоветъ тебя?

LXXIV.

Могло-ль тебѣ присниться, духъ свободы!
Когда ты шелъ за Ѳразибуломъ *) вслѣдъ,
Что Аттики отважные народы
Дивить своимъ позоромъ будутъ свѣтъ?
Не грозные тираны ими правятъ,
А каждый турокъ видитъ въ нихъ рабовъ.
Не сбросить имъ тѣ цѣпи, что ихъ давятъ!
Всю жизнь оковы рабства ихъ безславятъ,
И греки не разятъ, а лишь клянутъ враговъ!

LXXV.

Они не тѣ, хоть сохранили годы
Имъ прежній типъ. Глядя̀ на блескъ ихъ глазъ,
Подумаешь, что свѣтлый духъ свободы,
Какъ въ оны дни, въ нихъ, тѐплясь, не угасъ!
Инымъ все снится отблескъ прежней славы,
Но ждутъ они, что ихъ спасутъ отъ ранъ
И бѣдствій чужеземныя державы,
А сами не стремятся въ бой кровавый,
Чтобъ вычеркнуть свой край изъ списка павшихъ странъ.

LXXVI.

Сыны рабовъ! не знаете вы, что ли,
Что плѣнные оковы сами рвутъ,
Когда ихъ вдохновляетъ голосъ воли?
Ни Францiя, ни Русь васъ не спасутъ!
Пусть будетъ смятъ вашъ врагъ, а все лучами
Свобода не порадуетъ вашъ взоръ.

*) Ѳразибулъ взялъ Phyle, откуда видны Аѳины. Много развалинъ сохранилось отъ этого города. Экспедицiя Ѳразибула предшествовала изгнанiю тридцати тирановъ.

Илотовъ тѣни! бросьтесь въ сѣчу сами,
Ярмо свое мѣняя, съ славы днями
Вы не сроднитесь вновь и вашъ удѣлъ—позоръ!

LXXVII.

Быть можетъ, вновь тѣ области, гдѣ нынѣ
Царитъ Аллахъ, къ гяурамъ перейдутъ;
Быть можетъ, мусульманскія твердыни *)
Предъ мощью христіанъ, какъ встарь, падутъ;
Быть можетъ, вогабиты **) съ силой новой
Зальютъ рѣкой кровавою Востокъ,
Но никогда свободы свѣточъ снова
Не озаритъ страну, что рокъ суровый
На долю рабскую, изъ вѣка въ вѣкъ, обрекъ.

LXXVIII.

Ликуютъ греки: близится то время,
Когда они, прощаяся со зломъ,
Готовятся грѣховъ умалить бремя
Молитвой, покаяньемъ и постомъ.
Веселью предаются, безъ опаски,
Предъ тѣмъ они, не зная грустныхъ думъ;
Тогда разрѣшены пиры и пляски;
Вездѣ снуютъ въ костюмахъ странныхъ маски,
И карнавалъ царитъ, сливая съ блескомъ шумъ.

LXXIX.

Хоть сталъ мечетью храмъ Святой Софіи
И Магометъ святыни осквернилъ,
Стамбулъ, столица древней Византіи,
Веселья полнъ. Былое грекъ забылъ
(Опять я грусти полнъ). Хоть никогда я
Такого оживленья не видалъ,
Какъ на Босфорѣ, все-жь веселье края
Мнѣ напускнымъ казалось: слухъ лаская,
Былой свободы гимнъ тамъ больше не звучалъ.

---

*) Башня Сераля была взята французами, которые ею владѣли нѣсколько лѣтъ.

**) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мекка и Медина были взяты вогабитами, арабскимъ племенемъ, значенье котораго ростетъ съ каждымъ днемъ.

LXXX.

Какъ берегъ оживленъ толпой шумливой!
Неумолкая, пѣсни тамъ звучатъ.
Ударамъ вёселъ вторятъ ихъ мотивы
И раздаются съ плескомъ моря въ ладъ.
Царицы волнъ сіяетъ отблескъ нѣжный;
Когда-жь, скользя чуть слышно по волнамъ,
Рябитъ морскую гладь зефиръ прибрежный,—
Дробится лунный свѣтъ въ волнѣ мятежной,
Которая его уноситъ къ берегамъ.

LXXXI.

Скользятъ по волнамъ лодки; пляшутъ дѣвы
На берегу; отрадна и легка
Такая ночь. Какъ страстны ихъ напѣвы!
Горятъ ихъ очи; руку жметъ рука...
Въ дни юности, въ вѣнки сплетая розы,
Любовь живитъ и сладко грѣетъ насъ;
Ни циникъ, ни философъ съ силой грезы
Борьбу вести не могутъ; сушитъ слезы
И можетъ насъ съ судьбой мирить блаженства часъ.

LXXXII.

Не всѣ, однако-жь, общимъ оживленьемъ
Довольны. Грусть на лицахъ ихъ видна;
Не ихъ ли безполезнымъ сожалѣньямъ
Уныло вторитъ ропотомъ волна?
Имъ больно, что веселію объятья
Открыли греки; радости печать
На лицахъ гражданъ будитъ ихъ проклятья;
Тоской убиты, праздничное платье
Хотѣли бы они на саванъ промѣнять.

LXXXIII.

Такъ мыслитъ вѣрный сынъ роднаго края
(А много-ль ихъ въ Элладѣ мы начтемъ?);
Не станетъ патріотъ, къ войнѣ взывая,
Мечтать о мирѣ, ползая рабомъ;
И, мечъ смѣнивъ на плугъ, не станетъ шею

Подъ игомъ гнуть. Всѣхъ меньше любитъ тотъ
Отчизну, кто обласканъ больше ею.
Вы жалки, греки! Славою своею
Васъ длинный предковъ рядъ позоритъ и гнететъ.

LXXXIV.

Когда Эпаминондъ родится новый;
Когда спартанцы встанутъ изъ могилъ;
Когда Аѳинъ блеснетъ вѣнокъ лавровый
И гражданъ, полныхъ доблести и силъ,
Гречанки вскормятъ вновь,—тогда Эллада,
Но лишь тогда, воскреснетъ. Надъ страной,
Чтобъ дать ей мощь, вѣкамъ промчаться надо;
Ее-жь мгновенье губитъ. Лишь плеяда
Столѣтій верхъ беретъ надъ гнѣвною судьбой!

LXXXV.

А все прекрасна ты, хоть горемъ смята,
Страна боговъ и равныхъ имъ мужей!
Ты зеленью роскошною богата;
Снѣгъ горъ твоихъ *) отъ солнечныхъ лучей
Не таетъ; ты—любимица природы;
Но алтари и храмы прежнихъ лѣтъ
Разрушены: ихъ въ прахъ повергли годы.
Такъ гибнетъ то, что создаютъ народы;
Вѣка лишь доблести стереть не могутъ слѣдъ.

LXXXVI.

Кой-гдѣ стоитъ колонна одиноко;
Она судьбу своихъ сестеръ клянетъ;
Минервы храмъ, что палъ по волѣ рока,
Съ Колоннскихъ скалъ **) глядится въ лонѣ водъ.

---

*) На многихъ горахъ, въ особенности на Liakira, снѣгъ никогда совершенно не таетъ, несмотря на лѣтній зной. Но въ долинахъ я никогда не видѣлъ снѣга, даже зимой.

**) Во всей Аттикѣ, за исключеніемъ Аѳинъ и Мараѳона, нѣтъ мѣста болѣе интереснаго, чѣмъ Cape Colonna. 16 уцѣлѣвшихъ колоннъ служатъ неисчерпаемымъ источникомъ изученій для артиста и любителя древностей. Философъ не безъ наслажденія видитъ мѣсто, гдѣ, по преданью, Платонъ бесѣдовалъ съ своими учениками, а путешественникъ восхищается красотою вида, созерцая всѣ острова, находящіеся въ Эгейскомъ морѣ. Но для англичанина Cape Colonna еще интересна тѣмъ, что близъ нея

На всемъ здѣсь отпечатокъ разрушенья;
Вотъ передъ вами рядъ могильныхъ плитъ,
Что отъ вѣковъ спаслись,—не отъ забвенья.
Порою иностранецъ, полнъ волненья,
Оглядывая ихъ, какъ я, имъ вздохъ даритъ.

LXXXVII.

А все здѣсь небо сине; блещутъ нивы;
Дубравы нѣгой полны; воздухъ чистъ;
Какъ въ дни Минервы, зрѣютъ здѣсь оливы,
И пчелъ Гимета сладкій медъ душистъ;
Унылъ и дикъ, какъ прежде, видъ ущелій,
Но Фебъ поля лучами золотитъ,
И бѣлоснѣженъ мраморъ горъ Мендели *);
Искусство, воля, слава отлетѣли,
Природа лишь одна не измѣнила видъ.

LXXXVIII.

Въ Элладѣ все свѣтло и величаво,
И сказки музъ для насъ не сказки тамъ,
Гдѣ каждый камень дышетъ прежней славой
И вѣсть о ней передаетъ вѣкамъ.
Поля сраженій, горы и долины
Смѣются надъ теченьемъ грозныхъ лѣтъ,
Что превращаютъ храмины въ руины;

произошло кораблекрушеміе Фалконера. Забываютъ Палладу и Платона для Фалконера и Кемпбелла. „Здѣсь, во мракѣ ночи, возлѣ кручъ Лонна, раздался крикъ моряка, огласившій пучину". Этотъ храмъ Минервы видѣнъ издалека. Два раза я добрался до Cape Colonna сушей и разъ моремъ. Видъ на нее несравненно красивѣе съ острововъ, чѣмъ съ суши. Когда мы во второй разъ направлялись къ ней съ суши, на насъ чуть-чуть не напала шайка мойнотовъ, что скрывалась въ пещерахъ. Мы узнали впослѣдствіи отъ одного плѣннаго, которому была возвращена свобода, когда онъ внесъ за себя выкупъ, что они не рѣшились напасть на насъ, увидѣвъ двухъ албанцевъ, которые меня сопровождали. Сдѣлавъ очень остроумное, хотя невѣрное предположеніе, что насъ сопровождаетъ значительный конвой, они не двинулись и пропустили, не напавъ на нашъ караванъ, который былъ слишкомъ незначителенъ, чтобъ имѣть возможность защищаться.

Cape Colonna не менѣе посѣщаема живописцами, чѣмъ пиратами. Со мною былъ талантливый нѣмецкій художникъ, и я надѣюсь, что его картины сроднятъ меня снова съ Cape Colonna и другими мѣстами Греціи.

*) Гора Pentelicus, откуда доставался мраморъ для всѣхъ аѳинскихъ зданій, называется теперь Мендели. Въ ней видна огромная пещера, образовавшаяся вслѣдствіе добыванія мрамора.

Прошли вѣка: разрушены Аѳины,
А Мараѳонскій долъ дивитъ, какъ прежде, свѣтъ.

LXXXIX.

Все тотъ же онъ, лишь пахарь измѣнился:
Въ ту землю онъ рабомъ вонзаетъ плугъ;
Какъ въ дни былые, съ нею лавръ сроднился;
Ее, какъ встарь, лучами грѣетъ югъ;
Но иностранца стала достоянье
Земля, гдѣ передъ греками главу
Склонили персы; живы тѣ преданья!
При словѣ: Мараѳонъ *)—воспоминанья
Намъ представляютъ тѣнь былаго на-яву.

XC.

Войска схватились; длится бой кровавый;
Мидянинъ лукъ бросаетъ и колчанъ,
За нимъ несется грекъ, покрытый славой,
И смерть за нимъ летитъ, какъ ураганъ.
Какой трофей оставили намъ годы
Въ странѣ, гдѣ слезы Азія лила,
Гдѣ озарилъ Элладу блескъ свободы?
Нѣмыхъ гробницъ разрушенные своды,
Обломки урнъ,—вотъ все, что лѣтъ скрывала мгла!

XCI.

А все-жь весь міръ святыя чтитъ преданья;
Страну побѣдъ и пѣсенъ какъ забыть?
Все вѣтра іонійскаго дыханье
Къ ней пилигримовъ будетъ приводить.
Разсказы о величіи Эллады
И юноши, и старца тѣшатъ слухъ;
Священнымъ пѣснямъ Музы и Паллады

---

*) Siste, viator; heroem calcas. Это эпитафія знаменитаго гр. Мерси. Каковы же должны быть наши чувства, когда мы озираемъ мѣсто, гдѣ пали двѣсти грековъ во время мараѳонскаго боя? Главный склепъ былъ недавно разрытъ Фовелемъ, но въ немъ почти ничего не нашли,—ни останковъ, ни вазъ, ни проч. Мнѣ предложили купить мараѳонскую долину за 16 тыс. піастровъ, что на наши деньги составляетъ около 900 фунтовъ. Увы! Expende—quot libras in duce Summo—invenies! Неужели прахъ Мильтіада не стоилъ дороже? Я думаю, что за него бы заплатили больше, если-бъ даже его продали на вѣсъ.

Мудрецъ внимаетъ съ свѣтлою отрадой,
Онѣ-жь, даря восторгъ, пѣвца возносятъ духъ.

XCII.

Кто счастливъ, кто любимъ въ отчизнѣ дальней,
Пусть рвется къ ней; но тотъ, чья ноетъ грудь,
Кто одинокъ и думой смятъ печальной,
Тотъ въ Грецію направить долженъ путь:
Унынью вторятъ грустныя картины,
Что путникъ каждый мигъ встрѣчаетъ тамъ;
Страдальцу милы мрачныя руины,
Не вспомнитъ онъ о родинѣ съ кручиной,
Глядя на Мараѳонъ иль на Дельфійскій храмъ.

XCIII.

На этотъ край священный бросимъ взгляды,
Но пощадимъ остатки прежнихъ дней;
И такъ онъ былъ ограбленъ безъ пощады,—
Не осквернимъ забытыхъ алтарей!
Мы чтить должны, что было прежде чтимо,
Чтобъ темнаго не наложить пятна
На родину. Пройдемъ со вздохомъ мимо
И пусть въ странѣ, гдѣ съ дѣтства все любимо,
Проходитъ наша жизнь, и чаръ, и грезъ полна!

XCIV.

А я, въ часы досуга пѣсню эту
Сложившій, буду скоро позабытъ!
Безъ боя уступаю лавръ поэту,
Что голосъ мой побѣдно заглушитъ.
Когда судьба нещадною рукою
Сгубила тѣхъ, чьихъ жаждалъ я похвалъ,
Меня не тронешь лаской иль хулою,
Ухаживать зачѣмъ мнѣ за толпою,
Когда, осиротѣвъ, я одинокимъ сталъ?

XCV.

Меня любя, и ты на вѣкъ почила,
О юная подруга юныхъ дней!
Ты мнѣ одна, одна не измѣнила,

Я-жь недостоинъ былъ любви твоей.
Погибла ты,—зачѣмъ же дни влачу я?
Зачѣмъ узналъ я счастье и любовь?
О нихъ лишь вспоминать могу, тоскуя.
Зачѣмъ вернулся я, бѣды́ не чуя,
Когда, гонимъ судьбой, уѣхать долженъ вновь?

XCVI.

Подруга незабвенная! мнѣ больно
О свѣтлыхъ дняхъ блаженства вспоминать,
А къ прошлому несется мысль невольно
И на чело кладетъ тоски печать.
Все у меня взяла, что взять лишь можетъ
Нѣмая смерть. Она сгубила всѣхъ,
Кого любилъ я въ жизни. Не поможетъ
Отчаянье. Она удары множитъ
И въ жизни для меня нѣтъ болѣе утѣхъ.

XCVII.

Ужель толпы ничтожные восторги
Я буду раздѣлять, сроднившись съ ней,
Иль ночи проводить средь шумныхъ оргій,
Гдѣ уязвляетъ душу смѣхъ гостей?
Но въ силахъ ли веселость безъ причины
Похоронить слѣды душевныхъ грозъ?
Мертвящій смѣхъ не можетъ скрыть кручины;
Онъ только на лицѣ чертитъ морщины,
Гдѣ потекутъ потомъ струи горючихъ слезъ.

XCVIII.

Что старости такъ отягчаетъ бремя,
Морщины углубляя на челѣ?
Сознанье, что друзей сгубило время,
Что одинокъ страдалецъ на землѣ.
Узнавъ всѣ жизни бѣды и невзгоды,
Покорно я склоняюсь предъ судьбой.
Моихъ друзей могилы скрыли своды;
Такъ каньте-жь въ вѣчность, тягостные годы,
Что муки старости сплели съ моей весной!

Павелъ Козловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОУМНѢЛЪ *).

(Повѣсть).

XI.

— Господинъ Ихменьевъ желаютъ васъ видѣть... прикажете принять?—доложилъ лакей Антонинѣ Сергѣевнѣ въ дверяхъ ея будуара.

Она сидѣла съ книгой у окна. Но сумерки совсѣмъ уже понадвинулись. Ей хотѣлось дочитать главу.

— Просите,—сказала она безъ всякаго колебанія.

Этого визита она уже нѣсколько дней ждала и знала, что Ихменьевъ приходитъ обыкновенно около трехъ, въ тотъ часъ, когда Александра Ильича еще нѣтъ дома, особенно теперь, во время выборовъ... Гаяринъ часто обѣдалъ въ гостяхъ. У нихъ тоже было уже два званыхъ обѣда на одной недѣлѣ.

Это имя: «Ихменьевъ» значило для нея совсѣмъ не то, что десять дней назадъ. Онъ былъ поводомъ той ужасной сцены... Но Антонина Сергѣевна, принимая его, исполняла свой долгъ передъ собственною совѣстью.

— И подайте лампу,—приказала она лакею, отложила книгу и прошлась взадъ и впередъ по комнатѣ.

Съ тѣмъ, что мужъ ея готовитъ себѣ предводительство, она должна была помириться. Она теперь понимала его игру, всѣ оттѣнки его ловкаго поведенія, гдѣ онъ хотѣлъ прельстить и ее тактомъ и выдержкой. Точно будто выборы совсѣмъ его лично не касаются; а онъ принимаетъ въ нихъ участіе, какъ первый попавшійся дворянинъ своей губерніи. Съ нею онъ ни разу не говорилъ, съ глазу на глазъ не будировалъ ее, не дѣлалъ никакихъ многозначительныхъ минъ. Но она чувствовала, что между нею и собой

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

онъ вывелъ стѣнку и, быть можетъ, навсегда ушелъ отъ нея въ свое «я».

— Мое почтеніе, Антонина Сергѣевна!—раздался жидковатый теноръ слабогрудаго человѣка.

Ихменьевъ поклонился ей, еще въ дверяхъ, длинный, съ впалою грудью, въ скромной сюртучной парѣ. Черные, рѣдкіе волосы висѣли у него широкими прядями на вискахъ, маленькій носъ и близорукіе глаза давали его лицу наивное, нѣсколько пугливое выраженіе, обликъ былъ немного калмыцкаго типа съ рѣдкою бородкой.

Ей этотъ тихій труженикъ мысли пришелся очень по сердцу среди чуждаго ей губернскаго общества. Она его сразу приласкала. Въ ней, какъ женѣ Гаярина, онъ ожидалъ встрѣтить мыслящую женщину, очень близкую къ его взглядамъ, судя по тому, какъ наслышанъ былъ о прежнемъ Александрѣ Ильичѣ. Но за послѣдній годъ онъ увидалъ, во что превращается Гаяринъ, и его посѣщенія дѣлались все рѣже и рѣже, хотя до разговора объ этомъ у нихъ съ Антониной Сергѣевной не доходило.

— Очень рада,—встрѣтила она его дѣйствительно радостнымъ возгласомъ и протянула ему руку.

— Я съ морозу... Руки у меня холодныя, перчатокъ не ношу,—выговорилъ онъ, не рѣшаясь пожать.

— Ничего, я не боюсь!... Садитесь... вотъ сюда...

Тонъ ея съ нимъ былъ все такой же, простой и задушевный, даже съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ вниманія и сочувствія.

Это его очень тронуло и огорчило. Ихменьевъ пришелъ объясниться совсѣмъ въ другомъ смыслѣ.

— Здоровьицемъ довольны?—мягко спросилъ онъ и тотчасъ сталъ гладить ладонями свои колѣни.

— Я что-то перестала думать о здоровьѣ и съ тѣхъ поръ гораздо бодрѣе себя чувствую,—отвѣтила она и тихо разсмѣялась.

И въ этомъ смѣхѣ она сама подмѣтила смущеніе... Значитъ, его присутствіе у ней въ домѣ стѣсняетъ ее послѣ сцены съ мужемъ... Она хочетъ настроить себя на независимо-дружескій тонъ, а внутри начинается другой процессъ.

Это заставило ее замѣтнѣе смутиться. Ей стало больно за себя, оскорбительно.

— Левъ Андреичъ,—возбужденно заговорила она, подавляя свою тревогу,—вы меня забываете... Это не хорошо... Прежде вы захаживали каждую недѣлю, просвѣщали меня, приносили хорошія книжки... Можетъ, нездоровилось вамъ?

— Нѣтъ, Антонина Сергѣевна, я былъ здоровъ, насколько мнѣ полагается.

Онъ началъ щипать бородку и низко наклонилъ голову.

— Стало быть, совсѣмъ не хотѣлось видѣть меня и говорить со мною... Вы знаете, я готова всегда принять самое живое участіе...

Фраза показалась ей такою банальной, что она не докончила. Ихменьевъ сидѣлъ все въ той же позѣ и такъ же усиленно дергалъ концы своей бородки.

— Вѣрю, вѣрю-съ!—наконецъ, вымолвилъ онъ и обѣ пряди волосъ спустились ему на худыя щеки съ подозрительнымъ румянцемъ.—Но что-жь дѣлать? Не сами люди иногда виновны въ томъ, что должны разойтись, а время, обстановка, обязательныя отношенія...

— Вы что же хотите этимъ сказать?—живо спросила она и покраснѣла.

— Антонина Сергѣевна, позвольте быть совершенно откровеннымъ... Теперь я въ вашемъ домѣ не ко двору... Супругъ вашъ уже давно еле удостоиваетъ меня поклона, когда случайно встрѣтится со мной на улицѣ... Въ городѣ идетъ толкъ, что, не дальше, какъ завтрашній день, его выберутъ въ губернскіе предводители... Это, конечно, его дѣло... Но Александръ Ильичъ изволилъ, не дальше, какъ на той недѣлѣ, громогласно выразиться насчетъ нашего брата, что, видите ли, у насъ никакой профессіональной честности нѣтъ, онъ такъ изволилъ выразиться... Конечно, вы назовете это сплетнями... Но я знаю это отъ человѣка, достойнаго всякой вѣры... Да и вамъ теперешнее міровоззрѣніе супруга вашего должно быть извѣстно... Видимое дѣло, куда это идетъ... Зачѣмъ же я буду ставить васъ въ неловкое положеніе?... Да и меня-то пощадите... Поддерживать Александра Ильича я не могу, а рисковать услышать отъ него, вотъ здѣсь, такія сентенціи... увольте...

Руки у него вздрагивали и онъ голосъ прерывалъ. На лбу выступилъ потъ.

Онъ не сплетничалъ, не выдумывалъ. Мужъ ея точь-въ-точь то же говорилъ недѣлю назадъ при губернаторѣ.

Ей слѣдовало бы остановить Ихменьева, взять его за руку, показать ему, что она возмущена не менѣе его, излиться ему, какъ женщина, страдающая отъ потери уваженія къ мужу.

И она промолчала. У ней недоставало словъ. Она боялась быть неискренней, лгать и ему, и себѣ.

На губахъ уже было восклицаніе: «Но чѣмъ же я виновата?»

Но и его она не произносила, а сидѣла, какъ виноватая, съ зардѣвшимся лицомъ, въ приниженной позѣ... Значитъ, что-то въ ней самой было уже надломлено... Она не нашла въ себѣ смѣлости выступить явно противъ своего мужа и настоять на томъ, чтобы этотъ честный неудачникъ ни подъ какимъ видомъ не отдалялся отъ нея.

— Простите,—говорилъ Ихменьевъ все тѣмъ же прерывистымъ голосомъ.—Не обвиняйте меня! Не называйте это болѣзненною щепетильностью... Такое время, Антонина Сергѣевна; зачѣмъ же и васъ подводить?... Вы завтра будете женой оффиціальнаго лица... И каждый изъ насъ имѣетъ право и даже обязанъ уклоняться отъ даровыхъ оскорбленій.

И на это она не нашла что сказать. Все, что приходило ей въ голову, не разрѣшило бы ничего и ничему не помогло бы.

— Ужь до чего дошло, что надняхъ одинъ слётокъ... съ парижскихъ бульваровъ... Самое послѣднее слово охранительной молодежи... Сынокъ здѣшней одной богачки... Ростовщица она завѣдомая... мадамъ Лушкина...

«Наша знакомая»,—должна бы была сказать Антонина Сергѣевна, и опять промолчала.

— Такъ вотъ этотъ самый экземпляръ губернатору въ клубѣ сталъ выговаривать: «какъ, молъ, вы, mon général, допускаете, чтобы этотъ народъ—то-есть мы, грѣшные—бывалъ тамъ же, куда и мы ѣздимъ?...» Видите, куда пошло? Точно таракановъ, извините, хотятъ истребить, загнать въ холодную избу...

Онъ закашлялся и отеръ лобъ платкомъ.

— Стало быть, Левъ Андреичъ,—чуть слышно сказала она,—вы пришли прощаться со мной?

— Такъ лучше будетъ, Антонина Сергѣевна.

— Вы и меня,—продолжала она, охваченная тяжелымъ волненіемъ,—и меня будете считать солидарной со всѣми этими...

Словъ ей недоставало.

— Зачѣмъ же-съ?... Каждому свой крестъ... Вы мужа любите, дѣтей также... Бороться женщинѣ, въ вашемъ положеніи, слишкомъ трудно, да и безплодно...

— Вы это говорите?

— Я-съ! Что-жь? Я человѣкомъ дѣйствія никогда не былъ! Да и здѣсь-то очутился,—онъ смѣшливо тряхнулъ головой,—знаете, въ *Игрокахъ* Гоголя говоритъ Замухрышкинъ: «Купецъ попался по причинѣ своей глупости». Такъ и вашъ покорный слуга.

Онъ хотѣлъ ей позолотить пилюлю, но его прощаніе съ ней значило, что онъ и ее видитъ на той же наклонной плоскости, какъ и ея мужа.

Вдругъ между ними оборвался разговоръ. Какъ-то неприлично стало разспрашивать его про его занятія, про надежду уѣхать отсюда... Онъ былъ сконфуженъ своимъ объясненіемъ и опять началъ нервно утюжить ладонями свои колѣни.

Никогда еще ничего подобнаго она не испытывала. Горячее слово, смѣлое душевное движеніе не являлось. Она пассивно страдала и—только.

— Что-жь?—наконецъ, выговорилъ онъ и взялъ шапку съ сосѣдняго стула.—Дифференціація происходитъ теперь и пойдетъ все гуще забирать. Прогрессъ-то, Антонина Сергѣевна, не прямой линіи держится, а спирали, и—мало еще—крутой спирали.

— Да,—со вздохомъ отвѣтила она и поняла, что въ ея «да» было нѣчто постыдно-подчиненное.

XII.

— Анна Денисовна Лушкина съ сыномъ,—раздался въ дверяхъ докладъ лакея.

Ихменьевъ весь опять съежился и еще ниже опустилъ голову.

Прежде чѣмъ Антонина Сергѣевна сказала лакею: «просите», въ гостиной уже раздались грузные шаги и свистящій звукъ тяжелаго шелковаго платья.

— Позвольте мнѣ удалиться,—почти шепотомъ сказалъ Ихменьевъ и всталъ.

Она поглядѣла на него все еще съ покраснѣвшими щеками и тихо выговорила:

— Пожалѣйте меня... Я должна принимать такихъ барынь...

И эти слова отдались у нея внутри чѣмъ-то двойственнымъ, тягостнымъ.

— Ахъ, chère Антонина Сергѣевна,—раздался рѣзкій, низкій голосъ толстой дамы, затянутой въ узкій корсажъ, въ высокой шляпкѣ и боа изъ песцовъ. Щеки ея, порозовѣвшія отъ морознаго воздуха, лоснились, брови были подведены, въ ушахъ блестѣли два «кабошона», зубы, бѣлые и большіе, придавали ея рту, широкому и хищному, непріятный оскалъ.

Въ быстромъ боковомъ взглядѣ Ихменьева на эту даму Антонина Сергѣевна могла прочесть что-то даже вродѣ испуга.

За матерью шелъ сынъ, такого же сложенія, жирный, уже об-

рюзглый, съ женскимъ складомъ туловища, одѣтый въ обтяжку; бѣлокурая и курчавая голова его сидѣла на толстой, бѣлой шеѣ, точно вставленной въ высокій воротникъ. Онъ носилъ шершавые усики и маленькіе бакенбарды. На пухлыхъ рукахъ, безъ перчатокъ, было множество колецъ. На видъ ему могло быть отъ двадцати до тридцати лѣтъ. Безкровная бѣлизна лица носила въ себѣ что-то тайно-порочное и глаза, зеленоватые и круглые, дышали особаго рода дерзостью.

— А вотъ и мой Никсъ... Рекомендую... вы его совсѣмъ еще не знаете... Прямо съ перваго представленія «Théâtre libre», гдѣ давали и *Власть тьмы*... Bonjour!...

Толстуха пожимала руку хозяйки и шумно усаживалась. На Ихменьева она взглянула вбокъ и даже не поклонилась ему. Онъ уже ретировался къ двери, держа свою шапку неловкимъ жестомъ правой руки.

Никсъ тоже не поклонился ему и только оправилъ свой узкій пиджакъ, выставлявшій его жирныя ляшки.

Для хозяйки минута была самая тягостная. Она не могла представить Ихменьева. Но и удерживать его не рѣшалась. Ее разбиралъ страхъ, какъ бы гостья или ея сынъ не спросили ее: кто этотъ страннаго вида господинъ и какъ онъ попалъ къ ней? Тогда пришлось бы выслушать что-нибудь злобно-пошлое или нахальное, или давать объясненія, которыя для нея были бы слишкомъ унизительны.

Довольно уже и того, что она должна принимать эту Лушкину, ростовщицу, которой полугубернія должна, извѣстную и въ Петербургѣ, гдѣ она даетъ деньги и подъ закладъ разныхъ «objets d'art», а оцѣнщикомъ ей служитъ сынъ.

Давно ли Александръ Ильичъ говорилъ о ней, какъ о презрѣнной личности, возмущался тѣмъ, что ей повсюду почетъ и пріемъ, а теперь—она ихъ гостья. И онъ съ ней любезенъ, потому что она очень вліятельна въ губерніи; если бы хотѣла, могла бы кого угодно провести въ какую угодно выборную должность... А объ этомъ Никсѣ мужъ ея выражался какъ о «гадинѣ» и подозрѣвалъ его въ несказуемыхъ тайныхъ порокахъ.

И вотъ она сама пожимаетъ руку этой ростовщицы, а затѣмъ и руку ея сына, господина Андерса. Онъ былъ ея сынъ отъ перваго брака за богатымъ желѣзно-дорожникомъ. Вдовѣетъ она во второй разъ. Лушкинъ—мѣстный домовладѣлецъ и помѣщикъ—оставилъ ей въ пожизненное пользованіе нѣсколько имѣній, два винокуренныхъ завода и подмосковную дачу.

Съ такими-то средствами она не пренебрегала и мелкимъ ростомъ, брала, говорятъ, по пяти процентовъ въ мѣсяцъ съ замотавшихся офицеровъ и купчиковъ, съ малолѣтковъ и даже черезъ завѣдомыхъ плутовъ—своихъ агентовъ.

По тону, языку, туалетамъ и манерамъ она настоящая русская барыня дворянскаго круга. Съ нею всѣмъ ловко, она умѣетъ найти съ кѣмъ хотите подходящій разговоръ, знаетъ все, что дѣлается въ Петербургѣ, въ высшихъ и всякихъ другихъ сферахъ, знакома съ заграничною жизнью, какъ никто, живетъ и въ Монте-Карло, и въ Біаррицѣ, и въ Парижѣ, гдѣ ея сынъ на половину и воспитывался, читаетъ все модное, отличается даже новымъ вкусомъ къ литературѣ, не боится говорить про романы и пьесы крайняго натуралистическаго направленія. При этомъ, когда нужно, льстива на особый манеръ, терпима къ уклоненію отъ седьмой заповѣди и въ мужчинахъ, и въ женщинахъ.

— Type d'une proxénète classique!—опредѣлялъ ее еще недавно Александръ Ильичъ.

Гостья съ сыномъ расположили свои мясистыя туловища и начали какъ-то отдуваться.

— Quelle tête!—полугромко выговорилъ Никсъ и кивнулъ матери головой по направленію къ двери, куда скрылся Ихменьевъ.

— Какой-нибудь... просящій,—отозвалась Лушкина и, приблизивъ свою громадную грудь къ хозяйкѣ, добавила:—Вы, вѣдь, ангельской доброты... васъ всякіе народы должны осаждать... и вы никому не можете отказать...

Это было сказано тономъ, какимъ люди трезвые и воздержные говорятъ про сластолюбцевъ.

Но ни мать, ни сынъ не полюбопытствовали узнать фамилію ушедшаго гостя. Лушкина нигдѣ не встрѣчала Ихменьева, а Никсъ мало зналъ городъ.

Антонина Сергѣевна уже и этому была рада, но ей приходилось играть роль любезной хозяйки. Она не могла ни миной, ни словомъ выразить, какъ визитъ этой женщины противенъ ей. У ней уже складывалась, помимо ея воли, особаго рода улыбка для пріема гостей, и эту улыбку она разъ подмѣтила въ зеркалѣ, стала попрекать себя за такое игранье комедіи и кончила тѣмъ, что перестала слѣдить за собой.

Лучше уже носить маску, чѣмъ выставлять на-показъ свою душу передъ такими созданіями, какъ вліятельная знакомая Александра Ильича.

— Отъ такихъ господъ нынче никуда не спасешься, — заго-

ворилъ Никсъ и повелъ красными губами чувственнаго рта. — Je présume, madame, que ce n'est pas un anarchiste... Здѣсь, вѣдь, и такіе обрѣтаются... Я надняхъ позволилъ себѣ прочесть почтительную мораль нашему старичку-простяку за то, что онъ этихъ господъ слишкомъ распустилъ. Удовольствіе сидѣть съ такимъ индивидомъ въ столовой клуба и видѣть, какъ онъ—pardon—чавкаетъ и въ антрактахъ бросаетъ на васъ «des regards scrutateurs et corrosifs».

Очень довольный обоими французскими прилагательными, Никсъ хлопнулъ себя по ляшкѣ и улыбнулся матери.

Она громко расхохоталась низкими нотами и сейчасъ же протянула свою, обтянутую длинною перчаткой, руку къ колѣнямъ Антонины Сергѣевны.

— Вы, chérie, выше всякихъ житейскихъ чувствъ... Вы у насъ святая. Но и вамъ надо быть немножко построже... Отдѣлять овецъ отъ козлищъ. Вотъ дайте срокъ. Завтра вы будете уже не Антонина Сергѣевна Гаярина, tout court, а ея превосходительство Антонина Сергѣевна... Вы знаете... Никсъ, онъ у меня на выборахъ... одинъ изъ gros bonnets, несмотря на молодость лѣтъ. Никсъ предлагалъ уже прямо поднести вашему мужу шары на тарелкѣ, какъ это дѣлалось въ доброе старое время, когда у всѣхъ господъ дворянъ стояли скирды на гумнѣ за нѣсколько лѣтъ и хлѣбъ не продавали на корню. Вы на меня смотрите, точно я вамъ разсказываю un conte à dormir debout. Ха-ха-ха! Вы, кажется, голубушка моя милая, ни разу не показывались на хорахъ? Не были ни разу?

— C'est d'un grand tacte!—замѣтилъ важно и любезно Никсъ и наклонилъ голову по адресу хозяйки съ жестомъ пухлой руки, покрытой кольцами.

— О, да! Это такъ! Она у насъ себѣ на умѣ! Подъ шумокъ за всѣмъ слѣдитъ. Вы знаете, добрая моя, je me tue à demontrer, что Александръ Ильичъ, хоть онъ и ума палата, и ученъ, и энергиченъ, безъ такой жены, какъ вы, не былъ бы тѣмъ, что онъ есть! N'est-ce pas petit? — спросила гостья сына и, не дожидаясь его отвѣта, опять прикоснулась рукой къ плечу хозяйки.

Ту внутренно поводила худо скрываемая гадливость, но она способна была начать кусать себѣ языкъ, только бы ей не выдать себя.

Никогда она еще такъ не раздваивалась. И ее, быть можетъ, впервые посѣтило такое чувство рѣшимости—уходить въ свою раковину, не мирясь ни съ чѣмъ пошлымъ и гадкимъ, не открывать

своей души, не протестовать, не возмущаться ничѣмъ, а ограждать въ себѣ и отъ мужа то, чего никто не можетъ отнять у нея. Только такъ она и не задохнется, не разобьетъ своей души разомъ, сохранитъ хоть подобіе вѣры въ себя и свои идеалы.

И она вынесла прикосновеніе жирной руки раздутой ростовщицы и не крикнула имъ:

— Подите вонъ отъ меня!

XIII.

— А! вотъ и виновникъ завтрашняго торжества! — вскричала Лушкина и завозилась въ креслѣ всѣмъ своимъ ожирѣвшимъ корпусомъ.—Александръ Ильичъ! Arrivez! Recevez mes félicitations anticipées!

Къ матери присоединился и сынъ. Онъ шумно всталъ и, подойдя къ Гаярину, началъ трясти ему, по-англійски, руку.

— Hourrah! Hoch!—крикнулъ онъ.

Александръ Ильичъ остановился около дверей, сдержанная улыбка скользила подъ усами, глаза съ веселою важностью глядѣли на всѣхъ. Взглядовъ жены своей онъ не избѣгалъ.

— Откуда вы?—спросила Лушкина.—Изъ какой-нибудь коммиссіи? Сегодня, вѣдь, пауза? Общихъ выборовъ нѣтъ?

— Гдѣ я былъ?—сказалъ Гаяринъ, подавая ей руку и присаживаясь.—У преосвященнаго.

— Chez monseigneur Léonce?—смѣшливо переспросила гостья.

— Да-съ, — отвѣтилъ полусерьезно Гаяринъ, — и провелъ у него очень интересныхъ полчаса. Старика я до сихъ поръ почти не зналъ. Оригиналенъ и уменъ, хотя и смотритъ мужикомъ.

Этотъ визитъ архіерею не изумлялъ Антонины Сергѣевны. Какъ же иначе? Вѣдь, онъ уже считаетъ себя, наканунѣ выборовъ, губернскимъ сановникомъ. Безъ визита преосвященному нельзя обойтись, если желаешь полной «реабилитаціи».

Она этими словами и подумала.

— Bonjour, Nina,—онъ обернулся въ ея сторону,—мы съ тобой еще не видались,—и онъ добавилъ, обращаясь къ гостямъ:— Цѣлый день, съ девяти часовъ, я все разъѣзжаю... Не успѣлъ даже завернуть въ правленіе.

— Vous lachez la boutique?—спросилъ Никсъ.

— Разумѣется,— отвѣтила гостья за Гаярина. — Александръ Ильичъ не будетъ... какъ это нынче говорятъ?.. совмѣстителемъ. Да этого и нельзя на такомъ посту...

— Pardon,—остановилъ онъ ее жестомъ своей руки,—вы обо мнѣ говорите, какъ будто я уже ѣздилъ въ соборъ присягать.

— Ахъ, полноте, Александръ Ильичъ, вы приняли кандидатуру... Чего же больше? Васъ выберутъ единогласно! Въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ... Да еслибъ вы упирались, васъ насильно надо бы выбрать... Но вы упираться не будете. C'est vieux jeu! Знаете, какъ когда-то самые умные политики... ха, ха!.. Борисъ Годуновъ... Василій Шуйскій... Всѣмъ народомъ ходили къ нимъ и били челомъ. Тогда безъ этого нельзя было... Да и пора намъ имѣть настоящаго предводителя сословія, которое желаютъ поднять! Вы знаете,—повернулась она къ Антонинѣ Сергѣевнѣ,—вы живете въ домѣ испоконъ вѣку предводительскомъ...

— C'est prédestiné!...—вырвалось у Никса.

— C'est ça!—подтвердала мать и громко перевела духъ—корсетъ давилъ ей грудь и щеки стали изсиня-красныя.

Антонина Сергѣевна не обронила ни одного звука. Да ей и не нужно было занимать гостей. Они оба—и мать, и сынъ—въ запуски болтали. Не хотѣла она и дѣлать наблюденій надъ своимъ мужемъ. Развѣ онъ не чувствуетъ себя въ своей тарелкѣ, и въ присутствіи той самой Лушкиной, которую считалъ,—наравнѣ съ ея сынкомъ,—еще года три тому назадъ, «гадиной»? Она не видитъ его лица, но слышитъ голосъ и можетъ отвѣтить за него, что онъ настроенъ превосходно: принимаетъ поздравленія, наканунѣ выбора съ джентльменскою скромностью дѣлаетъ оффиціальные визиты. Никакихъ у него нѣтъ ни колебаній, ни раздвоеній. Онъ себѣ вѣренъ.

Эта фраза: «онъ себѣ вѣренъ» пришла ей сейчасъ, и она чуть не засмѣялась вслухъ,—до такой степени слова эти выражали то, что̀ теперь представлялъ собою Александръ Ильичъ.

О чемъ-то еще шелъ шумный разговоръ, съ возгласами Никса, вставлявшаго свои бульварныя словечки, и удушливою переборкой дыханія его матери. Но о чемъ они говорили, она не слыхала.

— Nina!—вывелъ ее изъ полузабытья гибкій голосъ мужа.

Гостья уже поднялась и протягивала ей руку. Мужъ глядѣлъ на нее недоумѣвающе-холодными глазами. Ей стало стыдно и она что-то пробормотала на прощаніе и матери, и сыну.

Но провожать ихъ не пошла. Александръ Ильичъ, съ особенно изысканными интонаціями, говорилъ гостьѣ, проходя съ ней по гостиной, какія-то любезности.

Къ женѣ Гаяринъ не вернулся. Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Ему надо было наскоро переодѣться. Усталости онъ не чув-

ствовалъ, хотя цѣлый день былъ на ногахъ, и даже забылъ о завтракѣ.

Въ клубѣ давали ему обѣдъ—онъ зналъ, съ какою цѣлью. Устроителями обѣда были трое уѣздныхъ предводителей. И это придавало особенно лестный характеръ этому банкету. Значитъ, естественные кандидаты на мѣсто губернскаго предводителя не считали себя настолько достойными занимать эту должность, насколько былъ достоинъ онъ.

И каждый изъ нихъ отлично знаетъ, что Александръ Ильичъ Гаяринъ не пускалъ въ ходъ ни малѣйшей интриги. Его приглашаютъ, о немъ всѣ говорятъ, какъ объ «единственномъ» человѣкѣ въ губерніи, способномъ «держать высоко знамя». Въ него всѣ вѣрятъ и никто не позволяетъ себѣ самаго невиннаго намека на его недавнее прошлое, не то что въ глаза, но, вѣроятно, и за глаза.

Передъ зеркаломъ, надѣвая на себя бѣлый галстукъ, Александръ Ильичъ обдумывалъ остовъ своего спича. Къ нему, конечно, будетъ обращена рѣчь одного изъ хозяевъ обѣда. Что бы ни сказали ему, отвѣтъ долженъ быть въ общихъ чертахъ готовъ. До сихъ поръ онъ только на земскихъ съѣздахъ имѣлъ случай говорить. Его всегда слушали съ большимъ вниманіемъ и онъ обладалъ несомнѣнною способностью къ импровизаціи. Но на экспромты онъ смотрѣлъ какъ на игру, на взбиваніе пѣны. Онъ гораздо выше ставилъ краснорѣчіе съ серьезною подготовкой, постройку стройныхъ періодовъ, полныхъ фактическихъ данныхъ.

Въ послѣдніе два года, сидя въ правленіи промышленнаго общества, онъ не могъ дать ходъ своему ораторскому дарованію. Цифры, балансы, конторская корреспонденція, изрѣдка дѣловой споръ, и только. Все это было рѣшительно ниже того, къ чему онъ считалъ себя призваннымъ,—къ крупной общественной роли.

Туалетъ былъ оконченъ. Пора и ѣхать. Заставлять себя дожидаться считалъ онъ величайшею непорядочностью. Заходить къ Антонинѣ Сергѣевнѣ—незачѣмъ. Обѣдалъ ли у ней кто-нибудь, онъ не зналъ. О томъ, что онъ приглашенъ сегодня, ей извѣстно.

Но онъ, все-таки, повернулъ изъ дверки корридорчика не направо, къ передней, а налѣво.

Пускай она увидитъ его въ парадѣ. Уѣхать не простившись—это какъ бы избѣгать ея нравственнаго контроля надъ собою, или признавать его, дѣлать что-нибудь изподтишка.

Этого онъ не хотѣлъ. Пускай она привыкаетъ къ тому, что законно и естественно происходитъ въ ея мужѣ.

— Нина! ты здѣсь?—окликнулъ онъ ее по срединѣ гостиной.

— Я здѣсь,—отвѣтила она отъ своего письменнаго стола.

— Я ѣду на обѣдъ. И боюсь опоздать... Ты никого не ждешь къ себѣ?

— Никого.

По звуку ея голоса онъ ничего не могъ разпознать, тревожна она или спокойна.

Да и пора бросить это постоянное распознаваніе душевныхъ настроеній Антонины Сергѣевны.

Онъ дошелъ до дверей ея будуара. Антонина Сергѣевна писала письмо.

«Вѣчныя изліянія въ письмахъ,—подумалъ онъ.—Нѣтъ никакой нормальной программы жизни».

Александръ Ильичъ долженъ былъ бы прибавить: «Нѣтъ дѣтей, и въ этомъ виноватъ я»; но этой прибавки онъ не сдѣлалъ.

— Прощай, мой другъ,—сказалъ онъ, смягчая свой голосъ, и подошелъ къ столу.—Обѣдъ затянется.

— Его даютъ тебѣ?—спросила она глухо, но довольно спокойно.

Онъ ничего не отвѣтилъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

И когда его шаги затихли, Антонина Сергѣевна приложила ладонь руки ко лбу и подумала съ упрекомъ себѣ: «Зачѣмъ я его спросила насчетъ обѣда? Какъ это не умно и мелко!»

Она тутъ же дала себѣ слово отнынѣ не дѣлать никакихъ замѣчаній вслухъ, уйти въ себя, а наружно исполнять все, что будетъ отъ нея требовать новое общественное положеніе Александра Ильича.

По крайней мѣрѣ, она сохранитъ незапятнанной свою «святая-святыхъ». И тогда только выступитъ изъ этой пассивной роли, когда личность мужа совсѣмъ погибнетъ, на ея оцѣнку.

Она продолжала письмо къ своей матери въ Петербургъ, гдѣ въ объективномъ тонѣ разсказывала про успѣхи Александра Ильича. Она знала, что ея матери все это было чрезвычайно пріятно... Прежній Гаяринъ скрылся навсегда для тщеславной и набитой сословностью жизни.

XIV.

Лихачъ Ефимъ Иванычъ только что отвезъ сѣдока изъ дворянскаго собранія и вернулся на свою биржу покормить лошадь. Сегодня ѣзды было порядочно, даже его бурый упрѣлъ немножко.

И опять притащился тотъ Ванька, что съ недѣлю передъ тѣмъ

стоялъ тутъ и вступилъ въ разговоръ насчетъ Александра Ильича Гаярина.

На этотъ разъ самъ Ефимъ Иванычъ окликнулъ его:

— Ты, паря,—полунасмѣшливо обратился къ нему,—баринъ-то,—и онъ показалъ кнутомъ на розовый домъ,—Александръ-то Ильичъ... Гаяринъ...

— Нешто?—отозвался мужичокъ.

— Въ предводители седни выбрали... въ губернскіе... Чуешь?

— Такъ, такъ.

— Сейчасъ расходиться начало... собраніе-то. Мнѣ баринъ одинъ сказывалъ... отвозилъ я его въ гостиницу.

— Въ гору, значитъ, пошелъ?

— Надо полагать.

Больше Ефимъ Иванычъ ничего не сказалъ, а воззрился вдоль улицы и сталъ распознавать, чьи господскія сани ѣдутъ по направленію къ перекрестку, тоже отъ собранія.

— Лушкиной сынокъ катитъ,—выговорилъ онъ.—Экъ жиру-то нагулялъ! Въ мать!

Это былъ, дѣйствительно, Никсъ. Онъ полетѣлъ поздравить Антонину Сергѣевну съ избраніемъ Александра Ильича.

Мать его осталась еще на хорахъ, гдѣ собралось давно небывалое количество дамъ. Всѣ удивлялись тому, что не было Гаяриной. Въ городѣ знали про ея «красныя» идеи, не прощали ей домосѣдства, малаго желанія принимать у себя, считали странной и надутой, жалѣли, что у такого блестящаго мужчины, какъ Александръ Ильичъ, такая поблекшая и неэффектная жена.

Никсъ сильно позвонилъ, не спросилъ у лакея, принимаетъ ли Антонина Сергѣевна, далъ стащить съ себя узкое, на пуху, пальто и безъ доклада пробѣжалъ залу и гостиную. Его заграничная обувь издавала скрипъ.

— Chère madame!—крикнулъ онъ въ гостиной.—Je vous félicite! Pardon, что такъ вламываюсь къ вамъ; но я хотѣлъ первымъ принести вамъ радостную вѣсть!

Антонина Сергѣевна лежала на кушеткѣ. Съ утра она страдала припадками невралгіи, но съ этими приступами своей обычной болѣзни она давно помирилась, не сказывалась изъ-за нихъ больной и въ постель никогда не ложилась.

На хоры она не ѣздила, съ самаго начала выборовъ, и Александръ Ильичь ни разу не спросилъ ее, отправляясь поутру изъ дому, думаетъ ли она побывать въ собраніи.

Невралгія давала ей законный поводъ не выходить изъ спальни именно сегодня, но она не сдѣлала этого нарочно.

Появленіе нестерпимо-противнаго ей сына Лушкиной было началомъ сегодняшнихъ испытаній. Она поздоровалась съ нимъ любезно, съ разъ навсегда установленною улыбкой, даже извинилась, что принимаетъ полулежа.

— Ваша невралгія должна пройти!—вскричалъ онъ, разсаживаясь около нея.—Въ нее наши дамы не повѣрятъ. Нѣкоторыя находятъ, что вы должны бы участвовать въ торжествѣ вашего мужа, тамъ, наверху... Но мы съ maman нашли ваше поведеніе какъ нельзя болѣе тонкимъ... Вы—большой дипломатъ, Антонина Сергѣевна!

Жирный смѣхъ заколыхалъ его женоподобное пухлое тѣло, затянутое въ дворянскій мундиръ. Шитый золотомъ красный воротникъ подпиралъ его двойной подбородокъ. Мундиръ былъ застегнутъ.

— Вы видите, я устремился къ вамъ въ полной парадной формѣ. Александра Ильича еще не скоро выпустятъ... Сегодня мы съ maman у васъ обѣдаемъ. Вы этого не знаете? Ха, ха, ха! Vous serez complimentée par toute une députation!

Голова у ней все сильнѣе разбаливалась, но она продолжала принимать гостей, перешла изъ будуара въ гостиную и сѣла на диванъ, говорила очень мало, всѣмъ улыбалась. Передъ ней мелькали женскія и мужскія лица, нѣкоторые мужчины подходили къ рукѣ, пріѣхалъ и старичекъ-губернаторъ, и до шести часовъ въ гостиной гудѣлъ разговоръ, кажется, подавали чай. Чувствовалось большое возбужденіе... Незадолго до обѣда явился Александръ Ильичъ, тоже въ мундирѣ... Она помнитъ, какъ въ туманѣ, что онъ ее поцѣловалъ, пожалъ руку и сказалъ:

— Merci, chérie!

За что онъ ее благодарилъ, она не знала. Лицо у него было блѣдное, благодушно-привѣтливое и глаза блестѣли.

Потомъ былъ обѣдъ человѣкъ на двадцать... Половину мужчинъ она видѣла въ первый разъ... Кажется, это были все уѣздные предводители... Губернаторъ тоже остался обѣдать, сидѣлъ рядомъ съ нею, посрединѣ стола, противъ Александра Ильича.

Много тостовъ выслушала она... Ея здоровье пили нѣсколько разъ... Говорили и застольныя рѣчи. Какой-то уѣздный предводитель запутался и никакъ не могъ найти подходящаго выраженія, краснѣлъ, отдувался, расплескалъ вино... И хозяину пришлось отвѣчать настоящимъ спичемъ на англійскій манеръ.

Слушала она его, точно совсѣмъ чужаго, даже голосъ казался ей страннымъ, и никакъ не могла схватить ни одной опредѣленной мысли. Все ускользало отъ нея, расплывалось. Какое-то актерство въ манерѣ говорить и выраженіе лица подмѣчала она, однако, когда ея взглядъ доходилъ до него черезъ столъ.

Благодаря головной боли, не позволявшей ей ни во что хорошенько вслушиваться и къ чему-либо присматриваться, она не испытывала никакихъ новыхъ непріятныхъ ощущеній. Но къ дессерту ей стало такъ плохо, что сидѣвшій рядомъ съ нею губернаторъ спросилъ ее:

— Антонина Сергѣевна, что съ вами? Вы перемогаетесь... Пошли бы вы отдохнуть.

Въ его добрыхъ глазахъ она могла бы прочесть сожалѣніе о женской слабой натурѣ, не совладѣвшей съ радостнымъ волненіемъ. И онъ вѣрилъ въ то, что она сердцемъ сливается съ мужемъ въ одномъ чувствѣ успѣха и всеобщаго признанія его достоинствъ.

Но будь она и совсѣмъ здорова, сиди онъ у ней одинъ и выскажись въ такомъ именно смыслѣ, она не стала бы разубѣждать его.

Наконецъ, и мужъ замѣтилъ ея мертвенную блѣдность и растерянный видъ и черезъ столъ тихо спросилъ ее:

— Tu te sens mal, Nina?

Она покачала головой и готова была сидѣть, но губернаторъ привсталъ и, обратившись къ хозяину, сказалъ:

— Вы позволите?

За нимъ поднялись и всѣ остальные.

Она совсѣмъ уже не помнила, какъ очутилась, одѣтая, за перегородкой, на постели. Никогда съ ней не бывало обмороковъ, даже и отъ сильнѣйшихъ головныхъ болей.

Невралгія начала ослабѣвать, перешла изъ брови и праваго глаза къ затылку. Но у ней все вылетѣло изъ головы: визиты, поздравленія, спичи. Только минутъ черезъ десять она вспомнила, что Александръ Ильичъ—губернскій предводитель.

Дверь въ ея будуаръ затворили, но до слуха ея доносились мужскіе голоса... Должно быть, играютъ въ залѣ, на нѣсколькихъ столахъ. Помѣщичья жизнь начиналась... Такъ будетъ теперь каждый день. Домъ у нихъ долженъ быть «открытый».

Изъ дверки, выходившей въ корридоръ, показалась ея горничная. Въ полутемнотѣ она не сразу узнала ее.

— Это вы, Маша?

— Я-съ. Вамъ не угодно раздѣться, барыня?

Она ее называла прежде «Антонина Сергѣевна», а потомъ «барыня». Почему же не «ваше превосходительство»? Вѣроятно, лакеи уже такъ говорятъ ея мужу.

— Нѣтъ, Маша,—слабымъ голосомъ отвѣтила она,—я такъ полежу. Который часъ?

— Скоро десять.

— Я позвоню... Ступайте!

Она лежала одна, и это одиночество не пугало ее. Съ нимъ надо помириться на всю жизнь. Дѣтей ей не возвратятъ... Когда они кончатъ курсъ, она не найдетъ въ нихъ того, о чемъ мечтала... Во всемъ городѣ у ней нѣтъ ни одной пріятельницы, и въ домѣ она теперь будетъ добровольною изгнанницей.

Дверь изъ гостиной позади портьеры тихо отворилась.

Антонина Сергѣевна узнала шаги мужа и тотчасъ же закрыла глаза.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ онъ, подходя на цыпочкахъ къ кровати.—Не послать ли за докторомъ?

— Мнѣ лучше... Не безпокойся.

Онъ нагнулся надъ нею и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Бѣдная,—снисходительно выговорилъ онъ,—ты не привыкла къ такимъ шумнымъ пріемамъ.

— Привыкну,—прошептала она и опять закрыла глаза.

Въ этомъ словѣ «привыкну» онъ не почувствовалъ ироніи. Ему хотѣлось вѣрить, что въ его женѣ, послѣ недавней бурной сцены, произошла благодѣтельная реакція.

«Она умна,—думалъ онъ,—и должна была кончить этимъ».

— Тебя гости не безпокоятъ... изъ залы?

— Нисколько.

— Засиживаться они не будутъ.

— Пускай играютъ,—выговорила она такимъ тономъ, что Александръ Ильичъ вышелъ совершенно довольный ею.

XV.

Поѣздъ подходилъ къ Петербургу. Въ отдѣленіи вагона перваго класса Антонина Сергѣевна ѣхала одна. Мужъ ея любилъ вагоны съ креслами. Она проснулась еще до свѣта. И мысль о скоромъ свиданіи съ дѣтьми заставила ее подняться съ трипöваго дивана.

Еще какихъ-нибудь два-три часа—и она увидитъ на вокзалѣ Сережу. Онъ уже большой мальчикъ, носитъ трехугольную шляпу.

Лили не пустятъ... У нихъ теперь повѣтріе «свинки» – неизбѣжная институтская болѣзнь. Она недавно только оправилась.

Но отчего же въ ней нѣтъ захватывающей радости?... Скорѣе тревога, точно она ждетъ какой-нибудь бѣды. Эта поѣздка случилась, вѣдь, гораздо раньше, чѣмъ она разсчитывала въ началѣ зимы.

Да; но такъ понадобилось Александру Ильичу. Онъ, по утвержденіи въ должности,—ей извѣстно, *какъ* онъ трусилъ, что его не утвердятъ,—на радостяхъ рѣшилъ тотчасъ же ѣхать «представляться».

Ей онъ предложилъ сопровождать его, повидаться съ дѣтьми, съ матерью, сестрой, кузиной. Въ домѣ кузины, княгини Мухояровой, они и остановятся. Нашлась цѣлая квартира съ мебелью, надъ бель-этажемъ.

Этой поѣздкѣ она очень обрадовалась; а теперь вотъ сидитъ, въ полутьмѣ зимняго хмураго разсвѣта, тревожная и недоумѣвающая. Она видитъ впредь, съ какими людьми, въ какихъ разговорахъ она проведетъ цѣлый мѣсяцъ. И въ кузинѣ она не найдетъ уже прежней своей Жени, съ которой переписывалась годами,—чуткой, способной сочувствовать всѣмъ ея завѣтнымъ идеямъ и стремленіямъ. Главный нервъ ея души точно оборвался. Все идетъ мимо ея воли и она ничего не можетъ ни остановить, ни измѣнить. Тотъ человѣкъ, кому она отдала всю себя, потому что увѣровала въ него и черезъ него поняла смыслъ жизни, «ѣдетъ въ другомъ вагонѣ». Это сравненіе пришло ей еще вчера, когда она очутилась одна въ своемъ отдѣленіи и заперла извнутри дверку. Одинъ поѣздъ мчитъ ихъ; но ѣдетъ онъ, а она только при немъ, какъ какой-то ненужный придатокъ...

Когда свѣту прибавилось, она занялась своимъ туалетомъ: поправила прическу, освѣжила голову одеколономъ, уложила опять свои вещи въ дорожный мѣшокъ и сидѣла у полузаиндевѣлаго окна.

Къ ней постучались на станціи, гдѣ послѣдній буфетъ. Лакей-татаринъ принесъ ей чаю,—прислалъ его Александръ Ильичъ.

Мужъ передъ отъѣздомъ былъ къ ней особенно внимателенъ, съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ уклончивой снисходительности; точно онъ хочетъ показать ей, что считаетъ ее достойною сожалѣнія истеричною женщиной, съ которою онъ не можетъ уже ставить себя на одну доску.

Вотъ и Петербургъ. Поѣздъ замедлилъ ходъ, вошелъ подъ навѣсъ... Въ вагонъ ворвались нѣсколько артельщиковъ.

На платформѣ ее обняла кузина.

— Жени!... Милая!...

Жени въ бархатной шубкѣ, съ накладкой завитыхъ волосъ, въ открытой шляпѣ; на видъ еще очень молодая, съ запахомъ пудры. Но, обнимая ее, Антонина Сергѣевна не чувствовала своей прежней кузины.

Сережа, въ шинели съ бобрами и трехугольной шляпѣ, бросился сначала къ отцу. У нея онъ поцѣловалъ руку и все тыкалъ ее своею трехуголкой.

Ни мать, ни сестра не выѣхали ее встрѣтить.

— Grand maman,—говорилъ ей Сережа,—не совсѣмъ здорова... Tante Lydie хотѣла быть.

Сережа сталъ похожъ на отца, волосы его темнѣли, онъ смотрѣлъ почти юношей; голосъ у него срывался съ низкихъ нотъ на высокія.

— Какъ же мы ѣдемъ?—спросилъ Александръ Ильичъ, свѣжій и нарядный въ своей ильковой шубѣ и бобровой шапкѣ.

— Папа, я съ тобой!—запросился Сережа.—Мы въ парныхъ саняхъ.

Онъ опять поцѣловалъ руку у матери жестомъ молодаго человѣка и побѣжалъ за отцомъ. Ее пронизала мысль: «моего въ немъ ничего нѣтъ». И вся жизненная дорога этого мальчика была передъ ней какъ на ладони. Но онъ прямо начнетъ съ того, чѣмъ отецъ его кончаетъ.

— Какъ я рада тебя видѣть, Нина... Ты утомилась.

Возбужденный голосъ кузины раздался внутри кареты.

Онѣ держали другъ друга за руку... Княгиня Мухоярова улыбалась ей; но эта улыбка что-то не согрѣвала ее. Ей бы надо было прильнуть къ кузинѣ, но она не могла.

Плакать... изливаться... Въ чемъ? Новый, еще никогда ею не испытанный стыдъ удерживалъ ее.

— Какъ я рада,—продолжала говорить княгиня своимъ тонкимъ, немного простуженнымъ голосомъ,—какъ я рада, что вы будете жить у насъ! Мужъ твой—великолѣпенъ! Какъ онъ еще хорошъ!... И какая представительность! Конечно, ему надо было въ предводители!

— Ты думаешь?—спросила Антонина Сергѣевна и поглядѣла на кузину.

— Разумѣется, милая. Такъ мало людей съ желаніемъ служить обществу... Это надо цѣнить... Всѣ только кидаются въ дѣла... Вотъ и мой мужъ... Никакой роли, никакого высшаго честолюбія. Деньги и деньги, биржа, расширеніе оборотовъ... Но для этого до-

вольно и купцовъ, разныхъ спекулянтовъ, жидовъ!... Ахъ, Нина,— княгиня сантиментально вздохнула,—on finit toujours par un grand vide. Во мнѣ ты найдешь теперь... какъ это сказать?.. une crise, vrai!...

Она уже знала, что кузина съ нѣкоторыхъ поръ изучаетъ какія-то «теозофическія» науки, но въ своихъ письмахъ избѣгала вдаваться въ это, спрашивать ее подробно, что̀ это за науки.

— Une crise?—переспросила она по-французки и поглядѣла опять на пополнѣвшее и слегка напудренное лицо кузины.

«Неужели и я ударюсь во что-нибудь,—подумала она вслѣдъ затѣмъ,—въ редстокизмъ, въ буддизмъ или въ столоверченіе?»

— Ты еще должна быть счастлива!... У тебя мужъ—крупная личность. И мнѣ кажется, Нина, ты къ нему начинаешь относиться... слишкомъ односторонне.

— Можетъ быть,—кротко выговорила Антонина Сергѣевна.

— Ты какъ была восторженною дѣвушкой двадцать лѣтъ назадъ, такъ и осталась. C'est sublime, mais c'est trop simpliste.

— Simpliste?—повторила Гаярина.—Проста̀?—перевела она по-русски.

— Нѣтъ, не проста̀. Но... какъ это нынче пишутъ?.. прямолинейна! Voilà le mot!

Привычка пересыпать русскую рѣчь французскими фразами и прежде водилась за ея кузиной, но теперь это рѣзче бросалось и придавало разговору непріятный ей, суетный оттѣнокъ.

— И, наконецъ, Нина, милая, когда уйдешь душой въ такія сферы, откуда все кажется ничтожнымъ и тлѣннымъ, нельзя никого винить въ извѣстныхъ превращеніяхъ.

Послѣ маленькой паузы княгиня ниже наклонилась къ ней и спросила:

— Ты развѣ не допускаешь возможности перехода существъ? Одною жизнью еще не кончается бытіе.

«Что это такое?— спросила про себя, Гаярина,—шутовство или блажь?»

— Тебѣ кажется дикимъ, что̀ я говорю?... Ахъ, Нина, нельзя быть довольной обыкновенными объясненіями жизни... всего... Ты понимаешь?... Только ты не подумай, что я хочу тебѣ что-нибудь навязывать. Я не изувѣрка!... Я ищу просвѣта!... L'audelas!

Княгиня полузакрыла глаза, привлекла къ себѣ Гаярину и поцѣловала ее.

Въ этой ласкѣ опять сказалась ея мягкая натура, но весь ея

тонъ былъ уже таковъ, что Антонина Сергѣевна не могла заговорить съ ней, какъ съ испытаннымъ другомъ.

— Ты очень обсидѣлась,—продолжала кузина,—тамъ, въ твоемъ губернскомъ городѣ. У меня теперь бываетъ много народу, гораздо больше, чѣмъ прежде... Я, вѣдь, вродѣ тебя, была simpliste, нетерпима. А теперь... все это—вопросы направленія, цвѣта не важны... въ моихъ глазахъ. Вездѣ, и за границей, въ Англіи, во Франціи, мы видимъ, что общество ищетъ совсѣмъ другого.

— L'audelas?—спросила Антонина Сергѣевна.

— Нина, милая! Нельзя быть безъ просвѣта. Надо вѣрить въ чудо вселенной. Особенно въ наши лѣта, когда молодость прошла! Il faut la grande synthèse!...

Княгиня не договорила, еще разъ обняла Гаярину и поглядѣла въ окно.

— Твоя maman... немножко простудилась. Она боится инфлуенцы... Хочешь къ ней заѣхать сейчасъ, или ты перемѣнишь туалетъ и немного отдохнешь?... Maman очень обрадована! Все повторяетъ, что ея beau fils a trouvé son chemin de Damas! Ты ужь ей не противорѣчь.

— Я никому не противорѣчу!—сказала Антонина Сергѣевна и прибавила:—Къ maman я поѣду передъ обѣдомъ. Она, вѣдь, любитъ, чтобы я была всегда въ туалетѣ... И для нея теперь—слишкомъ рано.

Карета, остановившись, прервала ихъ разговоръ. Швейцаръ уже высадилъ Александра Ильича и Сережу.

XVI.

Въ парныхъ саняхъ отецъ и сынъ, когда ѣхали отъ вокзала, поглядывали одинъ на другаго. Они другъ другу нравились. Александръ Ильичъ видѣлъ, какъ Сережа дѣлается все похожѣе на него. Тотъ, за одинъ годъ, сильно возмужалъ. Трехуголка сидитъ на немъ молодцовато, надѣтая немного вбокъ. Бобровый воротникъ офицерской шинели покрываетъ ему, на половину, розовыя уши, на виски начесаны густые темно-каштановые волосы.

Такимъ былъ и онъ, въ его лѣта, также на бокъ надѣвалъ трехуголку и укутывался въ шинель съ бобровымъ воротникомъ движеніемъ правой руки. Но тогда онъ уже началъ читать разныя «неподходящія книжки». Или, быть можетъ, годомъ раньше. На нѣкоторыхъ изъ его класса, въ томъ числѣ на него, нашло точно какое-то повѣтріе. Изъ фанфаронства,—такъ онъ объясняетъ это

теперь,—стали они щеголять другъ передъ дружкой, добывать запрещенныя изданія, вести между собою тайныя бесѣды, кичиться своими «идеями». Только держались они прилично, даже франтовато, не считали нужнымъ выказывать свое «направленіе» въ неряшливости, запущенныхъ волосахъ и грязныхъ ногтяхъ.

Онъ зарвался больше всѣхъ остальныхъ. Съ тѣхъ *это* очень скоро соскочило и всѣ почти сдѣлали карьеру. Только онъ одинъ очутился у себя въ деревнѣ, съ запрещеніемъ выѣзжать изъ нея.

Сережа не тѣмъ смотритъ. Учится онъ не очень блестяще, но идетъ не изъ послѣднихъ; за то здоровъ, отлично ѣздитъ верхомъ, мило танцуетъ, французскій и англійскій акцентъ у него безукоризненный,—обѣщаетъ быть вполнѣ уравновѣшеннымъ юношей.

— Ты надолго, папа?—спросилъ онъ отца, повернувъ къ нему свое красивое лицо съ большими, болѣе плутоватыми, чѣмъ добрыми глазами.

— Недѣли три-четыре поживу,—ласково отвѣтилъ Гаяринъ.

— Ты, вѣдь, утвержденъ въ предводителяхъ?

— Какже, мой другъ.

— Ну, то-то!

Это восклицаніе Сережи вырвалось у него особеннымъ звукомъ и онъ слегка повелъ плечомъ.

— А что?—спросилъ отецъ, заинтересованный.

— C'est que, vois-tu...

Сережа заговорилъ по-французски и потише. Но его что-то затрудняло.

Александръ Ильичъ это сейчасъ же понялъ. Онъ замѣтилъ сыну, въ тонѣ сентенціи, что съ нимъ онъ долженъ всегда и во всемъ быть откровеннымъ.

Сережа, по-французски же, сообщилъ ему, что у нихъ въ классѣ уже давно ходили разные толки,—онъ даже одного своего товарища проучилъ,—будто Александръ Ильичъ «неблагонамѣренный», онъ такъ и выразился этимъ русскимъ словомъ, и былъ когда-то лишенъ всякихъ правъ, какъ заговорщикъ. Сережа употреблялъ слово «conspirateur»; а теперь, когда онъ всѣмъ сталъ разсказывать, что отца выбрали единогласно въ предводители, то Поль Кучкинъ громко крикнулъ: «никогда его не утвердятъ!»—и это такъ возмутило Сережу, что онъ хотѣлъ дать Полю Кучкину пощечину.

— Ce serait une violence inutile!—остановилъ его Александръ Ильичъ; но ему этотъ порывъ сына пришелся очень по душѣ.

Мальчикъ будетъ съ чувствомъ достоинства, съумѣетъ отстаивать свои права и окажется устойчивымъ въ борьбѣ за жизнь. И,

въ то же время, ему стало жутко отъ разсказа сына. Вотъ чему онъ подвергалъ Сережу въ стѣнахъ заведенія, гдѣ завязываются связи, гдѣ одинъ какой-нибудь нелѣпый слухъ, разошедшійся между товарищами, можетъ повредить всей карьерѣ молодаго человѣка.

Этотъ инцидентъ не мѣшаетъ, при случаѣ, разсказать Антонинѣ Сергѣевнѣ.

— Такъ тебя утвердили?—произнесъ Сережа, уже по-русски, радостными глазами взглянулъ на отца и закутался плотнѣе въ шинель.

Александръ Ильичъ не былъ въ Петербургѣ около двухъ лѣтъ. Онъ смотрѣлъ на длинную ширь Невскаго, на два ряда все тѣхъ же домовъ, и чувствовалъ, что у него нѣтъ внутри прежнихъ протестовъ, въ головѣ готовыхъ восклицаній. Онъ уже не повторялъ, какъ, бывало, прежде:

«Какая казенщина! Нѣтъ ни оригинальности, ни климата, ни красоты, ни оживленія!»

Не цитировалъ онъ вслухъ и стиха Пушкина:

«Скука, холодъ и гранитъ!»

Напротивъ, городъ казался ему чрезвычайно бойкимъ, съ достаточною долей европеизма; его наполняло особое, неизвѣданное имъ ощущеніе какой-то новой связи съ тѣмъ, что составляетъ нервъ Петербурга. Въѣзжалъ онъ въ него не фрондирующимъ, полуопальнымъ помѣщикомъ, а особой, представителемъ сословія цѣлой губерніи, человѣкомъ, въ душѣ котораго перегорѣло все ненужное, глупо-тревожное, всякій нечистоплотный и вредный задоръ.

Тогда онъ изводилъ себя на безплодное умничанье. Что-жь? Тотъ лицеистикъ, который назвалъ его въ лицо сыну «заговорщикомъ», un conspirateur—правъ. Но *какимъ* онъ былъ, въ сущности, заговорщикомъ? Самымъ жалкимъ! Вѣдь, онъ просидѣлъ въ деревнѣ болѣе десятка лѣтъ въ унизительной роли, которая лишь восторженной Антонинѣ Сергѣевнѣ представлялась мученичествомъ. И не возьмись онъ за умъ, до сихъ поръ тянулось бы нелѣпое прозябаніе въ усадьбѣ, когда каждая жилка въ немъ трепещетъ потребностью быть на виду.

— Вотъ мы и дома!—крикнулъ Сережа и распахнулъ полость саней.

Двѣ кареты съ дамами и багажомъ отстали отъ нихъ.

Домъ стоялъ на набережной, трехъэтажный, барскій, съ монументальнымъ подъѣздомъ. Швейцаръ высадилъ ихъ, въ ливреѣ, бритый, съ брюшкомъ, очень важный. Но и онъ, снимая картузъ

передъ Гаяринымъ, на особый ладъ осклабился и выговорилъ отчетливо и вкусно:

— Съ пріѣздомъ имѣю честь поздравить, ваше превосходительство!

Слова «ваше превосходительство» схватилъ Сережа и покраснѣлъ отъ удовольствія.

Да, онъ будетъ теперь сыномъ особы четвертаго класса и надписывать на своихъ письмахъ отцу и матери: «его или ея превосходительству».

— Во второй этажъ пожалуйте,—доложилъ швейцаръ, пошелъ впередъ и позвонилъ у квартиры, приходившейся надъ помѣщеніемъ ихъ кузины.

Эту квартиру занималъ семейный иностранецъ изъ посольскихъ, долженъ былъ внезапно уѣхать за границу и отдавалъ ее съ мебелью и посудой за четыреста рублей въ мѣсяцъ.

Цѣну Александръ Ильичъ счелъ умѣренной и, начиная съ передней, гдѣ ихъ встрѣтилъ лакей въ бѣломъ галстукѣ, изъ нѣмцевъ, оставленный при квартирѣ, онъ нашелъ все чрезвычайно красиво отдѣланнымъ и удобнымъ.

Сережа уже знакомъ былъ съ квартирой и повторялъ:

— Здѣсь отлично! Ты будешь доволенъ, папа.

Поваръ и вторая горничная были уже наняты княгиней Мухояровой.

Кабинетъ смотрѣлъ комнатой, откуда только что вышелъ хозяинъ, и показался Александру Ильичу изящнѣе, свѣтлѣе и уютнѣе его кабинета тамъ, на Рыбной улицѣ, да и вообще вся квартира, хотя она и была гораздо меньше.

Никогда онъ не испытывалъ такого пріятнаго возбужденія, какъ теперь, въ этотъ пріѣздъ, и боялся одного, какъ бы Антонина Сергѣевна не испортила ему расположенія духа видомъ мученицы, которую привезли на цѣлый рядъ терзаній.

— Поди, встрѣть maman, — сказалъ онъ Сережѣ. — Карета должна уже пріѣхать. Помоги ей разобраться въ вещахъ...

Сережа выбѣжалъ изъ кабинета; Александръ Ильичъ сѣлъ на широкій низкій диванъ, вытянулъ ноги, сладко зѣвнулъ и закрылъ глаза.

Почти двадцать лѣтъ жизни потерялъ онъ изъ-за сумасброднаго задора и надо ихъ наверстать въ два-три года.

Ему пошелъ сороковой годъ... Но какой это возрастъ для человѣка, такъ прекрасно сохранившагося? На видъ онъ въ полномъ смыслѣ молодой мужчина.

И невольно мысль его перебѣжала къ женѣ.

«Она уже старенькая»,—мягко выразился онъ про себя.

Это сравненіе наполнило его—не въ первый разъ—чувствомъ своего нравственнаго превосходства надъ всѣми знакомыми мужчинами. Всѣ обманываютъ женъ, держатъ любовницъ, или поступаютъ еще грязнѣе... А онъ—нѣтъ. Къ женѣ онъ чувствуетъ только жалость и разумное расположеніе, какъ къ матери его дѣтей и женщинѣ *по-своему* преданной ему.

Долго ли онъ удержится въ такомъ цѣломудренномъ направленіи? Ему хотѣлось бы пройти черезъ новые соблазны незапятнаннымъ. Удастся ли это? Лучше сказать «прости» не заснувшимъ еще потребностямъ въ женской ласкѣ и красотѣ, чѣмъ подать поводъ къ законнымъ обвиненіямъ въ обманѣ и распутствѣ!...

XVII.

— Генеральша въ угловой,—доложилъ Антонинѣ Сергѣевнѣ выѣздной въ ливреѣ, съ жилетомъ желтыми и черными полосами и въ гороховыхъ штиблетахъ.

Опять, попадая въ домъ своей матери, она испытываетъ то же стѣсненіе, точно она въ чемъ-нибудь провинилась, ждетъ выговора и наказанія. До сихъ поръ, по прошествіи почти двадцати лѣтъ, при встрѣчахъ съ матерью, она чувствуетъ въ себѣ непокорную дочь, увлекшуюся «Богъ знаетъ какими идеями», противъ воли влюбившуюся въ «мальчишку нигилиста», какого-то полуссыльнаго, продолжавшаго и послѣ того, какъ былъ наказанъ, «отвратительно» вести себя.

Она знала, что Елена Павловна Бекасова—женщина безъ характера, вся сотканная изъ противорѣчій и минутныхъ настроеній, слишкомъ поглощенная заботами о туалетѣ, барыня съ болѣзнью надвигающейся старости, суетными волненіями вдовы сановника, съ постояннымъ страхомъ, какъ бы ее не забыли и не обошли. Но въ ней жило не умирающее сословное и служилое тщеславіе и составляло ея единственную религію. Ни однимъ своимъ предразсудкомъ не поступалась она и ни одною претензіей. И передъ этимъ-то свойствомъ Антонина Сергѣевна ощущала жуткую неловкость, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, когда «maman» дѣлала ей ежедневныя замѣчанія насчетъ тона, турнюры, прически, манеры ходить и держаться въ обществѣ.

Вотъ и сейчасъ ее тянуло къ дочери, въ институтъ, но она поѣхала сначала сюда, боясь того, какъ бы мать не обидѣлась, узнавъ, что не къ ней былъ ея первый визитъ.

Цѣлый рядъ все тѣхъ же темноватыхъ и узковатыхъ высокихъ комнатъ открывался передъ нею,—комнатъ, заставленныхъ множествомъ ненужныхъ вещей. И отовсюду смотрѣло что-то молодящееся и немножко старомодное, напоминавшее то время, когда Елена Павловна плѣняла въ этихъ комнатахъ своихъ «habitués», тянулась въ рюмочку, пѣла романсъ *Il baccio* и пускала въ ходъ интонаціи дѣланной наивности, вмѣстѣ съ ахами отъ пѣнія Тамберлика и игры Бертона-отца, тогдашняго перваго сюжета Михайловскаго театра. Ни одного сердечнаго воспоминанія не будилъ этотъ домъ-особнякъ въ душѣ Антонины Сергѣевны. И личность отца не оставила въ ней ничего, кромѣ суховатой, чопорной отеческой манеры обращенія съ дочерьми. Мать, какъ овдовѣла, разливалась и въ разговорахъ, и въ письмахъ о высокихъ качествахъ покойнаго; но это сводилось больше къ «министерской» пенсіи, которую ей выхлопотали, и къ званію особы «втораго класса». Въ своей матери Антонина Сергѣевна видала часто и что-то дѣтски-суетное, неисправимую безсознательную рисовку, иногда страдала за нее, иногда, про себя, улыбалась, но не могла ей серьезно противорѣчить, даже въ письмахъ, взять тонъ женщины съ твердыми правилами и опредѣленными идеалами, боялась вызвать въ матери раздраженіе или обидчивость.

Выѣздной пошелъ впередъ и въ портьерѣ доложилъ:

— Антонина Сергѣевна пріѣхали, ваше высокопревосходительство.

Елена Павловна сидѣла подъ балдахиномъ изъ китайской матеріи, съ огромнымъ японскимъ вѣеромъ, развернутымъ подъ угломъ на широкомъ диванѣ, вродѣ кровати, гдѣ въ изголовьѣ валялось множество подушекъ и подушечекъ, шитыхъ золотомъ, шелкомъ, канаусовыхъ и атласныхъ, расписанныхъ цвѣтами, по модѣ послѣднихъ трехъ-четырехъ зимъ.

— Nina! Mon enfant! Тебя ли я вижу?

Она встала и медленно приближалась къ дочери, съ протянутыми руками, виднаго роста, въ корсетѣ подъ шелковымъ капотомъ съ треномъ, въ бѣлой кружевной косынкѣ, покрывавшей и голову. На лицо падала тѣнь, и она смотрѣла моложаво, съ чуть замѣтными морщинами, со слоемъ желтой пудры; глаза, узкіе и близорукіе, пріобрѣли привычку мигать и щуриться; на лбу лежали кудерки напудренныхъ волосъ; зубы она сохранила и щеголяла ими, а всего больше руками замѣчательной тонкости и бѣлизны, съ дюжиной колецъ на каждой кисти.

На аршинъ разстоянія отъ матери Антонина Сергѣевна почуяла

ея духи, отзывающіеся пятидесятыми годами,—пачули, отъ которыхъ ей бывало слегка тошно.

Онѣ обнялись. Елена Павловна поцѣловала ее два раза, въ щеку и въ лобъ, и придержала за талію.

— Совсѣмъ расклеилась,—говорила она высокимъ, немного шепелявымъ голосомъ.—Вотъ три дня, какъ сижу въ заперти... Какое-то повѣтріе... Страшная боль въ затылкѣ... Не могу закинуть головы назадъ... Поди, поди сюда, садись, вотъ рядомъ. Какъ я рада!

Дочь заслышала въ ея тонѣ больше ласки. Это относилось не къ ней, а къ Александру Ильичу, къ его превосходительству.

— На видъ ты молодцомъ,—выговорила Антонина Сергѣевна, взглянувъ еще разъ на мать.

Она ей говорила «ты» и матери нравилось это мѣстоименіе, оно ее молодило, да она и въ самомъ дѣлѣ смотрѣла старшею сестрой Антонины Сергѣевны.

— Какъ ты худа!—со вздохомъ выговорила Елена Павловна, оглядывая дочь.—И сѣдыхъ волосъ сколько! Зачѣмъ ты это допускаешь?

— Что?—разсѣянно спросила дочь.

— Это небрежность!

Опять ей дѣлали выговоръ за «manque de tenue».

— Надо слѣдить! Нынче есть прекрасныя косметики... Allen... или Melanogène... А лучше всего пудрить... Къ тебѣ пойдетъ... Cela repase le teint.

И туалетомъ своей дочери Елена Павловна не осталась вполнѣ довольна, нашла, что дочь одѣвается слишкомъ траурно.

— Кто тебѣ дѣлалъ это платье?

— Шумская, maman.

— Какая это Шумская?

— Извѣстная... въ Москвѣ.

— Est-ce qu'on s'habille à Moscou?

Елена Павловна сдѣлала гримасу и продолжала оглядывать туалетъ дочери.

— Нынче уже нѣтъ гладкихъ рукавовъ... На плечахъ надо буффы... И талія слишкомъ длинна... И складки... Montre moi... Сзади ужь совсѣмъ не такъ... Надо вѣеромъ... tu comprends?.. вѣеромъ, въ нѣсколько складокъ, чтобы онѣ лежали плотно и только къ самому низу расходились бы...

Антонина Сергѣевна молчала. Она опять сознавала себя дѣвочкой, которой читаютъ нотаціи по части туалета.

— А твой мужъ?—спросила Елена Павловна.

Она въ разговорѣ должна была безпрестанно перескакивать съ предмета на предметъ. Иногда это у ней доходило до болѣзненныхъ размѣровъ.

— Онъ будетъ сейчасъ... Его задержалъ мужъ Жени.

— Вы хорошо помѣстились?... Я очень рада... А цѣна?

— Четыреста рублей.

— За одинъ мѣсяцъ?... Это ужасно дорого!

Для Елены Павловны все было «ужасно дорого», что не шло на нее самое, ея туалетъ и разныя «бездѣлушки», какъ она выражалась. Расточительная и мелочная, она вобрала въ себя характерное свойство русскихъ барынь—транжирство съ грошевымъ разсчетомъ и полнымъ отсутствіемъ правильной оцѣнки вещей.

— Это не дорого, maman,—позволила себѣ возразить Антонина Сергѣевна.—Цѣлая квартира... Александръ нашелъ, что въ отелѣ неудобно и выйдетъ дороже.

— Конечно, мой другъ... Il faut représenter!

И, точно спохватившись, Елена Павловна измѣнила выраженіе своего дѣтски-подвижнаго лица, немного сдвинула подрисованныя слегка брови и прилегла на кучу подушекъ.

— Твоимъ мужемъ я не нахвалюсь,—начала она другимъ тономъ.—И здѣсь имъ очень, очень довольны... Еще третьяго дня... мнѣ говорили, qu'il est très bien vu! Что-жъ? Лучше поздно, чѣмъ никогда... И тебя хвалю, мой другъ, что не теряла времени... tu t'es convertée, je l'espère, à d'autres idées... и на мужа повліяла...

«Ахъ Боже мой!»—про себя вздохнула Антонина Сергѣевна и смущенно опустила голову. Вотъ, какъ родная мать понимала ее, какую роль приписывала въ «эволюціи» Александра Ильича!

— Пора!—продолжала Елена Павловна.—Cela devenait scandaleux!... И будущность вашихъ дѣтей!... Они очень милы... Ты уже видѣлась съ Лили?

— Нѣтъ еще, maman, я хотѣла быть у тебя...

— Благодарю тебя, мой другъ,—перебила Елена Павловна, приподнялась и привлекла ее къ себѣ.—Не скрою отъ тебя... столько лѣтъ я за васъ обоихъ страдала и боялась... Теперь все идетъ... какъ надо для людей... de notre bord... Lydie,—она назвала вторую свою дочь,—est adorée de son mari... Онъ, правда, не особенно блестящъ, но идетъ въ гору исполинскимъ шагомъ... На линіи товарища министра... Надѣюсь, что и Александръ черезъ нѣсколько лѣтъ получитъ постъ здѣсь же... Ныньче предводительство—прекрасный дебютъ. On les cajols beaucoup, les maréchaux

de noblesse. И отъ него будетъ зависѣть быть скоро камергеромъ.

«Онъ объ этомъ только и мечтаетъ»,—чуть не вырвалось у дочери.

— И внуки мои... здѣсь же... Я хвалю васъ обоихъ... Ты слишкомъ скромна... но я вижу твое вліяніе...

Смущеніе Антонины Сергѣевны все росло. Мать ея опять опустилась на груду подушекъ и кокетливо оправила кружевную косынку.

XVIII.

Къ дочери Антонина Сергѣевна такъ и не попала въ этотъ день.

Она было собралась проститься съ матерью, но Елена Павловна взяла ее за обѣ руки и усадила въ кресло.

— Погоди, Нина!... Минуточку... Я не успѣла сказать тебѣ... Твой дядя... князь Григорій Александровичъ... долженъ быть скоро... Я его просила передъ отъѣздомъ заглянуть... И про вашъ пріѣздъ ему извѣстно... Я очень хотѣла бы, чтобы и Александръ засталъ его у меня.

Князь Григорій Александровичъ приводился Еленѣ Павловнѣ троюроднымъ братомъ; но она его выдавала иногда за роднаго дядю, иногда за «cousin germain». Онъ былъ старый и закоренѣлый холостякъ, съ огромнымъ состояніемъ, родни не любилъ, въ Россіи жилъ мало. Всѣ родственники, ближніе и дальніе, охотились за нимъ; но никому онъ не оказывалъ расположенія. И Александръ Ильичъ, въ послѣдній годъ, заговорилъ о князѣ Григоріи Александровичѣ, воспользовался какимъ-то дѣловымъ письмомъ его, чтобы предложить ему свои услуги по продажѣ того запущеннаго сада, что стоитъ въ глубинѣ переулка, тамъ, у нихъ, въ губернскомъ городѣ.

Эти заигрыванья огорчали Антонину Сергѣевну. Князя видѣла она всего одинъ разъ въ жизни и неохотно вспоминала о немъ,—до такой степени онъ былъ ей несимпатиченъ.

— Ты понимаешь,—зачастила полушепотомъ Елена Павловна,—онъ, кажется, совсѣмъ не вернется въ Россію... Всѣ свои имѣнія онъ продалъ. У него должно быть милліоновъ пять... Разумѣется, онъ переведетъ ихъ въ заграничные банки...

— Это его дѣло, maman...

— Помилуй, Нина, что ты говоришь? Въ своемъ родѣ онъ по-

слѣдній. У меня братьевъ не было... Есть еще другіе Токмачъ-Пересвѣтовы... но они—бѣдные. Ужь для нихъ-то онъ, конечно, ничего не сдѣлаетъ. Tu es sa nièce... Наконецъ, съ какой стати такое громадное состояніе и пропадетъ тамъ, за границей?... Или, какъ всѣ холостяки, il finira par une drôlesse!...

Брови Елены Павловны задвигались и она еще долго бы говорила на эту тему, еслибъ не визитъ князя.

Она пришла въ новое волненіе, встала, перешла на другое мѣсто, оправила свою кружевную косынку и когда лакей, доложившій о пріѣздѣ князя, скрылся за портьерой, шепнула дочери:

— Resois le, chèrie...

Антонина Сергѣевна послушно исполнила это и пошла на встрѣчу князю.

Къ ней приближался короткими шажками маленькій человѣчекъ, въ синей жакеткѣ и очень узкихъ свѣтлыхъ панталонахъ. Онъ казался неопредѣленныхъ лѣтъ; бритое, пухлое лицо, узкій черепъ, съ жидкими, сильно рѣдѣющими темными волосами, зачесанными съ одного бока, чтобы прикрыть лысину,—все это было такое же, какъ и нѣсколько лѣтъ назадъ... Онъ точно замаскировалъ себя и не мѣнялся... Ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ.

— Здравствуйте, князь,—сказала она ему и протянула руку. Дядей она его не назвала, да онъ и самъ не любилъ никакихъ родственныхъ подъѣзжаній.

— Bonjour, bonjour,—скороговоркой отвѣтилъ князь, пожалъ ея руку и оглядѣлъ ее своими смѣющимися глазками восточнаго типа.—Maman тамъ?

Онъ указалъ рукой.

— Она васъ проситъ туда.

— Давно здѣсь?—на ходу спрашивалъ ее князь.

— Только сегодня.

— Съ мужемъ?... Читалъ, читалъ... Утвержденъ губернскимъ предводителемъ... Хочетъ наверстать!... Не поздравляю.

Она ничего на это не сказала. Послѣдняя фраза «не поздравляю» не удивила ее въ князѣ.

Елена Павловна встрѣтила его подъ балдахиномъ, на грудѣ подушекъ, и слабымъ голосомъ жаловалась на то, что она «toute patraque», но тона этого не выдержала и начала передъ нимъ слишкомъ явственно лебезить.

— Неужели совсѣмъ покидаете насъ?—спросила она полужалобнымъ звукомъ.

— Оплакивать меня никто не будетъ, а дѣлать мнѣ больше

нечего... Климата я не переношу, услугъ отечеству никто отъ меня не проситъ и не ждетъ... Довольно я дѣлалъ опытовъ... терялъ и здоровье, и время, коптѣлъ, по доброй волѣ, въ земствѣ, думалъ, что можно у насъ что-нибудь толковое провести... Слуга покорный!

Онъ вытянулъ характернымъ движеніемъ свои короткія ноги и широко развелъ руками.

— И вы ваши чудныя имѣнія всѣ продали?—заныла Елена Павловна.

— Продалъ!... И это единственное толковое дѣло, какое мнѣ удалось исполнить въ предѣлахъ любезнаго отечества.

Брезгливая усмѣшка поводила ротъ князя, и глазки его не скрывали, какъ ему всѣ эти дамскіе ахи и охи надоѣли.

— Но позвольте, князь,—остановила его Антонина Саргѣевна.—Я не понимаю, почему вы такъ недовольны... вѣдь, теперь людямъ вашихъ идей...

Выраженіе не давалось ей. Она уже попеняла себѣ за такую тираду.

— Вовсе нѣтъ!—съ непріятнымъ полусмѣхомъ досказалъ за нее князь.

— Nina veut dire!—вмѣшалась Елена Павловна.

— Весьма хорошо понимаю, что̀ ваша дочь хотѣла сказать,—довольно безцеремонно остановилъ ее князь и продолжалъ въ сторону Антонины Сергѣевны:—Если бы слушались людей, ничего не желающихъ, кромѣ блага, своему отечеству, каждый изъ насъ, независимыхъ людей,—людей охранительныхъ началъ въ лучшемъ смыслѣ слова...

— Vous aviez toujours des idées anglaises!—звонко проронила Елена Павловна.

— Давно я изъ англомановъ вышелъ!—небрежно кинулъ ей князь.—Не съ Англіи намъ надо обезьянить, а смотрѣть въ оба на то, какъ ближайшіе наши сосѣди, нѣмцы, пруссаки, у себя справляются со своими внутренними дѣлами.

— Le prussien! C'est l'ennemi!—не могла утерпѣть Елена Павловна, хотя изъ кожи лѣзла, чтобы говорить князю только пріятное.

— Кто это сказалъ? Я этого никогда не говорилъ... У нихъ намъ надо брать умѣнье вести внутренній распорядокъ. Нужды нѣтъ, что тамъ конституція... Не этимъ они сдѣлались первоклассною державой и задаютъ тонъ всѣмъ... Авторитетъ власти, служилаго сословія, чувство іерархіи—вотъ на чемъ у нихъ все зиждется.

Маленькое тѣло князя выпрямилось, онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ сначала на мать, потомъ на дочь.

— Вашего мужа,—обратился онъ въ сторону Антонины Сергѣевны,—не поздравляю... Весьма ему признателенъ за его вниманіе ко мнѣ, но искренно поздравлять его не стану.

«Даже и такой человѣкъ видитъ его насквозь»,—подумала она и отвела голову. Какъ ни мало она сочувствовала торійскимъ или юнкерскимъ взглядамъ князя, но, все-таки, въ немъ она распознавала послѣдовательность и отсутствіе замаскированнаго хищнаго честолюбія.

— Почему же?—спросила съ грустью Елена Павловна.—Alexandre на прекрасной дорогѣ.

— Да! Коли ему хочется подачки!—выговорилъ князь съ презрительнымъ движеніемъ нижней губы.—Чтобы обѣлить себя окончательно...

Щеки Антонины Сергѣевны начали краснѣть. Ей дѣлалось все тяжелѣе отъ участія въ этомъ разговорѣ. Но не могла она защищать своего мужа. Пускай бы онъ самъ взялъ на себя эту роль, но онъ, какъ нарочно, не являлся.

— Mais il est très bien vu!—восклицала Елена Павловна.

— Что эта фраза значитъ?—перебилъ ее князь и опять засмѣялся своимъ нехорошимъ смѣхомъ.—Развѣ вашъ beau-fils въ состояніи будетъ принести хоть крупицу практической пользы своему отечеству, если онъ и пожелаетъ плясать по той же дудкѣ?... Или лучше сегодня повторять одно, а завтра другое?

Елена Павловна стала жалостно улыбаться. Она никакъ не могла направить разговоръ въ родственно-интимномъ духѣ, боялась, какъ бы дочь ея не сказала чего-нибудь лишняго, и начала тревожно взглядывать на дверь, не покажется ли тамъ Александръ Ильичъ.

Но и мужчины могли вступить въ непріятный споръ. Князь ядовитъ. Зять ея горячъ и щекотливъ. Глаза ея перебѣгали отъ двери къ креслу, гдѣ сидѣла ея дочь, и говорили ей:

«Ахъ, Нина, ты меня совсѣмъ не поддерживаешь! Нѣтъ у тебя никакого умѣнья привлекать къ себѣ мужчинъ!»

Князь вынулъ часы, поморщился, взялъ шляпу и сказалъ въ сторону Антонины Сергѣевны:

— Не знаю, увижу ли вашего мужа. Я ѣду завтра... Онъ найдетъ меня утромъ дома... Вамъ нездоровится... Не хочу васъ утомлять,—прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ.—А! вотъ и Александръ Ильичъ!

Въ дверяхъ стоялъ Гаяринъ.

XIX.

— Ah! Alexandre... Soyez le bienvenu!

Елена Павловна обняла зятя нѣжнѣе, чѣмъ дочь.

Князь поздоровался съ нимъ, какъ съ добрымъ знакомымъ, не больше.

— Поздравляю! Поздравляю! Господинъ маршалъ! Благодарю за ваше неоставленіе... Добрые мужички такъ, вѣдь, говорятъ?

Косая усмѣшка повела некрасивый ротъ князя вмѣстѣ съ словами: «добрые мужички».

Не могла Антонина Сергѣевна не взглянуть на мужа, когда тотъ подавалъ руку князю. Онъ улыбался своею теперешнею условною улыбкой; но маленькая черта, складка надъ бровью, хорошо ей знакомая, показывала, что Александру Ильичу не совсѣмъ пріятенъ тонъ поздравленія.

— Такъ, такъ,—согласился Гаяринъ и подошелъ къ рукѣ Елены Павловны, чего онъ, сколько помнилось женѣ его, не дѣлалъ прежде.

— Cher Alexandre, садитесь сюда!... Хотѣла ѣхать васъ встрѣтить, но ужасная невралгія, всю ночь мучилась... Vous arrivez bien à propos. Вотъ я сейчасъ убѣждала князя, безъ всякаго успѣха... Совсѣмъ насъ покидаетъ... Богъ знаетъ, когда мы его увидимъ... Чудесныя свои имѣнія продалъ... On dirait qu'il a en horreur notre patrie!...

— Да что вы ко мнѣ пристали?—фамильярною нотой перебилъ князь Елену Павловну.—Лучше вотъ о вашемъ зятькѣ потолкуемъ, заставимъ его изложить намъ свое profession de foi.

Взглядъ, брошенный опять на мужа, доложилъ женѣ его, что Александру Ильичу не хотѣлось бы садитъся «sur la selette» и выслушивать полусаркастическіе выговоры князя.

Онъ кивнулъ ей и тихо сказалъ, садясь между ею и Еленой Павловной:

— Serge me plait beaucoup!

Антонина Сергѣевна не могла раздѣлить его чувство: она не успѣла хорошенько разглядѣть сына, но эта похвала почему то не порадовала ее.

— Такъ, значитъ, въ сословное представительство впрягли себя?—спросилъ съ короткимъ смѣхомъ князь и рѣзко повернулся въ сторону Гаярина.

— Какъ видите,—особенно сдержанно отвѣтилъ Александръ Ильичъ.

— И вы въ это вѣрите?

— Во что, князь?

— Да вотъ въ поднятіе сословія... Вѣдь, это такъ называется теперь высокимъ слогомъ? Мнѣ васъ, mon cher, искренно жаль...

— Cher prince!—стремительно воскликнула Елена Павловна... Какъ же можно такъ говорить?

— Присмотритесь,—продолжалъ князь въ сторону Гаярина,—къ тому, какіе нравы развились у насъ, послушайте умныхъ заѣзжихъ иностранцевъ... Въ прошломъ году я, на водахъ, въ Висбаденѣ, участвовалъ въ одномъ разговорѣ. Разные были нѣмцы... Майоръ, знаете, неизбѣжный major de table d'hôte, англичане, нѣмки-старушенціи, alte Schachtle. И, между прочимъ, одинъ англизированный нѣмецъ... изъ крупныхъ аферистовъ... Человѣкъ ѣзжалый... Живетъ въ Лондонѣ, составилъ себѣ состояніе въ Америкѣ, ѣздилъ раза три въ Центральную Азію... И къ нашему отечеству достаточно присмотрѣлся... Вотъ онъ и говоритъ мнѣ: «послѣ Америки ваша страна самая демократическая»...

— Такъ что-жь изъ этого?—почти строго возразилъ Гаяринъ.

— Нѣмецъ долженъ былъ бы прибавить: никакой у васъ нѣтъ ни общественной дисциплины, ни того, что̀ во всемъ мірѣ называютъ охранительными началами. И сословность-то мнимая, кажущаяся. Для близиру, какъ мужички говорятъ! Одна нивеллировка!... Всѣхъ подвести подъ одну линію... всѣхъ превратить въ разночинцевъ безъ роду-племени, безъ традицій! Вѣдь, это кукольная комедія, mon cher, для людей съ принципами и въ здравомъ разсудкѣ, въ земствѣ ли толкаться, или по сословнымъ выборамъ служить! Какъ же это возможно, когда каждый изъ васъ превосходно знаетъ, что самый фундаментъ, — собственность, — давнымъ-давно подкопанъ, что владѣть землей, лѣсомъ, чѣмъ хотите,—это играть роль какого-то комическаго узурпатора?

— Позвольте, князь,—остановилъ Гаяринъ характернымъ жестомъ правой руки,—ваше отношеніе къ крестьянамъ чисто-субъективное.

— Я его вотъ этимъ мѣстомъ испробовалъ!

Князь рѣзнулъ себя по затылку ребромъ ладони.

— Не вы одни!... Вы сами еще не такъ давно изволили и говорить, и даже писать, что вся бѣда—въ отсутствіи обязательной службы, требовали, чтобы владѣтельный классъ людей образованныхъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, вродѣ того, какъ это было въ сословіи служилыхъ людей Московскаго государства.

— И никто меня, небось, не послушалъ! А потомъ на смѣхъ подымали, и когда я записки на выборахъ читалъ, и когда я брошюры

печаталъ!... Никакихъ сословныхъ рамокъ я не предлагалъ!... Аристократическаго духа у насъ никогда не было и не будетъ!... Просто кусокъ земли, собственность полагалъ я въ основу всего; а она-то и находится въ осадномъ положеніи. И съ каждымъ днемъ все хуже и хуже!

Короткая фигура князя завозилась въ креслѣ.

— Въ осадномъ положеніи!—повторилъ Гаяринъ.—Это остроумно, но парадоксально!... Вѣдь, и я, князь, безвыѣздно прожилъ около пятнадцати лѣтъ въ деревнѣ... И съ мужиками не одинъ куль соли съѣлъ, а до такихъ отчаянныхъ итоговъ, какъ вы, не дошелъ... Мы ладимъ и до сихъ поръ и съ бывшими собственными крѣпостными, и съ другими сосѣдскими крестьянами.

Говоря это, Гаяринъ сдѣлалъ движеніе головой въ сторону Антонины Сергѣевны.

— Ну, ужь, пожалуйста! — закричалъ задорнѣе князь.— Вы всегда ублажали мужичка... и супруга ваша также!... Не знаю, какъ теперь... но лучше ужь не упоминать о томъ, что было пятнадцать лѣтъ!... Кажется, вы, любезный другъ, съ тѣхъ поръ значительно... какъ бы это сказать?... побѣлѣли...

Александръ Ильичъ закусилъ губы,—это движеніе не укрылось отъ его жены,—выпрямился и прошелся рукой по волосамъ.

— Это ужь... argumentum ad hominem, — сказалъ онъ перехваченнымъ голосомъ. — Моихъ взглядовъ на крестьянство я,— прошу васъ вѣрить, князь,—въ существенномъ не измѣнилъ... Его нельзя предоставлять самому себѣ... Но такъ какъ вы сами изволили сейчасъ сказать, что сословнаго духа у насъ на Руси нѣтъ и развиваться ему нельзя, то служба по представительству есть какъ разъ та гражданская повинность передъ страной, о которой проповѣдывали вы, князь,—повинность имущаго и болѣе просвѣщеннаго класса!

И съ послѣднимъ словомъ Гаяринъ всталъ во весь свой большой ростъ и сдѣлалъ жестъ правою рукой.

— N'enfourchons pas le dada!—взвизгнулъ князь.—Мнѣ все это теперь трынъ-трава!... Довольно преній. Вотъ я и здѣсь непомѣрно запоздалъ.

— Ахъ, господа!...—тревожно заговорила Елена Павловна.— Зачѣмъ эти споры?... Вы оба—одного лагеря, и не можете столковаться. Вотъ у насъ всегда такъ, всегда такъ!... Но я нахожу, что Alexandre по-своему правъ!... N'est ce-pas, Nina?

Вопросъ матери вызвалъ въ Антонинѣ Сергѣевнѣ почти испуганное выраженіе лица.

Промолчать она не могла или отдѣлаться банальною фразой. Но ей хотѣлось вѣрить, что мужъ ея не напускалъ на себя фальшиваго тона. Съ тѣмъ, что онъ возражалъ князю, она готова была согласиться.

Въ ней, когда она слушала его, поднялся рядъ вопросовъ: «полно, понимаетъ ли она его? Почему онъ не можетъ честно служить общему дѣлу въ званіи сословнаго представителя, если онъ не измѣнился въ главномъ—въ своемъ отношеніи къ народу?»

А она не имѣетъ права считать его такимъ же ненавистникомъ крестьянъ, какъ этотъ князь. Конечно, онъ не тотъ, какимъ былъ пятнадцать лѣтъ назадъ, но нельзя его назвать и хищникомъ, и эксплуататоромъ...

Въ общемъ, этотъ неожиданный обмѣнъ русскихъ дворянскихъ взглядовъ настроилъ ее иначе.

Она, все-таки, ничего не отвѣтила на вопросъ своей матери. И это прошло незамѣченнымъ. Князь шумно всталъ, торопливо простился и въ дверяхъ погрозилъ Гаярину пальцемъ.

— Vous faites le malin, mon cher!... Но я-то травленный волкъ!

Эти двѣ фразы долго звучали въ головѣ Антонины Сергѣевны и она опять заслышала въ нихъ откликъ того, что̀ сама чувствовала съ того времени, какъ перестала увлекаться личностью Александра Ильича.

XX.

Передъ Антониной Сергѣевной, на низкомъ креслицѣ, дочь ея Лили, отпущенная изъ института, только оправившаяся отъ простуды, блѣдненькая, узкая въ плечахъ, стройная и не по лѣтамъ большая. Въ ней было маленькое сходство съ матерью, въ глазахъ и усмѣшкѣ, волосы ея не темнѣли, а пріобрѣтали золотисто-красноватый оттѣнокъ; въ тонкой и прозрачной кожѣ, около глазъ, пріютились чуть замѣтныя веснушки.

Туалетъ, городской, сидѣлъ на Лили съ англійскимъ «cachet». Изъ-подъ полудлинной юбки виднѣлись нѣсколько большія ноги въ лаковыхъ башмакахъ съ темными шелковыми чулками. Въ ея фигурѣ и манерѣ одѣваться было уже нѣчто опредѣленное, немного чопорное, вплоть до привычки нѣтъ - нѣтъ проводить кончикомъ языка по губамъ, причемъ зубы, крупные и отлично вычищенные, сверкали тонкою полоской.

Мать она любила; но Антонина Сергѣевна, при встрѣчѣ съ нею, послѣ полугодовой разлуки, ожидала не того. Лили не ласкалась

къ ней попрежнему, по-дѣтски. И разговоръ ея измѣнился: она стала говорить черезъ-чуръ отчетливо, медленнѣе, съ какими-то новыми, очевидно, дѣланными интонаціями.

Вотъ и теперь она, разсказывая про жизнь института, употребляла эти, чуждые для ея матери, звуки.

— Мы ихъ совсѣмъ не знаемъ! — сказала она съ ужимкой, и это не понравилось Антонинѣ Сергѣевнѣ.

Рѣчь шла о другомъ отдѣленіи института; его до сихъ поръ зовутъ «мѣщанскимъ».

— Какъ ты это выговорила, Лили! — замѣтила Антонина Сергѣевна.

— А что, maman?

— Да точно онѣ не такія же твои подруги.

— Разумѣется, не такія...

— Но, вѣдь, и тамъ... дочери людей... совершенно достойныхъ.

— Принимаютъ и купеческихъ дочерей.

— Можетъ быть; но заведеніе — одно и всѣхъ васъ равняетъ.

Лили глядѣла на мать своими узковатыми, близорукими глазами, и этотъ взглядъ вызывалъ въ Антонинѣ Сергѣевнѣ неловкость.

— Ахъ, maman, — сдержанно и повернувъ голову вбокъ, возразила Лили, — разница большая... Тамъ всѣ... и дочери классныхъ дамъ... и нѣмки всякія... и даже изъ гостинаго двора... Enfin... c'est très melé.

Это слово «melé» было выговорено совсѣмъ уже чужою интонаціей. Лили отъ кого-нибудь усвоила ее себѣ, отъ класной дамы или отъ воспитанницъ старшаго класса.

И почему-то Антонина Сергѣевна не находила въ себѣ такихъ нотъ, которыя бы дали сразу отпоръ тщеславію, въѣдающемуся въ молодую душу ея дочери. Именно авторитетныхъ нотъ не хватило ей... А обыкновенный искренній тонъ скользилъ по Лили. Быть можетъ, она и прежде заблуждалась насчетъ этой дѣвочки. Она рѣдко бывала ею недовольна; но уже лѣтъ съ семи Лили была слишкомъ безукоризненна и не по возрасту разсудительна.

— Во всякомъ случаѣ, — сказала Антонина Сергѣевна, — не слѣдуетъ развивать въ себѣ такія... — она хотѣла сказать: «сословныя», — чувства.

Но Лили поглядѣла на нее недоумѣвающими глазами и повернула вбокъ голову опять отъ кого-то заимствованнымъ жестомъ.

Ей очень хотѣлось съ отцомъ и съ братомъ на бѣгъ, на Семеновскій плацъ. Удержала ее мать, побоялась новой простуды, да и желала побыть съ нею наединѣ.

Ихъ бесѣда не пошла дальше, была прервана пріѣздомъ сестры Антонины Сергѣевны, Лидіи Сергѣевны Нитятко, жены тайнаго совѣтника, завѣдующаго «отдѣльною частью», дѣловаго чиновника, на прямой дорогѣ къ самому высокому положенію, о какомъ только можно мечтать на гражданской службѣ. Она вышла за него молодою вдовой, бездѣтною. Первый ея мужъ былъ блестящій военный, унесенный какою-то острою, воспалительною болѣзнью.

Лидія Сергѣевна была вылитая мать, двадцать пять лѣтъ назадъ, рослая, съ чудеснымъ бюстомъ, но еще красивѣе. Овалъ лица, вырѣзъ глазъ, значительный носъ, полный подбородокъ и посадка головы на мягко спускающихся плечахъ носили гораздо болѣе барскій отпечатокъ, чѣмъ у старшей сестры. Она двигалась медленно, плавно, говорила лѣнивымъ контральтовымъ голосомъ, смотрѣла спокойно и нервности отъ своей матери не унаслѣдовала; но унаслѣдовала за то, кромѣ внѣшности, такую же постоянную заботу о туалетахъ и выѣздахъ.

И сегодня она обновила туалетъ, изъ-за котораго разъ десять заѣзжала къ Абакидзе обсуждать подробности отдѣлки. Тутъ были шитье, тесьмы, мѣховая опушка, въ переливающихся цвѣтахъ, отъ свѣтло-дымчатаго до цвѣта резеды. Шляпка, вся укутанная перьями и лентами, сидѣла на ея живописной круглой головѣ съ тѣмъ «fini», какой не дается иначе, какъ цѣною долгихъ соображеній.

Съ сестрой Антонина Сергѣева никогда не имѣла общей жизни. Дѣтство провели онѣ врознь—Лидію отдали въ тотъ институтъ, гдѣ теперь Лили, замужъ она выходила, когда Гаяринъ засѣлъ въ деревнѣ; ея перваго мужа сестра даже никогда не видала. И второй ея бракъ состоялся вдали отъ нихъ. Она почти не разставалась съ Петербургомъ, ѣздила только за границу, на воды, и въ Біаррицъ, да въ Парижъ, исключительно для туалетовъ.

Отъ Александра Ильича случалось Антонинѣ Сергѣевнѣ слыхать, что Лидія «проста». Но сама она не произносила такого приговора, въ письмахъ Лидіи не видала ничего—ни умнаго, ни глупаго, считала ее «жертвой суеты», но очень строго не могла къ ней относиться. Да и вообще она не признавала за собою способности сразу опредѣлять, кто уменъ, кто глупъ. Репутація умниковъ и умницъ доставалась часто тѣмъ, въ комъ она не видала никакихъ «идей»; а безъ идей она ума не понимала.

Лидія вошла въ угловую комнату, гдѣ сидѣли мать съ дочерью, своею величавою и лѣнивою поступью и на ходу пустила низкою нотой:

— Bonjour, Nina!... Tu vas bien?

Это было ея непремѣнное привѣтствіе. Такъ же привѣтствовала она и племянницу, къ которой благоволила и часто навѣщала ее.

— Bonjour, petite!... Tu vas bien?

Лили быстро встала, подошла къ теткѣ, когда та поцѣловалась съ сестрой, протянула ей руку и слегка присѣла.

— Merci, chère tante!

Такъ онѣ подходили одна къ другой, что Антонина Сергѣевна невольно усмѣхнулась про себя и подумала:

«Съ такой maman моей Лили было бы куда веселѣе».

— Ты не выѣзжала, сестра?—спросила Лидія, опускаясь на диванъ.—Хорошо дѣлаешь! Воздухъ рѣзкій... Но я собралась на бѣгъ. Твой мужъ тамъ? Я не знала... Но одной какая же охота, а Нитятко не можетъ... У него сегодня экстренный докладъ.

Мужа она называла «Нитятко», какъ водится между нѣкоторыми петербургскими дамами. Съ нимъ ей было вообще скучно... Онъ съ утра до вечера работалъ и кое-когда провожалъ ее на вечеръ, еще рѣже въ театръ. Въ жену свою онъ былъ упорно влюбленъ, къ чему она оставалась равнодушна, хотя и пошла за него замужъ подъ давленіемъ этой страсти сухаго, но добраго петербуржца, засидѣвшагося въ холостякахъ. Его положеніе, репутація «отлично умнаго», честнѣйшаго человѣка, по-своему, щекотали ея тщеславіе.

— Сегодня ты у Мухояровыхъ?

— Да,—кротко отвѣтила Антонина Сергѣевна.

— На цѣлый день?

— Кажется.

— Меня тоже звали... Это не очень весело,—протянула Лидія и старательно оправила на груди какіе-то городки и одну изъ складокъ корсажа, шедшихъ вбокъ, что еще выгоднѣе оттѣняло контуры ея эффектной груди со строгими линіями.

— Я еще не знакома съ ея обществомъ.

— Ахъ, душа моя!—Лидія охотно переходила къ русскому языку,—все какіе-то уроды... Она теперь вдалась въ эту... какъ она называется?... въ теозофію. Гости князя, мужчины, des gros bonnets... довольно скучные. И у ней свои какіе-то habitués... Разумѣется, лучше, чѣмъ дома сидѣть.

— Ты развѣ много сидишь?

— Господи, ужасно! Un mari comme le mien,—и она взглянула на Лили; но это ее не заставило перемѣнить разговора.—Tout dans ses paprasses.

— Онъ тебя очень любитъ?—потише выговорила Антонина Сергѣевна.

— Я не жалуюсь... только...—Лидія улыбнулась простовато глазами и своимъ большимъ ртомъ,—il a mal choisi.

Лили это слышала и поняла, но сидѣла въ сторонкѣ, въ безукоризненной позѣ дѣвочки-подростка, которую не высылаютъ, зная, что она умненькая и лишняго не должна понимать.

Такъ начинала свое петербургское утро Антонина Сергѣевна.

XXI.

У ея кузины, къ часу обѣда, собирались гости.

Въ гостиной, пышно отдѣланной и холодноватой, гдѣ свѣтъ двухъ лампъ разгонялъ мглу только по самой срединѣ комнаты, княгиня Мухоярова куталась въ короткую бархатную мантильку, опушенную соболемъ, и томно вела разговоръ съ двумя мужчинами.

Она ихъ представила Антонинѣ Сергѣевнѣ, какъ только та вошла въ гостиную. Лили явилась позднѣе, съ теткой; Лидія заѣхала за ней еще разъ и повезла ее кататься по Дворцовой набережной.

— Monsieur Тебетѣевъ—поэтъ и философъ,—указала кузина сперва на мужчину, сидѣвшаго по лѣвую руку отъ нея.

Блѣднолицый, бритый, гладко причесанный, въ темныхъ усахъ, вытянутыхъ тонкими прядями, неопредѣленныхъ лѣтъ, онъ показался ей похожимъ на иностранца. И онъ, и другой гость были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

— Порфирій Степановичъ Столицынъ,—назвала кузина мужчину, сидѣвшаго справа, который тоже смахивалъ на иностранца, среднихъ лѣтъ, какъ и первый, небольшаго роста, пухлый, бѣлокурый, довольно красивый, причесанный по-модному, съ моноклемъ и подстриженною бородкой.

— Ты знаешь этихъ господъ по ихъ сочиненіямъ,—въ полтона прибавила кузина.

Но Антонина Сергѣевна не читала ни того, ни другаго, не могла даже сказать, кто такой этотъ Столицынъ, какъ писатель, въ какомъ родѣ онъ пишетъ.

— Моя кузина,—отрекомендовала гостямъ хозяйка, и, повернувъ опять голову къ Антонинѣ Сергѣевнѣ, продолжала:—Вотъ monsieur Тебетѣевъ сейчасъ передавалъ содержаніе письма, полученнаго имъ отъ виконта Бассъ-Рива... Ты, конечно, наслышана о немъ.

— Бассъ-Ривъ?—переспросила Антонина Сергѣевна съ большимъ недоумѣніемъ въ голосѣ.

— Какъ? Вы не знаете имени великаго Бассъ-Рива?—съ ироническою улыбкой спросилъ Столицынъ, освободилъ свой глазъ и прищурилъ его на Антонину Сергѣевну.—Вѣдь, княгиня считаетъ его настоящимъ пророкомъ.

Его манера говорить отзывалась чѣмъ-то дѣланнымъ, вплоть до неестественной картавости. Въ этой гостиной онъ игралъ роль скептическаго умника и подсмѣивался надъ «теозофическими» идеями княгини. Онъ считалъ себя настоящею европейскою извѣстностью съ тѣхъ поръ, какъ въ *Figaro* его назвали «l'éminent historien russe». По службѣ ему не повезло и онъ уже болѣе пяти лѣтъ печаталъ этюды, за границей и въ Россіи, на политическія темы, осуждалъ всего сильнѣе антинаціональное направленіе дипломатіи и находился какъ бы въ личныхъ счетахъ съ княземъ Бисмаркомъ и маркизомъ Салисбюри.

Его этюдовъ Антонина Сергѣевна не читала, но сразу на нее повѣяло и отъ этого «éminent historien», и отъ поэта съ наружностью итальянскаго баритона чѣмъ-то для нея подозрительнымъ, чуждымъ. Пятнадцать лѣтъ назадъ въ гостиной кузины она, конечно, не встрѣтила бы этихъ господъ.

— Пожалуйста, m-r Столицынъ, я вамъ не позволю такъ говорить про Бассъ-Рива.

Возгласъ княгини прозвучалъ такъ же манерно, какъ и тирада ея гостя. Поэтъ молчалъ и сладимо улыбался. Въ немъ для Антонины Сергѣевны было что-то еще менѣе привлекательное, чѣмъ въ Столицынѣ.

И у ней пропала сразу всякая охота принять участіе въ разговорѣ. Точно сквозь дымку видѣла она ихъ лица и слышала фразы.

Тебетѣевъ раскрылъ ротъ и что-то тихо сказалъ насчетъ парижскихъ кружковъ, гдѣ занимаются «изотерическими» вопросами.

«Изотерическими», — повторила про себя Антонина Сергѣевна и слово навело на нее родъ гипноза. Ей захотѣлось зѣвать, и она всѣ усилія своей воли напрягала на то только, чтобы истерически не раскрывать рта.

Кузина заволновалась, разсказывая про какого-то индѣйскаго владѣтельнаго князя, признавшаго опять въ томъ же виконтѣ Бассъ-Ривѣ предтечу и главу всесвѣтнаго ученія, которымъ долженъ обновиться весь вѣрующій міръ и гдѣ преобразованному ученію Будды предстоитъ объединить всѣ вѣрованія и толки.

Тебетѣевъ раскрылъ ротъ и съ косою усмѣшной напомнилъ, что въ одной своей брошюрѣ виконтъ Бассъ-Ривъ выдѣлялъ нѣмцевъ изъ семьи народовъ, способныхъ на высшую культуру. Они—

тѣ же гунны, и послѣ ихъ временнаго торжества, когда всѣ просвѣтленные народы индо-европейскаго происхожденія сплотятся между собою, они будутъ изгнаны, приперты къ морю, куда и ринутся, какъ стадо свиней евангельской притчи.

Это ученіе виконта о нѣмцахъ смягчило Столицына. Онъ одобрительно засмѣялся и началъ длинную рѣчь о томъ, какъ постыдно идти на буксирѣ «шёнгаузенскаго помѣщика», и вошелъ въ рядъ доводовъ изъ дипломатической исторіи, показавъ въ концѣ своей рѣчи, что вывести Россію съ этого пагубнаго антинаціональнаго пути можетъ только онъ, Столицынъ.

Гипнозъ Антонины Сергѣевны продолжался вплоть до пріѣзда Лидіи съ Лили и офицеромъ большаго роста, съ бѣлою фуражкой въ рукахъ. Она его, кажется, и прежде видала у кузины; можетъ быть, онъ приходился княгинѣ дальнимъ родственникомъ.

Офицеръ вошелъ въ гостиную развалистою походкой кавалериста. Ему на видъ было уже сильно за тридцать. Длинные усы падали на щеки, коротко остриженная голова уже начинала сѣдѣть. Сюртукъ сидѣлъ умышленно мѣшковато, также какъ и рейтузы.

Лидія съ офицеромъ сѣли около Антонины Сергѣевны. Лили отошла въ сторонку, сдѣлавъ продолжительно-церемонный поклонъ съ присѣданьемъ. Ея мать продолжала разговоръ съ офицеромъ. Онъ держался, какъ въ домѣ родственниковъ: не спросилъ позволенія у хозяйки закурить толстую папиросу въ пѣнковой трубкѣ и заговорилъ сиплымъ баскомъ.

Антонина Сергѣевна стала прислушиваться къ тому, что̀ онъ разсказываетъ.

— Курьезный это народъ, — говорилъ офицеръ и смѣшливо поводилъ усами. — Особую выучку проходятъ съ малолѣтства... Ѣдутъ въ маленькихъ санкахъ и поросенка съ собой везутъ... И вдругъ гдѣ-нибудь, гдѣ овражекъ или колдобина, свернется на бокъ и выпадетъ изъ санокъ, какъ мѣшокъ съ мукой, и совсѣмъ совмѣстится съ плоскостью... И полушубки у нихъ бѣлые, точно мѣломъ вымазаны, отъ снѣга-то и не отличишь...

Лидія какъ будто слушала офицера, но глаза ея лѣниво переходили отъ одного предмета къ другому. Она довольна была хоть тѣмъ, что сидитъ около нея нестарый военный съ бѣлою фуражкой и она не обязана поддерживать тошнаго разговора кузины и тѣхъ двоихъ мужчинъ.

Черезъ пять минутъ она спросила что-то о Михайловскомъ театрѣ.

— Я года два не былъ тамъ,— сказалъ военный и затянулся изъ своей пѣнковой трубки.

— Быть не можетъ!

— Тоска!... Это, вѣдь, вродѣ наряда по службѣ... дежурство какое-то... Такъ оно хорошо въ оберъ-офицерскихъ чинахъ.

Антонина Сергѣевна сообразила, что онъ въ полковничьемъ чинѣ: на погонахъ у него были двѣ красныхъ полоски и вензель.

— И на вечерахъ васъ нигдѣ не видно,—замѣтила Лидія.

— Слуга покорный! У насъ въ полку тридцать пять человѣкъ сверхкомплектныхъ. Такъ пускай они эту службу несутъ... Есть между ними настоящіе мученики... Хоть бы корнетъ Прыжовъ... Тотъ третьяго дня говоритъ мнѣ: «Повѣрите ли, полковникъ, въ субботу долженъ былъ на трехъ вечерахъ быть и на двухъ котильонъ водилъ»... Совсѣмъ подвело бѣднягу.

Разговоръ полковника немного освѣжилъ Антонину Сергѣевну. Онъ говорилъ не спѣша, съ паузами, тонъ у него былъ простоватый и безъ претензіи. По крайней мѣрѣ, онъ не боялся выражать своихъ вкусовъ. И то, что онъ не безъ юмора разсказалъ сейчасъ про корнета Прыжова—жертву танцовальной эпидеміи,—давало вѣрную ноту зимняго Петербурга.

Она подумала, что салонъ кузины съ ея толками объ ученіи виконта Бассъ-Рива еще слишкомъ серьезенъ для того, чѣмъ живетъ столица, сбросившая съ себя давнымъ-давно всякую игру въ «вопросы».

Обидно ей стало за себя: она сидитъ тутъ, пришибленное, выбитое изъ колеи, жалкое существо... И надо будетъ высидѣть еще цѣлый обѣдъ и вечеръ.

Пришелъ и хозяинъ дома, мужъ кузины, коренастый брюнетъ, толстый, рѣзкій въ движеніяхъ, совсѣмъ не похожій на свой титулъ, смахивающій скорѣе на купца средней руки. Онъ предложилъ закусить. Въ кабинетѣ у него сидѣло еще трое мужчинъ. Ждали Гаярина и дядю княгини, графа Заварова, недавно поступившаго на покой,—одну изъ самыхъ крупныхъ личностей прошлаго десятилѣтія.

Но обѣдать сѣли не раньше половины седьмаго.

XXII.

Въ кабинетѣ хозяина, почти такомъ же обширномъ, какъ и гостиная, мужчины курили послѣ обѣда, пили кофе и ликеры.

Александръ Ильичъ Гаяринъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ съ графомъ Заваровымъ. У стола, гдѣ былъ сервированъ кофе, примо-

стился Ахлёстинъ, попавшій къ Мухояровымъ наканунѣ возвращенія на южную зимовку.

Сидѣли тутъ Столицынъ, полковникъ съ пѣнковою трубочкой и еще трое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ—худой брюнетъ, бородатый, лысый, съ остатками запущенныхъ волосъ—смотрѣлъ музыкантомъ, но былъ извѣстный Вершининъ—юристъ, дѣлающій блестящую судебную карьеру, когда-то вожакъ университетскихъ сходокъ, «пострадавшій» и во-время измѣнившій до корня своему студенческому credo. Гаяринъ встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ, лицеистомъ, считалъ «подвижникомъ» и «трибуномъ». Съ тѣхъ поръ они никогда и нигдѣ не видались вплоть до этого обѣда. Начали они новое знакомство взаимнымъ зондированіемъ во время обѣда и другъ друга не то ловили, не то подсиживали, то говорили въ согласномъ тонѣ, обѣгая всего, что могло имъ напомнить ихъ прошлое. Въ лицѣ Вершинина Александръ Ильичъ видѣлъ вѣскій примѣръ того, какъ дорожатъ способными людьми, когда они возьмутся за умъ и желаютъ наверстать все то, что теряли изъ-за «глупыхъ» увлеченій... По воспитанію, роду и связямъ онъ сортомъ покрупнѣе Вершинина, на котораго смотрятъ, все-таки, какъ на разночинца, продавшагося за дорогую плату.

Гаярина гораздо больше интересовалъ графъ Заваровъ. Когда-то онъ его ненавидѣлъ, считалъ однимъ изъ главныхъ гасильниковъ, не признавалъ въ немъ ничего, кромѣ непомѣрнаго властолюбія и мастерства запутывать нити самыхъ безпощадныхъ интригъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ нѣкогда могущественный «случайный» человѣкъ очутился въ сторонѣ отъ главной машины внутренняго управленія и самъ Александръ Ильичъ началъ свою «эволюцію», личность графа представилась ему въ другомъ свѣтѣ.

Но онъ не имѣлъ случая присмотрѣться къ нему, послушать его, опредѣлить, съ какими взглядами простился тотъ съ прежней ролью и пріѣхалъ доживать въ складочномъ мѣстѣ сановниковъ, сданныхъ на покой.

Графъ еще не глядѣлъ старикомъ, только гнулся и сильно похудѣлъ въ послѣдніе два-три года. Военный сюртукъ носилъ еще онъ молодцовато, усы и подстриженные волосы блондина, посѣдѣвшаго поздно, смягчали красивый овалъ лица. Голубые изсѣра глаза, уже потерявшіе блескъ, всматривались съ постоянною добродушно-тонкою усмѣшкой. Бороды онъ не носилъ и всѣмъ своимъ обликомъ и манерой держать себя напоминалъ объ истекшей четверти вѣка. Говорилъ онъ тихо, немного картаво, съ чрезвычайно пріятнымъ барскимъ произношеніемъ.

За обѣдомъ онъ сидѣлъ между хозяйкой и Антониной Сергѣевной, въ общемъ разговорѣ почти не участвовалъ, ѣлъ мало, но довольно много пилъ. Передъ нимъ стояла бутылка его любимаго бургонскаго, которую онъ и опорожнилъ, и къ концу обѣда сталъ краснѣть розовымъ румянцемъ. Князя онъ звалъ просто «mon cher» и говорилъ ему «ты». И въ прежнее время онъ бывалъ запросто у Мухояровыхъ, оказывалъ поддержку князю, пустившемуся въ разныя подрядческія предпріятія, и ничѣмъ отъ этого не пользовался. Въ этомъ домѣ онъ позволялъ себѣ, за обѣдомъ, выпить лишній стаканъ вина—привычка, про которую много злословили, раздувая ее до степени порока.

Присутствіе графа мало отражалось на тонѣ гостей. Онъ не въ первый разъ чувствовалъ, по возвращеніи въ Петербургъ, какъ мало у насъ почета тѣмъ, кто уже не стоитъ болѣе на прежней высотѣ. Съ этимъ онъ мирился и своимъ мягкимъ обращеніемъ и прежде ободрялъ каждаго, кто являлся къ нему съ тайнымъ трепетомъ. Эту черту его натуры объясняли всегда лицемѣріемъ и привычкой носить маску.

— Не прикажете ли, графъ, холодненькаго? — спросилъ хозяинъ, усвоившій себѣ и въ разговорѣ купеческія интонаціи и слова.

— Нѣтъ, мой милый, — отвѣтилъ графъ. — Но твой Помаръ очень хорошъ. Прикажи подать бутылку.

— Сію минуту,—крикнулъ князь и суетливо позвонилъ.

— А мнѣ—водицы зельтерской,—попросилъ Ахлёстинъ.

Онъ прощался съ Петербургомъ до будущей осени и ему хотѣлось, чтобы вышелъ общій интересный разговоръ и онъ увезъ бы съ собою «доминанту»: такъ онъ выражался, музыкальнымъ терминомъ.

И тотчасъ же онъ обратился съ вопросомъ къ Вершинину о судьбѣ новаго проекта, о которомъ весь Петербургъ началъ говорить. Это подняло температуру и черезъ пять минутъ происходилъ уже перекрестный обмѣнъ слуховъ, восклицаній и сентенцій.

Хозяинъ былъ вообще равнодушенъ къ внутреннимъ вопросамъ, но онъ первый закричалъ:

— Давно пора дать ходъ нашему брату! Давно пора!

И, обратившись къ Гаярину,—они были на ты,—спросилъ:

— Небось, и ты почувствовалъ теперь, что необходимо поднять духъ сословія, а?...

— Хорошо, если не ограничатся полумѣрой,— сказалъ сдержанно Гаяринъ и вбокъ посмотрѣлъ на графа Заварова.

— Безъ обязательной службы въ уѣздѣ ничего путнаго, госпо-

да, не будетъ, — пустилъ Ахлёстинъ тономъ человѣка, которому извѣстно впередъ, что̀ будутъ говорить его собесѣдники.

— Вотъ еще чего захотѣли! — перебилъ хозяинъ. — И безъ того ѣсть нечего, а тутъ еще обязательная служба, значитъ, и безвозмездная!

— Разумѣется. Иначе это только переодѣтые чиновники будутъ!... Статисты администраціи!

Завязался споръ. Въ него втянулись всѣ, кромѣ графа. Онъ сидѣлъ и попивалъ винцо, тихо улыбался и взглядывалъ чуть замѣтно своими утомленными, добрыми глазами то на того, то на другаго изъ споровшихъ.

Между Гаяринымъ и Вершининымъ шло состязаніе совершенно особаго рода: они старались выставлять одни и тѣ же доводы въ пользу новой мѣры, но дѣлали это такъ, чтобы каждому ясно было, насколько они «не одного поля ягода». Своимъ теперешнимъ охранительнымъ взглядамъ они придавали разную окраску: Гаяринъ — съ сохраненіемъ благородной умѣренности, Вершининъ — во всю.

На нихъ то и дѣло взглядывалъ графъ Заваровъ.

Ему припомнилось то время, когда судьба обоихъ была въ его рукахъ. Онъ видалъ того и другаго юными энтузіастами, не забылъ ихъ тогдашнихъ отвѣтовъ, всего поведенія, во время сидѣнія взаперти. И они, конечно, не забыли этой эпохи; но его присутствіе точно подзадоривало ихъ, они какъ будто хотѣли показать ему, что имъ уже нечего бояться, что ихъ благонамѣренность внѣ всякаго сомнѣнія и пониманіе интересовъ своей родины неизмѣримо выше того, чѣмъ пробавлялись въ предъидущую эпоху.

Одинъ только Ахлёстинъ, не оставляя своего скептическаго и подмывательнаго тона, держался особо отъ общаго хора, и въ его глазахъ мелькала усмѣшка, говорившая:

«И что намъ ни дай, никакого путнаго употребленія изъ этого мы не сдѣлаемъ».

Графъ Заваровъ долилъ стаканъ, закурилъ сигару, немного подался впередъ, надъ столомъ, и тихо выговорилъ, воспользовавшись паузой:

— Господа, позвольте и мнѣ сказать два слова.

Всѣ повернулись къ нему и примолкли.

Онъ обвелъ ихъ мягкимъ взглядомъ и перемѣнилъ позу, облокотился о спинку дивана, а правую руку положилъ на его ручку.

Ахлёстинъ задвигался на своемъ креслѣ съ чувствомъ любителя, которому предстоитъ слышать что-нибудь очень хорошее. Послѣдній его вечеръ въ Петербургѣ не пропадетъ даромъ.

Гаяринъ почувствовалъ на себѣ взглядъ графа и наклонилъ голову. Онъ подумалъ:

«Что бы ты ни сказалъ, твоя пѣсенка пропѣта. Ты теперь занимаешься фрондерствомъ потому, что тебя сдали «на покой».

Хозяинъ сталъ у дверей и съ довольнымъ видомъ оглядѣлъ весь свой кабинетъ. Чѣмъ бы ни кончился споръ, ему было все равно. «Только бы безъ карамболей»,—выразился онъ мысленно.

XXIII.

— Извините меня, господа,—началъ графъ Заваровъ и немного прикрылъ глаза.—Я слушалъ вашъ разговоръ,—теперь, вѣдь, всюду идутъ разговоры въ такомъ же духѣ,—и мнѣ кажется, всѣ эти заботы о подъемѣ руководящаго класса лишены всякаго серьезнаго... какъ бы это сказать?... базиса, что ли...

— Почему же, графъ?—спросилъ Вершининъ.

Графъ поглядѣлъ на него и чуть замѣтно усмѣхнулся. Глаза его досказали:

«Тебѣ, мой милый, съ твоимъ прошедшимъ, не надо бы такъ усердствовать».

— Почему?—повторилъ онъ вопросъ.—Съ вами, господа, говоритъ въ эту минуту человѣкъ, предки котораго и въ прошломъ, и въ этомъ столѣтіи послужили своему отечеству... Ихъ имена вошли въ исторію. Они были самыми доблестными сподвижниками нѣсколькихъ царствованій... Я это привожу не затѣмъ, чтобы хвастаться своею родовитостью, но хочу только сказать, что я имѣю не менѣе всякаго другого дворянина право стоять за прерогативы своего сословія...

Гаяринъ встрѣтилъ, поднявъ голову, взглядъ графа и прочелъ въ немъ:

«Ты, мой милый, только считаешь себя аристократомъ, но твой родъ весьма неваженъ: прадѣдъ твой былъ откупщикъ, вышедшій въ дворяне, а сынъ его дослужился до большихъ чиновъ по благотворительнымъ учрежденіямъ».

— Вы меня понимаете, господа,—продолжалъ графъ.—Я не желалъ ставить вопросъ на личную почву, а заявляю только нѣкорое право на сословное чувство... И оно во мнѣ нисколько не встревожено... Поднимать наше сословіе?... Но ему ничего не грозитъ извнѣ... Вся его сила и слабость—внутри, въ немъ самомъ.

— Еще бы!

Этотъ возгласъ вырвался у Ахлёстина. Онъ съ самыхъ первыхъ

словъ графа пришелъ въ пріятное возбужденіе и одобрительно кивалъ головой.

— Однако,—возразилъ Столицынъ и сейчасъ же придалъ своему рту особое выраженіе, — графъ, согласитесь, что безъ извѣстныхъ учрежденій нельзя оградить прерогативы руководящаго класса.

— Что-нибудь да надо сдѣлать!—крикнулъ князь Мухояровъ все еще съ своего мѣста отъ входной двери въ кабинетъ.

— Милый другъ,—отвѣтилъ ему графъ тономъ старшаго родственника,—скажи мнѣ откровенно, развѣ ты когда-нибудь думалъ серьезно о своихъ сословныхъ правахъ? Пользовался ты твоимъ именемъ и происхожденіемъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, въ уѣздѣ, играть общественную роль?... Конечно, нѣтъ.

— У меня были другія занятія,—возразилъ князь,—крупные интересы...

— Вотъ видишь! Все дѣло, значитъ, въ насъ самихъ!... Вы изволите говорить,—обратился графъ движеніемъ головы въ сторону Столицына, — прерогативы... Ихъ было очень достаточно больше столѣтія... И даже такое страшное право, какъ крѣпостное...

— Позвольте, графъ,—возвысилъ голосъ Вершининъ,—крѣпостное право тутъ не причемъ!... Мы это знаемъ... Почему же не пристегнуть кстати и указа о вольности дворянства?

Въ этомъ возраженіи заслышался оттѣнокъ, который поняли всѣ. Такъ Вершининъ не сталъ бы спорить съ графомъ, если бы тотъ не находился уже «на покоѣ».

— Напротивъ, всѣ эти вольности, то-есть, другими словами, права,—и права огромныя,—въ такомъ государствѣ, какъ наше, составляли активъ высшаго класса до и послѣ великой реформы. Употребленіе изъ нихъ было совсѣмъ не такое, какое могло бы быть.

Все это графъ выговорилъ, не возвышая голоса; губы его складывались въ ироническую улыбку, хотя глаза сохраняли добродушное выраженіе.

— Правъ-то всѣмъ хочется, а службы, обязательной и даровой, никто не хочетъ нести!

Слова Ахлёстина, обращенныя ко всѣмъ, бывшимъ въ кабинетѣ, не вызвали возраженія: его считали оригиналомъ и позволяли ему говорить что угодно, но графъ очень ласково поглядѣлъ на него.

— И съ вами я не могу вполнѣ согласиться. Обязательная служба—тяжелая мѣра. Ее можно было оправдывать прежде, когда служилый классъ составлялъ охрану государства, и потомъ, когда

Петръ отдалъ насъ въ науку. Но теперь это было бы только доказательствомъ того, что въ самомъ сословіи нѣтъ внутренняго пониманія своей высокой роли.

— И безъ того нечѣмъ жить!—сказалъ кто-то.

— Кому? — спросилъ графъ. — Кто не умѣетъ вести своего хозяйства и кому хочется пустой и разорительной жизни въ столицѣ и за границей? Знаете, господа, когда я слышу охи и ахи, жалобы и сѣтованія, то мнѣ сейчасъ представляется депутація изъ Москвы отъ нашихъ коммерсантовъ, которымъ все мало, все еще недостаточно поощряютъ ихъ. «Запретите ввозъ, наложите пошлину повыше, дайте субсидію, — мы стоимъ за процвѣтаніе отечества»... а, прежде всего, я думаю, за возможность брать рубль на рубль тамъ, гдѣ заграничный фабрикантъ и купецъ довольствуются четырьмя процентами.

Онъ тихо засмѣялся. Гораздо громче поддержалъ его смѣхъ Ахлёстинъ, вскочившій съ своего мѣста.

— Это вѣрно, это архивѣрно! — вскрикивалъ онъ и началъ усиленно жестикулировать правою рукой.

— Зачѣмъ,—заговорилъ графъ послѣ маленькой паузы и налилъ себѣ вина, — зачѣмъ, спрошу я, люди съ хорошимъ состояніемъ, съ именемъ продаютъ свое самостоятельное положеніе, идутъ въ чиновники, обиваютъ пороги въ пріемныхъ? Зачѣмъ?... Прямо изъ одного тщеславія, даже меньше—изъ какого-то добровольнаго холопства...

«Вотъ ты какъ заговорилъ!»—воскликнулъ про себя Гаяринъ и сталъ замѣтно блѣднѣть. Ему захотѣлось пустить что-нибудь ѣдкое по адресу графа и онъ съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Вы такъ изволите опредѣлять государственную службу?— спросилъ злорадно Вершининъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣтилъ графъ брезгливо и значительно, какъ сановникъ, знавшій, что̀ такое власть. — Прошу не перетолковывать моихъ словъ... Служба службѣ рознь. Теперь идутъ въ сословное представительство затѣмъ только, чтобы сейчасъ же перемахнуть въ чиновники... Да еще добро бы нужда заставляла, а то и этого нѣтъ! Какъ же назвать это свойство? Придумайте сами, господа!

Гаяринъ продолжалъ молчать, все такъ же блѣдный, съ блестящими глазами, и отхлебывалъ ликеръ изъ рюмки. Онъ не могъ принять словъ графа на свой счетъ. Это было бы черезъ-чуръ безцеремонно. Графъ считался образцомъ вѣжливости и такта. Но, все-таки, не спроста сказалъ онъ это.

— Государство и должно притягивать къ себѣ все, что ему предано!—пустилъ Вершининъ тѣмъ же тономъ, къ которому графу приходилось привыкать съ тѣхъ поръ, какъ его перестали бояться.

— Согласенъ съ вами,— съ любезнѣйшею улыбкой сказалъ графъ,—оно нуждается во всякихъ уступкахъ, въ почетныхъ и въ весьма печальныхъ.—Онъ сдѣлалъ умышленную паузу.— Но мы говоримъ не о томъ, что̀ выгодно и за что больше денегъ платятъ, а о правахъ и чувствахъ нашего сословія... Были бы только чувства благородныя, а права найдутся!

— Браво, графъ!—крикнулъ Ахлёстинъ.—Рѣдко слышу такія рѣчи въ моемъ отечествѣ. Благодарю васъ отъ души! Вы меня совсѣмъ оживили!

Онъ хотѣлъ было прибавить: «Позвольте мнѣ завезти вамъ завтра мою брошюру», но не сказалъ больше ничего.

Гаяринъ сидѣлъ нервный и злой. Онъ страдалъ всего сильнѣе оттого, что считался въ одномъ хорѣ съ этимъ Вершининымъ, котораго онъ презиралъ, не хотѣлъ показать графу, что принялъ его слова на свой счетъ, и не находилъ нужнымъ возражать въ направленіи, пріятномъ остальнымъ господамъ, бывшимъ въ кабинетѣ.

— Значитъ, вы, графъ, противъ новаго проекта?— спросилъ хозяинъ, сохранившій тонъ фрондера, которому, въ сущности, рѣшительно все равно, только бы шли его дѣла безъ запинки и онъ находилъ въ высшихъ сферахъ вліятельную поддержку.

— На это позволь мнѣ ничего не отвѣтить... Проектъ еще не поступилъ на обсужденіе.

И онъ взглядомъ добавилъ: «Пора бы, любезный, имѣть побольше такта».

Вслѣдъ затѣмъ графъ поднялся, оправилъ сюртукъ и сдѣлалъ общій поклонъ передъ тѣмъ, какъ выйти.

— Спорить съ вами, господа, я не хотѣлъ. Но то, что я сказалъ здѣсь, я повторяю вездѣ и считаю это своимъ долгомъ... Никакой подъемъ немыслимъ, если вотъ здѣсь ничего нѣтъ.

И онъ приложился рукой къ лѣвой сторонѣ груди.

— Торопитесь?—спросилъ его хозяинъ.

— Я пройду раскланяться съ княгиней.

Онъ сдѣлалъ еще поклонъ и вышелъ, немного горбясь на ходу. Князь проводилъ его.

Всѣ молчали съ минуту по уходѣ графа.

П. Боборыкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НА ШХЕРАХЪ.

Разсказъ Густава офъ Гейерстама.

Густавъ Гейерстамъ (G. of Geierstam), небольшой разсказъ котораго мы предлагаемъ читателямъ *Русской Мысли*, принадлежитъ къ самымъ молодымъ (онъ родился въ 1858 г.) представителямъ того новаго направленія въ шведской литературѣ, которое появилось въ ней не болѣе 15—20 лѣтъ тому назадъ. Реакція противъ крайняго идеализма и романтизма и мертвящаго духа, безраздѣльно господствовавшаго въ шведской литературѣ еще очень недавно, едва начала развиваться и упрочиваться въ Швеціи и, какъ всякое новое движеніе, встрѣтила, встрѣчаетъ еще и теперь, сильныхъ противниковъ, даже болѣе — открытую вражду со стороны, главнымъ образомъ, прессы, отчасти и фешенебельной публики, сильно проникнутой узко-протестантскимъ духомъ. Шагъ за шагомъ приходилось ему завоевывать себѣ мѣсто въ литературѣ, требовались большія усилія, чтобы занять вліятельное положеніе и въ обществѣ, и въ литературномъ мірѣ. Нуженъ былъ рядъ талантливыхъ дѣятелей, чтобы возбудить къ нему интересъ. Въ теченіе десяти - пятнадцати лѣтъ, благодаря какъ иниціатору движенія, Стриндберу, такъ и кружку молодыхъ писателей, сгруппировавшихся вокругъ него, положеніе новаго направленія было упрочено, вниманіе публики завоевано, но борьба далеко не окончена. Періодическая пресса,—пишетъ Эдгренъ-Лефлеръ,—все еще въ рукахъ противниковъ новаго направленія. Наиболѣе распространенные журналы и газеты руководятся приверженцами старой школы, и новымъ дѣятелямъ и въ вопросахъ критики, и въ дѣлѣ творчества приходится разсчитывать на собственныя средства, на книгу, брошюру, публичное чтеніе, являющееся теперь въ Швеціи единственнымъ орудіемъ борцовъ за новое направленіе.

Этимъ путемъ дѣйствовали и Стриндбергъ, и Эдгренъ-Лефлеръ, и эстетикъ новой школы, Робинсонъ (авторъ книги *Realister ach idealister*, 1885). Къ нему же прибѣгъ и Гейерстамъ, скоро занявшій видное мѣсто въ литературѣ. Какъ романистъ, онъ выступилъ впервые въ 1882 г., но первая его работа *Gräkallt* (*Сѣренькіе дни*, сборникъ разсказовъ) вызвала оже-

сточенную критику и имѣла мало успѣха. Всецѣло находясь подъ вліяніемъ Стриндберга, усвоивши его оригинальную, но безшабашную манеру писать, онъ лишь въ слабой степени могъ обнаружить въ этомъ первомъ произведеніи силу своего таланта. Но за то съ каждымъ новымъ произведеніемъ талантъ Гейерстама росъ и крѣпъ, и онъ все болѣе и болѣе становился самимъ собою, все рѣзче и рѣзче обнаруживалъ, гдѣ и въ чемъ истинная сфера его дѣятельности. Его сборникъ разсказовъ *Strömoln*, за которымъ послѣдовалъ романъ изъ студенческой жизни *Erik Gran*, представляетъ уже несомнѣнный переходъ въ немъ отъ подражанія къ самостоятельной дѣятельности, хотя, въ особенности относительно *Эрикъ Гранъ*, даже критики новой школы указываютъ на крайній пессимизмъ, преобладающій въ нихъ, на уклоненія отъ чистаго реализма. За то въ вышедшемъ въ 1887 году сборникѣ разсказовъ *Tills vidare*, а въ особенности въ появившемся раньше *Fattigtfolk* (*Бѣдные люди*), онъ проявилъ уже во всей силѣ свой талантъ. Послѣдній сборникъ, состоящій всего изъ четырехъ повѣстей (одна изъ нихъ и предлагается читателямъ) представляетъ собою, по отзывамъ какъ шведскихъ (Робинсона, Эдгренъ, Лефлера), такъ и нѣмецкихъ (Швейцера) критиковъ лучшее изъ всего того, что написано авторомъ. Горькое чувство пессимизма здѣсь почти отсутствуетъ. Субъективизмъ автора отходитъ на второй планъ, и онъ, какъ истинный художникъ, передаетъ то, что онъ видѣлъ, то, съ чѣмъ приходилось сталкиваться, что онъ наблюдалъ. Его разсказы написаны правдиво, естественно, мѣстами съ большою силой. Въ нихъ нѣтъ ничего лишняго. Они крайне сжаты, иногда даже болѣе, чѣмъ нужно. Знатокъ крестьянской жизни, глубоко изучившій бытъ и крестьянъ, и рабочихъ, Гейерстамъ съ большимъ умѣньемъ отыскиваетъ наиболѣе выдающіеся мотивы, руководящіе ихъ дѣятельностью, съ артистическою тонкостью рисуетъ ихъ нравы и обычаи, съ точностью и вѣрностью изображаетъ какъ грубыя черты ихъ, такъ и религіозныя и нравственныя особенности. Это — живое воспроизведеніе въ самой простой и незамысловатой формѣ какого-нибудь факта изъ жизни, но воспроизведеніе не холодное и безучастное, а проникнутое теплымъ и живымъ чувствомъ, симпатическимъ отношеніемъ къ страждущему человѣку.

У сѣвернаго берега острова разстилался фіордъ; на немъ бушевалъ сѣверный вѣтеръ, поднимая громадныя волны, разбивавшіяся о скалы, посылая цѣлые потоки дождя на сосновый лѣсъ, росшій на берегу, и наполняя дороги цѣлыми кучами сломанныхъ вѣтвей и хворосту. Море было черно-сѣрое, съ какимъ-то особеннымъ свинцовымъ оттѣнкомъ, а на верхушкахъ волнъ виднѣлись пѣнящіеся бѣлые гребни.

Вѣтеръ съ силою проносился черезъ проливъ мимо южнаго мыса, выбрасывая громадныя волны на берегъ материка. Волны эти по-своему распоряжались съ сѣтями и другими орудіями ловли, оставленными на берегу мѣстными рыбаками, которые не подозрѣвали, что за ночь можетъ разыграться такая сильная буря.

Но когда къ разсвѣту вѣтеръ началъ ужь слишкомъ сильно завывать надъ черепичною кровлей, Густавъ Эриксонъ, спавшій на постели рядомъ съ женою, всталъ и отправился въ мезонинъ къ брату, проживавшему у него.

— Карлъ-Августъ!—закричалъ онъ, входя въ комнату.

Тотъ приподнялся, смотря на Густава сонными глазами.

— Чего тебѣ?

— Вставай, пойдемъ собирать сѣти. Слышишь, какая на дворѣ страшная буря?

Августъ торопливо одѣлся и сошелъ съ лѣстницы. Густавъ уже разбудилъ одного изъ рабочихъ и всѣ трое молча направились къ мѣсту, гдѣ была привязана лодка.

Лодку отвязали. Двое взялись за весла, а Эриксонъ сѣлъ у руля.

Это было трудное, опасное путешествіе. Сѣти оторвались отъ якорей и могли быть найдены только послѣ долгихъ усилій. Онѣ были изорваны и спутаны въ безпорядочной кучѣ, съ трудомъ выдѣлявшейся изъ-подъ покрывающаго ихъ слоя грязи и ила.

До самаго полудня тянулась безъ перерыва работа. Мужчины промокли до костей, были голодны и сильно продрогли. Вѣтеръ словно ножомъ рѣзалъ сквозь мокрую одежду, и дурное расположеніе духа искавшихъ росло съ каждою минутой.

Одного куска они такъ и не нашли, несмотря на усердные поиски въ теченіе цѣлаго часа. Всѣ усилія оказались безполезными; пришлось оставить его тамъ, гдѣ онъ былъ, пока погода не перемѣнится къ лучшему.

Эриксонъ смѣнилъ брата на веслахъ. Онъ приподнялъ шляпу и провелъ рукою по лбу, по которому, несмотря на вѣтеръ и дождь, каплями струился потъ.

— Нечего дѣлать, поѣдемъ домой,—сказалъ онъ.

Когда они вернулись, хозяйка ждала ихъ съ горячимъ обѣдомъ. Эриксонъ разсказалъ ей подробно все, какъ было. Онъ раза два кашлянулъ и глубоко вздохнулъ.

Жена замѣтила это.

— Что съ тобою? Не простудился ли ты?—спросила она.

— О, нѣтъ, конечно, нѣтъ.

По окончаніи обѣда Эриксонъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Подумать страшно, сколько сѣтей и неводовъ погибло въ эту ночь,—сказалъ онъ.—По меньшей мѣрѣ, на нѣсколько тысячъ риксдалеровъ... Конечно, хуже всего тѣмъ, кто только этимъ и живетъ.

Да, вѣтеръ надѣлалъ не мало бѣдъ. Онъ пронесся по всей мѣстности, точно эпидемія, порвалъ сѣти, разбросалъ рыбацкія принадлежности, разбилъ лодки. Одинъ рыбакъ, выѣхавшій съ вечера далеко въ глубь шхеръ, чтобы растянуть сѣти на новомъ мѣстѣ, исчезъ, а нѣсколько дней спустя приплыла его лодка. Она была замѣчена и вытянута на берегъ.

Два дня бушевала буря. Она унесла съ собою послѣдніе слѣды лѣта. Пожелтѣвшіе листья березъ висѣли мокрые, поблекшіе; какъ природу, такъ и людей охватило предчувствіе зимы съ ея замкнутостью, ея длинными одинокими вечерами и ея суровымъ, долгимъ, какъ бы летаргическимъ сномъ.

Высоко на горѣ, на разстояніи десяти минутъ ходьбы отъ моря, расположена маленькая крестьянская усадьба съ домикомъ, выкрашеннымъ въ красный цвѣтъ. Построена она на скалахъ; сзади нея возвышается стройный сосновый лѣсъ; немного ниже, по правую сторону, лежитъ маленькое озеро съ берегами, поросшими ельникомъ, а внизу тянется полукругомъ долина, окаймленная лѣсомъ и холмами, покрытыми дубнякомъ.

Эриксонъ, жившій въ этой усадьбѣ, держалъ ее въ арендѣ. Арендуемая имъ земля составляла часть большаго имѣнія и находилась во владѣніи его семьи въ теченіе цѣлыхъ трехъ поколѣній. Сынъ заступалъ мѣсто отца; онъ, какъ и отецъ, женился, ростилъ дѣтей, обрабатывалъ землю, ловилъ рыбу въ морѣ, жегъ хворостъ; семья разросталась, хозяинъ старѣлъ и сѣдѣлъ, ложился въ могилу, а старшій сынъ наслѣдовалъ усадьбу и шелъ по стопамъ отца. Остальныхъ братьевъ и сестеръ судьба разбрасывала по бѣлу свѣту.

У послѣдняго изъ владѣльцевъ было пятеро дѣтей, двумя больше, чѣмъ у предъидущаго. Младшій изъ сыновей переселился на одинъ изъ дальнихъ островковъ, гдѣ и погибъ въ одну изъ сѣверо-восточныхъ бурь. Старшая сестра вышла замужъ. Вторая отправилась въ городъ и поступила тамъ на службу. Старшій сынъ женился, перевелъ на себя аренду и кое-какъ устроился.

Второй братъ, Карлъ-Августъ, долго размышлялъ, куда ему себя пристроить. Это былъ человѣкъ нѣсколько медлительный, съ тру-

домъ приходившій къ какому-нибудь рѣшенію, но разъ это рѣшеніе было принято, онъ упорно держался его. Онъ былъ небольшаго роста, молчаливый и краткій въ своихъ рѣчахъ, говорилъ разстановисто, флегматично, но всегда былъ готовъ на работу, когда была нужда въ его услугахъ или когда можно было заработать лишнюю копѣйку. Когда онъ былъ разсерженъ чѣмъ-нибудь или пьянъ, съ нимъ опасно было вступить въ столкновеніе. Но въ обыкновенное время онъ шелъ своею дорогой, никому не вредя. За рѣдкими исключеніями, расположеніе его духа было ровное, спокойное, а когда онъ смѣялся, то дѣлалъ это такъ весело и добродушно, что всѣ вторили ему.

Онъ любилъ земледѣліе и съ удовольствіемъ занялъ бы мѣсто старшаго брата, но разъ судьба рѣшила иначе, онъ не возражалъ и не роптачъ. Онъ долго размышлялъ, наконецъ, отправился къ брату и сказалъ ему, что намѣревается купить большую лодку и заняться лѣтомъ перевозомъ, а зимою будетъ жить дома, помогать въ работахъ, чистить хлѣвъ или рубить дрова, плесть сѣти или шить паруса.

Старшій не далъ опредѣленнаго отвѣта; прошла недѣля; никто изъ нихъ не затрогивалъ этого вопроса.

Но однажды, когда они возвращались съ работы,—дѣло было раннею весной,—младшій сказалъ:

— Ну, я думаю, мнѣ скоро можно будетъ выѣхать на лодкѣ.

Старшій отвѣтилъ только протяжнымъ:

— Да-а-а.

Младшій продолжалъ:

— Ты мнѣ дашь денегъ взаймы?

Эриксонъ спросилъ, сколько требовалось денегъ. Младшій назвалъ сумму.

— Да, пожалуй.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Въ маѣ мѣсяцѣ у Карла-Августа была собственная лодка и онъ сталъ ѣздить на ней по шхерамъ и въ Стокгольмъ съ грузомъ дровъ.

Прошло, такимъ образомъ, десять лѣтъ. Старшій братъ продолжалъ обрабатывать землю. Младшій ѣздилъ лѣтомъ по морю и зарабатывалъ не мало денегъ перевозомъ. Зимою онъ проживалъ у брата, чинилъ свою лодку, шилъ паруса и помогалъ въ хозяйствѣ, чѣмъ могъ. Онъ не имѣлъ еще времени подумать о бракѣ. Въ маленькомъ домикѣ Эриксона не было мѣста для двухъ семей. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ лодка была оплачена. Но о покупкѣ новой усадьбы онъ не могъ и думать, а подходящую аренду было труд-

дно найти. Годы шли за годами съ постоянными смѣнами зимы, лѣта, удачъ, неудачъ, убытковъ и барышей. Мало-по-малу росли и сбереженія. Каждое лѣто Карлъ-Августъ отправлялся въ городъ и каждый разъ, когда онъ возвращался домой, увеличивался итогъ банковской книжки, которую онъ тщательно завертывалъ въ бумажку и пряталъ на дно сундука. Но строй его жизни не мѣнялся, и не было никакой надежды, чтобы онъ измѣнился и въ послѣдующіе годы.

Послѣ своей утренней прогулки Эриксонъ чувствовалъ себя все время не по себѣ. Въ одно утро онъ оказался не въ силахъ встать съ постели. У него было воспаленіе въ легкихъ, хотя никто изъ окружающихъ, конечно, не понималъ этого. Сильный жаръ и кашель не давали ему покоя.

Карлъ-Августъ испыталъ какое-то странное ощущеніе, когда его невѣстка рано поутру сообщила ему о болѣзни брата. Онъ не сказалъ ни слова въ отвѣтъ, но медленно спустился съ горы къ морю, чтобы собрать сѣти.

Было чудесное осеннее утро, ясное, солнечное, съ холоднымъ вѣтромъ. Цѣлый день наканунѣ шелъ дождь, земля размокла, а съ длинныхъ иглъ елей струилась вода всякій разъ, когда вѣтеръ потрясалъ ихъ старыя узловатыя вѣтви. Мохъ былъ пропитанъ влагой, а между корнями сосенъ пробивался съ журчаньемъ ручей, прокладывая себѣ путь къ скалѣ и спадая внизъ въ заливъ съ громкимъ однообразнымъ плескомъ. Бѣлыя тучи быстро неслись по небу къ юго-западу, а лодки у пристани, колыхаясь, стучали о деревянный мостикъ.

Карлъ-Августъ спустился по узкой горной тропинкѣ, взошелъ на пристань и сталъ отвязывать одну изъ лодокъ. Онъ посмотрѣлъ на море, опять привязалъ лодку и впалъ въ глубокое раздумье.

Что, если братъ умретъ?

Да, конечно, было бы очень пріятно продать большую лодку. Онъ получилъ бы за нее не малую толику денегъ. Ему, какъ мужчинѣ, было бы, конечно, приличнѣе всего взять на себя хозяйство и поселить у себя вдову брата съ дѣтьми. Она, навѣрное, не захочетъ возиться съ рабочими и землею, не захочетъ заниматься земледѣліемъ, въ которомъ ничего не смыслитъ. А онъ могъ бы мало-по-малу скупить инвентарь и движимость.

Онъ взялся было за веревку, которою лодка была привязана къ пристани, но затѣмъ такъ же быстро оставилъ ее.

Ему пришла на мысль здоровая, красивая дѣвушка, жившая на

материкѣ. Онъ нерѣдко ѣздилъ поболтать съ нею въ лѣтніе вечера, и слуги въ домѣ его брата дразнила его тѣмъ, что онъ возвращается домой только къ утру.

А, между тѣмъ, старшій братъ боролся со смертью. Окружающіе поняли, что дѣло плохо, и рѣшили послать рано утромъ за докторомъ.

Карлъ-Августъ и жена Эриксона не ложились всю ночь. Больной лежалъ молча, тяжело дыша, причемъ дыханіе его прерывалось иногда сильнымъ, продолжительнымъ кашлемъ.

Все было тихо кругомъ. Только вѣтеръ проносился отъ времени до времени по верхушкамъ сосноваго лѣса, а собаки на дворѣ откликались лаемъ на какой-нибудь воображаемый звукъ. Хозяйка сидѣла тихо у постели больнаго, а Карлъ-Августъ пріютился у очага, прислонясь къ бѣлой стѣнѣ. Онъ работалъ безъ устали весь день и, кромѣ того, немало странныхъ мыслей перебродило у него въ головѣ. Въ часъ ночи онъ заснулъ, и въ комнатѣ только и слышно было тиканье часовъ, прерывистое дыханіе больнаго и регулярный храпъ здороваго.

Къ утру Эриксонъ скончался. Жена вскочила и разбудила зятя.

— Карлъ-Августъ,—вскричала она,— иди, посмотри, что съ нимъ!

Онъ всталъ, испуганный, съ просонковъ, подбѣжалъ къ постели брата и сталъ протирать глаза. Онъ дотронулся слегка до брата, взялъ его за руку, но рука безпомощно упала на прежнее мѣсто, и Карлъ-Августъ очнулся.

— Да, умеръ,—сказалъ онъ.

Его непріятно поразила мысль, что онъ спалъ въ то время, какъ братъ кончался, и онъ не зналъ, что сказать.

Жена наклонилась надъ трупомъ и заплакала.

— Это случилось такъ неожиданно, такъ неожиданно, — сказала она.

Карлъ-Августъ опять сѣлъ у печки и задумался, затѣмъ медленно поднялся и направился къ двери. Здѣсь онъ остановился и сказалъ, не глядя на невѣстку:

— Ты хорошо бы сдѣлала, если бы приготовила кофе. Намъ, во всякомъ случаѣ, необходимо выѣхать сегодня въ поле для посѣва.

Дни шли своимъ чередомъ и работа производилась попрежнему. Работали въ полѣ, ловили рыбу.

Похороны были назначены на воскресенье. Разослали приглашенія къ родственникамъ и знакомымъ и уже рано поутру въ на-

значенный день показалось множество лодокъ, составившихъ настоящую флотилію.

Прежде всѣхъ пріѣхала старшая сестра умершаго съ мужемъ и двумя дѣтьми. Съ нею прибыла и незамужняя сестра, проживавшая въ городѣ. Они молча поднялись на гору къ домику. Затѣмъ явился пономарь, которому было послано особое приглашеніе, а съ нимъ и послѣ него сосѣди и друзья съ ближайшихъ островοвъ. Всѣ они несли въ рукахъ съѣстные припасы, въ какомъ-то смущенномъ молчаніи подымались гуськомъ на гору и останавливались какъ бы въ недоумѣніи передъ домомъ.

Тамъ все было приведено въ порядокъ и прибрано. На дворѣ въ большой четырехъугольной бесѣдкѣ было выставлено тѣло на парадной постели, составленной изъ двухъ подставокъ и нѣсколькихъ неотесанныхъ досокъ. На этомъ ложѣ стоялъ черный гробъ, съ зелеными вѣнками изъ листьевъ и хвой, а въ гробу лежалъ покойникъ съ книжкой псалмовъ въ рукахъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гроба былъ накрытъ столъ для завтрака и на немъ наставлена масса всякаго рода яствъ, масло, хлѣбъ, пиво, сельди, жареные колбасы, пироги и большая бутылка водки.

Вдова не показывалась; всѣмъ распоряжался Карлъ - Августъ. Онъ шелъ на встрѣчу гостямъ, благодарилъ ихъ за посѣщеніе, принималъ отъ нихъ приношенія и благодарилъ вторично.

Общество распалось на группы. Женщины, дѣвушки, старики и молодые люди стояли всѣ отдѣльно.

Когда прибывшіе наговорились другъ съ другомъ и явилась потребность въ завтракѣ, Карлъ-Августъ подошелъ къ пономарю и шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ. Тотъ сталъ у изголовья покойника и въ одну минуту всѣ разговоры утихли. Присутствующіе сняли шляпы, сложили руки и низко наклонили головы. Въ собраніи послышался какъ бы подавленный вздохъ. То изъ одной, то изъ другой группы женщинъ раздавались по временамъ рыданія. Пономарь надтреснутымъ голосомъ запѣлъ старинный псаломъ:

«Мы всѣ проходимъ этотъ путь
Одинъ во слѣдъ другому»...

А всѣ стоящіе вокругъ вторили ему, кто какъ могъ, тихо или громко, смотря по голосу и расположенію духа. Шесть человѣкъ подняли гробъ и понесли его на плечахъ внизъ подъ гору къ узкому заливу, глубоко врѣзывавшемуся въ землю, среди дубовъ и сосенъ. А внизу лѣстницы стояла, закрывая лицо платкомъ, вдова, одѣтая въ черное, и глядѣла вслѣдъ уходившимъ.

Когда они поставили гробъ на большую лодку и Карлъ-Августъ сѣлъ у руля, онъ провелъ рукой по глазамъ и съ грустью подумалъ о братѣ, котораго долженъ былъ вскорѣ опустить въ землю. Но когда вѣтеръ надулъ паруса и лодка, слегка накренясь на бокъ, начала разрѣзывать волны, съ шумомъ плескавшіяся о борта, настроеніе его духа быстро измѣнилось; не давая самъ себѣ въ этомъ отчета, онъ почувствовалъ, что только теперь начинается для него настоящая жизнь, когда для него явилась возможность завестись собственнымъ домомъ.

Все впередъ и впередъ двигался похоронный поѣздъ, изъ залива по блестящему открытому фіорду, гдѣ волны искрились подъ яркими лучами полуденнаго солнца, по проливу прямо къ маленькой сѣренькой церкви безъ колокольни, которая возвышалась на южномъ берегу длиннаго острова, тянувшагося на протяженіи цѣлой мили. Это было странное, молчаливое путешествіе. Двое молодыхъ парней попробовали было пошутить, когда налегали на весла, чтобы повернуть лодку, но никто не поддержалъ ихъ. Всѣ сидѣли тихо, не глядя другъ на друга.

Странное чувство испытывалъ въ это время Карлъ-Августъ. Чѣмъ ближе подъѣзжали они къ церкви, тѣмъ съ бо̀льшею нѣжностью вспоминалъ онъ о покойномъ братѣ. При мысли о немъ его охватывало горячее чувство признательности; ему казалось, что онъ долженъ быть благодаренъ умершему за все свое будущее. Слезы навернулись у него на глаза, когда онъ поддерживалъ гробъ, помогая выносить его на берегъ.

Погребеніе кончилось. Народъ сталъ кучками расходиться съ кладбища, а участвовавшіе въ похоронномъ поѣздѣ направились къ морю. Карлъ-Августъ подошелъ къ священнику и попросилъ его сдѣлать родственникамъ покойнаго честь отобѣдать съ ними. Священникъ отказался, извиняясь спѣшными дѣлами, и спросилъ:

— Къ кому перейдетъ теперь, послѣ его смерти, усадьба?

Карлъ-Августъ не поднималъ головы. Онъ отвѣтилъ медленно, боясь, чтобы собесѣдникъ не замѣтилъ его довольнаго вида.

— Вѣроятно, мнѣ придется взяться за хозяйство.

— И покончить съ перевозомъ и лодкою?

— Да, конечно.

— А что̀, если Катрина захочетъ оставить землю за собою, пока подростетъ старшій мальчикъ?

Это никогда не приходило въ голову Карлу-Августу. Онъ посмотрѣлъ искоса на священника и вдругъ почувствовалъ стѣсненіе въ груди, котораго не испытывалъ ни разу за весь этотъ день. Ему

показалось, будто онъ долго и упорно искалъ кого-то и, найдя, опять потерялъ изъ вида. Онъ подумалъ, что ему, можетъ быть, опять придется работать и ждать, работать и ждать. Но вскорѣ прежнее настроеніе получило перевѣсъ и онъ отвѣтилъ:

— Ну, этого она не захочетъ.

Вернувшись домой, онъ засталъ столъ накрытымъ въ большой зеленой бесѣдкѣ, гдѣ стоялъ прежде гробъ. Это былъ широкій складной столъ со множествомъ кушаній. Хозяйка и теперь не показывалась; ее замѣняла женщина изъ сосѣдней фермы.

Обѣдъ начался въ торжественной тишинѣ. Гости молча накладывали себѣ на тарелки кушанья, чокались другъ съ другомъ, обмѣнивались односложными словами и вообще вели себя очень церемонно. Но мало-по-малу публика развеселилась. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ стола раздавались шутки, слышался смѣхъ, лица раскраснѣлись отъ вина и ѣды. А когда солнце зашло за сосны, окружавшія красный домъ, никто бы не повѣрилъ, что здѣсь дается похоронный обѣдъ.

Появилась на сценѣ и гармоника. Четыре парня помѣстились на лѣстницѣ; одинъ изъ нихъ заигралъ плясовую, а другіе стали припѣвать, топая въ тактъ ногами, и требовали, чтобъ имъ сейчасъ очистили ригу и позвали дѣвушекъ. Два рыбака стояли обнявшись и, пошатываясь, громко смѣялись. Глаза у нихъ покраснѣли, они старались говорить, но не могли вымолвить ни одного слова. Около стола въ бесѣдкѣ, трое изъ старшихъ крестьянъ съ стаканами въ рукахъ во все горло распѣвали старинную пѣсню.

Карлъ-Августъ не принималъ участія во всемъ этомъ шумѣ и гамѣ. Онъ стоялъ въ сторонѣ, пошатываясь, и думалъ, что братъ его умеръ, и что ему слѣдовало бы, въ сущности, сказать рѣчь въ честь его. Затѣмъ его мысли перешли къ лодкѣ и онъ сталъ вычислять, сколько получитъ за нее при продажѣ. Наконецъ, онъ подумалъ о дѣвушкѣ, къ которой ѣздилъ въ гости, о Гильдѣ; онъ не былъ у нея ни разу послѣ смерти брата.

«Поѣду къ ней сегодня вечеромъ,» —подумалъ онъ, взявшись за шляпу.

Онъ повернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вверхъ по лѣстницѣ, но въ эту минуту на верхней площадкѣ появилась Катрина. Гости кончали обѣдать и она пришла проститься съ ними. Она была, попрежнему, вся въ черномъ, съ открытою головой, съ гладко зачесанными волосами.

Она остановилась на лѣстницѣ противъ Карла-Августа, и гости стали одинъ за другимъ подходить къ ней, кланяясь, благодаря и

прощаясь. Она подавала всѣмъ руку, раскланиваясь направо и налѣво.

— Счастливой дороги, сосѣдки! Счастливой дороги, сосѣди!

Отъ нея всѣ шли къ Карлу-Августу, жали ему руку и исчезали въ сумеркахъ, спускаясь вереницею съ горы по направленію къ морю.

На другой день Карлъ-Августъ былъ очень молчаливъ и только вечеромъ заговорилъ съ невѣстой.

— Да, теперь намъ слѣдуетъ переговорить о томъ, что будетъ съ арендою,—началъ онъ.

Катрина остановилась, смотря на него съ изумленіемъ.

— Съ арендой?—повторила она.

— Да, съ арендой. Что ты будешь дѣлать съ нею теперь, послѣ смерти брата?

Катрина слушала его, какъ бы не понимая, что̀ онъ хочетъ этимъ сказать. Она подумала о мальчикѣ, спавшемъ въ сосѣдней комнатѣ, и о другихъ дѣтяхъ. Къ нему должна была по праву перейти аренда, и Катрина не желала уступить ее.

— Ты знаешь, мы держимъ землю въ арендѣ у барона изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти двухъ лѣтъ,—сказала она.—И теперь я именно собираюсь спросить тебя, согласишься ли ты хозяйничать со мною, пока мальчикъ подростетъ и возьмется самъ за дѣло?

Карлъ-Августъ подумалъ минуту.

— Остаюсь,—отвѣтилъ онъ.

Черезъ минуту онъ всталъ и сталъ подыматься по лѣстницѣ. На серединѣ онъ остановился, зажегъ спичку и закурилъ трубку, которую все время держалъ въ рукахъ. Онъ посмотрѣлъ вокругъ и по старой привычкѣ оглянулся на западъ, чтобы увидѣть, какой погоды можно ждать на-завтра. Затѣмъ началъ разсчитывать. Что̀, если онъ попробуетъ на собственный страхъ и счетъ взять другую ферму въ аренду?

Но нѣтъ. Это невозможно. У него нѣтъ достаточно денегъ, чтобы купить, заново и разомъ, инвентарь, движимость и т. д.

Это невозможно.

Онъ опять осмотрѣлся и началъ медленно подыматься по крутой деревянной лѣстницѣ, которая вела на его мезонинъ. Здѣсь онъ сѣлъ на сундукъ и закурилъ трубку. Затѣмъ положилъ ее въ сторону, раздѣлся, легъ и заснулъ глубокимъ сномъ рабочаго, не думая о завтрашнемъ днѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ; дни смѣнялись днями, жизнь протекала однообразно, тихо, казалось, о какой бы то ни было перемѣнѣ нечего было и думать.

Карлъ-Августъ сгорбился, хотя ему было всего сорокъ лѣтъ. Его уже перестали звать по имени, а называли просто Эриксономъ.

Въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ онъ работалъ для другихъ, и для него, казалось, не было никакой надежды на перемѣну къ лучшему. Но жизнь открываетъ намъ нерѣдко новые горизонты тогда, когда мы меньше всего ожидаемъ этого и когда для насъ, повидимому, нѣтъ дальше никакого ходу.

Въ одинъ прекрасный день старый богатый крестьянинъ посватался къ его невѣсткѣ, все еще видной, красивой женщинѣ, тридцати двухъ лѣтъ. Эриксонъ успѣлъ за это время кое-что скопить, лодку онъ уже давно продалъ, купилъ скоро инвентарь и перевелъ на себя аренду.

Тогда наступила для него новая жизнь. Онъ стоялъ, наконецъ, на своихъ ногахъ. Какъ ни поздно пришло для него это время, тѣмъ не менѣе, оно пришло, и Эриксонъ сталъ совершенно неузнаваемъ. Онъ сдѣлался веселымъ, шутливымъ, даже болтливымъ; трудолюбивымъ и усерднымъ онъ былъ всегда. Его рабочимъ стало легче жить на свѣтѣ, потому что онъ смотрѣлъ теперь сквозь пальцы, когда они засыпали на работѣ или слишкомъ долго засиживались за послѣобѣденнымъ кофе.

Отношенія его къ Гильдѣ давно прекратились. Она отправилась служить въ другое мѣсто и уѣхала совсѣмъ отсюда. Вначалѣ Эриксонъ писалъ ей и получилъ въ отвѣтъ пару писемъ. Но мало-по-малу переписка сама собою прекратилась и, наконецъ, онъ узналъ, что она вышла замужъ.

Впрочемъ, онъ уже пересталъ о ней и думать. Какъ только она уѣхала, онъ понялъ, что между ними все кончено. И вотъ однажды онъ сдѣлалъ предложеніе бывшей служанкѣ своей невѣстки, получилъ ея согласіе и, такъ какъ оба рѣшили, что долго тянуть время незачѣмъ, женился на ней зимою, и все пошло попрежнему, жизнь опять вошла въ свою колею.

Теа была красивая, здоровая дѣвушка, немного сутуловатая, высокаго роста, съ гибкимъ, хорошо развитымъ станомъ, длинными руками, хорошенькою головкой и темносиними, мечтательными глазами. Ротъ у нея былъ маленькій, съ полными красными губками, а когда она улыбалась, на лѣвой щекѣ ея показывалась прехорошенькая ямочка. Брови были черныя, тонкія, дугою, лобъ открытый, бѣлый, а надъ нимъ мягко и гладко лежали черные воло-

сы. Она часто смѣялась тихимъ, сдержаннымъ смѣхомъ, подымая при этомъ застѣнчиво глаза и бросая взглядъ, при которомъ многіе мужчины чувствовали желаніе заключить ее въ объятія. Она была трудолюбивая, работящая дѣвушка, и Эриксонъ очень любилъ ее, если не пылкою, горячею любовью юныхъ лѣтъ, то, во всякомъ случаѣ, нѣжною, прочною привязанностью.

Теа родилась на одномъ изъ дальнихъ морскихъ острововъ. Плохо жилось ей въ дѣтствѣ. Родители ея были бѣдные, отецъ содержалъ семью рыбною ловлей, и Теа еще пятнадцатилѣтнею дѣвочкой оставила родной домъ и поступила въ услуженіе къ чужимъ. Она служила уже десять лѣтъ, сначала у купца въ качествѣ няньки, безъ жалованья, затѣмъ у родныхъ крестьянъ и, наконецъ, у Катрины, гдѣ она пробыла два года, прежде чѣмъ Эриксонъ женился на ней и изъ служанки сдѣлалъ госпожей.

Новая жизнь началась для нея, когда она вступила въ домъ Эриксона въ качествѣ хозяйки. Она любила Эриксона, хотя не такою любовью, о какой когда-то читала въ книгахъ.

Требованія ея отъ жизни были очень умѣренны. Она мечтала имѣть собственный хорошенькій домъ, который она старалась бы держать въ наилучшемъ порядкѣ, и выйти замужъ за хорошаго, честнаго малаго, который былъ бы добръ къ ней и не слишкомъ часто выпивалъ. Она желала имѣть и дѣтей, которыхъ надѣялась вывести въ люди, но только не цѣлую кучу, которыя наполнили бы своимъ гамомъ весь домъ. Въ этомъ отношеніи она вполнѣ сходилась съ мужемъ.

Первые мѣсяцы Теа была чрезвычайно счастлива. Тихо и однообразно протекала ея жизнь въ домѣ, а внѣ дома трудился Эриксонъ съ рабочими, рубя дрова, подшивая лодки или убирая скотный дворъ. А когда пришла весна, снѣжныя глыбы растаяли, все вокругъ начало пробуждаться къ жизни, зеленѣть и цвѣсть, рабочіе выѣхали въ поле пахать для посѣва, солнце засіяло надъ холмами, поросшими дубнякомъ, а ласточки защебетали надъ ожившеюся землей, Теа съ радостью замѣтила въ себѣ перемѣну и, оставшись однажды наединѣ съ мужемъ, сообщила ему, что къ Рождеству семья ихъ увеличится новымъ существомъ.

Это было въ началѣ декабря. Уже нѣсколько дней тому назадъ Эриксонъ говорилъ о необходимости очистить кровлю отъ снѣга. Теперь наступила оттепель; вода бѣжала ручьями съ горъ къ морю и журчала въ водосточныхъ трубахъ крыши. Вѣтеръ снесъ снѣгъ съ вѣтвей деревьевъ и, освобожденныя отъ тяжести, ели и сосны

протягивали на просторъ свои вѣтви, влажныя и чистыя, омытыя водою, точно весною.

На морѣ разыгралась буря. Вода приняла рѣзкій голубовато-сѣрый оттѣнокъ, на верхушкахъ волнъ подымались бѣлые пѣнящіеся гребни и никто изъ мѣстныхъ жителей не рѣшался ѣхать за необходимыми рождественскими закупками. Но Эриксону необходимо нужно было ѣхать на материкъ, и, захвативъ трехъ работниковъ, онъ отправился съ ними къ берегу.

Лодки стояли въ заливѣ, защищенномъ отъ вѣтра. Нечего было и думать о томъ, чтобы плыть на парусахъ. Эриксонъ съ рабочими отвязали одну изъ глубоко сидящихъ въ водѣ лодокъ, положили въ нее нѣсколько запасныхъ веселъ и всѣ четверо сѣли у греблъ, по два съ каждой стороны.

Въ обыкновенное время одинъ человѣкъ могъ свободно двигать такую лодку. Но сегодня требовалось не мало усилій, чтобы пробить себѣ дорогу впередъ. Ѣхать никто не отказывался, но всѣ знали, что вопросъ идетъ о жизни и смерти.

Переѣздъ былъ не легокъ и гребцы, приставъ къ материку, должны были зайти прямо въ трактиръ, чтобы подкрѣпить себя рюмкою водки. Послѣ этого рабочіе вернулись къ лодкѣ, а хозяинъ пошелъ сдѣлать нѣкоторыя закупки и пригласить къ женѣ акушерку. Это была энергичная, широкоплечая, болтливая, обстоятельная женщина, которая никогда не соглашалась сразу на дѣлаемое ей предложеніе, а начинала всегда съ возраженій. Она заговорила о дурной погодѣ и дальнемъ пути. Но Эриксонъ упорно повторялъ одно: они пріѣхали за ней и теперь слишкомъ поздно ѣхать за другой. Такъ какъ она вовсе не имѣла серьезнаго намѣренія отказать, то очень скоро дала себя убѣдить, одѣлась потеплѣе и послѣдовала за крестьяниномъ, не переставая жаловаться всю дорогу на отвратительную погоду и на собачью жизнь, которую ей приходится вести, — даже въ такой ужасный вечеръ, какъ сегодня, она не можетъ посидѣть спокойно дома.

Рабочіе подали лодку къ пристани. Они должны были держать ее втроемъ, чтобы дать акушеркѣ возможность сѣсть. Но когда она увидала, какъ высоко подымаются волны и какъ мала лодка, она быстро отступила назадъ.

Казалось, вся поѣздка была совершена задаромъ. Замѣтно было по лицу Эриксона, что онъ начинаетъ выходить изъ себя. Тѣмъ не менѣе, онъ сказалъ совершенно спокойнымъ тономъ:

— Нельзя брать назадъ своего обѣщанія. Мы такъ же точно

боимся за нашу жизнь, какъ и вы за свою. Но теперь на картѣ стоитъ еще и другая жизнь.

Убѣжденіе подѣйствовало. Акушерка сѣла, продолжая ворчать. Люди взялись за весла и лодка отчалила.

Стемнѣло. Для непривычнаго глаза было бы невозможно различить дорогу въ этомъ хаосѣ волнъ и пѣны. Женщина замолкла и только вскрикивала всякій разъ, когда лодка подымалась слишкомъ высоко.

— Нечего бояться,—говорилъ Эриксонъ спокойнымъ голосомъ,—нѣтъ никакой опасности.

Но это была неправда. Вѣтеръ усилился и даже привычному человѣку трудно было не ошибиться въ дорогѣ. Но они все же двигались впередъ, медленно и увѣренно, не произнося ни слова. Чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ больше свыкалась женщина съ необычнымъ для нея путешествіемъ. Она закуталась въ шаль съ головою и прижалась на дно лодки, чтобы лучше защититься отъ вѣтра.

Все шло хорошо до послѣдней скалы. Но здѣсь разстилался уже открытый фіордъ. Волны стѣною подымались на скалы. Передъ глазами, казалось, возвышались цѣлыя горы бѣлой пѣны. Въ темнотѣ они слишкомъ близко подъѣхали къ скаламъ. Хозяинъ бросилъ взглядъ на сидящихъ рядомъ съ нимъ гребцовъ и увидѣлъ, что они тоже замѣтили опасность. Какъ молнія, блеснула въ его головѣ мысль, что если они направятъ лодку въ сторону прибоя, не трудно будетъ выбраться на берегъ и спастись. Но тогда лодка разобься въ дребезги,—лодка, которая ему такъ дорого стала и, вдобавокъ, они пріѣдутъ домой слишкомъ поздно. Онъ повернулъ судно и направилъ его на перерѣзъ вѣтру. Одну минуту оно стояло неподвижно на мѣстѣ. Ихъ четыре весла не могли справиться съ силою волнъ. Приходилось, повидимому, уступить. Вотъ лодка двинулась только на одинъ вершокъ, но, все таки, двинулась. Еще одинъ взмахъ веслами, другой, третій. И она пошла. Пошла впередъ напротивъ вѣтра и часъ спустя проскользнула въ заливъ, гдѣ вода была сравнительно спокойнѣе. Эриксонъ подмигнулъ глазомъ своему сосѣду, дѣлая гримасу въ сторону кормы, гдѣ сидѣла акушерка, завернутая въ свою большую шаль.

«Хорошо, что она ничего не замѣтила».

Быстро плыла лодка по заливу; опасность была за плечами и все шло теперь хорошо. Къ утру въ колыбели лежалъ большой, здоровый, толстый мальченокъ.

— Хорошій мальчикъ,—сказала, смѣясь, акушерка,—для него стоило потрудиться.

Выйдя въ спальню, Эриксонъ направился сначала къ постели жены и крѣпко пожалъ ея руку. Затѣмъ, положивъ осторожно трубку на окно, онъ сталъ передъ колыбелью, въ которой лежалъ малютка, и нѣсколько разъ тихо засмѣялся съ влажными отъ радости глазами, посмотрѣлъ на жену и провелъ рукою по лицу.

— Право, у меня, кажется, слезы на глазахъ,—сказалъ онъ.

За послѣднее время Эриксонъ сдѣлался чрезвычайно страннымъ. Онъ былъ молчаливѣе обыкновеннаго и даже пересталъ интересоваться малюткою. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ на лѣстницѣ съ трубкою во рту, бормоталъ что-то про себя, всматривался внимательно въ лѣсъ, качалъ головою, закуривалъ вновь свою трубку и вновь смотрѣлъ на опушку лѣса, освѣщенную мягкими лучами заходящаго солнца.

Иногда онъ шелъ въ комнату и садился за столъ. Вынувъ изъ коммода большую записную книгу, до которой дотрогивались только онъ и жена, онъ раскрывалъ ее, бралъ листокъ чистой бумаги и начиналъ писать на ней кучу цифръ, складывая, вычитая и дѣля ихъ до безконечности.

Жена пробовала было раза два заговаривать съ нимъ въ эти минуты, но онъ такъ рѣзко оборвалъ ее, что она не рѣшалась въ третій разъ повторять.

Однажды въ воскресенье, — это было послѣ Троицы,—мужъ вернулся домой изъ сосѣдней фермы, гдѣ онъ былъ въ гостяхъ. Онъ былъ пьянъ и прошелъ прямо въ спальню, гдѣ стояла колыбель. Жена боялась его въ такія минуты и не смѣла ничего сказать ему. Но она пошла въ кухню, чтобы наблюдать оттуда за нимъ. Онъ стоялъ передъ колыбелью. «Я куплю лѣсъ и заработаю цѣлую кучу денегъ. Слышишь, мой мальчикъ?»—бормоталъ Эриксонъ. Онъ повернулся къ колыбели и посмотрѣлъ на ребенка, который проснулся и широко-открытыми глазами поглядѣлъ на отца.

Теа была уже возлѣ и тихо отстранила мужа.

— Побереги ребенка,—сказала она.

— Поберечь ребенка!—вскричалъ онъ и лицо его побагровѣло.—Побереги сама себя ты! Что это такое? Развѣ я не имѣю права смотрѣть на своего ребенка? Можетъ быть, я уже не хозяинъ въ своемъ домѣ?

— Да ну, чего ты такъ расходился, Эриксонъ? Чего ты кричишь? Я же тебѣ ничего дурнаго не сказала.

— Молчать!—закричалъ онъ.

И, прежде чѣмъ Теа могла опомниться, онъ схватилъ ее и потрясъ, затѣмъ ударилъ ее изо всѣхъ силъ кулакомъ по плечу и отбросилъ на другой конецъ такъ, что она упала на деревянный диванъ, стоявшій у стѣны.

Она услышала, какъ онъ хлопнулъ дверью и вышелъ вонъ изъ комнаты.

Она сѣла на диванъ, склонила голову на руки и заплакала горькими слезами, качаясь изъ стороны въ сторону въ страшномъ порывѣ отчаянія. Она рыдала, какъ рыдаютъ дѣти. А, какъ могъ онъ это сдѣлать? Она плакала не отъ боли,—нѣтъ. Она плакала отъ нанесенной ей обиды и отъ чувства безграничнаго озлобленія. Ей казалось, что она никогда не будетъ въ состояніи простить ему.

Ужаснѣе всего то, что ни одинъ мужъ не билъ своей жены только одинъ разъ. Это равносильно тому, когда кто начинаетъ пить. Это всегда повторяется. Помочь тутъ нечѣмъ. Если онъ побилъ ее одинъ разъ, онъ будетъ бить ее еще и еще, будетъ бить много разъ. И она должна будетъ всегда терпѣть это, всегда. Вся ея будущая жизнь представилась ей однимъ безграничнымъ несчастьемъ, безцѣльнымъ трудомъ безъ вознагражденій.

На другой день работа не спорилась въ ея рукахъ такъ, какъ прежде. Она хлопотала, какъ всегда, по хозяйству, но не могла справиться съ своими мыслями. Воспоминаніе о перенесенномъ ею насиліи возбуждало въ ней непріятное, горькое чувство. Ей некуда было бѣжать, разъ она должна была бѣжать отъ него.

Эриксонъ былъ также не совсѣмъ въ своей тарелкѣ. Но исторія его съ женою не играла тутъ почти никакой роли.

Съ нимъ случилось то же, что и со многими другими людьми, тяжкимъ трудомъ добывающими себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Не любви принадлежала первенствующая роль въ складѣ его жизни, въ образованіи его характера. Онъ женился, потому что ему нужно было кого-нибудь, кто смотрѣлъ бы за домомъ. «Къ тому же, она мнѣ и нравилась», — прибавилъ онъ, впрочемъ, про себя. Но въ жизни ему никогда не приходилось сталкиваться съ болѣе утонченнымъ міромъ чувствъ. И вчерашній его поступокъ вовсе не служилъ предметомъ его сегодняшнихъ размышленій. Онъ оставилъ только по себѣ какое-то непріятное, жуткое чувство.

А, кромѣ того, теперь, когда онъ былъ трезвъ, много было вещей, о которыхъ онъ долженъ былъ подумать.

Ему казалось, что онъ, наконецъ, нашелъ то, что могло помочь ему пробиться въ люди. Цѣлые мѣсяцы онъ ходилъ и раз-

мышлялъ, высчитывалъ и со всѣхъ сторонъ обсуждалъ занимавшій его вопросъ, пока не уяснилъ его себѣ во всѣхъ подробностяхъ. Онъ засунулъ руку въ карманъ, досталъ табаку, закурилъ трубку и сказалъ себѣ, что дѣло, навѣрное, пойдетъ. Оно не можетъ не пойти. И, прежде чѣмъ сосѣди успѣютъ опомниться, онъ будетъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ околодкѣ и его мальчику не придется вступить въ жизнь съ пустыми руками, какъ пришлось Эриксону.

Это продолжалось нѣсколько дней.

Однажды вечеромъ Эриксонъ вернулся домой въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Онъ разсказалъ рабочимъ массу анекдотовъ и угостилъ ихъ за ужиномъ рюмкою водки. За столомъ просидѣли дольше обыкновеннаго, и когда Эриксонъ вошелъ въ спальню, онъ былъ такъ веселъ и возбужденъ, что жена его никакъ не могла объяснить себѣ этого.

— Хотѣлось ли бы тебѣ разбогатѣть?—спросилъ онъ, наконецъ.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него, обрадовавшись его дружескому обращенію къ ней. Ей показалось, что горе, вкравшееся въ ея жизнь, разсѣевается, и она отвѣтила:

— О, конечно! Это было бы очень пріятно. Но мнѣ кажется, что намъ и теперь живется хорошо.

Онъ усѣлся въ уголокъ дивана и тихо засмѣялся, закуривая трубку.

— Ну, да, намъ живется недурно. Но лучшее всегда будетъ лучшимъ.

— Да какимъ образомъ все это можетъ случиться?

— Какимъ образомъ все это можетъ случиться?—переспросилъ онъ.—Это ужь мое дѣло. Потерпи только немного. Вотъ что я придумалъ.

Вынувъ изъ жилета ключъ, онъ отперъ коммодъ, взялъ изъ маленькаго ящика листокъ бумаги и съ хитрою улыбкой показалъ его женѣ.

— Здѣсь все положено на цифры,—сказалъ онъ.—Теперь послушай. Ты знаешь лѣсъ, который находится на границѣ нашей земли? Онъ стòитъ очень дорого.

— Ну, такъ что же? Мы можемъ брать изъ него только дрова на топливо. Рубить его мы не имѣемъ права.

— Рубить? Ну, да, конечно. Но я могу его купить, купить его весь, какъ онъ стоитъ и ростетъ. Ты слышала, какъ лѣсопромышленники разъѣзжаютъ по нашимъ шхерамъ, какъ они скупаютъ лѣса и нанимаютъ людей, чтобы рубить ихъ и перевозить дерево

къ морю. Если бы мнѣ удалось купить лѣсъ въ разсрочку, я могъ бы заняться зимою рубкой, рубить его исподволь, своими рабочими, свозить его помаленьку къ морю и продавать его или на дрова, или на постройки, какъ придется. Ты, вѣдь, знаешь, какіе здѣсь есть громадные дубы, какія ели, какія сосны. У насъ тутъ высочайшія мачтовыя деревья, которыя упадутъ сами собой, если ихъ во-время не срубить.

— Да, но развѣ баронъ согласится?

— Да, я думаю, что онъ согласится. Онъ получитъ массу денегъ, а у каждаго есть прорѣхи, которыя пріятно заткнуть.

Нѣкоторое время они сидѣли молча, задумавшись. Каждый изъ нихъ понималъ, какую перемѣну могло произвести это предпріятіе въ ихъ жизни, и странныя мысли бродили у нихъ въ головѣ. Въ комнатѣ стемнѣло; въ маленькія окна проникалъ слабый свѣтъ. Теплая іюльская ночь уже объяла поля, лѣса и луга и среди этой тихой, темной ночи возникала для нихъ смутная надежда, надежда на лучшее будущее, на лучшіе дни.

Поздно легли супруги спать.

Было рѣшено, что Эриксонъ черезъ нѣсколько дней съѣздитъ къ барону и переговоритъ съ нимъ о дѣлѣ. Но начались ненастные дни, а затѣмъ наступила жатва. Поѣздка откладывалась со дня на день. Эриксонъ думалъ, что время еще терпитъ. Лѣсъ все стоялъ на мѣстѣ.

Прошло такимъ образомъ два мѣсяца, пока совершалась уборка сѣна, ржи и пшеницы. Въ послѣдніе дни пошелъ дождь и промоклый овесъ пришлось продержать въ копнахъ въ ожиданіи теплыхъ солнечныхъ лучей, которые бы его просушили.

Съ солнцемъ явился и вѣтеръ, и на хуторѣ закипѣла работа. Наконецъ, послѣдняя копна хлѣба была свезена въ ригу и Эриксонъ вечеромъ сказалъ женѣ:

— Завтра я поѣду переговорить съ барономъ.

Былъ ясный сентябрьскій день, когда онъ сѣлъ въ лодку и отчалилъ отъ берега въ надеждѣ вступить скоро въ новую жизнь. По морю легкою дымкой стлался туманъ, смягчая контуры шхеръ и острововъ. Солнце свѣтило сквозь него точно большой золотой шаръ. Легкій утренній вѣтерокъ бороздилъ слегка поверхность водяной массы.

Эриксонъ спокойно и въ тактъ двигалъ весломъ, не оглядываясь, какъ человѣкъ, который знаетъ фарватеръ какъ свои пять пальцевъ, лодка какъ бы сама собою тихо поворачивала изъ сто-

роны въ сторону среди шхеръ, черезъ узкіе проливы, точно внизу подъ ней не было ни подводныхъ камней, ни скалъ, о которые она могла легко разбиться.

Онъ былъ нѣсколько смущенъ мыслью о предстоящемъ свиданіи, о томъ, что̀ онъ скажетъ барону. Онъ заранѣе сочинялъ рѣчь и придумывалъ, какими словами будетъ онъ убѣждать барона, если тотъ заартачится.

А что̀, если онъ не захочетъ продать лѣса?

О, нѣтъ, какая ему могла быть польза не рубить лѣса, когда онъ ужь такъ старъ и не приноситъ ему никакого дохода?

Эриксонъ привязалъ лодку, спряталъ трубку, надѣлъ сюртукъ и тщательно застегнулся. Затѣмъ, вынувъ изъ жилета маленькую табакерку съ зеркальцемъ, онъ снялъ шляпу и пригладилъ рукой волосы. Почистивъ шляпу, онъ надѣлъ ее и сталъ смотрѣть на себя въ зеркало. Осмотръ, повидимому, удовлетворилъ его. Онъ спряталъ табакерку въ карманъ и быстро зашагалъ по дорогѣ, которая вела къ господскому дому.

Большая собака съ громкимъ лаемъ выбѣжала ему на встрѣчу. Онъ ласково заговорилъ съ ней, усмирилъ и направился въ кухню, не переставая оглядываться на собаку, которая, ворча, слѣдовала за нимъ.

Онъ вошелъ и спросилъ, дома ли баронъ. Пока служанка ходила справляться, онъ стоялъ у дверей съ шляпою въ рукахъ. Наконецъ, она вернулась и пригласила его войти въ домъ.

Баронъ стоялъ среди залы съ сигарою въ зубахъ. Это былъ высокій, худой человѣкъ съ изжелто-блѣднымъ лицомъ и добрыми глазами, привѣтливо глядѣвшими изъ-за pence-nez въ черной роговой оправѣ.

Онъ ласково кивнулъ головой крестьянину, который, поставивъ шляпу на полъ передъ собою, низко поклонился ему.

— Здравствуй, Эриксонъ,—и баронъ подошелъ и протянулъ крестьянину руку. —Какъ хорошо, что ты именно сегодня пришелъ ко мнѣ. Я уже собирался посылать за тобою.

Эриксонъ пришелъ въ себя. Онъ посмотрѣлъ вокругъ и, переминаясь съ ноги на ноги, отвѣтилъ односложнымъ «да?», причемъ крякнулъ, точно собираясь еще что-то сказать.

— У меня только что былъ одинъ господинъ,— продолжалъ баронъ, затягиваясь сигарой,—который условился со мною насчетъ покупки лѣса, смежнаго съ твоею землей. Онъ спрашивалъ, не могу ли я указать ему какого-нибудь вѣрнаго человѣка, который взялся бы рубить лѣсъ и доставлять его къ мо-

рю. Я вспомнилъ, что это можетъ быть хорошій зимній заработокъ для тебя.

Эриксонъ стоялъ неподвижно, опустивъ голову. Ему казалось, что онъ пригвожденъ къ землѣ, и онъ боролся съ собою, чтобы совладать съ своимъ волненіемъ.

— Развѣ вы уже продали лѣсъ?—спросилъ онъ.

Баронъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ну, да, я его продалъ. Я тебѣ уже это говорилъ.

— Я думалъ иначе и пріѣхалъ спросить, не продадите ли вы его мнѣ?

— Теперь ужь ничего нельзя подѣлать. Невозможно. Если бы ты пришелъ вчера. А теперь ужь слишкомъ поздно.

— Да, конечно.—Но черезъ минуту Эриксонъ спросилъ:— А если бы я пришелъ вчера, вы бы согласились?

— Конечно, я ничего не имѣлъ бы противъ этого. Но сдѣланнаго не воротишь, даже если бы я и хотѣлъ.

Эриксонъ нѣсколько минутъ простоялъ молча. Затѣмъ, какъ бы въ полуснѣ поднявъ съ полу шляпу, онъ сказалъ:

— Коли такъ, такъ нечего и говорить. Прощайте.

Онъ взялся рукой за дверь.

— Ты еще не отвѣтилъ на мой вопросъ. Хочешь ли ты заняться рубкой лѣса и перевозомъ?

Нѣкоторое время крестьянинъ смотрѣлъ разсѣянно на барона, какъ бы не понимая, въ чемъ дѣло. Но вскорѣ лицо его приняло обычное ему задумчивое, хитрое выраженіе, глаза оживились, и онъ спросилъ:

— Какъ вы думаете, ваше благородіе, много ли онъ мнѣ за это дастъ?

— Это ужь ваше дѣло, какъ вы тамъ сойдетесь. Онъ скоро пріѣдетъ въ ваше мѣсто, будетъ осматривать лѣсъ, вотъ ты съ нимъ и сторгуешься.

— Хорошо, я переговорю съ нимъ.

Баронъ протянулъ ему руку.

— Такъ я ему передамъ твой отвѣтъ. Онъ будетъ у меня, навѣрное, на слѣдующей недѣлѣ.

Эриксонъ опять поклонился.

— Благодарю васъ за то, что вы подумали обо мнѣ.

— Не за что, мой милый. Ну, прощай. Жаль, что ты не пришелъ раньше. Но, можетъ быть, ты хоть что-нибудь заработаешь.

Эриксонъ ушелъ. Слегка сгорбившись, съ опущенною низко

головой направился онъ къ берегу моря большими, тяжелыми шагами, сѣлъ въ лодку и съ силою оттолкнулъ ее.

Онъ былъ совершенно ошеломленъ. Зачѣмъ онъ пришелъ, чего онъ желалъ, что говорилъ, что случилось,—все это вихремъ носилось въ его головѣ. Онъ не могъ разобраться въ этомъ хаосѣ. Наконецъ, онъ вспомнилъ и понялъ, что надежда, озарившая было его жизнь, исчезла для него навсегда. Ему никогда больше не удастся выкарабкаться изъ положенія, въ которомъ онъ находился, ему всегда придется вести такую собачью жизнь, какъ теперь. Радужныя его мечты разсѣялись въ прахъ. Всегда будетъ стоять передъ нимъ работа, которая не будетъ никогда доведена до конца.

Никогда еще ему не было такъ тяжело возвращаться домой. Тамъ его ждетъ жена. Она выйдетъ къ нему на встрѣчу, приготовивъ праздничный обѣдъ по случаю торжественнаго дня, и спроситъ, какъ устроилось его дѣло, а онъ долженъ будетъ отвѣчать ей, что имъ до смерти придется вести прежнюю жизнь, работать и трудиться до глубокой старости и передать сыну въ наслѣдство только несчастную аренду бѣдняка-крестьянина, при которой не будетъ даже лѣса. Потому что пока мальчикъ выростетъ, лѣсъ уже успѣютъ весь вырубить и вѣтеръ будетъ свободно прогуливаться по полямъ и лугамъ.

Медленно подвигался онъ впередъ, но у подножія горы остановился и сѣлъ, чтобы хоть немного отдалить время возвращенія домой.

Но ему пришла въ голову мысль, что дѣло отъ этого нисколько не улучшится. Это какъ больной зубъ. Чѣмъ скорѣе вырвешь, тѣмъ лучше. Только напрасно длишь мученье.

Онъ всталъ и взобрался на гору.

У оконъ и двери никого не было. Тихо и осторожно вошелъ онъ въ домъ. Среди кухни стояла Теа. Въ рукахъ у нея былъ большой мотокъ шерсти, который она опускала въ ведро съ краскою.

При видѣ мужа, она выпустила мотокъ и пошла ему на встрѣчу. Не глядя на нее, онъ подошелъ къ окну и бросилъ шляпу на полъ.

— Ну?

Онъ не сразу отвѣтилъ, придумывая уклончивое объясненіе.

— Ну, какъ же дѣла, Эриксонъ? Что же ты мнѣ ничего не отвѣчаешь?

И она осторожно дотронулась до него рукою, чтобы не запачкать краскою его воскресное платье.

У него вырвался именно тотъ отвѣтъ, котораго онъ хотѣлъ избѣжать.

— Лѣсъ былъ проданъ раньше,—сказалъ онъ тихо, не подымая глазъ.

Она отступила на шагъ и присѣла у стола.

Эриксонъ обернулся къ ней. Она плакала.

— Ну, что же дѣлать? — сказалъ онъ. — Но мнѣ перепадетъ кое-что. Я буду зимою рубить лѣсъ и перевозить его къ морю.

Но Теа плакала такъ, что слезы текли у нея ручьями по лицу. Она встала, вытерла руки, крѣпко обняла мужа за шею и, рыдая, громко заголосила:

— О, Боже мой, Эриксонъ, о, Боже мой!

Одна зима проходила за другою. Эриксонъ не купилъ лѣса, но зарабатывалъ кое-что извозомъ. Онъ уже успѣлъ примириться со своею неудачей и могъ спокойно разсказывать о ней, увѣряя даже, что все устроилось къ лучшему. А Теѣ случалось не разъ быть побитою мужемъ, но она не принимала уже этого такъ близко къ сердцу, какъ прежде. Она знала, что мужъ ее любитъ, притомъ, обыкновенно, онъ былъ очень добръ къ ней.

М. Л.

ПАВЛОВСКІЕ ОЧЕРКИ *).

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Скупщикъ и скупщицкая философія.

I.

Скупщицкій юморъ.

Что такое скупщикъ?

Еще недавно незачѣмъ было и предлагать этотъ вопросъ. Всѣ мы были увѣрены, что кустарный строй—чуть не идеальный промышленный строй, выработавшійся въ самобытнѣйшихъ нѣдрахъ русской жизни, а скупщикъ—единственное зло, язва, разъѣдающая это совершеннѣйшее созданіе нашей самобытности.

Теперь не то. Теперь все чаще и чаще слышатся голоса въ защиту скупщика. Сначала болѣе или менѣе робкіе, неувѣренные, въ послѣднее время они раздаются все громче, и теперь можно уже услышать и прочитать, что скупщикъ есть истинный благодѣтель неблагодарной кустарной массы, бѣдствующей исключительно по винѣ собственныхъ пороковъ и, главнымъ образомъ, расточительности и пьянства.

Судьба этого частнаго вопроса тѣсно связана съ судьбой многихъ коренныхъ взглядовъ на основные вопросы нашей жизни: прежде мы не церемонились со скупщикомъ, теперь уже не церемонимся съ народомъ.

Такъ, вотъ, что же такое скупщикъ на самомъ дѣлѣ? Язва или благодѣтель, врагъ или покровитель производства, необходимое его звено или случайный, недоброкачественный наростъ на здоровомъ тѣлѣ? И, главное, что̀ несетъ онъ съ собой: совершенствованіе и развитіе кустарной формы, или же ея омертвѣніе и гибель?

Мы слышали уже, что̀ говорятъ о скупщикахъ кустари. Безъ

*) *Русская Мысль*, кн. X.

сомнѣнія, кустари — сторона пристрастная. Однако, если бы вы захотѣли послушать, что̀ говорятъ скупщики другъ о другѣ, картина получилась бы едва ли красивая.

Вотъ, напримѣръ, жанровая картинка въ чисто-павловскомъ вкусѣ.

Свѣтлый, лѣтній вечеръ. Солнце освѣщаетъ покатую улицу, межъ крышъ мелькаетъ рѣка, съ другой стороны виднѣются горы съ лачугами. Дымятся кое-гдѣ кузницы. Изъ раскрытыхъ оконъ несется на улицу визгъ пилъ и стукъ молотковъ. Рабочій день еще не конченъ, до понедѣльника далеко.

На лавочку передъ воротами своихъ палатъ садится Осипъ Ивановичъ Портянкинъ, крупный скупщикъ и торговецъ. Это человѣкъ толстый, съ нѣсколько оплывшими чертами лица. Глаза его, скользящіе вдоль спокойной улицы, свѣтятся лѣнивымъ юморомъ.

Это совершенно особенный павловскій юморъ.

Слыша разсказы кустарей объ «отъемѣ», о наивно-грабительскихъ выходкахъ павловскихъ «озорниковъ и путаниковъ», я представлялъ себѣ ихъ мрачными, угрюмыми субъектами, чѣмъ-то вродѣ тѣхъ подвижниковъ легендарныхъ муромскихъ лѣсовъ, что выходили на дорогу съ незатѣйливыми лѣсными дубинами въ рукахъ. И я былъ очень удивленъ, встрѣтивъ въ нихъ весьма неглупыхъ, по-своему, людей, съ глазами, способными отсвѣчивать огнемъ тонкой ироніи и этимъ своеобразнымъ юморомъ.

Правда, отъ этого юмора становится порой неловко.

Мнѣ разсказывали, что какъ-то недавно въ лавку Осипа Ивановича зашло «начальство». Производилось оффиціальное «изслѣдованіе» по поводу заявленія о бѣдствіи въ Павловѣ и начальство съ учеными цѣлями присутствовало при скупкѣ и пріемкѣ. Осипъ Ивановичъ, по своему обыкновенію, разсчитывался при посредствѣ «промѣна» и «третьей части».

— Не надо бы промѣну брать,—сказалъ начальникъ.

Осипъ Ивановичъ посмотрѣлъ на него своимъ проницательно-ироническимъ взглядомъ и сказалъ спокойно:

— На роду мнѣ написано брать съ нихъ, подлецовъ, промѣнъ. Ничего не подѣлаешь.

— Ты бы хоть меня постыдился.

— Не стыдимся мы денежку наживать. Да и что намъ тебя, ваше благородіе, стыдиться?

Говорятъ, начальникъ, уже въ силу своей особенной профессіи видавшій всякіе виды, потупился и слегка покраснѣлъ подъ этимъ твердымъ взглядомъ павловскаго юмориста.

Такимъ же взглядомъ смотритъ онъ теперь вдоль тихой улицы, по которой ласково скользятъ солнечные лучи, золотя мураву на косогорахъ, насѣдку съ цыплятами, разгребающую желѣзный мусоръ и опилки, воробьевъ, купающихся въ мягкой пыли. Въ этомъ взглядѣ изъ прищуренныхъ заплывшихъ глазъ такъ и сквозитъ какая-то дремлющая, нѣсколько циничная насмѣшка. Какъ будто этотъ человѣкъ знаетъ что-то нелестное и объ улицѣ съ ея тихимъ покоемъ, и о насѣдкѣ, и о воробьяхъ, и даже о солнцѣ, льющемъ свои золотые лучи. Они одинаково свѣтятъ и на безпечнаго воробья, и на кошку, которая тихо крадется подъ заборомъ, сверкая на глупую птицу жадными глазами. Мгновеніе — и глупая птица уже въ ея лапахъ, и мягкая пыль обагряется глупою птичьею кровью.

Да, солнце одинаково свѣтитъ на хищника и на жертву, но человѣкъ, который смотритъ на нихъ, повидимому, отлично знаетъ, что гораздо лучше быть первымъ, чѣмъ послѣдней.

И онъ увѣренъ, кромѣ того, что всѣ думаютъ такъ же, но только одни хотятъ и умѣютъ занять это удобное положеніе подъ солнышкомъ Божіимъ, а другіе тоже хотятъ, но не умѣютъ.

У него есть и умѣніе, и желаніе.

И вотъ почему его умные глаза свѣтятся, или, вѣрнѣе, лоснятся, этимъ насмѣшливымъ довольствомъ, и вотъ почему подъ этимъ взглядомъ порой становится такъ неловко.

Но вотъ, обѣжавъ вдоль улицы, взглядъ Осипа Ивановича падаетъ на противуположную сторону. Тамъ, на такой же лавочкѣ, у такихъ же воротъ, оказывается сидящимъ другой павловецъ, молодой скупщикъ Александръ Семеновичъ Чайкинъ, въ просторѣчіи называемый Лёской, который смотритъ на Осипа Ивановича такимъ же «павловскимъ» взглядомъ.

Глаза сосѣдей встрѣчаются и обоимъ становится не по себѣ, какъ будто каждый подглядѣлъ что-то въ другомъ. Они отводятъ глаза, но черезъ минуту обоихъ тянетъ опять посмотрѣть на противуположную сторону.

— Что, радуешься, — спрашиваетъ равнодушно Осипъ Ивановичъ, — дядьевъ-то обокравши?

Чайкинъ такъ же равнодушно отвѣчаетъ:

— Что тутъ! какіе мы еще воры! А вотъ у кого лошади по недѣлѣ не распряжены стояли, помнишь ты, Осипъ Ивановичъ?

И молодой «Лёсынька» напоминаетъ старому «Ванькѣ» одинъ изъ эпизодовъ его собственной біографіи.

Разговоръ, съ его тонкими намеками, понятными однимъ павловцамъ, мгновенно пресѣкается. Противники чувствуютъ, что оба

достойны другъ друга и оба одинаково твердо и не потупясь встрѣчаютъ эти шутки. А это, дѣйствительно, только шутки. Черезъ минуту, пыхтя и отдуваясь, выходитъ съ подсолнухами въ карманѣ супруга Осипа Ивановича и садится рядомъ съ мужемъ.

— Переходи-ко-те къ намъ, Ликсанъ Семенычъ,—говоритъ она Чайкину.—Вмѣстѣ веселяе.

Чайкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, переходитъ черезъ улицу, и вотъ когда можно бы услышать много любопытнаго о всѣхъ сосѣдяхъ, ближнихъ и дальнихъ, этихъ трехъ представителей негодующей павловской добродѣтели.

Разспросите въ Павловѣ о происхожденіи богатства того или другого изъ существующихъ нынѣ богатыхъ домовъ. Конечно, есть исключенія, но за то большинство этихъ разсказовъ таковы, что подъ ихъ вліяніемъ разлетаются всякія иллюзіи о такъ называемомъ «честномъ накопленіи», и нѣкоторыя легенды очень густо окрасились тѣмъ же павловскимъ юморомъ.

Вотъ, напримѣръ, къ старику Акиѳьеву или Долганову является съ ирбитской ярмарки молодой прикащикъ. Дѣла шли превосходно, вышла, какъ говорятъ въ Павловѣ, настоящая «упайка», товаръ «шелъ ходомъ», и прикащикъ сдаетъ при отчетѣ крупную сумму.

Разсчетъ покончeнъ, старикъ отворяетъ столъ и кидаетъ туда дрожащею рукой пачки денегъ. Въ это время прикащикъ, не говоря ни слова, кладетъ передъ нимъ еще одну пачку въ три тысячи.

— Это что?—спрашиваетъ хозяинъ, вскидывая глазами на потупившагося прикащика.

— Это-съ,—скромно говоритъ тотъ,—еще сверхъ того... Позвольте сказать: утаилъ, да совѣсть взяла. Не будетъ ли милости вашей, гля, значитъ, награжденія...

Скупой старикъ быстро сгребаетъ пачку и щелкаетъ замкомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ. Не умѣлъ взять безъ вѣдома, не взыщи, не дамъ!... Глупъ, глупъ, Ванюша...

И онъ окидываетъ Ванюшу ласковымъ взглядомъ съ оттѣнкомъ сожалѣнія.

— А я и то взялъ цѣлыхъ десять тысячъ,—говорилъ впослѣдствіи, въ откровенныя минуты, скромный Ванюша, ставшій самъ не послѣднимъ торговцемъ.

И это одинъ изъ самыхъ безобидныхъ разсказовъ.

Да, несомнѣнно, много мрачныхъ эпизодовъ хранитъ прошлое этихъ палатъ, а ихъ настоящее едва ли многимъ свѣтлѣе. Скупщикъ глубоко презираетъ кустаря, съ которымъ «хороводится» всю

свою жизнь, не встрѣчаясь съ нимъ на иной почвѣ, кромѣ взаимной хитрости и взаимнаго желанія «обойти», вырвать побольше изъ этихъ чисто-боевыхъ отношеній. Но не менѣе презираетъ и ненавидитъ онъ свою братью, съ которой тоже почти исключительно сталкивается на почвѣ конкурренціи. У нихъ совсѣмъ нѣтъ того, что называется «средою», а въ стѣнахъ этихъ палатъ царятъ еще въ полномъ разцвѣтѣ нравы отжившаго «темнаго царства».

Однако, надо, въ самомъ дѣлѣ, быть справедливыми и къ скупщицкому сословію.

Всѣмъ извѣстно, что среди рабочихъ есть лѣнтяи и пьяницы; однако, мы знаемъ также, что существенная черта того коллективнаго типа, который носитъ названіе рабочаго, вовсе не то, что онъ пьянствуетъ и лѣнится, а то, что онъ трудится и производитъ. Иначе у насъ былъ бы одинъ питейный вопросъ и вовсе не было бы вопроса рабочаго. Такимъ образомъ, и для характеристики этого класса мы должны обращаться не въ кабакъ, а въ мастерскую,—не къ тѣмъ, кто, главнымъ образомъ, пьянствуетъ, а къ тѣмъ, кто, главнымъ образомъ, работаетъ, и по ихъ положенію судить и дѣлать тѣ или другіе выводы.

Я нахожу, что справедливость требуетъ примѣнить и къ скупщикамъ ту же точку зрѣнія. Положимъ, что Портянкинъ беретъ «нà гуся» и даже «отъемомъ», но очевидно, что въ Портянкинѣ проявляется не смыслъ явленія, а только безсмыслица. Человѣкъ, который, по признанію даже людей своего сословія, «срамитъ свое званіе», очевидно, ничего не можетъ представить въ его защиту. Защищать его могутъ люди, которые, такъ или иначе, свое званіе соблюдаютъ. Пусть ихъ будетъ меньшинство, пусть будетъ только два-три такихъ скупщицкихъ праведника, и они уже имѣютъ право на наше вниманіе. Мы должны выслушать, чтò несутъ они съ собою, какъ именно они понимаютъ свою дѣятельность, каковы ихъ понятія о вскормившемъ ихъ бытѣ, о родномъ селѣ, о кустарномъ строѣ, объ ихъ собственномъ мѣстѣ въ этомъ строѣ, объ ихъ собственномъ мѣстѣ въ отечествѣ.

Не это ли можно бы назвать скупщицкою идеей, и не въ этомъ ли видѣ мы должны, главнымъ образомъ, судить явленіе? Зная, чтò есть, нужно еще узнать, чтò можетъ и чтò хочетъ быть... И тогда уже мы можемъ произносить то или другое сужденіе.

Вотъ какія соображенія роились у меня въ мозгу, когда послѣ скупки, зарываясь головой въ подушку, я не могъ отбиться отъ назойливаго буханія больнаго колокола, и вотъ почему я рѣшилъ

во что бы то ни стало познакомиться съ Дмитріемъ Васильевичемъ Дужкинымъ...

Съ этимъ рѣшеніемъ, какъ помнитъ читатель, я и заснулъ на постояломъ дворѣ, въ туманное зимнее утро послѣ скупки.

II.

Объ экономическомъ человѣкѣ.

Слыхали ли вы когда-либо объ экономическомъ человѣкѣ?

Экономическій человѣкъ выдуманъ учеными людьми собственно для научнаго употребленія и изготовленъ по чисто-отрицательному рецепту. Для этого взяли обыкновеннаго человѣка и у него, какъ лепестки у махроваго цвѣтка, оборвали и отбросили прочь всѣ душевныя свойства, всѣ побужденія, всѣ невинныя глупости, всѣ страсти, чувства, стремленія, кромѣ простѣйшихъ стремленій къ стяжанію богатства, къ такъ называемой экономической выгодѣ.

Если бы этотъ человѣкъ размножился и заполнилъ землю, это было бы большою потерей въ экономіи природы, но отъ этого очень много выиграла бы политическая экономія. Человѣческая природа проиграла бы оттого, что всѣ ея цвѣтки, вся игра ея красокъ, всѣ благоуханія сразу бы исчезли. Но экономическая наука покрыла бы всѣ остальныя знанія, стала бы наукой наукъ, пріобрѣла бы точность и пророческія способности астрономіи: все неуловимое, все безконечно-сложное и потому безконечно-безпорядочное движеніе въ человѣчествѣ сразу стало бы упрощеннымъ и стройнымъ, всѣ мы задвигались бы по одинаково описаннымъ, опредѣленнымъ орбитамъ, и законы человѣчества стали бы непреложны и непререкаемы, какъ законы тяготѣнія.

Вотъ что, собственно, прельщало нѣкоторыхъ ученыхъ людей, мечтавшихъ уже о весьма точной гармоніи подлежащихъ несложному учету силъ и интересовъ... Къ счастію, не всѣ мечты, рождающіяся въ иныхъ даже очень ученыхъ головахъ, осуществимы...

И, однако, экономическій человѣкъ, все-таки, существуетъ. Нѣтъ такого образа, нѣтъ такого намека на образъ въ запасѣ человѣческой мысли, которые бы не поторопилась уже гораздо ранѣе, когда-нибудь, гдѣ-нибудь осуществить вѣчно творящая природа. Такимъ образомъ, задолго еще до того, какъ передъ взглядами ученыхъ людей обрисовался во всей полнотѣ идеалъ экономическаго человѣка, самъ экономическій человѣкъ, сухой и лишенный всѣхъ излишнихъ украшеній, уже слонялся по бѣлу свѣту, среди остальныхъ дѣтей общей матери, смотрѣлъ кругомъ своимъ острымъ

взглядомъ, зловѣще сверкавшимъ на всѣ яркіе лепестки и роскошные придатки жизни...

Только неисправимая мотовка - природа, любящая цвѣты, переливы и благоуханія, стремящаяся къ излишеству и сложности формъ, вмѣсто ихъ упрощенія, всюду, гдѣ только появляется это благоразумнѣйшее, повидимому, изъ ея дѣтищъ, брезгливо отворачивается отъ него и протестуетъ: вокругъ него все тускнетъ, омрачается, вянетъ и усыхаетъ, и даже самое богатство обращается въ сухой, костлявый, истомленный неутолимымъ голодомъ призракъ...

Впрочемъ, это только присказка. А теперь я обращусь къ прямой задачѣ этого очерка, къ біографіи Дмитрія Васильевича Дужкина, къ изложенію его взглядовъ и его программы.

III.

Дужкинская школа.

Жилъ-былъ въ Павловѣ кустарь Василій Ивановъ, по прозванію Дужкинъ.

Это было еще въ то время, когда жилось мастерамъ посвободнѣе, ножъ и замокъ шли съ рукъ порядочно, мастерство не подходило на убыль и цѣны держались довольно крѣпко. Чаще тогда слышались въ Павловѣ пѣсни, мастера покупали себѣ хорошія шубы, женамъ дарили платки и узорные ситцы, утѣшались по праздникамъ кулачными боями, въ домахъ стѣны распирались отъ толпы, глазѣвшей на бой кочетовъ, да, правду сказать, не разъ къ празднику прихватывали безпечные мастера и будней, а «расходъ вели по приходу». Мастерство всегда въ рукахъ, думали они, и не чаяли, не гадали о черныхъ дняхъ и невзгодахъ.

Василій Ивановъ не отличался особенными талантами, работалъ самый простой ножъ, не требующій никакой ловкости или сноровки. Но за то при продажѣ торговался такъ, что выводилъ изъ терпѣнія самыхъ терпѣливыхъ скупщиковъ и не имѣлъ никакихъ слабостей. Никогда не видали его въ кабакѣ, мимо всякихъ гулянокъ онъ проходилъ съ суровымъ видомъ осужденія, появляясь только въ церкви по праздникамъ, да на базарѣ въ понедѣльникъ. Все остальное время онъ работалъ въ своей мастерской. Одѣвался бѣдно, жилъ такъ же, и всякую копѣйку откладывалъ, урѣзывая себя, даже въ то сравнительно обильное время, во всемъ самомъ необходимомъ.

— Да-съ, стариннаго закалу былъ человѣкъ, —говоритъ о немъ

Дмитрій Васильевичъ,—какихъ ныньче видится мало. Насъ у него было двое: я, да братецъ старшій,—покойникъ теперь. Любить онъ насъ, полагать надо, любилъ, а жалѣлъ... маловато. Съ осьми лѣтъ ужь мы у него съ молоткомъ познакомились. Скричатъ вторые пѣтухи—будитъ, а ложились часовъ въ одиннадцать. И если по-нынѣшнему объ немъ говорить, надо сказать—скупой, а встарину говорили — бережливый. Баловства мы отъ него не видали. Чаемъ насъ поилъ разъ въ недѣлю: послѣ вечеренъ въ субботу. Брату, какъ онъ больше помогалъ, четыре чашки, кусокъ сахару. Мнѣ, какъ я помогалъ меньше, двѣ чашки, полкуска. Хе-хе-хе... Да-съ, маловато баловалъ насъ, маловато. Теперь, вотъ, господа кустари изволятъ жаловаться: чай плохой торговцы отпускаютъ... И многіе господа кустарей жалѣютъ, о кустаряхъ многіе господа заботятся. Бѣдные, несчастные... Ба-лов-ство-съ!... Объ насъ, позвольте спросить-съ, заботились? Насъ, позвольте спросить, жалѣли... собственные родители?... Двѣ чашки, полкуска-съ!... Вотъ какъ!

На лицѣ Дмитрія Васильевича, когда онъ произносилъ эти слова, было какое-то странное выраженіе: жалѣлъ ли онъ о своемъ дѣтствѣ, проведенномъ въ желѣзныхъ тискахъ безпощадной наживы, или съ сыновнею нѣжностью вспоминалъ суроваго родителя, который умѣлъ любить, не жалѣя?... Можетъ быть, то и другое. Какъ бы то ни было, онъ тотчасъ же отряхнулся и на блѣдномъ лицѣ проступилъ крѣпкій румянецъ. Такой румянецъ и на такихъ лицахъ вспыхиваетъ не сразу, но за то долго не угасаетъ.

— Да-съ, не видали мы баловства въ младыхъ лѣтахъ и посейчасъ благодарю своего родителя, царствіе небесное, что научилъ уму-разуму, какъ надо на свѣтѣ жить...

Дмитрій Васильевичъ говоритъ это съ полнымъ убѣжденіемъ и даже съ оттѣнкомъ благоговѣнія. Онъ знаетъ, что въ суровой системѣ его родителя, расцѣнивавшаго такъ точно, даже въ кускахъ сахара, производительныя услуги дѣтей,—проявлялась не простая скупость, въ обыденномъ значеніи этого слова. Нѣтъ, у суроваго кустаря были свои задачи въ жизни, и къ нимъ онъ пригонялъ все остальное безъ послабленій и безъ пощады. Кромѣ слабостей, вродѣ гулянокъ, щегольства, кочетиныхъ боевъ, онъ устранилъ изъ своего сердца также и слабости, присущія другимъ родителямъ въ отношеніи дѣтей.

Посредствомъ этой системы, путемъ неуклонной энергіи и истинно-геройскихъ лишеній, онъ скопилъ первую тысячу ассигнаціями. Прибавивъ послѣдній рубль къ накопленнымъ ранѣе, онъ поставилъ свѣчу своему угоднику въ церкви, крѣпко помолился,

еще крѣпче подумалъ самъ и позвалъ старшаго сына для совѣта. Кустарь задумалъ открыть торговлю.

Это былъ шагъ очень серьезный.

— Думаете, сразу пустилъ въ оборотъ всю сумму?—спросилъ у меня Дмитрій Васильевичъ, лукаво улыбаясь при этомъ воспоминаніи.—Какъ бы не такъ! Нѣ-ѣ-тъ... Старинные люди этого не любили... пыль-то въ глаза пускать. Встарину любили потихоньку, да чтобы крѣпче. Подумали они, потолковали съ братомъ, потомъ сняли тихонечко лавчонку нехитрую, попросили у сосѣда лошадь съ телѣгой, да, благословясь, въ Нижній... Купили на 500 ассигнацій желѣза и съ Господомъ... открыли торговлю, клёпань да проволоку мастерамъ по мелочи продавать. Встарину, милостивый государь, это не такъ легко зачиналось, какъ нынѣ, это дѣло встарину было серьезное-съ.

Я легко представилъ себѣ, что это, дѣйствительно, было дѣло серьезное. Василій Дужкинъ отдѣлялся отъ своей среды, изъ мастера дѣлался торговцемъ. Вотъ для чего всю жизнь онъ терпѣлъ лишенія, вотъ для чего хирѣли и чахли въ непосильномъ трудѣ его дѣти. И теперь при взглядѣ на его сына, разсказывавшаго мнѣ эту поэму наживы и накопленія, я, казалось мнѣ, читалъ даже въ его лицѣ исторію непривѣтнаго дѣтства. Въ глазахъ моего собесѣдника горѣлъ огонь, на щекахъ стоялъ этотъ крѣпкій румянецъ, обнаруживавшій желѣзную натуру отца. Но въ его чертахъ, во всей фигурѣ, состоявшей изъ однихъ костей и сухожилій, сказался непосильный ранній трудъ и лишенія. Онъ напоминалъ растеніе изъ крѣпкой породы, выросшее въ глухомъ углу, безъ тепла и свѣта.

Дѣло это старикъ начиналъ въ старости, на склонѣ жизни. Для кого? Для дѣтей? Старшій сынъ рано зачахъ и умеръ, младшій съ честью ведетъ дѣло отца, пройдя всю его школу. Но мнѣ кажется, не будь даже у стараго мастера ни одного сына, онъ, все - таки, сдѣлалъ бы свое дѣло, выполнилъ бы провиденціальное назначеніе экономическаго человѣка, изъ-за котораго душа его не знала жалости ни къ себѣ, ни къ дѣтямъ.

Какъ бы то ни было, рѣшительный шагъ сдѣланъ. Теперь уже деньга должна была родить деньгу, а дѣтей оставалось пріучить къ уходу за ней при новыхъ условіяхъ.

Понятно, что этотъ шагъ къ выдѣленію изъ своей среды, къ переходу изъ мастеровъ въ торговцы, среда эта встрѣтила не особенно дружелюбно. «Дужкинъ съ молоткомъ распрощался, Дужкинъ выходитъ въ торговцы! Тысячникъ, милліонщикъ!»—иронизи-

ровали павловскіе Аверьяны, саркастически кланяясь новому торговцу, пуская ему въ догонку насмѣшки и остроты. Это бываетъ всегда: среда мирится съ существующимъ фактомъ превосходства, но не терпитъ и ненавидитъ такой фактъ, возникающій у нея на глазахъ.

Старикъ невозмутимо выслушивалъ эти насмѣшки, платя за нихъ порой только взглядомъ, въ которомъ загоралась вражда и презрѣніе. Онъ зналъ, что разлетись его завѣтная мечта прахомъ, проторгуйся онъ, спусти свои кровныя деньги на плохо обдуманное предпріятіе, и ему до конца его жизни не простятъ неудачу, до конца жизни онъ будетъ служить посмѣшищемъ всѣмъ острякамъ—Аверьянамъ Павлова и всѣхъ деревень.

Но старый Дужкинъ шагалъ обдуманно и осторожно. Во-первыхъ, онъ затратилъ не всѣ деньги; во-вторыхъ, не бросалъ молотка. Попрежнему, задолго до свѣту, онъ зажигалъ рабочую лампочку, задолго до свѣту подымалъ заспавшагося ребенка, который не смѣлъ ослушаться и, прощаясь съ обрывками золотаго дѣтскаго сна, какъ и у другихъ дѣтей полнаго грёзъ, тщательно скрывалъ отъ суроваго отца горькія слезы. Не всюду у мастеровъ свѣтились окна въ тѣ часы, когда свѣтились они у начинавшаго торговца Дужкина, когда за его станкомъ стучали уже три молотка.

Потомъ, подъ благовѣстъ къ ранней обѣднѣ, Дужкины шли въ свою лавку и блѣдный мальчикъ съ черными глубокими глазами помогалъ здѣсь отцу или брату до вечера. Вечеромъ до одиннадцати часовъ опять работа, а тамъ короткій сонъ и опять оборванныя грёзы.

Да, мало жалости встрѣтилъ Дмитрій Васильевичъ Дужкинъ въ свои молодые годы!...Суровая рука «экономическаго человѣка», не знавшаго слабостей родительскаго сердца, не давала развернуться ни одному лепестку въ юной душѣ, безпощадно вгоняя ее въ колею наживы, вырабатывая ее по своему суровому образу и подобію.

Между тѣмъ, торговля шла хоть тихо, но вѣрно, все впередъ и впередъ. И вотъ разъ опять старикъ помолился въ церкви, опять заперся со старшимъ сыномъ и говорилъ съ нимъ всю ночь; сынъ отпрашивался и даже плакалъ, а отецъ сурово приказывалъ и настаивалъ. Василій Дужкинъ, уже ранѣе занявшійся мелкою скупкой для ближайшихъ рынковъ, рѣшилъ снарядить старшаго сына въ путь на дальніе рынки, въ Польшу и Украйну. Самъ онъ былъ уже слишкомъ старъ и не могъ бы вынести труднаго путешествія съ возами; но его энергія искала еще новаго примѣненія, хотя бы въ сыновьяхъ. Онъ обдумалъ все дѣло, а сынъ долженъ былъ привести его въ исполненіе.

— Ну-съ, милостивый государь,—разсказывалъ мнѣ Дмитрій Васильевичъ съ сверкающими отъ восторга глазами,—это дѣло зачиналось еще посерьезнѣе. Теперь, конечно, когда все поставлено, любой прикащикъ его оборудуетъ. А тогда все равно, что Америку открывали. И опять родитель покойникъ отдѣлилъ на это дѣло половину капитала, а другую оставилъ въ старомъ, уже испытанномъ. И поѣхалъ старшій братъ съ возами въ Польшу, а съ братомъ я, а съ нами еще прикащикъ, человѣкъ бывалый и вѣрный, какихъ теперь вѣрныхъ людей, по совѣсти вамъ скажу, тоже что-то не открывается.

Поѣхали и... проторговались.

Поздно ли пріѣхали, или по какой другой причинѣ, только товаръ не пошелъ, денегъ затрачено много, а все понапрасну. Братъ, который и ѣхалъ уже со страхомъ и со слезами, совсѣмъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ зналъ, что значатъ напрасно потраченныя деньги, и боялся показаться отцу на глаза послѣ неудачи.

Но тутъ выручилъ вѣрный человѣкъ. «Что-жь, Семенъ Василичъ,—сказалъ онъ,—теперь ужь одно: либо весь капиталъ топить, либо весь выручить. Подъ лежачій камень вода не потечетъ. Айда, а тамъ авось и въ Харьковъ къ ярмаркѣ поспѣемъ».

Братъ убиваться, братъ плакать, но прикащикъ уломалъ-таки, и двинулись они опять со своими возами съ Польши на Украйну.

Что страху набрались, что передумано, что Богу намолились, ѣдучи съ возами по полямъ, по шляхамъ и по степямъ Украйны, въ жаркіе пыльные дни и въ звѣздныя росистыя ночи. Что будетъ, что подастъ Господь?... Страшно невѣдомое, новое дѣло... Просыпаясь въ телѣгѣ, въ глухую полночь, мальчикъ слышалъ не разъ тихій и сомнѣвающійся говоръ брата и успокоительныя замѣчанія бывалаго прикащика. Впрочемъ, младшій Дужкинъ еще не понималъ всей серьезности положенія. Онъ только расправлялся, какъ захирѣвшій цвѣтокъ, вынесенный на свѣжій воздухъ, вдыхалъ полною грудью вѣяніе степнаго вѣтра, слушалъ разговоры степи съ чарующими ночами юга, и въ его душѣ слагалось что-то, чего онъ не зналъ въ мастерской, что мелькало только отрывками въ грёзахъ недоконченныхъ сновъ въ суровомъ родительскомъ домѣ.

Да, вотъ почему и теперь у Дмитрія Васильевича лучшій хоръ пѣвчихъ изъ всего Павлова, а, пожалуй, могъ бы даже соперничать съ архіерейскими. Этотъ лепестокъ такъ и остался въ душѣ необорваннымъ...

Украйна и харьковская ярмарка выручили. Убытокъ весь наверстался и старику привезли еще, хотя и незначительный, ба-

рышъ. Главное, степные шляхи были уже проторены дужкинскими колесами, и вскорѣ въ Польшѣ и въ Харьковѣ открылись двѣ дужкинскія лавки. Въ Польшѣ торговалъ прикащикъ, въ Харьковѣ братъ съ Дмитріемъ Васильевичемъ; отецъ оставался въ Павловѣ, порой наѣзжая въ Харьковъ и въ Польшу.

Тутъ-то, въ харьковскій періодъ жизни, Дмитрію Васильевичу пришлось пережить тяжелыя искушенія, грозившія разрушить всѣ плоды суроваго отцовскаго воспитанія. Точно захирѣвшее растеніе, выросшее подъ желѣзнымъ колпакомъ и вдругъ вынесенное на просторъ, на солнце и на волю,—молодая душа стала расправляться и даже играть неожиданными переливами.

Началось это, вѣроятно, еще тогда, когда мальчикъ шагалъ съ дѣтскою беззаботностью за скрипучими возами по широкимъ шляхамъ; когда чудныя зори умирали за темнѣющею степью, когда безбрежный небесный шатеръ загорался огнями и синяя ночь вѣяла на землю миромъ въ человѣцѣхъ и благоволеніемъ. Тамъ, у красныхъ огней, отъ которыхъ темнѣло небо и невольная жуть падала на сердце, среди чумаковъ, съ ихъ вольною поэзіей и чудными ночными разсказами, у ребенка рождалось желаніе чего-то новаго, другаго, чего онъ не зналъ за станкомъ, чего не могла дать ни лавка, ни нажива, ни самая счастливая торговая удача.

И вотъ, тайкомъ отъ старшихъ, мальчикъ смастерилъ себѣ скрипку и сначала робко, потомъ все смѣлѣе, въ свободные часы, гдѣ-нибудь на задахъ или въ далекомъ огородѣ, пробовалъ въ звукахъ излить неопредѣленныя чувства, тѣснившіяся въ душу, которая невольно раскрывалась на встрѣчу. И порой, навѣрное, ясно звучало въ этой душѣ то, что теперь Дмитрій Васильевичъ безповоротно призналъ однимъ баловствомъ: «на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

И теперь еще... да, все-таки, дужкинскій хоръ лучше всѣхъ исполняетъ этотъ стихъ въ одной изъ павловскихъ церквей.

IV.

Дужкинъ и Дорошенко.

Въ Харьковѣ Дужкины наняли лавку у богатаго помѣщика и домовладѣльца Дорошенка. У послѣдняго былъ сынъ Борисъ одного возраста съ Дмитріемъ Дужкинымъ. Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, лавка или, вѣрнѣе, магазинъ кустарныхъ издѣлій Дужкина находится въ томъ же домѣ и жизнь двухъ мальчиковъ, а теперь взрослыхъ людей, Дужкина и Дорошенка, протекала двумя близкими параллельными линіями.

Домъ, гдѣ жилъ самъ Дорошенко, находился напротивъ, и Митя, сидя въ лавкѣ среди желѣзныхъ замковъ, подъ желѣзнымъ надзоромъ отца и брата, смотрѣлъ, какъ его сверстникъ, — потомокъ славнаго рода, баловень семьи,—начиналъ свое счастливое существованіе. Къ нему ходили учителя, изъ открытыхъ оконъ лѣтними вечерами неслись звуки музыки.

— Я поигрывалъ на самодѣльной скрипочкѣ, Дорошенко тоже игралъ на скрипкѣ, — говоритъ съ ироническою улыбкой Дмитрій Васильевичъ.—Только я самоучкой, а къ нему ѣздили лучшіе учителя. Потомъ его отдали въ гимназію... а я свою гимназію проходилъ: за прилавкомъ замки продавалъ...

Мальчики встрѣчались изрѣдка на улицѣ, видѣли другъ друга изъ оконъ въ окна. Но молодой Дорошенко долго не замѣчалъ даже существованія молодаго Дужкина. Долго... пока не пришлось торжественно признать себя побѣжденнымъ. Но это еще впереди.

А пока... Молодой Дужкинъ отлично зналъ молодаго Дорошенка. Все, что прельщало его противуположностью съ желѣзными тисками наживы, съ узкимъ и суровымъ режимомъ мастерской, лавки, желѣзной торговли,—все, что манило неопредѣленными грёзами въ степяхъ,—все это теперь получило опредѣленный образъ. Ему хотѣлось, во-первыхъ, имѣть такую же скрипку. Вначалѣ онъ чувствовалъ, что молодой Дорошенко далеко уступалъ ему, самоучкѣ, разыскивавшему мелодію по слуху, на дрянномъ инструментѣ. Но прошелъ годъ и изъ освѣщенныхъ оконъ лились уже на улицу такіе полные, захватывающіе звуки, что мальчикъ въ лавкѣ слушалъ ихъ съ смѣшаннымъ чувствомъ горечи и восторга, а его самодѣльная скрипка казалась ему постылой и безобразной.

Потомъ ему хотѣлось такой же свободы, хотѣлось той красоты и блеска, которые окружали его сверстника, и, пожалуй,—что̀ ужь таить грѣха,—хотѣлось тоже учиться въ гимназіи, о которой теперь, давно излечившись отъ недуга, онъ отзывается съ глубокимъ презрѣніемъ.

Были ли со стороны мальчика робкія просьбы въ этомъ смыслѣ, были ли попытки молодой жизни пробиться изъ желѣзныхъ тисковъ, или онъ затаилъ все это въ себѣ, не пытаясь даже осуществить мечту, — не знаю. Но только и теперь еще въ страстно сверкающихъ взглядахъ Дмитрія Васильевича, когда онъ насмѣхался надъ гимназіями, мнѣ чудилась когда-то, давно, отложившаяся въ глубинѣ души, подавленная драма неудовлетворенныхъ стремленій.

— Да-съ... Онъ въ гимназіи обучался, а я-съ... я свою гим-

назію проходилъ... за прилавкомъ-съ... Потомъ онъ—въ университетъ, а я... съ возами, по матушкѣ Россіи, въ Польшу, да въ Украйну...Стало быть, тоже университетъ, только по другой части. Хе-хе-хе...

Дмитрій Васильевичъ много, горячо и охотно говорилъ мнѣ о своемъ воспитаніи, объ отцѣ, объ его системѣ, объ ея непреложности, о вынесенныхъ изъ опыта взглядахъ на жизнь, на образованіе, на людей, на кустарное дѣло. Но на этомъ періодѣ своей біографіи онъ останавливался мало и неохотно, такъ, какъ говорится иногда о непріятной болѣзни. Тонкая улыбка пренебреженія играла у него на губахъ, и все, что я пишу о степи, о скрипкѣ и о юныхъ порывахъ, только промелькнуло въ этомъ разсказѣ.

Какъ бы то ни было, все это несомнѣнно было, оказало свое вліяніе и наложило извѣстный отпечатокъ на дальнѣйшую жизнь. Долго ли «это» продолжалось, сказать трудно; однако, когда умеръ отецъ и братья раздѣлились, «это» еще не совсѣмъ смолкло въ душѣ молодаго павловскаго торговца.

Между тѣмъ, Борисъ Платонычъ Дорошенко вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ изучалъ... кустарный вопросъ. Молодой, блестящій, талантливый, онъ открылъ въ Харьковѣ рядъ публичныхъ лекцій по этому вопросу, и лекціи эти производили настоящій фуроръ. Время было либеральное, послѣ недавней «эмансипаціи» передъ обществомъ раскрывалась перспектива дальнѣйшихъ реформъ, такая же заманчивая, какъ баловническія грёзы дужкинскаго дѣтства, а порой и такая же неопредѣленная. Во всякомъ случаѣ, всюду въ воздухѣ, какъ основная нота, какъ господствующій тонъ всѣхъ стремленій, звучалъ все тотъ же призывъ: на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе,—который теперь кажется Дмитрію Васильевичу баловствомъ изъ самыхъ опасныхъ.

— Бориса Платоныча Дорошенка изволили знать?—говорилъ мнѣ Дмитрій Васильевичъ Дужкинъ, съ глазами, сверкающими какимъ-то ироническимъ восторгомъ, между тѣмъ какъ на его губахъ змѣилась насмѣшливая улыбка.—Вотъ ужъ кого любо было послушать! Насъ же ругаетъ: и баши-бузуки-то мы, и турецкія звѣрства дѣлаемъ, и въ египетскомъ рабствѣ кустарей держимъ... И мы же заслушивались, сидя въ публикѣ, и даже сами, повѣрите ли, хлопали въ ладоши. Человѣкъ знаменитый, краснорѣчивый, личность фигурная! Публика плещетъ руками, барыни платками машутъ, восторгъ! Собственные мои прикащики мнѣ же уши оборвали: «Вотъ, молъ, Митрій Васильевичъ, какъ бы и у насъ въ Павловѣ надо. А то все вы по старинѣ, все по старинѣ, а на одной

старинѣ далеко ли уѣдешь?.. Вотъ Борисъ Платонычъ какъ по наукѣ рекомендуютъ...» Хорошо! Сталъ ужь я у собственныхъ прикащиковъ за послѣдняго человѣка!...

Дмитрій Васильевичъ замолчалъ и нѣкоторое время сидѣлъ, барабаня пальцами по столу и какъ будто вглядываясь въ свои воспоминанія объ этомъ времени.

— Да-съ,—сказалъ онъ, помолчавъ и съ легкою усмѣшкой сожалѣнія,—были и у меня порывы эти, были-съ...

V.

Порывы и исцѣленіе.

Да, я не имѣю причинъ сомнѣваться: у Дмитрія Васильевича тоже были свои молодые порывы, и онъ заплатилъ эту дань молодости и увлеченіямъ. Когда они зародились? Тогда ли, когда у мальчонки слипались глаза за станкомъ, а отецъ, любившій «безъ жалости», вмѣсто отдыха, гналъ его изъ мастерской въ лавку... и онъ говорилъ себѣ, что самъ онъ когда-нибудь, когда выростетъ, пожалѣетъ другихъ?... Тогда ли, когда, среди цвѣтущихъ вишневыхъ садовъ Малороссіи, въ благоухающіе лѣтніе вечера, гдѣ-нибудь на левадѣ, тайкомъ отъ старшихъ, онъ бралъ первые робкіе аккорды на своей нехитрой скрипкѣ, стараясь уловить тайну гармоніи, и юная душа раскрывалась на встрѣчу невнятному, ласкающему голосу природы?... Или тогда, когда составленный имъ собственный хоръ, на который онъ не жалѣлъ денегъ, пѣлъ въ церкви «свѣте тихій» и кадильный дымъ, вмѣстѣ съ звуками молитвы, возносился въ желтомъ лучѣ вечерняго солнца къ высокимъ сводамъ Божьяго храма?... Или, наконецъ, въ тѣ минуты, когда, затерявшись въ толпѣ многолюдной аудиторіи, съ горящими глазами и затаеннымъ дыханіемъ онъ слушалъ краснорѣчивыя тирады молодаго ученаго, громившаго дѣло его отца и его собственное дѣло, и ловилъ каждое слово съ такимъ же завистливымъ восхищеніемъ, съ какимъ нѣкогда прислушивался къ звукамъ его дорогой скрипки?...

Сказать трудно... Болѣзнь длилась недолго, можетъ быть, она была не особенно сильна, но она, все-таки, была, и душа рвалась къ чему-то, выходящему за предѣлы простой наживы, и ложная, таинственная, заманчивая жизнь манила какими-то другими запросами, выдвигала какія-то другія задачи.

— Было-съ, было и у меня *это*,—говоритъ Дмитрій Васильевичъ, продолжая улыбаться тонкими, сухими губами.—Тоже, вѣдь, были и мы молоды, а я,—долженъ вамъ объяснить,—по своему

характеру даже весьма пылокъ былъ. Тоже хотѣлось эти самыя, знаете ли, артёлки заводить, господъ мастеровъ благодѣтельствовать. Только какъ я практическій человѣкъ, то меня, спасибо имъ, сами почтенные господа мастера опутали, и даже, могу сказать, довольно скоро. Потому что, не хвалясь скажу, голова у меня, милостивый государь, не опилками набита. Да-съ... Если не скучно послушать, я вамъ могу разсказать, какъ это у насъ вышло.

Я, конечно, былъ очень радъ выслушать эту любопытную исторію. Дмитрій Васильевичъ пристально посмотрѣлъ на меня и неожиданно спросилъ:

— Кто я, по-вашему-съ? Какъ вы меня назовете? Скупщикъ и фабрикантъ. Такъ ли-съ?

— Конечно.

— А Полетàва Семенъ Семеныча знаете?

— Знаю.

— Ему какое будетъ названіе?

— Мастеръ.

— Кустарь?

— Да.

— А онъ двадцать человѣкъ рабочихъ держитъ. Почему же такъ, что онъ кустарь, а я не кустарь? По-моему такъ выходитъ, что ежели я фабрикантъ, ежели я сокъ выжимаю, то и онъ, Семенъ Семенычъ, то же самое дѣлаетъ, въ аккуратъ. И даже по понедѣльникамъ огонь засвѣчаетъ и, по силѣ возможности, дѣлаетъ покупку. А не въ понедѣльникъ, то на недѣлѣ покупаетъ. Стало быть, тотъ же скупщикъ. Такъ ли я разсуждаю, по-вашему?

— Пожалуй!

— Хорошо! А ежели кто пять рабочихъ содерживаетъ, это какъ? Вѣдь, ежели отъ меня далеко,—у меня, скажемъ, ихъ двѣсти,—то отъ Полетава вовсе близко. А все онъ будетъ кустарь? Это бы дѣло надо маленько разобрать. Теперь я вамъ про того же Полетава скажу. Иду я этто по улицѣ, къ музею, скажемъ, напримѣръ, посмотрѣть: какіе такіе умные люди въ музеѣ *) еще болѣ ума набираются... И идетъ со мной рабочій, съ фабрики моей. Хорошо! Попадается, теперича, ввстрѣчу самый этотъ Семенъ Семенычъ, Полетавъ самый. И сейчасъ шапку въ одну руку, другую здороваться ко мнѣ... «Здравствуйте, Дмитрій Василичъ, какъ въ своемъ здоровьи пребываете?» А рабочему моему, который рядомъ идетъ, и

*) Въ Павловѣ существуетъ музей образцовъ, открытый отдѣленіемъ техническаго общества.

головой не кивнулъ. Почему? Не такой же человѣкъ? Такъ это еще, милостивый государь, теперь-съ! А дайте-ка ему помощь, въ настоящую силу дайте-ка ему войти, онъ тогда такую свирѣпость пріобрѣтетъ, вродѣ Ивана Грознаго!

Онъ засмѣялся своимъ дребезжащимъ смѣхомъ, между тѣмъ какъ глаза его сверкали, и продолжалъ:

— Теперь еще вотъ что я вамъ скажу: вотъ у насъ цѣны низнутъ. Хоть и не такъ, какъ господа кустари жалуются, ну, а, всетаки, процентовъ на 20 упали, что̀ говорить. А у меня на фабрикѣ плата все та же. Хвалиться не стану,—не изъ милости это дѣлаю,—изъ разсчету. Я всякаго къ себѣ на фабрику не поставлю, хоть будь онъ семи пядей во лбу. Я свой сортаментъ народу дѣлаю, у меня съ выборомъ каждый принятъ. Иной разъ изъ дальней деревни выпишу, мужикъ-мужикомъ, стать у станка не умѣетъ. Ничего, выучу, къ дѣлу опредѣлю, если только человѣкъ по разуму подходящій. Такъ мнѣ каждый разъ цѣну имъ мѣнять не приходится. Хорошо! Теперича у каждаго, напримѣръ, ко̀валя—молотобоецъ или тамъ у мастера подручный... тѣ меньше получаютъ отъ мастеровъ, а только плату я назначаю самъ. Такъ что-жь вы думаете? Не болѣ вотъ недѣли назадъ говорятъ мнѣ мастера: «Обидно намъ. Теперь можемъ мы себѣ подручныхъ подешевле найти, потому что народъ бѣдствуетъ. Теперь и за два рубля съ охотой пойдутъ». Слыхали? «Мука, говорятъ, дорога̀ стала». Такъ! Вамъ муки надо! А имъ, говорю, не надо?... Нар-родъ! Кричать бы только имъ: на насъ хозяева верхомъ ѣдутъ! Пусти-ка любого, да онъ вотъ какъ на своемъ же братѣ поѣдетъ, что на клячѣ!

Онъ улыбнулся еще язвительнѣе и перешелъ къ разсказу:

— Былъ тутъ у меня одинъ... Иванъ Михайловъ. Руки у него очень порядочныя, голова глупая была, а ужь голосъ... просто цѣны тому голосу нѣтъ. А я большое пристрастіе имѣю къ пѣнію. И теперь еще, какъ услышу пѣніе стройное да задушевное,—слезы, сле-е-зы на глазахъ-съ, душа въ умиленіи. Ну, а въ тѣ времена, конечно, и душа была помягче, и все такое-съ. Такъ вотъ, по такой-то причинѣ этого я мастера побаловывалъ: и не нужно бы когда замковъ его брать — беру. Только ходи ко мнѣ на спѣвки, да чтобы въ церкви аккуратно.

«Ну, вотъ, хорошо!

«И бывалъ я, знаете, въ разныхъ тамъ мѣстахъ... Конечно, не какъ господинъ Дорошенко, а все же видѣлъ кое-что, доводилось! И все, бывало, смотрю, какъ люди дѣлаютъ, до чего люди доходятъ, и нѣтъ ли чего по нашему дѣлу полезнаго. И вижу я въ од-

номъ мѣстѣ: штампа! замочная! Стукъ—и готово, стукъ—и готово! Скоро, чисто, аккуратно, отчетливо! Ахъ, ты Господи, думаю себѣ, я не я буду, а въ Павловѣ у себя эту штуку заведу. Первымъ дѣломъ—штампу введу заграничную, а около заграничной штампы совокуплю артель. А? Штука-то какая? Тамъ господинъ Дорошенко пока еще говоритъ, а ужь мы и на практикѣ проведемъ это самое дѣло. Вотъ-съ, надумавши это, тихимъ манеромъ подошелъ къ штампѣ, посмотрѣлъ клеймо: гдѣ, молъ, такая штука дѣлана. Замочекъ тоже добылъ для образца. Отлично! Привожу штампу къ себѣ, въ Павлово.

«Вотъ, думаю, какъ мнѣ надо сдѣлать: призову мастера изъ лучшихъ, изготовимъ мы матрицы или, сказать по-просту, формы, выучу одного штамповать, потомъ примусь за другаго, тамъ за третьяго. И вотъ этакимъ манеромъ, потихоньку, да помаленьку, безъ шуму, совокуплю артель. Наштампуетъ одинъ клёпани, сколько надо, — ступай, отдѣлывай, а въ то время припущается къ штампѣ другой. И пойдетъ у меня около этой штампы круговая работа. А тамъ, молъ, посмотримъ.

«Только вотъ бѣда-то въ чемъ. Требуется, прежде всего, форму сдѣлать, потому что штампа одна сама по себѣ еще не дѣйствуетъ, а надобна къ ней своимъ порядкомъ для каждаго предмета матрица или форма, вещь опять особая. Ну, да, вѣдь, нашъ русскій мастеръ, да еще кустарь,—слава Те, Господи!—блоху, и ту, сказываютъ, подковалъ. Вотъ отлично! Призываю къ себѣ слесаря одного. «Такъ и такъ, можешь?»—показываю замокъ, объясняю.—«Этакой, говоритъ, штуки, да чтобъ я не сдѣлалъ. Въ моментъ! Давай, хозяинъ, задатокъ!»—«Задатокъ, говорю, задаткомъ, что ни возьми, да только сдѣлай!»

«Ну, дѣлалъ, дѣлалъ,—не сдѣлалъ. «Штука-то, видишь ты, говоритъ, не наша, съ хитростью»,—самъ затылокъ чешетъ.—«Эхъ, говорю, Степанушка-а̀! Видно, хлопать-то больно легко. На̀ вотъ тебѣ деньги сполна, за всю работу, да смотри, чтобъ никому ни словечка, что мы съ тобой осрамились. Вѣдь, засмѣютъ». А ужь это у насъ такъ повелось: чуть что новенькое, да еще, храни Богъ, не удалось, Аверьяны одни проходу не дадутъ, засмѣютъ: «что, молъ, какъ заграничная штука штампуетъ? Лучше ли нашихъ рукъ?» А ужь я этого не люблю, страсть не люблю!

«Призываю, поэтому, другаго. «Сдѣлаешь?»—«Въ самомъ превосходномъ видѣ, лучше заграничнаго. Это что! Это намъ ничего не составляетъ!»—«Сдѣлаешь ли, смотри?»—«Говорить не о чемъ, сдѣлаю».

«Не сдѣлалъ. Путлялъ, путлялъ, недѣли съ три провозился. Сработалъ махину, только развѣ орѣхи давить. Ахъ, Ты, Господи! Ужь у меня сердце за это время накипѣло. И что, молъ, это вы за народъ за такой. Все у васъ только изо рту течетъ: нахвастать—нахвастаете, а на дѣлѣ себя оправдать не можете!

«Ну, наконецъ-таки, нашелся! Татаринъ, машинистомъ въ Гороховцѣ служилъ,—слесарь первѣйшій! Зазвалъ я его къ себѣ съ базару. «Садись, Василь Василичъ,—всѣ, вѣдь, они по-нашему Василь Василичи,—водки хочешь?—пей, закуски хочешь?—жри! А вотъ и дѣло: сдѣлаешь, аль нѣтъ?»

«Посмотрѣлъ прежнюю работу, помолчалъ, подумалъ. Ну, слава Те, Господи, хоть не хлопаетъ зря, думаю себѣ. Авось выдетъ толкъ.

«— Ладно!—говоритъ.—Пятьдесятъ рублей давать будишь, хороша будитъ!

«А дѣло-то, ей-Богу, пяти рублей и всего-то стоитъ, да ужь я, въ этомъ разѣ, пылокъ. «Бери, Васенька, грабь ты меня, голубчикъ мой, только не выдавай!»

«Недѣли три мучилъ, злодѣй,—выпить крѣпко любилъ, даромъ что магометовой вѣры. Пріѣдешь къ нему, думаешь: не готово ли, а онъ, замѣсто этого, пьянъ валяется, лыка не вяжетъ. Ахъ, мухи тебя заѣшь! Ну, все-таки, принесъ, наконецъ, приладилъ матрицу къ штампѣ, разъ, р-разъ! Просто точка въ точку угодилъ.

«— Ладно ли будетъ?

«— Ладно, Васенька! Вотъ тебѣ по уговору, да еще сверхъ уговору напоилъ пьянаго, да на своей лошади домой отправилъ. Спасибо, Махметка, уважилъ!

«Вотъ послѣ этого и призываю Ивана Михайлова, стало быть, уже по другому дѣлу, насчетъ артёлки. Начнемъ съ Богомъ!

«— Ну, сладенькой ты мой, вотъ какая штука! Давай, станемъ учиться!

«Выучилъ, хоть и помаялись порядочно. Давнетъ разъ двадцать-тридцать,—стой! Испортилась,—чинить, да уставлять. Наладимъ, установимъ—опять пошло дѣло!

«Выучился мой Иванъ Михайловъ, пошла у него работа какъ слѣдуетъ, замокъ новенькаго фасона, идетъ хорошо и цѣну я ему даю тоже хорошую. Теперь надо мнѣ другаго пріучать.

«Только, между этими дѣлами, примѣчаю: начинаетъ что-то мой Иванъ Михайловъ портиться. Просто сказать, зазнается мужикъ. Дескать, и голосъ у меня, и въ церкви я надобенъ, и на штампѣ стукать умѣю,—самый, значитъ, я первѣйшій человѣкъ.

На спѣвки не ходитъ, пьянъ напьется, грубить зачинаетъ, а я все терплю, все, замѣтьте себѣ, терплю! Захаръ Васильевичъ, староста церковный, тотъ даже удивляется на меня: «Вы, говоритъ, молодой человѣкъ, еще обращенія настоящаго съ этимъ народомъ не знаете. Теперь бы, по-нашему, весьма полезно ему въ шею хорошенько накласть! Послушайтесь опытнаго человѣка. Самое теперь время, а то, пожалуй, упустите, потомъ ужь и поздно будетъ!» А я: «Что вы это, Захаръ Васильевичъ? Нельзя этакъ грубо. Что мы здѣсь, на кулачномъ бою, что ли? Надо по нынѣшнему времени иначе. По настоящему времени надо словомъ убѣжденія!»

«Да-съ! Вотъ такъ и разсуждалъ. Люди добрые посмѣялись-таки и надо мной въ свое время не мало, какъ и я, грѣшный, теперь надъ другими посмѣиваюсь.

«Вотъ призываю милаго дружка: «Ванюша, не хорошо, голубчикъ! Образумься нѣсколько, вѣдь, это же выходитъ довольно съ твоей стороны безобразно!» Вотъ мой Ванюша послѣ этого такъ ужь поправился, что въ церковь пьяный вкатился, старосту скверно обругалъ, мнѣ языкъ кажетъ. Еще бы малость, такъ, пожалуй, отъ хорошаго убѣжденія и ударилъ бы. Какъ разъ бы потрафилъ.

«Ну, тутъ ужь я маленичко опоминаться сталъ, дѣйствительно. Драться, все-таки, не сталъ, потому что, по-моему, глупые это люди, которые дерутся. А призвалъ его къ себѣ, тихонько да вѣжливенько: «Иванъ Михалычъ, господинъ Шуповъ, получите съ насъ разсчетъ, да ужь больше, сдѣлайте милость, къ намъ не ходите. Отъ нашихъ воротъ имѣйте поворотъ!» — «Какъ, да что?» — «Ничего-съ, только мы вамъ, а вы намъ болѣе не нужны. Получите слѣдуемое сполна».

«— Да я, говоритъ, больше не буду!

«— Дѣло ваше, какъ хотите, такъ сами себя и ведите, мы съ васъ воли не снимаемъ. А только, — говорю я ему, — послушай ты теперь, что я тебѣ говорить стану, да запомни, за-апомни! Я вашего брата мастероваго весьма знаю и манера ваша мнѣ извѣстна: шапки ты теперь на улицѣ передо мной ломать не станешь. Богъ съ тобой, не надо. А вотъ зачнешь меня на улицѣ остановлять, да срамить на народѣ, да проходу не давать. Ну, этого не дѣлай! Не ругай ты меня, не ругай меня, Иванъ Михайловъ, я тебѣ говорю: ни въ глаза, ни за глаза не ругай ты меня! Отъ нужды никто не застрахованъ. Въ нуждѣ я тебя достану, въ нуждѣ ты отъ меня кровавыми слезами заплачешь...»

Дмитрій Васильевичъ перевелъ духъ. Даже теперь, когда онъ передавалъ эти подробности, его голосъ дрожалъ и понизился до

шепота. Я посмотрѣлъ въ худое лицо разсказщика, пылавшее страстнымъ гнѣвомъ, и испугался за безпечнаго пѣвца Ивана Михайлова. Да, храбрымъ нужно быть человѣкомъ, чтобы не послушаться такого предупрежденія!

«— Ну, послушался, понялъ! И дѣйствительно, съ этихъ поръ я своею дорогой иду, онъ своею. Шапки не снимаетъ, да и не ругается, больше все куда-нибудь въ переулокъ норовитъ. Сталъ я немножечко стороной у мастеровъ поспрашивать: «То-то, молъ, Ванька меня, чай, теперича коститъ?» — «Нѣтъ, не было этого, не слыхивали».

«А, между тѣмъ, наковальня отъ штампы такъ у него и осталась. Я ничего, ни слова объ этомъ, что-то будетъ дальше. Приходитъ разъ къ прилавку, несетъ замки: «Не возьмете ли?» — «Не требуется намъ на этотъ разъ, не взыщите». Въ другой—тоже самое: проходите мимо!

«А на ту пору и подойди нужда! И подойди нужд-а-а-съ! Да не такая, какъ теперь, а ужь именно что настоящая нужда, отъ какой нужды упаси Господи! Цѣны базаръ отъ базару все нйзнутъ, да все нйзнутъ. Мѣсяцъ назадъ по рублю кои замки покупалъ, тѣ ужь по восьми гривенъ. По восьми возьмешь, черезъ недѣлю ужь по семи цѣлу гору накидаютъ. Мы и то закачались маленько, и съ капиталами. А простому рабочему народу—зарѣзъ!

«Вотъ, еще въ началѣ этой самой исторіи идетъ мой Иванъ Михайловъ, тихій да смирный. «Вотъ, молъ, Дмитрій Васильевичъ, принесъ я вамъ наковальню вашу,—изъ ума она у меня вонъ, только теперь вспомнилъ».

«— Это, говорю, хорошо, что вспомнили. Это обозначаетъ, что есть еще въ васъ сколько-нибудь совѣсти. Это я могу похвалить.

«— А замочковъ не возьмете ли у меня?

«— Не возьму. Замочковъ мнѣ вашихъ не надо.

«А самъ примѣчаю: подается мужикъ, отмякъ, въ настоящее чувство входить начинаетъ. Хорошо-съ.

«Вотъ и подошла, наконецъ, самая коренная нужда, бѣдствіе, туча, наказаніе Давидово. Сами мы даже испугались, народъ рёвомъ реветъ, дѣтишки пухнутъ. Идетъ опять Иванъ Михайловъ и голову повѣсилъ.

«— Не надо ли, молъ, замочковъ?... Возьмите, Дмитрій Васильевичъ.

«Смотрю я на моего Ванюшу: только, молъ, отъ него и будетъ, или еще что-нибудь скажетъ?

«— Да что ужь! Бери, ради Христа! Простите, Митрій Василичъ. Ввѣкъ самъ не буду, дѣтишкамъ закажу, даже до седьмаго колѣна, чтобъ имѣли всякое почтеніе къ тому человѣку, который превыше...

«И смотрю я: изъ глазъ у мужика слезы ручьемъ.

«Н-ну! Это дѣло другое, дѣло другое-съ!... Взялъ! И нужды въ тѣхъ замкахъ не было, а взялъ. Потому что, понимаете ли вы это,—замокъ не нуженъ, такъ человѣкъ нуженъ. Человѣка я себѣ по гробъ пріобрѣтаю.

«Такъ-то, говорю, Ваня... Ужь не Иванъ Михайловъ! Котораго я человѣка приближаю, все ужь полуименемъ зову... Ты, говорю, Ваня, понимай! Потому что и въ Священномъ Писаніи сказано: богатство порождаетъ добродѣтель, бѣдность уничтожаетъ. А еще сказано, и ты понимай, что это правильно: всякій человѣкъ долженъ кому-нибудь покоряться, долженъ пок-коряться... Кому-нибудь, а ужь долженъ покоряться. Ты вотъ сейчасъ мнѣ покорился, а я, думаешь, никому не покорствую? Нѣтъ, и я покоряюсь, покоряюсь, Ваня! Гнусь вотъ какъ, побольше еще, чѣмъ ты теперь передо мною... Потому что я тебя, Ваня, умнѣе!...

«Съ этого самаго времени пріобрѣлъ я себѣ мужика; работаетъ у меня на фабрикѣ за перваго работника и на клиросѣ даже за регента дѣйствуетъ, когда придется. И много еще, послѣ того случаю, я дураковъ такихъ захомутывалъ. Теперь о глупостяхъ о своихъ и вспоминать забыли. «Спасибо, говорятъ, Митрій Василичъ, что научилъ насъ, глупыхъ, уму-разуму».—«Спасибо и вамъ, и вы меня тоже научили, какъ надо съ вами, ребятушки! Потому что у каждаго человѣка свое дѣло, свое и понятіе. Вы свое отъ меня узнали, я отъ васъ свое!

«Такъ то-съ!»

VI.

Побѣды „экономическаго человѣка“.

Такимъ образомъ, суровый родитель могъ спокойно почивать въ своей могилѣ. Молодыя глупости, всѣ эти бреши и изъяны, нанесенные душѣ его сына чужедальною стороной, заманчивымъ просторомъ Божьяго міра, музыкой, гимназіями, университетами, лекціями Бориса Платоновича Дорошенка,—всѣ эти чуждыя вліянія, грозившія разрушить плоды суроваго отцовскаго воспитанія, разсѣялись въ родномъ Павловѣ. Родимое село опять захватило своего питомца и поставило его въ колею. Душа отряхала ненужные

придатки, возвращаясь къ выполненію отцовскихъ традицій, простыхъ, незатѣйливыхъ и суровыхъ.

Однако, что-то тамъ было еще назади, что влекло если не симпатіи молодаго скупщика, то его ревнивое вниманіе. Онъ продолжалъ съ затаеннымъ интересомъ слѣдить за карьерой своего соперника, занимавшагося тѣмъ же дѣломъ, съ теоретической его стороны. Проходя *свою* гимназію и *свой* университетъ, колеся по Россіи, Польшѣ и Украйнѣ, онъ закалился, высохъ на солнцѣ, затаилъ все, что прежде рвалось наружу, но все же прикидывалъ *свой* опытъ, *свои* познанія къ тому, что говорилъ, что писалъ его краснорѣчивый, образованный соперникъ. Это была своего рода борьба, въ которой одна борющаяся сторона даже не знала о своей роли... Своя профессія стала для Дужкина отъ этого еще дороже. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ предвкушалъ уже свою будущую побѣду?

— Въ нашемъ, въ практическомъ дѣлѣ все это ни къ чему... науки, университеты, гимназіи! Это все можетъ быть хорошо для другихъ дѣлъ, а къ нашему дѣлу непримѣнимо... Видали-съ! Ругать насъ даже очень легко, на это много науки не надо. А какъ за дѣло придется взяться... ну, тутъ опять къ намъ...

«Вотъ я вамъ случай на этотъ счетъ разскажу изъ собственной моей практики. Пріѣзжалъ къ намъ сюда корреспондентъ одинъ. Долго ли прожилъ у насъ, коротко ли, а обругалъ всѣхъ. И обругалъ, я вамъ доложу, на славу, хлестко. Скупщики—разбойники натуральные, баши-бузуки турецкіе, на святой Руси болгарскія звѣрства дѣлаютъ. Хор-ро-шо-съ. Прочитали мы, молчимъ, — не впервой, привыкли!

«Только попадись эта газета въ Твери молодому купцу. Отецъ денежки копилъ, а сынъ въ университетѣ обучался. Старикъ умеръ, сынъ прямо изъ университета—за дѣло. Капиталъ агромаднѣйшій, хочется и образованіе свое показать, и главнаго прикащика себѣ подыскалъ, который окончилъ курсъ гимназіи. Отлично, — стало быть, университетъ и гимназія вмѣстѣ.

«Вотъ прочитали они газету и возмутились оба. Ка-акъ! Въ Россіи болгарскія звѣрства! Мы ихъ, скупщиковъ этихъ, разбойниковъ натуральныхъ, съ нашими капиталами—въ лоскъ уложимъ! Болгарскія звѣрства... Погодите же!

«Призываютъ для начала одного прикащика, изъ простыхъ, настоящихъ, который изъ мальчиковъ лямку тянулъ, и посылаютъ къ намъ, въ Павлово, съ такимъ, напримѣръ, разсчетомъ, что, дескать, купить на тысячу рублей товару, а между тѣмъ временемъ и присмотрѣться, какъ насъ уничтожать, съ которой стороны за

насъ, за разбойниковъ, приниматься... А какъ я еще съ старикомъ дѣло имѣлъ, то и послали парня этого ко мнѣ, съ письмомъ: дескать, имѣемъ нужду въ павловскомъ товарѣ, такъ помогите. И списокъ составили, и даже проставили цѣны, по своимъ соображеніямъ, по ученымъ, чтобы и кустаря какъ-нибудь, сохрани Господи, не обидѣть.

«Отлично. Посмотрѣлъ я списокъ, подивился про себя. Однако, какъ это дѣло не мое,—помогъ. Купили, укупорили, отправили. Черезъ сколько-то времени ѣдетъ прикащикъ опять, и опять списокъ,—товаръ другой, цѣны другія. «Ну, что, молъ? Какъ расторговались?»—Ухмыляется парень:—«Плохо».—«Хлебнули шиломъ патоки?—«Маленько. Рублей на шестьсотъ убытку».—«Такъ. А кто у тебя хозяинъ? Никакъ изъ университета?—«Такъ точно».—«А главный прикащикъ?»—«Гимназистъ».—«Отлично. Стало быть, университетъ да гимназія. А мы съ тобой люди простые, не ученые, не балованные?—«Гдѣ намъ-съ».—«Ну, такъ давай-ка ты списокъ сюда». Да по списку этому карандашомъ чиркъ, чиркъ—и захѣрилъ все. «Ну, давай теперь мы съ тобой свой списокъ составимъ, не по ученому, а по простому нашему разуму. Вотъ за это—и дороже можно дать, потому что товаръ теперь въ ходу, а этого вотъ и даромъ, ежели дадутъ, не бери,—не надобенъ, нипочемъ».

«Купилъ ему такимъ способомъ весь сортаментъ, присланныя деньги извелъ, да еще отъ себя на такую же сумму прибавилъ. Вези, другъ милый, да поучи маленько ученыхъ-те людей!

«Черезъ небольшое время опять ко мнѣ парень на дворъ, съ письмами да съ поклонами. «Велѣли кланяться, благодарятъ за наставленіе, просятъ впредь наукой не оставлять».—«Поняли, значитъ?» «Какъ не понять, помилуйте-съ. То убытокъ былъ, своего не выручили, а теперь въ полгода съ барышомъ растоварились».—«То-то молъ, скажи, пусть газетъ не читаютъ. По газетамъ хорошо разговоры разговаривать, по наукамъ лекціи читать, а торговое дѣло надо по старинѣ вести, какъ люди ведутъ...»

Дмитрій Васильевичъ помолчалъ, нервно побарабанилъ пальцами и рѣзко повернулся опять ко мнѣ.

— То же самое и Борисъ Платонычъ, господинъ Дорошенко. Слушалъ я его, слушалъ, — ну, а какъ сталъ свой университетъ проходить, и думаю: погодите, Борисъ Платонычъ, высоко летаете, куда-то сѣсть придется...

Увы! ожиданія Дмитрія Васильевича оправдались самымъ блестящимъ образомъ,—близился день самой важной изъ его побѣдъ, такой, послѣ которой назади не оставалось уже и тѣни сомнѣній,

послѣ которой въ экономической душѣ закрылась послѣдняя ранка отъ оборвавшагося лепестка, и душа эта заключилась окончательно въ своей холодной цѣльности.

Прошло-миновало либеральное время. Много разсѣялось иллюзій, много выглянуло на свѣтъ такого, что прежде хоронилось по разнымъ щелямъ отъ вѣянія свѣжаго и рѣзкаго весенняго вѣтра, много возстановлено почтенныхъ добродѣтелей, опрокинутыхъ этимъ вѣтромъ, только скупщиковъ, все-таки, ругали по старой еще памяти.

Между тѣмъ, послѣ смерти отца дѣла краснорѣчиваго противника скупщиковъ нѣсколько пошатнулись. «Порастрясли отцовскіе-то милліоны,—говоритъ Дмитрій Васильевичъ,—ну, и спохватились. Видно, однѣми рѣчами дѣла не поправишь, видно, надо за что-нибудь практическое приниматься».

А тутъ подъ рукой хорошо изученное «дорогое» кустарное дѣло, а тутъ подъ рукой и помощникъ, тихо, смиренно, съ затаеннымъ горькимъ смѣхомъ въ душѣ предложившій свои «непросвѣщенныя», скромныя услуги. И вотъ опять теоретическій университетъ попадаетъ подъ руководство университета «практическаго». Фигурная личность, блестящій ораторъ, громившій скупку и поселявшій сомнѣнія даже въ скупщицкой душѣ, Борисъ Платоновичъ, уронившій Дужкина даже въ глазахъ его собственныхъ прикащиковъ, очутился, наконецъ... хотя и не прямо, не непосредственно, но все же очутился за скупщицкимъ прилавкомъ и трепетный огонекъ у входа въ мрачныя пещеры освѣтилъ также и дорошенковскую долю этой операціи.

Дмитрій Васильевичъ отплатилъ своему сопернику истинно по-христіански: онъ берегъ его интересы такъ ревниво, какъ не берегъ даже своихъ; при каждой новой удачѣ бывшаго оратора на губахъ скупщика являлась такая радостная улыбка, какъ будто барыши приходились на его собственную долю. Нѣтъ, за себя онъ не могъ радоваться такою радостью. Тутъ была доля стараго чувства, тутъ отдавалась дань юности, ея задавленнымъ стремленіямъ, ея горькой зависти, ея нравственнымъ униженіямъ и глухой борьбѣ. Скупщикъ отдавалъ ученому барыши по счету на бумажки, а себѣ бралъ у прежняго Дорошенка, у краснорѣчиваго оратора, у строгаго проповѣдника, иные барыши, безъ счета. Онъ говорилъ себѣ, съ торжествомъ, что *онъ*, а не *они* правы, что *они* пошли *его* путемъ, значитъ, путь этотъ вѣренъ, что его родитель не напрасно вырвалъ суровою рукой изъ юнаго сердца трепетавшіе въ немъ когда-то ненужные придатки, баловническія обманчивыя грёзы! Это

было торжество и вмѣстѣ оправданіе,—оправданіе и давно умершему экономическому человѣку, лежавшему въ могилѣ, и новому экономическому человѣку, который выходилъ теперь на свой путь уже безъ малѣйшихъ сомнѣній, даже безъ малѣйшихъ остатковъ горечи, превратившихся въ сознаніе удовлетворенія и торжества...

И вотъ въ одинъ прекрасный день, почтительно, но съ явною улыбкой, немолодой уже Дужкинъ взглянулъ въ глаза немолодому Дорошенку и сказалъ своимъ жесткимъ голосомъ:

— А что, Борисъ Платонычъ, помните ли вы ваши прежнія рѣчи? Пожалуй, вѣдь, и сами теперь... тоже болгарскія звѣрства производите?

Ораторъ сдался. Онъ зачеркнулъ все, что говорилъ когда-то въ томъ самомъ городѣ, въ присутствіи того самаго человѣка, который теперь пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

Не такъ давно была кустарная выставка. Выставка не удалась, все лѣзло врозь, экспоненты остались недовольны, недовольна осталась публика, недовольны газеты. Тріумфаторомъ вышелъ одинъ Дмитрій Васильевичъ Дужкинъ. Онъ получилъ награды, почетные отзывы, его товаръ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и, наконецъ, бывшій ювеналъ, краснорѣчивый ораторъ, въ томъ самомъ городѣ, а, можетъ быть, даже въ той самой залѣ, гдѣ нѣкогда раздавались его громовыя рѣчи противъ «египетскаго рабства» кустарей и турецкихъ жестокостей скупщиковъ,—теперь торжественно сознался въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ. Нѣтъ, благородное скупщицкое сословіе является необходимымъ звеномъ въ кустарномъ организмѣ. Это—просвѣщенные коллекторы, совершенствующіе производство!

И Дмитрій Васильевичъ, разгорячившійся отъ молодыхъ воспоминаній и недавняго торжества, смотритъ мнѣ въ глаза, и взглядъ Дмитрія Васильевича какъ будто спрашиваетъ у меня, молчаливаго слушателя этой драмы: «ну, чья же школа лучше?»

VII.

О торговомъ дѣлѣ и баловствѣ.

— А Николай Петровичъ Зерновъ?—спросилъ я какъ-то невольно.—Вѣдь, и Николай Петровичъ тоже... изъ университета?

Дмитрій Васильевичъ привскочилъ со стула.

— Что-жь такое Николай Петровичъ? — позвольте спросить. Ничего и не вышло.

— Да; но отчего?

— Отчего? А вотъ я вамъ скажу отчего.

Онъ нервно взялъ стоявшій на столѣ стаканъ и поставилъ его передо мной, крѣпко стукнувъ донышкомъ.

— Видите: стаканъ. Не велика штука, нехитрая, какіе тутъ узоры,—вонъ грань одна, больше ничего. Такъ. А тридцать лѣтъ назадъ дѣлался этотъ стаканъ съ кромочкой. Значитъ, тогда спросъ одинъ былъ, теперь спросъ другой. Дай вамъ теперича стаканъ съ кромкой, вы скажете: нѣтъ, не желаю, дайте мнѣ новѣйшаго фасона. Вѣрно?

— Вѣрно.

— Такъ тò стаканъ. А теперь возьмите замокъ,—тутъ сколько сортовъ, да сколько фасоновъ!... Сейчасъ вотъ мѣдная штучка придѣлана, только и есть разницы. А, между тѣмъ, эта штучка пускаетъ замокъ въ ходъ, отъ этой штучки поплыветъ этотъ замокъ рѣкой, а ужь другой который-нибудь остановляется. Такъ ли я говорю? Вѣдь, на это есть спросъ, штука весьма, скажу вамъ, капризная! Вотъ я о себѣ, не хвастаясь, скажу: по Харьковской, да по Московской губерніи все знаю, настоящій профессоръ. Чуть маленько одинъ товаръ позамялся, ужь у меня ушки на макушкѣ,—отчего? Другой опять тронулся шибче,—какая причина? Сейчасъ соображаю: тутъ попридержу, тамъ повыпущу! Потому что въ томъ мы полагаемъ свою выгоду и мѣста эти намъ стали извѣстны... Сколько теперь этого желѣзнаго товару черезъ руки прошло. Вѣдь, онъ, замокъ-то, всякій бываетъ. Есть замокъ по рублю за штуку, и есть замокъ по сороку копѣекъ десятокъ. Опять есть замокъ съ секретомъ, а есть и такой, что возьмите вы ихъ десять, только одинъ отпирается. Значитъ, въ одно мѣсто требуется одно, въ другое мѣсто—другое.

— Куда же, однако,—спросилъ я,—можетъ требоваться замокъ, который вовсе не открывается?

Дмитрій Васильевичъ посмотрѣлъ на меня взглядомъ снисходительнаго превосходства и сказалъ не безъ нѣкотораго паѳоса:

— Россія, милостивый государь, есть государство агромаднѣйшее... тутъ всякая дрянь сойдетъ!

И, не останавливаясь дальше на этомъ предметѣ, продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Такъ вотъ-съ! Которому человѣку это выгодно, кто этимъ съ малыхъ лѣтъ занимается, тотъ можетъ все услѣдить. А другому какъ узнать? Вотъ и говорю я Николаю Петровичу: «Не выйдетъ у васъ».—«Нѣтъ, выйдетъ». Ну, хорошо, я объ себѣ не сталъ

утверждать, пусть я не понимаю, а только говорю, что не выйдетъ. И не вышло!

«Почему не вышло?... А вотъ почему-съ. Былъ тутъ, напримѣръ, мастеръ одинъ, Рябовъ по фамиліи. Дѣлалъ замокъ, называемый рябовскій, и былъ тотъ замокъ «введенный». Хочешь, не хочешь, а безъ рябовскаго замка торговать невозможно, потому что придетъ оптовый покупатель, спрашиваетъ: «Дай ты мнѣ, говоритъ, на пятьсотъ рублей чего хочешь, да на пятнадцать цѣлковыхъ рябовскаго замка». Не дашь, и остальнаго товару не продашь, въ другое мѣсто покупатель уйдетъ. Работа, что̀ говорить, чистая была, извѣстная, и свое клеймо!

«Вотъ приходитъ разъ этотъ Рябовъ, приноситъ замки. Я и говорю: теперь, Михайло Петровичъ, вашего замка у меня довольно, а надо мнѣ вотъ какой, скажемъ хоть, для примѣра, балагурскій.

«— Какъ такъ?—говоритъ.—Мнѣ, говоритъ, балагурскій не столь уже выгоденъ. На своемъ я сорокъ копѣекъ получаю, на балагурскомъ четвертакъ. Какая же мнѣ надобность? Не желаю.

«— Какъ хотите,—говорю,—а покамѣстъ долженъ я пережидать съ вашимъ замкомъ.

«На слѣдующей недѣлѣ тащитъ опять свои. Дѣлать нечего, человѣкъ нужный, беру.—Сдѣлайте одолженіе, Михайло Петровичъ, приносите мнѣ балагурскихъ.

«— Не желаю.

«— Воля ваша, непріятно мнѣ это, да ужь хоть разладиться съ вами, а больше теперь брать не могу.

«Потому что̀ ужь я замѣчаю: замялся этотъ замокъ, задерживается въ лавкахъ. Думаю, можетъ, на короткое время сталъ, а тамъ и опять пойдетъ; ну, а бываетъ и то, что вовсе изъ моды вышелъ. Значитъ, мертвое дѣло. А мастеръ только свиститъ.

«— Наплевать! У насъ теперь артель. Въ артель сволоку. И то давно зовутъ.

«— Какъ вамъ угодно. И нежелательно мнѣ съ вами разставаться, а больше мнѣ не подъ силу.

«Ну, и ушелъ въ артель. И горюшка себѣ не знаетъ: надѣлаетъ и сдаетъ свои замки, надѣлаетъ и сдаетъ. А тамъ все берутъ, да все берутъ. Навалилъ груду, а, между тѣмъ, замокъ этотъ на рынкѣ и вовсе сталъ, кончилась мода, а они и не замѣтили. Набрали всякаго добра много, возятъ съ мѣста на мѣсто: на ярмаркѣ торгуютъ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Урюпинѣ шиломъ патоки хлебнули. Да что! Развѣ это возможно такъ торговать? Наше дѣло требуетъ сноровки, гдѣ шажкомъ, гдѣ ползкомъ, гдѣ и поклониться. Вотъ я

вамъ опять-таки случай разскажу, со мной и дѣло-то было. Пріѣзжаетъ каждый годъ въ ярмарку купецъ изъ Сибири, Кабаловъ, ежели слышали. И каждый годъ все на тысячу рублей у меня товару беретъ; не то, что павловскимъ товаромъ торговлю ведетъ, а такъ, между другими предметами и нашъ годится. Только разъ и говоритъ мнѣ этотъ купецъ: «Вашъ мнѣ товаръ ни шьетъ, ни поретъ; ни барышу отъ него настоящаго, ни убытку: возьмешь его—сойдетъ, пожалуй, не возьмешь—и безъ него обойдется дѣло. Ужь и то думаю, тысячу рублей не на другое ли что оборотить?» Намоталъ эти слова на усъ. На слѣдующую ярмарку, жду-пожду, не является ко мнѣ прикащикъ ихній. Плохо дѣло,—на тысячу рублей не продать, тоже изъянъ. Иду къ самому въ гостиницу. «Спитъ, черезъ часъ приходите». Прихожу черезъ часъ—на биржу уѣхалъ. Я на другой день. «Принимаютъ?»—«Спитъ, приходите черезъ часъ».—«Ничего, я въ передней обожду, человѣкъ небольшой». Сѣлъ, сижу себѣ смирненько. Вотъ, слышу, проснулся, одѣлся, черезъ малое время выходитъ въ пальто. Увидѣлъ меня, кивнулъ только головой.

«— А, это вы?

«— Я-съ. По дѣлу.

«— Некогда, завтра приходите.

«— Съ нашимъ удовольствіемъ.

«На утро опять та же исторія: «Приходите послѣ-завтра»,—а продежурилъ я у него на этотъ разъ уже два часа. На третій день, какъ увидѣлъ меня на мѣстѣ, такъ даже удивился.

«— Все ходишь?—говоритъ.

«— Хожу, по приказанію вашему.

«— Я,—говоритъ,—думалъ: ты обидишься и ходить бросишь.

«— Помилуйте, говорю, молодъ я еще на людей обижаться, которые болѣе меня стоютъ.

«Посмотрѣлъ на мени старикъ, усмѣхнулся, протянулъ руку:

«— Видна, говоритъ, птица по полету. Вы, говоритъ, молодой человѣкъ имѣете умъ. Люблю умныхъ людей. Не угодно ли со мной въ гостиницу отправиться, тамъ и о дѣлѣ потолкуемъ.

«Отправились, столковались. И до настоящаго времени, вотъ уже двѣнадцатый годъ, все беретъ товаръ. И не надо бы иной разъ, а беретъ. Вотъ какъ наше дѣло идетъ-съ. Всякое дѣло своего ума требуетъ, а въ нашемъ дѣлѣ умъ требуется покорный.

«Да это и во всякомъ дѣлѣ такъ-съ... Да это и во всей жизни такъ. Страхъ—начало премудрости, это сказано не даромъ. Умный человѣкъ самъ себя въ страхѣ держитъ, самъ на себя покорность налагаетъ. Глупаго человѣка чѣмъ удержишь?—нуждой-съ! А безъ

страха одинъ развратъ, непокорство, баловство! Товарищества, артели, помогать бѣднымъ. Да, вѣдь, это опять какъ разобрать, отчего онъ бѣденъ? Иной, дѣйствительно, бѣдный отъ воли Божіей, а иной отъ лѣности, за озорство. Нѣтъ, ты прежде въ нитку вытянись, да и тогда еще покоряйся, потому что въ этомъ воля Божія. Богъ знаетъ самъ, кому что даетъ. Достойному—богатство, а ежели тебѣ не дано, то такъ и понимай, что недостоинъ, а не ропщи, не заносись!

«Да, было этого довольно, видали, а по нашему мнѣнію, такъ и допускать этого не слѣдовало. «Иду въ артель деньги получать». За что? Для чего? Какъ-то прохожу мимо церкви, спускается съ паперти человѣкъ. Ба, кажись, человѣкъ знакомый! Только хотѣлъ было подойти поздороваться. Стой! да это онъ ли, Василій ли, полно, Ивановичъ? Оборачивается,—онъ самый; шубу себѣ сошилъ, шубу женѣ, жилетка, калоши, даже и перчатки! Плюнулъ я съ досады, — ну, какъ же не досадно, въ самомъ дѣлѣ? Потомъ платить,—платить-то и нечѣмъ. Давай векселя переписывать».

— Да, вѣдь, это уже въ концѣ было, когда Зернова не было въ товариществѣ?

Но Дмитрій Васильевичъ уже не слушалъ. Очевидно, всѣ эти мелкіе аргументы и мелкія возраженія не попадали въ цѣль тамъ, гдѣ дѣло шло о коренномъ отрицаніи.

— Баловство!—продолжалъ Дмитрій Васильевичъ, стоя передо мной и страстно сверкая своими глубокими черными глазами.—Баловство! Потачка! Рубь сберечи—вотъ чему учить надо. А то жалуются: скупщики обираютъ, цѣны низкія. А сами шубы заводютъ, калоши... Бѣлый хлѣбъ у кого, позвольте спросить?

— Но изъ чего же сберечь, Дмитрій Васильевичъ?

— Изъ чего? А вотъ изъ чего-съ. Я вамъ опять разскажу изъ чего-съ.

VIII.

О Мишанькѣ, праведномъ стяжателѣ.

«Мало настоящихъ-то людей ныньче, повывелись, пошла отъ всякаго баловства въ народѣ порча. Которыхъ мы теперь людей хвалимъ — и тѣ встарину считаемы были ни во что, а какихъ встарину хвалили, такихъ теперь и днемъ съ огнемъ уже не сыщешь; сто паръ сапоговъ истопчешь, а еще найдешь ли, нѣтъ ли, неизвѣстно.

«Ну, а, все-таки...»

Въ глазахъ Дмитрія Васильевича заиграло что-то помягче обыкновеннаго выраженія.

«Все-таки, былъ я, милостивый государь, счастливъ и отъ Бога взысканъ, что мнѣ еще такіе люди попадались. Видалъ и поучался. Про отца покойника уже изволили отъ меня слышать, но, окромѣ родителя, видалъ еще людей... настоящихъ! Стар-риннаго закалу, негордыхъ, имѣющихъ разумъ, который разумъ дается отъ Бога. Вотъ я вамъ про одного разскажу.

«Былъ тутъ, не въ дальнемъ селѣ, ко̀валь одинъ,—много лѣтъ на меня тотъ человѣкъ работалъ. Мужикъ хорошій, аккуратный, дѣло изъ рукъ не валилось, пьянаго я его не видалъ, въ глупостяхъ этихъ, которыя теперь въ народѣ встрѣчаются, тоже не замѣчалъ никогда. Ну, а тоже сказать, много лѣтъ и добродѣтели въ немъ настоящей не замѣчалъ, потому что настоящая добродѣтель все одно, какъ червонецъ на дорогѣ. Сколько разъ мимо пройдешь, и ногой, пожалуй, наступишь, и не видишь. А случай подойдетъ, онъ вдругъ блеснетъ и объявится.

«Та̀къ вотъ и тутъ было.

«Приходитъ разъ мужичокъ этотъ ко мнѣ, сдалъ клёпань, веселый. «Нынѣ, говоритъ, Митрій Васильичъ, радость у меня».

«— Что такое?

«— Вы меня, Митрій Васильичъ, знаете, не пьяница я, въ карты не играю, какъ иные прочіе, баловствомъ тоже никакимъ не занятъ. Бабу мнѣ Богъ послалъ—золото! Работали мы, работали, труждались, можно сказать, неустанно, добились до настоящей суммы, которую себѣ положили. Вотъ онѣ — получилъ теперича отъ васъ послѣднюю десятку; сколько годовъ мы ее, родимую, дожидаемся! Теперь я, Митрій Васильичъ, обезпеченный человѣкъ: избу строю, кузница у меня станетъ въ огородѣ новая, дровъ, углей—на годъ запасу. Теперича я, говоритъ, самъ себѣ господинъ.

«Посмотрѣлъ я на него. Не понравились мнѣ, признаться сказать, тѣ его похвальныя рѣчи.

«— Это все, говорю, хорошо, дай тебѣ Богъ. А только, Мишанька, говорю, ты не загордился ли? Этакъ же одинъ говорилъ по случаю большаго урожаю: «построю себѣ житницы... душе моя, яждь, пій, веселися». А Господь-отъ слушаетъ, да говоритъ про себя: «погоди-ко, прегордый человѣче, я тебя нонѣ ночью возвеселю». Потому что Богу это неугодно, что человѣкъ самъ себя отъ страха освобождаетъ.

«И что-жь вы думаете? Прошло сколько-то времени, приходитъ ко мнѣ тотъ Мишанька, обливается слезами.

«— Вотъ, говоритъ, Митрій Васильичъ, какое дѣло вышло. Исполнилось по вашему слову, посѣтилъ меня Господь за грѣхи: домъ сгорѣлъ, кузница новая сгорѣла. Отъ нея и огонь пошелъ. Палъ огонь на полѣнницы, да на уголь,—запасъ весь какъ есть пригорѣлъ, синь-пороха не осталось; сами съ бабой еле живы отъ Господа убѣжали, струментъ, и тотъ не пощадила сила Господня. Потому что посѣтилъ насъ въ самую полночь... Теперь бѣднѣе я бѣднаго, вотъ передъ вами весь тутъ, какъ меня видите.

«Плачетъ! Да и заплачешь. Подумайте сами: сколько лѣтъ копилъ и все въ одинъ моментъ прахомъ пошло.

«— То-то, говорю, Мишанька. Раненько возликовалъ, а, видно, Господь-отъ самъ знаетъ, кому какая участь. Видно, хочетъ тебя испытать горькою долей. Пріемли, Мишанька, со смиреніемъ.

«— Да, ужь видно, говоритъ, Его, Батюшку, не переспоришь. Возьмите меня, Митрій Васильичъ, къ какому ни-то дѣлу. Сдѣлайте милость.

«— Что-жь, говорю, приставить, конечно, можно, отчего не преставить. Только, какъ у тебя даже и инструментъ Господь отнялъ, то, видно, ужь тебѣ не въ мастерахъ быть, а въ сторожа ко мнѣ идти.

«Заплакалъ старикъ. Вѣдь, подумайте: мастеръ, вѣкъ въ своей кузницѣ на себя работалъ, а тутъ въ сторожа! А дѣлать нечего, спорить не сталъ. Нужда!

«Приставилъ я его дворъ караулить, два рубля сорокъ въ недѣлю, бабѣ тоже дѣло нашлось. Два сорокъ, на своихъ харчахъ! Много ли денегъ-то... послѣ прежняго-то достатка?

«Хорошо. Вотъ приставилъ я его и посматриваю, какъ мой Мишанька смиряться будетъ, какъ самъ себя поведетъ. А я, надо вамъ сказать, ко всякому человѣку присматриваюсь, потому что давно замѣчаю: до того ужь измотался народъ, до того по народу развратъ этотъ пошелъ, что ужь, кажется, не можно и Господу терпѣть. Просто душа болитъ!

«Ничего! Караулитъ мой Мишенька усердно. Почтеніе оказываетъ мнѣ по новому положенію... Прежде въ комнатахъ у меня сиживалъ, чай вмѣстѣ пивали, а теперь на чернорабочемъ положеніи, у воротъ съ дубинкой сидитъ; а увидитъ хозяина издали— встаетъ, шапку въ руки. Вижу, мужикъ съ понятіемъ. И на сторонѣ тоже прислушиваюсь: не говоритъ ли чего, не ропщетъ ли? Нѣтъ, ничѣмъ-ничего!

«Только и начинаю вдругъ замѣчать одно обстоятельство. Всю недѣлю мой Мишанька укрѣпляется, по субботамъ слабѣетъ. Разъ

прохожу—плачетъ-сидитъ у воротъ. А, что такое, думаю, это въ человѣкѣ объявилось? Съ чего? А самъ, конечно, виду не показываю. Другой разъ вижу,—уже и баба съ нимъ,—выбѣжала изъ стряпущей, сѣла рядомъ съ мужикомъ—разливаются... конечно, потихоньку. И такъ у нихъ пошло: какъ суббота, да смеркнется, они за свое: сидятъ рядышкомъ и плачутъ... Долго я понять не могъ... Ну, а наконецъ и понялъ».

Въ комнатѣ, гдѣ мы разговаривали съ Дмитріемъ Васильевичемъ, сгустились сумерки, а свѣчей еще не приносили. Мнѣ видны были только общія, неясныя очертанія его фигуры; онъ то вставалъ, то нервно ходилъ по комнатѣ, утопая въ дальнемъ углу и затѣмъ приближаясь ко мнѣ. Теперь онъ стоялъ передо мною, и его блѣдное лицо, съ черными глазами, пятномъ выступало изъ темноты. Его голосъ какъ будто отмякъ. Разсказъ о Мишанькѣ, о его смиреніи, о субботнихъ слезахъ, видимо, доставлялъ этому человѣку нѣкоторое волненіе и это волненіе было чисто-эстетическаго свойства. Вотъ куда ушли артистическіе задатки дужкинскаго дѣтства! Передо мной была крѣпкая, цѣльная, устоявшаяся натура, и скупщицкой философіи, скупщицкой нравственности должна же была соотвѣтствовать скупщицкая эстетика.

— Понялъ-съ! Уразумѣлъ, въ чемъ тутъ дѣло. Старину Мишанька поминалъ, благополучную свою жизнь въ своемъ дому, на своей волѣ. Видите ли: церковь-то у насъ подъ-бокомъ. Вотъ какъ смеркнется, да заблаговѣстятъ, ему и вспомнится, какъ, бывало, въ прежнее время, молотъ подъ печку, струментъ сложитъ, пріодѣнется, да къ вечернѣ, да свѣчечку къ образу Михаила Архангела.

«А теперь ужь и нельзя! Вотъ поэтому-то всю недѣлю мужикъ укрѣпляется, а въ субботній вечеръ, какъ суета стихнетъ, рабочіе разойдутся,—у него на сердцѣ-то и накипаетъ, и подымается. А тутъ и церковь видна: въ окнахъ огни свѣтятся, изъ домовъ народъ потянулся, а колокола-то бомъ да бомъ, бомъ да бомъ! А ты, сторожъ, сиди у воротъ, потому что нѣтъ своей воли, нѣтъ своего дому, и долженъ ты, сторожъ, чужія вороты караулить...

«Вотъ и сидитъ. И сидитъ, и дѣла справляетъ аккуратно, а, все-таки, поплакиваетъ мой Мишанька, нечего дѣлать!

«Засталъ я разъ Мишаньку на этакомъ случаѣ,—не успѣлъ онъ и слезъ обмахнуть,—да и говорю: «Что, Михаилъ Мосеичъ, видно, прискорбно вамъ у меня служить, такъ, вѣдь, мы и не держимъ. Люди вы вольные!»

«Тутъ вотъ онъ мнѣ и признался. А ужь я и самъ маленько

догадывался, въ чемъ штука. Ну, а виду не подаю, что еще будетъ дальше.

«Проходитъ этакъ съ полгода, и все мой Мишенька караулитъ и все та же исторія: по субботамъ поплакиваютъ съ бабой. Только въ одинъ день, праздничнымъ дѣломъ, говоритъ мнѣ прислуга: «Михайло пришелъ, проситъ его допустить». Я еще, грѣшный человѣкъ, подумалъ: «ну, станетъ какое-нибудь роптаніе объявлять или прибавки просить». Да нѣтъ-съ, ошибся! Не такой человѣкъ!

«— Вотъ, говоритъ, Митрій Васильичъ, господинъ хозяинъ. Много доволенъ вашими милостями. Пособилъ мнѣ Господь отъ милостей вашихъ сберечи двадцать пять рублей, четвертной билетъ. Извольте принять отъ меня на сохраненіе. У васъ цѣлѣе будутъ.

«Видали? Изъ двухъ-то сорока—четвертной билетъ! Вотъ ужь этакихъ людей я люблю-съ, люблю и уважаю. Этакой, по мнѣнію моему, человѣкъ чего-нибудь стòитъ. Однако, виду не показываю, билетъ беру, прячу. А ему на бумажку номеръ выписалъ. О роспискѣ—ни слова.

«Еще сколько-то времени прошло, опять четвертной билетъ. И все, замѣтьте, на томъ же положеніи, и все, вѣдь, по субботамъ плачетъ. Взялъ я и этотъ билетъ, положилъ къ прежнему въ пакетъ, а на пакетѣ написалъ: «сіи деньги принадлежатъ Михаилу Моисееву». На всякій случай: въ животѣ и смерти Богъ воленъ.

«Ну, еще черезъ пять мѣсяцевъ, опять билетъ,—стало быть, это уже составилось семдесятъ пять рублей. Какъ принесъ онъ мнѣ эти деньги, я отворяю столикъ, вынимаю прежнія.

«— Помнишь, Мишанька, номера?

«— Помню, говоритъ.

«— Посмотри, тѣ ли?

«— Они самые.

«— То-то. Это значитъ, Мишанька, что я твоихъ денегъ въ оборотъ не пускалъ, какъ при тебѣ положены, такъ и лежали все.— Да и никогда я такихъ денегъ не потревожу, такія для меня деньги святыя-съ!

«Такъ вотъ-съ, это, по моему мнѣнію, есть человѣкъ, такого могу я человѣка похвалить. Не повѣрите, до чего мнѣ этотъ человѣкъ пріятенъ сталъ. Онъ и не зналъ, что я его слезы видѣлъ... Самъ иду, и виду не показываю, а на сердцѣ у меня радость: что вотъ есть же еще люди на свѣтѣ, которые понимаютъ, что въ низкомъ званіи своя добродѣтель: послушаніе и бережливость, а не роптаніе. Значитъ, не всѣ же вывелись...

«Вотъ это люди. Не гордецы, не смутьяны, не тѣ, что въ шу-

бахъ, да въ калошахъ. Мишанькѣ вотъ не нужны артели да ломбарды!»

— А долго онъ у васъ караулилъ такимъ образомъ? — спросилъ я.

Но Дмитрій Васильевичъ уже шагалъ по комнатѣ, мелькая въ просвѣтахъ оконъ чернымъ силуэтомъ, и не отвѣтилъ. Можетъ быть, онъ не слышалъ вопроса. А, впрочемъ, не все ли равно, долго ли, коротко ли продолжалось Мишанькино смиреніе. Дѣло не въ этомъ, дѣло въ томъ, что человѣкъ понималъ свое назначеніе такъ, какъ понималъ его Дмитрій Васильевичъ.

Не все ли равно, въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть, онъ и до сихъ поръ все еще караулитъ, все еще плачетъ подъ благовѣстъ и доставляетъ Дмитрію Васильевичу эстетическое и нравственное удовлетвореніе своею смиренно-стяжающею добродѣтелью. Или, быть можетъ, добился опять до нужной суммы, выстроилъ кузницу и обзавелся своимъ хазяйствомъ. Или, наконецъ, отправился получать воздаяніе туда, иде же нѣсть печаль, ни воздыханіе, ни замковъ, ни замочниковъ, ни скупщиковъ, — такъ и не успѣвши доколотить нужную сумму, — а Дмитрій Васильевичъ записалъ его имя въ синодикъ и ежегодно ставитъ отъ себя свѣчку за упокой души раба Божія Михаила, праведнаго стяжателя...

Свѣчей все еще не приносили. Сумракъ въ обширной, непріютной палатѣ скупщика все сгущался, Дмитрій Васильевичъ все ходилъ по комнатѣ и все говорилъ. Видимо, онъ увлекался изложеніемъ завѣтныхъ взглядовъ, и слова, жесткія, точно отчеканенныя, опредѣленныя и суровыя, такъ и лились у него съ языка. Но я уже не вслушивался... Я понялъ Дмитрія Васильевича и подробности его программы не могли уже сказать мнѣ ничего новаго... Это была обыкновенная программа экономическаго человѣка.

Всякій разъ, когда въ обществѣ вѣетъ весной, когда въ его нѣдрахъ трепещутъ и рвутся наружу жизненныя силы, когда кипитъ воображеніе, роятся новые взгляды, мысль развертывается въ ширь, открывая впереди, въ безконечной перспективѣ, все новые и новые горизонты, побуждая къ творчеству и къ созданію новыхъ формъ жизни, — тогда экономическій человѣкъ находится въ нѣкоторомъ загонѣ и молчаливо выполняетъ свое назначеніе. Но за то, когда почему-либо живыя силы изсякаютъ, стремленія слабнутъ, воображеніе складываетъ обезсилѣвшія крылья, когда разочарованія встаютъ какъ призраки и туманъ разсѣянныхъ иллюзій заволакиваетъ горизонтъ темными тучами, тогда-то экономическій человѣкъ выступаетъ на первый планъ во всѣхъ углахъ жизни и,

вмѣсто програмы идеалистовъ, выдвигаетъ свою собственную програму, а его увѣренный голосъ скрипитъ рѣзко и громко, какъ крикъ ворона передъ ненастьемъ. И такъ же, какъ онъ самъ, эта програма лишена воображенія и творчества и вся отмѣчена одними отрицаніями: не пейте! Но кто же и когда не говорилъ этого?—Не будьте расточительны, не предавайтесь роскоши, не лѣнитесь, не гуляйте, не пойте пѣсенъ, скиньте пальто и сапоги, обуйтесь въ посконь и лапти, отнимите у дѣтей бѣлый хлѣбъ!...

Да, это обыкновенная програма и провозглашается она не въ одномъ Павловѣ. Ея отрицанія, какъ буханіе надтреснутаго павловскаго колокола, гудятъ надъ всей Россіей въ наши чисто-отрицательные покаянные дни, замѣняя живую работу творческихъ общественныхъ силъ. И, быть можетъ, именно поэтому фигура этого человѣка съ сурово-страстнымъ голосомъ и блѣднымъ лицомъ, выдѣляющимся въ темнотѣ, какъ будто выростала передъ моими глазами, пріобрѣтая какую-ту мрачную значительность . . . .

. . . .

Впрочемъ, когда внесли свѣчи, иллюзія разсѣялась. Передо мной былъ опять небольшой человѣкъ, блѣдный, сухой, съ нервными движеніями и жесткимъ голосомъ.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, разговоръ какъ-то самъ собою оборвался. Казалось, свѣтъ отрезвилъ моего собесѣдника, напомнивъ, что передъ нимъ человѣкъ изъ того лагеря, изъ котораго скупщику трудно дождаться признанія... Дмитрій Васильевичъ зналъ, зачѣмъ я къ нему явился, и въ его пытливомъ, пристальномъ взглядѣ я прочиталъ что-то вродѣ тревожнаго вопроса: ужь не высказалъ ли онъ слишкомъ много?

Я сталъ прощаться.

— Прощайте-съ...—сказалъ Дмитрій Васильевичъ, провожая меня до дверей.—Да! вотъ мы такъ и думаемъ объ этомъ дѣлѣ... Теперича опять появились эти глупости въ нашемъ селѣ, можетъ слышали? Ломбарду просятъ... И человѣкъ нашелся, который имъ прошенія пишетъ... рефераты читаютъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ... Что-жь! Мы тоже не безъ языка, тоже можемъ кое-съ-кѣмъ потолковать. Говорилъ ужь исправнику: вы знаете ли, кого мы тутъ въ Павловѣ имѣемъ? Весь даже затрясся, какъ услышалъ. «А! То-то, спохватились, да не поздно ли?»

— Однако, Дмитрій Васильевичъ, неужели такая страшная вещь—прошеніе отъ кустарей, что это можетъ безпокоить исправника?

— Замѣчаемъ мы: съ этихъ самыхъ поръ, какъ завелся этотъ

музей, да прошенія, не сталъ насъ народъ любить... волками какими-то смотрятъ.

— А прежде любили?

Дмитрій Васильевичъ не отвѣтилъ. Произошло болѣе или менѣе холодное прощаніе.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Когда я вышелъ изъ воротъ дужкинскаго дома и прошелъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, отъ забора отдѣлились вдругъ двѣ темныя фигуры и подошли ко мнѣ.

Въ одной я узналъ Аверьяна. Деревенскій остроумецъ, зачѣмъ-то оставшійся до вечера въ Павловѣ, пожимался отъ холода и имѣлъ угрюмый видъ.

— Что, наслушались дужкинскихъ рѣчей?—сказалъ онъ, догнавъ меня и идя рядомъ.

— Наслушался,—отвѣтилъ я.—Да и есть чего послушать: человѣкъ умный.

— Коли не умный!—угрюмо буркнулъ Аверьянъ.

Со стороны небольшой фигурки, въ припрыжку бѣжавшей за нами, послышался вздохъ. По этому вздоху я узналъ смиреннаго человѣка.

— А, и вы здѣсь!

— А то гдѣ-же?—грубо перебилъ Аверьянъ.—Сколь времени дожидались. Видно, у скупщика чаемъ васъ подчивали, да видно сладко...

— Да вы зачѣмъ же ждали? Мнѣ почемъ было знать.

— Будетъ вамъ ужь по скупщикамъ ходить. Пошли бы нашу бѣдноту посмотрѣли. Мы бы вотъ и свели васъ куда надо... Идете, что-ль?

Я остановился въ нерѣшительности, но колебаніе продолжалось недолго. «Куда надо»,—мелькнуло у меня въ головѣ,—«подготовили».

Оказалось, однако, что подготовить того, на что довелось мнѣ глядѣть въ этотъ вечеръ, невозможно...

Мы пошли кривыми переулками и взъемами и скоро вышли въ поле, на какую-то гору. Вѣтеръ вздымалъ струйки сухаго снѣга и крутилъ ихъ въ воздухѣ, перекрывая холодныя звѣзды. Послѣдніе огоньки крайнихъ избушекъ какъ-то сиротливо свѣтили на широкій пустырь, угрюмо разстилавшійся въ морозной дали. Мы подошли къ какимъ-то рытвинамъ, ямамъ и развалинамъ.

— Вотъ тутъ первый заводъ ставленъ, отъ него и ямы остались,—сказалъ Аверьянъ.

Я остановился въ невольномъ раздумьи. Такъ это Семенья гора, а это первый очагъ павловскаго производства? Здѣсь стоялъ первый заводскій горнъ, здѣсь громыхалъ молотъ, здѣсь добрый помѣщикъ видѣлъ своихъ людишекъ въ аду и думалъ ихъ вывести, потушивъ заводскіе огни?...

Хорошо ли сдѣлалъ добрый помѣщикъ, или худо? Вмѣсто заводскаго производства, загорѣлось производство домашнее... Людишки не разлучаются съ семьями, заводъ не разложилъ сельскаго и семейнаго уклада... Но за то, вмѣсто огненнаго ада и плавильной печи, создался иной адъ—понедѣльничной скупки, и что хуже, я сказать не рѣшусь...

Рѣзкій вѣтеръ, налетавшій изъ клубившейся морозною пылью пустой и темной дали, не позволилъ мнѣ предаваться долгимъ размышленіямъ, тѣмъ болѣе, что Аверьянъ уже шелъ по направленію къ ближайшимъ огнямъ и нетерпѣливо звалъ меня за собой.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ исчезъ, согнувъ свою могучую спину, въ какой-то лачугѣ, и вышелъ оттуда съ небольшимъ человѣкомъ, въ огромной шапкѣ, въ такихъ же огромныхъ валенкахъ и въ передникѣ. Человѣкъ этотъ почтительно поклонился, поздоровался со всѣми за руку и предложилъ мнѣ себя въ проважатые.

Затѣмъ мы начали свой обходъ.

Я не стану утомлять васъ подробностями. Самъ я, обойдя нѣсколько домовъ, гдѣ меня встрѣчали очень радушно, а иногда съ какою-то безотчетною надеждой, попросилъ у Аверьяна пощады... Но неумолимый Аверьянъ шелъ изъ дому въ домъ, отъ лачуги къ лачугѣ, развертывая передо мной картину одну безотраднѣе другой...

Прежде всего, мы подошли къ крохотной избушкѣ, лѣпившейся къ глинистому обрыву. Такихъ избушекъ въ Павловѣ много, и снаружи онѣ даже красивы: крохотныя стѣны, крохотныя крыши, крохотныя окна. Такъ и кажется, что это игрушка, кукольный домикъ, гдѣ живутъ такіе же кукольные, игрушечные люди.

И это отчасти правда... Когда мы, согнувъ головы, вошли въ эту избушку, на насъ испуганно взглянули три пары глазъ, принадлежавшихъ тремъ крохотнымъ существамъ.

Три женскія фигуры стояли у станковъ: старуха, дѣвушка лѣтъ 18 и маленькая дѣвочка лѣтъ 13. Впрочемъ, возрастъ ея опредѣлить было очень трудно: дѣвочка была какъ двѣ капли воды похожа на мать, такая же сморщенная, такая же старенькая, такая же поразительно-худая.

Я не могъ вынести ея взгляда... Это былъ буквально маленькій скелетъ, съ тоненькими руками, державшими тяжелый стальной напильникъ въ длинныхъ, костлявыхъ пальцахъ. Лицо, обтянутое прозрачною кожей, было просто страшно, зубы оскаливались, на шеѣ, при поворотахъ, обнаруживались одни сухожилія... Это было маленькое олицетвореніе... голода!...

Да, господа, это была просто-на-просто маленькая голодная смерть за рабочимъ станкомъ. Того, что зарабатываютъ эти три женщины, едва хватаетъ, чтобы поддерживать искру существованія въ трехъ рабочихъ единицахъ кустарнаго села. Но жизнь, все-таки, тлѣетъ и, все-таки, подъ ея вліяніемъ и здѣсь, въ крохотной избушкѣ, старое старится, молодое ростетъ. Но только голодъ и непосильная работа страшно уравняли старое и молодое; одни глаза дѣвочки, смотрѣвшіе мягко, жалобно, съ безмолвнымъ вопросомъ и какъ будто съ нѣмою просьбой о пощадѣ, сразу указывали возрастъ этой крохотной кустарной работницы.

Такой дѣтскій взглядъ выносить очень трудно. Старики много знаютъ или... ужь очень много забываютъ. Наконецъ, старики, такъ или иначе, погрѣшали уже противъ жизни. Но дѣти неповинны въ ея неправдахъ и потому у нихъ сохраняется какое-то странное инстинктивное сознаніе или, вѣрнѣе, воспоминаніе о своемъ естественномъ правѣ. За что они страдаютъ? Гдѣ тутъ правда? Когда такой глубоко-сознательный дѣтскій взглядъ устремляется на васъ и въ немъ свѣтится раннее страданіе и этотъ упорный вопросъ, вамъ нечего отвѣтить, и вы невольно отворачиваетесь, чтобы только избѣгнуть этого безмолвнаго, тяжелаго упрека...

Эти три существа работаютъ съ утра до ночи, занимаясь отдѣлкой замковъ. Нищета есть вездѣ. Но такую нищету, за неисходною работой, вы увидите, пожалуй, въ одномъ только кустарномъ селѣ. Жизнь городскаго нищаго, протягивающаго на улицахъ руку, да это рай въ сравненіи съ этою рабочею жизнью.

— Вотъ она въ корню у меня,—указала старуха на старшую дочь. Та отличалась отъ обѣихъ тѣмъ, что гораздо болѣе походила на живаго человѣка, хотя ея лицо тоже было блѣдно и нездорово. Тѣмъ не менѣе, она отдавала даже нѣкоторую дань кокетству, если не одеждой, которая была также бѣдна, то хоть прическои, по-городскому, съ чолкой... Пусть осуждаетъ, кто можетъ!

Я отдалъ дѣвочкѣ нѣсколько денегъ и вышелъ, отвернувшись, чтобы не видѣть жалкой улыбки, странно заигравшей на этомъ ужасномъ лицѣ. Но я, все-таки, унесъ ея взглядъ съ собой, на темную павловскую улицу.

Я не привожу вамъ цифръ ихъ работы и заработка. Кругомъ—на окнахъ, на лавкѣ, на стѣнкахъ—я видѣлъ груды отдѣланныхъ по-бѣлому замковъ, а только что описанная картина говоритъ о результатахъ этой работы краснорѣчивѣе, чѣмъ могли бы сказать самыя точныя цифры. Если же кто заподозритъ меня въ преувеличенiи, то описанная мною избушка, да и много такихъ избушекъ, стоитъ все на томъ же мѣстѣ. Стóитъ только спросить вдову Пряничникову (она же Блударева)—на Семеньей горѣ. Мнѣ не разъ приходилось жалѣть о томъ, что я не живописецъ, но никогда я не жалѣлъ объ этомъ такъ сильно, какъ въ этотъ разъ. Да, достаточно было бы нарисовать эти три фигуры, и, можетъ быть, мнѣ не зачѣмъ было бы тратить такъ много словъ на изображенiе умирающаго павловскаго кустарнаго строя.

Выйдя изъ этой избы, мы подошли къ большому, двухъэтажному темному дому. Мрачное старое зданiе сѣло передними подгнившими вѣнцами, какъ обезсилѣвшее животное, упавшее на колѣни. Окна уже вростали въ землю, а крыша наклонилась впередъ.

И опять дѣти!

Нашъ провожатый отворилъ дверь и мы вошли въ сѣни. Огня нигдѣ не было видно, но откуда-то изъ темноты слышался несмолкающiй дѣтскiй плачъ. Удары въ запертую дверь прозвучали рѣзко и громко, отдаваясь въ верхней нежилой части стараго дома.

Послышалось быстрое шлепанье босыхъ дѣтскихъ ногъ, остановившееся у двери. Голосъ другого, плачущаго ребенка не смолкалъ. Онъ то всхлипывалъ, то «заходился» отъ неудержимаго плача.

— Тятька, ты?—спросилъ изъ-за двери мальчикъ, по голосу лѣтъ пяти.

— Отопри!

— Да ты кто?

— Иванъ Аѳанасьевъ.

— Не знаю я. Тятьки нѣту. Ахъ ты, Господи. Молчи ты, Митенька, молчи.

Ноги зашлепали быстро вглубь избы и слышно было, какъ мальчикъ уговариваетъ братишку. Черезъ минуту опять онъ подбѣжалъ къ двери.

— Вы здѣсь еще?

— Здѣсь.

— Не пущу я. Тятька ушелъ.

— Куда?

— Пальто въ залогъ утащилъ.

— Зачѣмъ безъ свѣту сидите?

— Свѣчка догорѣла. Мамка пошла свѣчку просить, да вишь долго не идетъ. Боюсь я.

И голосъ мальчика тоже вздрагиваетъ. Но въ это время маленькій опять заливается, нашъ собесѣдникъ бѣжитъ къ нему, а мы стоимъ въ нерѣшительности.

— Мамынька, темна-а...—слышится горькій плачъ.

— Молчи, вотъ тятька придетъ.

— Темна, темна-а... А, мамынька, темна-а-а...—продолжаетъ заливаться тоненькій жалобный голосъ, и этотъ крикъ я уношу съ собой на улицу, пускаясь дальше за Аверьяномъ.

— Голубчикъ, будетъ,—говорю я кустарю.

— Пойдемъ, пойдемъ!

Мы подходимъ къ третьему дому. Изба просторная, свѣтлая, на стѣнахъ обои, небольшое зеркальце, кровать съ занавѣской. Но на встрѣчу мнѣ сверкаетъ испуганный взглядъ, очевидно, задавленнаго судьбою, пришибленнаго человѣка. Узнавъ, зачѣмъ мы пришли, онъ успокоивается и изъ мастерской приглашаетъ насъ за перегородку, гдѣ у стола сидитъ его жена и ковыряетъ шиломъ громадный валенокъ. Она полой кафтана стираетъ пыль со стула и привѣтливо приглашаетъ насъ садиться. Женщина еще молода и на ея лицѣ изъ-подъ блѣдности и грусти проглядываютъ слѣды недавней красоты. Во всей квартиркѣ точно также видны слѣды недавняго достатка.

— Что вы это дѣлаете—для себя или по заказу?

— Людямъ, насторону. Вотъ чѣмъ кормиться пришлось,—говоритъ она, стараясь улыбаться. Сначала улыбка эта дѣйствительно освѣщаетъ лицо, но тотчасъ же губы молодой женщины вздрагиваютъ, и смѣхъ покрывается плачемъ.

Надъ этою семьей виситъ неотвратимая невзгода: недавно въ домѣ, въ передней избѣ, гдѣ мастерская, рухнулъ потолокъ. Это происшествіе, надо замѣтить, очень часто теперь въ кустарномъ селѣ: я былъ въ Павловѣ раза четыре, и изъ нихъ два раза въ мою бытность проваливались потолки. Стоитъ, стоитъ, да вдругъ рухнетъ. Обвалилось въ одномъ мѣстѣ, тамъ въ другомъ, тамъ въ третьемъ...

На этотъ разъ задавило мальчика и сильно ушибло хозяина. Его испуганный, пришибленный взглядъ—это взглядъ человѣка, которому грозитъ долгая болѣзнь, при невозможности работать, т.-е. гибель, потому что въ кустарномъ строѣ нѣтъ даже слабыхъ по

пытокъ обезпечить рабочаго отъ случайности. Настигло человѣка невзгодье—и гибель идетъ на семью неотвратимыми, неумолимыми шагами. А кругомъ такія же избушки, грозящія такимъ же паденіемъ, только жмутся отъ страха и ждутъ своей очереди!

На полу, въ кучѣ тряпья, наваленнаго у перегородки, что-то зашевелилось.

— Что это у васъ въ руньѣ? *)—спросилъ Аверьянъ.

— А это Марьюшка-дурочка. Вчерась пришла.

— Дурочка это, въ руньяхъ лежитъ и стонетъ,—говоритъ мой провожатый, указывая на груду тряпья съ такимъ видомъ, какъ будто я, сторонній человѣкъ, могу и не понять объясненія женщины.—Которая дурочка въ поляхъ больше находится. Да, видно, познобилась.

— На колокольнѣ ночевала,—говоритъ женщина, кидая по направленію къ рунью взглядъ сожалѣнія.—Что дѣлать, не выгонишь... Самимъ бы ѣсть нечего, а жалко.

Губы ея опять слегка вздрагиваютъ. Мужъ безсильно разводитъ больными руками.

— Да вонъ поди ты! Еще лечитъ меня, даромъ что дурочка. Покушай, говоритъ, мѣлку, мѣлку покушай. И кушаю, а то доктора совсѣмъ отступились. Вишь домъ былъ разваленной. Все прикапливали маленько,—вотъ поправимъ, вотъ поправимъ. А онъ, видишь, не дождался, да и упалъ... О, Господи!

Несмотря на всю тяжесть положенія, въ этой семьѣ живетъ еще какая-то надежда и центромъ ея, какъ кажется, является эта бодрая, красивая женщина, зашивающая валенокъ и призрѣвшая дурочку. На что эта надежда? На здоровыя руки жены, на дурочку, отъ леченія которой мужу становится легче, да на Бога... Отъ людей трудно ждать помощи инвалиду труда въ кустарномъ селѣ...

Нашъ путь изъ этой избы лежалъ опять мимо темнаго дома, поэтому мы опять завернули въ сѣни, надѣясь, что хозяинъ уже вернулся. Но надежда не оправдалась: въ окнахъ не было огня и изъ глубины опять слышался плачъ:

— Мамынька, темна-а, темна-а...

Описывать ли дальше нашъ обходъ по Семеновой горѣ? Описывать ли эту бѣдноту за станками, этихъ голодающихъ людей, дѣтей, плачущихъ въ темнотѣ, этихъ кустарныхъ стариковъ, съ горбами на правыхъ лопаткахъ, со впалою грудью съ лѣвой стороны, съ отупѣвшимъ, испуганнымъ взглядомъ?

---

*) Рунье—старое тряпье.

Я думаю, довольно. Я не хочу терзать читателя, какъ терзалъ меня безжалостный Аверьянъ. Я и безъ того боюсь уже, что меня заподозрятъ въ тенденціозности и сантиментальныхъ преувеличеніяхъ.

Поэтому я спѣшу оговориться. Да, такихъ домовъ—меньшинство, меньшинство очень незначительное, да, такія картины вы встрѣтите не на каждомъ шагу. Но онѣ есть и вы ихъ встрѣтите немало, и этого, мнѣ кажется, довольно потому, что это *нищета трудовая!*

Недавно кустари села Павлова обратились съ просьбой о помощи. Была наряжена коммиссія, которая констатировала паденіе цѣнъ, но *острой* нужды не нашла. И такъ, то, что я описывалъ, является чѣмъ-то состоящимъ въ порядкѣ вещей.

Но можно ли, однако, оставлять такой порядокъ вещей, порождающій *такія* картины, такія взаимныя отношенія, такую *рабочую* нищету?

Наконецъ, истомленный безотрадными картинами, раздавъ уже всѣ бывшія при мнѣ деньги и чувствуя себя совершенно беззащитнымъ, я наотрѣзъ отказался слѣдовать за мучителемъ Аверьяномъ.

Мы стояли на льду рѣки Тарки. Холодная изморозь все сѣялась сверху, мелькая сѣточкой на дискѣ полной луны, вставшей надъ горами. На насъ съ крутого обрыва глядѣли кустарные домики, разваленныя крыши, какія-то бревна, торчавшія въ хаотическомъ безпорядкѣ.

Смиренный человѣкъ, какъ и я, смотрѣвшій на эту картину, глубоко вздохнулъ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Охъ-хо-хо. Тò слѣпой и жалится, что зги не видать!...

А затѣмъ, помолчавъ, прибавилъ:

— А что я, позвольте сказать вамъ, Владиміръ Глахтіонычъ, думаю... Я думаю, не тѣ ли времена идутъ, о коихъ временахъ сказано: живые позавидуютъ мертвымъ?

— Перебой первородный, — подтвердилъ провожатый, тоже глядя кверху, изъ-подъ своей лохматой шапки, на причудливую картину кустарнаго села, въ этомъ мѣстѣ какъ будто валившагося на насъ съ безпорядочныхъ обрывовъ.

Мы постояли молча. Я понималъ настроеніе кустарей: вѣдь, въ ихъ мірѣ—для нихъ весь Божій міръ. А ихъ міръ покачнулся и грозитъ паденіемъ. Мудрено ли, что имъ это кажется чуть не настоящимъ свѣтопреставленіемъ...

— Ну, полно каркать,—первый прервалъ наступившее мол-

чаніе Аверьянъ.—Вы лучше вотъ что: пойдемъ-ко-те еще въ одно мѣсто, гдѣ маленько повеселея.

Я согласился и конецъ вечера провелъ въ сравнительно достаточной рабочей семьѣ. Здѣсь меня угощали чаемъ за столомъ, гдѣ хозяева сидѣли вмѣстѣ съ рабочими. Набралось еще посторонняго народу, и мы долго толковали о судьбахъ кустарнаго села. Семенова гора — почти сплошь все варыпаевцы. Старики разсказывали о бывшемъ старшинѣ и о борьбѣ его съ богачами, и у молодежи сверкали глаза при этихъ недавнихъ еще воспоминаніяхъ... До сихъ поръ, все-таки, живъ еще этотъ павловскій раздоръ, до сихъ поръ это самое чувствительное мѣсто, на которомъ тлѣютъ павловскія страсти.

Однако, скоро перешли къ другимъ темамъ. Говорили о томъ, что пятьсотъ человѣкъ подали прошеніе съ жалобами на скупщиковъ, съ просьбой о помощи; къ этому прошенію присоединились еще пять окрестныхъ крестьянскихъ обществъ. Кустари возлагаютъ надежду на земство, на правительство и, какъ, впрочемъ, слѣдовало предполагать, не особенно ясно представляютъ себѣ планъ учрежденія, о которомъ просятъ.

Рано утромъ, задолго до свѣта, я опять ѣхалъ, лежа въ саняхъ, по той же дорогѣ, на которой нѣсколько дней назадъ встрѣтилъ Аверьяна. Только теперь огоньки Павлова, его горы, купола церквей и лачуги на обрывахъ остались сзади, а на встрѣчу мнѣ надвигалась, клубясь, развертываясь, отступая и колыхаясь неопредѣленная тьма зимней ночи. И въ этой тьмѣ виднѣлись, мнѣ опять картины, разговоры, сцены кустарнаго быта... Аверьянъ съ его сказочкой: «Лукавый заводчикъ», ширяющій на своихъ крыльяхъ надъ смятенными улицами, трепетные огни у входа въ подвалы, суровыя фигуры скупщиковъ и жмущіяся къ огнямъ толпы кустарей... Затѣмъ—смиренные кустарные человѣчки, могучая фигура павловскаго старшины, бухающій колоколъ, суровые стяжатели, лучшіе изъ представителей скупщицкаго принципа и бѣдный Мишанька, тихо плачущій по субботамъ у воротъ дужкинскаго двора, въ виду сіяющаго огнями Божьяго храма...

Фигура Дмитрія Васильевича, съ его стройною философіей, теперь совсѣмъ умалилась. Нѣтъ, господа, отрицательная программа—не программа. Вы отлично знаете экономическіе законы, но они не вѣчны, и особенно не вѣчны законы вашей затхлой павловской экономіи, передъ которыми даже обыкновенная винопторговля—образецъ гуманности и человѣколюбія. Можно сколько угодно смѣяться надъ непрактичными планами и предсказывать ихъ

неудачу. Но все же есть вѣчные законы, и только то истинно, что согласно съ ними. А вы, настроившіе каменныя палаты и мечтающіе о городѣ,—что же вы сдѣлали не фантастическаго, не утопическаго, а хотя бы самаго обыденнаго, въ простомъ христіанскомъ смыслѣ, для этихъ людей, создающихъ ваши богатства, для этого ребенка, умирающаго за работой медленною смертью, для другого, плачущаго въ темнотѣ, для этой нищеты, хотя бы только происходящей отъ случайностей? Или, въ самомъ дѣлѣ, жизнь есть ожесточенная свалка, гдѣ законно торжество сильнѣйшаго, а для массы остается только добродѣтель покорнаго умиранія и тихія Мишанькины слезы? Гдѣ же ваша общественная дѣятельность, помимо наживы, гдѣ ваши хотя бы грошевыя пожертвованія, хотя бы намекъ на искру человѣческаго чувства?...

Да, вы умѣете говорить объ экономическихъ законахъ, а законамъ живаго Бога удовлетворяете однимъ клиросньмъ пѣніемъ.

Я далекъ отъ желанія винить во всемъ однихъ скупщиковъ. Нѣтъ, вина тутъ—вина всего кустарнаго строя. Но строй этотъ, въ его совокупности, выгодный для васъ,—безчеловѣченъ и безбоженъ. Не претендуйте же, если кустарное село и весь прилегающій къ нему край обращается, помимо васъ, со своимъ воплемъ о помощи...

А мы, общество?... Мы, «вверху стоящіе, что городъ на горѣ», что же мы сдѣлаемъ, чтобы освѣтить эту тьму кустарнаго строя? Неужели и у насъ найдется одна только отрицательная программа?

Хорошо, они не будутъ пить! Хорошо, они не будутъ расточать, тѣмъ болѣе, что и расточать нечего! Хорошо, они не станутъ предаваться буйному разгулу и безобразному веселью, тѣмъ болѣе, что имъ и вообще-то невесело!

Хорошо, они исполнятъ все это, они исполняютъ и вообще свою задачу, работая съ утра и до ночи! А мы... исполнимъ ли мы въ отношеніи къ нимъ свои обязанности, состоящія въ организаціи и устроеніи?...

Кто знаетъ? Вопль кустарнаго села, одно изъ безчисленныхъ обращеній къ намъ нашего народа, застаетъ насъ въ періодъ разслабленія и апатіи, въ періодъ господства однихъ отрицательныхъ программъ и идеаловъ, если только могутъ существовать на свѣтѣ отрицательные идеалы...

Вл. Короленко.

ПОРТЪ - ТАРАСКОНЪ.

(Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена).

Альфонса Додэ.

Это было въ сентябрѣ, и было это въ Провансѣ, въ разгаръ сбора винограда, лѣтъ пять или шесть назадъ.

Большой брикъ, запряженный парой камарговъ, мчалъ насъ, поэта Мистраля, старшаго изъ моихъ сыновей и меня, къ станціи Тарасконъ на скорый поѣздъ «Парижъ-Ліонъ-Марсель». Восхитительнымъ казался намъ конецъ этого томительнаго знойнаго дня, матовый вечерній свѣтъ, точно усталый, лихорадочный, страстный, какъ прелестное лицо женщины того края.

Ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ, несмотря на быстроту нашей ѣзды. По краямъ дороги пестрѣютъ длинные, прямые листья испанскаго тростника; по всѣмъ дорогамъ, бѣлымъ, какъ снѣгъ, фантастически бѣлымъ, неподвижная пыль скрипитъ подъ колесами нескончаемыхъ вереницъ возовъ, нагруженныхъ черныімъ виноградомъ,—исключительно только чернымъ. За возами идутъ группы юношей и дѣвушекъ; всѣ они рослые, статные, всѣ черноглазые.

Гроздья чернаго винограда и черныхъ глазъ — только ихъ и видно въ чанахъ, въ плетеныхъ корзинахъ, подъ широкополыми шляпами мужчинъ, подъ платочками женщинъ, захватившихъ зубами концы этого простаго головнаго убора. Тамъ и сямъ, гдѣ сходятся два поля, вырѣзывается на свѣтломъ небѣ большой крестъ, и на каждомъ его концѣ по тяжелой кисти винограда, повѣшеннаго въ видѣ жертвеннаго приношенія.

«Глядь!»—простонароднымъ говоромъ восклицаетъ Мистраль и растроганнымъ жестомъ, съ гордою, почти материнскою улыбкой, указываетъ на эти выраженія наивно-языческаго усердія столь дорогаго его сердцу провансальскаго народа. И затѣмъ опять продол-

жаетъ на мгновеніе прерванный разсказъ, какую - нибудь чудную сказку, яркую, какъ это южное небо, пропитанную ароматомъ береговъ Роны. Не скупясь сыплетъ ихъ провансальскій Гёте, разбрасываетъ всегда неистощимо полными руками, въ которыхъ цвѣты поэзіи дивно сплетаются съ дѣйствительностью.

О, диво словъ, волшебное сочетаніе угасающаго дня, очаровательной мѣстности и захватывающей народной легенды, передаваемой поэтомъ на узкой дорогѣ, бѣгущей между оливковыми полями и виноградниками!... Хорошо какъ было, и жизнь представлялась мнѣ такою свѣтлою, легкою!

Вдругъ глаза мои затуманились, тревога сжала сердце. «Какъ ты блѣденъ, отецъ!»—сказалъ мой сынъ. Я указалъ ему на зàмокъ короля Рене, съ его четырьмя башнями, угрюмо смотрѣвшими на меня, и едва осилилъ прошептать: «Вотъ Тарасконъ!»

Дѣло въ томъ, что мнѣ предстояло еще свести страшные счеты съ тарасконцами. Я зналъ, насколько они возбуждены противъ меня, какую мрачную злобу таятъ за мои шутливыя отношенія къ ихъ городу и къ его великому человѣку, знаменитому, восхитительному Тартарену. Письма, анонимныя угрозы часто предупреждали меня: «Если когда-нибудь попадешь въ Тарасконъ, плохо тебѣ будетъ!» Другіе потрясали надъ моею головой страхомъ мести самого героя: «Трепещи! У стараго льва остры еще и клювъ, и когти!»

Левъ—и съ клювомъ, какъ не затрепетать!

А что еще важнѣе: командиръ мѣстныхъ жандармовъ передавалъ мнѣ, какъ одинъ купеческій прикащикъ изъ Парижа, по странному ли совпаденію, или потѣхи ради, записалъ въ книгѣ отеля свое имя «Альфонсъ Додэ», и какъ у дверей одной кофейной его окружила цѣлая толпа съ угрозами бросить въ Рону, по старинѣ и преданію:

Dé brin o dé bran
Cabussaran
Dou fenestroun
De Tarascoun
Dedins lou Rone *).

Этотъ старый куплетъ 93 года до сихъ поръ поется тамъ съ мрачными поясненіями относительно кровавыхъ событій, свидѣтельницами которыхъ были башни короля Рене во времена революціи. Ну, а такъ какъ мнѣ совсѣмъ нежелательно было прыгать тычма головой изъ оконца-Тараскона, то я въ моихъ путешествіяхъ по

*) Добромъ или силой-зломъ, прыгнуть имъ придется изъ оконца-Тараскона въ Рону.

югу Франціи всегда объѣзжалъ сторонкой этотъ богоспасаемый городъ. И вотъ на этотъ разъ злая судьба, желаніе обнять моего дорогаго Мистраля, невозможность попасть на скорый поѣздъ иначе, какъ въ Тарасконѣ, привели меня прямехонько къ пасти льва съ острымъ клювомъ.

Еще туда-сюда, если бы мнѣ предстояло имѣть дѣло только съ Тартареномъ; меня не испугала бы дуэль въ тѣни деревьевъ городскаго круга, не сробѣлъ бы я передъ поединкомъ на стрѣлахъ, отравленныхъ ядомъ. Но гнѣвъ цѣлаго народа и Рона, широкая Рона!

А! смѣю васъ завѣрить, не однѣми розами усыпанъ жизненный путь романиста...

Странное дѣло, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ городу, людей становилось все меньше, возы съ виноградомъ попадались все рѣже. Скоро передъ нами потянулась лишь ровная, бѣлая дорога, а кругомъ лежала безмолвная пустыня.

— Диковина!—сказалъ Мистраль тихо и нѣсколько тревожно,—точно воскресенье сегодня.

— Если бы было воскресенье, мы слышали бы звонъ колоколовъ,—замѣтилъ мой сынъ, тоже не совсѣмъ спокойнымъ тономъ, такъ какъ въ этой тишинѣ, охватившей городъ и его окрестности, чувствовалось что-то зловѣщее. Ни звука, ни звона, ни крика, ни даже стука молотковъ, обыкновенно раздающихся такъ гулко въ чистомъ, отзывчивомъ воздухѣ Юга.

По сторонамъ дороги возвышались уже дома предмѣстья, маслобойня, заново выкрашенный домикъ заставы. Недоумѣніе наше достигло крайнихъ предѣловъ, когда мы очутились на длинной улицѣ, покинутой обывателями; двери и окна заперты, не видно ни собаки, ни кошки, ни дѣтей, ни куръ, ни души живой; у закопченнаго входа въ кузницу не стоятъ уже два колеса на своихъ обычныхъ мѣстахъ; убраны, исчезли большіе занавѣсы изъ рѣднины, защищающіе тарасконскія жилища отъ мухъ, исчезли и сами мухи, нѣтъ и чудеснаго аромата супа съ чеснокомъ, который въ этотъ часъ доженъ былъ бы разноситься изъ каждой доброй кухни.

Тарасконъ не пахнетъ чеснокомъ—мыслимое ли это дѣло?!

Мы съ Мистралемъ въ ужасѣ смотрѣли другъ на друга, да сказать по правдѣ, и было отъ чего придти въ ужасъ. Ждать воплей разъяреннаго населенія и очутиться среди мертваго безмолвія Помпеи! Эта тишина и полное безлюдье производили тѣмъ болѣе потрясающее впечатлѣніе, что мы поименно могли назвать обитателей каждаго дома, владѣльца каждой лавочки, извѣстныхъ намъ съ самаго дѣтства. Заперта аптека Безюке на площади, закрыта лавка

оружейника Костекальда, а также кондитерская Ребюфа, подъ фирмой «Слава карамельки». Нѣтъ болѣе герба на конторѣ нотаріуса Камбалалета, ни росписной на полотнѣ вывѣски Мари-Жозефа-Спиридіона Экскурбанье, фабриканта арльскихъ колбасъ. Извѣстно, что «арльская» колбаса съ незапамятныхъ временъ приготовляется въ Тарасконѣ, и я отмѣчаю здѣсь, мимоходомъ, этотъ важный фактъ увѣковѣченной несправедливости.

Что же, однако, сталось съ тарасконцами?

Нашъ экипажъ катился подъ тѣнью стройныхъ платановъ, гдѣ не слышно было ни одного кузнечика. И кузнечики улетѣли! И передъ домомъ Тартарена, унылымъ съ своими закрытыми ставнями и нѣмымъ, какъ его сосѣди, и у низкой стѣнки знаменитаго садика нѣтъ ни одного сигарнаго ящика, ни мальцовъ-чистильщиковъ сапогъ, бойко покрикивавшихъ бывало: «Поваксить, *муссю?*»

Кто-то изъ насъ сказалъ: «Ужь не холера ли здѣсь?»

Въ Тарасконѣ, на самомъ дѣлѣ, какъ только появится эпидемія, обыватель собираетъ свои пожитки и перебирается на житье въ палатки, подальше отъ города, до тѣхъ поръ, пока не сойдетъ «дурной воздухъ».

При словѣ «холера», наводящемъ паническій страхъ на каждаго провансальца, нашъ кучеръ погналъ лошадей вскачь, и черезъ нѣсколько минутъ мы остановились у лѣстницы, ведущей къ станціи, расположенной на самомъ верху віадука, возвышающагося надъ городомъ.

Здѣсь опять мы увидали живыхъ людей, услыхали человѣческіе голоса. По скрещивающимся рельсамъ поѣзда пробѣгали одинъ за другимъ, останавливались, высаживали и принимали пассажировъ, хлопали дверцами вагоновъ и мчались дальше.

«Тарасконъ, поѣздъ стоитъ пять минутъ... пересадка на Нимъ, Монпелье, Сеттъ!...»

Мистраль разыскалъ тотчасъ же начальника станціи, стараго служаку, живущаго здѣсь тридцать пять лѣтъ.

— Э! *бе*... господинъ Пикаръ... А тарасконцы-то? Гдѣ они? Куда вы ихъ дѣвали?

Тотъ въ свою очередь удивился нашему недоумѣнію:

— Какъ! вы не знаете? Да гдѣ же вы были? Вы, стало быть, ничего не читаете... Они довольно-таки рекламировали свой островъ Портъ-Тарасконъ. Да, мой дорогой, такъ-то,—уѣхали наши таранконцы... уѣхали колонію основывать подъ предводительствомъ знаменитаго Тартарена... уѣхали и всѣ пожитки забрали, и даже *Тараска* увезли съ собой!

Онъ отошелъ отдать какія-то приказанія, осмотрѣть путь; а мы смотрѣли на раскинувшійся у нашихъ ногъ покинутый городъ, на его башни и колокольни, на старинныя стѣны, позолоченныя заходящимъ солнцемъ, придававшимъ имъ тоны хорошо выпеченнаго тѣста, что дѣлало ихъ точь-въ-точь похожими на паштетъ изъ бекасовъ, отъ котораго осталась одна корка безъ начинки.

— Скажите, мосье Пикаръ,—обратился Мистраль къ вернувшемуся начальнику станціи, добродушно улыбавшемуся и нисколько не озабоченному тѣмъ, есть на свѣтѣ Тарасконъ или нѣтъ его.— Скажите, давно они уѣхали?

— Мѣсяцевъ шесть.

— А извѣстія есть отъ нихъ?

— Никакихъ.

Вотъ такъ дѣла!

Впослѣдствіи мы получили извѣстія, очень обстоятельныя и точныя, вполнѣ достаточныя для того, чтобы я могъ позволить себѣ разсказать вамъ объ «исходѣ» изъ родной страны этого маленькаго народа вслѣдъ за своимъ героемъ и о тяжелыхъ несчастьяхъ, обрушившихся на него.

Паскаль сказалъ: «Необходимо пріятное и реальное; но надо, чтобы само пріятное было взято изъ дѣйствительности». Въ разсказѣ о Портъ-Тарасконѣ я старался держаться указанія, преподаннаго Паскалемъ.

Мое повѣствованіе взято изъ дѣйствительности, основано на письмахъ самихъ эмигрантовъ, на «меморіалѣ» молодаго секретаря Тартарена, на показаніяхъ, заимствованныхъ изъ *Gazette des Tribunaux*; и если вамъ что-либо покажется слишкомъ несодѣянною *тарасконадой*, то забодай меня бѣда, коли я хоть что-нибудь выдумалъ!

Провѣрить можно по газетамъ, лѣтъ за двѣнадцать назадъ, печатавшимъ отчеты о процессѣ, возникшемъ изъ-за *Новой Франціи* и колоніи *Портъ-Бретонъ*, а также по любопытной книгѣ, изданной у Дрейфуса докторомъ Бодуэнъ (Baudouin), врачомъ экспедиціи.

Въ то время не малаго шума надѣлалъ процессъ о мошеннической продѣлкѣ, взманившей нѣсколько тысячъ человѣкъ на переселеніе въ Портъ-Бретонъ, гдѣ они чуть не всѣ погибли отъ голода и болѣзней на пустынномъ, безплодномъ берегу моря.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Жалобы Тараскона на „порядокъ вещей“.—Быки и монахи.—Тарасконецъ въ раю.—Осада и сдача аббатства Памперигустъ.

— Франкебальмъ, дорогой мой, я недоволенъ Франціей!... Наши правители дѣлаютъ съ нами невозможныя вещи!

Эти достопамятныя слова, произнесенныя однажды вечеромъ въ клубѣ у камина Тартареномъ, съ свойственнымъ ему жестомъ и такимъ тономъ, который, легко себѣ представить, достаточно выражаетъ то, что думалось и говорилось въ Тарасконѣ-на-Ронѣ за два или три мѣсяца до эмиграціи. Тарасконецъ, вообще, не занимается политикой; безпечный по природѣ, равнодушный ко всему, что не затрогиваетъ его непосредственно, на мѣстѣ, онъ стоитъ за установленный *порядокъ вещей*, по его выраженію. Тѣмъ не менѣе, съ нѣкотораго времени возникли недовольства противъ множества вещей, происходившихъ при установленномъ *порядкѣ вещей*.

— Наши правители дѣлаютъ съ нами невозможныя вещи! — говорилъ Тартаренъ.

Въ ряду этихъ «невозможныхъ вещей» первое мѣсто занимало запрещеніе боя быковъ.

Вамъ извѣстна, конечно, исторія нѣкоего тарасконца, очень плохаго христіанина и отъявленнаго негодяя, невзначай пробравшагося въ рай и не хотѣвшаго уходить оттуда, несмотря ни на какіе доводы и убѣжденія. Что тутъ было дѣлать? Послали вереницу ангеловъ выкрикивать какъ можно громче: «Те!... те! быки... Те! те! быки!»—обычный крикъ при тарасконскихъ бояхъ быковъ. Заслышавши это, негодяй даже въ лицѣ измѣнился:

— А у васъ тутъ и бои бываютъ?

— Бои?... Еще бы, и великолѣпные!

— Гдѣ же это? Гдѣ у васъ бой?

— А вотъ близехонько... Мѣста довольно.

Не долго раздумывая, тарасконецъ бросился вонъ посмотрѣть, и двери захлопываются за нимъ навсегда.

Если я напомнилъ здѣсь эту легенду, такую же старую, какъ скамьи на городскомъ кругѣ, то лишь для того, чтобы отмѣтить страсть обывателей Тараскона къ боямъ быковъ и объяснить все негодованіе, которое въ нихъ возбудило запрещеніе этихъ зрѣлищъ.

Затѣмъ послѣдовало распоряженіе объ изгнаніи Отцовъ-Бѣлыхъ и объ упраздненіи ихъ хорошенькаго монастыря Памперигустъ,

расположеннаго на холмикѣ, сплошь сѣрѣющемъ чаберомъ и лавандой. Много вѣковъ стоитъ онъ мирно вблизи города, откуда сквозь сосны видны его кружевныя колоколенки, позванивающія раннимъ утромъ, вмѣстѣ съ пѣніемъ жаворонковъ, и въ вечернихъ сумеркахъ подъ меланхолическіе крики караваекъ.

Тарасконцы очень любили своихъ Отцовъ-Бѣлыхъ, добродушныхъ, кроткихъ, безобидныхъ и мастерски приготовлявшихъ превосходный ликеръ изъ душистыхъ травъ, покрывавшихъ ихъ горку. Они любили монаховъ еще за ихъ паштеты изъ ласточекъ и за необыкновенно вкусные «хлѣбцы-груши» *), —плоды айвы, запеченные въ нѣжное золотистое тѣсто, отъ чего произошло и самое названіе аббатства—Пампеперигустъ.

И вотъ, когда монахамъ былъ формально объявленъ приказъ покинуть монастырь и они отказались уходить, отъ полутора до двухъ тысячъ тарасконцевъ изъ простонародья—носильщики, чистильщики, судорабочіе съ Роны, все, что мы называемъ «босою командой», —отправилось въ Пампеперигустъ и въ немъ засѣло вмѣстѣ съ добрыми отцами.

Тарасконская буржуазія, члены клуба, съ Тартареномъ во главѣ, намѣревались также поддержать святое дѣло. Никакихъ колебаній ни на минуту не было. Но нельзя же браться за такое предпріятіе безъ всякихъ приготовленій. Это «босякамъ» только пристало дѣйствовать, очертя голову.

Прежде всего, нужны костюмы. Ихъ и заказали, —превосходные костюмы средневѣковаго покроя: длинныя черныя полукафтанья съ большимъ бѣлымъ крестомъ на груди и съ нашитыми вездѣ, спереди и сзади, эмблемами смерти. На шитье ихъ и на вышиванье въ особенности ушло много времени.

Когда все было готово, монастырь оказался уже окруженнымъ войскомъ, которое охватило его тройнымъ кольцомъ, расположившись лагеремъ на поляхъ и на каменистыхъ склонахъ холма.

Красные панталоны на блѣдной зелени чабера и лаванды казались издали купами внезапно расцвѣтшаго мака. По дорогамъ безпрестанно встрѣчались патрули кавалеристовъ, съ карабинами у бедръ, съ побрякивающими саблями и съ револьверными кобурами на поясахъ.

Но никакое развитіе вооруженныхъ силъ не могло остановить доблестнаго Тартарена, рѣшившагося проникнуть въ осажденный монастырь вмѣстѣ съ отрядомъ членовъ клуба.

*) Pains-poires—по мѣстному провансальскому говору: *panperi*; вкусно, вкусный—*gousto*, отчего—*panperi-gousto*, и затѣмъ наименованіе монастыря *Pamperigouste*.

По-индѣйски, ползкомъ на рукахъ и колѣнахъ, со всѣми ухищреніями краснокожихъ Фенимора Купера, они проскользнули-таки сквозь линіи осаждающихъ, пробираясь мимо рядовъ сонныхъ палатокъ, таясь отъ часовыхъ и патрулей, давая знать другъ другу объ опасныхъ мѣстахъ условнымъ подражаніемъ птичьему крику.

Много храбрости надо было имѣть, чтобы отважиться на такое дѣло въ тѣ яркія, почти какъ день, свѣтлыя ночи! Впрочемъ, если говорить правду, то осаждающимъ былъ полный разсчетъ пропустить какъ можно больше народа. Имъ много желательнѣе было голодомъ принудить аббатство къ сдачѣ, чѣмъ брать его силой. А потому солдаты охотно отворачивались въ сторону при видѣ этихъ бродячихъ тѣней подъ яснымъ блескомъ луны и звѣздъ. Кое-кто изъ офицеровъ, пившихъ въ клубѣ абсентъ съ знаменитымъ истребителемъ львовъ, издали узнавалъ его, несмотря на переряживаніе, и по-пріятельски кричалъ:

— Добраго здоровья, мосье Тартаренъ!

Пробравшись въ крѣпость, Тартаренъ принялся за организацію защиты.

Этотъ необыкновенный человѣкъ перечиталъ всѣ книги о всѣхъ осадахъ и блокадахъ. Онъ распредѣлилъ тарасконцевъ на отряды, подъ главнымъ начальствомъ храбраго командира Бравиды, и, полный воспоминаніями о Севастополѣ и Плевнѣ, заставилъ ихъ копать землю, много, очень много копать,—окружилъ аббатство рвами и валами, всевозможными укрѣпленіями, кругъ которыхъ, мало-по-малу съуживаясь, дошелъ до того, что осажденнымъ повернуться уже негдѣ было, и они оказались какъ бы замурованными въ своихъ собственныхъ оборонительныхъ сооруженіяхъ, что весьма было на-руку осаждающимъ.

Въ монастырѣ, превращенномъ въ крѣпость, были введены всѣ военные порядки. Иначе и быть не должно, разъ объявлено осадное положеніе. Все дѣлалось по барабанному бою и по сигналамъ горнистовъ.

Съ разсвѣтомъ на зарѣ барабанъ трещалъ во дворахъ, въ коридорахъ и подъ аркадами аббатства. Трубили съ утра до ночи, на молитву—*тара-та*, отца казначея вызывали—*тара-та-та*, отца эконома—*тара-та-та-та*, рѣзко, звонко, отрывисто. Трубили къ заутрени, къ вечерни, трижды въ день къ *Angelus*. Какъ только не стыдно было осаждающей арміи, производившей у себя на просторѣ не въ примѣръ меньше шума, тогда какъ на вершинѣ холма, за легкими зубцами аббатства, трубы и барабаны такъ и

заливались, заодно съ трезвономъ колоколовъ, и разносили вмѣстѣ съ нимъ на всѣ стороны бодрящіе побѣдные звуки, полувоинственные, полусвященные.

Дрянь-дѣло было въ томъ, что осаждающіе, сидя покойно въ своемъ лагерѣ, безъ малѣйшаго затрудненія получали всякіе припасы и пировали каждый день. Провансъ—благодатная страна, изобильно производитъ расчудеснѣйшія вещи. Прозрачныя, золотистыя вина, арльскія колбасы и сосиски, нѣжныя дыни, сочные арбузы, орѣховыя нуга Монтелимара,—все было у войска правительства, и ни кусочка, ни капельки не попадало въ блокированное аббатство.

А потому, съ одной стороны, солдаты, не видавшіе во всю жизнь свою такого праздника, отъѣдались до того, что мундиры на нихъ лопались, лошади разжирѣли, глянцемъ лоснились, тогда какъ съ другой стороны—бѣды сущія! Несчастные тарасконцы, особливо босяки, принужденные вставать рано, ложиться поздно, копать и таскать землю днемъ и ночью, подъ жгучимъ солнцемъ и при свѣтѣ факеловъ, измученные работой и службой, худѣли и сохли такъ, что смотрѣть было жаль.

Къ тому же, истощались и запасы добрыхъ монаховъ, подходилъ конецъ паштетамъ изъ ласточекъ и хлѣбцамъ-грушамъ.

Долго ли можно еще продержаться? Вопросъ этотъ обсуждался каждый день на валахъ и насыпяхъ, потрескавшихся отъ засухи.

— Трусы-то не нападаютъ!—говорили тарасконцы, показывая кулаки красноштанникамъ, валявшимся въ травѣ подъ тѣнью сосенъ.

Но никому и въ голову не приходила мысль напасть самимъ,—настолько проникнутъ этотъ честный народъ консервативнымъ чувствомъ уваженія ко всякимъ формамъ и обрядамъ.

Разъ только Экскурбанье, крайній, заговорилъ о томъ, чтобы сдѣлать вылазку всею массой, съ монахами впереди, и опрокинуть этихъ наемниковъ.

Тартаренъ пожалъ своими широкими плечами и отвѣтилъ лишь однимъ словомъ:

— Ребенокъ!

Потомъ, взявши за руку пылкаго Экскурбанье, онъ привелъ его на вершину контръ-эскарпа, широкимъ жестомъ указалъ ему на непріятельскія линіи, на часовыхъ, разставленныхъ по всѣмъ тропинкамъ, и сказалъ:

— Кто кого осаждаетъ? Они насъ или мы ихъ?... Наша ли обязанность идти на приступъ?

Вокругъ нихъ послышались одобрительные возгласы:

— Очевидное дѣло... Истинная правда... Они осаждаютъ, такъ они и начинай...

И еще разъ всѣмъ ясно стало, что никому законы войны не извѣстны такъ хорошо, какъ Тартарену.

Какъ бы то ни было, однако, а надо было на что-нибудь рѣшаться.

Однажды совѣтъ собрался въ большой залѣ Капитула, освѣщенной высокими окнами, отдѣланной рѣзнымъ деревомъ, и отецъ экономъ прочелъ свой докладъ о положеніи провіантской части въ осажденномъ монастырѣ. Отцы-Бѣлые слушали, молча, съ своихъ *формъ*, хитро устроенныхъ мѣстъ, на которыхъ можно сидѣть, имѣя такой видъ, будто стоишь *).

Плачевный докладъ читалъ отецъ экономъ! Сколько съѣли они всего, эти тарасконцы, за время осады! Ласточьихъ паштетовъ— столько-то сотъ, хлѣбцевъ-грушъ — столько-то тысячъ, и того столько-то, и этого — еще больше! И всего, что перечислялъ докладчикъ и что припасено было въ такомъ изобиліи, оставалось такъ мало, такъ мало, что о подобныхъ остаткахъ и говорить не стоило.

Преподобные смотрѣли другъ на друга съ вытянутыми лицами и про себя соображали, что передъ непріятелемъ, не желавшимъ доводить дѣла до послѣдней крайности, можно было бы продержаться цѣлые годы съ такими запасами, ни въ чемъ не нуждаясь, если бы никто не пришелъ на помощь монастырю. Отецъ-экономъ еще читалъ монотоннымъ, унылымъ голосомъ, когда снаружи послышались крики.

Дверь залы шумно растворилась и вошелъ Тартаренъ, взволнованный, трагическій Тартаренъ, съ багровымъ лицомъ, съ взъерошенною бородой надъ бѣлымъ крестомъ расшитаго полукафтанья. Онъ шпагой салютовалъ настоятелю, точно окаменѣвшему въ своей «формѣ», потомъ всѣмъ отцамъ по-очередно и затѣмъ важно проговорилъ:

— Господинъ настоятель, я не могу долѣе сдерживать моихъ людей... Мои люди мрутъ съ голоду... Въ цистернахъ ни капли воды. Настало время сдать крѣпость или погибнуть подъ его развалинами.

Не договаривалъ онъ одного, что̀ имѣло, однако, тоже немаловажное значеніе,—что въ теченіе уже двухъ недѣль онъ былъ лишенъ своего утренняго шоколада, что и во снѣ онъ ему снился,

---

*) Такія мѣста называются въ католическихъ монастыряхъ *miséricodres*, въ православныхъ ихъ называютъ *формами*.

жирный, дымящійся, маслянистый, рядышкомъ съ стаканомъ свѣжей воды, чистой, какъ кристаллъ, совсѣмъ не такой, какъ солоноватая вода цистернъ, которую приходилось пить теперь.

Тотчасъ же отцы поднялись съ своихъ мѣстъ, шумно заговорили всѣ разомъ и единогласно рѣшили: «Сдать крѣпость... необходимо сдать!»... Только отецъ Баталье, человѣкъ крайній, предложилъ взорвать монастырь на воздухъ имѣющимся въ наличности порохомъ и вызвался запалить его самолично.

Его не стали слушать и съ наступленіемъ ночи, оставивши ключи у дверей, монахи и ополченіе, а за мими Экскурбанье, Бравида и Тартаренъ съ своимъ отрядомъ членовъ клуба, всѣ защитники Памперигуста вышли изъ монастыря и, на этотъ разъ, уже безъ трубъ и барабановъ, тихохонько потянулись внизъ съ холма, точно процессія привидѣній, подъ яркимъ блескомъ луны и благосклонными взорами непріятельскихъ часовыхъ.

Эта достопамятная защита аббатства принесла большую честь Тартарену, но захватъ войсками монастыря Отцовъ-Бѣлыхъ заронилъ въ сердца тарасконцевъ мрачное недовольство.

II.

Аптека Безюке.—Появленіе сѣвернаго человѣка.—Такъ хочетъ Богъ, господинъ герцогъ!—Земной рай за-моремъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ закрытія монастыря аптекарь Безюке сидѣлъ вечеромъ передъ аптекой съ ученикомъ своимъ Паскалономъ и досточтимымъ отцомъ Баталье.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что изгнанные и разсѣяные монахи нашли себѣ пріютъ въ семействахъ тарасконцевъ. Каждое пожелало имѣть своего Отца-Бѣлаго; люди достаточные, лавочники, домовладѣльцы имѣли по одному, исключительно собственному патеру; что же касается ремесленниковъ, то нѣсколько семей устраивали складчину и сообща содержали одного изъ гонимыхъ.

Во всѣхъ лавочкахъ бѣлѣлось по рясѣ: у оружейника Костекальда, среди ружей, карабиновъ и охотничьихъ ножей, за прилавкомъ галантерейщика Бомвьеля, между рядами катушекъ шелка,—всюду виднѣлась одна и та же фигура, напоминавшая большую бѣлую птицу вродѣ прирученнаго пеликана. И присутствіе отцовъ было для каждой семьи истиннымъ счастьемъ. Благовоспитанные, кроткіе, веселые, скромные, они никого собою не стѣсняли, никому не мѣшали въ домѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вносили въ него тихое благодушіе и непривычную сдержанность.

Точно миръ вошелъ съ ними въ семьи: мужчины воздерживались отъ ругательствъ и непристойныхъ словъ, женщины перестали лгать, то-есть почти перестали, дѣти присмирѣли и прямо сидѣли за столомъ на своихъ высокихъ стульяхъ.

Утромъ и вечеромъ, въ часы молитвы и ѣды, широкіе бѣлые рукава, точно охраняющія крылья, раскрывались надъ собравшеюся семьей, и подъ этими постоянными благословеніями надъ головами тарасконцамъ оставалось только жить въ благочестіи и добродѣтели.

Каждый гордился своимъ досточтимымъ отцомъ, восхвалялъ его и имъ похвалялся, въ особенности аптекарь Безюке, которому выпала счастливая доля пріютитъ у себя отца Баталье.

Энергичный и пламенный, этотъ почтенный отецъ Баталье былъ одаренъ настоящимъ краснорѣчіемъ народнаго проповѣдника и славился умѣньемъ разсказывать притчи и легенды. Это былъ крѣпкій, сильно сложенный малый съ очень смуглымъ лицомъ, съ горящими глазами, съ головой чистокровнаго испанца. Въ длинной одеждѣ, ложившейся тяжелыми складками, онъ имѣлъ видъ очень представительный, несмотря на то, что одно плечо у него было выше другаго и что ходилъ онъ немного бокомъ.

Но никто не замѣчалъ этихъ маленькихъ недостатковъ, когда онъ сходилъ съ каѳедры, послѣ проповѣди, и шелъ черезъ толпу, поднявши свой крупный носъ, спѣша добраться до ризницы, самъ еще взволнованный и возбужденный собственнымъ краснорѣчіемъ. Охваченныя восторгомъ женщины отрѣзывали въ это время ножницами кусочки его бѣлой рясы. За это его прозвали «отецъ фестонный», и одежда его такъ бывала изрѣзана, такъ скоро уничтожалась, что монастырь не зналъ, какъ на него рясъ наготовиться.

И такъ, Безюке сидѣлъ у аптеки съ Паскалономъ, а противъ нихъ отецъ Баталье—верхомъ на стулѣ. Они мирно благодушествовали въ сладкомъ сознаніи полной ненарушимости ихъ покоя, такъ какъ въ это время дня кліентовъ для Безюке не существовало, такъ же точно, какъ ночью: больные могутъ корчиться и корежиться, сколько ихъ душенькѣ угодно, почтенный аптекарь ни за что въ мірѣ не потревожится,—не тотъ часъ, чтобы быть больнымъ.

Онъ и Паскалонъ слушали одно изъ тѣхъ повѣствованій, которыя такъ мастерски разсказывалъ Баталье. А вдали, за городомъ, слышались звуки военной зари въ трепетномъ блескѣ чуднаго лѣтняго заката.

Вдругъ аптекарскій ученикъ поднялся съ мѣста, покраснѣлъ,

заволновался и, указывая пальцемъ на противуположную сторону площадки, проговорилъ, запинаясь:

— Идетъ господинъ Тар...тар...таренъ!

Извѣстно, какое исключительное и чисто-личное благоговѣніе питалъ въ своей душѣ Паскалонъ къ великому человѣку, жестикулирующій силуэтъ котораго вырисовывался тамъ, въ свѣтлыхъ сумеркахъ яснаго вечера. Рядомъ съ нимъ шелъ какой-то господинъ въ сѣрыхъ перчаткахъ, изящно одѣтый, и, казалось, слушалъ его молча, спокойно-важно.

Кто-нибудь съ Сѣвера,—это не трудно было угадать. На Югѣ легко отличить сѣвернаго человѣка, по его спокойному виду, по краткости его неторопливой рѣчи, такъ же точно, какъ южанинъ сразу выдаетъ себя на Сѣверѣ чрезмѣрностью жестикуляціи и говора.

Тарасконцы привыкли часто видѣть Тартарена въ обществѣ незнакомыхъ, чужихъ людей,—знали, что никто не проѣдетъ черезъ ихъ городъ, не побывавши у интересующаго всѣхъ истребителя львовъ, знаменитаго альпиниста, современнаго Вобана, которому осада Памперигуста доставила новую, громкую извѣстность.

Слѣдствіемъ такого усиленнаго притока посѣтителей было наступленіе эры благоденствія, дотолѣ невѣдомаго. Содержатели гостиницъ наживались, книгопродавцы бойко торговали біографіями великаго человѣка, всѣ витрины были переполнены его портретами въ видѣ «истребителя», въ видѣ «восходителя» на горы, въ костюмѣ крестоносца, во всѣхъ видахъ и во всѣхъ положеніяхъ его героической жизни.

На этотъ разъ, шедшій съ Тартареномъ посѣтитель былъ не изъ заурядныхъ, не—такъ себѣ какой-нибудь проѣзжій.

Пройдя площадку, герой величественнымъ движеніемъ руки указалъ на своего спутника и проговорилъ:

— Любезный Безюке, уважаемый отецъ Баталье! за честь считаю представить васъ господину герцогу де-Монсъ...

Герцогъ!... Фу-фуу!

Такихъ въ Тарасконѣ еще никогда не бывало. Видали тамъ верблюда, видали боабабъ гигантскій, львиную шкуру, коллекціи отравленныхъ стрѣлъ и почетныхъ альпенштоковъ... герцога—не видали!

Безюке всталъ, кланялся, немного смущенный тѣмъ, что очутился такъ вдругъ, не предупрежденный ранѣе, передъ столь высокою особой. Онъ бормоталъ только:

— Господинъ герцогъ... господинъ герцогъ...

Тартаренъ перебилъ его:

— Войдемте, господа. Намъ надо переговорить о важныхъ дѣлахъ.

Онъ прошелъ первымъ, съ таинственнымъ видомъ, значительно сгорбивши спину, и ввелъ всѣхъ въ маленькую гостиную аптеки съ окномъ на площадь, служившимъ витриной для банокъ съ зародышами, для сдѣланныхъ изъ нитокъ длинныхъ солитеровъ и для пачекъ сигаретъ съ камфорой.

Дверь была наглухо затворена, точно собрались заговорщики. Паскалонъ одинъ остался въ аптекѣ, съ наказомъ Безюке спроваживать кліентовъ и никого, ни подъ какимъ предлогомъ, не подпускать близко къ гостиной.

Ученикъ, заинтересованный происходящимъ за дверью, выравнивалъ на полкѣ склянки съ лепешками отъ кашля, съ *syrupus gummi* и другими снадобьями. Въ отрывочно доходившемъ до него шумѣ голосовъ онъ различалъ только густой голосъ Тартарена, какія-то странныя слова: «Полинезія... земной рай... сахарный тростникъ, винокуреніе... свободная колонія». Возгласъ отца Баталье: «Браво! я съ вами». Что же касается сѣвернаго человѣка, то онъ говорилъ такъ тихо, что нельзя было ничего разслышать, какъ ни крѣпко прижималъ Паскалонъ ухо къ замочной скважинѣ.

Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, *manu militari*, подъ энергическою рукой пылкаго монаха, и ученикъ кубаремъ покатился въ противуположный уголъ аптеки. Всѣ были настолько возбуждены, что не обратили на это никакого вниманія.

Тартаренъ, стоя на порогѣ, поднявши указательный палецъ къ пучкамъ мака, сушившагося подъ потолкомъ, съ вдохновеннымъ жестомъ вождя, потрясающаго мечомъ, воскликнулъ:

— Такъ хочетъ Богъ, господинъ герцогъ! Мы совершимъ великое дѣло!

Въ общемъ увлеченіи руки протягивались, встрѣчались, перепутывались, соединялись въ энергическихъ пожатіяхъ, какъ бы для того, чтобы навѣки скрѣпить ненарушимыя обязательства. Весь пламенѣющій отъ этихъ послѣднихъ изліяній, Тартаренъ выпрямился во весь свой ростъ, точно выросъ, и удалился изъ аптеки съ герцогомъ де-Монсъ продолжать свой обходъ города.

Черезъ два дня *Форумъ* и *Гамюбе*, двѣ тарасконскихъ газеты, были переполнены статьями и рекламами относительно колоссальнаго предпріятія. Въ заголовкѣ напечатано крупными буквами: **Свободная колонія Портъ-Тарасконъ**. Объявленія ошеломляющія:

«Продается земля по 5 франковъ за гектаръ; приноситъ дохода нѣсколько тысячъ франковъ въ годъ... Возможность быстро и вѣрно составить состояніе... Приглашаются колонисты».

Далѣе слѣдовалъ историческій очеркъ острова, гдѣ должна быть основана проектируемая колонія. Этотъ островъ купилъ у короля Негонко герцогъ де-Монсъ во время своего путешествія; островъ окруженъ, къ тому же, другими территоріями, которыя можно пріобрѣсти впослѣдствіи для предстоящаго развитія колоніи.

Климатъ райскій, температура—океаническая, необычайно умѣренная, несмотря на близость экватора, колеблющаяся на 2 — 3 градуса, отъ 25 до 28; лѣса—волшебные; орошеніе—дивное; почва—замѣчательно плодородная, отъ самаго берега идетъ быстрымъ уклономъ вверхъ, что даетъ возможность каждому выбрать для себя высоту, наиболѣе соотвѣтствующую его темпераменту. Изобиліе во всемъ, необходимомъ для жизни, всѣ деревья осыпаны фруктами, множество самой разнообразной дичи, рыбѣ въ рѣкахъ счета нѣтъ. Для торговли и навигаціи—великолѣпный рейдъ, въ которомъ можетъ помѣститься цѣлый флотъ; безопасный портъ, защищенный молами, бассейнъ для доковъ, набережныя, дебаркадеры, маякъ, семафоръ, паровые краны,—недостатка ни въ чемъ не будетъ.

Работы уже начаты партіями китайцевъ и канаковъ подъ наблюденіемъ и по планамъ самыхъ искусныхъ инженеровъ и лучшихъ архитекторовъ. Прибывающіе колонисты найдутъ готовыми очень удобныя помѣщенія, и даже, благодаря нѣкоторымъ особенно удачнымъ соображеніямъ, съ приплатой 50 франковъ, дома могутъ быть приспособлены къ желаніямъ и потребностямъ каждаго.

Можно себѣ представить, какъ заработали тарасконскія воображенія при чтеніи такихъ чудесъ. Въ каждой семьѣ строились свои планы. Тотъ мечталъ о зеленыхъ ставняхъ, другой о хорошенькомъ крылечкѣ; кто желалъ имѣть домъ кирпичный, кто — изъ бѣлаго камня. Вездѣ чертили, раскрашивали, прибавляли одну деталь къ другой: красиво было бы пристроить голубятню, не дурно бы поставить флюгеръ.

— О, папа, веранду!

— Ну, что-жь, дѣтки и веранду можно,—не дорогаго стоитъ!

Въ то время, какъ благополучные обыватели Тараскона, не стѣсняясь, фантазировали объ идеальномъ устройствѣ своихъ будущихъ жилищъ, статьи *Форума* и *Галюбе* были перепечатаны всѣми газетами юга Франціи, города и деревни—засыпаны объявленіями съ виньетками пальмъ, кокосовъ, банановъ, латаній и цѣлой экзотической фауны. Неистовая пропаганда захватила весь Провансъ.

По пыльнымъ дорогамъ округи Тараскона крупною рысью мыкался кабріолетъ Тартарена, которымъ онъ самъ правилъ, сидя впереди рядомъ съ отцомъ Баталье, тѣсно сдвинувшись, чтобы собой защитить сколько-нибудь герцога де-Монсъ, закутаннаго зеленымъ вуалемъ и изъѣденнаго комарами. Жужжащими вереницами они накидывались на него со всѣхъ сторонъ и нещадно кусали, упиваясь кровью сѣвернаго человѣка.

Поистинѣ, сѣверный человѣкъ, настоящій сѣверный! Никакихъ жестовъ, мало словъ, а ужь хладнокровенъ!... Этотъ не увлечется, на все смотритъ прямо, видитъ вещи такими, каковы онѣ въ дѣйствительности. Объ этомъ нечего ужь безпокоиться.

И на площадяхъ, затѣненныхъ платанами, въ старинныхъ бургахъ, въ кабакахъ, переполненныхъ мухами, въ танцовальныхъ залахъ,—всюду раздавались рѣчи, проповѣди, цѣлыя лекціи.

Герцогъ де-Монсъ въ ясныхъ и сжатыхъ словахъ, простыхъ, какъ сама голая правда, объяснялъ всѣ прелести Портъ-Тараскона и выгодность предпріятія. Пламенные призывы монаха къ эмиграціи звучали отголоскомъ проповѣди Петра Пустынника. Тартаренъ, весь въ пыли отъ дороги, точно послѣ сраженія, бросалъ своимъ звучнымъ голосомъ нѣсколько трескучихъ фразъ: «побѣда, завоеваніе, новое отечество», и подкрѣплялъ ихъ энергическимъ жестомъ надъ головами слушателей.

Иной разъ происходили собесѣдованія, гдѣ все разбиралось въ вопросахъ и отвѣтахъ.

— Есть тамъ ядовитыя животныя?

— Никакихъ. Ни одной змѣи, ни даже комаровъ. Хищныхъ звѣрей въ заводѣ нѣтъ.

— Говорятъ, что въ Океаніи есть людоѣды?

— Ни Боже мой! Всѣ вегетаріанцы...

— Правда ли, что всѣ дикіе ходятъ голые?

— Вотъ это отчасти правда, только не всѣ. Къ тому же, мы ихъ одѣнемъ.

Статьи, лекціи,—все имѣло безумный успѣхъ. Боны на земли разбирались сотнями и тысячами, эмигранты быстро набирались и не изъ Тараскона только, а со всего Юга. Являлись даже изъ Бокера. Но ужь это шалости! Высоко залетаютъ господа изъ Бокера,—разсуждалъ Тарасконъ.

Съ незапамятныхъ временъ между сосѣдними городами, раздѣленными только Роной, существуетъ глухая вражда, которой и конца не предвидится. Если вы станете доискиваться причины, то вамъ

съ обѣихъ сторонъ отвѣтятъ словами, ровно ничего не объясняющими:

— Знаемъ мы ихъ, тарасконцевъ-то!—говорятъ жители Бокера таинственнымъ тономъ.

А тарасконцы, съ своей стороны, хитро подмигиваютъ и заявляютъ:

— Цѣна-то имъ извѣстная, господамъ бокерцамъ!

Сношенія одного города съ другимъ самыя ничтожныя, и построенный между ними мостъ рѣшительно ни на что не нуженъ. По немъ никто никогда не ходитъ: первымъ дѣломъ — вслѣдствіе взаимной вражды, во-вторыхъ—потому, что порывистый вѣтеръ и ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ дѣлаютъ такой переходъ очень опаснымъ.

Но хотя и не допускались колонисты изъ Бокера, за то деньги, чьи бы онѣ ни были, принимались весьма охотно. Прославленные гектары по 5 франковъ (съ доходомъ въ нѣсколько тысячъ франковъ ежегодно) распродавались массами. А также отовсюду получались пожертвованія натурой, присылавшіяся на нужды колоніи сочувствовавшими этому дѣлу. Газета *Форумъ* печатала списки пожертвованныхъ предметовъ, между которыми попадались самыя необычайныя вещи:

От неизвѣстнаго: ящикъ бѣлаго бисера.
» » газета *Форумъ* за годъ.
» г. Бекуле: сорокъ пять головныхъ сѣтокъ изъ синели съ стеклярусомъ для индѣйскихъ женщинъ.
» г-жи Дурлядуръ: шесть платковъ и шесть ножей для церковнаго дома.
» неизвѣстнаго: вышитое знамя для музыкальнаго общества.
» Андуза, изъ Магелоны: чучело фламинго.
» семейства Маргъ: шесть дюжинъ собачьихъ ошейниковъ.
» неизвѣстнаго: жилетъ, выложенный шнуркомъ.
» благочестивой дамы изъ Марсели: облаченіе и кадильница.
» нея же: коллекція насѣкомыхъ подъ стекломъ.

И аккуратно, въ каждомъ спискѣ значился даръ мадемуазель Турнатуаръ: «полный костюмъ, чтобы одѣть дикаря». Этимъ неотступно была озабочена добрая старая дѣвица.

Всѣ эти странныя, необыкновенныя пожертвованія, въ которыхъ проглядывала иногда насмѣшливая фантазія южанъ, направлялись цѣлыми ящиками въ доки, на склады Свободной колоніи, устроенные въ Марсели. Тамъ былъ центръ операцій герцога де-Монсъ.

Изъ своей великолѣпно обставленной конторы онъ широко

разводилъ дѣла, учреждалъ общества сахарныхъ заводовъ или эксплуатаціи трепанга *), молюска, составляющаго лакомое блюдо китайцевъ и покупаемаго ими по очень дорогой цѣнѣ, какъ говорилось въ рекламахъ. Каждый день въ головѣ неутомимаго герцога возникала новая идея, складывалось новое предпріятіе и пускалось въ ходъ тѣмъ же вечеромъ.

Между дѣломъ онъ организовалъ комитетъ марсельскихъ акціонеровъ подъ предсѣдательствомъ греческаго банкира Кагараспаки, и фонды были внесены въ турецкую контору Паменіяй-бенъ-Кага, торговый домъ первоклассной солидности.

Въ это время Тартаренъ только и дѣлалъ, что переѣзжалъ изъ Тараскона въ Марсель и изъ Марсели въ Тарасконъ. Онъ подогрѣвалъ воодушевленіе своихъ согражданъ, продолжалъ пропаганду на мѣстѣ и вдругъ мчался съ скорымъ поѣздомъ на какое-нибудь совѣщаніе или на общее собраніе акціонеровъ. Восхищеніе герцогомъ росло въ немъ съ каждымъ днемъ.

Всѣмъ онъ ставилъ въ образецъ хладнокровіе герцога де-Монсъ, во всемъ ссылался на него:

— Съ этимъ-то уже нечего опасаться какихъ-то преувеличеній. Съ нимъ невозможны увлекающіе миражи, которыми насъ такъ допекалъ Додэ!

За то герцогъ показывался въ публикѣ очень мало, постоянно закутанный своимъ газовымъ вуалемъ отъ комаровъ, а говорилъ еще меньше. Сѣверный человѣкъ уступалъ мѣсто человѣку Юга, его выдвигалъ впередъ и предоставлялъ его неистощимой находчивости все, что касалось разъясненій, обѣщаній и всякихъ обязательствъ. Самъ же герцогъ говорилъ только:

— Одинъ мосье Тартаренъ знаетъ въ точности всѣ мои мысли.

Судите сами о гордости Тартарена!

III.

Газета Портъ-Тарасконъ.—**Изъ колоніи добрыя вѣсти.—Въ Полигамиліи.—Тарасконъ готовится сняться съ якоря.—„Не уѣзжайте, ради Бога, не уѣзжайте!"**

Въ одно прекрасное утро на всѣхъ углахъ Тараскона красовались такія афиши:

« *Фарандола*, парусный корабль въ тысячу двѣсти тоннъ груза, отплылъ на разсвѣтѣ изъ Марсели. На немъ, вмѣстѣ съ судьбами цѣлаго народа, отправлена партія мелочнаго товара для дикарей и

*) Трепангъ—съѣдобная голотурія, морское животное.

цѣлый складъ земледѣльческихъ орудій. На бортѣ находится восемьсотъ эмигрантовъ, всѣ тарасконцы, въ томъ числѣ Бонпаръ, временный губернаторъ колоніи, Безюке, врачъ-фармацевтъ, его преподобіе отецъ Везоль, нотаріусъ Камбалалетъ, директоръ кадастра. Я лично проводилъ ихъ въ море. Все идетъ превосходно. Герцогъ сіяетъ. Распорядитесь напечатать».

«Тартаренъ изъ Тараскона».

Эта телеграмма, расклеенная по всему городу Паскалономъ, на имя котораго она была адресована, привела въ восторгъ все населеніе. Улицы приняли совершенно праздничный видъ, всѣ обыватели высыпали наружу, у каждой афиши, воспроизводившей радостную телеграмму, тѣснились толпы, всюду повторялись: «Восемьсотъ эмигрантовъ на бортѣ... Герцогъ сіяетъ». И во всемъ городѣ не было ни одного тарасконца, который не сіялъ бы, какъ герцогъ.

Мѣсяцъ спустя послѣ отправленія первой партіи переселенцевъ такъ же точно была снаряжена вторая на пароходѣ *Люциферъ* и препровождена въ обѣтованную землю Тартареномъ, носившимъ уже титулъ и сопряженныя съ нимъ важныя обязанности губернатора Портъ-Тараскона. И на этотъ разъ такая же депеша, тотъ же энтузіазмъ и такъ же сіялъ герцогъ. Къ сожалѣнію, *Люциферъ* не дошелъ до Суэцкаго канала. Вслѣдствіе поломки винтоваго вала, этотъ старый пароходъ, купленный по случаю, вынужденъ былъ остановиться и выжидать на подмогу возвращавшуюся *Ферандолу*.

Такой случай могъ бы показаться дурнымъ предзнаменованіемъ, онъ, однако же, нисколько не расхолодилъ колонизаціоннаго пыла тарасконцевъ. Правда и то, что на этомъ кораблѣ была отправлена исключительно «босая команда», простонародье, та чернь, которую всегда отправляютъ передомъ въ авангардѣ.

На *Фарандолѣ* отплыли тоже босяки и лишь немногія слишкомъ горячія головы, какъ нотаріусъ Камбалалетъ, директоръ кадастра колоніи.

Аптекарь Безюке, человѣкъ тихій и мирный, несмотря на свои огромные усы, любящій покой, боящійся жара и холода, не охотникъ до далекихъ экскурсій и опасныхъ приключеній, долго противился, прежде чѣмъ согласился пуститься въ путь.

Повліять на его рѣшимость могъ только дипломъ врача, котораго онъ добивался всю свою жизнь, и такой дипломъ былъ выданъ ему на этотъ разъ губернаторомъ Портъ-Тараскона, по его личному усмотрѣнію.

И не то еще дѣлалъ этотъ губернаторъ, раздавалъ и не такія

дипломы, патенты и должности, производилъ въ директоры, въ вице-директоры, въ секретари и въ коммиссары, въ гранды перваго класса и въ гранды втораго класса, что давало ему возможность удовлетворять стремленія своихъ соотечественниковъ къ всевозможнымъ титуламъ, почестямъ, отличіямъ, костюмамъ и вышивкамъ.

Для отправленія отца Везаля не понадобилось ничего подобнаго. Благодушный, покладистый онъ шелъ, куда пошлютъ, всѣмъ былъ доволенъ, говорилъ: «Слава Господу Богу!» — что̀ бы ни происходило. — Слава Господу Богу! — когда выгнали его изъ монастыря. — Слава Господу! — когда его запрятали въ парусный корабль, свалили въ одну кучу съ босяками, съ судьбами народа и мелочнымъ товаромъ для дикарей.

По отправленіи двухъ транспортовъ, въ Тарасконѣ остались лишь дворянство и буржуазія. Этимъ торопиться было не зачѣмъ, они выжидали времени, когда передовые будутъ на мѣстѣ и извѣстятъ обо всемъ, чтобы знать навѣрное, какъ и что дѣлать.

Такъ же точно и Тартаренъ, въ качествѣ губернатора, организатора и вѣрнаго хранителя всѣхъ мыслей герцога де-Монсъ, не могъ покинуть Францію иначе, какъ съ послѣднимъ транспортомъ. А въ ожиданіи этого, столь желаннаго дня, онъ проявлялъ ту же неистощимую энергію и тотъ же пылъ сердца, которыми всѣхъ повергалъ въ изумленіе при всѣхъ своихъ дѣяніяхъ.

Мыкаясь безпрерывно между Тараскономъ и Марселью, онъ былъ неуловимъ, какъ метеоръ, уносимый непреодолимою силой, появлялся то здѣсь, то тамъ, лишь за тѣмъ, чтобы улетѣть тотчасъ же опять.

— Вы слишкомъ... утомляетесь, до-до-рогой! — заикался Паскалонъ въ тѣ вечера, когда великій человѣкъ заѣзжалъ въ аптеку, усталый и сгорбленный.

Тартаренъ выпрямлялся:

— Тамъ отдохнемъ. Дѣло, Паскалонъ, дѣло надо дѣлать!

На ученикѣ, завѣдывавшемъ аптекой со времени отъѣзда Безюке, лежало еще не мало отвѣтственныхъ и важныхъ обязанностей.

Чтобы поддерживать столь удачно начатую пропаганду, Тартаренъ основалъ собственный органъ — *Газету Портъ-Тарасконъ*, которую составлялъ съ первой до послѣдней строчки одинъ Паскалонъ, по указаніямъ и подъ главнымъ руководительствомъ губернатора.

Это обстоятельство вредило нѣсколько интересамъ аптеки. Пи-

саніе статей, чтеніе корректуръ, бѣганіе въ типографію отнимали много времени отъ занятій въ лабораторіи, но важнѣе всего и прежде всего — Портъ-Тарасконъ!

Газета ежедневно сообщала обывателямъ метрополіи извѣстія изъ колоніи. Статьи были посвящены описанію богатствъ и красотъ страны и ея блестящей будущности, затѣмъ слѣдовали мелкія извѣстія о происшествіяхъ, далѣе—смѣсь, повѣствованія на всѣ вкусы: о путешествіяхъ и объ открытіяхъ новыхъ острововъ, о битвахъ съ дикарями—для любителей баталическихъ приключеній, для дворянъ-помѣщиковъ—разсказы объ охотахъ въ лѣсахъ и объ удивительныхъ рыбныхъ ловляхъ на рѣкахъ, кишащихъ рыбой, съ подробнымъ описаніемъ пріемовъ и снарядовъ, употребляемыхъ туземцами края.

Люди болѣе мирные, лавочники, спокойные граждане услаждались описаніями какого-нибудь хорошенькаго пикника на берегу ручья съ водопадомъ, въ тѣни огромныхъ тропическихъ деревьевъ; мысленно они были уже тамъ, лакомо облизывались отъ сочныхъ плодовъ, манговыхъ ягодъ, ананасовъ и банановъ.

«И совсѣмъ нѣтъ мухъ!»—говорила газета въ виду того, что мухи, какъ извѣстно, способны отбить всякую охоту къ загороднымъ поѣздкамъ на земляхъ Тараскона.

Газета печатала даже романъ: *Тарасконская красавица*,—юная дочь колониста, похищенная сыномъ короля папуасовъ. Драматическія перипетіи этой любви открывали воображенію молодыхъ людей безгранично-заманчивыя перспективы. Въ финансовомъ отдѣлѣ публиковались цѣны на колоніальныя произведенія, объявленія о выпускѣ билетовъ (боновъ) на землю и акцій сахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ, равно какъ имена подписавшихся и списки пожертвованій, которыя продолжали поступать; причемъ неизмѣнно фигурировалъ «полный костюмъ для дикаря» дѣвицы Турнатуаръ.

Для столь безостановочной поставки почтенная дѣвица чуть ли не завела у себя цѣлую портняжную мастерскую. Впрочемъ, предстоящее переселеніе на отдаленные и никому невѣдомые острова не одну ее повергало въ необычную тревогу.

Однажды Тартаренъ спокойно сидѣлъ дома, отдыхалъ въ мягкихъ туфляхъ на ногахъ, завернувшись въ свой широкій халатъ. Сидѣлъ онъ, впрочемъ, не безъ дѣла, такъ какъ на столѣ передъ нимъ были разбросаны книги и бумаги: путешествія Бугенвиля и Дюмонъ-Дюрвиля, сочиненія по вопросамъ колонизаціи, руководства къ культурѣ разнообразныхъ растеній. Среди своего арсенала отравлен-

ныхъ стрѣлъ, въ виду тѣни боабаба гигантскаго, трепетавшей крошечнымъ пятномъ на спущенной занавѣскѣ окна, онъ изучалъ «свою колонію» и набивалъ себѣ голову свѣдѣніями, почерпаемыми изъ книгъ. И, за одно, тутъ же онъ подписывалъ патенты, производилъ въ гранды перваго класса или создавалъ на бумагѣ съ бланкомъ новую должность, чтобы, по возможности, ублажить безумный бредъ честолюбія своихъ согражданъ.

Такъ онъ работалъ, вращая широко-раскрытыми глазами и сосредоточенно раздувая щеки, когда ему доложили, что его спрашиваетъ дама, закутанная чернымъ вуалемъ и не желающая сказать своего имени. Она не захотѣла даже войти и дожидалась въ саду. Тартаренъ стремительно бросился туда въ туфляхъ и въ халатѣ.

Наступилъ вечеръ, въ сумеркахъ уже неясно различались предметы; но, несмотря на темноту и густую вуалетку, по одному блеску огненныхъ глазъ, Тартаренъ сразу узналъ гостью:

— Мадамъ Экскурбанье!

— Мосье Тартаренъ, передъ вами очень несчастная женщина.

Ея голосъ дрожалъ, въ немъ слышались слезы. Это такъ тронуло его добрую душу, что онъ проговорилъ отеческимъ тономъ:

— Бѣдная моя Эвелина, что съ вами? Скажите...

Тартаренъ называлъ такъ коротко, по имени, почти всѣхъ дамъ въ городѣ; онъ зналъ ихъ дѣтьми, потомъ, въ качествѣ муниципальнаго чиновника, скрѣплялъ ихъ браки въ меріи, оставался ихъ другомъ, совѣтникомъ, почти дядюшкой.

Онъ взялъ руку Эвелины и повелъ ее вокругъ маленькаго бассейна съ красными рыбками. Она повѣряла ему свои горести, свои супружескія треволненія.

Съ тѣхъ поръ, какъ возникъ вопросъ объ отъѣздѣ въ далекія страны, Экскурбанье потѣшался тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ ей тономъ шутливой угрозы:

— Погоди, погоди, вотъ какъ пріѣдемъ туда, въ *Полигамилію*...

Очень ревнивая, къ тому же, наивная и даже немного глуповатая, она въ серьезъ принимала эту шутку.

— Правда ли это, мосье Тартаренъ, дѣйствительно ли въ той ужасной странѣ мужчины могутъ жениться нѣсколько разъ?

Онъ тихо ее успокоивалъ:

— Нѣтъ, дорогая моя Эвелина, вы ошибаетесь. Всѣ дикари нашихъ острововъ имѣютъ только по одной женѣ. Чистота нравовъ тамъ совершеннѣйшая, и при духовномъ руководительствѣ нашихъ Отцовъ-Бѣлыхъ съ этой стороны бояться нечего.

— Однако, самое названіе-то страны?.. *Полигамилія?..*

Тогда только онъ понялъ, какою штукой забавляется этотъ отчаянный шутникъ Экскурбанье, и самъ весело разсмѣялся.

— Вашъ мужъ шутитъ съ вами, моя милочка. Страна эта называется не *Полигамиліей*, а *Полинезіей*, что означаетъ группа острововъ, и не заключаетъ въ себѣ ничего, могущаго васъ безпокоить.

По этому поводу въ тарасконскомъ обществѣ долго смѣялись.

Между тѣмъ, проходили недѣли, а писемъ отъ эмигрантовъ все не было, получались лишь телеграммы, передававшіяся герцогомъ изъ Марсели,—короткія телеграммы, торопливо отправленныя изъ Адена или Сиднея, изъ разныхъ портовъ, куда заходилъ корабль.

Во всякомъ случаѣ, особенно удивляться было нечему, если принять въ разсчетъ лѣнивую безпечность провансальскаго народа.

Изъ-за чего стали бы они писать? Совершенно достаточно телеграммъ. Къ тому же, полученныя и аккуратно опубликованныя въ *Газетѣ* депеши приносили только добрыя вѣсти:

«Переѣздъ восхитительный, море зеркальное, всѣ здоровы».

Ничего другаго и не требовалось для поддержанія энтузіазма.

Наконецъ, однажды на первомъ мѣстѣ въ *Газетѣ* появилась нижеслѣдующая телеграмма, переданная тоже изъ Марсели:

«Прибыли въ Портъ-Тарасконъ. Торжественный въѣздъ. Дружба съ туземцами, встрѣтившими на молѣ. Флагъ Тараскона развѣвается на ратушѣ. Молебствіе въ соборѣ. Все готово, пріѣзжайте скорѣе».

За телеграммой слѣдовала диѳирамбическая статья, продиктованная Тартареномъ, о счастливомъ водвореніи въ новомъ отечествѣ, о возникшемъ юномъ городѣ, о видимомъ покровительствѣ Провидѣнія, о знамени цивилизаціи, водруженномъ на дѣвственной землѣ, о будущности, открытой для всѣхъ.

Сразу прекратились послѣднія колебанія. Новый выпускъ билетовъ по сту франковъ за гектаръ былъ расхваченъ, какъ маленькія булки.

Разночинцы, духовенство, дворянство, весь Тарасконъ поднялся ѣхать. Точно лихорадка, какое-то неистовство эмиграціи охватило цѣлый городъ. И угрюмо-несговорчивые, какъ Костекальдъ, и осторожные или подозрительно-недовѣрчивые оказывались теперь самыми рьяными колонизаторами далекихъ странъ.

Всюду съ утра до ночи шли спѣшныя приготовленія къ отъѣзду.

Ящики заколачивались даже на улицахъ, засыпанныхъ соломой, сѣномъ; молотки такъ и трещали.

Мужчины работали безъ сюртуковъ; всѣ были въ отличномъ настроеніи, пѣли, свистали; сосѣди дѣлились съ сосѣдями инструментами и обмѣнивались веселыми шутками. Женщины укладывали свои наряды, монахи—свою утварь, дѣти—свои игрушки.

Для высшаго общества Тараскона былъ зафрахтованъ корабль, прозванный *Туту-панпанъ* (народное названіе тарасконскаго тамбурина), огромный желѣзный пароходъ, подъ командой Скрапушина, тулонскаго капитана дальняго плаванія. Отплыть рѣшено было изъ самаго Тараскона.

Вода въ Ронѣ стояла высоко, пароходъ же имѣлъ небольшую осадку, а потому его можно было подвести къ городу и причалить къ набережной. На нагрузку и укладку груза ушло больше мѣсяца.

Въ то время, какъ матросы размѣщали въ трюмѣ безчисленные ящики, будущіе пассажиры заранѣе устраивали себѣ помѣщенія въ каютахъ. И съ какимъ увлеченіемъ это дѣлалось, съ какою обоюдною любезностью! Каждый старался услужить другимъ, сдѣлать что-либо пріятное.

— Не удобнѣе ли вамъ будетъ здѣсь? Да, разумѣется!

— Эта каюта вамъ больше нравится? Берите ее, берите!

Тарасконское дворянство, всегда очень спѣсивое, — всѣ ѳти д'Эгебулиды, д'Эскюделли, смотрѣвшіе обыкновенно на всѣхъ сверху внизъ и задиравшіе свои большіе носы,—браталось теперь съ буржуазіей.

Въ разгаръ сутолоки сборовъ, было разъ утромъ, получено письмо отъ отца Везоля—первый почтовый пакетъ съ помѣтой «Портъ-Тарасконъ».

«Слава Господу Богу!—писалъ отецъ Везоль.—Мы прибыли. Терпимъ недостатки во множествѣ кое-какихъ мелочей. Но, какъ бы то ни было, все же слава Господу Богу!»

Не было въ этомъ письмѣ восторговъ, да и подробностей никакихъ тоже не было.

Добрый монахъ говорилъ только о королѣ Ногуко и о Лики-Рики, дочкѣ короля, милой дѣвочкѣ, которой онъ подарилъ головную сѣтку съ стеклярусомъ. Далѣе онъ просилъ о присылкѣ нѣкоторыхъ предметовъ, болѣе практичныхъ, чѣмъ обычныя пожертвованія доброхотныхъ дарителей. Вотъ и все.

Про гавань, про городъ, про житье-бытье колонистовъ — ни слова. Отецъ Баталье сердился и ворчалъ:

— Я нахожу, что плоховатъ вашъ отецъ Везоль. Доберусь я до него и встряхну по-своему!

На самомъ дѣлѣ, письмо было слишкомъ холодно, въ особенности для такого благодушнаго человѣка, какъ отецъ Везоль. Но неблагопріятное впечатлѣніе, которое оно могло произвести, затерялось въ хлопотахъ о размѣщеніи пассажировъ на пароходѣ, въ оглушительномъ шумѣ сборовъ въ путь цѣлаго города.

Губернаторъ,—Тартарена иначе уже не называли,—проводилъ цѣлые дни на палубѣ *Туту-панпана*. Заложивши руки за спину, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ, улыбаясь, среди нагроможденныхъ вороховъ всякой всячины, корзинъ, шкафовъ, грѣлокъ, неразмѣщенныхъ еще въ трюмѣ, и убѣждалъ патріархальнымъ тономъ:

— Слишкомъ много вы забираете съ собой, дѣтки. Все, что нужно, вы и тамъ найдете.

И самъ онъ оставлялъ все—и стрѣлы, и свой боабабъ, и своихъ красныхъ рыбокъ, везъ съ собой только американскій карабинъ о тридцати-двухъ выстрѣлахъ и запасъ фланели.

И какъ онъ наблюдалъ за всѣмъ, какъ поспѣвалъ всюду распоряжаться, не только на кораблѣ, но и на твердой землѣ, то на репетиціяхъ музыкальнаго общества, то на ученіи милиціонеровъ.

Это тарасконское ополченіе, уцѣлѣвшее съ осады Памперигуста, получило бо̀льшее развитіе, въ виду защиты колоніи и завоеваній, которыя предполагалось сдѣлать для расширенія ея территоріи. И Тартаренъ, восхищенный воинственнымъ видомъ милиціонеровъ, часто въ дневныхъ приказахъ выражалъ имъ свое удовольствіе, а также ихъ командиру Бравидѣ.

Тѣмъ не менѣе, морщина скрытой тревоги порою вырѣзывалась на лбу губернатора.

За два дня до отплытія Барафоръ, рыбакъ съ Роны, нашелъ въ прибрежномъ ивнякѣ пустую, герметически закупоренную бутылку, настолько еще прозрачную, что внутри ея можно было разсмотрѣть нѣчто вродѣ свернутой въ трубку бумаги.

Всякій рыбакъ знаетъ, что такая находка должна быть передана мѣстной власти, и Барафоръ принесъ губернатору Тартарену таинственную бутылку, въ которой оказалось слѣдующее странное письмо:

Тартарену.

Тарасконъ.

Въ Европѣ.

Ужасающая катастрофа въ Портъ-Тарасконѣ. Островъ, городъ, портъ—все уничтожено, исчезло. Бонпаръ поразите-

ленъ, какъ всегда, и, какъ всегда, умеръ жертвою собственнаго самоотверженія. Не уѣзжайте, ради Бога, никого не пускайте!

Такая находка казалась продѣлкой какого-нибудь шутника. Какъ умудрилась эта бутылка изъ глубины Австраліи, перебираясь съ волны на волну, доплыть прямехонько до Тараскона?

Къ тому же, это—«умеръ, какъ всегда», ясно звучало мистификаціей. И, все-таки, странное посланіе омрачало торжество Тартарена.

IV.

Нагрузка Тараски. — Въ ходъ машина. — Пчелы покидаютъ улей. — Запахъ Индіи и запахъ Тараскона.—Тартаренъ учится папуасскому языку.—Развлеченія во время плаванія.

Вы имѣете понятіе о томъ, что значитъ слово «живописное».

Если бы вы видѣли палубу *Туту-панпана* въ знаменитое майское утро 1881 года,—вотъ гдѣ насмотрѣлись бы на живописное! Всѣ директора въ полной парадной формѣ: Турнатуаръ, генералъ-директоръ, Костекальдъ, директоръ земледѣлія, Бравида, главнокомандующій милиціей, и двадцать другихъ представляли взорамъ смѣсь разнообразныхъ костюмовъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ. Кромѣ того, на многихъ были мантіи грандовъ перваго класса, красныя, обложенныя золотымъ галуномъ. Среди этой блестящей толпы выдѣлялся бѣлымъ пятномъ отецъ Баталье, великій священникъ-милостинораздаватель колоніи и капелланъ губернатора.

Въ особенности ярко сверкала милиція. Большая часть простыхъ милиціонеровъ была уже отправлена на другихъ корабляхъ, и тутъ были почти только одни офицеры. Опершись на сабли, съ револьверами у поясовъ, откинувшись назадъ и вытягивая груди подъ красивыми доломанами съ шнурами и аксельбантами, они особенно щеголяли великолѣпными, зеркально-глянцовитыми сапогами.

Между мундирами и костюмами мелькали туалеты дамъ, яркіе, свѣтлые, веселые, съ лентами и шарфами, развѣвающимися по вѣтру; тамъ и сямъ проскальзывали тарасконскіе чепцы служанокъ. И надо всѣмъ, надъ кораблемъ, блестѣвшимъ мѣдью и поднимавшимъ къ небу стройныя мачты, представьте себѣ яркое солнце, настоящее праздничное, внизу—широкій просторъ Роны, подернутой, какъ море, рябью, нагоняемою южнымъ вѣтромъ,—и вы

получите нѣкоторое понятіе о *Туту-панпанѣ*, готовомъ пуститься въ далекое плаваніе.

Герцогъ де-Монсъ не могъ присутствовать при отплытіи, будучи задержанъ въ Лондонѣ выпускомъ новыхъ фондовъ. Много, очень много требовалось денегъ на уплату за корабли, на содержаніе ихъ экипажей, инженеровъ, на всѣ издержки по эмиграціи. Герцогъ тѣмъ же утромъ еще извѣстилъ телеграммой о высылкѣ денегъ. И всѣ были восхищены дѣловою практичностью сѣвернаго человѣка.

— Каковъ примѣръ для насъ, господа!—восклицалъ Тартаренъ и неизмѣнно добавлялъ:—Ему надо подражать... Прочь *увлеченія!*

И, надо правду сказать, самъ онъ держался очень спокойно, одѣтъ былъ совершенно просто, безъ всякихъ «цацъ», среди толпы своихъ подчиненныхъ въ пестрыхъ костюмахъ. По сверхъ черваго сюртука была только надѣта черезъ плечо лента *Ордена* первой степени.

Съ палубы *Туту-панпана* видно было, какъ издали подходили группами колонисты, появлялись на поворотахъ улицы, приближались къ набережной. Ихъ узнавали, называли по именамъ:

— А вотъ и Рокетальядъ!

— Те, мосье Франкебальмъ!

Поднимались крики, раздавались восторженныя «браво!» Въ числѣ другихъ шумно привѣтствовали престарѣлую, чуть ли не столѣтнюю графиню д'Эгебулидъ, когда она бодро взошла на палубу въ своей шелковой пюсовой тальмѣ, потряхивая головой и таща въ одной рукѣ грѣлку, въ другой—чучело своего стараго попугая.

Городъ пустѣлъ съ минуты на минуту; улицы какъ будто стали шире между запертыми домами, закрытыми лавками, спущенными жалузи и затворенными ставнями.

Когда всѣ уже были на палубѣ, наступила минута общаго затишья; всѣ присмирѣли, и торжественное молчаніе нарушалось только шипѣніемъ пара подъ высокимъ давленіемъ. Сотни глазъ обращались къ капитану, стоявшему на мостикѣ и готовому отдать приказъ къ отплытію. Вдругъ кто-то крикнулъ:

— А Тараскъ!...

Вы, конечно, слыхали про Тараска, миѳическое животное, давшее свое имя городу Тараскону. Чтобы напомнить вкратцѣ его исторію, я скажу, что этотъ Тараскъ, страшное чудовище, во времена очень древнія опустошалъ устье Роны. Святая Марѳа, пересе-

лившаяся въ Провансъ, пошла въ бѣлой одеждѣ, разыскала звѣря среди болотъ и привела его въ городъ привязаннымъ только на голубую ленту, но укрощеннымъ, побѣжденнымъ невинностью и благочестіемъ святой *).

Съ тѣхъ поръ тарасконцы устраиваютъ черезъ каждыя десять лѣтъ празднество, во время котораго возятъ по улицамъ чудовище, сдѣланное изъ дерева и картона, нѣчто среднее между черепахой, змѣей и крокодиломъ; это грубое и уродливое изображеніе легендарнаго Тараска пользуется въ городѣ большимъ почетомъ, занимаетъ казенное помѣщеніе и во всемъ краѣ извѣстно подъ названіемъ «la mère-grand!»

Уѣхать безъ этой «la mère-grand» представлялось немыслимымъ. Нѣсколько молодыхъ людей побѣжали за ней и скоро доставили на пристань.

Послѣдовалъ настоящій взрывъ слезъ, восторженныхъ криковъ, точно будто душа города, сама родина, жила въ этомъ картонномъ чудищѣ, нагрузка котораго оказалась дѣломъ довольно мудренымъ.

Слишкомъ громоздкій для того, чтобы помѣститься внутри корабля, Тараскъ былъ привязанъ на палубѣ у кормы. И тамъ, огромный и неуклюжій, какъ чудовище изъ фееріи, съ холщевымъ туловищемъ и раскрашенною чешуей, съ головой, торчащей надъ бортомъ, онъ дополнялъ живописную и странную картину, напоминая собою одну изъ тѣхъ химеръ, рѣзанныхъ изъ дерева, которымъ древніе ввѣряли судьбу своихъ плаваній. Толпа почтительно окружала его; одни обращались къ нему съ рѣчами, другіе нѣжно его гладили.

При видѣ такого волненія, Тартаренъ испугался, какъ бы оно не возбудило въ сердцахъ сожалѣній о покидаемой родинѣ, и, по его знаку, капитанъ Скрапушина громко скомандовалъ:

— Машина въ ходъ!

Тотчасъ раздались звуки трубъ, свистъ пара, шипѣніе воды подъ винтомъ, и все это покрылъ вопль Экскурбанье: «*Fen dé brut*... давайте шумѣть!» Берегъ сразу точно отбѣжалъ прочь; городъ, башни короля Рене отодвигались все дальше и дальше, становились все меньше и какъ бы тонули въ играющихъ лучахъ солнца, отраженныхъ Роной.

Всѣ, стоя у бортовъ, спокойно улыбались, равнодушно смотрѣли на удаляющуюся и исчезающую изъ глазъ родину. Никто уже не волновался, съ ними былъ теперь ихъ добрый Тараксъ. Такъ гудя-

---

*) Легенда эта подробно приведена въ *Nouveau Dictionaire encyclopédique...* (sous la direction) *de Jules Trousset*. Tome V, p. 409.

щій рой пчелъ покидаетъ родной улей, такъ осеннею порой беззаботная стая скворцовъ несется въ теплые края.

И на самомъ дѣлѣ, ихъ Тараскъ принесъ имъ счастье. Погода стояла чудная, море было великолѣпно, ни одной бури, ни зловѣщаго облачка; никогда переѣздъ не былъ настолько удачнымъ.

Тяжеленько было въ Суэцкомъ каналѣ подъ палящими лучами солнца, несмотря на колоніальный головной уборъ, введенный въ употребленіе Тартареномъ: пробковый шлемъ, обтянутый бѣлымъ полотномъ и прикрытый зеленою вуалью. Тарасконцы не особенно страдали, впрочемъ, отъ этой печной температуры; къ ней они достаточно притерпѣлись и подъ небомъ Прованса.

Миновавши Портъ-Саидъ и Суэцъ, пройдя Красное море и Аденъ, *Туту-панпанъ* понесся ровнымъ и быстрымъ ходомъ черезъ Индѣйскій океанъ, подъ яснымъ небомъ, молочнымъ и мягкимъ, какъ та чесночно-сметанная мазня, которую путешественники аппетитно ѣли за каждою своею трапезой.

Сколько чесноку истреблялось на пароходѣ! Съ собою былъ взятъ громадный запасъ этого лакомства, и его восхитительный букетъ оставлялъ въ воздухѣ далекій слѣдъ корабля, примѣшивая ароматъ Тараскона къ ароматамъ Индіи.

Путь лежалъ мимо островов, похожихъ на плавающія въ морѣ корзины дивныхъ цвѣтовъ, среди которыхъ порхали птицы, точно изукрашенныя драгоцѣнными камнями. Ночи тихія, прозрачныя, засыпанныя миріадами звѣздъ, казалось, трепетали смутными отголосками далекой музыки и туманными отраженіями пляски баядерокъ.

Чудныя стоянки можно бы сдѣлать у Молдивскихъ острововъ, на Цейлонѣ, въ Сингапурѣ, но тарасконки, съ Эвелиной Экскурбанье во главѣ, не позволяли мужьямъ сходить на берегъ.

Чувство жестокой ревности держало ихъ всѣхъ на-сторожѣ въ этомъ опасномъ климатѣ Индіи, подъ его нѣжащимъ дыханіемъ, проносившимся даже надъ палубой *Туту-панпана*. Тамъ каждый вечеръ можно было видѣть, какъ робкій Паскалонъ не отходитъ отъ Клоринды дез-Эспазетъ, высокой, красивой дѣвушки, обворожившей его своею аристократическою прелестью.

Добродушный Тартаренъ втихомолку улыбался, глядя на нихъ издали и уже мечтая заранѣе о предстоящей свадьбѣ, по прибытіи на мѣсто.

Впрочемъ, съ самаго начала пути, губернаторъ ко всѣмъ относился необыкновенно мягко и снисходительно, въ совершенную противуположность съ рѣзкимъ и угрюмымъ капитаномъ Скрапушина,

настоящимъ деспотомъ на бортѣ, выходившимъ изъ себя по поводу всякаго пустяка, говорившимъ на каждомъ шагу, что «прикажетъ васъ разстрѣлять, какъ зеленую обезьяну». Тартаренъ терпѣливо и разумно подчинялся своенравію капитана, старался даже оправдать его и предупредить вспышки гнѣва своихъ милиціонеровъ. На себѣ самомъ онъ подавалъ имъ примѣръ неутомимости въ занятіяхъ.

Утро было имъ посвящено изученію папуасскаго языка подъ руководствомъ капеллана, отца Баталье, бывшаго миссіонера, знавшаго этотъ языкъ и многіе другіе.

Днемъ Тартаренъ собиралъ все общество на палубѣ или въ салонѣ и читалъ лекціи, выкладывалъ свои знанія, совершенно свѣженькія, о разведеніи сахарнаго тростника и о ловлѣ трепанговъ.

Два раза въ недѣлю читался курсъ охоты, такъ какъ тамъ, въ колоніи, найдется дичь; это уже не то, что въ Тарасконѣ, гдѣ приходилось довольствоваться охотой по фуражкамъ, бросаемымъ въ воздухъ.

— Вы стрѣляете хорошо, дѣтки, но стрѣляете слишкомъ торопливо,—говорилъ Тартаренъ.

Кровь у нихъ горяченька, надо привыкать къ выдержкѣ.

И онъ давалъ имъ превосходные совѣты, точно объяснялъ, сколько времени слѣдуетъ выжидать съ выстрѣломъ, сообразно съ родомъ дичи, отсчитывая методически, какъ метрономъ.

— По перепелкѣ—счетъ три. Разъ, два, три... пафъ!... готова... По куропаткѣ,—поднявши руку, онъ изображалъ пальцами полетъ куропатки,—по куропаткѣ считайте только до двухъ. Разъ, два... памъ!... Получайте,—убита.

Такъ коротались часы монотоннаго плаванія. А тѣмъ временемъ каждый оборотъ винта приближалъ къ осуществленію мечтаній всѣхъ этихъ милыхъ людей, убаюкивавшихъ себя во всю дорогу чудесными проектами, фантастическими представленіями о томъ, что ждетъ ихъ тамъ, какъ они устроятся, какъ примутся за дѣло и за украшеніе своихъ будущихъ владѣній.

Воскресенье бывало днемъ отдыха. По-праздничному, отецъ Баталье справлялъ мессу съ большою помпой, трубили въ трубы и барабаны били «походъ», когда священникъ возносилъ святые дары. Послѣ богослуженія онъ говорилъ какую-нибудь притчу, на что былъ большимъ мастеромъ,—не столько проповѣдь, сколько пламенную поэтическую импровизацію, проникнутую жгучею вѣрой южанина.

Повѣствованія его были наивны, какъ старинная живопись на

стеклѣ въ окнахъ уцѣлѣвшей отъ давно минувшихъ вѣковъ деревенской церкви. Но, чтобы понять все ихъ очарованіе, надо представить себѣ только что вымытую палубу, блестящую мѣдью, полукругъ дамъ, губернатора на своемъ гнутомъ креслѣ, окруженнаго директорами въ парадныхъ мундирахъ, два ряда милиціонеровъ, матросовъ на выблинкахъ. Всѣ тихо, внимательно слушаютъ, не спуская глазъ съ проповѣдника. Удары винта мѣрно вторятъ его голосу. На ясномъ, безпредѣльномъ небѣ прямою, расширяющеюся полосой тянется дымъ стимера, дельфины весело кувыркаются надъ водой, морскія птицы, чайки и альбатросы съ крикомъ несутся вслѣдъ кораблю... И самъ бѣлый священникъ, съ развѣвающимися при каждомъ движеніи рукавами, имѣетъ видъ какой-то огромной птицы, взмахивающей крыльями и готовой унестись въ поднебесье...

Въ одно изъ воскресеній отецъ Баталье не кончилъ еще своей увлекательной рѣчи, когда съ мостика парохода *Туту-панпанъ* раздался громкій голосъ капитана Скрапушина:

— Виденъ островъ Портъ-Тарасконъ, господинъ губернаторъ. Черезъ часъ мы будемъ на рейдѣ.

Тотчасъ всѣ поднялись съ мѣстъ, произошла настоящая суматоха.

V.

Прибытіе въ Портъ-Тарасконъ. — Никого. — Высадка милиціи. — Pharma... Bézu... — Бравида входитъ въ сообщеніе. — Страшная катастрофа. — Татуированный аптекарь.

— Что за дьявольщина?!... Никто не встрѣчаетъ,—проговорилъ Тартаренъ, какъ только немного стихли крики радости.

По всей вѣроятности, корабль не былъ еще замѣченъ съ острова.

Надо было дать знать о себѣ. Три пушечныхъ выстрѣла загремѣли вдоль двухъ островов, покрытыхъ жирною растительностью болотно-ревматическаго климата. Корабль вошелъ въ проливъ.

Всѣ взоры были устремлены на ближайшій берегъ, на узкую полосу песка, шириной всего въ нѣсколько метровъ. За нею поднимались крутые скаты, сплошь поросшіе темною зеленью, уступами сбѣгавшею съ вершины къ самому морю.

Когда смолкли раскаты эхо отъ пушечныхъ выстрѣловъ, мертвая тишина вновь охватила эти острова, очень зловѣщаго вида. И, все-таки, никто не показывался. Всего же непостижимѣе то,

что не было видно ни порта, ни форта, ни города, ни моловъ, ни доковъ... ничего.

Тартаренъ обратился къ Скрапушина, отдававшему уже приказаніе отдать якорь.

— Вполнѣ ли вы увѣрены, капитанъ?...

Раздражительный капитанъ дальняго плаванія отвѣтилъ цѣлымъ залпомъ ругательствъ.

Увѣренъ ли онъ, чортъ возьми!... Свое дѣло онъ знаетъ, полагать надо, разрази громомъ!... Не учиться корабль вести!...

— Паскалонъ, принесите карту острова,--сказалъ Тартаренъ очень сдержанно.

Къ счастью, у него была карта колоніи, сдѣланная въ очень большомъ масштабѣ, на которой тщательно были нанесены мысы, заливы, рѣки, горы и даже обозначены мѣста главнѣйшихъ зданій города.

Карта была тотчасъ же развернута, и Тартаренъ, окруженный всѣми, принялся внимательно разбирать ее, водя по ней пальцами.

Все такъ: тутъ островъ Портъ-Тарасконъ... насупротивъ другой островъ, вотъ онъ... тутъ гора, какъ тамъ ее... отлично. Влѣво караллвые рифы... превосходно. А потомъ? Гдѣ же городъ, портъ, обыватели? Куда все дѣвалось?

Робко, слегка заикаясь, Паскалонъ замѣтилъ, что, быть можетъ, тутъ кроется какая-нибудь штука Бонпара, извѣстнаго въ Тарасконѣ своими шуточными продѣлками.

— Бонпаръ... да, отъ него станется,—согласился Тартаренъ.— А Безюке, человѣкъ въ высшей степени положительный и серьезный... Къ тому же, какія не шути шутки, все-таки, не спрячешь цѣлаго города съ портомъ и доками.

Въ подзорную трубу, правда, виднѣлось на берегу нѣчто вродѣ барака, но коралловые рифы не давали возможности приблизиться къ острову, а на такомъ разстояніи все терялось въ темной зелени густыхъ зарослей.

Всѣ тревожно всматривались, уже готовые къ высадкѣ, съ пожитками въ рукахъ, старуха графиня д'Эгебулидъ съ своею грѣлкой, когда въ затишьѣ общаго недоумѣнія раздались слова самого губернатора, сказанныя въ полголоса:

— На самомъ дѣлѣ, это необыкновенно странно!...

Вдругъ онъ выпрямился.

— Капитанъ, прикажите спустить большую шлюпку. Командиръ Бравида, трубите сборъ.

Пока дудѣлъ горнистъ и Бравида дѣлалъ перекличку, Тартаренъ очень развязно успокоивалъ дамъ:

— Не тревожьтесь. Все разъяснится, непремѣнно...

И, обращаясь къ мужчинамъ, остававшимся на кораблѣ, онъ прибавилъ:

— Черезъ часъ мы вернемся. Ждите насъ здѣсь, и — чтобы никто ни съ мѣста.

Никто, разумѣется, и не порывался съ мѣста; всѣ окружили его, повторяли за нимъ:

— Да, да, господинъ губернаторъ... все разъяснится, непремѣнно...

Въ эту минуту Тартаренъ представлялся имъ недосягаемымъ.

Онъ сошелъ въ шлюпку въ сопровожденіи своего секретаря, Паскалона, капеллана, отца Баталье, Бравиды, Турнатуара, Экскурбанье и милиціонеровъ. Всѣ были вооружены съ головы до ногъ, обвѣшаны саблями, топорами, револьверами и винтовками, причемъ не забытъ, конечно, былъ и знаменитый «винчестеръ» о тридцати-двухъ выстрѣлахъ.

По мѣрѣ того, какъ они приближались къ совершенно пустынному, молчаливому берегу, можно было различить старую лодочную пристань на сваяхъ съ досчатымъ помостомъ, изъѣденнымъ плѣсенью въ стоячей, гнилой водѣ. Представлялось совершенно неправдоподобнымъ, чтобы это-то и былъ тотъ самый молъ, на которомъ туземцы встрѣчали пассажировъ *Фарандолы*. Немного дальше виднѣлся какой-то баракъ съ закрытыми желѣзными ставнями, выкрашенными featурикомъ въ красный цвѣтъ, отражавшійся кровавыми пятнами въ неподвижной водѣ. Досчатая кровля была вся въ трещинахъ и дырахъ.

Высадившись на берегъ, тотчасъ же побѣжали къ строенію. Совершенная развалина внутри, какъ и снаружи. Сквозь крышу просвѣчивали два большихъ клочка неба; перекоробленный полъ разсыпался въ гнилушки, огромныя ящерицы скрывались въ трещины, какіе-то черные гады такъ и кишѣли по стѣнамъ, отвратительныя жабы прятались по угламъ. Тартаренъ вошелъ первый и чуть не наступилъ на змѣю толщиной въ руку. Повсюду запахъ плѣсени и гнили, противный, омерзительный до тошноты.

По обломкамъ уцѣлѣвшихъ еще кое-гдѣ перегородокъ очевиднымъ становилось, что баракъ былъ раздѣленъ на отдѣльныя тѣсныя помѣщенія, вродѣ каютъ или стойлъ конюшни. На одной изъ досокъ виднѣлась надпись полуаршинными буквами: *Pharma... Bégu...* Остальныя буквы исчезли подъ плѣсенью. Не требовалось

большой учености, чтобы угадать полный текстъ: «Pharmacie Bézuquet».

— А, понимаю, въ чемъ дѣло,—сказалъ Тартаренъ,—этотъ склонъ острова—нездоровая мѣстность, и, не основавшись здѣсь, они устроились по ту сторону.

Потомъ, рѣшительнымъ тономъ, онъ приказалъ командиру Бравидѣ отправиться съ милиціей на рекогносцировку: онъ продвинется до вершины горы, оттуда ознакомится съ страной и, навѣрное, увидимъ дымъ надъ кровлями города.

— Какъ только войдете въ сообщеніе, извѣстите выстрѣлами.

Самъ же онъ останется внизу, въ главной квартирѣ, съ своимъ секретаремъ, съ капелланомъ и нѣсколькими другими.

Бравида и второй командиръ Экскурбанье построили свой отрядъ и двинулись впередъ. Милиціонеры шли стройною колонной. Но крутой подъемъ, покрытый сырымъ и скользкимъ мохомъ, оказался очень труднымъ, и ряды скоро разбились.

У переправы черезъ небольшой ручей были найдены слѣды мостковъ для мытья бѣлья и забытый валекъ, позеленѣвшіе отъ всюду расползающейся, всезахватывающей плѣсени, попадавшейся на каждомъ шагу. Немного далѣе замѣтны были остатки какого-то строенія, служившаго, повидимому, блокгаузомъ.

Всякое подобіе военнаго строя исчезло, когда встрѣтились сотни ямъ, вырытыхъ очень близко одна отъ другой и предательски закрытыхъ разросшимся терновникомъ и ліанами.

Милиціонеры падали въ нихъ, гремя оружіемъ и выпугивая такихъ же большихъ ящерицъ, какъ въ покинутомъ баракѣ. Ямы были неглубоки и расположены рядами.

— Похоже на старинное кладбище,—замѣтилъ Экскурбанье.

На эту мысль навели его смутныя подобія крестовъ, сдѣланныхъ изъ вѣтвей, снова давшихъ листья и побѣги и напоминавшихъ лозы задичавшаго винограда. Во всякомъ случаѣ, если это и было кладбище, то покойники съ него куда-то исчезли, такъ какъ слѣдовъ ихъ костей не осталось.

Послѣ труднаго подъема сквозь густую заросль отрядъ добрался до вершины. Воздухъ былъ тутъ чище, здоровѣе; его освѣжалъ вѣтерокъ, чувствовался запахъ моря. Вдаль тянулось большое пространство невоздѣланной земли, за которою почва незамѣтнымъ склономъ спускалась опять къ морю. Городъ долженъ былъ находиться въ этой сторонѣ.

Одинъ изъ милиціонеровъ показалъ рукою на далекій дымокъ въ то время, какъ Экскурбанье радостно крикнулъ:

— Слушайте... тамбурины... фарандола!

Сомнѣнія быть не могло, до нихъ доносился плясовой мотивъ, похожій на фарандолу. Портъ-Тарасконъ шелъ ихъ встрѣчать.

Показались и городскіе обыватели, подвигаясь толпой изъ-за пригорка на краю высокаго плато.

— Стой!—сказалъ вдругъ Бравида,—ужь не дикари ли?

Во главѣ толпы, впереди тамбуриновъ, плясалъ высокій черный человѣкъ, худой, въ вязаной матросской фуфайкѣ, въ синихъ очкахъ, съ поднятымъ томагавкомъ въ рукѣ.

Обѣ толпы остановились, издали вглядывались одна въ другую. Вдругъ Бравида расхохотался.

— Вотъ такъ штука!... Ахъ, потѣшникъ...—и, вложивши саблю въ ножны, онъ пустился бѣгомъ впередъ.

— Командиръ!... командиръ!—пытались вернуть его товарищи.

Онъ и слушать ихъ не хотѣлъ, бѣжалъ дальше и, воображая, что обращается къ Бонпару, кричалъ плясуну:

— Знаемъ, другъ, знаемъ... совсѣмъ дикарь... настоящій...

Тотъ продолжалъ плясать, размахивая своимъ оружіемъ, и когда несчастный Бравида разобралъ, наконецъ, что передъ нимъ и вправду настоящій канакъ, то было уже поздно уклониться отъ страшнаго удара топора, разсѣкшаго пробковый шлемъ и бѣдный крошечный мозгъ командира милиціи.

Въ ту же минуту разразился цѣлый ураганъ воплей, стрѣлъ и пуль. Видя смерть командира, милиціонеры инстинктивно дали залпъ изъ ружей и пустились бѣжать безъ оглядки, не подозрѣвая, что дикари убѣгали еще скорѣе ихъ.

Тартаренъ услыхалъ выстрѣлы и весело сказалъ:

— Вошли въ сообщеніе.

Но его радость смѣнилась остолбенѣніемъ, когда онъ увидалъ свою маленькую армію, бѣгущую назадъ въ страшномъ безпорядкѣ, прыгающую черезъ кусты, растерявшую шлемы и башмаки, вопящую ужасающее слово: «Дикіе!... дикіе!»...

Наступилъ моментъ невообразимой паники. Шлюпки какъ не бывало,—она утекала на всѣхъ веслахъ. Губернаторъ бѣгалъ по берегу и оралъ:

— Хладнокровія!... хладнокровія!—но такимъ отчаяннымъ голосомъ гибнущей чайки, что только увеличивалъ общее смятеніе.

Суматоха охватившаго всѣхъ ужаса длилась нѣсколько минутъ на узкой, песчаной полосѣ берега; но такъ какъ никто не зналъ, въ какую сторону бѣжать, то кончилось тѣмъ, что всѣ собрались

опять вмѣстѣ. Къ тому же, ни одинъ дикарь не показывался, и явилась возможность осмотрѣться, опомниться.

— А командиръ гдѣ?

— Убитъ.

Когда Экскурбанье разсказалъ про несчастную ошибку Бравиды, Тартаренъ воскликнулъ:

— Бѣдняга Пласидъ!... И какая неосторожность... въ непріятельской странѣ... Онъ, стало быть, шелъ, не высылая развѣдчиковъ!

Онъ тотчасъ же распорядился выставить пикеты. Отобранные на это люди медленно разошлись по-парно, твердо рѣшившись держаться поближе къ своимъ. Потомъ собрался военный совѣтъ въ то время, какъ Турнатуаръ перевязывалъ рану, нанесенную отравленною стрѣлой одному изъ милиціонеровъ, начинавшему уже страшно пухнуть.

Тартаренъ заговорилъ:

— Прежде всего, избѣгать кровопролитія.

И онъ предложилъ отправить отца Баталье съ пальмовою вѣтвью, которою онъ станетъ махать издали, чтобы разузнать, по возможности, что дѣлается въ непріятельской странѣ и что сталось съ первыми, занявшими островъ.

Отецъ Баталье воскликнулъ:

— А? *вай*... Какія тамъ пальмы!... Я предпочелъ бы вашъ тридцати-двухъ-ударный винчестеръ.

— Ге! хорошо. Если вы не хотите, такъ пойду я,—возразилъ губернаторъ.—Только вы будете сопровождать меня, господинъ капелланъ, такъ какъ я недостаточно знаю папуасскій языкъ.

— А я совсѣмъ его не знаю.

— Какъ, чортъ возьми!... Чему же вы меня учите три мѣсяца? Уроки, что вы мнѣ давали во время плаванія,—это что же за языкъ былъ?

Отецъ Баталье вывернулся, какъ и надлежитъ восхитительнѣйшему тарасконцу, сказавши, что онъ не знаетъ папуасскаго по-здѣшнему, а знаетъ—по-тамошнему.

Во время пререканій произошла новая паника, раздались выстрѣлы въ сторонѣ пикетовъ, а изъ чащи лѣса послышался отчаянный голосъ, кричавшій съ тарасконскимъ акцентомъ:

— Не стрѣляйте... говорятъ же вамъ, не стрѣляйте!

Черезъ минуту изъ кустовъ выпрыгнуло странное существо, отвратительное, покрытое красною и черною татуировкой, придававшею ему видъ клоуна, обтянутаго съ головы до ногъ въ пестрое трико. Это былъ Безюке.

— Те!... Безюке!

— Э! какъ поживаешь?

— Какими судьбами?...

— А гдѣ же остальные?

— А городъ, гавань, доки?

— Городъ,—отвѣтилъ аптекарь, указывая на разваливающійся баракъ,—вотъ что осталось отъ города; отъ его обывателей—вотъ это,—и онъ указалъ на себя.—Но, прежде всего, дайте мнѣ накинуть что-нибудь на себя, прикрыть гадости, которыми расписали меня эти мерзавцы.

И на самомъ дѣлѣ, все, что можетъ только создать отвратительнаго воображеніе безумствующаго дикаря, было изображено на его тѣлѣ шиломъ и красками.

Экскурбанье далъ ему свою мантію гранда перваго класса, и, подкрѣпившись добрымъ глоткомъ водки, несчастный Безюке началъ обычнымъ, незабытымъ еще, тарасконскимъ говоромъ:

— Если вы были скорбно поражены сегодня утромъ, увидавши, что городъ Портъ-Тарасконъ существуетъ только на картѣ, то подумайте, какъ же мы, прибывшіе на *Фарандолѣ* и на *Люциферѣ*...

— Извините, что перебиваю,—сказалъ Тартаренъ, замѣтивши тревожные знаки часовыхъ у опушки лѣса.—Я думаю, благоразумнѣе было бы прослушать вашъ разсказъ на кораблѣ. Здѣсь могутъ подкрасться къ намъ людоѣды.

— Никогда... Ваши выстрѣлы разогнали ихъ. Они всѣ покинули островъ, и я этимъ воспользовался и бѣжалъ отъ нихъ.

Тартаренъ настаивалъ. Онъ предпочиталъ слушать повѣствованіе Безюке на кораблѣ въ присутствіи полнаго собранія великаго совѣта. Положеніе было слишкомъ серьезно.

Кое-какъ дозвались шлюпки, предательски державшейся далеко отъ берега съ самаго начала суматохи, и вернулись на пароходъ, гдѣ всѣ тревожно ожидали результатовъ первой рекогносцировки.

VI.

Продолжайте, Безюке... — Плутъ или нѣтъ герцогъ де-Монсъ? — Адвокатъ Франкебальмъ. — «Verum enim vero» — Плебисцитъ. — „Туту-панпанъ“ исчезаетъ изъ вида.

Мрачна до ужаса одиссея первыхъ поселенцевъ Портъ-Тараскона, разсказанная Безюке передъ совѣтомъ, въ которомъ засѣдали главари: губернаторъ, директоры, гранды перваго и втораго клас-

са, капитанъ Скрапушина и его офицеры, въ то время, какъ на палубѣ пассажиры, изнывая отъ нетерпѣнія и любопытства, улавливали только неясные звуки гудящаго баса аптекаря и рѣзкіе возгласы его слушателей.

Прежде всего, по окончаніи нагрузки, едва только вышла *Фарандола* изъ Марсели, какъ Бонпаръ, временный губернаторъ и начальникъ экспедиціи, заболѣлъ внезапно какою-то странною болѣзнью,—заразительною, по его словамъ,—приказалъ свезти себя на берегъ и передалъ свои полномочія Безюке... Счастливецъ Бонпаръ! Онъ точно предчувствовалъ ожидавшія ихъ здѣсь бѣды.

Въ Суэцѣ дожидался *Люциферъ*, въ такомъ плохомъ состояніи, что не могъ идти дальше. Онъ передалъ грузъ на *Фарандолу*, и безъ того набитую биткомъ.

Что только выстрадали они отъ жары на этомъ проклятомъ суднѣ! Наверху — заживо жарило солнце, внизу—дышать нечѣмъ отъ тѣсноты.

Тяжело было настолько, что, добравшись до Портъ-Тараскона, несмотря на разочарованія, несмотря на то, что не оказалось ни города, ни порта, ни какой-либо постройки, всѣ были довольны, рады высадкѣ на этотъ пустынный островъ. Такъ велика была потребность вздохнуть свободно, расправить, размять онѣмѣвшее тѣло. Нотаріусъ Камбалалетъ, директоръ кадастра, развеселилъ даже всѣхъ забавною пѣсенкой о заморскомъ кадастрѣ. Приходилось, однако, и серьезно подумать.

— Тогда мы рѣшили,—говорилъ Безюке,—отправить корабль въ Сидней за строительными матеріалами и послали извѣстную вамъ отчаянную депешу.

Со всѣхъ сторонъ поднялись возгласы:

— Отчаянную депешу?

— Какую депешу?

— Мы никакой не получали.

Голосъ Тартарена покрылъ шумъ:

— Любезный Безюке, что касается депешъ, то мы получили лишь ту, въ которой вы извѣщали о блестящемъ пріемѣ, оказанномъ вамъ туземцами, и о молебствіи, совершонномъ въ соборѣ.

Аптекарь вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Молебствіе... въ соборѣ?! Въ какомъ соборѣ?

— Это разъяснится... Продолжайте, Безюке,—сказалъ Тартаренъ.

— Я продолжаю...—отвѣтилъ Безюке, и разсказъ его становился все мрачнѣе.

Колонисты бодро принялись за дѣло. Имѣвшимися налицо земледѣльческими орудіями они принялись пахать землю. Почва оказалась никуда негодною, ничто не росло. Затѣмъ пошли дожди...

Крики слушателей еще разъ прервали разсказщика:

— Бываютъ, стало быть, дожди?

— И какіе!... Сильнѣе, чѣмъ въ Ліонѣ... больше, чѣмъ въ Швейцаріи... Льетъ десять мѣсяцевъ въ году.

Всѣ головы опустились. Взоры обратились къ полупортикамъ, въ которые видѣнъ былъ густой туманъ, клубами стоявшій надъ темною зеленью, надъ ревматическою сыростью густо заросшаго берега.

— Продолжайте, Фердинандъ,—сказалъ Тартаренъ.

Безюке продолжалъ:

По милости безпрерывныхъ дождей, болотъ, лихорадокъ, малярій, пришлось скоро обновить кладбище. Къ болѣзнямъ присоединилась скука, *тома*. Самые бодрые утрачивали способность къ работѣ,—такъ изнемогало тѣло въ этомъ теплично-сыромъ климатѣ.

Питались консервами, а также ящерицами и змѣями, которыхъ приносили папуасы съ той стороны острова. Подъ предлогомъ продажи добытаго охотой и рыбной ловлей дикари предательски пробирались въ колонію, не возбуждая ни въ комъ подозрѣній.

Кончилось тѣмъ, что въ одну прекрасную ночь они ворвались въ баракъ, лѣзли, точно черти, въ двери, въ окна, черезъ проломанную крышу, захватили оружіе, перебили тѣхъ, кто попробовалъ было сопротивляться, и увели остальныхъ въ свой лагерь.

Цѣлый мѣсяцъ длилось непрерывно ужасающее пированіе. Плѣнныхъ, поочередно, убивали топорами, жарили на раскаленныхъ камняхъ въ землѣ, какъ поросятъ, и поѣдали.

Крикъ ужаса, вырвавшійся у всѣхъ участвовавшихъ въ совѣтѣ, разнесъ тревогу страха даже по палубѣ. Губернаторъ едва могъ прошептать еще разъ:

— Продолжайте, Фердинандъ.

Аптекарь видѣлъ, какъ погибли одинъ за другимъ всѣ его товарищи: кроткій отецъ Везоль, улыбающійся и покорный, до конца повторялъ: «Слава Господу Богу!», нотаріусъ Камбалалетъ, веселый директоръ кадастра, не переставалъ шутить даже передъ вертеломъ.

— И чудовища заставили меня ѣсть бѣднягу Камбалатета,— прибавилъ Безюке, весь охваченный дрожью при такомъ воспоминаніи.

Среди послѣдовавшаго затѣмъ молчанія желчный Костекальдъ, съ лицомъ, искаженнымъ бѣшенствомъ, обратился къ губернатору:

— Тѣмъ не менѣе, вы насъ увѣряли, вы писали и приказывали писать, что здѣсь нѣтъ людоѣдовъ!

Губернаторъ потерянно опустилъ голову. Безюке отвѣчалъ:

— Нѣтъ людоѣдовъ!... Да они всѣ людоѣды. Для нихъ нѣтъ лучшаго лакомства, чѣмъ человѣческое мясо, въ особенности наше—бѣлыхъ изъ Тараскона, такъ что, съѣвши живыхъ, они добрались и до мертвыхъ. Видѣли старое кладбище? Ничего тамъ не осталось, ни косточки. Они все выскребли, все вычистили, какъ у насъ тарелки, когда супъ вкусенъ или когда подаютъ жареную говядину подъ чесночнымъ соусомъ.

— А вы-то, Безюке?—спросилъ одинъ грандъ перваго класса.—Почему васъ пощадили?

Аптекарь полагалъ, что отъ долгаго пребыванія среди лѣкарствъ, «въ духу» фармацевтическихъ средствъ, мяты, арники, эпекакуаны его тѣло пропиталось запахомъ травъ, который оказался имъ, вѣроятно, не по вкусу, хотя, съ другой стороны, возможно, что,—наоборотъ,—поэтому-то, именно, его и приберегали на закуску.

— И такъ, что же дѣлать теперь?—сказалъ маркизъ дезъ-Эспазетъ, когда разсказъ былъ конченъ.

— Какъ, что дѣлать?—своимъ обычнымъ сердитымъ тономъ проговорилъ Скрапушина.—Во всякомъ случаѣ, не здѣсь оставаться, я полагаю?

Со всѣхъ сторонъ раздались возгласы:

— О, нѣтъ. Ни за что...

— Хотя мнѣ заплачено лишь за перевозку васъ сюда,—продолжалъ капитанъ,—я готовъ доставить обратно на родину тѣхъ, кто пожелаетъ.

Въ эту минуту ему были прощены всѣ недостатки его характера. Забыто было, что всѣ присутствующіе были для него лишь «зелеными обезьянами», которыхъ ничего не стоитъ разстрѣлять. Его окружили, восхваляли, протягивали ему руки. Среди общаго шума раздался вдругъ голосъ Тартарена, прозвучавшій серьезнымъ достоинствомъ:

— Вы можете поступать, какъ вамъ угодно, господа, я остаюсь. На мнѣ лежатъ обязанности губернатора, я ихъ исполню.

Скрапушина завопилъ:

— Губернатора—чего? Какія обязанности, когда ничего нѣтъ?

Съ нимъ соглашались:

— Кипитанъ правъ... ничего нѣтъ...

Тартаренъ возразилъ:

— Есть, господа, мое слово, данное герцогу де-Монсъ.

— Мошенникъ онъ, вашъ герцогъ де-Монсъ,—сказалъ Безюке.—Я всегда подозрѣвалъ это, прежде даже, чѣмъ получилъ доказательства.

— Гдѣ они, эти доказательства?

— Не въ моемъ карманѣ, разумѣется!—и аптекарь стыдливымъ жестомъ крѣпче запахнулъ мантію гранда перваго класса, прикрывавшую его татуированное тѣло.—Достовѣрно одно, что умирающій Бонпаръ сказалъ мнѣ, покидая *Фарандолу*: «Остерегайтесь бельгійца,—онъ лгунъ». Если бы онъ могъ говорить, высказать больше... но, больной, онъ былъ уже не въ силахъ.

Да и какого лучшаго доказательства надо было еще, когда налицо былъ самый островъ, негодный для культуры, съ нездоровымъ климатомъ, куда герцогъ отправилъ ихъ устраивать колонію и раздѣлывать землю? Чего нужно было еще, послѣ подложныхъ депешъ?...

Сильное возбужденіе охватило все собраніе. Всѣ говорили разомъ, соглашались съ Безюке, осыпали герцога ругательствами:

— Мошенникъ... лгунъ... негодный бельгіецъ!

Тартаренъ одинъ, геройски, стоялъ противъ всѣхъ:

— Пока не доказано противное, я не измѣню моего мнѣнія о господинѣ де-Монсъ...

— Наше мнѣніе составлено... воръ онъ!

— Онъ могъ поступить неосторожно, могъ быть самъ введенъ въ заблужденіе...

— Не защищайте его... на каторгу стóитъ его...

— Что меня касается, я имъ назначенъ губернаторомъ Портъ-Тараскона и остаюсь въ Портъ-Тарасконѣ.

— Такъ одни и оставайтесь.

— Одинъ останусь, если вы меня покинете. Пусть мнѣ дадутъ орудія земледѣлія...

— Да говорю же я вамъ, не ростетъ здѣсь ничего,—крикнулъ ему Безюке.

— Вы не такъ взялись за дѣло, Фердинандъ.

Капитанъ Скрапушина изъ себя вышелъ и ударилъ кулакомъ по столу совѣта.

— Онъ сумасшедшій!... Я думаю, что просто заберу его силой и, если станетъ сопротивляться, разстрѣляю, какъ зеленую обезьяну.

— Попробуйте, чортъ возьми!

Пылающій гнѣвомъ, съ угрожающимъ жестомъ, отецъ Баталье сталъ на сторону Тартарена. Послѣдовалъ обмѣнъ рѣзкостей, совершенно по-тарасконски, въ такомъ родѣ:

— Вы сами не понимаете, что говорите... Вы заговариваетесь... Такихъ вещей не говорятъ.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если бы не вступился адвокатъ Франкебальмъ, директоръ отдѣла юстиціи.

Этотъ Франкебальмъ, адвокатъ отмѣнно рѣчистый, уснащалъ свои доводы всякими *хотя и тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе съ одной стороны, нельзя не признать съ другой стороны,* городилъ свои рѣчи безъ связи и цемента, по-римски, прочно, какъ знаменитый Гардскій водопроводъ въ Нимѣ. Настоящій латинскій юсъ, начиненный цицероновскою логикой и краснорѣчіемъ, строившій свои выводы на *verum enim vero*,—*а посему, такъ какъ потому*, *что*... — онъ воспользовался первымъ мгновеніемъ затишья, началъ свою рѣчь и въ длинныхъ, закругленныхъ фразахъ, нанизываемыхъ безъ конца одна на другую, предложилъ рѣшить дѣло плебисцитомъ.

Пассажиры должны подавать голоса простыми: да и нѣтъ. Съ одной стороны, желающіе остаться—останутся, съ другой стороны, желающіе уѣхать—уѣдутъ на кораблѣ послѣ того, какъ имѣющіеся налицо плотники перестроятъ большой домъ и блокгаузъ.

Предложеніе Франкебальма устраняло всякій поводъ къ спорамъ; оно было принято, и, не откладывая вдаль, эмигранты приступили къ голосованію.

Сильное волненіе началось на палубѣ и въ каютахъ, какъ только всѣ узнали, въ чемъ дѣло. Всюду слышались жалобы и стоны. Бѣдные люди затратили все, что имѣли, на покупку знаменитыхъ гектаровъ; неужели же все должно пропасть, неужели приходится отказаться отъ земли, на которую ушли ихъ деньги, и отъ всѣхъ радужныхъ надеждъ? Денежные разсчеты побуждали остаться, но тотчасъ же взглядъ на унылый островъ вызывалъ большія колебанія. Разваливающійся баракъ, темная и сырая зелень, за которою воображеніе рисовало пустыню и людоѣдовъ, перспектива быть съѣденными, какъ Камбалалетъ,—все это представлялось далеко не заманчивымъ и всѣ стремленія обращались къ благодатному Провансу, покинутому столь легкомысленно.

Корабль съ толпами взволнованныхъ эмигрантовъ походилъ на растревоженный муравейникъ. Старая графиня д'Эгебулидъ бродила по палубѣ, не выпуская изъ рукъ своей грѣлки и чучелы попугая.

Среди общаго говора и шумныхъ споровъ, предшествовавшихъ

голосованію, раздавались ругательства противъ бельгійца, подлаго мошенника... Не существовало уже господина герцога де-Монсъ... негодный бельгіецъ онъ... Говорилось это сквозь стиснутые зубы, съ сжатыми кулаками.

Несмотря ни на что, изъ тысячи, приблизительно, тарасконцевъ полтораста высказались за то, чтобы оставаться съ Тартареномъ. Слѣдуетъ замѣтить, что оставались по большей части должностныя лица и что губернаторъ обѣщалъ сохранить за ними ихъ должности и титулы.

Новые споры поднялись изъ-за дѣлежа припасовъ между отъѣзжающими и остающимися.

— Вы можете запастись въ Сиднеѣ,—говорили островные корабельнымъ.

— Вы можете охотиться и ловить рыбу, — отвѣчали съ противной стороны,—на что вамъ столько консервовъ?

Вопросъ о Тараскѣ подалъ поводъ къ страшнымъ препирательствамъ. Вернется ли онъ въ Тарасконъ? Останется ли въ колоніи?

Слишкомъ пылкій споръ принималъ такой оборотъ, что капитанъ Скрапушина нѣсколько разъ грозилъ разстрѣлять отца Баталье.

Чтобы водворить миръ, адвокатъ Франкебальмъ долженъ былъ опять пустить въ ходъ всѣ средства своей мудрости Нестора и еще разъ прибѣгнуть къ убѣдительности своихъ юридическихъ *verum enim vero*. Но большаго труда ему стоило успокоивать умы, изподтишка возбуждаемые лицемѣромъ Экскурбанье, старавшимся только о томъ, чтобы поддерживать раздоры.

Волосатый, лохматый, крикливый, съ вѣчнымъ девизомъ: «*Fen dé brut... давайте шумѣть!*» —второй командиръ милиціи былъ настолько южаниномъ, что его можно назвать чуть не негромъ, и не за одну только темную его кожу и плотно курчавые волосы, но также за черноту его души, за желаніе ко всѣмъ поддѣлываться, за вытанцовываніе передъ сильнымъ, — передъ капитаномъ Скрупушина, окруженнымъ своимъ экипажемъ, когда они на кораблѣ, передъ Тартареномъ, съ его милиціей, когда они съѣзжали на землю. Каждому изъ нихъ онъ различно объяснялъ причины, побудившія его высказаться за Портъ-Тарасконъ. Капитану онъ говорилъ:

— Остаюсь потому, что женѣ скоро родить. Если бы не это...

Тартарена увѣрялъ:

— Ни за что въ мірѣ не поѣду я еще разъ съ этимъ грубымъ *остроготомъ*.

Наконецъ, послѣ многихъ треволненій все было подѣлено такъ

или иначе. Тараскъ остался за корабельными, въ обмѣнъ на каронаду и шлюпку.

Тартаренъ выторговывалъ, вытягивалъ штуку за штукой оружіе, припасы, инструменты.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней сновали между кораблемъ и берегомъ лодки, нагруженныя всевозможными предметами, ружьями, консервами, ящиками маринованнаго тона и сардинокъ, сухарями, запасомъ паштетовъ изъ ласточекъ и хлѣбцевъ-грушъ.

Въ то же время, топоры усиленно работали въ лѣсахъ, рубили деревья на поправку большаго дома и блокгауза. Звуки трубы мѣшались съ ударами топоровъ и стукомъ молотковъ. Днемъ вооруженные милиціонеры охраняли рабочихъ на случай нападенія дикарей; ночью они располагались вокругъ бивуаковъ на берегу.

— Надо пріучать ихъ къ боевой службѣ,—говорилъ Тартаренъ.

Когда все было готово, разстающіеся простились холодновато. Отъѣзжавшіе завидовали остающимся, что не мѣшало имъ говорить полунасмѣшливымъ тономъ:

— Если дѣло пойдетъ, пишите намъ, тогда мы опять вернемся...

Съ своей стороны, многіе колонисты хотя и бодрились, а, все таки, въ глубинѣ души предпочли бы быть на кораблѣ.

Выволокли якорь на пароходѣ, прогремѣли прощальные выстрѣлы пушекъ. Съ берега имъ отвѣтила каронада, съ которою управлялся отецъ Баталье. Экскурбанье игралъ на своемъ кларнетѣ: *Счастливый путь, другъ Дюмоле...*

Дѣло сдѣлано! *Туту-панпанъ* тихо обогнулъ островъ и скрылся. На многихъ глазахъ проступали слезы. Рейдъ Портъ-Тараскона сталъ вдругъ огромнымъ пустыремъ.

М. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сумерки.

Погасъ послѣдній лучъ. Повѣяла прохлада.
Надъ рѣчкой бѣлый паръ клубится полосой.
Подпасокъ мальчуганъ сурово гонитъ стадо
Съ луговъ, увлаженныхъ холодною росой.
На небѣ палевомъ, какъ бѣлыя волокна,
Застыли облака; въ отворенныя окна,
Неслышною стопой, таинственно грустя,
Вступили сумерки, какъ робкое дитя.
Душа исполнилась невольно обаянья...
Отъ книги медленно отвлекся грустный взоръ,
Моментъ—и дѣтскихъ дней плывутъ воспоминанья,
Плывутъ, сплетаяся въ плѣнительный узоръ.
Въ полутаинственныхъ и мягкихъ полутонахъ
Воображеніе послушно создаетъ,
Какъ въ грезахъ юности восторженно-влюбленныхъ,
Родимыхъ образовъ неясный хороводъ...

Темнѣе и темнѣй... Вотъ вѣтеръ полусонный,
Покинувъ свой пріютъ между густыхъ вѣтвей,
Минуя цвѣтники, изъ дремлющихъ аллей,
Впорхнулъ ко мнѣ въ окно волною благовонной,
Шепнулъ привѣтъ цвѣтамъ въ букетѣ на столѣ,
Игриво шелохнулъ страницей книги бѣлой...
Очнулся я: толпой неясной и несмѣлой
Качнулись призраки и скрылись въ сонной мглѣ.
Ушли и сумерки. Какъ бархатное поле,
Весь въ золотыхъ цвѣтахъ лазурный небосводъ.
Какъ лебедь, берега покинувъ поневолѣ,
Багровая луна свершаетъ свой обходъ.
Въ природѣ хоръ ночной, какъ музыка, невнятно
Звенитъ, лаская слухъ. Ночь нѣгою полна.
Въ душѣ моей звенитъ поэзіи струна,
А съ высоты небесъ спокойная луна
Бросаетъ на стѣну бѣлѣющія пятна.

А. Өедоровъ.

О нѣкоторыхъ международныхъ съѣздахъ въ 1889 году *).

III.

Наиболѣе интереснымъ, въ юридическомъ отношеніи, представляется съѣздъ южно-американскихъ делегатовъ въ *Монтевидео* **). Почти съ самаго своего освобожденія республики такъ называемой латинской Америки мечтаютъ о бо̀льшемъ взаимномъ сближеніи, доводимомъ нѣкоторыми даже до сліянія ихъ въ общей, великой федераціи. Для осуществленія въ будущемъ подобнаго плана не трудно подмѣтить отличающія эти республики благопріятныя условія, лежащія въ общности ихъ происхожденія, религіи, языка, политическаго строя, а равно въ молодости ихъ политической жизни, не успѣвшей еще остыть въ вѣковыхъ формахъ и предразсудкахъ. Это, разумѣется, съ другой стороны имѣетъ и свои невыгоды, выражаясь въ неустойчивости и страстности ихъ жизни, но таковы уже черты молодости, призванныя съ теченіемъ времени уступить зрѣлымъ свойствамъ человѣка. Бо̀льшаго между собою сближенія этимъ республикамъ, какъ намъ кажется, не избѣжать, но вопросомъ теперь представляется: образуютъ ли онѣ свою особую латинскую федерацію, или предпочтутъ слиться съ великою республикой сѣвера, т.-е. съ Соединенными Штатами? Другими словами, пойдетъ ли ихъ жизнь въ будущемъ по пути, намѣченному съѣздомъ въ Монтевидео, или обратится къ направленію, указанному на пан-американскомъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ?

Вопросы далеко не безразличные и для Европы. Американцамъ, прежде всего, рѣшать вопросы о будущихъ условіяхъ и формахъ развитія ихъ обширнаго и прекраснаго материка, но, однако, подъ условіемъ сообразованія съ слѣдующими требованіями общаго международнаго права: чтобы указанныя и иныя перемѣны совершались вполнѣ мирными и законными путями, не въ силу, хотя прекрасныхъ, но искусственныхъ комбинацій, а

*) *Русская Мысль*, кн. III.

**) *Pradier-Fodéré*: „Le Congrès de droit international sud-américain et les traités de Montevideo“ (*Revue de droit international* 1889, p. 217—238, 561—577).

по желанію и по потребностямъ самихъ населеній, чтобы духовная и политическая индивидуальность тѣхъ единицъ, которыя выступили на американской аренѣ, не была принесена въ жертву все убивающему и мертвящему унитаризму и чтобы, наконецъ, всегда оказывалось уваженіе къ правамъ Европы, т.-е. не проводилась бы по отношенію къ ея государствамъ и жителямъ никакая враждебность и изолированность, ибо оба эти материка—только развѣтвленіе единаго великаго ствола христіанской цивилизаціи.

За послѣдніе годы въ Южной Америкѣ было не мало съѣздовъ по различнымъ вопросамъ, наприм., съѣзды: юристовъ въ Римѣ, педагоговъ въ Буэносъ-Айресѣ, санитарные въ Лимѣ и Ріо-Жанейро и т. д. Починъ къ конгрессу въ Монтевидео взяли на себя оба правительства Аргентины и Уругвая. Ихъ министры иностранныхъ дѣлъ, Квирно-Коста и Гарсіа-Лагосъ, предсѣдательствовали на этомъ съѣздѣ, на которомъ участвовали представители отъ семи государствъ Южной Америки (кромѣ двухъ названныхъ, еще делегаты Бразиліи, Перу, Чили, Боливіи и Парагвая). Засѣданія продолжались съ 25 августа 1888 г. по 18 февраля 1889 г. и результатами своими имѣли принятіе делегатами *проектовъ девяти международныхъ соглашеній*: семи трактатовъ конвенціи и добавочнаго протокола. Послѣдній касается примѣненія законовъ въ участвующихъ государствахъ. Конвенція говоритъ о занятіяхъ либеральными профессіями, а трактаты предметомъ своимъ имѣютъ различныя области частнаго международнаго права, именно: уголовнаго, гражданскаго, торговаго, процессуальнаго, а равно охрану авторскаго права и правъ на патенты изобрѣтенія, на фабричные и торговые знаки (клейма).

Не всѣ эти акты приняты делегатами участвовавшихъ государствъ, всѣ они нуждаются еще въ утвержденіи со стороны верховныхъ органовъ этихъ государствъ; но уже теперь нельзя не видѣть въ работахъ занимающаго насъ съѣзда любопытную попытку найти способъ *рѣшенія разногласій и столкновеній между законами различныхъ государствъ въ обширной области всего частнаго международнаго права*, причемъ эти рѣшенія должны происходить въ границахъ *права* и при полномъ уваженіи къ *территоріальнымъ властямъ*—съ одной стороны, къ *иностраннымъ законамъ и судамъ*—съ другой. Задача очень сложная и трудная, для рѣшенія которой много еще предстоитъ сдѣлать даже старой Европѣ.

Составленные въ одно время трактаты, насъ занимающіе, не представляютъ, однако, чего-либо цѣльнаго и недѣлимаго въ томъ смыслѣ, что для вступленія въ законную силу одного изъ нихъ нечего ожидать ратификаціи другихъ. Они заключены безъ срока; каждое государство удерживаетъ за собою право отказаться отъ нихъ, но подъ условіемъ, что оно извѣститъ объ этомъ остальныхъ контрагентовъ за два года. Всѣ остальныя государства, не участвовавшія въ выработкѣ этихъ соглашеній,—значитъ, и страны Европы,—всегда могутъ къ нимъ приступить. Нечего и говорить, какъ важно это условіе: европейскія страны поддерживаютъ съ

южно-американскими республиками самыя живыя и разнообразныя сношенія, которыя усиливаются съ каждымъ годомъ, и онѣ не могутъ относиться безразлично къ этой примѣчательной попыткѣ *поставить всѣ сношенія между гражданами различныхъ государствъ на почву общаго для всѣхъ международнаго права.* Какая громадная польза произойдетъ изъ этого для міроваго гражданскаго оборота, когда повсюду найдутъ себѣ твердую и быструю юридическую охрану какъ торговая, промышленная, такъ и духовная дѣятельность человѣка, независимо отъ его національной принадлежности и несмотря на существованіе между народами политическихъ границъ!

Бросимъ хотя бѣглый взглядъ на нѣкоторыя изъ этихъ соглашеній, наиболѣе для насъ интересныя.

Трактатъ *по уголовному международному праву* (въ составленіи его не участвовали делегаты Бразиліи и Чили) содержитъ въ себѣ, кромѣ общихъ распоряженій, пять титуловъ, посвященныхъ вопросамъ: о *юрисдикціи*, объ *убѣжищѣ*, о *правилахъ выдачи*, о *производствѣ послѣдней* и о *предварительномъ заключеніи.* Въ основаніе положено примѣненіе къ преступленіямъ *законовъ мѣста* ихъ *совершенія*, кто бы ни былъ преступникъ или жертва его дѣянія. Въ случаѣ нарушенія правъ нѣсколькихъ государствъ, преимущество дается законамъ того изъ нихъ, на территоріи котораго будетъ задержанъ виновный. Но если онъ укрылся въ какое-либо третье государство, компетентными считаются суды того, которое ранѣе другихъ потребовало его выдачи. Въ указанныхъ случаяхъ если виновнымъ будетъ одно лицо, оно подлежитъ одному суду, примѣняющему къ нему наиболѣе строгое наказаніе въ силу различныхъ *) нарушенныхъ имъ уголовныхъ законовъ. Если это наиболѣе строгое наказаніе не допускается по законамъ мѣста совершенія преступленія, примѣняется слѣдующее за этимъ, по строгости, наказаніе. Каждое изъ договаривающихся государствъ вольно изгнать по своимъ законамъ того, кто совершилъ на какой-либо территоріи преступленіе, влекущее за собой выдачу, и послѣ того какъ власти послѣдняго государства не послѣдовали его приглашенію и не привлекли виновнаго къ отвѣту. Преступленія, совершонныя въ открытомъ морѣ на военныхъ или торговыхъ судахъ, наказываются по законамъ государства, чей флагъ поднятъ на нихъ. То же правило остается въ силѣ и относительно преступленій на военныхъ корабляхъ, пребывающихъ въ территоріальныхъ водахъ иностраннаго государства. Даже если преступленіе совершено внѣ этихъ кораблей, но лицами, принадлежащими къ ихъ экипажу, или несущими на нихъ какую-либо службу, рѣшающимъ является законъ ихъ флага по всѣмъ спорамъ дисциплинарнаго характера. Если же виновными будутъ лица, не входящія въ составъ экипажа и не отправляющія на этихъ корабляхъ службы, они привлекаются къ отвѣтственности въ силу территоріальнаго закона, который простираетъ свою

*) Т.-е. различныхъ государствъ.

силу и на преступленія, совершонныя на иностранныхъ торговыхъ судахъ во время ихъ стоянки. Такимъ образомъ, территоріальному принципу тутъ дается предпочтеніе предъ закономъ флага, о чемъ сожалѣетъ Прадье-Фодере. Территоріальными водами, въ смыслѣ уголовнаго права, должно считать воды на разстояніи пяти миль отъ береговъ твердой земли или острововъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ государствамъ. Виновные въ пиратствѣ подсудны государству, захватившему ихъ въ свои руки. Опредѣленіе давностныхъ сроковъ зависитъ отъ законовъ страны, гдѣ происходитъ разслѣдованіе преступленія.

Выдача преступниковъ можетъ совершаться только на основаніи твердыхъ правилъ, вводимыхъ настоящими договорами. Лицамъ, преслѣдуемымъ за политическія преступленія, дается полная неприкосновенность, но государство, на территорію котораго они укрылись, обязано принять мѣры къ тому, чтобъ они не угрожали болѣе безопасности страны, противъ которой они провинились. За зданіемъ посольства не признается право убѣжища; исключеніе тутъ составляютъ политическіе преступники, но если послѣдніе въ нихъ укрылись, глава дипломатической миссіи долженъ немедленно о томъ донести акредитовавшему его правительству, которое уже въ свою очередь можетъ потребовать удаленія преслѣдуемаго съ отечественной территоріи въ возможно краткій срокъ. Ручательствъ въ такомъ удаленіи можетъ потребовать и посланникъ, съ оговорками, чтобы личная неприкосновенность преслѣдуемаго была уважена. Дезертиры съ военныхъ судовъ, находящихся въ территоріальныхъ водахъ какого-либо государства, выдаются, независимо отъ ихъ національности, мѣстными властями по требованію посланника, или, за отсутствіемъ его, консула, лишь только будетъ удостовѣрена ихъ личность.

Для того, чтобы выдача была возможна, необходимы слѣдующія условія: 1) чтобы государство, требующее ее, имѣло право судить данное преступное дѣяніе; 2) чтобъ это дѣяніе, по природѣ своей или тяжести, оправдывало выдачу; 3) чтобъ оно не было погашено давностью въ силу мѣстныхъ законовъ; 4) чтобы требующее правительство представило всѣ, по его законамъ, необходимые документы для задержанія или привлеченія къ суду обвиняемаго, и 5) чтобъ онъ не былъ уже наказанъ за то же самое дѣяніе.

Вопросъ о подданствѣ лица не оказываетъ дѣйствія на выдачу. Она допускается за такія дѣянія, которымъ, по законамъ требующаго государства, угрожаютъ: для обвиняемыхъ двухлѣтнее лишеніе свободы (или соотвѣтствующее тому наказаніе), а для осужденныхъ то же лишеніе въ продолженіе по меньшей мѣрѣ года.

Не подлежатъ выдачѣ виновные: въ дуэли, въ прелюбодѣяніи, въ оскорбленіяхъ и въ клеветахъ, а равно въ религіозныхъ преступленіяхъ. Совершившіе преступленіе противъ общаго права, въ связи съ однимъ изъ этихъ перечисленныхъ, выдаются. Не выдаются далѣе: виновные въ политическихъ преступленіяхъ, или вообще въ нарушеніи внутренней или внѣш-

ней безопасности какого-либо государства, а также въ дѣяніяхъ, связанныхъ съ ними *).

Опредѣленіе этихъ преступленій (т.-е. отнесеніе ихъ къ одной или другой категоріи) зависитъ отъ государства, производящаго выдачу, но сообразно съ закономъ, наиболѣе благопріятнымъ для обвиняемаго.

Всѣ эти постановленія,—замѣчаетъ Прадье-Фодере,—носятъ высоко-гуманный и строго-американскій характеръ, вполнѣ соотвѣтствуя практикѣ, установившейся на этотъ счетъ въ Новомъ Свѣтѣ. Дѣянія, вызывающія выдачу, опредѣляются не путемъ ихъ перечисленія, а исключенія (тѣхъ, которыя къ выдачѣ вести не должны) **). Эту же систему рекомендуетъ для будущихъ трактатовъ засѣдавшій (въ іюнѣ 1890 года) въ Петербургѣ четвертый международный пенитенціарный конгрессъ.

Въ случаѣ совпаденія, со стороны нѣсколькихъ государствъ, просьбъ о выдачѣ одного и того же лица за различныя преступленія, правительство просимое даетъ предпочтеніе тому, на чьей территоріи совершено наиболѣе тяжкое дѣяніе, а если этотъ признакъ равенъ—тому, чья просьба поступила ранѣе; въ случаѣ, наконецъ, одновременности просьбъ, оно само опредѣляетъ порядокъ выдачи. Если обвиняемый подлежитъ смертной казни, государство, имѣющее учинить выдачу, можетъ потребовать замѣны ему этого наказанія другимъ, ближайшаго разряда. Не менѣе обстоятельны и статьи о процедурѣ выдачи. Указывается на документы, которыми должна подкрѣпляться просьба о таковой, на вызываемыя ею издержки и на способъ ея совершенія. Обвиняемый имѣетъ право оспаривать распоряженіе о его выдачѣ на основаніи: 1) ошибки въ его личности; 2) формальной недостаточности представленныхъ о немъ документовъ и 3) неосновательности самого требованія объ его выдачѣ. Разсмотрѣніе вопросовъ, связанныхъ съ рѣшеніемъ выдачи, представляется суду съ указаніемъ ему сроковъ, вообще краткихъ. Если доставка обвиняемаго должна совершиться сухимъ путемъ, государство, его выдающее, препровождаетъ его къ пункту наиболѣе удобному своей границы; если путь предстоитъ водой, оно сдаетъ его въ ближайшемъ портѣ агентамъ требовавшаго его правительства. Во

---

*) Хотя бы это были общія преступленія (délits communs).

**) По его мнѣнію, желательно, чтобы законы отдѣльныхъ государствъ приняли принципъ выдачи, какъ общее правило, но подъ условіемъ, чтобы каждое изъ нихъ имѣло право установлять всѣ ограниченія, которыя оно найдетъ необходимыми.

Нельзя не пожалѣть, что одна изъ секцій конгресса, правда, *пока лишь для настоящаго времени,* сочла безполезнымъ попытку ввести въ международныя конвенціи *однообразныя наименованія преступныхъ дѣяній.* Эта резолюція опиралась на мнѣнія: Ламмаша, Брузы, Старке, Таганцева и Спасовича (докладчика по этому вопросу). Лишь одинъ Рено поддерживалъ противное резолюціи мнѣніе. А, между тѣмъ, въ наукѣ оно представляется наиболѣе вѣрною цѣлью и осуществимою, разъ въ конвенціяхъ утвердится французская рѣчь и номенклатура.

При голосованіи въ секціи за предложеніе Рено высказалось 37 голосовъ противъ 49. Но конгрессъ, въ общемъ собраніи, хотя и принялъ рѣшеніе секціи, высказался, однако, и за „пожеланіе" Рено значительнымъ большинствомъ голосовъ.

всякомъ случаѣ, эти агенты, въ видахъ безопасности, могутъ сопровождать выдаваемаго, но сами они должны повиноваться властямъ государства выдающаго или того, чрезъ владѣнія котораго будетъ лежать ихъ путь. Если при доставкѣ выдаваемаго придется направиться чрезъ территорію третьяго, непричастнаго государства, оно должно дать разрѣшеніе на проѣздъ, если ему будетъ предъявленъ дипломатическимъ путемъ приказъ о выдачѣ со стороны правительства, его издавшаго.

Гораздо обширнѣе договоръ, посвященный *гражданскому международному праву*. Касаясь всѣхъ отдѣловъ частнаго права, онъ не даетъ намъ, какъ думали нѣкоторые ошибочно, объединенія законодательствъ южно-американскихъ республикъ, или типа единаго образцоваго закона, а указываетъ для каждаго конкретнаго юридическаго отношенія на тотъ положительный законъ, который къ нему долженъ примѣняться въ силу самой природы этого отношенія. Такая задача не представляетъ въ Америкѣ столько затрудненій, какъ въ Европѣ, гдѣ существуетъ еще много глубокихъ различій и противорѣчій между отдѣльными національными законодательствами, въ ней господствующими. Испанское право и вынесенные изъ него обычаи и традиціи лежатъ въ основаніи юридическаго строя латинскихъ республикъ, съ нѣкоторыми, конечно, измѣненіями и заимствованіями изъ правъ другихъ европейскихъ народовъ. При всемъ томъ попытка, сдѣланная въ Монтевидео, не лишена интереса и для европейскихъ юристовъ.

Трактатъ, нами теперь разбираемый, построенъ на принципѣ закона *мѣстожительства* лица. Этому принципу дано преимущество надъ *національнымъ* закономъ, получающимъ все бóльшую распространенность въ Европѣ и который хотѣлъ ввести и въ Америку юридическій съѣздъ въ Лимѣ (1877—78 гг.). На такое рѣшеніе, вѣроятно, болѣе всего повліяло указанное сходство и близость между законодательствами въ Америкѣ. Какъ бы то ни было, но рѣшающими нормами являются законы: мѣстожительства, нахожденія имуществъ, движимыхъ или недвижимыхъ, исполненія обязательствъ и т. д. Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Правоспособность лица опредѣляется законами его мѣстожительства. Государство, какъ юридическое лицо, можетъ пріобрѣтать права и вступать въ обязательства на территоріи другаго сообразно съ законами послѣдняго. Правоспособность юридическихъ лицъ частно-правовыхъ опредѣляется законами страны, гдѣ они получили признаніе. Достигнувъ этого, они могутъ осуществлять всѣ свои права и внѣ мѣста своего учрежденія, но, преслѣдуя собственно свои спеціальныя задачи, они обязаны подчиняться мѣстнымъ законамъ. Если мѣстожительство (domicile) лица неизвѣстно, рѣшающимъ является его мѣстопребываніе (résidence).

Условія для вступленія въ бракъ, личныя и формальныя, управляются законами мѣста его совершенія. Но слѣдующія обстоятельства лишаютъ бракъ дѣйствительности: 1) ненаступленіе законнаго возраста (14 лѣтъ для мужчинъ и 12—для женщинъ); 2) существованіе родства или свойства (независимо отъ законной или незаконной связи между лицами); 3) убій-

ство одного изъ супруговъ, въ качествѣ ли главнаго преступника, или пособника, для вступленія въ бракъ съ другимъ, и 4) существованіе брака, законно еще не расторгнутаго.

Личныя отношенія между супругами опредѣляются по законамъ ихъ супружескаго мѣстожительства (domicile matrimonial, conjugal). Послѣднее избирается супругами съ общаго ихъ согласія до вступленія въ бракъ или таковымъ считается мѣстожительство мужа въ моментъ совершенія брака. Эти законы рѣшаютъ и вопросы о разлученіи супруговъ, и о расторженіи ихъ брака, если, впрочемъ, приводимые мотивы допускаются законами мѣста его совершенія. То же относится и къ имуществамъ супруговъ, если тому не противорѣчатъ брачные договоры или законы мѣста нахожденія самихъ имуществъ.

Все, что относится до имуществъ, движимыхъ и недвижимыхъ, какъ сказано, рѣшается по законамъ мѣста ихъ нахожденія; все, что касается обязательствъ, по законамъ мѣста ихъ исполненія. Исключеніе представляютъ публичные акты, долженствующіе отвѣчать формальнымъ требованіямъ закона мѣста ихъ совершенія, но частныя обязательства подъ это изъятіе не подходятъ. Вопросы, относящіеся къ наслѣдованіямъ, по закону или по завѣщаніямъ, опредѣляются по законамъ мѣста нахожденія наслѣдуемыхъ имуществъ въ моментъ смерти наслѣдователя. Однако, завѣщаніе, совершонное нотаріальнымъ порядкомъ въ одномъ какомъ-либо государствѣ, признается дѣйствительнымъ во всѣхъ остальныхъ. Долги, оставленные умершимъ въ одномъ изъ государствъ, должны быть уплачены ранѣе другихъ изъ имущества его, находящагося на этой территоріи. Въ случаѣ недостаточности этого имущества, кредиторы его пользуются правомъ на удовлетвореніе своихъ требованій изъ его имущества, находящагося за границею въ извѣстной пропорціи и безъ ущерба праву на преимущество тамошнихъ кредиторовъ. Личные иски должны быть вчинаемы тамъ, гдѣ дѣйствуетъ законъ, управляющій даннымъ спорнымъ юридическимъ отношеніемъ, или же предъ судомъ мѣстожительства отвѣтчика. Иски, касающіеся имущества, слѣдуетъ вести тамъ, гдѣ находится спорное имущество, и это правило распространяется и на тяжбы изъ-за наслѣдствъ.

Договоръ по *судопроизводству* установляетъ условія взаимнаго содѣйствія между судами различныхъ государствъ. Законная сила доказательствъ обсуждается по закону, которому подлежитъ спорное юридическое отношеніе. Не допускаются лишь тѣ виды доказательствъ, которые не разрѣшены закономъ мѣста веденія процесса. Удостовѣреніе актовъ и документовъ должно совершаться по формѣ, предписанной мѣстными законами, и быть засвидѣтельствовано посланникомъ или консуломъ государства, на территоріи котораго они должны произвести свое дѣйствіе. Рѣшенія судовъ по гражданскимъ и торговымъ дѣламъ, состоявшіяся въ одномъ государствѣ, подлежатъ исполненію въ остальныхъ при наличности слѣдующихъ условій: 1) компетентности самого суда съ международной точки зрѣнія; 2) вступленія рѣшенія, на мѣстѣ его изданія, въ законную силу; 3) выслушанія

стороны, противъ которой рѣшеніе состоялось, по всѣмъ требованіямъ закона, или объявленія ея несостоятельною по законамъ страны, гдѣ дѣло разбиралось, и 4) ненарушенія законовъ публичнаго характера страны, гдѣ рѣшеніе должно быть исполнено. Также всѣ дѣйствія добровольной юрисдикціи удерживаютъ свою силу и значеніе независимо отъ политическихъ границъ, если они соотвѣтствуютъ условіямъ настоящаго трактата. Онъ говоритъ далѣе о прямыхъ сношеніяхъ между судами независимыхъ государствъ, о выполненіи ими взаимныхъ порученій въ видахъ лучшаго отправленія правосудія и о документахъ, которые имъ приходится предъявлять другъ другу.

Трактатъ объ *охранѣ авторскаго права* даетъ широкія права *писателямъ* и *художникамъ*. Достойно вниманія, что, превосходя въ этомъ отношеніи льготныя постановленія бернской конвенціи 1886 г., установившей литературную унію въ Европѣ, трактатъ этотъ соотвѣтствуетъ господствующему нынѣ теченію идей на Западѣ, какъ онѣ высказались весьма рельефно и въ одномъ и томъ же направленіи на трехъ различныхъ съѣздахъ въ 1889 году все по тому же авторскому праву *).

Подъ понятіе этого права подведены безразлично *всѣ произведенія человѣческой мысли*, относятся ли они къ области наукъ, литературы или искусствъ и независимо отъ *внѣшнихъ формъ* ихъ проявленія или созданія. Поэтому не исключены произведенія фотографіи, музыкальныя и хореографіи. Защита, даваемая автору и его наслѣдникамъ въ одномъ государствѣ, остается въ такой же силѣ на территоріи всѣхъ остальныхъ. Впрочемъ, каждое правительство охраняетъ иностранныхъ авторовъ на такой же срокъ, какъ и отечественныхъ, и если этотъ срокъ болѣе кратокъ въ какомъ-либо иностранномъ государствѣ, оно и сообразуется съ нимъ при охранѣ произведеній, тамъ впервые явившихся. Право автора на переводы своихъ сочиненій не ограничивается никакими условіями, а переводчики сочиненій, не охраняемыхъ закономъ или уже вышедшихъ изъ охранительнаго срока, пользуются правами авторовъ по отношенію къ сдѣланнымъ ими переводамъ, но не могутъ воспрепятствовать другимъ переводамъ того же самаго сочиненія. Статьи изъ журналовъ могутъ быть воспроизводимы, съ указаніемъ источниковъ, откуда онѣ взяты. Исключаются, однако, такія работы по наукамъ или искусствамъ, авторы которыхъ прямо запретили ихъ воспроизведеніе. Рѣчи, произнесенныя въ публичныхъ собраніяхъ (въ палатахъ, судахъ и т. п.), могутъ быть оглашаемы въ періодической печати безъ всякаго разрѣшенія (т.-е. со стороны ихъ авторовъ). Всякія передѣлки (adaptations) или видоизмѣненія произведенія, не отмѣченныя оригинальностью, воспрещаются. Нарушенія авторскаго пра-

---

*) Это съѣзды въ Парижѣ: „de la Société des gens de lettres“ (съ 20—27 іюня), „de la prорriété artistique“ (25—31 іюля) и конференція въ Бернѣ „pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques“ (5—9 окт.). Тексты ихъ рѣшеній напечатаны въ *Revue de dr. intern.* 1890, р. 86, 90 и 99, и ихъ интересно сравнить съ бернскою конвенціей—съ одной стороны, съ трактатомъ Монтевидео—съ другой.

ва обсуждаются по законамъ страны, гдѣ они совершены. Каждое правительство можетъ воспрепятствовать распространенію произведеній, которыя оно считаетъ противными нравственности и добрымъ нравамъ.

Прадье-Фодере полагаетъ, что европейскія правительства поступили бы хорошо, если бы они воспользовались тѣмъ, что протоколы этихъ трактатовъ открыты, и присоединились бы къ послѣднему договору въ интересахъ собственныхъ гражданъ.

Конвенція о *занятіяхъ либеральными профессіями* восполняетъ важный пробѣлъ, донынѣ существовавшій въ законахъ южно-американскихъ республикъ. При общности программъ и устройства ихъ университетовъ и высшихъ училищъ, было странно, что лицо, удостоенное на территоріи одной изъ нихъ научной степени, не могло, за ея предѣлами, пользоваться соединенными съ этою степенью правами и преимуществами. На съѣздѣ въ Монтевидео постановлено, что туземцы или иностранцы, получившіе въ одномъ изъ договаривающихся государствъ отъ компетентной власти ученую степень или дипломъ, признаются въ этомъ званіи повсюду въ остальныхъ государствахъ, лишь бы они могли законно удостовѣрить свою личность и выданное имъ отличіе. Нельзя не подивиться воздержанію отъ присоединенія къ этому акту со стороны Бразиліи и Чили, тѣмъ болѣе,— говоритъ Прадье-Фодере, — что университетъ послѣдняго не можетъ соперничать въ научномъ отношеніи съ университетами Буэносъ-Айреса и Лимы.

Наконецъ, заслуживаютъ полнаго вниманія и правила *заключительнаго протокола*: законы участвующихъ государствъ примѣняются къ лицамъ совершенно безотносительно къ ихъ національности (будутъ ли то туземцы, или иностранцы); примѣненіе это дѣлается ex officio самимъ судомъ, разбирающимъ данное дѣло; всѣ судебныя средства (обжалованія, пересмотръ рѣшенія), представляемыя тяжущимся по законамъ мѣста веденія дѣла, могутъ быть взяты и изъ законовъ другихъ контрагентовъ; примѣненіе иностранныхъ законовъ не допускается, если они противорѣчатъ мѣстнымъ политическимъ порядкамъ, публичнымъ законамъ или добрымъ нравамъ; правительства сообщаютъ другъ другу, въ двухъ экземплярахъ, всѣ дѣйствующіе у нихъ законы и всѣ имѣющіе быть ими изданными, въ оффиціальныхъ текстахъ.

Работа съѣзда въ Монтевидео,—замѣчаетъ Прадье-Фодере,—не можетъ не быть отнесена къ самымъ примѣчательнымъ явленіямъ въ жизни Южной Америки въ нашемъ столѣтіи. Представители разныхъ ея народовъ старались соединить свои усилія, чтобы проложить путь къ установленію *общаго* между ними *права*. Великая идея, останавливающая на себѣ вниманіе всѣхъ, занимающихся вопросами частнаго международнаго права, скажемъ болѣе—даже каждаго благороднаго сердца, помышляющаго объ укрѣпленіи мира между правительствами и сосласія между народами.

IV.

Той же цѣли укрѣпленія мира и добрыхъ сношеній между государствами, но въ иной политической области, послужила конференція, происходившая въ Берлинѣ 30 апрѣля 1889 г. по поводу спора между Германіею, Англіею и Соединенными Штатами изъ-за преобладанія надъ островами Самоа въ Тихомъ Океанѣ *).

Одною изъ чертъ, наиболѣе отличающихъ внѣшнюю политику государствъ въ наши дни, является оживленіе *колоніальныхъ* дѣлъ и предпріятій. Открывая колоніальный конгрессъ въ Парижѣ въ іюлѣ 1889 г., Барбе не безъ основанія поставилъ на видъ тѣ особенности, которыя болѣе всего отличаютъ современную колоніальную политику державъ отъ политики прежнихъ вѣковъ: стремленіе отмѣнить повсюду рабство и торговлю людьми низшей расы, постепенное введеніе принциповъ экономической свободы и заселеніе отдаленныхъ заморскихъ странъ бѣлыми людьми **).

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одну черту: старанія правительствъ рѣшать возникающія изъ-за внѣевропейскихъ владѣній несогласія путемъ общихъ соглашеній и конференцій. Это своего рода уваженіе, оказываемое праву со стороны силы. Примѣрами, подтверждающими нашу мысль, являются: извѣстная конференція въ Берлинѣ 1885 г. по поводу странъ, орошаемыхъ Конго и Нигеромъ, и конференція въ томъ же городѣ 1889 г., занявшаяся островами другаго главнаго, для современныхъ колоніальныхъ предпріятій, материка Австраліи. Она окончила свои занятія 14 іюля и выработанный ею трактатъ важенъ не столько по своему содержанію, но именно какъ прецедентъ.

Острова Самоа признаются независимыми и нейтрализованными, а гражданамъ трехъ державъ-участницъ въ этомъ договорѣ предоставляются тамъ

---

*) *Rolin-Jaequemyns*: „Chronique des conférences juridiques internationales de 1889“. Назв. *Revue* 1890, p. 83—101.

**) Нельзя не отмѣтить постановленія этого съѣзда: „передвиженіе лицъ (эмиграція и иммиграція), разсматриваемое само по себѣ и внѣ всякихъ анормальныхъ условій, лежитъ въ интересахъ государствъ и частныхъ лицъ; правительства не должны прямо вмѣшиваться въ эти передвиженія, а лишь доставлять эмигрантамъ нужныя имъ свѣдѣнія и защиту“.

Въ пожеланіяхъ, присоединенныхъ къ этимъ резолюціямъ, съѣздъ рекомендуетъ: установленіе обществъ, которыя служили бы живою связью между страною, высылающею и принимающею переселенцевъ, и которыя, имѣя закономъ признанное существованіе, дѣйствовали бы по отношенію къ послѣднимъ безвозмездно и исключительно въ интересахъ помощи и человѣколюбія; регулированіе между колонистами поземельныхъ отношеній сообразно съ актомъ Торренса и рѣшеніе вообще государствами на новой конференціи вопроса о способахъ и мѣрѣ защиты эмигрантовъ.

Актъ Торренса, впервые введенный въ Австраліи, признаетъ собственникомъ земли того, чье имя, какъ владѣльца, занесено въ публичный регистръ (registration of title). Эта имматрикуляція служитъ выразительницею недвижимой собственности, какъ деньги—богатства. Ср. объ этомъ интересную книгу *Worms*: „La propriété consolidée ou tableau historique et critique de tous les systèmes les plus propres à la sauvegarde de la propriété foncière et de ses demembrements“. 1888.

равныя права. Маніетоа признается царемъ. Учреждается верховный судъ, президентъ котораго назначается договаривающимися сторонами. Въ случаѣ разногласія между ними, назначеніе это исходитъ отъ короля Швеціи. Верховный судъ, рѣшенія котораго обязательны для всѣхъ жителей Самоа, наблюдаетъ за примѣненіемъ настоящаго акта, вѣдаетъ споры, возникающіе изъ выбора царя или иныхъ правителей, разсматриваетъ основательность ссылокъ, со стороны послѣднихъ, на законодательныя распоряженія и является высшею третейскою инстанціей между однимъ изъ контрагентовъ и Самоа. Наконецъ, президентъ можетъ предлагать правительству послѣдняго введеніе такихъ законовъ, которые, по его мнѣнію, справедливы и дѣйствительны для наказанія или предупрежденія преступленій, для установленія общественнаго порядка и лучшаго взиманія податей. Остальныя статьи носятъ уже мѣстный характеръ: въ нихъ ограничивается право туземцевъ отчуждать свои земли, говорится о регистраціи поземельныхъ участковъ, о взиманіи пошлинъ и налоговъ и объ ограниченіи торговли спиртными напитками и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Трактатъ, въ видѣ опыта, заключенъ на три года.

Въ колоніальной политикѣ современныя государства стремятся наперерывъ другъ передъ другомъ завладѣть, въ той или иной формѣ, обширными новыми землями въ Африкѣ и въ Австраліи. Нельзя этому движенію отказать въ извѣстной внутренней законности, если принять въ соображеніе: усиливающуюся густоту населенія въ самой Европѣ, стремленія американцевъ признать свой обширный материкъ только ихъ исключительнымъ достояніемъ, наконецъ, плачевное полудикое положеніе людей черной и малайской расы, коснѣющихъ вѣка въ чисто-животной жизни на земляхъ, которыя, при умѣньѣ и энергіи бѣлаго человѣка, быть можетъ, превратятся современемъ въ настоящія житницы.

Сочувствуя, по указаннымъ причинамъ, колоніальному движенію, мы, однако, дѣлаемъ двѣ существенныя оговорки: необходимо, чтобы европейцы имѣли въ виду и благо туземцевъ, принадлежащихъ къ такъ называемымъ низшимъ расамъ. Недостаточно отмѣнять тамъ рабство, надо противодѣйствовать систематическому спаиванію туземцевъ или отравленію опіумомъ, и прививать къ нимъ хорошія идеи нашей цивилизаціи, безъ насилій, а постепенно и съ бо́льшимъ умѣньемъ и терпѣніемъ. Во-вторыхъ, необходимо, чтобы европейскія державы разграничивали тамъ сферы ихъ дѣйствія полюбовно и на основаніи полнаго уваженія къ правамъ и интересамъ каждой изъ нихъ и къ принципамъ международнаго права. Въ сущности, онѣ всѣ имѣютъ одну высшую и общую цѣль, и чѣмъ болѣе онѣ, въ своей колоніальной политикѣ, будутъ дѣйствовать дружно и сообразно съ идеями справедливости и мира, тѣмъ благотворнѣе будетъ эта политика для всѣхъ.

Гр. Л. Камаровскій.

Очеркъ общинныхъ порядковъ Ишимскаго округа, Тобольской губерніи.

I.

Произведенное въ 1887 и 1888 годахъ, по порученію министерства государственныхъ имуществъ, изслѣдованіе выяснило, что Ишимскій округъ, являясь въ полномъ своемъ составѣ мѣстностью земледѣльческо-скотоводческаго характера съ ясно выраженнымъ преобладающимъ значеніемъ земледѣлія, на основаніи различій въ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ условіяхъ, можетъ быть распредѣленъ на четыре крупныхъ района. Краткая характеристика каждаго изъ нихъ выразится такъ:

Первый районъ (два участка въ юго-западной части округа: одинъ, прилегающій къ границѣ Курганскаго округа, другой небольшой—по лѣвому берегу Ишима) характеризуется среднимъ урожаемъ пищевыхъ хлѣбовъ въ 70 пудовъ съ десятины и преобладаніемъ въ посѣвахъ пшеницы, занимающей $^2/_5$ (и даже мѣстами болѣе) всей засѣянной площади; хлѣбопашество съ избыткомъ вознаграждаетъ хозяина за затраченныя деньги или трудъ и съ избыткомъ же обезпечиваетъ продовольствіе населенія и даетъ средства для покрытія лежащихъ на немъ платежей; скотоводство очень обширно (въ среднемъ $3_{,6}$ рабочихъ лошадей, $2_{,6}$ дойныхъ коровъ и $9_{,9}$ овецъ на дворъ); заработная плата весьма высока, и потому разсматриваемыя мѣстности привлекаютъ рабочія руки изъ другихъ частей округа и даже изъ-за предѣловъ послѣдняго; арендная цѣнность душевыхъ надѣловъ вездѣ превышаетъ общій размѣръ душевыхъ платежей. Недоимка по окладнымъ сборамъ въ 1887 г. составляла 1 р. 28 к. на ревизскую душу. Общее положеніе населенія можетъ быть признано весьма благопріятнымъ.

Второй районъ (за исключеніемъ трехъ небольшихъ участковъ, всѣ мѣстности юго-западной части округа, не вошедшія въ составъ перваго района) составляютъ мѣстности со среднимъ урожаемъ пищевыхъ хлѣбовъ въ 60 пудовъ съ десятины; преобладаніе въ сѣвооборотѣ пшеницы хотя замѣчается и здѣсь, но оно далеко не столь рѣзко выражено, какъ

въ первомъ районѣ; хлѣбопашество въ общемъ только съ самымъ незначительнымъ избыткомъ оплачиваетъ затрачиваемыя деньги и трудъ; оно было бы вполнѣ способно дать населенію продовольствіе и средства для исправной уплаты всѣхъ сборовъ, но, благодаря крайне невыгоднымъ условіямъ рынка и происходящимъ отсюда рѣзкимъ колебаніямъ цѣнъ на хлѣбъ, въ общемъ выводѣ за урожайные и неурожайные года не вполнѣ удовлетворяетъ этимъ потребностямъ; спросъ на рабочія руки, вообще говоря, не вполнѣ уравновѣшиваетъ предложеніе ихъ, и только при неурожаяхъ замѣчается движеніе на отхожіе заработки; заработная плата ниже, чѣмъ въ первомъ районѣ, но выше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ; арендная цѣнность душевыхъ надѣловъ почти вездѣ соотвѣтствуетъ размѣру платежей. Податная недоимка составляетъ 2 р. 81 к. на ревизскую душу. Общее положеніе населенія можно признать удовлетворительнымъ.

Третій, самый обширный районъ (правый берегъ Ишима вверхъ по теченію отъ поворота у с. Абатскаго; лѣвый берегъ—ниже окружнаго города; побережье Емца и 3 небольшихъ участка въ юго-западной части округа), характеризуется среднимъ урожаемъ пшеницы въ 40—50 пудовъ съ десятины и повсемѣстно замѣтнымъ вытѣсненіемъ этого хлѣба ржаными хлѣбами, которые играютъ здѣсь преобладающую роль въ хозяйствѣ и даютъ гораздо лучшіе урожаи. Благодаря этому обстоятельству, въ связи съ значительно низшимъ размѣромъ заработной платы, хлѣбопашество и здѣсь не убыточно; оно вполнѣ способно обезпечить продовольствіе населенія и можетъ дать ему нѣкоторую часть средствъ, необходимыхъ для покрытія платежей; вслѣдствіе этого, хотя здѣсь и замѣчается нѣкоторый избытокъ въ рабочихъ рукахъ, но движеніе на отхожіе заработки при среднихъ урожаяхъ, вообще говоря, незначительно, а въ мѣстностяхъ, лежащихъ по лѣвому берегу Ишима, такого движенія и вовсе не замѣчается. Арендная цѣнность душевыхъ надѣловъ въ названныхъ только что мѣстностяхъ, равно какъ и въ при - емцкихъ волостяхъ, оплачиваетъ только окладные казенные сборы, въ остальныхъ частяхъ района не покрываетъ и ихъ. Средній размѣръ недоимки превышаетъ размѣръ годоваго оклада податей, составляя 6 р. 3 к. на ревизскую душу.

Наконецъ, въ *четвертомъ* районѣ (сѣверо-западная часть округа и правый берегъ Ишима ниже с. Абатскаго) пшеница при среднемъ урожаѣ даетъ не болѣе, чѣмъ зерно на зерно; посѣвы ея совершенно ничтожны, и даже ржаные хлѣба мѣстами начинаютъ вытѣсняться ячменемъ; хлѣбопашество при пользованіи наемнымъ трудомъ даетъ значительные убытки и далеко не обезпечиваетъ продовольствія населенія; отсюда сильное движеніе на отхожіе заработки (при худыхъ урожаяхъ изъ этой мѣстности уходитъ до половины населенія), большое развитіе нищенства и начинающее уже проявляться стремленіе къ выселенію; арендная цѣнность земли совершенно ничтожна, такъ что платежи почти цѣликомъ ложатся на трудъ населенія; средній размѣръ недоимки вдвое превышаетъ податной окладъ и составляетъ 11 р. 4 к. на ревизскую душу. Словомъ, общее положеніе

населенія должно быть признано въ высшей степени неудовлетворительнымъ: мѣстности IV района переживаютъ въ настоящее время тяжелый кризисъ, являющійся результатомъ крайняго истощенія земли и могущій разрѣшиться только переходомъ къ совершенно инымъ способамъ хозяйства, чѣмъ примѣняемые нынѣ.

II.

До послѣдняго времени единственнымъ основаніемъ разверстки податнаго оклада между отдѣльными домохозяйствами служили ревизіи: съ 1859 года каждый домохозяинъ, несмотря ни на какія измѣненія въ рабочемъ и потребительномъ составѣ своей семьи, платилъ подати за всѣ души, числившіяся въ этой семьѣ по сказкамъ X ревизіи. Если вымирала цѣлая семья, то всѣ числившіяся на ней платежныя души «принимались на общество». Неудобства этого порядка проявлялись въ двухъ главныхъ направленіяхъ: въ бѣдныхъ, надѣленныхъ плохими и малоцѣнными угодьями общинахъ (слѣдовательно, въ мѣстностяхъ четвертаго и отчасти третьяго районовъ), болѣе всего давала себя чувствовать тягость платежей за «мертвыя души», ложившихся на съ каждымъ годомъ уменьшавшееся число оставшихся въ живыхъ плательщиковъ; напротивъ, въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ къ первому и отчасти ко второму району, неудовольствіе шло со стороны домохозяйствъ, возникшихъ или разросшихся послѣ X ревизіи и не получавшихъ соотвѣтственнаго ихъ наличному составу числа душевыхъ надѣловъ. Только введенныя въ Тобольской губерніи съ 1884 года крестьянскія учрежденія разъяснили крестьянамъ истинное значеніе ревизій въ податномъ дѣлѣ и право сельскихъ обществъ «самимъ... дѣлать раскладку... податей и другихъ денежныхъ сборовъ и повинностей на наличныя души» (*Журн. тоб. губ. совѣта по крестьянскимъ дѣламъ*, 3 ноября 1884 г., № 783). Разъясненіе это въ связи съ давленіемъ, оказаннымъ чиновниками по крестьянскимъ дѣламъ, повсемѣстно вызвало «новыя располо́жки» податнаго оклада, произведенныя въ 1884—1887 годахъ.

Разсматривая податныя раскладки, произведенныя въ разныхъ мѣстностяхъ Ишимскаго округа, мы встрѣчаемся съ двумя взаимно-противуположными принципами: съ принципомъ *добровольнаго* поверстанія и съ принципомъ *принудительной навалки* душевыхъ окладовъ.

Система поверстанія по доброй волѣ заинтересованныхъ домохозяевъ, поверстанія «съ воли», «по изможенію», примѣнима, конечно, только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ арендная цѣнность совокупности угодій и правъ, входящихъ въ составъ душеваго надѣла, не ниже суммы душевыхъ платежей; гдѣ первая величина меньше послѣдней, тамъ всякій домохозяинъ, очевидно, предпочтетъ арендовать нужныя ему угодья подесятинно или инымъ способомъ, и, слѣдовательно, при добровольномъ порядкѣ закладки вовсе не окажется желающихъ поверстаться въ окладъ. Порядокъ раскладки на *желающихъ* господствуетъ во всемъ первомъ, лучшемъ районѣ; далѣе—

во всѣхъ лучшихъ селеніяхъ втораго района, выдающихся по качеству состоящихъ въ ихъ пользованіи угодій или по высокой степени благосостоянія населенія; наконецъ, въ сѣверной половинѣ округа мы встрѣчаемъ тотъ же порядокъ раскладки по лѣвому берегу рѣки Ишима и въ при-емцкой мѣстности, т.-е. именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ цѣнность душеваго надѣла соотвѣтствуетъ суммѣ податнаго оклада.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ въ окладъ верстаютъ однихъ только желающихъ, выдѣляется рядъ общинъ, которыя такъ или иначе *ограничиваютъ* составъ допускаемыхъ къ поверстанію лицъ, а именно не разрѣшаютъ «вписывать въ подать» лицъ, не достигшихъ опредѣленнаго начальнаго возраста, въ однихъ общинахъ годичнаго, въ другихъ — пяти, десяти и даже семнадцати - лѣтняго. Едва ли можно сомнѣваться, что возникновеніе разсматриваемыхъ ограниченій должно быть приписано вліянію малосемейныхъ хозяевъ, желавшихъ этимъ путемъ уменьшить общее число раскладочныхъ душъ въ общинѣ и, слѣдовательно, добиться увеличенія размѣра душевыхъ надѣловъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ перваго и втораго районовъ, гдѣ раскладка податнаго оклада совершилась по добровольному принципу, число раскладныхъ душъ почти вездѣ превысило число ревизскихъ душъ, значащихся по окладному листу; обратное явленіе мы видимъ только въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ общинъ, гдѣ составъ лицъ, допускавшихся къ поверстанію въ окладъ, былъ ограниченъ какимъ-либо начальнымъ возрастомъ; въ томъ и другомъ случаѣ размѣръ раскладочнаго душеваго оклада получался путемъ дѣленія всей слѣдующей съ общины податной суммы на общее число раскладочныхъ душъ, и на тѣ же души положено было раскладывать и всѣ мірскіе сборы (кромѣ, въ нѣкоторыхъ общинахъ, той части ихъ, которая взимается по числу скота) и натуральныя повинности. Напротивъ, въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ къ сѣверной части округа, мірскіе сборы и натуральныя повинности повсемѣстно раскладываются на «годныхъ» работниковъ, по мѣстному выраженію—«на лукà»; вмѣстѣ съ тѣмъ, число записанныхъ въ окладъ по общинной раскладкѣ душъ почти нигдѣ не достигло числа душъ, значащихся по окладному листу; платежи за «души на обществѣ», то-есть за окладныя души, для замѣщенія которыхъ не хватило наличныхъ плательщиковъ, въ очень немногихъ общинахъ этой мѣстности взимаются съ тѣхъ же раскладочныхъ надѣляемыхъ землею душъ, а въ бóльшей части случаевъ раскладываются на годныхъ работниковъ или взимаются по числу скота, такъ что пользованіе душевымъ надѣломъ связано съ платежомъ одного только податнаго оклада. Смыслъ изложенныхъ фактовъ понятенъ; они вполнѣ подтверждаютъ, что въ упомянутыхъ мѣстностяхъ перваго и втораго районовъ арендная цѣнность душеваго надѣла окупаетъ не одни только окладные сборы, но полную сумму всѣхъ платежей и повинностей; напротивъ, въ названныхъ мѣстностяхъ сѣверной части округа, принадлежащихъ къ третьему району, мірскіе сборы и натуральныя повинности ложатся на трудъ и на имущество населенія, а ду-

шевой надѣлъ окупаетъ только окладные сборы; въ тѣхъ же общинахъ, гдѣ платежи за «души на обществѣ» раскладываются отдѣльно отъ податнаго оклада, цѣнность надѣла не вполнѣ соотвѣтствуетъ даже размѣру послѣдняго: плательщикъ, пользуясь количествомъ угодій, слѣдующимъ на его душу, плюсъ падающую на его долю, часть угодій, слѣдующихъ на «общественныя души» (на послѣднія душевыхъ надѣловъ не отводятъ), обязанъ за это платить только душевой окладъ *безъ* соотвѣтствующей доли причитающихся съ «общественныхъ душъ» платежей: если, напримѣръ, на 200 ревизскихъ душъ, значащихся въ общинѣ, оказалось раскладочныхъ душъ всего 150, а платежи, слѣдующіе съ остальныхъ 50 душъ, раскладываются на работниковъ или на скотъ, то это значитъ, что за $1/150$ часть всѣхъ общинныхъ угодій общинники соглашаются платить только $1/200$ часть лежащаго на всей общинѣ податнаго оклада, и, слѣдовательно, весь общинный надѣлъ окупаетъ только $150/200=3/4$ общей суммы послѣдняго.

Переходимъ теперь къ способамъ *принудительной* раскладки податнаго оклада. Здѣсь надо, прежде всего, указать на небольшое число общинъ, принадлежащихъ къ южной части округа, которыя произвели въ своей средѣ въ буквальномъ смыслѣ «новую ревизію», то-есть включили въ платежъ податей всѣхъ лицъ мужскаго пола, которыя оказались налицо въ моментъ производства раскладки; далѣе, на рядъ общинъ, которыя принудительно верстали въ окладъ только часть общинниковъ, ограничиваемую извѣстнымъ начальнымъ и извѣстнымъ предѣльнымъ возрастомъ, поверстаніе же лицъ, не достигшихъ установленнаго начальнаго и перешедшихъ предѣльный возрастъ, ставили въ зависимость отъ усмотрѣнія заинтересованныхъ домохозяевъ; предѣльный возрастъ, въ большинствѣ случаевъ, установленъ былъ 60, рѣже 70-ти лѣтній; въ качествѣ начальнаго встрѣчается 17, 16, 15, 13, 12, 10 и 5 лѣтъ.

Въ виду малой распространенности этихъ двухъ способовъ раскладки, мы на нихъ не будемъ останавливаться, а перейдемъ прямо къ наиболѣе распространенному способу принудительной раскладки, именно къ тому, при которомъ *всѣ лица, достигшія опредѣленнаго общиннаго возраста*, обязательно зачисляются въ окладъ, поверстаніе же лицъ, не достигшихъ этого возраста, предоставляется усмотрѣнію заинтересованныхъ домохозяевъ; исключеніе изъ оклада лицъ, по дряхлости, нищетѣ и т. п. причинамъ неспособныхъ «нести душу», хотя и допускается, но не иначе, какъ по особому каждый разъ рѣшенію общины («кого общество пожалѣетъ»). Возрастъ обязательнаго поверстанія въ окладъ представляется весьма разнообразнымъ. Пежде всего, мы встрѣчаемся съ порядкомъ, при которомъ въ окладъ записываются лица, достигшія 15—17, рѣже 18-ти лѣтняго возраста, т.-е. того возраста, когда подростки, по мѣстнымъ условіямъ, поступаютъ въ число «годныхъ работниковъ»; такимъ образомъ, всѣ плательщики, бывшіе вписанными въ сказки X ревизіи, остаются въ окладѣ, а подростками замѣщаются только «мертвыя души»; при этомъ во всѣхъ общинахъ, произведшихъ раскладку на этихъ началахъ, болѣе или менѣе значительное число «мерт-

выхъ» душъ осталось незамѣщеннымъ «на обществѣ»; суммы податнаго оклада, слѣдующія къ платежу съ этихъ душъ, раскладываются частью на скотъ, главнымъ же образомъ—«на лука», то-есть на способныхъ къ труду общинниковъ отъ 15—17 до 60-ти лѣтняго возраста, не «выставленныхъ» изъ «лука» за какую-либо государственную или общественную службу; «на лука» же раскладываются и мірскіе сборы и натуральныя повинности. Какой же, спрашивается, смыслъ этого порядка? Самая принудительность раскладки показываетъ, что пользованіе душевымъ надѣломъ подъ условіемъ уплаты хотя бы одного податнаго оклада не представляетъ для крестьянина выгоды; начальный возрастъ, соотвѣтствующій времени поступленія въ число «дѣльныхъ работниковъ», показываетъ, что надѣлъ или вовсе не имѣетъ цѣнности, или окупаетъ только самую ничтожную часть душеваго оклада, который поэтому цѣликомъ, или почти цѣликомъ, ложится на трудъ населенія. Если мы прослѣдимъ распространеніе этого способа раскладки на территоріи Ишимскаго округа, то увидимъ, съ одной стороны, что бóльшая часть придерживающихся его общинъ совсѣмъ не перешла или не вполнѣ перешла отъ вольнаго пользованія угодьями къ душевому, и, слѣдовательно, душевому платежу вовсе не соотвѣтствуетъ никакого душеваго надѣла или соотвѣтствуетъ надѣлъ только въ нѣкоторыхъ угодьяхъ; съ другой стороны, этотъ порядокъ раскладки господствуетъ во всемъ четвертомъ районѣ и во многихъ изъ наихудшихъ мѣстностей третьяго,—слѣдовательно, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ арендная цѣнность угодій совершенно ничтожна.

Нѣсколько иной порядокъ мы встрѣчаемъ во многихъ общинахъ южной половины округа, принадлежащихъ, главнымъ образомъ, къ бѣднѣйшей части втораго района и лишь отчасти къ первому и третьему: здѣсь именно подростки верстаются въ окладъ по достиженіи 8—10, рѣже 12-ти лѣтняго возраста; правомъ добровольнаго поверстанія дѣтей, не достигшихъ урочнаго возраста, которое въ общинахъ предъидущей категоріи является совершенно мнимымъ, здѣсь пользуются довольно многіе зажиточные хозяева; каждая поверстанная въ окладъ душа въ равной долѣ участвуетъ въ платежѣ окладныхъ сборовъ и въ раскладкѣ мірскихъ сборовъ и натуральныхъ повинностей. Ясно, что смыслъ этого порядка совершенно иной, нежели изложенный выше: онъ обозначаетъ, что арендная цѣнность душеваго надѣла лишь немногимъ ниже общей суммы *всѣхъ* душевыхъ платежей; недостающая величина настолько незначительна, что можетъ быть пополнена изъ заработка «борноволока»—мальчика 8—12-ти лѣтняго возраста; а у хорошаго, зажиточнаго хозяина надѣлъ, благодаря лучшей обработкѣ земли, можетъ и вполнѣ покрывать всѣ душевые платежи.

Мы обозрѣли, такимъ образомъ, важнѣйшіе способы раскладки платежей, ихъ распространенность, и старались выяснить связь ихъ съ арендною цѣнностью душевыхъ надѣловъ. Но мы должны оговориться, что связь эта существуетъ только въ видѣ общаго правила, изъ котораго можно насчитать довольно много исключеній: съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ общинахъ перваго района мы встрѣчаемся съ порядкомъ обязательнаго повер-

станія въ податной окладъ и съ раскладкою мірскихъ сборовъ «на лука»; съ другой, въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ къ третьему и четвертому району, встрѣчаемъ, хотя и рѣдко, случаи раскладки податнаго оклада съ ранняго, 8—10-ти лѣтняго, возраста или раскладки мірскихъ сборовъ на всѣ платежныя души, то-есть на землю. Такія ненормальныя явленія объясняются иногда простымъ подражаніемъ, иногда же переживаніемъ издавна установившихся порядковъ надъ условіями, вызвавшими ихъ возникновеніе.

Чтобы покончить съ вопросомъ о податныхъ порядкахъ ишимской общины, намъ остается еще коснуться вопроса объ имущественномъ обложеніи, на существованіе котораго мы уже намекали выше. Имущественное обложеніе возникло въ Ишимскомъ округѣ весьма недавно и до сихъ поръ еще не успѣло окончательно упрочиться и преодолѣть ожесточенное сопротивленіе зажиточной части населенія, которая совершенно не допустила введенія его во множествѣ общинъ и которой иногда удается даже добиться его отмѣны въ такихъ общинахъ, гдѣ оно уже было введено. Имущественное обложеніе первоначально возникло какъ источникъ для покрытія казенныхъ платежей за «упалыя» «общественныя» души и исключительно въ этой роли продолжаетъ существовать въ сѣверныхъ волостяхъ; напротивъ, въ южной части округа, гдѣ всѣ лежащіе на общинахъ платежи послѣ раскладокъ 1884--1887 гг. почти вездѣ взимаются съ надѣленнаго землею населенія (съ душъ), имущественное обложеніе является, главнымъ образомъ, источникомъ для покрытія мірскихъ сборовъ.

Имущественное обложеніе въ Ишимскомъ округѣ встрѣчается въ формѣ такъ называемыхъ «накладокъ» и въ формѣ обложенія по числу головъ скота. Подъ «накладками» разумѣются налагаемые общиною на наиболѣе зажиточныхъ общинниковъ дополнительные къ нормальному подушному обложенію платежи, совершенно независимые отъ личнаго состава домохозяйствъ. При опредѣленіи размѣра «накладки», иногда принимаются во вниманіе лишь тѣ элементы крестьянскаго благосостоянія, которые непосредственно отражаются на размѣрахъ пользованія общинными угодьями, именно: размѣры хлѣбопашества и скотоводства, иногда, напротивъ, принимается во вниманіе *общее* благосостояніе домохозяйства, въ томъ числѣ и денежный капиталъ, и торговля; въ случаяхъ перваго рода, встрѣчаемыхъ преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не введенъ душевой способъ пользованія угодьями, «накладка», очевидно, является средствомъ достиженія нѣкоторой пропорціональности платежей съ размѣрами дѣйствительнаго землепользованія, и только во второмъ случаѣ—прямою попыткой введенія въ обложеніе имущественнаго начала. Самый размѣръ «накладокъ» опредѣляется двояко: въ случаяхъ перваго рода на зажиточнаго крестьянина «наваливаютъ душу», часть души, нѣсколько душъ, которыхъ онъ и дѣлается отвѣтственнымъ плательщикомъ; въ случаяхъ втораго рода «накладываютъ» опредѣленныя суммы—1, 2, 3, 5, 10 и т. д. рублей.

Существующее въ довольно многихъ общинахъ обложеніе по числу головъ скота по внутреннему смыслу своему также является не столько

попыткою обложенія по степени благосостоянія, сколько пропорціональнымъ сборомъ за пользованіе общинными пастбищами. Такой характеръ обложенія виденъ уже изъ того, что сборы взимаются только съ того скота, который пользуется общинными пастбищами. Правда, бѣдная часть населенія повсемѣстно стремится подвести подъ обложеніе и эту часть скота, но, благодаря сопротивленію зажиточной части общинниковъ, стремленіе это за двумя-тремя единичными исключеніями нигдѣ не осуществилось.

Обложеніе скота, какъ источникъ покрытія лежащихъ на общинѣ платежей, представляетъ двѣ разновидности: *поголовное* обложеніе и обложеніе *залишняго* скота; сущность перваго способа понятна; второй состоитъ въ томъ, что община предоставляетъ каждой платежной душѣ держать нѣкорое число (отъ одной до пяти) головъ скота безъ уплаты за нихъ сбора; послѣдній взимается только съ того числа головъ, которое превышаетъ эту льготную норму (по мѣстному выраженію, «заборо̀нъ»): если, напримѣръ, «заборо̀на» на душу положено по 3 головы, то изъ трехъ хозяевъ, имѣющихъ каждый по 10 головъ скота, однодушный заплатитъ сборъ за 7 головъ, трехдушный—за одну, четырехдушный не заплатитъ ничего. Эта послѣдняя форма обложенія, представляясь гораздо болѣе справедливою, имѣетъ вполнѣ ясно выраженный характеръ сбора за пользованіе общинными пастбищами.

III.

По описанію одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей, г. Петропавловскаго *), землепользованіе на всемъ протяженіи Ишимскаго округа, а также въ двухъ смежныхъ округахъ, Курганскомъ и Тюкалинскомъ, имѣетъ форму, которую можно назвать заимочно захватною,—форму, при которой одна часть общинныхъ пашень состоитъ въ наслѣдственномъ подворномъ пользованіи, а другая можетъ захватываться не болѣе, чѣмъ на опредѣленное число лѣтъ; сѣнокосы (кромѣ ежегодно передѣляемыхъ подворныхъ) захватываются съ правомъ закоса и т. д. Между тѣмъ, обстоятельное изслѣдованіе показало, что нѣчто похожее на заимочное право существуетъ только по отношенію къ усадебнымъ землямъ и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ—къ лѣсамъ; что же касается пашень и сѣнокосныхъ угодій, то по отношенію къ нимъ заимочно-захватная форма пользованія въ настоящее время совершенно не существуетъ **) и послѣдніе слѣды ея, сколько можно судить по разсказамъ стариковъ, исчезли еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не совершился переходъ къ душевому способу пользованія, наблюдается порядокъ, который можно назвать по-

*) *По Ишиму и Тоболу,* статья, помѣщ. въ *Запискахъ Зап.-Сибир. Отдѣла Имп. Географ. Общества,* кн. VIII, вып. I.

**) Въ Жиляковской волости въ захватномъ пользованіи всей волости съ правомъ закоса до послѣдняго времени состояла часть покосовъ, не вошедшая въ надѣлы отдѣльныхъ селеній.

рядкомъ *вольнаго пользованія*; по внѣшности довольно близкій къ заимочно-захватному, онъ, однако, представляетъ отъ послѣдняго весьма существенное различіе, которое заключается въ *отсутствіи права образованія заимокъ* *). Вотъ въ общихъ чертахъ сущность этого порядка.

Всякому общиннику предоставляется распахать на любомъ мѣстѣ общинной территоріи любое количество пашни; но эта пашня остается въ его исключительномъ пользованіи лишь до тѣхъ поръ, пока онъ ее дѣйствительно обработаетъ; разъ пашня три года пролежала въ залежи, она дѣлается общиннымъ достояніемъ и можетъ быть распахана всякимъ, кто найдетъ это для себя выгоднымъ; захватившій пашню имѣетъ, слѣдовательно, право не на самую землю, а только на вложенный въ нее трудъ. Всякій, далѣе, имѣетъ право, выѣхавъ на покосъ въ установленный обычаемъ день (Прокопьевъ день, 8 іюля), начать косить въ любомъ урочищѣ состоящихъ въ пользованіи общины сѣнокосныхъ угодій; но никто не можетъ занять какой-либо части послѣднихъ въ свое *исключительное* пользованіе: если одинъ общинникъ началъ косить въ какомъ-либо урочищѣ, то это не можетъ помѣшать другому начать косить рядомъ съ нимъ; если въ данномъ урочищѣ травы для обоихъ не хватаетъ, то оба, выкосивъ всю траву, переходятъ на другое свободное урочище. Всякій затѣмъ можетъ неограниченно пользоваться общинными угодьями для выпаса своего скота, но никто не можетъ загородить и исключить какую-либо часть общинныхъ пастбищъ изъ общаго пользованія. Всякій можетъ занять столько усадебной, огородной и т. п. земли, сколько онъ въ состояніи утилизировать; но занятое мѣсто состоитъ въ его пользованіи лишь до тѣхъ поръ, пока оно не понадобится общинѣ, которая всегда можетъ отобрать часть этого мѣста подъ усадьбу для вновь образующагося двора. Ближе къ заимочно-захватному способу стоятъ, какъ мы говорили, порядки пользованія лѣсами. Весь лѣсъ, ростущій на общинной территоріи, состоитъ въ неограниченномъ вольномъ пользованіи каждаго общинника: каждый можетъ рубить лѣсъ, гдѣ ему угодно и сколько ему угодно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякому общиннику предоставляется изъять нѣкоторую часть лѣса изъ общаго пользованія, сдѣлать ее своимъ «садочкомъ», «рощею» и, такимъ образомъ, обратить въ свое потомственное пользованіе; для этого достаточно заявить общинѣ о желаніи «ростить» данный участокъ лѣса «про себя», окопать его и затѣмъ нѣсколько лѣтъ подрядъ весною, во время опашки покосовъ, принимать мѣры къ охраненію ихъ отъ огня. Очевидно, что «вольный» способъ пользованія угодьями, сущность котораго мы только что изложили, является переходною формой отъ прежняго заимочно-захватнаго къ душевому способу пользованія,—формою, возникновеніе которой было, конечно, результомъ стѣсненія прежняго простора, уменьшенія прежняго многоземелья.

---

*) У многихъ крестьянъ на дальнихъ пашняхъ, дѣйствительно, существуютъ *заимки*, то есть избушки или даже просто землянки, служащія для почевокъ во время полевыхъ работъ; но „заимокъ“ въ смыслѣ захваченныхъ въ потомственное пользованіе участковъ земли нѣтъ.

По отношенію къ важнѣйшимъ угодьямъ—пашнямъ, сѣнокоснымъ мѣстамъ и лѣсамъ—и этотъ «вольный» способъ пользованія доживаетъ свои послѣдніе дни: въ чистомъ видѣ, въ примѣненіи ко всѣмъ видамъ угодій, мы встрѣчаемъ его только въ очень немногихъ общинахъ, а именно: во всей Кротовской волости, въ большей части селеній Сладковской, въ трехъ южныхъ селеніяхъ Маслянской и въ трехъ южныхъ селеніяхъ Готолутовской волости. Затѣмъ въ остальныхъ селеніяхъ Готолутовской и Сладковской волостей, въ большей части селеній Арамашевской и Соколовской, въ южной части Усть-Ламенской волости и въ рядѣ отдѣльныхъ селеній, разбросанныхъ по другимъ волостямъ, въ вольномъ пользованіи осталась только та или другая, болѣе или менѣе значительная *часть* общинныхъ угодій, остальныя же угодья уже передѣляются по душамъ. Наконецъ, въ рядѣ общинъ, уже окончательно перешедшихъ къ душевому способу пользованія угодьями, мы находимъ еще отдѣльные слѣды прежняго пользованія: такимъ слѣдомъ является, прежде всего, почти повсемѣстно сохранившійся обычай захватывать не входящія въ составъ душевыхъ надѣловъ низкія земли (а иногда даже свободные участки изъ чужихъ душевыхъ надѣловъ или изъ сѣносныхъ мѣстъ) подъ посѣвы льна, — обычай, который, впрочемъ, общины уже стараются искоренить; далѣе, такими слѣдами являются не входящіе въ передѣлъ (по дурному качеству или отдаленности) клочки пашни, покоса или лѣсной заросли, которые въ небольшомъ размѣрѣ остались въ пользованіи почти каждой общины и которыми общинники пользуются на-захватъ.

Въ громадномъ большинствѣ общинъ Ишимскаго округа переходъ къ душевому пользованію или уже совершился, или происходитъ какъ разъ въ настоящее время. Мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о ходѣ этого вымиранія порядка вольнаго пользованія и въ частности о *времени* и *поводахъ* перехода къ душевому пользованію, а также о самомъ *процессѣ* этого порядка.

По первому вопросу выдѣляется нѣсколько группъ мѣстностей: къ одной относятся тѣ мѣстности, которыя прилегаютъ къ общей границѣ Курганскаго и Ялуторовскаго округовъ, и отчасти лѣвый берегъ Ишима отъ окружнаго города до Челноковской волости включительно; здѣсь первый раздѣлъ угодій на душевые участки произошелъ либо настолько давно, что о времени его не помнятъ даже старики, либо хотя и на памяти послѣднихъ, но не позже IX ревизіи (1842 г.). Во второй, самой значительной группѣ мѣстностей переходъ къ душевому пользованію совершился около времени X ревизіи—въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; наконецъ, третью группу составляютъ волости, гдѣ раздѣлъ угодій начался съ 1885 г. (волости: Соколовская, Красноярская, Арамашевская, части Ильинской, Укшурской, Чуртанской, Малышенской, Усть-Ламенской).

Основная причина перехода отъ вольнаго пользованіи къ душевому понятна: она заключается, конечно, въ сокращеніи, благодаря приросту на-

селенія и другимъ обстоятельствамъ прежняго простора, въ «утѣсненіи», при наступленіи котораго вольное пользованіе, понятно, ведетъ къ существеннымъ неудобствамъ. Въ довольно многихъ общинахъ обстоятельство это само по себѣ повело къ постепенной замѣнѣ вольнаго пользованія душевымъ, но, въ большинствѣ случаевъ, переходъ этотъ сильно задерживался противодѣйствіемъ хотя и малочисленной, но сильной своимъ вліяніемъ зажиточной части населенія, очевидно, заинтересованной въ сохраненіи вольнаго пользованія; для окончательнаго паденія послѣдняго поэтому обыкновенно необходимъ былъ какой-нибудь толчокъ извнѣ, какой-нибудь *поводъ*. Насколько можно было прослѣдить, такимъ поводомъ являлись, съ одной стороны, различныя событія, благодаря которымъ разомъ сокращался прежній просторъ—отрѣзка угодій изъ пользованія крестьянъ въ казенное вѣдомство, массовыя приселенія ссыльныхъ и свободныхъ переселенцевъ и въ особенности ревизіи *), съ другой—прямыя распоряженія администраціи: циркулярныя распоряженія чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, вызванныя надеждою этихъ должностпыхъ лицъ, путемъ упорядоченія землепользованія, устранить одну изъ важнѣйшихъ причинъ роста недоимокъ и вообще помочь упорядоченію податнаго дѣла, были прямымъ и почти единственнымъ поводомъ всѣхъ передѣловъ, начавшихся въ 1884—1885 и слѣдующихъ годахъ; для нѣкоторыхъ волостей (напримѣръ, Соколовской, Красноярской, Арамашевской) эти распоряженія ускорили наступленіе момента перехода къ душевому пользованію на цѣлые десятки лѣтъ, такъ какъ вопросъ о переходѣ здѣсь далеко не успѣлъ настолько назрѣть, чтобы можно было ожидать скораго его разрѣшенія по иниціативѣ самихъ общинъ. Какой скачокъ въ постепенномъ развитіи формъ землепользованія вызвали упомянутыя распоряженія, видно уже изъ того обстоятельства, что, несмотря на всю привычку крестьянъ безпрекословно исполнять волю «чиновника», распоряженія эти въ нѣсколькихъ волостяхъ были исполнены чрезъ два и чрезъ три года, и не раньше, чѣмъ по «повторенномъ прочтеніи» (выраженіе, заимствованное изъ одного приговора) ихъ на сходахъ и «по долгомъ разсужденіи крестьянъ между собою», т. е. послѣ продолжительныхъ споровъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Сладковская, бо́льшая часть Соколовской, Кротовская, Готолутовская волости) распоряженія эти не исполнены и до сихъ поръ (1888 г.).

Гдѣ переходъ къ душевому пользованію совершился безъ посторонняго вмѣшательства, тамъ онъ, очевидно, долженъ былъ произойти постепенно. Любопытно, что въ нѣсколькихъ общинахъ въ пользованіи покосами существуетъ двоякій порядокъ: при хорошихъ урожаяхъ травы покосы продолжаютъ оставаться въ вольномъ пользованіи, при худыхъ—они передѣляются по душамъ.

*) Значеніе ревизій въ разсматриваемомъ вопросѣ заключается въ томъ, что онѣ каждый разъ создавали массу новыхъ плательщиковъ,—слѣдовательно, лицъ, имѣющихъ право участвовать въ пользованіи угодьями.

Переходъ къ душевому пользованію по отношенію къ каждому роду угодій совершается обыкновенно черезъ извѣстныя промежуточныя ступени. Самый распространенный и, притомъ, встрѣчаемый по отношенію ко всѣмъ категоріямъ угодій—пашнямъ, сѣнокосамъ и лѣсу—переходный процессъ заключается въ томъ, что пашни раздѣляются по душамъ въ два пріема: сначала раздѣляютъ только меньшую часть того или другаго рода угодій, выдающуюся по своему хорошему качеству («увальный» или «строѐнный» лѣсъ, «луговой» покосъ, «островныя» пашни), или поддворному мѣстоположенію; остальная часть угодій, худшая по качеству («ко̀лочный» или «мокрый» лѣсъ, болотный или солонцеватый покосъ, «низкая» пашня) или удаленная отъ усадебъ, остается въ вольномъ пользованіи и только по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени входитъ—иногда опять-таки въ два пріема—въ число передѣляемыхъ угодій. Другой порядокъ перехода наблюдается по отношенію къ пашнямъ въ нѣсколькихъ общинахъ сѣверо-восточной части округа: здѣсь въ моментъ, предшествующій переходу, землепользованіе какъ бы возвращается къ прежнему заимочно-захватному типу: залежи остаются въ пользованіи тѣхъ общинниковъ, которые послѣдніе пахали ихъ, и служатъ для общинниковъ сѣнокосомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду отсутствія свободныхъ земель, община для надѣленія «прибылыхъ душъ» прибѣгаетъ къ отрѣзкамъ отъ пользованія тѣхъ изъ своихъ членовъ, захваченное которыми количество пашни слишкомъ несообразно съ размѣрами лежащихъ на нихъ душевыхъ платежей. Когда посредствомъ такихъ отрѣзокъ и нарѣзокъ фактическое землепользованіе общинниковъ сдѣлается приблизительно уравнительнымъ, тогда малѣйшаго толчка извнѣ бываетъ достаточно, чтобы вызвать правильный передѣлъ. Въ нѣсколькихъ общинахъ мы находимъ комбинацію этого переходнаго процесса съ изложеннымъ выше: плохія или дальнія пашни остаются въ вольномъ пользованіи, пользованіе же лучшими или поддворными пашнями уравнивается посредствомъ постепенныхъ отрѣзокъ и нарѣзокъ. Такъ какъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ, обусловливающихъ необходимость паденія вольнаго пользованія, заключается въ несоразмѣрности землепользованія съ величиною платежей, то переходною ступенью къ передѣлу угодій является иногда раскладка платежей, сообразная размѣрамъ установившагося путемъ захватовъ дѣйствительнаго пользованія угодьями; такое значеніе имѣютъ столь распространенныя въ сѣверныхъ волостяхъ «накладки», размѣръ которыхъ сообразуется, главнымъ образомъ, съ размѣрами запашекъ, и существующій въ нѣкоторыхъ общинахъ Готолутовской волости подесятинный сборъ съ запашки; а одна община (Батуринская, Соколовской вол.) въ послѣднее время передъ окончательнымъ передѣломъ пахотныхъ земель на души переложила на запашку весь числящійся на ней податной окладъ. Разъ большинству общинниковъ удалось провести подобную мѣру, то дни вольнаго пользованія сочтены, такъ какъ отпадаетъ важнѣйшій стимулъ, побуждающій зажиточное меньшинство отстаивать этотъ порядокъ—возможность безплатно запахивать лишнюю землю.

IV.

Пишущему эти строки пришлось объѣхать весь Ишимскій округъ въ теченіе 1887—1888 годовъ, благодаря чему, ему удалось по свѣжимъ слѣдамъ собрать свѣдѣнія о повсемѣстно происшедшихъ, начиная съ 1885 года, передѣлахъ пахотныхъ земель и лѣсовъ, явившихся необходимымъ результатомъ тѣхъ, произведенныхъ въ промежутокъ времени съ 1884 по 1887 годъ, податныхъ раскладокъ, о которыхъ было сказано выше.

Приступая къ обозрѣнію порядковъ передѣла угодій, мы начнемъ съ порядковъ передѣла *пахотныхъ земель*. При громадномъ разнообразіи этихъ порядковъ едва ли не единственною, болѣе или менѣе общею ихъ чертой является то, что для достиженія нѣкоторой уравнительности душевыхъ надѣловъ пашни распредѣляются на бо̀льшее или меньшее число сортовъ; во всемъ Ишимскомъ округѣ только шесть общинъ передѣляли пашни безъ распредѣленія на сорта, и во всѣхъ этихъ шести случаяхъ отсутствіе такого распредѣленія объясняется почти полною однородностью состоящихъ въ пользованіи крестьянъ пашенъ: три изъ этихъ общинъ имѣютъ въ своемъ надѣлѣ исключительно «о̀стровныя» пашни съ песчано-черноземною почвой, остальныя три—исключительно низменныя пашни съ перегнойно-болотистою или перегнойно-солонцеватою почвой; если затѣмъ въ «добро̀тѣ» пашенъ и замѣчаются болѣе тонкія различія, то послѣднія здѣсь не настолько существенны, чтобы побудить общину отказаться отъ связаннаго съ отсутствіемъ распредѣленія на сорта важнаго преимущества—кучности душевыхъ надѣловъ. Не часто встрѣчается и распредѣленіе пашенъ на *два* сорта (всего въ 22 общинахъ); такое распредѣленіе вездѣ стоитъ въ прямой связи съ рельефомъ мѣстности: въ одинъ сортъ («островная», «островъ», «го̀рная») зачисляются всѣ «островныя» пашни, въ другой—всѣ низменныя, независимо отъ почвенныхъ различій. Немногимъ чаще встрѣчается распредѣленіе на *четыре*, совсѣмъ рѣдко—распредѣленіе на *пять* сортовъ; шесть сортовъ мы встрѣчаемъ только въ одномъ случаѣ, семь—тоже въ одномъ. Затѣмъ громадное большинство общинъ распредѣляютъ свои пашни на *три* сорта.

За основаніе при распредѣленіи пашенъ на сорта принимаются, главнымъ образомъ, почвенныя условія въ связи съ рельефомъ пашенъ; можно даже сказать, что непосредственнымъ основаніемъ при распредѣленіи на сорта служитъ, главнымъ образомъ, *рельефъ* пашни, тѣснѣйшимъ образомъ связанный съ основными почвенными свойствами. За двумя-тремя исключеніями, за основаніе распредѣленія на сорта не принимается и *разстояніе* пашенъ отъ усадебъ,—явленіе, вѣроятно, объясняемое, съ одной стороны, отсутствіемъ въ разсматриваемой мѣстности дробленія пашенъ на мелкія полоски, а съ другой — изобиліемъ у крестьянъ лошадей, благодаря чему значительно сокращается трата времени на такіе переходы.

Обратимся затѣмъ къ разсмотрѣнію сущности самыхъ способовъ передѣла пашенъ, господствующихъ въ Ишимскомъ округѣ, и, прежде всего,

укажемъ на способъ, который не имѣлъ, собственно говоря, характера кореннаго передѣла, — способъ, который можно назвать способомъ частной *передачи полныхъ душевыхъ надѣловъ*: землепользованіе лицъ, бывшихъ записанными въ сказки X ревизіи, такъ называемыхъ «старожительныхъ» душъ, «старожиловъ», остается неприкосновеннымъ; подлежащія надѣленію «малолѣтскія» или «закнижныя» души получаютъ полные надѣлы, освободившіеся за смертью прежнихъ владѣльцевъ или по другимъ причинамъ. Порядокъ этотъ, возможный, строго говоря, только въ томъ случаѣ, если число подлежащихъ надѣленію вновь душъ равно числу освободившихся душевыхъ надѣловъ, представляется одинаково выгоднымъ какъ для «старожиловъ», которые остаются на своихъ насиженныхъ пашняхъ, такъ и для «малолѣтовъ», которые получаютъ полные надѣлы, случайно освободившіеся и потому во всѣхъ отношеніяхъ одинаковые съ надѣлами «старожиловъ»; другое удобство этого порядка заключается въ томъ, что онъ избавляетъ отъ всѣхъ тѣхъ хлопотъ, которыхъ требуетъ всякій другой порядокъ передѣла,—отъ обмѣра, новой разцѣнки пашень и т. п. Эти важныя выгоды побудили принять этотъ порядокъ и нѣсколько такихъ общинъ, въ которыхъ число подлежавшихъ надѣленію «малолѣтовъ» было меньше, чѣмъ число свободныхъ душевыхъ надѣловъ,—излишнее число послѣднихъ оставлялось въ запасъ для надѣленія прибылыхъ душъ.

Нѣсколько сроднымъ съ изложеннымъ порядкомъ по формѣ, хотя, какъ мы увидимъ, весьма отличнымъ отъ него по внутреннему смыслу, является порядокъ передѣла *по старшинству* (иначе «по старинѣ», «по ѳтчеству», «по вѳтчинѣ»), примѣняемый въ тѣхъ случаяхъ, когда число вновь надѣляемыхъ душъ больше прежняго. Сущность этого способа состоитъ въ томъ, что каждый хозяинъ въ каждомъ сортѣ удерживаетъ на свои «старожительныя» души *любую* часть своего прежняго надѣла, своей «вотчины» въ томъ количествѣ, какое ему слѣдуетъ получить по установленной общиною новой душевой нормѣ, оказавшуюся же излишнею сверхъ этой нормы землю отдаетъ «въ общество»; «закнижныя» души надѣляются общиною, во-первыхъ, изъ освободившихся со времени предъидущаго передѣла надѣловъ и, во-вторыхъ, изъ произведенныхъ отъ надѣловъ «старожительныхъ» душъ отрѣзокъ; при этомъ, однако, замѣчается стремленіе по возможности надѣлять «закнижныхъ» землею, прежде состоявшею въ надѣлахъ ихъ восходящихъ родственниковъ (отсюда выраженіе «по ѳтчеству»); для тѣхъ изъ «закнижныхъ», для которыхъ нѣтъ свободныхъ «отеческихъ» надѣловъ, надѣлы составляются изъ отрѣзковъ по усмотрѣнію общины.

Сущность и основная цѣль разсматриваемаго порядка передѣла заключается, очевидно, въ обезпеченіи интересовъ «старожительныхъ» душъ, достигая этой цѣли съ такимъ же успѣхомъ, какъ и порядокъ простой передачи надѣловъ, передѣлъ «по старшинству» совершенно иначе отражается на интересахъ «малолѣтскихъ» душъ, и именно тѣхъ изъ нихъ, которыя получаютъ надѣлы, составленные изъ обрѣзковъ: прежде всего,

несмотря на все стараніе общинъ подгонять отрѣзки къ однимъ мѣстамъ, такіе надѣлы всегда бываютъ гораздо болѣе разбросаны, чѣмъ надѣлы «старожиловъ», и потому значительно менѣе удобны для пользованія; съ другой стороны, имѣя право удерживать за собой *любую* часть своей «вотчины», «старожилы», конечно, удерживаютъ въ предѣлахъ установленныхъ общиною сортовъ всѣ лучшія полосы.

Намъ предстоитъ затѣмъ перейти къ наиболѣе оригинальной и несомнѣнно коренной мѣстной формѣ передѣла,—къ формѣ передѣла *на перебой*, то-есть *аукціоннымъ* порядкомъ. Община какъ бы устраиваетъ аукціонъ на каждый душевой надѣлъ, предоставляя его въ пользованіе тому общиннику, который въ обмѣнъ за платежъ полнаго душеваго оклада согласится взять въ пользованіе наименьшее количество угодій или хотя и то же количество, но наихудшаго качества. Мы считаемъ эту форму кореннымъ мѣстнымъ явленіемъ, главнымъ образомъ, потому, что она встрѣчается въ Ишимскомъ округѣ въ примѣненіи ко всѣмъ категоріямъ передѣляемыхъ угодій, а затѣмъ и потому, что переселенческія общины проявляютъ бо̀льшую склонность къ другимъ формамъ передѣла.

Аукціонная форма передѣла пашень представляетъ двѣ разновидности: передѣлъ «въ надоро̀жку» и передѣлъ «на сба̀вокъ»; при первомъ общинники, «перебивающіе» другъ у друга полосу,*повышаютъ ея оцѣнку*, то-есть принимаютъ землю худшаго сорта за землю лучшаго сорта; при передѣлѣ «на сба̀вокъ» конкурренты, оставляя неизмѣнною оцѣнку полосы, то-есть принимая ее за тотъ именно сортъ, въ который она зачислена общиною, «на перебой» дѣлаютъ сбавки съ размѣра ея, т.-е. принимаютъ *меньшее количество* земли за бо̀льшее. При передѣлѣ «въ надоро̀жку» исходною точкой является оцѣнка, данная полосѣ при предъидущемъ передѣлѣ; если прежній владѣлецъ изъявляетъ желаніе оставить полосу за собою, то посторонія лица, желающія «сжить» его съ этой полосы, должны «возвысить землю противъ владѣльца» (выраженіе, взятое изъ приговора), и «перебой» въ этомъ случаѣ продолжается или до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ конкуррентовъ не дастъ полосѣ такой высокой оцѣнки, отъ которой всѣ остальные откажутся, или пока на какой-нибудь оцѣнкѣ не остановятся нѣсколько человѣкъ, и ни одинъ изъ нихъ не изъявитъ желанія еще поднимать эту оцѣнку; если въ этомъ случаѣ одинъ изъ конкуррентовъ есть прежній владѣлецъ полосы, то многія общины даютъ ему преимущество передъ другими, оставляя за нимъ полосу при простомъ «согласіи», то-есть при *равенствѣ* оцѣнки съ другими конкуррентами; другія общины, напротивъ, разъ начался «перебой», не предоставляютъ прежнему владѣльцу полосы никакихъ преимуществъ. Если затѣмъ на одной оцѣнкѣ остановилось нѣсколько равноправныхъ конкуррентовъ, то однѣ общины раздѣляютъ сложную полосу поровну между всѣми конкуррентами, предоставляя имъ дополучить остальное количество земли въ другихъ мѣстахъ; другія отдаютъ всю полосу тому изъ конкуррентовъ, который *первый* договорился до наивысшей оцѣнки, третьи—тому, на кого укажетъ жребій. Передѣлъ «на

«сбȁвокъ» представляетъ опять-таки двѣ разновидности: въ однихъ случаяхъ опредѣляемый общиною размѣръ душеваго надѣла является *максимальнымъ* его размѣромъ: берущіе лучшія полосы дѣлаютъ съ этого размѣра сбавки, и тѣмъ бȯльшія, чѣмъ выше качество пашни; берущіе худшія полосы получаютъ ровно столько земли, сколько слѣдуетъ по предварительному разсчету; въ другихъ, правда, немногихъ случаяхъ, установляемый при послѣднемъ размѣръ является *среднимъ* размѣромъ душеваго надѣла, съ котораго берущіе лучшія въ данномъ сортѣ полосы дѣлаютъ сбавки, берущіе посредственныя полосы получаютъ земли десятина за десятину, а къ худшимъ полосамъ община дѣлаетъ тѣмъ бȯльшія прибавки къ нормальному размѣру, чѣмъ полоса хуже.

Сходенъ по существу съ порядкомъ передѣла «на сбȁвокъ», хотя совершенно не похожъ на него по формѣ, способъ передѣла, который можно назвать способомъ «развода» или «росписи по урочищамъ»,—способъ, примѣняемый къ передѣлу пашенъ только въ немногихъ общинахъ, а гораздо чаще—къ передѣлу покосовъ. Различіе этого способа отъ всѣхъ другихъ начинается съ того, что пашень вовсе не мѣрятъ, а только (и то не всегда) распредѣляютъ на сорта; кромѣ того, каждая община, придерживающаяся этого порядка, имѣетъ искони установившееся распредѣленіе пашенъ на рядъ урочищъ, границы которыхъ опредѣляются по естественнымъ признакамъ. Передѣлъ заключается въ томъ, что всѣ общинники, не выѣзжая на пашню, записываются пахать въ тѣ или другія урочища; записка производится у старосты и, разъ записавшись, общинникъ не можетъ уже взять своей записи назадъ. Когда, такимъ образомъ, всѣ общинники записались по разнымъ урочищамъ, то каждая партія выѣзжаетъ на то урочище, въ которое она записалась, и разбиваетъ его между своими участниками пропорціонально числу надѣльныхъ душъ безъ всякаго вмѣшательства общины, какъ цѣлаго. Такъ какъ записка въ то или другое урочище производится каждымъ общинникомъ, съ одной стороны, на основаніи глубокаго и точнаго знанія тончайшихъ свойствъ пашенъ въ каждомъ урочищѣ, а съ другой — на основаніи предварительнаго ознакомленія съ намѣреніями однообщественниковъ, то въ результатѣ должно получиться, и, дѣйствительно, получается, полное *уравновѣшеніе количества* пашни съ ея *качествомъ*: худшему въ одномъ урочищѣ качеству пашни будетъ соотвѣтствовать бȯльшій размѣръ доставшагося на душу надѣла и обратно. Ясно, что, идя совершенно своеобразнымъ путемъ, разсматриваемый порядокъ передѣла, въ концѣ-концовъ, приводитъ совершенно къ тѣмъ же результатамъ, чтȯ и передѣлъ аукціономъ «на сбȁвокъ».

Наконецъ, къ числу мало употребительныхъ въ Ишимскомъ округѣ способовъ передѣла, на разсмотрѣніи которыхъ мы поэтому останивливаться не будемъ, принадлежатъ—порядокъ надѣленія общинниковъ въ «любой» и «нелюбой» половинȁхъ и жеребьевый. Первый мы встрѣчаемъ всего въ восьми общинахъ; сущность его состоитъ въ томъ, что каждый общинникъ выбираетъ *любую* часть своего душеваго надѣла по своему усмотрѣнію,

нелюбую же ему отводитъ община съ такимъ разсчетомъ, чтобы ея недостатками компенсировать преимущества любой половины, и обратно. Жеребьевый порядокъ передѣла въ чистомъ видѣ мы встрѣчаемъ всего въ десяти общинахъ; кромѣ того, мы находимъ его еще въ нѣсколькихъ общинахъ въ комбинаціи съ аукціономъ въ «надорѣжку»; при этомъ замѣчательно, что за исключеніемъ двухъ всѣ общины, примѣняющія жеребьевый способъ, имѣютъ населеніе исключительно или въ значительной части состоящее изъ россійскихъ переселенцевъ; это обстоятельство ясно показываетъ, что жеребьевый способъ въ Ишимскомъ округѣ есть явленіе заносное и совсѣмъ не прививается къ обычаямъ мѣстной общины. Мѣстные старожилы питаютъ къ нему, такъ сказать, принципіальное отвращеніе, считаютъ, что при жеребьевкѣ передѣлъ происходитъ не «по-Божески», и особенно подчеркиваютъ возможность однимъ общинникамъ получить во всѣхъ сортахъ лучшія, другимъ — худшія полосы.

V.

Основными теченіями, подъ вліяніемъ которыхъ повсемѣстно слагаются формы передѣла, являются, съ одной стороны, интересъ хозяйственный, съ съ другой — требованія всеобщаго равенства: первый — это интересъ «добрыхъ пахарей», зажиточныхъ по преимуществу мужиковъ, хорошо обработавшихъ свои пашни. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ, конечно, и интересъ тѣхъ отдѣльныхъ общинниковъ, которые при предъидущемъ передѣлѣ успѣли заполучить наилучшія полосы или даже лучшіе участки земли. Бѣднѣйшая часть населенія—«худые пахари»—руководится въ своихъ требованіяхъ стремленіемъ сойти съ своихъ запущенныхъ полосъ, занять полосы, прежде принадлежавшія хорошимъ хозяевамъ, и, такимъ образомъ, воспользоваться вложеннымъ въ землю трудомъ послѣднихъ.

Переходя затѣмъ, такъ сказать, къ *формальнымъ* началамъ, лежащимъ въ основаніи описанныхъ способовъ передѣловъ, мы видимъ, опять-таки, что эти начала двояки: порядокъ передачи полныхъ душевыхъ надѣловъ, передѣлъ «по старшинству» и мало употребительный жеребьевый порядокъ основаны на началѣ *объективнаго равенства*, передѣлъ «на перебой» и разводомъ по урочищамъ—на началѣ *субъективнаго равенства* или, точнѣе, субъективной равноцѣнности душевыхъ надѣловъ. Вотъ въ чемъ состоитъ сущность этихъ двухъ началъ. Если передѣлъ основывается на началѣ объективнаго равенства, то община, по тѣмъ или инымъ признакамъ разбивъ пахотныя земли на сорта, предполагаетъ затѣмъ въ предѣлахъ каждаго сорта всю землю безусловно однокачественною и, слѣдовательно, *каждую душевую полосу объективно-равною каждой другой душевой полосѣ того же сорта*. Ясно, что результаты принятія подобнаго рода предположеній могутъ быть двояки: или путемъ принятія въ соображеніе тончайшихъ различій въ почвенныхъ условіяхъ, въ разстояніи отъ усадебъ и массы другихъ, иногда совершенно случайныхъ, обстоятельствъ можетъ

быть действительно достигнуто более или менее полное объективное равенство душевыхъ наделовъ, но это возможно только подъ условіемъ раздробленія ихъ на множество мелкихъ полосокъ; или, напротивъ, община погонится за кучностью наделовъ и поэтому при сортованіи земли приметъ за основаніе весьма ограниченное число признаковъ, и тогда земля въ каждомъ сорте не будетъ вполне однородна, а душевые наделы не будутъ объективно равны между собою. Въ виду свойственной ишимской общине боязни чрезмернаго дробленія пашень, перваго изъ этихъ двухъ исходовъ вовсе нельзя было ожидать; общины, произведшія переделъ «по старшинству», пошли вторымъ путемъ, въ результате чего и явилось неравномерное наделеніе «малодетскихъ» душъ. Когда, наоборотъ, въ основаніе порядка передела положено начало *субъективнаго* равенства, община стремится уже не къ безусловному равенству душевыхъ наделовъ, а къ тому, чтобы *каждый общинникъ былъ такъ же доволенъ своимъ надѣломъ, какъ и всякій другой.* «У всякаго вора свой разсчетъ»,—говоритъ местная пословица: одинъ хозяинъ, однодушный, согласится до некоторой степени пожертвовать качествомъ земли ея кучности; другой, многодушный, напротивъ, согласится взять разбросанныя по разнымъ урочищамъ полосы, лишь бы въ томъ числе получить некоторое количество наилучшей земли; хозяинъ, имеющій мало лошадей, согласится взять полосу поменьше, съ темъ, чтобы не приходилось далеко ездить на пашню, и т. д.

Очевидно, что однообразіе угодій благопріятствуетъ преобладанію способовъ передачи полныхъ душевыхъ наделовъ и передела «по старшинству», а разнообразіе и разбросанность угодій, напротивъ, преобладанію основанныхъ на субъективномъ начале аукціонныхъ и т. п. способовъ.

Изъ даннаго выше общаго очерка округа ясно, что наибольшее однообразіе пахотныхъ земель и, вместе съ темъ, сравнительно бóльшую ихъ кучность мы находимъ въ местностяхъ, составляющихъ побережье реки Ишима; напротивъ, наибольшую разбросанность и качественную пестроту— въ юго-западной степной местности. И вотъ мы видимъ, что громадное большинство общинъ при-ишимской местности или ограничилось простою «передачей», или произвело переделъ «по старшинству»; напротивъ, въ одиннадцати волостяхъ, составляющихъ юго-западную часть округа, ни одна община не прибегла къ «замещенію», и только шестнадцать общинъ произвели переделъ «по старшинству», а въ шести изъ этихъ одиннадцати волостей вовсе не бывало случаевъ примененія и этого последняго порядка. Напротивъ, изъ основанныхъ на субъективномъ принципе способовъ «разводъ по урочищамъ» въ при-ишимской местности вовсе не встречается, аукціонъ въ «надорóжку»—всего въ одномъ случае, аукціонъ «на сбáвокъ»— въ шести. Затемъ областью преобладанія этихъ пріемовъ является, за исключеніемъ названныхъ 16 общинъ, вся юго-западная часть округа съ присоединеніемъ къ ней изъ при-емцкой местности Ратовской волости *).

*) Мы не говоримъ объ остальной части при-емцкой местности, потому что формы

Едва ли требуется болѣе очевидное доказательство того, что однообразіе пашень при ишимской мѣстности привело къ преобладанію формъ передѣла, основанныхъ на формальномъ началѣ объективнаго равенства и служащихъ интересу хозяйственному—интересу зажиточной части населенія, а разнообразіе угодій юго-западной степной мѣстности—къ побѣдѣ начала субъективнаго равенства и тѣсно связанныхъ съ нимъ интересовъ недостаточной массы общинниковъ.

VI.

Переходя затѣмъ къ передѣламъ *сѣнокосныхъ угодій*, надо начать съ того общаго замѣчанія, что, за какими-нибудь двумя десятками исключеній, сѣнокосы вездѣ передѣляются ежегодно, передъ самымъ началомъ уборки травъ, по уже выяснившемуся урожаю травъ, что, слѣдовательно, передѣляются не самыя сѣнокосныя *угодья*, а родившаяся на нихъ *трава* *). Эти ежегодные передѣлы не представляютъ, если не считать сопряженныхъ съ передѣлами ежегодныхъ потерь рабочаго времени, никакого существеннаго неудобства, такъ какъ къ работамъ по осушкѣ, расчисткѣ покосовъ и т. п., которымъ ежегодные передѣлы могли бы помѣшать, въ ишимской общинѣ не обнаруживается ни малѣйшаго стремленія.

Важное значеніе изложеннаго обстоятельства заключается въ томъ, что оно совершенно исключаетъ вліяніе на образованіе формъ передѣла сѣнокосовъ тѣхъ основныхъ интересовъ, борьбою которыхъ опредѣляются формы передѣла пашень, интереса хозяйственнаго и интереса всеобщаго равенства, такъ какъ съ точки зрѣнія этихъ интересовъ формы передѣла сѣнокосовъ при намѣченныхъ выше условіяхъ представляются совершенно безразличными.

Обращаясь затѣмъ къ *формальнымъ* началамъ, мы видимъ, что, опять-таки за двумя-тремя десятками исключеній, порядки передѣла сѣнокосовъ основываются на началѣ *субъективнаго* равенства. Явленіе это объясняется, прежде всего, естественными условіями. Если трудно достигнуть объективнаго равенства при сравнительно рѣдкихъ передѣлахъ пашень, то тѣмъ труднѣе, тѣмъ, можно сказать, невозможнѣе достигнуть его при ежегодныхъ передѣлахъ сѣнокосовъ, гдѣ, кромѣ постоянныхъ свойствъ самихъ угодій, приходится принимать во вниманіе столь измѣнчивый признакъ, какъ урожай травы на разныхъ участкахъ общинныхъ покосовъ. Особенно велика трудность объективно-равномѣрнаго раздѣла покосовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаютъ покосы солонечные, дубровные и болотные; благодаря бо̀льшей пестротѣ урожая на подобнаго рода покосахъ и особенному разнообразію ихъ природныхъ свойствъ, сравнительно однообразнѣе

передѣла образовались здѣсь съ участіемъ вліянія постороннихъ общинѣ лицъ—„наемныхъ мѣрщиковъ“, и потому носятъ совершенно искусственный характеръ.

*) Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ крестьянская терминологія: крестьянинъ никогда не скажетъ „*покосы* дѣлить“, а всегда—„*траву* дѣлить“.

въ каждой данной мѣстности при-рѣчные поемные луга, гораздо ровнѣе и даваемые ими урожаи, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется то обстоятельство, что бо̀льшая часть случаевъ примѣненія къ передѣламъ покосовъ порядковъ, основанныхъ на началѣ *объективнаго* равенства, наблюдается въ общинахъ, имѣющихъ въ своихъ надѣлахъ поемные луга *); мало того, довольно многія общины, пользующіяся, кромѣ поемныхъ луговъ, еще дубровными и степными покосами, къ передѣлу послѣднихъ примѣняютъ пріемы, основанные на началѣ субъективнаго равенства, поемные же луга дѣлятъ на объективно-равныя между собою мѣрныя доли.

Какъ и по отношеніямъ къ пашнямъ, такъ и въ примѣненіи къ сѣнокосамъ аукціонный порядокъ представляетъ двѣ разновидности: передѣлъ въ «надоро̀жку» и передѣлъ «на сба̀вокъ». Первый порядокъ заключается въ слѣдующемъ: «торговля» на намѣченный общиною приблизительно однородный по качеству и урожаю травы участокъ происходитъ посредствомъ «навалки душъ»; участокъ въ намѣченныхъ общиною предѣлахъ остается за тѣмъ общинникомъ (или, если участокъ великъ, то за тою артелью общинниковъ), который (или которая) принимаетъ его на наибольшее число раскладочныхъ душъ, а, слѣдовательно, на каждую раскладочную душу ограничивается наименьшею его частью; если участокъ отведенъ артели, то члены ея затѣмъ дѣлятъ траву между собою пропорціонально числу у каждаго раскладочныхъ душъ безъ всякаго участія общины. Сущность передѣла «на сба̀вокъ» та же, что̀ и въ примѣненіи къ пашнямъ: община иногда (на поёмныхъ лугахъ) нарѣзаетъ душевыя полосы, опредѣляя ихъ размѣръ опредѣленнымъ поперечникомъ, а длину—естественными урочищами, иногда же (въ степныхъ мѣстностяхъ) намѣчаетъ небольшіе участки на опредѣленное небольшое число душъ; въ результатѣ «торговли» полоса или участокъ остается за тѣмъ, кто на *то же* число душъ ограничится наименьшимъ пространствомъ; сбавки въ первомъ случаѣ выражаются въ доляхъ поперечника, во второмъ—опредѣляются по живымъ урочищамъ и вообще безъ мѣры. Такимъ образомъ, ясно, что различіе передѣла «въ надоро̀жку» и «на сба̀вокъ», которое въ примѣненіи къ пашнямъ является различіемъ *по существу дѣла*, здѣсь имѣетъ чисто-*формальный* характеръ: конечный результатъ въ томъ и другомъ случаѣ одинъ, что на каждую надѣляемую въ данномъ урочищѣ душу достается *меньшее* противъ первоначально намѣченнаго общиною сѣнокосное пространство и меньшее *количество* травы.

Передѣлъ сѣнокосовъ по способу «развода по урочищамъ» производится по существу совершенно такъ же, какъ и передѣлъ пашень; можно только указать на одну чисто-формальную особенность, встрѣченную въ нѣсколькихъ общинахъ, которая важна въ томъ отношеніи, что указываетъ на тѣсную связь этого способа съ порядкомъ захватнаго пользованія: въ этихъ

*) Всѣ случаи примѣненія начала объективнаго равенства къ передѣлу *не* поемныхъ покосовъ относятся къ мѣстностямъ, гдѣ преобладаютъ передѣляемые съ мѣры поемные покосы, и потому могутъ быть объяснены простымъ подражаніемъ.

общинахъ передѣлъ покосовъ производится именно не посредствомъ записей, а въ натурѣ, дѣйствительнымъ разъѣздомъ: общинники выѣзжаютъ верхами по установленной обычаемъ дорогѣ; выѣхавъ приблизительно въ центръ общиннаго надѣла, они разъѣзжаются въ двѣ партіи, каждая изъ которыхъ беретъ покосы по одну сторону дороги, каждая партія затѣмъ опять разъѣзжается надвое, и такъ продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока община не разобьется на число партій, соотвѣтствующихъ числу мелкихъ сѣнокосныхъ урочищъ.

Въ распространенности описанныхъ способовъ передѣла покосовъ не замѣчается особенной правильности: можно только сказать, что способъ развода по урочищамъ встрѣчается, главнымъ образомъ, въ юго-западной степной части округа, передѣлъ «на сбáвокъ» — преимущественно въ сѣверныхъ приречныхъ общинахъ; передѣлъ «навалкою душъ» одинаково распространенъ по всей территоріи округа.

Передѣляя сѣнокосы описанными способами, большая часть общинъ предоставляетъ полный просторъ самодѣятельности общинниковъ, не ограничивая ея какимъ-либо распредѣленіемъ угодій на сорта; такое распредѣленіе мы находимъ только въ нѣсколькихъ общинахъ и, притомъ, главнымъ образомъ, въ такихъ, сѣнокосныя угодья которыхъ самою природой или условіями землевладѣнія раздѣлены на двѣ или на три совершенно отчетливо обозначающіяся категоріи.

Въ виду немногочисленности случаевъ примѣненія къ сѣнокосамъ способовъ передѣла, основанныхъ на началѣ *объективнаго* равенства, мы ограничимся объ этихъ способахъ только нѣсколькими замѣчаніями: подобные передѣлы совершаются не ежегодно, а чрезъ продолжительные промежутки, обыкновенно одновременно съ передѣлами пашень; сѣнокосы раздѣляются съ мѣры на равные участки, которые и разбираются между общинниками обыкновенно тѣмъ же порядкомъ, какой въ данной мѣстности принятъ при передѣлѣ пахотныхъ земель.

Пользованіе *выгонами* и *пастбищами* въ большинствѣ общинъ Ишимскаго округа совершенно свободно и не пропорціонально размѣрамъ платежей; единственное ограниченіе заключается въ томъ, что къ пастьбѣ на общинныхъ угодьяхъ не допускается «наборный» скотъ, т.-е. скотъ, закупленный для перепродажи и вообще съ коммерческими цѣлями. Въ виду невозможности достигнуть пропорціональности пользованія пастбищами съ размѣрами душевыхъ платежей путемъ дѣйствительнаго распредѣленія пастбищъ на душевые участки, путемъ дѣйствительнаго передѣла, довольно многія общины стремятся достигнуть этой цѣли путемъ раздѣленія пастбищъ, такъ сказать, на *идеальныя* доли, каждая изъ которыхъ соотвѣтствуетъ праву на безплатный выпасъ опредѣленнаго числа головъ скота, и *обложенія* сборомъ всего числа скота, превышающаго установленную душевую норму. Такой характеръ, какъ мы видѣли, отчасти имѣетъ примѣняемый во многихъ общинахъ способъ обложенія въ пользу общины «залишняго скота»; но способъ этотъ, какъ средство достиженія уравни-

тельности пользованія пастбищами, страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что не даетъ бѣднымъ общинникамъ, имѣющимъ скота менѣе противъ установленной душевой нормы, возможности осуществить свое право на пользованіе идеальною долей пастбищъ, соотвѣтствующею недостающему противъ нормы числу головъ скота. Недостатокъ этотъ устраняется оригинальнымъ порядкомъ, носящимъ названіе «расположки скотскаго выпуска». Сущность этого порядка состоитъ въ слѣдующемъ: община сосчитываетъ все число скота, который предполагается «расположить» (бо̀льшею частью одного крупнаго, иногда отдѣльно отъ послѣдняго и овецъ); полученная цифра дѣлится на число въ общинѣ раскладочныхъ душъ, а частное отъ дѣленія (въ округленной цифрѣ) представитъ собою причитающееся на каждую душу число головъ скота; затѣмъ общинники, имѣющіе скота болѣе противъ нормы, облагаются въ томъ или иномъ размѣрѣ (15—25 к. съ головы крупнаго скота) *сборомъ*, который, однако, поступаетъ *не въ общинную* кассу, *а въ пользу крестьянъ*, имѣющихъ скота *менѣе душевой нормы*. Различіе этого порядка по существу отъ простаго обложенія въ доходъ общины «залишняго скота» заключается въ томъ, что онъ даетъ *всѣмъ* общинникамъ возможность осуществить свое право на установленную долю пастбищъ, причемъ имѣющіе скота менѣе противъ душевой нормы какъ бы сдаютъ въ аренду («продаютъ») «скотскій придово̀лъ», т.-е. право на долю, соотвѣтствующую недостающему числу головъ, тѣмъ общинникамъ, которые имѣютъ скота болѣе нормы. Порядокъ этотъ, появившись впервые около 1884 года въ Армизонской волости въ настоящее время успѣлъ уже частью въ чистомъ видѣ, частью въ комбинаціи съ обложеніемъ скота въ доходъ общины получить значительное распространеніе въ общинахъ юго-западной части округа, а въ виду его полнаго соотвѣтствія интересамъ массы населенія и духу мѣстной общины, ему, вѣроятно, предстоитъ и дальнѣйшее распространеніе и развитіе.

VII.

Область господства порядка пользованія *лѣсомъ* въ видѣ передѣляемыхъ отдѣльно отъ другихъ угодій душевыхъ участковъ составляетъ весь Ишимскій округъ, за исключеніемъ, съ одной стороны, тѣхъ мѣстностей, гдѣ лѣсъ еще продолжаетъ состоять въ вольномъ пользованіи, а съ другой—ряда общинъ, расположенныхъ по берегу Ишима ниже окружнаго города, гдѣ особо передѣляемыхъ на души лѣсныхъ пространствъ нѣтъ, а лѣсъ имѣется только въ видѣ «рощъ» (см. ниже), на принимаемой за пашню землѣ и передѣляется вмѣстѣ съ послѣднею.

Если, какъ было указано выше, образованіе формъ передѣла сѣнокосныхъ угодій произошло помимо вліянія борьбы хозяйственнаго интереса съ интересомъ всеобщаго равенства, то тѣмъ сильнѣе должна была возгорѣться эта борьба при передѣлахъ лѣсныхъ зарослей и вообще при рѣшеніи вопросовъ, относящихся къ пользованію лѣсами, что̀, конечно, объясняет-

ся особенными свойствами лѣсовъ, именно ихъ легкою истощимостью и, разъ они вырублены, крайнею трудностью и продолжительностью ихъ возстановленія; другими словами, борьба двухъ названныхъ интересовъ осложняется и исходъ ея до значительной степени предрѣшается здѣсь вмѣшательствомъ *лѣсоохранительнаго* начала, очевидно, солидарнаго съ интересами зажиточной части и противорѣчащаго интересамъ, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ интересамъ недостаточной части населенія. Сущность лѣсоохранительнаго начала въ примѣненіи къ передѣламъ лѣсовъ заключается въ томъ, что всякій долженъ продолжать *пользоваться тѣмъ лѣсомъ, какой онъ для себя выростилъ*; кто, слѣдовательно, до передѣла берегъ свой лѣсъ, не рубилъ его, тотъ удерживаетъ хорошій лѣсъ и послѣ передѣла; кто, напротивъ, до передѣла вырубилъ весь свой лѣсъ, тотъ и послѣ передѣла остается на своихъ вырубкахъ.

Гдѣ полная побѣда осталась на сторонѣ лѣсоохранительнаго интереса, тамъ либо долженъ былъ произойти раздѣлъ лѣса на *потомственные* подворные участки (съ такимъ порядкомъ мы встрѣчаемся всего въ одной общинѣ), либо надѣленіе «малолѣтскихъ» душъ должно было, какъ мы это видимъ въ нѣсколькихъ общинахъ, производиться только изъ лѣса, сдѣлавшагося, такъ сказать, выморочнымъ (то-есть входившаго въ составъ надѣловъ «мертвыхъ» душъ), а разъ отведенный кому-либо лѣсъ долженъ былъ оставаться неприкосновеннымъ. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ формы передѣла лѣсовъ слагались подъ вліяніемъ такого или иного компромисса этого начала съ началомъ всеобщаго равенства, гдѣ въ этомъ компромиссѣ сильнѣе обозначилось,—какъ это и было въ большинствѣ общинъ Ишимскаго округа,—вліяніе лѣсоохранительнаго начала и солидарнаго съ нимъ зажиточнаго меньшинства, тамъ передѣлъ производится «по старшинству», «по вотчинѣ»; сущность этого порядка по отношенію къ лѣсамъ та же, что и въ примѣненія къ пашнямъ: каждая душа получаетъ одинаковое по пространству количество лѣса; но въ видахъ поощренія лѣсоохраненія, всѣ «старожительныя» души остаются, за отрѣзкою излишняго по разсчету пространства, на своихъ старыхъ «вотчинахъ»: «заревизные» по возможности надѣляются лѣсомъ, принадлежавшимъ ихъ же отцамъ или вообще ближайшимъ родственникамъ, такъ что бережное обращеніе съ лѣсомъ награждается, а расточительное — наказуется не только на самихъ виновникахъ, но и на ихъ дѣтяхъ.

Значеніе передѣла, произведеннаго «по вотчинамъ», представляется, однако, весьма различнымъ въ зависимости отъ того, *какая часть* прежняго пользованія оставляется за «старожилами» и какая отрѣзается для надѣленія «малолѣтовъ». Вопросъ этотъ разрѣшается весьма различно въ зависимости преимущественно отъ случайнаго преобладанія въ данной общинѣ той или другой партіи; но преобладающимъ долженъ быть признанъ тотъ наиболѣе соотвѣтствующій лѣсоохранительному началу порядокъ, когда лѣсъ не дѣлится на сорта, и «старожиламъ» предоставляется удержать *любую*, слѣдовательно, *лучшую* часть прежняго пользованія, а отдать «въ

общество» для надѣленія «малолѣтовъ» худшую. Сравнительно очень рѣдко встрѣчается тотъ представляющій значительную уступку интересу «бѣдноты» порядокъ, когда лѣсъ распредѣляется на сорта сообразно его качеству (наприм., строевой, жердевой, дровяной лѣсъ и т. п.), и «старожиламъ» предоставляется удержать лишь такую же часть хорошаго лѣса, какою надѣляются «малолѣты».

Общины, принявшія при передѣлѣ лѣсовъ болѣе благопріятные интересамъ бѣдноты способы—порядокъ передѣла «на перебой», «въ надорожку» или «на сбавокъ» и способъ развода по урочищамъ составляютъ меньшинство и встрѣчаются преимущественно (а послѣдній даже исключительно) въ южной части округа. Передѣлъ лѣсовъ названными способами до того момента, когда артели общинниковъ или отдѣльные общинники разобрали между собой мелкія лѣсныя урочища, производится такъ же, какъ и передѣлъ тѣми же способами сѣнокосныхъ угодій; но если, какъ это обыкновенно бываетъ, въ составъ какой-либо артели вошли въ числѣ другихъ и такіе домохозяева, которые и раньше пользовались лѣсомъ въ томъ же урочищѣ, то на сцену опять-таки выступаетъ хозяйственный интересъ: въ большинствѣ общинъ такихъ лицъ оставляютъ,— за отрѣзкою лишняго по разверсткѣ пространства, — на тѣхъ же участкахъ, какими они владѣли до передѣла; но нѣкоторыя общины не даютъ прежнимъ владѣльцамъ даже и такого слабаго преимущества, а предоставляютъ имъ только наравнѣ съ другими «торговаться» на принадлежавшіе имъ прежде участки.

Чтобы покончить со способами передѣла лѣсовъ, надо еще упомянуть, что нѣкоторыя общины передѣляютъ свои лѣса двоякимъ способомъ; не останавливаясь на обстоятельномъ разсмотрѣніи подобныхъ случаевъ, укажемъ только на одну общую имъ и вполнѣ понятную черту: та часть лѣса, которую крестьяне по той или другой причинѣ (лучшее качество, поддворное мѣстоположеніе) наиболѣе дорожатъ, передѣляется самымъ точнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самымъ труднымъ способомъ, именно перемѣривается и передѣляется «по старшинству»; менѣе цѣнные лѣса передѣляются однимъ изъ способовъ, не требующихъ предварительнаго обмѣра.

Чрезвычайно важный возникающій при передѣлѣ лѣсовъ вопросъ о *судьбѣ лѣса, ростущаго на участкахъ, переходящихъ* къ новымъ владѣльцамъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, разрѣшеніе которыхъ наиболѣе зависитъ отъ случайнаго преобладанія той или другой партіи: интересъ бѣдной части населенія требуетъ, чтобы всякій участокъ переходилъ къ новому владѣльцу вмѣстѣ со всѣмъ ростущимъ на немъ лѣсомъ; интересъ зажиточныхъ крестьянъ, чтобы переходило только *мѣсто*, а выросшій на немъ лѣсъ оставался въ пользу прежняго владѣльца. Послѣдовательное проведеніе и того, и другого порядка было бы, конечно, несправедливо: если, съ одной стороны, было бы не «по-Божески», принявъ первый порядокъ, лишить прежняго владѣльца всѣхъ плодовъ его бережливости, то, съ другой, нельзя надѣлять одними пнями ни въ чемъ неповинную «малолѣт-

скую» душу. И дѣйствительно, перваго порядка въ его чистомъ видѣ мы не встрѣчаемъ нигдѣ, второй—только въ очень немногихъ общинахъ; затѣмъ большинство общинъ при отрѣзкѣ лѣсныхъ участковъ разрѣшаютъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ срубать только наиболѣе крупный лѣсъ, мелкій же лѣсъ передаютъ вмѣстѣ съ мѣстомъ новымъ владѣльцамъ; при этомъ границы «крупнаго» и «мелкаго» лѣса опредѣляются разными общинами различно: однѣ общины предоставляютъ срубать только «строенныя» деревья, другія — весь болѣе крупный лѣсъ до жердеваго включительно. Смыслъ этого наиболѣе соотвѣтствующаго правосознанію мѣстной общины порядка понятенъ: въ виду необходимости надѣлить «прибылыя» души лѣсомъ на топливо и «на выростъ», община, не желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, «обижать» прежняго владѣльца, разрѣшаетъ послѣднему воспользоваться тою частью лѣса, сохраненіе которой требовало отъ него наиболѣе тяжкихъ и продолжительныхъ жертвъ,—слѣдовательно, самымъ крупнымъ лѣсомъ, мелкій же отдаетъ «прибылымъ» душамъ.

До сихъ поръ мы говорили только о лѣсахъ, передѣляемыхъ отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ угодій. Намъ нужно еще сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ «рощахъ» или «садôчкахъ»,—термины, подъ которыми въ мѣстностяхъ съ установившимся душевымъ пользованіемъ разумѣются *лѣсныя заросли на земляхъ*, принятыхъ отдѣльными общинниками *въ счетъ душеваго надѣла пахотной земли.*

Вопросъ о «рощахъ» принадлежитъ къ числу наиболѣе затруднительныхъ, такъ какъ даетъ много мѣста борьбѣ противурѣчивыхъ интересовъ: съ одной стороны, нельзя игнорировать правъ владѣльцевъ «рощъ», — правъ, основанныхъ на воздержаніи въ теченіе десятковъ лѣтъ отъ дохода, который могло бы дать зарощенное пространство при обращеніи въ пашню; съ другой—нельзя предоставить зажиточнымъ хозяевамъ и неограниченнаго права зарощенія своихъ пашень лѣсомъ, такъ какъ это постепенно повело бы къ образованію въ ихъ рукахъ значительныхъ непередѣляемыхъ участковъ лѣса и къ изъятію изъ общиннаго пользованія значительныхъ пространствъ пахотной земли. Въ виду этого, вопросъ о «рощенныхъ» лѣсахъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, по которымъ мы встрѣчаемся съ наиболѣе разнообразными и, притомъ, случайными рѣшеніями.

Наиболѣе распространеннымъ и, повидимому, соотвѣтствующимъ общему духу мѣстныхъ земельныхъ порядковъ представляется тотъ порядокъ, при которомъ «рощи» передѣляются вмѣстѣ съ окружающими пашнями; въ случаѣ отрѣзки рощи, прежнему владѣльцу предоставляется срубить весь болѣе крупный лѣсъ, мелкій же переходитъ вмѣстѣ съ мѣстомъ къ новому; отъ усмотрѣнія послѣдняго уже зависитъ или продолжать «рôстить» лѣсъ, или выкорчевать его и обратить участокъ въ пашню. Другія общины, также включая рощи въ число передѣляемыхъ земель, въ случаѣ перехода ихъ въ другія руки, дозволяютъ прежнему владѣльцу срубать *весь* лѣсъ (понятно, что разъ при такомъ порядкѣ находятся желающіе брать, вмѣсто пашни, голыя вырубки, то это свидѣтельствуетъ о высокой доход-

ности пашень, окупающей затраты на корчеваніе пней); третьи, напротивъ (впрочемъ, очень немногія), не позволяютъ ему срубить ни одного дерева, а всю заросль передаютъ, вмѣстѣ съ мѣстомъ, новому владѣльцу. Нѣкоторыя общины предоставляютъ разрѣшеніе вопроса о судьбѣ «рощи» усмотрѣнію ея владѣльца: онъ можетъ или оставить «рощу» за собой, и тогда она засчитывается ему за пашню одного сорта съ окружающими, или отказаться отъ нея, и тогда «роща» поступаетъ въ число передѣляемыхъ лѣсовъ; другія, напротивъ, ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ отказа отъ зарощеннаго лѣсомъ пахотнаго участка; наконецъ, нѣсколько общинъ включаютъ «рощи» въ число передѣляемыхъ лѣсовъ, и права владѣльцевъ на «рощи» охраняютъ лишь въ той же мѣрѣ, какъ и права ихъ на отведенные имъ въ душевой лѣсной надѣлъ лѣса.

Чтобы покончить съ вопросомъ о порядкахъ пользованія лѣсами, надо указать еще на то, что нѣсколько общинъ выдѣляютъ изъ душеваго (или вольнаго) пользованія часть (обыкновенно ближайшую къ усадьбамъ) лѣса и объявляютъ ее подъ заказомъ; такіе лѣса имѣютъ непосредственною цѣлью служить выгономъ для скота на случай ненастной погоды; вырубки производятся въ нихъ, по постановленіямъ общины, въ опредѣленномъ для каждаго хозяина числѣ деревьевъ, пропорціональномъ числу раскладочныхъ душъ; за вырубаемый лѣсъ иногда взимается въ общинную кассу или въ пользу церкви попенная пошлина. Подобныя заказныя рощи всегда пользуются со стороны крестьянъ большимъ уваженіемъ и случаевъ самовольныхъ порубокъ въ нихъ почти никогда не бываетъ.

VIII.

Въ заключеніе настоящаго очерка мы считаемъ полезнымъ въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на вопросѣ о роли, которую играютъ въ развитіи общинныхъ порядковъ ишимской общины посторонніе элементы и, въ частности, переселенцы изъ внутреннихъ губерній Россіи и ссыльно-поселенцы.

Изъ предъидущаго уже ясно, что вліяніе первыхъ должно быть признано совершенно ничтожнымъ: переселенцы, которыхъ особенно много пришло въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, не только не привили къ ишимской общинѣ какихъ - либо принесенныхъ съ собою съ родины порядковъ, но, напротивъ, почти во всѣхъ отношеніяхъ переняли порядки, выработанные коренною мѣстною общиной, и отказались отъ порядковъ, приспособленныхъ къ малоземелью оставленныхъ ими мѣстностей и не подходившихъ къ условіямъ ихъ новаго мѣстожительства. Роль, сыгранная переселенцами въ исторіи развитія ишимской общины, сводится къ тому, что приселеніе ихъ, съузивъ прежній просторъ, во многихъ мѣстностяхъ вызвало немедленный переходъ отъ вольнаго къ душевому пользованію.

Вліяніе на общинную жизнь ссыльно-поселенцевъ было,—какъ это ни покажется на первый взглядъ страннымъ, — гораздо значительнѣе: хотя

ссыльные и не внесли въ общину никакихъ *новыхъ* началъ или порядковъ, но они всегда и вездѣ вліяютъ на нее въ опредѣленномъ направленіи: при передѣлахъ они изъ своихъ эгоистическихъ интересовъ всегда побуждаютъ общину къ принятію такихъ способовъ, которые наиболѣе противорѣчатъ хозяйственному интересу; при такихъ способахъ ссыльные получаютъ возможность «садиться» на пахотные участки, хорошо воздѣланные зажиточными хозяевами, отбирать выращенные послѣдними лѣса и, такимъ образомъ, пользоваться плодами ихъ труда и бережливости; намъ неоднократно приходилось наталкиваться на случаи, когда переходъ отъ порядка передѣла «по старшинству» къ аукціонному способу былъ непосредственно вызванъ ихъ настояніями.

Что касается послѣдняго элемента, черезъ который могли бы извнѣ проникнуть въ ишимскую общину какія-либо заносныя начала или порядки, — отставныхъ и запасныхъ солдатъ, — то они въ Ишимскомъ округѣ не только не пользуются со стороны крестьянъ какимъ-либо особымъ уваженіемъ, но, наоборотъ, находятся у крестьянъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи, не принимаютъ никакого участія въ общинныхъ дѣлахъ и не имѣютъ на общинную жизнь никакого вліянія.

Сказанное, кажется намъ, исключаетъ возможность предположенія, будто бы формы общинной жизни, сущность которыхъ мы изложили, занесены откуда-нибудь извнѣ однимъ изъ перечисленныхъ пришлыхъ элементовъ, и, наоборотъ, вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе, что формы эти суть результатъ естественнаго развитія мѣстной общинной жизни, обусловленнаго общимъ естественно-историческимъ и экономическимъ характеромъ мѣстности.

А. Кауфманъ.

Изъ исторіи нѣмецкой литературы XIX вѣка *).

Вольфгангъ Мюллеръ выступилъ въ сороковыхъ годахъ съ нѣсколькими собраніями стихотвореній, балладами и поэмами, въ которыхъ передавалъ древнія сказанія, легенды, историческія событія, происходившія на Рейнѣ; извѣстность же онъ пріобрѣлъ только тогда, когда изданіемъ своихъ эпическихъ произведеній: *Майская королева*, *Принцъ Минневанъ* и *Сентъ-Гоарскій крысоловъ* вступилъ въ разрядъ «новыхъ» людей. *Майская королева*—это идиллія, въ которой очень наглядно изображена сельская жизнь въ Семигорьѣ съ ея работами на виноградникахъ и поляхъ и веселыми праздниками. Фабула же очень проста. Болѣе разнообразное дѣйствіе развивается во второй поэмѣ, гдѣ съ большимъ юморомъ разсказывается объ удивительныхъ приключеніяхъ, которыя пришлось испытать принцу Минневану, прежде чѣмъ ему удалось покорить молодую дѣвушку, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ. Въ поэмѣ *Сентъ-Гоарскій крысоловъ* авторъ рисуетъ пріятную и веселую жизнь рейнскихъ провинцій и даетъ въ ней рядъ прелестныхъ жанровыхъ картинокъ.

Жизнь Вольфганга Мюллера прошла необыкновенно просто; онъ родился 5 мая 1816 г. въ Кёнигсвинтерѣ у подошвы Семигорья, изучалъ въ Боннѣ медицину, много лѣтъ имѣлъ докторскую практику въ Дюссельдорфѣ, пока въ 1853 г. не переселился въ Кёльнъ, гдѣ посвятилъ себя наукѣ, поэзіи и искусству. Онъ умеръ 20 іюня 1873 г. во время леченія на водахъ въ Нейенарѣ. Подобно Рокету и Вольфгангу Мюллеру, началъ свою карьеру и Юлій Роденбергъ; испробовавъ свои силы на двухъ тетрадкахъ патріотическихъ сонетовъ, издавъ нѣсколько эпическихъ произведеній, она началъ стремиться избавиться отъ отвлеченнаго юношескаго довольства, старался принять болѣе твердый, зрѣлый тонъ и расширить свой кругозоръ. Вслѣдствіе этого, и жизнь его сложилась иначе, чѣмъ жизнь его товарищей. Роденбергъ былъ сынъ извѣстнаго купца-еврея Лева въ Роденбергѣ, въ бывшемъ Гессенскомъ курфюршествѣ; онъ родился 26 іюня 1831 г. и послѣ своего перваго появленія въ литературѣ сталъ назы-

*) *Русская Мысль*, кн. X.

ваться по мѣсту своего рожденія. Кончивъ гимназію, онъ рѣшилъ изучать право и слушалъ лекціи поочередно въ Гейдельбергѣ, въ Геттингенѣ, Марбургѣ и Берлинѣ, но особенной склонности къ наукамъ не имѣлъ и увлекся поэзіей. Еще первыя его юношескія произведенія, изданныя въ Гейдельбергѣ, свидѣтельствуютъ о тонкомъ пониманіи красоты, только поэту замѣтно недостаетъ еще самостоятельности; образцы, которыхъ онъ придерживался, легко узнать. Тверже на собственныя ноги онъ становится въ *Пѣсняхъ* и *Музыкальныхъ сонетахъ* и имѣетъ уже свою опредѣленную, ясно выраженную физіономію. У него, какъ и въ пѣсняхъ остальныхъ «новыхъ людей», преобладаетъ жизнерадостное настроеніе, но въ его поэзіи есть болѣе глубокая мысль, описанія природы его очень разнообразны и красивы, риѳмы сочетаются съ большимъ вкусомъ; а стихи необыкновенно благозвучны. Роденбергъ лирикъ, который поднялся выше радужнаго настроенія молодости, который при всей любви къ наслажденію старается внести содержаніе въ жизнь, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ свою поэзію, и который владѣетъ, наконецъ, формой съ большою увѣренностью.

Увлеченіе поэзіей отодвинуло на задній планъ юридическія науки, такъ что въ 1855 г. Роденбергъ бросилъ ихъ совершенно и увлекся путешествіями. Побывавъ въ Парижѣ, онъ отправился въ Англію, гдѣ посвятилъ себя изученію англійской исторіи, англійскаго народа и страны. Плодомъ его пребыванія явились три историческіе романа, отличающіеся прекраснымъ изображеніемъ характеровъ и вѣрнымъ описаніемъ мѣстности. Едва ли какой-нибудь другой нѣмецкій авторъ передавалъ чувства и мысли англичанъ съ такимъ пониманіемъ; ни одинъ другой писатель не представлялъ намъ Лондонъ съ его величественными дворцами и безконечными улицами рядомъ съ мрачными домишками и узкими переулками такъ наглядно, какъ Роденбергъ. Правда, онъ иногда заходитъ слишкомъ далеко и черезъ-чуръ подробными описаніями замедляетъ дѣйствіе. Главное достоинство его романовъ заключается въ просвѣтленномъ міровоззрѣніи, лежащемъ въ основѣ всѣхъ сужденій; этотъ писатель никогда не осуждаетъ слишкомъ опрометчиво, не восхваляетъ чрезмѣрно въ быстро вспыхивающемъ увлеченіи; онъ всегда строго обсуждаетъ и пользуется охотнѣе правомъ поэта прощать, чѣмъ правомъ судьи карать. Въ нѣкоторыхъ развязкахъ желательно было бы побольше жара и силы, но, вспоминая, въ какую эпоху литературы онъ писалъ, нельзя осуждать его болѣе, чѣмъ спокойный, тонъ. Наконецъ, гладкость стиля, прекрасное построеніе періодовъ и звучность языка заслуживаютъ похвалы.

Окончивъ періодъ путешествій, Роденбергъ въ 1862 г. поселился въ Берлинѣ, гдѣ редактировалъ нѣкоторое время беллетристическое приложеніе къ модному журналу *Базаръ*; въ 1874 г. онъ основалъ ежемѣсячный журналъ *Deutsche Rundschau*, издаваемый имъ еще и теперь. Возстановленіе Германской имперіи онъ встрѣтилъ съ горячимъ сочувствіемъ, прославилъ геройство арміи и изобразилъ, наконецъ, то время съ его важными событіями въ большомъ романѣ *Die Grandidiers*, оказавшемся его лучшимъ

произведеніемъ; какъ въ построеніи дѣйствія и характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ описаніи мѣстности и въ звучности языка авторъ выказалъ большое совершенство. Къ сожалѣнію, съ конца семидесятыхъ годовъ Роденбергъ не далъ ни одного новаго беллетристическаго произведенія.

Совершенно противуположенъ Рокету, Вольфгангу Мюллеру и Роденбергу Теодоръ Штормъ; онъ не славитъ молодости и любви, хотя беззаботно наслаждается ими, но, оглядываясь на прошлое, онъ съ грустью вспоминаетъ, сколько сладкихъ наслажденій они когда-то давно, давно давали ему. Его поэзія является выраженіемъ его настроенія и онъ избѣгаетъ въ ней всего грубаго, рѣзкаго, умѣряетъ яркость свѣта, такъ что часто неизвѣстно, въ дѣйствительности было или вымышлено то, что онъ разсказываетъ въ какомъ-то мечтательномъ забытьи. Поэтому сцены у него часто неясны, смутны; героямъ его недостаетъ энергіи; они отступаютъ передъ рѣшительнымъ шагомъ и исполняются горькою покорностью, но никогда не впадаютъ въ болѣзненный пессимизмъ. Въ техникѣ, въ способѣ выражать душевное настроеніе дѣйствующихъ лицъ, въ легкой, но всегда характеристичной наброскѣ сценъ Штормъ выказалъ большое искусство. Съ 1870 г., со времени возстановленія имперіи, въ повѣстяхъ Шторма пульсъ бьется немного сильнѣе. Къ сожалѣнію, этотъ писатель остановился исключительно на маленькихъ разсказахъ и поэтому у него естественно выработалась извѣстная манера изображать и характеризовать, которая, въ концѣ-концовъ, немного надоѣдаетъ. Въ лирикѣ онъ также придерживается краткости, его пѣсни часто похожи на эпиграммы, но всегда гармонично закончены и отличаются необыкновенною нѣжностью и сердечностью.

Штормъ родился 14 окт. 1817 г. въ Хусумѣ, въ Шлезвигѣ, изучалъ въ Килѣ и Берлинѣ право, занимался въ родномъ городѣ адвокатствомъ, принималъ въ 1848 г. участіе въ борьбѣ за свободу и послѣ побѣды датчанъ долженъ былъ покинуть отечество. Онъ уѣхалъ въ Пруссію, съ 1853 года служилъ ассессоромъ въ Потсдамѣ, въ 1856 г. переведенъ судьей въ Гейлигенштадтъ, гдѣ спокойно прожилъ семь счастливыхъ лѣтъ. Послѣ присоединенія Шлезвигъ - Голштиніи къ Пруссіи, онъ возвратился въ Хусумъ, служилъ тамъ много лѣтъ судьей и въ 1880 г. вышелъ въ отставку; послѣ этого онъ переселился въ Хадемаршенъ, гдѣ при весьма благопріятныхъ условіяхъ живетъ и до сихъ поръ.

Послѣ печальнаго конца возстанія, рядомъ съ подавленностью, сдѣлалось замѣтно еще другое настроеніе: чувство довольства и успокоенія во всѣхъ тѣхъ, кто во время революціи дрожалъ отъ страха, кому переворотъ представлялся какимъ-то ужасомъ и кто, по возвращеніи прежнихъ порядковъ, могъ спокойно усѣсться на старыя насиженныя мѣста.

Такому настроенію должна была соотвѣтствовать и поэзія, не имѣющая ничего общаго съ жизнерадостными сказками-поэмами; и она явилась совсѣмъ иначе, твердою поступью и съ торжественно-сіяющимъ девизомъ: «за тронъ и алтарь», но она не могла долго удержаться въ народѣ. Первые шаги къ этой реакціонной литературѣ сдѣлалъ Христіанъ-Фридрихъ

Шеренбергъ, «прусскій Тиртей», написавшій стихотворенія *Ватерлоо*, *Линьи* и др., въ которыхъ прославлялъ прусскую армію. Поэтъ имѣлъ въ виду только изображеніе блестящихъ военныхъ подвиговъ давно прошедшаго времени, а не тенденціозное прославленіе восторжествовавшаго милитаризма. Но эти поэмы такъ соотвѣтствовали общему настроенію, что имъ сейчасъ же придали реакціонный характеръ. Въ художественномъ отношеніи поэмы не имѣютъ особеннаго значенія.

Шеренбергъ часто съ большимъ мастерствомъ рисуетъ намъ шумную жизнь солдатъ, громъ битвъ, геройство полковъ; его картины захватываютъ иногда своею жизненностью, но въ каждомъ стихотвореніи недостаетъ гармоническаго распредѣленія матеріала; нигдѣ авторъ не дѣлаетъ даже попытки на искусное построеніе дѣйствія. Къ тому же, Шеренбергу недостаетъ глубокаго ума; его занимаютъ только сражающіяся массы, а не идеи, за которыя онѣ борятся; поэтому произведенія Шеренберга не настоящія эпическія поэмы, а скорѣе эпическіе отрывки. Шеренбергъ родился 5 мая 1798 г., въ Штетинѣ, и жилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ прикащикомъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, пока поэмой *Ватерлоо* не обратилъ на себя вниманіе короля Фридриха-Вильгельма IV, который далъ ему мѣсто библіотекаря при военномъ министерствѣ. Шеренбергъ умеръ 9 сентября 1881 г. въ Целендорфѣ, близъ Берлина.

Гораздо образованнѣе Шеренберга былъ Георгъ Гезекиль, написавшій еще въ сороковыхъ годахъ нѣсколько соціальныхъ романовъ; въ 1849 г. онъ выступилъ съ пѣснями и одами, прославляющими прусскій королевскій домъ и прусское войско и издалъ рядъ романовъ, опредѣленно выражающихъ консервативные взгляды. Гезекиль родился 12 августа 1819 г., въ Галле, изучалъ исторію и философію, поступилъ въ 1849 г. въ редакцію *Новой Прусской Газеты*, гдѣ сотрудничалъ до самой смерти, послѣдовавшей 26 февр. 1874 года.

Въ сочиненіяхъ Гезекиля и его послѣдователей выражались желанія, взгляды и надежды консервативнаго протестантскаго сѣвера, на католическомъ же югѣ консервативные кружки видѣли спасеніе въ тѣсномъ соединеніи съ церковью, въ возстановленіи средневѣковой іерархіи. Выразителемъ этой католико-реакціонной партіи явился Оскаръ фонъ-Редвицъ. Редвицъ родился 28 іюня 1823 г. въ Лихтенау, въ Миттельфранкенѣ, изучалъ въ Мюнхенѣ и Эрлангенѣ юридическія науки, занимался нѣкоторое время адвокатствомъ, но въ 1849 г. отказался отъ юридической карьеры и посвятилъ себя литературному труду. Его первое произведеніе *Амарантъ* имѣло громадный успѣхъ, такъ какъ было по душѣ всѣмъ ретроградамъ. «Низверженіе науки» было лозунгомъ враговъ гуманистическаго образованія и Оскаръ фонъ-Редвицъ проповѣдывалъ это низверженіе съ такимъ фанатизмомъ, какого еще не выказывалъ ни одинъ нѣмецкій писатель. Недостатокъ этого сочиненія, въ эстетическомъ отношеніи, тотъ, что въ немъ нѣтъ послѣдовательности и соразмѣрности въ развитіи дѣйствія; всѣ правила эпической поэмы пренебрежены; полу-

чается сборникъ всѣхъ родовъ лирическихъ стихотвореній: тутъ есть и пѣсня, и сонетъ, и романсъ, и изъ всѣхъ этихъ стихотвореній, ничѣмъ не связанныхъ между собою, составляется, въ концѣ-концовъ, фабула. Большая часть стихотвореній слишкомъ слащава и напыщена, хотя есть нѣсколько пѣсенъ и описаній природы поистинѣ прекрасныхъ. Такое нехудожественное и неправдивое произведеніе могло встрѣтить сочувствіе только въ такое время, когда въ немъ нуждались для достиженія эгоистичныхъ и въ высшей степени прозаичныхъ цѣлей. Когда это время прошло,—а прошло оно черезъ нѣсколько лѣтъ,—тогда смолкли и незаслуживаемыя похвалы. Молодой писатель пріобрѣлъ, между тѣмъ, преувеличенное понятіе о своемъ талантѣ и чувствовалъ влеченіе къ поэтическому творчеству. Но послѣдующія его сочиненія встрѣтили холодный пріемъ; благодѣтельнымъ послѣдствіемъ этого было самоиспытаніе и перемѣна. Редвицъ молчалъ нѣкоторое время, началъ избѣгать неправды, слащавости и напыщенности, старался философскими науками расширить свой кругозоръ и отвернулся отъ преслѣдуемаго до сихъ поръ пути. Если прежде виды его были обращены на Римъ, то теперь они покоились на Германіи, и онъ написалъ нѣсколько историческихъ драмъ, рисующихъ нѣмецкую жизнь и обычаи. Открытымъ же врагомъ Рима Редвицъ явился въ повѣсти, въ стихахъ, *Одило*, которую надо считать его какъ бы вѣроисповѣданіемъ. Это сочиненіе вводитъ насъ въ центръ современныхъ религіозныхъ распрей и проникнуто серьезною мыслью; чувствуешь, что авторъ стоитъ на высотѣ человѣчества, а его міровоззрѣніе есть результатъ сознательнаго и неустаннаго исканія. Къ сожалѣнію, внѣшняя отдѣлка сочиненія оставляетъ многаго желать; стихи часто сухи и грубы, нерѣдко встрѣчаются неупотребительные выраженія и обороты, попадаются даже мѣста, скорѣе похожія на прозу, чѣмъ на стихи. Несмотря на всѣ недостатки, это стихотвореніе Редвица — выдающееся и весьма цѣнное произведеніе. Жизнь Редвица и послѣ того, какъ онъ сдѣлался знаменитымъ писателемъ, продолжалась очень просто. Послѣ недолгой профессуры въ Вѣнѣ онъ жилъ въ деревнѣ, пока въ 1871 г. не переселился въ Меранъ, гдѣ живетъ и до сихъ поръ.

Перейдемъ теперь къ драматическихъ сочиненіямъ. Молодая Германія, въ особенности Гуцковъ, вновь пробудили интересъ къ театру, и это обстоятельство побудило множество драматурговъ дать публикѣ легкое развлеченіе, въ которомъ она нуждалась, въ видѣ пріятно проведенныхъ въ театрѣ вечеровъ.

Особенно усердствовали въ этомъ отношеніи Бенедиксъ и Бирхъ-Пфейферъ, первый написалъ около девяноста, вторая около ста пьесъ.

Робертъ Бенедиксъ находился уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда настало время реакціи. Онъ и передъ тѣмъ кое-что писалъ, но не имѣлъ особеннаго успѣха, пока послѣ мартовскихъ дней не создалась публика, желаніямъ которой онъ вполнѣ отвѣчалъ. Онъ родился 21 января 1811 г. въ Лейпцигѣ, по окончаніи гимназическаго курса поступилъ на сцену и про-

служилъ десять лѣтъ то пѣвцомъ, то драматическимъ актеромъ, нигдѣ особенно не выдавшись; позднѣе онъ занималъ сначала мѣсто директора театра въ Кёльнѣ, затѣмъ при франкфуртскомъ театрѣ, но въ 1858 г. отказался отъ этой должности и посвятилъ себя исключительно литературному труду. Онъ поселился въ Лейпцигѣ, гдѣ и скончался 26 сентября 1873 года. Отличительныя черты пьесъ Бенедикса—простота, добродушіе и безукоризненная благопристойность. Дѣйствіе происходитъ большею частью въ домахъ средняго круга, и завязка основывается на недостаткахъ характера, но часто является слѣдствіемъ недоразумѣнія или ошибки, только въ рѣдкихъ случаяхъ авторъ рѣшается осмѣять какую-нибудь временную глупость, но это плохо удается ему. Построеніе пьесъ всегда удачно, діалогъ отличается плавностью, но лишенъ граціи и остроумія. Бенедиксъ отлично умѣетъ придумать комическія положенія, вслѣдствіе чего у него масса смѣшныхъ сценъ; а юмористическою характеристикой онъ доказываетъ, что обладаетъ большою наблюдательностью. Его герои списаны съ натуры, они совершенно такіе люди, какихъ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу и ни на одну іоту больше, они самые обыденные люди. Комедіи Бенедикса не язвятъ насмѣшкой, не вызываютъ стыда, представляя общіе недостатки и глупости, они являются только невиннымъ развлеченіемъ, какъ разъ тѣмъ, что и требовалось въ усталое время реакціи. Поэтому-то его пьесы имѣли такой большой, всеобщій успѣхъ.

Въ то время какъ Бенедиксъ увеличивалъ комическій репертуаръ, Шарлотта Бирхъ-Пфейферъ писала драмы и трагедіи. Не обладая достаточнымъ творческимъ талантомъ, она брала повѣсти, романы извѣстныхъ нѣмецкихъ и французскихъ писателей и очень ловко и легко передѣлывала ихъ для сцены, не заботясь особенно о законахъ драмы. Она нерѣдко дѣлала счастливый выборъ и тогда выходили недурныя пьесы съ благодарными ролями; часто она ошибалась, но убытокъ отъ этого не великъ. Какъ и Бенедиксъ, она писала еще въ до-мартовское время, но, какъ и онъ, пріобрѣла извѣстность только въ пятидесятыхъ годахъ. Шарлотта Бирхъ-Пфейферъ родилась 23 іюня 1800 г. въ Штутгардтѣ, съ 13 лѣтъ посвятила себя сценѣ, въ 1825 г. вышла за мужъ за писателя Бирха, но не отказалась отъ сцены, и до самой смерти, послѣдовавшей 25 августа 1868 г., была любимою актрисой королевскаго берлинскаго театра.

Развлеченіе, доставляемое театромъ, не могло удовлетворить всѣхъ, поэтому должна была создаться беллетристика во вкусѣ времени и этой потребности старались удовлетворить женщины и въ особенности Луиза Мюльбахъ. Эта писательница, при первомъ появленіи своемъ въ сороковыхъ годахъ, увлеклась эмансипаціонными идеями и написала нѣсколько романовъ, въ которыхъ смѣло выступила за полную свободу женщины; послѣ революціи въ ней произошла рѣзкая перемѣна: она признала, что теперь, прежде всего, надо удовлетворить требованіямъ легкаго чтенія, рисующаго счастливую и роскошную жизнь, и, «презирая критику и хорошій вкусъ», какъ правильно выразился Робертъ Прутцъ, издала рядъ соотвѣт-

ствующихъ современному вкусу романовъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Мюльбахъ выводитъ историческихъ личностей, рисуетъ ихъ искусно и живо, но всегда такими, какими они ей нужны. Историческая правда всегда у нея страдаетъ. Луиза Мюльбахъ (псевдонимъ Клары Мундтъ) родилась 5 января 1814 г.; она была дочерью оберъ-бюргермейстера Мюллера въ Нейбранденбургѣ, вышла въ 1839 г. замужъ за писателя Теодора Мундта и жила безвыѣздно въ Берлинѣ до смерти, послѣдовавшей 26 сентября 1873 г.

За Луизой Мюльбахъ послѣдовалъ цѣлый рядъ менѣе талантливыхъ писательницъ, къ которымъ примкнулъ одинъ старый писатель, извѣстный прежде какъ актеръ, чтецъ, пѣвецъ и милый собесѣдникъ въ обществѣ, но не какъ литераторъ: Карлъ фонъ-Хоитей. Его романы были радостно встрѣчены, какъ новое проявленіе таланта стараго знакомаго, а такъ какъ они, ко всеобщему удивленію, отлично подходили подъ современный вкусъ, то скоро сдѣлались любимымъ чтеніемъ. Произошло это благодаря случайности. Первое появленіе Хоитея въ литературѣ было въ двадцатыхъ годахъ; въ то дисятилѣтіе увлекающійся театромъ и закулисною жизнью юноша мечталъ о своемъ будущемъ и взгляды, которые въ немъ выработались тогда, остались у него на всю жизнь и, слѣдовательно, выражались въ послѣдующихъ романахъ. Онъ раздѣлялъ настроеніе эпохи разочарованія, настроеніе того поколѣнія, которое, вынужденное отказаться отъ своихъ національныхъ надеждъ, обратилось къ наслажденію, удовольствіямъ, сантиментальности. Та же атмосфера, какъ въ эпоху разочарованія, охватила нѣмецкій народъ и во время реакціи. Романы Хоитея съ юморомъ, весельемъ, наивностью и нерѣдко игривостью двадцатыхъ годовъ пришлись по вкусу людямъ, только что видѣвшимъ возстановленіе сейма и въ отчаяніи отвернувшимся отъ политики и общественной жизни. Хоитей всю свою жизнь не интересовался политикой, идеи 1848 г. были несимпатичны ему. Въ своихъ романахъ онъ говоритъ большею частью о себѣ и поэтому въ нихъ преобладаетъ тонъ веселаго пожилаго человѣка, много путешествовавшаго, хорошо знающаго жизнь полусвѣта, слышавшаго массу анекдотовъ и талантливо передающаго ихъ. Законъ объективности часто страдаетъ у него, и романамъ его недостаетъ глубокой мысли и идеи.

Но не одна проза сдѣлала Хоитея любимымъ писателемъ,—добрую часть его популярности, особенно въ отечествѣ, пріобрѣли ему его *Силезскіе стихи*, въ которыхъ вѣрно отражается характеръ силезца, его живость, веселость и искренность.

Жизнь Хоитея была полна безпокойствъ и разочарованій. Онъ родился 24 января 1798 г. въ Бреславлѣ, долженъ былъ посвятить себя сельскому хозяйству, но рано увлекся театромъ и въ 1815 г. поступилъ на сцену. Увлеченіе, однако, превосходило его способности,—несмотря на всѣ старанія, онъ остался посредственнымъ актеромъ. Въ 1821 г. онъ женился на Луизѣ Роже, любимой актрисѣ бреславльской сцены, и сдѣлался секретаремъ того же театра. Но они скоро поссорились съ остальными членами труппы и молодая чета переселилась въ Берлинъ, гдѣ Луизу Роже пригласили на

королевскую сцену. Хоитей попробовалъ въ это время свои силы на драмахъ и написалъ нѣсколько комическихъ пьесъ, имѣвшихъ большой успѣхъ благодаря легкому, непринужденному юмору. Въ 1825 г. умерла жена Хоитея и онъ взялъ мѣсто секретаря при дирекціи королевскихъ театровъ, но въ 1828 г. отказался и сдѣлался чтецомъ шекспировскихъ пьесъ, чѣмъ пріобрѣлъ большую извѣстность. Въ 1829 г. онъ женился во второй разъ, и опять на актрисѣ, и долгое время не находилъ себѣ прочнаго положенія, пока въ 1837 г. его не пригласили директоромъ театра въ Ригу. Но, потерявъ въ 1838 г. и вторую жену, Хоитей оставилъ мѣсто и чтецомъ объѣхалъ всю Германію. Въ началѣ политическихъ смутъ, въ 1847 г., онъ удалился въ Грацъ въ Штейермаркѣ и прожилъ тамъ до 1870 г.; послѣднія десять лѣтъ онъ провелъ въ своемъ любимомъ Бреславлѣ, гдѣ умеръ 12 февраля 1880 г. послѣ продолжительной болѣзни.

Писателей реакціоннаго времени начали очень скоро критиковать и осуждать, и вполнѣ основательно, потому что, какъ поэты, воспѣвающіе молодость, веселье и вино, такъ и реакціонные поэты, которые видѣли спасеніе въ возвращеніи монархіи, выступили изъ потока національнаго развитія и приняли такой видъ, какъ будто всѣ стремленія возстановить національное объединенное государство были совершенно ненужнымъ дѣломъ. Къ тому же, они не дали ни одного выдающагося произведенія. А, между тѣмъ, поступая такъ, а не иначе, они исполнили свое назначеніе. Въ такое время, когда массы подавленныхъ, разочарованныхъ и негодующихъ отвернулись отъ политики, нужно было только беззаботное времяпрепровожденіе и поэзія, которая, прежде всего, успокоила бы горячо бьющіяся сердца и возвратила имъ нормальное положеніе. Эту задачу поэзія реакціоннаго времени отлично исполнила. Когда же народъ началъ опять медленно пробуждаться, тогда нѣмецій Парнасъ принялъ новый образъ.

Послѣ подавленія революціи, въ Австріи, Пруссіи и во всѣхъ остальныхъ государствахъ Германіи реакціонные радикалы употребили всѣ силы, чтобы возстановить прежній порядокъ вещей, и это имъ удалось; въ одномъ очень важномъ пунктѣ былъ сдѣланъ даже шагъ назадъ, который превзошелъ самыя смѣлыя надежды враговъ объединенія Германіи. Прусскій король, лишенный политическаго ума, не понимавшій назначенія своей страны и поглощенный романтическими мечтами объ «историческомъ правѣ», сдвинулъ Пруссію даже съ того мѣста, которое она естественно заняла съ 1830 года. «Первое мѣсто въ Германіи, — сказалъ онъ, — принадлежитъ Австріи». Но, несмотря на все это, 1848 г. вычеркнуть нельзя было; идеи, возникшія въ то время и волновавшія всѣ умы, жили еще, хотя и подавленныя, и нашли себѣ пищу въ парламентаризмѣ. Только въ Австріи были уничтожены палаты, во всей остальной Германіи ихъ не рѣшились упразднить, и здѣсь депутаты и сословные представители либеральными рѣчами медленно пробуждали въ народѣ интересъ къ національнымъ дѣламъ. Напрасно реакціонный министръ, Отто фонъ-Мантейфель, и министры всѣхъ другихъ государствъ старались ослабить ихъ вліяніе и силу;

они могли уменьшить и сократить права сословныхъ палатъ, но не могли уничтожить самихъ палатъ. Весь нѣмецкій народъ былъ глубоко убѣжденъ въ важности конституціонныхъ учрежденій и крѣпко держался за нихъ. Публичныя засѣданія палатъ пробудили интересъ къ общественнымъ дѣламъ и въ тѣхъ кругахъ, которые послѣ неудачи 1848 года удалились отъ политической жизни и медленно и робко, а потомъ все быстрѣе и сильнѣе, начала развиваться новая жизнь — та политическая жизнь, когда гражданинъ живетъ не только *въ* государствѣ, но и *съ* государствомъ, когда онъ чувствуетъ себя не безгласнымъ подданнымъ, предоставляющимъ заботиться обо всемъ правительству, но сознаетъ себя членомъ государства. Такимъ образомъ, понемногу воспрянулъ народъ съ ясно выраженнымъ политическимъ самосознаніемъ и опредѣленнымъ основными положеніями и цѣлями.

Главныя основныя положенія, постепенно выработавшіяся, сосредоточивались въ слѣдующихъ пунктахъ: прежде всего, необходимо избѣгать неяснаго идеализма, причинившаго несчастіе 1848 года; надо стараться удовлетворить матеріальнымъ интересамъ, прежде чѣмъ идеальнымъ. Только благоденствующіе народы, какъ наглядно доказываетъ примѣръ Англіи, способны быть дѣйствительно свободными. Поэтому, прежде всего, необходимо поднять торговлю и промышленность. Когда они окрѣпнутъ, тогда и политическая жизнь приметъ новую форму. Эти взгляды, постоянно развиваемые въ палатахъ, сдѣлались, наконецъ, господствующими во всѣхъ слояхъ, особенно же въ Пруссіи, и нужно было только небольшое измѣненіе обстоятельствъ, чтобы опять ступить на путь національнаго развитія, и эта перемѣна настала прежде, чѣмъ можно было ожидать. Осенью 1857 года заболѣлъ неизлечимымъ нервнымъ разстройствомъ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, и 7 октября 1858 г. его младшій братъ Вильгельмъ, принцъ Прусскій, сдѣлался регентомъ. Такимъ образомъ, во главѣ правленія сталъ человѣкъ, который, прежде всего, хотѣлъ дать конституцію такую, какую въ свое время клятвенно обѣщался ввести его братъ, и который былъ глубоко убѣжденъ, что положеніе, занимаемое съ 1848 г. Пруссіей въ Германіи, совершенно не достойно ея и не соотвѣтствуетъ развитію германскихъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого, реакціонный министръ Отто фонъ-Мантейфель долженъ былъ уступить свое министерское кресло либеральному князю Антону фонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ; произошла полная перемѣна системы, и политическій центръ тяжести перешелъ опять въ Берлинъ, чтобы навсегда тамъ остаться. Патріоты ожили и начали строить новыя надежды.

Къ этому реалистическому направленію примкнула и литература; всѣ выдающіяся сочиненія, вышедшія между 1853 и 1859 гг., проникнуты стремленіемъ развить практическій умъ, доказать народу значеніе работы и счастіе благосостоянія. Согласно съ настроеніемъ времени, новые взгляды сообщались не съ барабаннымъ боемъ и не въ звучныхъ тирадахъ, а спокойнымъ тономъ, и чтобы избѣжать горячности, всегда непріятной медленно пробуждающемуся, съ легкимъ юморомъ, съ желаніемъ убѣдить наглядностью, а не теоріей. При такомъ всеобщемъ возвращеніи къ полити-

ческой жизни. Одинъ писатель увлекался новыми взглядами скорѣе, другой позднѣе; одинъ касался непосредственно новыхъ отношеній, другой старался дѣйствовать примѣрами изъ исторіи. Этому періоду недостаетъ поэтому единства характера.

Необыкновенно счастливо попалъ въ современный тонъ Густавъ Фрейтагъ, быстро сдѣлавшійся любимымъ писателемъ того времени. Въ началѣ своей литературной карьеры Фрейтагъ стоялъ подъ знаменемъ Молодой Германіи. Гуцковъ поднялъ массу вопросовъ объ общественныхъ дѣлахъ и Фрейтагъ смѣло выбралъ одинъ изъ наиболѣе обсуждаемыхъ, именно вопросъ о томъ, можно ли браками уравнивать дворянство съ буржуазіей. Фрейтагъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно и находитъ даже, что дворянство больше выиграетъ отъ подобныхъ союзовъ. Когда вспыхнула революція, задачи Молодой Германіи отошли у Фрейтага на задній планъ, всѣми своими мыслями и чувствами онъ обратился къ новому теченію, что вполнѣ отвѣчало сущности его таланта, такъ какъ нервное возбужденіе Молодой Германіи было ему весьма несимпатично. Прежніе товарищи обвиняли его въ позорномъ отступничествѣ, всячески перетолковывали «нравственно-эстетическую катастрофу» и строго порицали всѣ произведенія, которыя писалъ теперь Фрейтагъ, дававшій послѣ-мартовской публикѣ то, что она требовала, и остававшійся при этомъ тѣмъ, чѣмъ онъ въ дѣйствительности былъ. Такимъ образомъ, онъ не унизился до ренегатства, а только сбросилъ чужой покровъ.

Фрейтагъ—писатель, не обладающій горячей страстью, не увлекающійся высшими цѣлями человѣчества; онъ пріятный, острый и нерѣдко умный собесѣдникъ, который безъ громкихъ фразъ и преувеличенія говоритъ о томъ, что всѣхъ интересуетъ. Его описанія отличаются наглядностью, красотой и изяществомъ, а картины добросовѣстною и тщательною отдѣлкой. Подобные пріемы должны были пріятно подѣйствовать на публику, начавшую медленно пріучаться къ громкому говору и широкимъ перспективамъ, и поэтому произведенія Фрейтага имѣли необычайный успѣхъ.

Четырехъактная комедія *Журналисты* вводитъ насъ въ жизнь политическихъ партій 1853 г. и не только отвѣчаетъ вкусу времени, но и представляетъ въ высшей степени удачную и характеричную картину нравовъ. Изображеніе лицъ менѣе удалось автору; кромѣ обоихъ героевъ, какъ бы выхваченныхъ изъ жизни, большая часть лицъ или проведены непослѣдовательно, или являются какими-то призрачными фигурами. Несмотря на этотъ недостатокъ, *Журналисты*—лучшая нѣмецкая комедія изъ всѣхъ написанныхъ въ новое время. Романъ *Soll und Haben* вводитъ насъ въ купеческую среду; авторъ написалъ его, какъ онъ говоритъ во вступленіи, чтобы вызвать нѣмецкій народъ изъ унынія, представить ему, не списывая съ дѣйствительности, но и не искажая истины, картину его пригодности и рисуетъ кропотливую работу купца въ конторѣ и въ амбарѣ, его честность, добросовѣстность и благонадежность въ данномъ рядѣ очень наглядно изображенныхъ характеровъ. Благодаря большому искусству ав-

тора, создалась многосторонняя, яркая картина, не лишенная, однако, противорѣчій и темныхъ сторонъ. Рядомъ съ истинностью и добросовѣстностью замѣтна слишкомъ большая осторожность, доходящая почти до педантизма, отсутствіе смѣлости, предпріимчивости, излишняя скромность и недостаточная самоувѣренность какъ относительно высшихъ сословій, такъ и искусства. Герой романа слишкомъ скроменъ, робокъ, слишкомъ незначителенъ, чтобы исполнить свою роль; не смотря на свои недостатки, этотъ романъ Фрейтага занимаетъ первое мѣсто между соціальными романами пятидесятыхъ годовъ, такъ какъ онъ очень вѣрно отражаетъ общее настроеніе и общее стремленіе улучшить матеріальныя условія.

Черезъ десять лѣтъ сочиненіямъ, прославляющимъ стремленіе улучшить матеріальное благо, Фрейтагъ противупоставилъ проповѣдь работы для нравственнаго блага народа во второмъ большомъ романѣ, *Потерянная рукопись*. Но здѣсь писателю не хватило таланта. Фрейтагъ удачно изобразилъ мѣщанскую и купеческую жизнь въ провинціи, но не глубокосерьезную духовную работу нѣмецкихъ ученыхъ, которые заслужили уваженіе не только своей націи, но и всего свѣта.

Съ 1872 г. Фрейтагъ предпринялъ большой циклъ романовъ, изображающихъ на одной семьѣ умственное и соціальное развитіе нѣмецкаго народа съ язычества до настоящаго времени. Гигантское произведеніе, кончившееся только черезъ восемь лѣтъ, носитъ заглавіе *Предки*. Удачнѣе всего два первые разсказа, въ которыхъ передъ читателемъ въ яркихъ краскахъ выступаютъ отважные вандалы и тюрингцы; во второмъ томѣ авторъ впалъ въ нѣкоторое однообразіе, котораго не можетъ преодолѣть и въ третьемъ; въ остальныхъ частяхъ онъ даетъ рядъ прекрасныхъ характерныхъ картинъ и множество интересныхъ и оригинальныхъ описаній изъ провинціальной и мѣщанской жизни.

Формулируя окончательный приговоръ надъ Фрейтагомъ, мы должны замѣтить, что онъ умный писатель съ почтеннымъ направленіемъ, но ему недостаетъ глубокой страсти и, вслѣдствіе этого, творческой силы: онъ даетъ всегда хорошія вещи, пока вертится въ узкомъ мѣщанскомъ кругу, и пишетъ неудовлетворительныя произведенія, когда выходитъ изъ опредѣленныхъ ему рамокъ.

Фрейтагъ вынужденъ былъ обстоятельствами избрать литературную карьеру. Родившись 13 іюля 1816 г. въ Крейцбургѣ въ Силезіи, онъ получилъ прекрасное образованіе, а въ 1839 г. поступилъ въ Бреславлѣ приватъ-доцентомъ нѣмецкаго языка и литературы, съ цѣлью посвятить себя академической дѣятельности. Положеніе дѣлъ въ Бреславльскомъ университетѣ было въ то время неутѣшительное, пылкаго молодаго ученаго постоянно стѣсняли и когда въ 1846 г. ему запретили лекціи исторіи нѣмецкой культуры, онъ вышелъ изъ университета и отправился въ Дрезденъ, потомъ въ Лейпцигъ, гдѣ купилъ и издавалъ газету *Пограничный Вѣстникъ*, служившую до сихъ поръ австрійскимъ интересамъ, теперь же сдѣлавшуюся органомъ прусско-германской, а позднѣе готской партіи. Въ

1870 г. онъ вышелъ изъ редакціи и направилъ свою дѣятельность на вновь основанный еженедѣльный журналъ *Въ новомъ государствѣ*; когда въ 1882 г. этотъ журналъ покончилъ существованіе, Фрейтагъ отвернулся отъ литературной жизни. Въ 1851 г. онъ купилъ себѣ маленькое имѣніе близъ Готы, гдѣ до 1878 г. онъ ежегодно проводилъ лѣтніе мѣсяцы. Съ 1878 г. Фрейтагъ живетъ въ Висбаденѣ.

Надъ узкою мѣщанскою средой поднялся слѣдующій писатель, котораго намъ надо разбирать,—Максъ Вальдау, псевдонимъ Рихарда Георга Штиллера фонъ-Гауеншильдта. Къ сожалѣнію, этотъ писатель умеръ слишкомъ рано, на тридцатомъ году. Главнымъ условіемъ успѣшнаго развитія человѣчества Максъ Вальдау ставитъ гармонію между духовнымъ и матеріальнымъ благомъ. Только народъ, хорошо чувствующій себя физически, способенъ къ расцвѣту духовной жизни. Всеобщее вниманіе привлекло первое же его произведеніе—канцона *О, это время*, въ которой онъ въ серьезныхъ, грустныхъ строфахъ рисуетъ бѣдствіе отечества. За канцоной послѣдовалъ рядъ сочиненій, изъ которыхъ романъ *Съ натуры* произвелъ настоящій фуроръ. «Эта книга, подобно майскому дождю, оживила приниженный народъ, находящійся въ разладѣ съ самимъ собою»,—говоритъ Робертъ Прутцъ. Въ то время, какъ народу были нанесены жестокія раны и отняты всѣ надежды, Вальдау показалъ, что и между могилъ могутъ весело сверкать цвѣты юмора. Въ то время, какъ всѣ обезсилѣли, отжили и потеряли вѣру въ будущее, явился поэтъ, указавшій сквозь смѣхъ и слезы на то духовное царство, которое вѣчно существуетъ и къ которому, несмотря на всѣ ошибки и неудачи, мы съ каждою минутой приближаемся. Громадный успѣхъ романа основывается на талантливости, съ которой авторъ съумѣлъ схватить новыя условія и до корня изслѣдовать соціальные недостатки, и въ горячемъ увлеченіи помочь имъ. Но ему не удалось представить свой матеріалъ въ законченной художественной формѣ; романъ слишкомъ разбросанъ, разговоры, изложенія, размышленія занимаютъ бо́льшее мѣсто, и какъ они ни умны, они только мѣшаютъ ходу дѣйствія. Этому обстоятельству и постоянно замѣчаемой лихорадочной поспѣшности (такъ какъ авторъ предчувствовалъ свою преждевременную кончину) слѣдуетъ приписать то, что романъ этотъ такъ скоро забытъ. Штиллеръ фонъ-Гауеншильдтъ родился 10 марта 1825 г. въ Бреславлѣ, изучалъ право въ родномъ городѣ и Гейдельбергѣ и затѣмъ предпринялъ большія путешествія по чужимъ краямъ. По возвращеніи на родину, Вальдау хотѣлъ избрать дипломатическую карьеру, но революція помѣшала ему исполнить это намѣреніе и онъ удалился въ свое имѣніе близъ Бауервитца въ Верхней Силезіи, гдѣ 20 января 1855 года и скончался.

Максъ Вальдау не достигъ полнаго развитія потому, что смерть слишкомъ рано похитила его; слѣдующій поэтъ, котораго мы поставимъ послѣ Вальдау, швейцарецъ Готфридъ Келлеръ, также не достигъ своей цѣли, такъ какъ ему помѣшали неблагопріятныя жизненныя условія. Келлеръ родился 19 іюля 1819 г. въ Цюрихѣ, росъ въ скромной обстановкѣ

посвятилъ себя живописи, но, увидавъ, что, какъ художникъ, онъ никогда не выдвинется, занялся поэзіей и написалъ томъ стихотвореній, одинъ романъ и нѣсколько разсказовъ. Въ 1861 г. онъ вынужденъ былъ взять мѣсто перваго секретаря въ Цюрихскомъ кантонѣ и уже не находилъ ни времени, ни охоты заниматься поэзіей. Только, оставивъ службу въ 1876 г., послѣ пятнадцатилѣтняго молчанія онъ взялся опять за перо и издалъ множество новеллъ. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Келлеръ беретъ немного своеобразную точку зрѣнія; онъ никогда не отдавался вполнѣ современному теченію; поэтому онъ избѣжалъ измѣнчиваго настроенія дня и остался оригинальнымъ писателемъ. Характеристичная черта его—неизмѣнная нравственная здравость. Въ немъ нѣтъ тѣни сантиментальности, нервнаго раздраженія, преувеличенія; при выборѣ матеріала онъ заботится всегда о душевныхъ движеніяхъ и никогда не старается заинтересовать множествомъ приключеній или неожиданныхъ сплетеній, хотя отчасти любитъ необычайныя положенія и смѣшныя сцены; онъ нерѣдко позволяетъ себѣ самыя смѣлыя штуки, самыя произвольныя предположенія, не умаляя этимъ поэтическаго достоинства своихъ сочиненій. Все искусство свое Келлеръ выказалъ въ изображеніи характеровъ, особенно женскихъ. Изъ всѣхъ родовъ сочиненій ему наиболѣе удавались небольшія новеллы, въ которыхъ все быстро сводится къ развязкѣ; мастерское въ этомъ отношеніи произведеніе—разсказъ *Ромео и Юлія въ деревнѣ*. Въ стихотвореніяхъ Келлеръ не могъ вполнѣ развить своего таланта; легкокрылая пѣснь, короткій сонетъ не годились для выраженія его мыслей и чувствъ; поэтому онъ нерѣдко напоминалъ другихъ поэтовъ, напримѣръ, Гейне и Рюкерта. Только въ размышленіяхъ и идилліи онъ является вполнѣ самимъ собой и тщательно рисуетъ интересныя юмористическія положенія.

Гораздо многостороннѣе Келлера способствовалъ медленному пробужденію политической жизни сѣверо-германскій писатель Вилибальдъ Алексисъ. Первыя попытки писать были сдѣланы имъ еще въ двадцатыхъ годахъ, но оцѣнили его только въ пятидесятыхъ. Алексисъ, настоящее имя котораго Георгъ Вильгельмъ Генрихъ Герингъ, былъ сынъ бретонскаго эмигранта, родился 29 іюня 1798 г. въ Бреславлѣ, но рано переселился въ Берлинъ, гдѣ получилъ образованіе; въ 1815 г. онъ участвовалъ добровольцемъ въ походѣ противъ Франціи, вернувшись въ Берлинъ, изучилъ права и началъ юридическую карьеру, но скоро бросилъ ее и посвятилъ себя литературному труду. Толчокъ приняться за писательство далъ Алексису Вальтеръ Скоттъ, манерѣ котораго онъ такъ близко слѣдовалъ въ своемъ первомъ произведеніи *Вальдамаръ*, что рискнулъ издать его подъ именемъ Скотта и назваться только переводчикомъ. Смѣлая мистификація вполнѣ удалась,—и критика, и публика долгое время считали этотъ романъ сочиненіемъ великаго шотландца. Написавъ еще продолженіе *Вальдамара*, *Авалонскій зáмокъ*, Алексисъ принялся за самостоятельное творчество. Скоттъ прославлялъ героевъ своей родины,—не имѣла развѣ Германія богатаго историческаго прошлаго, могучихъ, своеобразныхъ героевъ и

описаніе ихъ подвиговъ и судебъ не должно развѣ интересовать нѣмецкую публику болѣе, чѣмъ чужой шотландскій край? Такъ разсуждалъ молодой писатель, желая освободиться отъ чужаго руководства, и взглядъ его упалъ на Фридриха Великаго. Съ большимъ искусствомъ онъ набросалъ вѣрную картину культуры и нравовъ времени Фридриха, но, тѣмъ не менѣе, его произведеніе успѣха не имѣло; въ то время молодая Германія занимала всѣ умы своими соціальными проблемами и космополитизмомъ. Алексисъ рѣшилъ, что онъ выбралъ невѣрный путь и обратился также къ соціальной борьбѣ, но здѣсь онъ былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ,— ему, прежде всего, недоставало живости и діалектической остроты. Романы и повѣсти, написанные въ духѣ молодой Германіи, принадлежатъ къ его самымъ слабымъ произведеніямъ. Это почувствовалъ самъ авторъ и возвратился къ историческому роману изъ отечественной жизни, но углубился гораздо дальше въ прошлое, чтобы дать публикѣ какъ можно болѣе новаго. Послѣ революціи 1848 г. Алексисъ вступилъ въ важнѣйшій періодъ своего творчества. Въ романѣ *Спокойствіе — первый долгъ гражданина* онъ развернулъ передъ народомъ большую картину изъ времени глубокаго позора Германіи, а въ романѣ *Изегримъ* не менѣе обширную картину славныхъ дней возвышенія. Въ первомъ онъ касался причины тяжелаго униженія и указывалъ, что ее слѣдуетъ искать въ отпаденіи отъ національныхъ идей, въ послѣднемъ проводилъ ту мысль, что только возвращеніе къ національнымъ идеямъ можетъ свергнуть иноземное владычество. Такимъ образомъ, во время общаго унынія и безнадежности Алексисъ въ обоихъ произведеніяхъ съ жаромъ проповѣдывалъ національныя идеи и сдѣлалъ этимъ не мало для укрѣпленія новой національной жизни. Жаль, что авторъ не умѣлъ искусно строить свои романы; второстепенныя сцены онъ рисуетъ большею частью съ такими же подробностями, какъ и главныя, и культурно-историческія описанія нерѣдко сильно растягиваютъ нить разсказа. За то характеристика отдѣльныхъ лицъ исполнена мастерски. Къ сожалѣнію, *Изегримъ* былъ послѣднимъ крупнымъ произведеніемъ Алексиса; въ 1857 г. съ нимъ сдѣлался ударъ, послѣ котораго онъ долго болѣлъ; 16 декабря 1871 г. онъ скончался въ Арнштадтѣ, въ Тюрингіи, куда переселился изъ Берлина съ 1859 г. въ надеждѣ на свѣжемъ горномъ воздухѣ поправить разстроенное здоровье.

Указаніями на средневѣковыхъ героевъ старался ободрить упавшій духомъ народъ Іосифъ Викторъ Шеффель. При всей любви къ детальнымъ изслѣдованіямъ, Шеффель сохраняетъ всегда свободный взглядъ и открываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ широкія перспективы; его лица являются всегда вѣрнымъ отраженіемъ своего времени. Кромѣ того, онъ не былъ всецѣло поглощенъ этимъ далекимъ прошлымъ; онъ часто закрывалъ свои фоліанты, выходилъ на широкій просторъ и пѣлъ звучныя пѣсни или садился въ кругъ веселыхъ друзей и затягивалъ удалую застольную пѣснь. Этими стихотвореніями, пользовавшимися большимъ успѣхомъ, хотя, въ сущности, они имѣли мало поэтическихъ достоинствъ, онъ защитилъ свой

литературный характеръ отъ архивной пыли, такъ справедливо не нравящейся публикѣ въ писателѣ.

Шеффель родился 16 февраля 1826 г. въ Карлсруэ, изучалъ юридическія науки, но послѣ непродолжительной службы бросилъ юридическую карьеру и, слѣдуя давнишней склонности, рѣшилъ сдѣлаться художникомъ. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ путешествіе по Италіи, но почувствовалъ здѣсь призваніе къ поэзіи и сочинилъ на Капри бо̀льшую часть своего *Сэкингенскаго барабанщика*. По возвращеніи онъ поселился въ Гейдельбергѣ, чтобы приготовиться къ академической дѣятельности, но болѣзнь глазъ неоднократно прерывала занятія и его все болѣе и болѣе влекло къ поэзіи. Онъ написалъ для дружескаго кружка упомянутыя застольныя пѣсни о кончинѣ «барабанщика». Стихотворенія его, ходившія долгое время въ рукописяхъ, очень оригинальны; они то привлекаютъ веселою простотой, то поражаютъ острымъ юморомъ, проникнутымъ немного пессимизмомъ, то восхищаютъ красивою, по большей части старинною формой. Они имѣли большой успѣхъ, особенно среди молодежи, котораго не всегда заслуживали. Большаго достоинства, по нашему мнѣнію, они не имѣютъ, такъ какъ имъ недостаетъ глубокой идеи.

Послѣ изданія *Сэкингенскаго барабанщика* и романа *Эккезардъ*, которые несравненно выше прежнихъ произведеній, Шеффель еще разъ посѣтилъ Италію, послѣ чего герцогъ саксенъ-веймарскій пригласилъ его къ себѣ и предложилъ прославить въ стихотвореніи Іогентвиль и Вартбургъ. Шеффель поселился въ Веймарѣ и Эйзенахѣ, гдѣ изучалъ исторію миннезенгеровъ, но, къ сожалѣнію, ожидаемаго крупнаго произведенія не создалъ, а написалъ только нѣсколько мелкихъ сочиненій. Послѣ Веймара Шеффель жилъ частью въ своемъ имѣніи близъ Боденскаго озера, частью въ Карлсруэ, гдѣ скончался 9 апрѣля 1886 г. отъ хронической болѣзни, мучившей его долгіе годы.

Еще глубже, чѣмъ въ произведеніяхъ Фрейтага, Макса Вальдау, Алексиса и Шеффеля, отразился духъ времени въ стихотвореніяхъ, поэмахъ, драмахъ и романахъ Рудольфа Готшаля. Изъ всѣхъ писателей разбираемаго періода Готшаль ставилъ себѣ самыя высокія цѣли, такъ какъ онъ лучше всѣхъ понималъ главную задачу писателей той эпохи воплощать въ поэтическихъ образахъ современныя идеи. Поэтому онъ самый ярый противникъ такъ называемаго академическаго направленія, которому нѣтъ никакого дѣла до современнаго культурнаго движенія и которое желаетъ только изображенія чисто-человѣческихъ отношеній и, притомъ, наибольшее значеніе придаетъ формѣ. Готшаль родился 30 сентября 1823 года въ Бреславлѣ, учился въ Майнцѣ и Кобленцѣ, а изучалъ право въ Кёнигсбергѣ и Берлинѣ. Революціонное движеніе рано увлекло его въ свой потокъ и онъ издалъ нѣсколько романовъ, драмъ и сборниковъ стихотвореній, въ которыхъ старался служить отечественному дѣлу. Эти первыя и спѣшныя произведенія свидѣтельствуютъ уже о выдающемся дарованіи автора; они звучны и богаты блестящими картинами,

но имъ еще недостаетъ самостоятельности. Они были благосклонно приняты публикой, и, вслѣдствіе этого, правительство обратило вниманіе на опаснаго молодаго писателя, и когда Шеффель, окончивъ курсъ въ Кёнигсбергѣ, хотѣлъ начать академическую карьеру, ему было объявлено, что только въ томъ случаѣ онъ получитъ необходимое разрѣшеніе, если въ годичный срокъ докажетъ, что перемѣнилъ свои политическія убѣжденія. На подобное условіе Готшаль естественно не могъ согласиться и отдался всецѣло литературному труду; онъ жилъ нѣкоторое время въ Гамбургѣ, потомъ въ Бреславлѣ, а въ 1865 г. переселился въ Лейпцигъ, гдѣ принялъ на себя редакторство *Журнала для литературнаго развлеченія* и ежемѣсячнаго журнала *Наше Время*, которое онъ ведетъ и до сихъ поръ. Писалъ Готшаль очень много; онъ пробовалъ всѣ роды литературы и вездѣ доказалъ, что онъ умный и искусный поэтъ, всегда прислушивающійся къ пульсу современной жизни. Главную дѣятельность Готшаль направилъ на драму; наиболѣе удачна трагедія *Мазепа*, въ которой съ большимъ искусствомъ схваченъ характеръ чуждаго нѣмцамъ міра. Съ лирикой Готшалю посчастливилось меньше; она умна, звучна, блестяща, но ей недостаетъ глубины и сердечности. Только въ новѣйшее время Готшаль занялся романами и изъ множества имъ написанныхъ лучшій его первый романъ *Подъ знаменемъ черного орла*, рисующій жизнь до и послѣ первой силезской войны, жизнь въ Рейнсбергѣ у кронпринца Фридриха и интриги партій въ Бреславлѣ. Правда, сочиненію недостаетъ единства, въ немъ параллельно идутъ два дѣйствія, едва связанныхъ между собою, но за то характеристика и изображеніе страны и людей исполнены съ большимъ мастерствомъ; съ особенною любовью нарисованъ образъ короля.

Подобно Готшалю, медленному пробужденію новой національной жизни способствовалъ другой крупный драматургъ, не достигшій, однако, положенія автора *Мазепы*, Альбертъ Эмиль Брахфогель. Онъ родился 29 апрѣля 1824 года въ Бреславлѣ, вслѣдствіе болѣзненности получилъ плохое образованіе, слѣдуя влеченію къ театру, попробовалъ сдѣлаться актеромъ, но послѣ неудачнаго дебюта обратился къ литературнымъ занятіямъ, и среди новыхъ плановъ и работъ неожиданно умеръ 27 ноября 1878 года въ Берлинѣ. Брахфогель обладалъ замѣчательно богатою фантазіей и большимъ драматическимъ талантомъ, но ему недоставало образованія, яснаго пониманія прекраснаго и наблюдательности. Его произведенія всѣ дышатъ самобытною, глубоко-потрясающею страстью; но бурно-клокочущему источнику не хватаетъ искуснаго управленія. Когда въ 1856 г. онъ поразилъ своею трагедіей *Нарциссъ*, всѣ думали, что талантъ автора быстро дозрѣетъ, и съ торжествомъ прославляли автора *Нарцисса*, какъ втораго Шекспира. Но скоро они увидѣли, что ошиблись: Брахфогель не пошелъ далѣе естественнаго крика страсти, и слѣдующія его пьесы обладаютъ еще бо̀льшими слабостями и недостатками и всѣ быстро сошли со сцены. Огорченный неудачей, Брахфогель обратился къ историческому роману и написалъ болѣе пятидесяти томовъ, обладающихъ тѣми же

достоинствами и тѣми же недостатками, какъ и драмы; они умны, оригинальны, но безъ стройнаго развитія, часто туманны и никогда не даютъ вѣрной картины изображаемой эпохи.

Въ это время медленнаго пробужденія, заботъ о поднятіи благосостоянія, объ учрежденіи акціонерныхъ обществъ и фабрикъ лирика должна была отступить на задній планъ; поэтому сравнительно мало поэтовъ занималось пѣснями и балладами; наиболѣе выдѣляется изъ нихъ Германнъ Лингъ. Лингъ родился 22 января 1820 г. въ Линдау, близъ Боденскаго озера, изучалъ медицину и служилъ долгое время военнымъ врачомъ. Къ 1851 г. онъ по болѣзни вышелъ въ отставку, переселился въ Мюнхенъ и, обезпеченный ежегодною пенсіей баварскимъ королемъ Максимиліаномъ II, всецѣло посвятилъ себя поэзіи. Первое же собраніе его стихотвореній обратило на себя всеобщее вниманіе своими сильными стихами и величественными картинами, которыя онъ рисуетъ увѣренными штрихами, раскрашиваетъ густыми живыми цвѣтами; но онъ рѣдко влагаетъ идею въ свои картины; часто задаешь себѣ вопросъ, зачѣмъ авторъ изображаетъ это, что хочетъ онъ сказать тѣмъ, почему онъ старается заинтересовать другимъ? Языкъ Линга часто звученъ и красивъ, но бываетъ иногда грубъ и неизященъ; нерѣдко встрѣчаются неуклюжія фразы и смѣлые обороты. Кромѣ мелкихъ стихотвореній, Лингъ написалъ большую эпическую поэму *Переселеніе народовъ*, нѣсколько драмъ и новеллъ. *Переселеніе народовъ* несомнѣнно крупное произведеніе, но страдаетъ одною большою ошибкой: недостаетъ единства; относительно языка тѣ же достоинства и недостатки, какъ и въ стихотвореніяхъ. Драмы Линга значенія не имѣютъ; имъ не хватаетъ сценическаго построенія и мѣткой характеристики лицъ.

Пробужденіе новой жизни сдѣлалось замѣтно не только въ городахъ, не только въ литературномъ нѣмецкомъ языкѣ, но и въ селахъ и деревняхъ, гдѣ оно выразилось въ произведеніяхъ, написанныхъ народнымъ языкомъ. Послѣ того, какъ Лютеръ создалъ общій литературный языкъ, нарѣчія подверглись общему презрѣнію. Поэтому народная литература едва существовала, и даже «пророкъ» Гебель не измѣнилъ положенія; его *Аллеманскія стихотворенія* остались оригинальнымъ курьезомъ. Только движеніе 1848 г. произвело перемѣну къ лучшему. Во время революціи «народъ» сталъ опять въ почетѣ; его признали основаніемъ, фундаментомъ націи; въ то же время, возстаніе вырвало деревенское населеніе изъ его сонливости и безучастія и пробудило въ немъ новую духовную жизнь. Реакція не могла низвести народъ до прежняго ничтожества и тупости; когда миновала первая минута отчаянія, вновь заволновались разъ пробужденныя духовныя силы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, явились настроенія, желанія, нуждавшіяся только въ выраженіи.

Писатели, сдѣлавшіеся выразителями этихъ настроеній и желаній, выбрали народный языкъ. Народная литература, создавшаяся съ пробужденіемъ новой жизни, произошла, слѣдовательно, изъ внутренней жизни ума и сердца отдѣльныхъ племенъ; и народный говоръ не внѣшнимъ

образомъ связанъ съ литературой, а является ея существенною принадлежностью. И не по случайной прихоти избралъ поэтъ для своего произведенія народный языкъ, а по необходимости; онъ говорилъ въ своемъ произведеніи въ духѣ своего народа и такъ искренно, такъ трогательно, какъ могъ говорить только на языкѣ своего народа. Если перевести произведенія, написанныя на народномъ нарѣчіи, на литературный языкъ, то они потеряютъ свою прелесть.

Сѣверная Германія сильнѣе увлеклась общимъ движеніемъ и потому ея народная литература богаче. Изъ всѣхъ нижне-германскихъ писателей, благодаря различнымъ обстоятельствамъ жизни и счастливому юмору, наиболѣе выдается Фрицъ Рейтеръ. Онъ родился 7 ноября 1810 г. въ Стафенгагенѣ, въ Мекленбургъ-Шверинѣ, и росъ въ достаточной обстановкѣ среди дѣльныхъ, оригинальныхъ людей. Въ 1831 г. онъ поступилъ въ Ростокскій университетъ, а черезъ годъ перешелъ въ Іенскій. Тамъ еще отъ временъ студенческихъ ассоціацій сохранилось среди студентовъ прежнее увлеченіе нѣмецкимъ могуществомъ и величіемъ, которое послѣ взрыва іюльской революціи вспыхнуло вновь. И Фрица Рейтера охватило оно, и онъ отдался ему съ юношескимъ энтузіазмомъ, но скоро долженъ былъ поплатиться за это. Когда онъ осенью 1833 г. возвратился въ Берлинъ, онъ былъ внезапно схваченъ по подозрѣнію въ демагогическихъ стремленіяхъ и заключенъ въ тюрьму; затѣмъ начался процессъ, длившійся цѣлый годъ и кончившійся приговоромъ къ смертной казни. Но приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе; наказаніе было смягчено и государственный преступникъ приговаривался къ тридцатилѣтнему заключенію. Его держали въ Зильбербергѣ, въ Глогау, Магдебургѣ и Грауденцѣ, пока въ 1839 г., по ходатайству герцога мекленбургскаго, не перевели въ мекленбургскую крѣпость Дёмитцъ, причемъ Фридрихъ-Вильгельмъ III оставилъ за собой право помилованія. Рейтеръ продолжалъ сидѣть подъ арестомъ, но здѣсь обращались съ нимъ гораздо мягче, и когда въ 1840 г. умеръ Фридрихъ-Вильгельмъ III, герцогъ освободилъ его безъ всякаго вмѣшательства Пруссіи. Къ счастью, здоровье Рейтера отъ долгаго сидѣнья въ часто нездоровыхъ помѣщеніяхъ не было еще подорвано; юридическія науки, за которыя онъ опять принялся, не пошли, тогда онъ рѣшился заняться сельскимъ хозяйствомъ и поселился въ имѣніи отца. Когда же отецъ умеръ и наслѣдство оказалось очень ничтожнымъ, имѣніе пришлось продать и Фрицъ Рейтеръ много лѣтъ скитался по чужимъ краямъ безъ всякаго дѣла; благодаря юмору, анекдотамъ и шуткамъ, которые онъ забавно разсказывалъ и понемногу перелагалъ въ стихи, онъ всюду, куда ни приходилъ, являлся желаннымъ гостемъ. Бродячая жизнь кончилась только въ 1850 г.; Рейтеръ влюбился и тогда потребовалось найти постоянное мѣстожительство и опредѣленныя занятія. Рейтеръ взялъ мѣсто учителя въ Трептовѣ и попробовалъ издавать газету; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ результаты были самые плачевные и это навело Рейтера на мысль собрать и издать анекдоты и шутки, которые такъ охотно всѣ слушали; можетъ быть, они понравятся и публикѣ;

авторъ не ошибся: успѣхъ былъ блестящій; такая удача поощрила молодаго писателя продолжать начатый путь и онъ написалъ еще въ Трептовѣ *Путешествіе въ Бельгію. Поэтическіе разсказы на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи.* Въ 1856 г. обстоятельства его улучшились и онъ переѣхалъ въ Неубранденбургъ, гдѣ издалъ цѣлый рядъ сочиненій, сдѣлавшихъ автора знаменитымъ и состоятельнымъ человѣкомъ; онъ выстроилъ у подошвы Вартбурга хорошенькую виллу, поселился въ ней, но, къ несчастью, непріятныя послѣдствія семилѣтняго заключенія, до сихъ поръ отъ времени до времени безпокоившія его, сказывались все сильнѣе; онъ впалъ въ мучительную болѣзнь, отъ которой смерть избавила его только 12 іюля 1874 года.

Произведенія Фрица Рейтера пользовались всѣ большимъ успѣхомъ, но не всѣ его заслуживали. Рейтеръ не имѣлъ творческаго дарованія и способности искусно построить и живо, интересно развить дѣйствіе; поэтому тѣ сочиненія, сюжетъ которыхъ онъ самъ придумалъ, наименѣе удачны; счастливѣе тѣ, которыя онъ заимствовалъ въ сокровищницѣ нѣмецкихъ анекдотовъ; манера разсказывать и изображать такъ очаровательна, что невольно вызываетъ расположеніе къ автору и его сочиненіямъ. Но настоящимъ поэтомъ является онъ въ произведеніяхъ, передающихъ впечатлѣнія юности и пережитое имъ, въ его образцовыхъ сочиненіяхъ: *Ut de Franzosentid* и *Ut mine Stromtid.* Здѣсь онъ неподражаемъ въ изображеніи положеній, также какъ и въ характеристикахъ, а такъ какъ онъ всегда чувствуетъ такъ, какъ его герои, то повѣсти его дышатъ несомнѣнною правдой.

Переходную ступень отъ поэтическихъ произведеній, выражавшихъ современныя идеи и стремленія, къ легкому чтенію для простаго времяпрепровожденія образовали сочиненія Поля Гейзе. Онъ родился 15 марта 1830 года въ Берлинѣ, изучалъ философію, рано началъ вращаться въ кругу художниковъ и эстетиковъ, въ 1849 г. поѣхалъ въ Римъ, гдѣ занимался годъ романскими языками, и съ 1854 г. живетъ въ Мюнхенѣ, куда пригласилъ его король Максимиліанъ, обезпечивъ годичнымъ содержаніемъ въ тысячу талеровъ. Въ 1868 г. онъ отказался отъ этого содержанія, такъ какъ его отнимали у его друга Гейбеля, но жить остался въ Мюнхенѣ. О талантѣ Гейзе высказывались самыя разнообразныя мнѣнія. Онъ многое перепробовалъ, прежде чѣмъ избралъ исключительно новеллу, писалъ драмы въ шекспировскомъ вкусѣ, поэмы по новофранцузскимъ образцамъ, пикантныя идилліи и легендообразныя стихотворенія; но онъ рѣдко влагалъ въ нихъ весь жаръ и долго оставлялъ въ сторонѣ современныя идеи; поэтому говорили, что Гейзе перепробовалъ всѣ роды литературы и остановился, наконецъ, на самомъ легкомъ—новеллѣ, потому что онъ обладаетъ не творческимъ, а скорѣе подражательнымъ талантомъ. По той же причинѣ онъ не касался современныхъ интересовъ, такъ какъ только настоящій поэтъ можетъ ощущать біеніе пульса своего времени. Но вдругъ своими романами *Дѣти міра* и *Въ раю* Гейзе далъ несомнѣнное доказательство, что онъ обла-

даетъ крупнымъ творческимъ талантомъ, и мнѣніе о немъ должно было измѣниться. Повидимому, тонко развитой вкусъ къ прекрасному, изящному и граціозному, болѣе влекущій къ веселому, благородному удовольствію, чѣмъ къ суровому труду, побуждалъ Гейзе заниматься, главнымъ образомъ, легкими разсказами. Жизненныя условія Гейзе благопріятствовали этому развитію; онъ не зналъ заботъ о существованіи, борьбы за жизнь, рано попалъ въ эстетическій кружокъ, еще юношей испыталъ на себѣ вліяніе искусствъ и природы Италіи; едва достигнувъ зрѣлаго возраста, вступилъ въ литературный кружокъ короля Максимиліана, гдѣ не было мѣста изслѣдованію сердечныхъ запросовъ нѣмецкаго народа. Такимъ образомъ, естественно, что только удалившись въ 1868 г. отъ двора уже вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ, Гейзе заглянулъ въ нѣмецкую жизнь и написалъ свои оба главныя произведенія *Дѣти міра* и *Въ раю*. Въ первомъ романѣ авторъ рисуетъ картину духовной жизни Берлина, развившейся подъ вліяніемъ Шопенгауера и Штрауса, и приводитъ, не всегда, правда, достаточно ярко выступающую основную мысль, что только высокомѣріе и ограниченность могутъ называть тѣхъ, кто обратился къ ученью новыхъ философовъ, легкомысленными дѣтьми міра. Благодаря жару, съ которымъ авторъ защищаетъ свою основную мысль, этотъ романъ, какъ мѣтко замѣтилъ Георгъ Брандесъ въ своей статьѣ о Гейзе, носитъ характеръ долго сдерживаемой, поздно созрѣвшей личной исповѣди. Всѣ выведенныя авторомъ лица окружены свѣжимъ, немного холоднымъ утреннимъ воздухомъ новаго времени, всѣ проникнуты невидимыми чарами новаго вѣрованія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они не пылкіе мечтатели, а живые люди, твердою ногой стоящіе на землѣ. За то конецъ не особенно удался автору; онъ не справился съ гармоническимъ заключеніемъ и общими выводами. Во второмъ романѣ Гейзе разсказываетъ исторію изъ жизни мюнхенскихъ художниковъ и нападаетъ на существующіе взгляды относительно обычаевъ и брака. Но ему также недостаетъ гармоническаго заключенія; отдѣльныя части романа далеко выступаютъ изъ границъ; въ общемъ же этотъ романъ лучше перваго и оживленъ необыкновенно остроумнымъ юморомъ.

Разсказы Гейзе всѣ замѣчательно удачно построены и искусно составлены; психологическія проблемы изложены всегда ясно и завязка развивается быстро и живо. Почти во всѣхъ главное мѣсто занимаетъ любовь, но, вслѣдствіе склонности автора къ необычайному, пикантному и даже болѣзненному, они носятъ совершенно особенный, часто ясно выраженный характеръ. Герои и героини обладаютъ большою красотой, гордою осанкой и благородными манерами. Безобразное всегда отталкивало Гейзе, неподражаемаго мастера въ изображеніи прекрасныхъ женщинъ; грацію, миловидность и кокетство дѣвушекъ, привлекательную красоту, гордость и геройство женщинъ онъ рисуетъ съ очаровательною тонкостью. Поэтому онъ естественно избираетъ темой своихъ разсказовъ судьбу женщинъ; къ сожалѣнію, кругозоръ его слишкомъ узокъ, отъ частныхъ случаевъ онъ никогда не переходитъ къ общимъ.

Изъ драмъ Гейзе ни одна не могла удержаться на сценѣ, такъ какъ ни одна не основывалась на чувствахъ и настроеніи народа. Какъ драматургъ, Гейзе попробовалъ свои силы на трагедіи *Франческа Римини*, написанной въ духѣ Шекспира; за ней послѣдовалъ цѣлый рядъ пьесъ, изъ которыхъ безукоризненно гладкая академическая драма *Сабинянки* удостоилась мюнхенской преміи. Изъ новѣйшихъ произведеній Гейзе наиболѣе выдаются комедіи *Шорндорфскія женщины*, съ большимъ юморомъ передающая извѣстный геройскій поступокъ шорндорфскихъ женщинъ, *Право сильнаго*, хорошенькая картинка, лишенная глубокаго содержанія, и комедія *Различные міры*, касающаяся вопроса о различіи сословій. Изъ двухъ его трагедій: *Алкивіадъ* и *Конецъ Донъ-Жуана* заслуживаетъ вниманія вторая. Это трагедія эгоизма и жажды наслажденія. Донъ-Жуанъ состарился, въ сердцѣ его мучительная пустота. «Вѣчно та же игра, только въ новыхъ маскахъ!»—восклицаетъ онъ въ пресыщеніи. Вдругъ онъ встрѣчаетъ своего сына, сына донны Анны, и привязывается къ нему горячею любовью отца. Но съ пробужденіемъ отцовской любви онъ измѣняетъ своему прежнему общеизвѣстному характеру; Донъ-Жуанъ принимаетъ черты, не идущія къ его лицу, говоритъ о чувствахъ, которыхъ мы не допускаемъ въ немъ. Совершенно невозможно представить себѣ этого легкомысленнѣйшаго изъ всѣхъ людей заботливымъ, благороднымъ отцомъ; для этого ему недостаетъ самаго главнаго — достоинства, и поэтому, при подобной попыткѣ лишить его историческаго одѣянія, онъ становится фальшивою, непонятною и несимпатичною личностью. Всевозможныя психологическія тонкости, наполняющія пьесу, не могутъ скрасить основной мысли.

Лирикой Гейзе занимался случайно, почти въ исключительныхъ случаяхъ; поэтому въ его стихотвореніяхъ преобладаетъ біографическій элементъ. Въ общемъ онъ не особенно оригинальный, но искренній и глубоко чувствующій поэтъ.

Между писателями, желавшими своими романами и повѣстями *только* развлекать, первое мѣсто занимаетъ Фридрихъ Вильгельмъ Гаклендеръ. Гаклендеръ—романистъ, лучше котораго средняя публика не можетъ желать. Не углубляясь въ серьезныя мысли, тенденціи или ученые споры, онъ живо болтаетъ обо всемъ, искусно переплетаетъ видѣнное, пережитое и вымышленное, старается пріятно поразить неожиданною случайностью, оставить впечатлѣніе хорошенькою сценкой и съ предусмотрительностью любезнаго собесѣдника заботится о томъ, чтобы всѣ завязанные узлы развязались такъ, какъ желательно благосклонному читателю.

Гаклендеръ родился 1 ноября 1816 г. въ Буртшейдѣ, близъ Ахена, въ бѣдной семьѣ, поступилъ 14 лѣтъ ученикомъ въ модный магазинъ, но не могъ свыкнуться съ положеніемъ прикащика и попытался составить офицерскую карьеру. Но для этого ему не только недоставало необходимыхъ средствъ, но и требуемыхъ знаній; онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія и попробовалъ счастья перомъ. Съ легкимъ свѣжимъ юморомъ описалъ онъ свою жизнь и маленькія приключенія въ казармахъ и

на маневрахъ и былъ безконечно счастливъ, когда увидалъ свое произведеніе напечатаннымъ въ газетѣ. Послѣ этого онъ отправился въ Штутгардтъ, чтобы пополнить пробѣлы своего образованія, путешествовалъ въ качествѣ компаньона на Востокъ, получилъ по возвращеніи небольшое мѣсто при дворѣ и нѣкоторое время спустя сдѣлался личнымъ секретаремъ тогдашняго кронпринца, теперешняго короля Карла. Затѣмъ онъ занималъ мѣсто директора королевскихъ садовъ и зданій до 1864 г., когда вышелъ въ отставку. Гаклендеръ умеръ совершенно неожиданно на собственной виллѣ у Штарнбергскаго озера 6 іюня 1877 г. Разнообразная жизнь въ резиденціи и при дворѣ, а также неоднократныя путешествія скоро расширили его кругозоръ; онъ приглядывался ко всѣмъ кружкамъ, къ дворянскому, военному, театральному, литературному, мѣщанскому, спускался даже до міра лакеевъ и кучеровъ, и всѣмъ, что онъ видѣлъ, онъ искусно пользовался для своихъ романовъ. Они взяты прямо изъ жизни, но не представляютъ картины настоящей жизни, освѣщенной духомъ времени; это просто набросанные эскизы, иногда очень хорошенькіе, очень интересные, но безъ глубокаго содержанія, безъ перспективы. Гаклендеръ работалъ очень легко и потому написалъ множество романовъ и комедій. Послѣ его смерти вышли въ свѣтъ его мемуары подъ заглавіемъ *Романъ моей жизни*, заключающіе въ себѣ много интереснаго для историка культуры; историку литературы они открываютъ только, что самъ Гаклендеръ не хотѣлъ быть ничѣмъ, кромѣ пріятнаго собесѣдника.

Къ легкому чтенію принадлежатъ его описанія путешествій, переселеній и охоты. Такъ какъ эти писатели собственными глазами видѣли и объѣхали чужіе края, которые они избираютъ мѣстомъ дѣйствія своихъ разсказовъ, то ихъ описанія природы и характеристика страны и людей живы, ярки и правдивы; но мы получаемъ всегда очень узко ограниченныя картины, такъ какъ ни одинъ изъ авторовъ не идетъ дальше личныхъ впечатлѣній, ни одинъ не рѣшается предпринять народную панораму въ духѣ Зеальсфильда, также какъ ни одинъ не поднимается до собственной поэзіи. Дѣйствію романовъ недостаетъ большею частью искуснаго построенія; безъ всякаго повышенія одно приключеніе слѣдуетъ за другимъ, пока, наконецъ, герой не возвращается благополучно домой.

Наибольшей популярности достигъ Фридрихъ Герштекеръ, родившійся 16 мая 1816 г. въ Гамбургѣ; онъ много лѣтъ жилъ въ Америкѣ, гдѣ испыталъ много приключеній, былъ матросомъ, дровосѣкомъ, поваромъ, фабрикантомъ пилюльныхъ коробочекъ и т. д., совершилъ путешествіе вокругъ свѣта и затѣмъ до своей смерти, послѣдовавшей 31 мая 1872 г. въ Брауншвейгѣ, написалъ цѣлую библіотеку заатлантическихъ романовъ. Лучшія его произведенія—*Въ Америку*, *Изъ двухъ свѣтовъ* и *Изъ лѣсной жизни Америки*. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Герштекеръ рисовалъ все болѣе грубыми штрихами, все меньше заботился о правдоподобности, билъ больше на эффектъ, относился небрежно къ языку и, въ концѣ-концовъ, обратилъ писаніе въ фабричное ремесло.

Всѣ вышеупомянутые писатели — каждый по мѣрѣ силъ и возможности—вмѣстѣ съ ежедневною прессой и палатами трудились, стараясь вернуть народу національное сознаніе, вызвать общее стремленіе къ національнымъ цѣлямъ. При этомъ они, конечно, должны были заплатить дань практическому характеру десятилѣтія и за это имъ дѣлали упрекъ въ томъ, что въ своихъ произведеніяхъ они отдавали слишкомъ большое мѣсто реалистическаму элементу, что имъ недостаетъ главнаго: правильнаго пониманія искусства, необходимой идеальности. Но слѣдуетъ замѣтить, что, устраиваясь вновь, прежде всего, надо быть практичнымъ; если хочешь сдѣлать плодоноснымъ дерево, сломанное бурей и вѣтромъ и вслѣдствіе того коротко обрубленное, то, прежде всего, надо позаботиться о томъ, чтобы оно выросло и дало новыя вѣтви. Безпощадно исковерканное въ бурѣ 1848 г. дерево нѣмецкой литературы дало въ пятидесятыхъ годахъ новые крѣпкіе отпрыски.

В. Р.

Американская демократія.

(*The American Commonwealth* by J. Brice, 3 volumes. London, 1888.—*Американская республика*, Джемса Брайса. Переводъ В. Н. Невѣдомскаго. Москва, 1889—90 г.; 3 тома).

Между Соединенными Штатами Сѣверной Америки и Западною Европой издавна установились своеобразныя взаимодѣйствія. Штаты являются не только отпрыскомъ политическаго и общественнаго развитія Англіи, не только главнымъ выходомъ для колонизаціоннаго движенія изъ Стараго Свѣта: вотъ уже болѣе ста лѣтъ они съ своей стороны оказываютъ могущественное вліяніе на страны, которыя ихъ населили. Вліяніе это сказывается, быть можетъ, еще сильнѣе въ сферѣ политическихъ идей и отношеній, нежели въ области матеріальныхъ интересовъ. Если промышленная дѣятельность Америки является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ міровой торговлѣ, то политическій бытъ ея главной республики оказываетъ своего рода притяженіе на организацію европейскихъ странъ и программы европейскихъ партій. Можно указать нѣсколько условій, которыя въ своемъ совокупномъ дѣйствіи вызвали отмѣченный фактъ. Для Европы XVIII в., стремившейся выйти изъ стараго порядка и обновить окостенѣлыя историческія формы, борьба Америки за независимость и сознательно установленная въ ней республиканская конституція представляли прекрасный примѣръ устройства, достигнутаго свободною рѣшимостью народа и мудростью вышедшихъ изъ общества руководителей. И не только для Лафайетта и его единомышленниковъ имѣла силу эта идея: она сохраняетъ свое значеніе въ борьбѣ направленій послѣ французской революціи. Вопросы о томъ, насколько устройство штатовъ искусственно или традиціонно, насколько искусственный элементъ въ немъ выдержалъ критику исторіи, насколько своеобразность мѣстныхъ условій объясняетъ успѣхъ попытки создать государственный строй путемъ обдуманнаго и за одинъ разъ записаннаго соглашенія,—все это вопросы, которые обсуждались и рѣшались въ разныхъ формахъ въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка. Аргументація отъ американской конституціи и отводы противъ нея несомнѣнно составляли одинъ изъ главныхъ пунктовъ въ спорѣ между

приверженцами раціональной реформы и поклонниками исторической косности [1]).

Другое основное свойство американскаго строя, федерализмъ, оказало не менѣе замѣтное вліяніе на политическую мысль и законодательство Европы. Не въ Америкѣ, конечно, федерализмъ осуществился впервые. Древніе городскіе союзы, феодальные порядки среднихъ вѣковъ, швейцарская и нидерландская конфедерація въ новое время представляли богатый матеріалъ для изученія государствъ, какъ совокупности отдѣльныхъ и соединенныхъ государствъ. Юридическія и историческія изслѣдованія касались различныхъ сторонъ федерализма [2]). Но только въ XIX вѣкѣ, и именно въ связи съ изученіемъ Америки, вопросъ о федерализмѣ выдвинулся и занялъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ государственномъ правѣ и исторіи учрежденій. Нельзя отрицать, что во второй половинѣ вѣка объединеніе Германіи и необходимость найти среднюю норму между самостоятельностью ея частей и правами цѣлаго много содѣйствовали оживленному разбору теорій *Bundesstaat* и *Staatenbund* [3]). Но и въ этой нѣмецкой литературѣ ссылки на Америку играли чрезвычайно важную роль, а главное начало дѣятельной разработки идей федерализма надо считать съ болѣе ранней эпохи, по крайней мѣрѣ, съ появленія работы Токвилля въ началѣ тридцатыхъ годовъ [4]). Въ этой работѣ вопросъ ставился очень широко: дѣло шло не только о разверсткѣ верховныхъ правъ между штатами и союзомъ, а вообще объ отношеніи между государственнымъ цѣлымъ и его частями. Жизненность областныхъ и мѣстныхъ дѣленій въ Соединенныхъ Штатахъ была поставлена въ рѣзкую протувуположность государству централизованнаго чиновничества во Франціи и уяснена связь между американскими мѣстными учрежденіями и англійскимъ самоуправленіемъ. Такимъ образомъ, ученіе о децентрализаціи было впервые формулировано какъ одна изъ существенныхъ частей либеральной программы подъ вліяніемъ наблюденій надъ американскимъ порядкомъ.

Наконецъ, третьимъ и, можетъ быть, наиважнѣйшимъ условіемъ воздѣйствія Соединенныхъ Штатовъ на Европу является безусловное проведеніе демократическаго принципа въ ихъ жизнь [5]). Изъ соціальнаго строя устранены всѣ тѣ привилегіи и градаціи, которыя до сихъ поръ болѣе или

---

[1]) Мэнъ съ удареніемъ указываетъ на это въ своемъ *Народномъ правленіи* (стр. 277 и 283 французскаго перевода. Paris, 1887).

[2]) Особенно любопытно изложеніе Вайца въ *Grundzüge der Politik* (Kiel, 1862).

[3]) *Ср. Treitschke*: „Historische und politische Aufsätze, II Bundestaat und Einheits-staat“.

[4]) Первое изданіе *Демократіи въ Америкѣ* вышло въ 1833 году.

[5]) „Démocratie en Amérique“, I, 19: „les émigrants qui vinrent se fixer en Amérique au commencement du dix-septième siècle, dégagérent en quelque façon le principe de la démocratie de tous ceux contre lesquels il luttait dans le sein des milles sociétés de l'Europe, et le transplantèrent seul sur les rivages du nouveau monde“.

менѣе ограничиваютъ въ различныхъ европейскихъ странахъ примѣненіе гражданскаго равенства. Въ политикѣ всѣ учрежденія сформированы для одной главной цѣли—служить органами общественнаго мнѣнія, т.-е. сознательно высказавшагося большинства гражданъ. Въ упрощенныхъ формахъ и въ громадныхъ размѣрахъ производится въ Америкѣ опытъ практическаго народовластія, и немудрено, что результаты опыта съ величайшимъ интересомъ обсуждаются и тѣми, кто вѣритъ въ будущность демократіи и считаетъ ея развитіе факторомъ прогресса, и тѣми, кто стремится ее задержать и ограничить, и тѣми, наконецъ, кто не сочувствуетъ самой общественной формѣ, признаетъ ея слабость и, въ то же время, считаетъ несомнѣннымъ, что такъ или иначе міровое развитіе въ ближайшемъ будущемъ поставлено въ зависимость именно отъ этой формы.

Нигдѣ непосредственный практическій интересъ ознакомленія съ Америкой не чувствуется такъ, какъ въ Англіи, которая послѣ парламентской реформы 1832 года вступила на путь послѣдовательной демократизаціи своихъ учрежденій. Уже хотя бы одно преобразованіе мѣстнаго управленія, проведенное нынѣшнимъ консервативнымъ кабинетомъ, существенно приближаетъ англійскій порядокъ къ американскому, который, такъ сказать, выдѣлился изъ англійской исторіи въ тотъ моментъ, когда она стала рѣзко отклоняться въ сторону аристократіи. Колоніи какъ бы возродили и усилили старый демократическій складъ мѣстныхъ учрежденій какъ вслѣдствіе соціальнаго состава переселенцевъ, не благопріятствовавшаго, въ большинствѣ случаевъ, аристократическому расчлененію общества, такъ и вслѣдствіе вліянія религіозной и политической организаціи кальвинизма. Какъ бы то ни было, по странному стеченію обстоятельствъ, въ XIX вѣкѣ для метрополіи наступила эпоха реформъ, которыя мало-по-малу приближаютъ ее къ положенію, давно занятому колоніей.

Сочиненіе Брайса, которому посвящена настоящая статья, представляетъ самую замѣчательную попытку оріентироваться въ американскихъ учрежденіяхъ съ англійской точки зрѣнія. Коренное родство двухъ народовъ и ихъ политическихъ формъ постоянно подчеркивается въ этомъ сочиненіи. Но упомянутая книга даетъ больше, чѣмъ одностороннюю характеристику, приложенную исключительно къ англійскимъ потребностямъ. Она разсматриваетъ всѣ важнѣйшія стороны политическаго быта Соединенныхъ Штатовъ и болѣе или менѣе отвѣчаетъ на всѣ тѣ общіе вопросы, которые рождались въ Европѣ при изученіи Америки. Въ настоящее время мы имѣемъ хорошее средство, чтобы судить о томъ, насколько примѣръ Соединенныхъ Штатовъ говоритъ за или противъ искусственной конституціи, федерализма и децентрализаціи, наконецъ, демократіи. Средство это—познакомиться съ капитальнымъ сочиненіемъ Брайса. И, несмотря на его значительный объемъ, важность задачи такъ велика, что едва ли рѣшится отстранить ее отъ себя какой-либо мыслящій и образованный человѣкъ.

I.

Личность автора значительно выдвинулась за послѣднее время на политической сценѣ, хотя еще и не фигурируетъ въ первомъ ряду ея дѣятелей. Брайсъ особенно извѣстенъ, какъ энергическій второй секретарь по иностраннымъ дѣламъ въ послѣднемъ министерствѣ Гладстона, т.-е. какъ бывшій оффиціальный представитель министерства иностранныхъ дѣлъ въ палатѣ общинъ. Его рѣчи по поводу турецкихъ злоупотребленій въ Критѣ и Арменіи свидѣтельствовали о томъ, что и въ оппозиціи правительству Сольсбюри онъ ближайшимъ образомъ слѣдилъ за внѣшними отношеніями и обязательствами Англіи. Но и въ агитаціи въ пользу home rule'я [1]) Брайсъ выдѣлился какъ одинъ изъ главныхъ бойцовъ, и не можетъ быть сомнѣнія, что, въ случаѣ побѣды либераловъ на выборахъ, ему будетъ предоставлено мѣсто въ кабинетѣ. Въ Англіи извѣстность Брайса началась еще въ то время, когда онъ не былъ вліятельнымъ членомъ парламента, именно въ университетской сферѣ. Сочиненіе на тему о Священной Римской имперіи, поставленную Оксфордскимъ университетомъ, впервые обратило на него вниманіе. Послѣ необходимой переработки оно вышло въ формѣ книги, которая была оцѣнена высоко и за предѣлами Англіи и, дѣйствительно, представляетъ чрезвычайно живой и содержательный очеркъ историческаго развитія Германіи [2]). Блистательному началу университетской карьеры Брайса не совсѣмъ соотвѣтствовало ея продолженіе. Онъ, правда, занялъ одну изъ самыхъ почетныхъ каѳедръ въ Оксфордѣ—каѳедру гражданскаго, т.-е. римскаго, права, ведущую свое легендарное начало, по крайней мѣрѣ, отъ XIII вѣка и преобразованную въ ея настоящемъ видѣ Генрихомъ VIII. Но, несмотря на солидныя занятія въ нѣмецкихъ университетахъ, въ особенности подъ руководствомъ Вангерова, несмотря на живость ума и слова, на энергію характера, Брайсъ не въ силахъ былъ выбиться изъ обычной рутины профессорскаго преподаванія въ англійскихъ университетахъ. Онъ не смогъ создать себѣ аудиторію вопреки формализму экзаменныхъ требованій, которыя гонятъ студентовъ отъ научнаго изложенія предметовъ къ катехизическому усвоенію ихъ обрывковъ подъ скромнымъ руководствомъ преподавателей отдѣльныхъ колледжей. Немногимъ профессорамъ съ особеннымъ даромъ изложенія и умѣньемъ дѣйствовать на молодежь удавалось одолѣть это общее теченіе: это удавалось въ Оксфордѣ Гольдтину Смиту по исторіи, Грину по философіи, Мэпу по сравнительному правовѣдѣнію. Преподаваніе Брайса заглохло подобно преподаванію множества другихъ выдающихся ученыхъ. Онъ принужденъ былъ, подобно Стёббсу, Фриману, Поллоку, изъ года въ годъ довольствоваться десяткомъ слушателей. Найти удовлетвореніе въ чисто-ученой работѣ тоже не удавалось: практическая натура не умѣла сосредо-

---

[1]) Интересно вышедшее недавно собраніе его статей подъ заглавіемъ: *How we became home-rulers* (какъ мы стали гомрулерами).

[2]) *The Holy Roman Empire.* Надняхъ долженъ появиться русскій переводъ этой книги, сдѣланный Д. М. Петрушевскимъ.

точиться на научномъ матеріалѣ, послѣдовательно разработать отвлеченную систему мысли. Занятія римскимъ правомъ поэтому не привели и, вѣроятно, не приведутъ ни къ чему крупному: планъ *Исторіи Юстиніана и его законодательства* едва ли когда осуществится. Во всякомъ случаѣ, уже въ этой наименѣе спѣшной сторонѣ дѣятельности Брайса сказывается одна существенная черта въ его умственномъ складѣ. Несмотря на свое юридическое воспитаніе и юридическую каѳедру, онъ сталъ историкомъ. Право и учрежденія разсматривались имъ въ связи съ тою исторической средой, которая ихъ породила, и интересъ къ общему историческому процессу даже перевѣшивалъ для него спеціально юридическія цѣли. Эта широта постановки вполнѣ отдѣлила Брайса какъ отъ его собратій по каѳедрѣ, нѣмецкихъ пандектистовъ, прежде всего, занятыхъ отвлеченною догмой и систематическими конструкціями, такъ и отъ сродниковъ по національности—англійскихъ судей и адвокатовъ, великихъ казуистовъ и мастеровъ юридическаго анализа, часто утрачивающихъ въ правѣ сознаніе цѣлаго и пониманіе историческаго происхожденія этого цѣлаго.

Другая черта, проходящая черезъ всю дѣятельность Брайса и выгодно отличающая его отъ большинства его соотечественниковъ, это—его обширное и космополитическое образованіе. Брайсъ—великій путешественникъ, но не на манеръ тѣхъ англичанъ, которые надоѣдаютъ за границей всѣмъ остальнымъ націямъ. Для него путешествіе не исчерпывается переѣздами изъ одного отеля съ вышколенною по-англійски прислугой въ другой, восхожденіями по альпійскимъ ледникамъ и вершинамъ, провѣркой нумераціи каталоговъ по картиннымъ галлереямъ. Онъ хорошо знакомъ съ иностранными языками, внимательно изучаетъ бытовыя условія мѣстностей, которыя посѣщаетъ, умѣетъ наблюдать характерныя внѣшнія проявленія ихъ жизни. Именно такого рода отношеніе къ природѣ и людямъ отразилось и въ его *Путешествіяхъ по Малой Азіи и Арменіи*, и въ его описаніи Соединенныхъ Штатовъ. Въ данномъ случаѣ сказалось, быть можетъ, кромѣ личныхъ особенностей автора, его продолжительное пребываніе на континентѣ и вліяніе нѣмецкихъ университетовъ въ лучшую пору ихъ развитія. По крайней мѣрѣ, помимо космополитическихъ интересовъ и образованія, въ Брайсѣ чувствуется нѣкоторое германофильство. Оно особенно рѣзко проявилось въ его книгѣ о Священной Римской имперіи и отчасти объясняетъ его успѣхъ среди многочисленныхъ нѣмецкихъ избирателей въ восточномъ Лондонѣ, которымъ онъ говорилъ рѣчи на ихъ родномъ языкѣ. Въ послѣднее время, впрочемъ, черта эта, какъ пришлось замѣтить пишущему эти строки, значительно ослабѣла въ виду неумѣренно развившагося послѣ побѣдъ нѣмецкаго шовинизма.

Во всякомъ случаѣ, до своего сочиненія о Соединенныхъ Штатахъ Брайсъ производилъ впечатлѣніе человѣка и способнаго, и успѣшнаго, но какъ-то не вполнѣ высказавшагося, не совсѣмъ оправдывающаго ожиданія, которыя на него возлагались. Несмотря на исключительное образованіе, литературный и ораторскій талантъ, научную подготовку, запасъ те-

оретическихъ знаній и жизненныхъ наблюденій, онъ, все-таки, оставался во второмъ ряду и въ наукѣ, и въ политикѣ. Самое впечатлѣніе его личности на людей, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, было какое-то противорѣчивое: не то онъ горячій приверженецъ извѣстнаго политическаго направленія, готовый всѣ дѣла и помышленія отдать на служеніе его задачамъ, не то разсчетливый, холодный и твердый шотландецъ, прежде всего, честолюбивый и, такъ сказать, сосредоточенный на своихъ заднихъ мысляхъ, не то проводникъ широкихъ идеаловъ міровой связи и европейской цивилизаціи, не то представитель чисто-англійской университетской аристократіи, съ ея пріятною обезпеченностью и литературнымъ эпикурействомъ. Не всегда, вѣроятно, подобные люди находятъ лучшій выходъ для своей дѣятельности, слишкомъ часто они остаются на промежуточныхъ ступеняхъ, не удовлетворяя вполнѣ ни другихъ, ни себя, а иногда спускаются ниже—въ разрядъ неудачниковъ. Брайсъ блестящимъ и, можно сказать, неожиданнымъ образомъ вышелъ изъ этого положенія своею работой объ *Американской республикѣ*. Книга эта несомнѣнно первоклассная, какъ бы ни думали о подробностяхъ. Въ ней выгоднѣйшимъ образомъ нашли примѣненіе всѣ сильныя стороны писателя. Съ первыхъ же словъ видно, что современный политическій бытъ Соединенныхъ Штатовъ разсматривается въ ней человѣкомъ, вполнѣ искусившимся въ политической практикѣ, близко знакомымъ со всѣми техническими пріемами партійной борьбы, административнаго дѣлопроизводства и судебныхъ порядковъ, наблюдателемъ, который не удовлетворяется общими фразами и знаетъ, гдѣ искать недостатковъ и какъ цѣнить достоинства. При такихъ условіяхъ естественно ожидать дѣловитаго и обстоятельнаго описанія и, пожалуй, можно опасаться нѣкоторой мелочности и узкости взгляда, нѣкоторой сухости изложенія. Недостатки эти отстраняются тѣмъ, что работа служитъ общимъ цѣлямъ и на частномъ примѣрѣ раскрываетъ дѣйствіе общихъ политическихъ силъ нашего времени. Она задумана и приведена въ исполненіе ученымъ съ космополитическимъ образованіемъ, который, правда, не навязываетъ постоянно читателю сопоставленій съ тѣми или другими аналогичными фактами изъ быта Англіи, Франціи, Швейцаріи, не старается помѣстить въ своемъ текстѣ всѣ возможныя иллюстраціи изъ сочиненій Платона или Аристотеля, но который, видимо, хорошо знакомъ съ этими параллелями и подчеркиваетъ въ своемъ матеріалѣ все то, что можетъ дать поводъ къ сравненію разнородныхъ политическихъ комбинацій, выходившихъ изъ демократіи. Опредѣленная, строго-либеральная точка зрѣнія дала единство и импульсъ всей работѣ, но сами партійные противники Брайса признали, что изученіе фактовъ нисколько не пострадало отъ этого. Безпристрастіе нашего автора полное и даже удивительное: какъ разъ въ его сочиненіи можно найти при желаніи наилучшее оружіе для партійныхъ нападокъ противъ того демократическаго порядка, которому симпатизируетъ авторъ. Въ нашихъ глазахъ это одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ работы. Много нужно для того, чтобы практическому дѣятелю возвыситься до подобнаго научнаго отношенія къ дѣлу: нужна, прежде всего, настолько

твердая вѣра въ право принципа, которому служишь, чтобы исчезла всякая боязнь повредить ему разоблаченіемъ его слабыхъ сторонъ; нужно сознаніе, что только правда ведетъ, въ концѣ-концовъ, къ цѣли и что потворство дурнымъ инстинктамъ и извращающимъ вліяніямъ, неразлучнымъ съ каждымъ человѣческимъ устроеніемъ, есть, въ сущности, содѣйствіе врагамъ этого устроенія. Все это, можетъ быть, и прописныя истины, и, однако, большинство политическихъ писателей отъ нихъ уклоняются, между тѣмъ какъ книга Брайса служитъ лучшимъ примѣромъ возможности ихъ примѣненія по поводу самыхъ современныхъ сюжетовъ и въ разгарѣ самой ожесточенной борьбы.

Изложеніе соотвѣтствуетъ содержанію. Оно просто и дѣльно и, при полномъ почти отсутствіи внѣшнихъ эффектовъ, производитъ впечатлѣніе яснымъ развитіемъ мыслей и ихъ естественною послѣдовательностью. Авторъ избѣгъ очень обыкновеннаго недостатка въ сочиненіяхъ подобнаго рода: онъ равномѣрно слѣдитъ за всѣми частями своего предмета и не старается или непремѣнно выдвигать повсюду новыя точки зрѣнія, или обходить тѣ пункты, по которымъ нельзя высказать ничего особенно новаго. Онъ даже съ нѣкоторымъ излишествомъ останавливается на фактахъ, повидимому, достаточно извѣстныхъ англійской и европейской публикѣ. Въ то же время, въ сочиненіи сказывается своеобразная недостаточность англійскихъ литературныхъ произведеній. Мы увидимъ, что планъ цѣлаго не симметриченъ, да и отдѣльныя части не отличаются правильностью построенія: авторъ часто возвращается къ фактамъ, затронутымъ раньше, не затрудняется говорить много по нѣкоторымъ подраздѣленіямъ предмета и мало по другимъ, если такъ подсказываетъ содержаніе. Вообще нѣтъ той формальной ясности въ группировкѣ матеріала, которая такъ поражаетъ во французскихъ работахъ.

Есть и болѣе серьезные недостатки, которые скажутся при изложеніи самаго труда. Пока я только отмѣчаю общее, чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе, производимое книгой, интересную и удачную постановку вопроса, которая до извѣстной степени предрѣшаетъ успѣхъ исполненія. Къ общей оцѣнкѣ результатовъ мы еще вернемся въ концѣ статьи, но такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ весьма крупнымъ литературнымъ явленіемъ, то необходимо теперь же выяснить отношеніе, въ которомъ оно стоитъ къ другимъ капитальнымъ произведеніямъ по предмету.

Нечего и говорить, что Брайсъ усердно пользовался американскими сочиненіями, посвященными учрежденіямъ, праву и быту Соединенныхъ Штатовъ. Ему хорошо извѣстны какъ знаменитыя старыя работы Стори, Кента, такъ и современныя книги и статьи Кули, Розевельта, ученыхъ изслѣдователей Балтиморскаго университета и т. д. Но вся эта литература имѣетъ слишкомъ спеціальный и мѣстный характеръ, чтобы дать нашему автору руководящія идеи для его обработки. Какъ уже было сказано, онъ нисколько не старается непремѣнно отыскивать самостоятельныя точки зрѣ-

нія по каждому вопросу, но его положеніе настолько своеобразно, что онъ какъ бы невольно получаетъ возможность быть самостоятельнымъ. Фактическое содержаніе не всегда результатъ личныхъ наблюденій; иногда оно почерпнуто изъ американскихъ книгъ, но освѣщеніе предмета иное и болѣе удачное, чѣмъ у американцевъ. Точно также нѣтъ идейной связи между сочиненіемъ Брайса и лучшею обработкой исторіи Соединенныхъ Штатовъ, книгой Гольста [1]). Хотя послѣдняя посвящена преимущественно событіямъ XIX вѣка, а Брайсъ не одинъ разъ дѣлаетъ экскурсіи въ историческій матеріалъ, но, все-таки, англійскій авторъ сознательно держится въ сторонѣ отъ сколько-нибудь послѣдовательнаго и полнаго анализа этого матеріала. Его область—современность, и исторія играетъ въ ней только вспомогательную роль. Другой вопросъ, насколько правъ Брайсъ въ такомъ ограниченіи своей задачи. Современность понимается имъ, пожалуй, въ слишкомъ узкомъ смыслѣ, и мы увидимъ на изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ, что иногда Брайсу недостаетъ для вѣрнаго сужденія какъ разъ историческаго фона [2]). Во всякомъ случаѣ, связь между сочиненіями Брайса и Гольста слабая: многотомное произведеніе нѣмецкаго писателя можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ тремъ томамъ англійскаго автора, но оно оказало на нихъ воздѣйствіе только въ подробностяхъ.

Иное дѣло *Демократія въ Америкѣ* Токвилля: это—какъ разъ то литературное произведеніе, которое всего естественнѣе сравнить съ *Американскою республикой* и которое, повидимому, самъ Брайсъ всего чаще сравнивалъ съ результатами своихъ изысканій. Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, конечно, многое измѣнили, но основы порядка остались тѣ же, и интересно прослѣдить, насколько движеніе исторической и политической литературы исправило оцѣнки и характеристики знаменитаго французскаго публициста. Вліяніе его книги было несомнѣнно громадное, и положительныя достоинства ея, быть можетъ, даже преувеличивались въ теченіе сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Впослѣдствіи наступила реакція, пошедшая опять-таки слишкомъ далеко. Нѣтъ основанія безусловно противуполагать, подобно Гольсту, образцовую работу по *Старому порядку* легкомысленной и поверхностной *Демократіи въ Америкѣ* [3]) или

---

[1]) Первый томъ вышелъ подъ заглавіемъ: *Verfassung und Demokratie der Vereinigten Staaten*. Затѣмъ появились второй, третій, четвертый и начало пятаго подъ названіемъ *Verfassungsgeschichte der Vereinigten Staaten*. Изложеніе доведено пока до 1859 года.

[2]) Брайса сильно упрекаетъ за это лордъ Актонъ въ интересной рецензіи, помѣщенной въ *Englishe Historical Review*.

[3]) *Verfassung und Demokratie*, 59: „Auch Tocqueville's vielgepriesenes Werk trägt diesen Charakter (des allgemeinen Raisonnement über einzelne Verfassungsbestimmungen). Und durch das Ganze geht ein Zug des Doktrinarismus und der Vagheit, der etwas ungemein Verführerisches für alle oberflächlichen Beobachter hat. Das ganze Werk liefert den Beweis, dass Tocqueville niemals die amerikanische Geschichte eingehend studirt hat, und daran trägt es ein so durchaus verchiedenes Gepräge von seinen meisterhaften Schriften über die französische Geschichte".

говорить вмѣстѣ съ лордомъ Актономъ о «холодной сентенціозности» Токвилля. Но Брайсъ несомнѣнно раскрылъ многія слабыя стороны своего предшественника и не безъ удовлетворенія подчеркнулъ ихъ. Помимо ряда частныхъ поправокъ и возраженій, онъ считаетъ неудачною общую постановку задачи, вслѣдствіе которой получилось не изображеніе американскаго порядка, а рядъ апріорныхъ дедукцій на тему о свойствахъ и послѣдствіяхъ демократіи, для которыхъ американскій матеріалъ является запасомъ иллюстрацій. Не отвергая необходимости въ конечныхъ выводахъ, Брайсъ отыскиваетъ ихъ путемъ осторожнаго обобщенія отъ дѣйствительности и считаетъ невозможнымъ упростить эту дѣйствительность до такой степени, чтобы она служила только для анализа демократіи. Всѣ осложненія этой дѣйствительности имѣютъ право на разсмотрѣніе, хотя бы отъ этого и страдала схематическая правильность изложенія. Нечего и говорить, однако, что по многимъ пунктамъ англійскій изслѣдователь подтверждаетъ и расширяетъ наблюденія своего французскаго предшественника. Какъ это часто бываетъ въ случаяхъ систематическихъ поправокъ со стороны болѣе поздняго писателя, работа послѣдняго хотя и даетъ новые результаты, но въ установленіи ихъ слѣдуетъ за всѣми извилинами стараго пути.

Вообще, было бы не совсѣмъ справедливо сравнивать сочиненія Токвилля и Брайса, ставя ихъ какъ бы на одинъ планъ. Такого рода сравненіе было бы невыгодно для Токвилля въ томъ отношеніи, что болѣе подробная и современная работа англичанина чрезмѣрно выиграла бы, благодаря обилію и точности фактическихъ свѣдѣній. Но еще менѣе выгодно было бы оно для Брайса по соображеніямъ высшаго порядка: какъ ни полезна и ни интересна его книга, она никакъ не можетъ разсчитывать на то значеніе въ литературѣ, которое выпало на долю *Демократіи въ Америкѣ*. Даже если оставить въ сторонѣ вопросъ о вліяніи, разсужденія Токвилля, хотя и менѣе документально обоснованныя, хотя иногда искусственныя, всегда сохранятъ славу глубокомысленнаго анализа одной изъ важнѣйшихъ политическихъ формъ. Задача и средства Брайса много проще, и тѣ улучшенія, которыя ему удалось провести въ обработкѣ предмета, еще не даютъ ему права мѣряться съ Токвиллемъ по роли въ общественной наукѣ.

Совершенно въ иномъ отношеніи стоитъ нашъ авторъ къ своему товарищу по Оксфордскому университету А. В. Дайси, одному изъ самыхъ блестящихъ современныхъ публицистовъ Англіи. Несмотря на серьезную разницу точекъ зрѣнія—Дайси либералъ-уніонистъ и ревностный противникъ home-rule'я—оба писателя совершенно сошлись въ своихъ сужденіяхъ относительно весьма важныхъ сторонъ американской системы. Дайси два раза касался ея въ статьѣ о федерализмѣ, помѣщенной въ *Law Quarterly Review* за 1885 годъ и въ своихъ прекрасныхъ лекціяхъ по англійскому государственному праву [1]. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ изучалъ

---

[1]) *Introduction to the study of the Law of the Constitution.* London, 3 edition. 1889. Русскій переводъ этого сочиненія появится вскорѣ подъ моею редакціей.

американскій строй въ виду матеріала для сопоставленій съ англійскими условіями. И сходство, и различіе одинаково поучительны; только при сравненіи обоихъ порядковъ выясняются должнымъ образомъ ихъ характерныя черты. На двухъ пунктахъ Дайси особенно настаивалъ. Въ организаціи власти такія существенныя разницы, какъ противуположность федерализма и единства, раздѣленія политическаго вліянія между равноправными учрежденіями въ Америкѣ и сосредоточенія его вокругъ палаты общинъ въ Англіи, стоятъ въ тѣсной связи съ менѣе замѣченнымъ, но менѣе важнымъ различіемъ: въ Америкѣ конституція утверждена и неподвижна, измѣненія въ ней проводятся исключительными и затрудненными способами; въ Англіи высшимъ принципомъ государственнаго строя является верховенство парламента, который всегда можетъ произвести какое угодно измѣненіе въ основныхъ законахъ, какъ и во второстепенныхъ. Въ противуположность этому глубокому различію между Америкой и Англіей выступаетъ общій фундаментъ ихъ публичнаго права, который Дайси характеризуетъ словами — «господство закона». Въ силу принципа, одинаково примѣнимаго въ обѣихъ странахъ, область управленія подчинена дѣйствію общаго права, не существуетъ особой административной подсудности и отвѣтственности; всѣ акты, совершаемые должностными лицами, подлежатъ вѣдѣнію судебной власти, и никто не можетъ избѣжать отвѣтственности за незаконный поступокъ ссылкою на чье бы то ни было административное распоряженіе. Мы увидимъ, что Брайсъ также настаиваетъ на этихъ положеніяхъ и развиваетъ ихъ указаніями на цѣлый рядъ частныхъ фактовъ, къ которымъ они примѣняются. Онъ при этомъ оговаривается, что сходство его ученія съ взглядами Дайси объясняется не заимствованіемъ, а совпаденіемъ, и что соотвѣтствующія главы его *Американской республики* были написаны еще до появленія въ свѣтъ работъ Дайси. Вопросъ о томъ, кому принадлежитъ въ данномъ случаѣ литературное первенство, имѣетъ для насъ второстепенное значеніе; несомнѣнная близость взглядовъ между двумя писателями, принадлежащими къ разнымъ политическимъ партіямъ, свидѣтельствуетъ до извѣстной степени о характерности самыхъ наблюденій.

При обзорѣ литературныхъ произведеній, которыя представляютъ матеріалъ для оцѣнки книги Брайса, нельзя упускать изъ вида послѣднее крупное изданіе Мэна—собраніе его этюдовъ о *Народномъ правленіи* [1]) .Для многихъ континентальныхъ поклонниковъ Мэна оно было непріятною неожиданностью. Писатель, шедшій во главѣ передоваго направленія въ изученіи права, много содѣйствовавшій разрушенію старыхъ догматическихъ воззрѣній и распространенію взгляда на право, какъ на форму, постоянно измѣняющуюся въ зависимости отъ историческихъ обстоятельствъ, выступилъ въ политической области съ рѣзкимъ осужденіемъ либеральныхъ теорій, противъ демократическаго теченія и въ защиту исторической косности. Для

---

[1]) *Popular government.* 1886. Кембриджскія лекціи Мэна по международному праву изданы уже послѣ его смерти Гаррисономъ и Поллокомъ.

англичанъ, ближе знакомыхъ съ положеніемъ и личностью Мэна, въ этомъ раскрытіи его политическихъ воззрѣній не было ничего страннаго. Во-первыхъ, онъ всецѣло принадлежалъ къ умственной и должностной аристократіи и не могъ примириться съ мыслью о неизбѣжномъ пониженіи привилегированныхъ лицъ и классовъ въ демократическомъ развитіи; во-вторыхъ, его историческое направленіе дѣлало его скептикомъ какъ относительно догматовъ, добытыхъ путемъ возведенія въ вѣчный принципъ основъ существующаго порядка, такъ и относительно увлеченій реформаторовъ будущимъ и ихъ легендарныхъ представленій о прошедшемъ. Протестъ Борка вновь слышится въ этихъ размышленіяхъ, хотя уже далеко не съ прежнею силой и страстностью. Критика направляется при этомъ не столько противъ революціоннаго элемента, сколько противъ общаго вліянія демократіи. Мэнъ старается показать, что политическое равенство, къ которому она стремится, есть, въ сущности, раздробленіе власти, что ея соціальныя тенденціи грозятъ ниспроверженіемъ гражданскому порядку и что въ духовномъ отношеніи полное воцареніе демократіи равнялось бы установленію обскурантизма. Относительно Америки Мэнъ признаетъ, что ея примѣръ до извѣстной степени доказываетъ осуществимость демократической программы въ государственномъ бытѣ, но, по его мнѣнію, успѣхъ американскаго эксперимента объясняется, главнымъ образомъ, условіями, не имѣющими ничего общаго съ демократіей, именно вліяніемъ англійскихъ традицій и мудрыми ограниченіями демократическаго принципа, внесенными въ федеральную конституцію. Нечего распространяться о томъ, что по духу не можетъ быть ничего общаго между Мэномъ и Брайсомъ; бѣглая характеристика американскихъ учрежденій въ четвертомъ этюдѣ Мэна не обязывала автора *Американской республики* къ подробному разбору или опроверженію. И, все-таки, сближеніе обѣихъ работъ любопытно въ двухъ отношеніяхъ. Впечатлѣніе, произведенное статьями Мэна при ихъ появленіи, было довольно значительное, особенно въ Англіи. Онѣ не только послужили выраженіемъ все болѣе распространяющагося въ наше время политическаго скептицизма, защищающаго старыя формы изъ недовѣрія къ новымъ, но онѣ, кромѣ того, совпали съ кризисомъ, деморализовавшимъ часть англійской либеральной партіи и вызвавшимъ въ ней расколъ. Ирландскій вопросъ былъ для многихъ представителей англійскаго либерализма самымъ рѣзкимъ примѣненіемъ необдуманнаго вмѣшательства государства въ область пріобрѣтенныхъ правъ и въ свободу договорныхъ отношеній. Планы форсированнаго выкупа землевладѣльцевъ, опредѣленіе ренты судебными рѣшеніями, политика аграрнаго покровительства низшимъ земледѣльческимъ классамъ наперекоръ формальнымъ правамъ землевладѣльцевъ,—все это признаки движенія, можетъ быть, болѣе страшнаго для сторонниковъ политическаго индивидуализма, нежели даже перспектива ирландской самостоятельности въ управленіи. Насколько опыты Мэна отвѣчали хмурому настроенію и тревожнымъ ожиданіямъ, вызваннымъ отмѣченными условіями, настолько работа Брайса, несмотря на безпристрастное изложеніе и строгую критику дѣйствительности, проводитъ

въ общемъ убѣжденіе въ положительной роли демократическаго порядка и въ открытомъ передъ нимъ широкомъ будущемъ.

И, тѣмъ не менѣе, Брайсъ, подобно Мэну, охотно подчеркиваетъ преемственную связь между англійскими и американскими учрежденіями и отказывается объяснять послѣднія исключительно какъ приложеніе чистой демократіи. Поэтому, несмотря на радикальную противуположность общаго направленія, по отдѣльнымъ пунктамъ, имѣющимъ отношеніе къ историческому развитію учрежденій, оба писателя высказываются довольно сходно.

Кромѣ упомянутыхъ работъ, есть, конечно, много другихъ, которыя любопытно сопоставить съ книгой Брайса, но мнѣ кажется, что перечисленныя можно считать главнѣйшими и по характерности точекъ зрѣнія, и по вліянію въ литературѣ [1]).

II.

Переходя къ характеристикѣ главныхъ результатовъ работы Брайса я буду держаться послѣдовательности его изложенія. Оно распадается на четыре части: въ первой—дѣло идетъ о національномъ или союзномъ правительствѣ; второй томъ содержитъ въ себѣ два самостоятельные отдѣла: объ управленіи штатовъ и мѣстностей и о политическихъ партіяхъ; третій томъ занятъ рядомъ довольно разнородныхъ этюдовъ, посвященныхъ общественному мнѣнію, мѣстнымъ разновидностямъ партій, задачамъ территоріальной и экономической политики, женскому вопросу, сословію юристовъ, вліянію желѣзныхъ дорогъ, университетамъ, религіи и церкви, наконецъ, общей оцѣнкѣ демократіи. Уже изъ этого перечисленія вопросовъ видно, что третій томъ составленъ, пожалуй, довольно случайно. Но хотя относительно подробностей такое замѣчаніе вполнѣ справедливо, кое-что могло бы быть устранено, а многое прибавлено, общее единство есть и въ этомъ третьемъ томѣ: онъ представляетъ характеристику американской демократіи въ ея общественныхъ проявленіяхъ такъ же, какъ первые два сосредоточиваются на ея политической организаціи. Само собою разумѣется, что въ настоящей статьѣ я могу отмѣтить только весьма немногое изъ богатаго матеріала, собраннаго Брайсомъ. При этомъ я постараюсь остановить вниманіе читателей на тѣхъ пунктахъ, которые представляются наиболѣе новыми, по крайней мѣрѣ, для русскихъ.

Сравнительно наименѣе даетъ въ этомъ смыслѣ первый томъ, такъ какъ федеральныя учрежденія давно привлекали и привлекаютъ вниманіе изслѣдователей. Всѣмъ извѣстно, что американская конституція, дѣйстви-

---

[1]) Знаменитый опытъ Милля о *Представительномъ правленіи* (*Representative government*) слишкомъ элементаренъ и его положенія слишкомъ вошли въ плоть и кровь либеральной партіи, если можно такъ выразиться, чтобы можно было говорить о немъ какъ объ отдѣльной литературной оцѣнкѣ. Сочиненія *Нѣмецкаго американца* Ф. Либера (особенно *Civil Libert and Self-goverument*) богаты оригинальными наблюденіями и глубокими мыслями, но Брайсъ, повидимому, не пользовался ими.

тельно, основана на принципѣ раздѣленія властей, который Монтескьё отыскивалъ въ англійской системѣ. Мэнъ безъ достаточныхъ основаній утверждаетъ, что въ XVIII в., и именно при Георгѣ III, исполнительная власть въ Англіи была на самомъ дѣлѣ независима отъ законодательной, король имѣлъ область дѣйствій, независимую отъ вліянія палаты общинъ, такъ что и Монтескьё былъ въ свое время правъ, и американцы установили свое президентство, какъ сколокъ съ власти англійскаго короля. Эта мысль кажется мнѣ болѣе остроумной, нежели основательной: хотя Георгъ III, безъ сомнѣнія, не былъ еще доведенъ до чисто-церемоніальнаго положенія современнаго англійскаго монарха и, какъ извѣстно, давалъ чувствовать свое вліяніе въ политикѣ, тѣмъ не менѣе, при немъ не можетъ быть рѣчи о принципіальной самостоятельности исполнительной власти: уже одна связь его министровъ съ парламентомъ показываетъ, что въ тогдашнемъ англійскомъ строѣ не было мѣста для раздѣленія властей. Брайсъ обращаетъ все вниманіе на контрастъ между англійской и американской системами,—контрастъ глубокій, первоначальный, а не выработавшійся за послѣднее время. Конституція Соединенныхъ Штатовъ, дѣйствительно, отводитъ президенту строго-отмежеванный кругъ дѣятельности, мало значительный въ обыкновенное время, но развивающійся почти до диктатуры въ случаѣ серьезныхъ національныхъ затрудненій. Министры являются не представителями большинства въ парламентѣ или, точнѣе, въ палатѣ общинъ, а личными помощниками президента, которыхъ онъ покрываетъ своимъ авторитетомъ и отвѣтственностью. Такъ какъ власть дается президенту на опредѣленный срокъ, а не въ зависимости отъ перемѣщеній большинства въ конгрессѣ, то между президентомъ и конгрессомъ возможны конфликты, и, притомъ, безъисходные, если враждебное президенту большинство недостаточно многочисленно, чтобы переломить его veto [1]). Интереснѣе всего то значеніе, которое Брайсъ придаетъ этому veto. Онъ указываетъ на популярность и частое употребленіе этого средства, которое, повидимому, ограничиваетъ дѣятельность представителей націи въ конгрессѣ. Президенты постоянно «уничтожаютъ» билли, прошедшіе черезъ конгрессъ, и такое пользованіе прерогативой не только не возбуждаетъ противъ нихъ массу населенія, а, напротивъ, вызываетъ обыкновенно ея сочувствіе. Въ этомъ характерномъ фактѣ сказывается одно важное условіе: президентъ самъ является представителемъ народа, хотя и единоличнымъ въ своей области; власть его не имѣетъ самостоятельнаго корня, подобно власти какого-нибудь короля, и потому сопротивленіе представительнымъ учрежденіямъ понимается какъ проявленіе усердія и дѣятельности, а не какъ попытка тормазить общественное мнѣніе. Подобное отношеніе къ президенту тѣмъ болѣе любопытно, что онъ рѣдко избирается за выдающійся талантъ или заслуги: въ немъ ищутъ, главнымъ образомъ,

[1]) Если билль вновь пройдетъ большинствомъ двухъ третей, то *veto* президента теряетъ силу.

человѣка, на которомъ могли бы сойтись различныя группы извѣстной партіи. Не бѣда, если онъ окажется посредственностью; это, пожалуй, даже лучше, потому что у посредственныхъ людей обыкновенно меньше враговъ, чѣмъ у личностей выдающихся.

Главы, посвященныя сенату, производятъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе въ томъ отношеніи, что Брайсъ, видимо, старается въ нихъ представить поправки къ ходячимъ мнѣніямъ и при этомъ самъ теряетъ иногда равновѣсіе. Въ данномъ случаѣ онъ отчасти заслуживаетъ упрека, котораго вообще избѣжалъ,—упрека въ искусственномъ подновленіи предмета. Издавна всѣ привыкли считать сенатъ самымъ успѣшнымъ созданіемъ учредителей американской конституціи, указывали на его достоинство и политическую опытность въ контрастъ низкопробному значенію палаты представителей; выставляли, какъ существенную особенность и гарантію согласнаго дѣйствія различныхъ органовъ государства, участіе сената въ исполнительной власти, его вліяніе на заключеніе договоровъ и административныя назначенія; подчеркивали, наконецъ, умѣряющую роль этой немногочисленной верхней палаты, избираемой штатами, а не народомъ, среди учрежденій, зависящихъ отъ всеобщей подачи голосовъ и внимательныхъ ко всѣмъ случайнымъ колебаніямъ общественнаго мнѣнія. Въ высокой оцѣнкѣ сената сходятся такіе разнородные умы, какъ Токвилль и Мэнъ. Брайсъ расположенъ поотбавить значительно отъ этой оцѣнки. Онъ съ удареніемъ указываетъ, что американскій сенатъ никакъ не представляетъ авторитетнаго собранія, поставленнаго въ совершенно иныя условія и набраннаго изъ совершенно иныхъ людей, нежели всѣ остальныя коллегіальныя учрежденія штатовъ.

Въ этомъ отношеніи Брайсъ передаетъ наблюденіе, повидимому, совершенно основательное. Интересно также замѣчаніе, что роль сената въ исполнительной области едва ли имѣетъ особенное значеніе въ настоящее время. Уже въ этомъ пунктѣ, однако, изложеніе нашего автора представляетъ само матеріалъ для возраженій ему. Въ результатѣ вмѣшательства сената въ эту область выработался обычай такъ называемой «вѣжливости по отношенію къ сенату», въ силу котораго отдѣльные члены этой корпораціи, принадлежащіе къ господствующей партіи, имѣютъ почти рѣшающій голосъ по вопросамъ о федеральныхъ назначеніяхъ въ штатахъ, избравшихъ ихъ. Это очень стѣсняетъ президента и иногда приводитъ къ столкновеніямъ; въ общемъ обычай крѣпко держится и обезпечиваетъ сенаторамъ обширную кліентелу въ ихъ партіяхъ. Главное, нельзя не протестовать противъ утвержденія Брайса, что сенатъ является счастливою случайностью среди американскихъ учрежденій. Нашъ авторъ указываетъ на то, что составители конституціи не имѣли съ самаго начала въ виду созданіе верхней палаты именно въ такой формѣ, что она выработалась въ результатѣ компромисса между крупными и мелкими штатами и подъ вліяніемъ традиціи исполнительныхъ совѣтовъ, стоявшихъ рядомъ съ губернаторами въ колоніяхъ. Но развѣ первоначальная неясность

плана въ умахъ составителей исключаетъ возможность его происхожденія подъ вліяніемъ условій существенныхъ и необходимыхъ? И развѣ такіе факты, какъ сильное развитіе индивидуальности отдѣльныхъ штатовъ, какъ значеніе традиціи англійскаго управленія, какъ исканіе посредствующаго звена между единичнымъ представителемъ исполнительной власти и коллегіальнымъ представительствомъ народа могутъ быть названы случайными, а не существенными? Во всякомъ случаѣ, любопытна общая оцѣнка, которую Брайсъ дѣлаетъ сенату, какъ учрежденію, удавшемуся въ особенности въ отрицательномъ отношеніи.

«На чемъ же основано мнѣніе, что учрежденіе сената увѣнчалось успѣхомъ? На томъ, что сенатъ достигъ главной цѣли, которую имѣли въ виду составители конституціи: онъ сдѣлался центромъ тяжести американскаго правительства и пріобрѣлъ достаточный авторитетъ для того, чтобы сдерживать, съ одной стороны, «демократическую опрометчивость» палаты представителей, а съ другой стороны—«монархическое честолюбіе» президента республики. Поставленный промежь этихъ двухъ властей, онъ сдѣлался соперникомъ и противникомъ для обѣихъ. Палата представителей не можетъ ничего довести до конца безъ его содѣйствія. Президента республики онъ можетъ обречь своимъ сопротивленіемъ на бездѣйствіе. Успѣшная дѣятельность этого рода имѣетъ отрицательный или запретительный характеръ» [1]).

Именно этимъ отрицательнымъ успѣхомъ особенно и дорожитъ, по мнѣнію автора, американская демократія.

«Вся система американской конституціи имѣетъ цѣлью преимущественно устойчивость государственныхъ учрежденій, а не ихъ способность къ полезной дѣятельности; поэтому она создаетъ такія коллегіальныя учрежденія, которыя способны не столько къ производительной дѣятельности, сколько къ противодѣйствію всякимъ перемѣнамъ въ общемъ механизмѣ государственнаго управленія».

Если и президентъ, и сенатъ во всякомъ случаѣ съ достоинствомъ представляютъ государственную власть Соединенныхъ Штатовъ, то нельзя сказать того же про палату депутатовъ, избираемую на короткій срокъ (2 года) всеобщимъ голосованіемъ. Составъ ея значительно ниже состава европейскихъ законодательныхъ собраній, особенно англійской палаты общинъ. Въ ней, правда, нѣтъ «ни тѣхъ умственно неразвитыхъ богачей, которые деньгами пріобрѣтаютъ право вступить на политическое поприще, ни молодыхъ любителей спорта или свѣтскихъ людей;» но общій уровень образованія въ ней не особенно высокъ и въ ней не мало людей неразборчивыхъ въ нравственномъ отношеніи. Американскіе избиратели не считаютъ нужнымъ посылать въ конгрессъ людей, хорошо знакомыхъ съ государственными дѣлами или, по крайней мѣрѣ, привыкшихъ къ ихъ обсужденію. Для политики, по ихъ мнѣнію, не нужно никакой спеціальной

[1]) Цитирую по русскому переводу *Американской республики* (стр. 123). Онъ сдѣланъ г. Невѣдомскимъ и хотя не свободенъ отъ погрѣшностей, но читается легко и въ общемъ удовлетворителенъ.

подготовки. При каждой смѣнѣ палаты половина депутатовъ избирается заново, и едва эти новые члены успѣютъ за два года нѣсколько ознакомиться съ своимъ положеніемъ и обязанностями, какъ ихъ уже вытѣсняетъ слѣдующая очередь. Избиратели Западныхъ Штатовъ вообще смотрятъ на мѣсто въ палатѣ какъ на хорошую командировку, которой никто не имѣетъ права пользоваться подолгу въ ущербъ товарищамъ. Къ этому присоединяется мѣстный патріотизмъ, исключающій возможность избранія самыхъ выдающихся людей внѣ предѣловъ того общества, въ которомъ они проживаютъ. Если въ одномъ избирательномъ округѣ, въ крупномъ городскомъ центрѣ, наприм., живетъ десять человѣкъ, способныхъ съ честью занять мѣста въ конгрессѣ, а рядомъ въ глухой области нѣтъ никого подходящаго, то, все-таки, избиратели послѣдней и не подумаютъ обратиться къ сосѣдямъ, а пошлютъ своего человѣка, хотя бы и совсѣмъ плохаго, а гдѣ есть излишекъ годныхъ людей, тамъ онъ пропадетъ даромъ. При этихъ условіяхъ члены палаты депутатовъ въ общемъ пользуются очень невысокою репутаціей.

Характеръ совѣщаній нижней палаты конгресса соотвѣтствуетъ ея невыгодному составу. Въ ней господствуютъ безпорядокъ и вульгарность. Чтобы сколько-нибудь сдержать членовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ каждому предоставляется говорить не болѣе пяти минутъ. Обсужденіе и разработка мѣръ вообще перенесена изъ полнаго собранія въ комитеты, которыхъ насчитывается до шестидесяти. Вся палата обращается, въ сущности, въ матеріалъ для избранія этихъ комитетовъ, которые составляются спикеромъ, т.-е. предсѣдателемъ, по его усмотрѣнію. Власть послѣдняго, именно вслѣдствіе неудовлетворительнаго состава собранія, громадная и онъ беззастѣнчиво пользуется ею въ интересахъ своей партіи. Результаты подобнаго устройства не могутъ быть блестящи. И дѣйствительно, какъ въ законодательномъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи дѣятельность конгресса не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Биллей вносится множество, составлены они кое-какъ и по содержанію, и по формѣ; девятнадцать двадцатыхъ общаго числа благополучно уничтожаются въ комитетахъ; тѣ, которые проходятъ, представляютъ обыкновенно нескладный компромиссъ между различными оттѣнками мнѣній, высказывавшихся въ странѣ и представленныхъ въ палатѣ; общее собраніе имѣетъ среднимъ числомъ два часа для окончательнаго обсужденія мѣръ; въ суммѣ получается случайное, сбивчивое, противорѣчивое законодательство, которое скорѣе затрудняетъ практику, чѣмъ руководитъ ею. Надо прибавить, что во множествѣ случаевъ законодательнымъ аппаратомъ злоупотребляютъ для эгоистическихъ цѣлей. Мѣры за и противъ желѣзныхъ дорогъ, городскихъ корпорацій, государственныхъ имуществъ постоянно стоятъ въ программѣ дѣйствій конгресса, и каждая является поводомъ къ ожесточенной борьбѣ частныхъ интересовъ и къ попыткамъ эксплуататоровъ. Что касается финансовъ, то никакой послѣдовательной политики въ данномъ случаѣ не существуетъ, нѣтъ даже самаго элементарнаго стремленія свести концы съ концами. Доходы и расходы развиваются сами по себѣ, и только неисчерпаемое богатство шта-

товъ и незначительность предъявляемыхъ государствомъ требованій дѣлаетъ выносимымъ такое анархическое хозяйство.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ есть, конечно, значительная разница между веденіемъ дѣла въ сенатѣ и въ палатѣ представителей, хотя разница эта больше указана Брайсомъ въ общихъ чертахъ, чѣмъ прослѣжена въ подробностяхъ. Отъ характеристики крайней неудовлетворительности палаты онъ какъ-то незамѣтно переходитъ къ осужденію мѣропріятій конгресса вообще, и, повидимому, мысль его сводится въ данномъ случаѣ къ признанію именно отрицательнаго вліянія сената, который достаточно самостоятеленъ и опытенъ, чтобы воспрепятствовать множеству злоупотребленій, но не достаточно силенъ, чтобы вывести дѣятельность конгресса на иной путь въ положительномъ смыслѣ.

Переходя къ юридическимъ гарантіямъ государственнаго строя Америки, Брайсъ, прежде всего, возражаетъ противъ восхваленія порядка политическаго обвиненія. Токвилль доказывалъ, что право, предоставленное нижней палатѣ возбуждать передъ сенатомъ политическое преслѣдованіе противъ должностныхъ лицъ и даже самого президента, служитъ весьма существенною гарантіей свободы и предохраняетъ отъ революцій. При этомъ онъ особенно подчеркиваетъ неопредѣленныя выраженія конституціи относительно злоупотребленій, подающихъ поводъ къ преслѣдованію [1]). Всякое политическое недовольство можетъ, по его мнѣнію, высказаться такимъ преслѣдованіемъ, которое не имѣетъ ничего позорящаго и не приводитъ обязательно къ тяжелымъ карамъ, а, въ то же время, даетъ возможность устранить неугоднаго правителя. Брайсъ замѣчаетъ, что этотъ прославляемый порядокъ на практикѣ имѣетъ весьма мало значенія. По его выраженію, это «орудіе слишкомъ большаго калибра, чтобы имъ пользоваться». Примѣняется этотъ способъ дѣйствій весьма рѣдко и, какъ показалъ процессъ президента Джонсона, самые ожесточенные противники находятъ затруднительнымъ преслѣдовать юридически за столкновенія въ политикѣ. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ останавливается Брайсъ на организаціи судебной власти въ штатахъ и на ея государственной роли. Извѣстно, что роль эта громадная. Федеральные суды призваны не только разрѣшать тяжбы и преслѣдовать правонарушенія частныхъ лицъ, они постоянно имѣютъ дѣло съ конституціонными вопросами и интересами какъ союза, такъ и отдѣльныхъ штатовъ. Эту конституціонную роль—право высказываться о значеніи закона, степени и случаяхъ его примѣненія, право тѣмъ самымъ косвенно провѣрять и сдерживать дѣятельность законодательной власти,—и европейцы, и американцы слишкомъ часто разсматриваютъ какъ нѣчто нарочно придуманное для Соединенныхъ Штатовъ и какъ коренное отличіе ихъ строя. Въ сущности же, конституціонное вліяніе судовъ въ Америкѣ является не хитрымъ измышленіемъ, а простымъ приложеніемъ широкаго обще-англійскаго принципа, которое Брайсъ, подобно Дайси, называетъ «господ-

[1]) *Démocratie en Amérique*, I, 182.

ствомъ права». Фундаментъ, на которомъ держится дѣятельность федеральныхъ судовъ, есть правило, что должностное лицо отвѣчаетъ за свои поступки передъ общими судами по общему праву.

Это основное положеніе примѣняется въ Англіи такъ же, какъ и въ Америкѣ, и въ силу него англійскій судъ можетъ быть призванъ рѣшать политическіе вопросы, подобно американскому, можетъ, наприм., приговорить къ вознагражденію за нанесенный убытокъ чиновника, взыскавшаго подать по распоряженію начальства, но безъ основанія въ парламентскомъ актѣ, или признать недѣйствительнымъ постановленіе какого-нибудь законодательнаго учрежденія колоніи, если оно противорѣчитъ закону, установленному англійскимъ парламентомъ. Существенная разница между Англіей и Америкой состоитъ въ томъ, что въ Англіи суды не призваны высказываться объ актахъ самаго англійскаго парламента и не могутъ опорочить ихъ, такъ какъ парламентъ въ совокупности своихъ трехъ составныхъ элементовъ — короля, палаты лордовъ и палаты общинъ — обладаетъ верховенствомъ и выше его рѣшенія ничего нѣтъ въ законодательной области. Въ случаѣ прямаго противорѣчія между двумя актами этого верховнаго учрежденія, позднѣйшій актъ всегда долженъ считаться отмѣняющимъ болѣе ранній. Иное дѣло въ Америкѣ, гдѣ есть утвержденная конституція. Конституція эта есть основной законъ, добытый особымъ способомъ, подлежащій измѣненію только въ особомъ порядкѣ и потому возвышающійся надъ всѣми актами отдѣльныхъ штатовъ, какъ бы они ни были торжественны, и надъ всѣми актами обычнаго законодательства въ самомъ Союзѣ. Въ случаѣ противорѣчія между конституціей отдѣльнаго штата и конституціей Союза, предпочтеніе остается за постановленіемъ послѣдней. То же самое въ случаѣ противорѣчія съ актомъ федеральнаго конгресса. Въ виду неравнаго достоинства этихъ политическихъ постановленій, американскій судъ, естественно, призванъ при исполненіи своихъ общихъ юридическихъ обязанностей и безъ всякой делегаціи особаго политическаго права объявить постановленіе или распоряженіе меньшаго достоинства недѣйствительнымъ. Любопытный примѣръ осуществленія этой компетенціи представляетъ дѣло китайца Го-А-Коу противъ Мэтью Ньюнана. Штатъ Калифорнія издалъ законъ, на основаніи котораго всѣмъ заключеннымъ въ тюрьму стали стричь волосы такъ, чтобъ они были длиной не болѣе дюйма. Китайцу Го-А-Коу въ силу этого постановленія обстригли косу. Онъ предъявилъ въ областномъ федеральномъ трибуналѣ искъ къ шерифу, и судъ призналъ, что дѣйствіе смотрителя, основанное на актѣ штата Калифорніи, нарушило 14-ю поправку къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Поправка эта воспрещаетъ налагать взысканія и издавать распоряженія, спеціально направленныя къ уменьшенію гражданскихъ правъ одной части населенія, и судъ нашелъ, что такъ какъ лишеніе косы для китайца имѣетъ особое религіозное и общественное значеніе, несоизмѣримо бо́льшее, чѣмъ для другихъ національностей, то общее, повидимому, распоряженіе штата было въ дѣйствительности неравномѣрнымъ и направленнымъ противъ одного элемента

населенія. Федеральный судъ косвенно парализовалъ, такимъ образомъ, дѣйствіе закона, установленнаго штатомъ Калифорніей. Но его дѣйствіе въ данномъ случаѣ опиралось не на право контролировать или провѣрять вообще законы Калифорніи, а на опредѣленное столкновеніе между однимъ изъ нихъ и поправкой къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Кассированіе закона всегда косвенное и всегда есть результатъ обычнаго юридическаго толкованія. Надо замѣтить, что роль федеральныхъ судовъ потому такъ важна и замѣтна, что, во-первыхъ, конституція Соединенныхъ Штатовъ, при всей своей краткости, проводитъ принципы, чрезвычайно удобные для широкаго вмѣшательства Союза,—она гарантируетъ, наприм., ненарушимость договоровъ; во-вторыхъ, безпорядочная и поспѣшная законодательная дѣятельность конгресса порождаетъ массу спорныхъ вопросовъ и вызываетъ на поправки; въ-третьихъ, самое существованіе цѣлаго ряда подчиненныхъ Союзу государственныхъ тѣлъ, такъ называемыхъ Штатовъ и Территорій, съ разнообразными конституціями и учредительными актами осложняетъ государственную жизнь и порождаетъ пререканія. Въ общемъ федеральные суды стояли на высотѣ своей задачи,—безпристрастно и умѣло примѣняли и толковали конституцію. Исключительные случаи вродѣ знаменитаго рѣшенія по дѣлу Дреда Скотта [1]) не могутъ подорвать общаго правила. Самое это рѣшеніе, освятившее невольничество незадолго до войны за освобожденіе, какъ оно ни противно нашему нравственному чувству и какъ ни рѣзко оно было исправлено исторіей, имѣло за себя нѣкоторыя юридическія соображенія.

Еще болѣе замѣчательно, что американцы, несмотря на свое демократическое правительство и нетерпѣливое отношеніе къ тому, что ограничиваетъ общественное мнѣніе, всегда преклонялись передъ авторитетомъ судовъ [2]). Есть одна черта верховнаго федеральнаго суда, которая, вслѣдствіе упущенія составителей конституціи, открываетъ возможность политическимъ партіямъ по произволу играть этимъ учрежденіемъ: число судей не опредѣлено. Поэтому хотя назначенные уже судьи не могутъ быть смѣщены иначе, какъ въ силу судебнаго преслѣдованія, представлялась бы полная возможность побѣдоносной политической партіи назначать столько новыхъ членовъ трибунала, сколько нужно, чтобъ овладѣть имъ. Однако, только разъ произведена была попытка въ этомъ смыслѣ, и попытка эта вызвала неодобреніе въ обществѣ [3]). Здравый смыслъ и политическое пониманіе

---

[1]) Негръ Дредъ Скоттъ былъ перевезенъ своимъ владѣльцемъ изъ невольническаго штата въ свободный, а затѣмъ опять возвращенъ на невольническую почву и проданъ. Онъ предъявилъ искъ противъ покупщика, основываясь на пребываніи въ свободной мѣстности. Большинство главнаго федеральнаго суда, къ которому въ апелляціонномъ порядкѣ перешелъ процессъ, высказалось въ томъ смыслѣ, что суды Соединенныхъ Штатовъ не могутъ вмѣшаться въ дѣло, и, при этомъ, такъ какъ негры не граждане, то имѣютъ право иска въ этихъ судахъ.

[2]) Гольстъ рѣзко критикуетъ рѣшеніе, но признаетъ, что оно опиралось на прецеденты. *Verfassungsgeschichte*, IV, 27, 28.

[3]) Въ 1866 году конгрессъ законодательствовалъ относительно числа судей съ

достаточно сильны въ штатахъ, чтобы сдержать въ данномъ случаѣ партійные интересы. Составъ верховнаго суда поэтому большею частью отражаетъ скорѣе прошедшій распорядокъ партій, чѣмъ современное ихъ отношеніе,— онъ, такъ сказать, опаздываетъ сравнительно съ текущею политикой, и верховный судъ является съ своими широкими полномочіями и испытанною компетентностью консервативнымъ учрежденіемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Общее сужденіе, высказываемое Брайсомъ о федеральныхъ учрежденіяхъ, довольно строгое. И президентъ, и конгрессъ никакъ не могутъ быть признаны носителями особой политической мудрости или опытности. Правительственная машина дѣйствуетъ далеко не гладко и во многихъ отношеніяхъ прямо неудовлетворительно. Ея техническое несовершенство несомнѣнно стоитъ въ связи съ нѣсколькими условіями, характерными для демократіи и ея американской формы. Сократъ и Платонъ удивлялись, какимъ образомъ ихъ аѳинскіе современники не могли взять въ толкъ простаго соображенія, что если нужны обученіе и сноровка для сапожника или музыканта, то нужны они и для политическаго дѣятеля. Американская демократія вновь иллюстрируетъ ту же наклонность властвующаго народа пренебрегать спеціальною подготовкой и способностями. Предполагается, что всякій можетъ быть членомъ конгресса и что нѣтъ надобности въ особыхъ талантахъ даже для президента. Если присмотрѣться ближе, то это очень грубое заблужденіе оказывается, однако, связаннымъ съ условіемъ положительнымъ: масса потому мало предполагаетъ и мало требуетъ отъ своихъ правителей, что имѣетъ въ виду сама ими управлять. Они только слуги общественнаго мнѣнія, которымъ предписаны опредѣленные уроки и порученія. Лучше пусть слуги эти будутъ не особенно умѣлые и смѣлые, чѣмъ если они будутъ держать себя самостоятельно и опираться на лично принадлежащія имъ преимущества образованія или таланта. Эта подначальная роль правительства вполнѣ сознана его представителями. Одной изъ слабыхъ сторонъ конгресса является робость передъ общественнымъ мнѣніемъ, неспособность сколько-нибудь самостоятельно относиться къ задачамъ политики, постоянное стремленіе опредѣлить, откуда дуетъ вѣтеръ, и подчиняться его измѣнчивымъ теченіямъ. Другой серьезный недостатокъ системы опять-таки является обратною стороной ея достоинства. Власти раздѣлены; раздѣленіе это вытекаетъ изъ конституціи и не можетъ быть устранено какими-нибудь маневрами или фикціями. Нечего говорить, что это условіе крайне существенное для обезпеченія свободы, для развитія политическихъ гарантій. Президентъ, конгрессъ и судъ настолько сильны каждый въ своей области, что ни одинъ не можетъ перетянуть къ себѣ главную роль въ государствѣ и подчинить другихъ. Но такъ какъ всѣ три власти раздѣлены и независимы, то онѣ могутъ легко попасть въ несогласіе

явною цѣлью стѣснить президента. Запрещено было назначать новыхъ судей, пока число ихъ будетъ болѣе семи. Въ 1869 году число это было доведено до 10.

между собою. Нѣтъ никакихъ внѣшнихъ средствъ для того, чтобы заставить ихъ дѣйствовать въ одномъ направленіи. Система противовѣсовъ всегда предполагаетъ возможность парализаціи одного органа другимъ въ той же степени, въ какой исключаетъ подчиненіе одного другимъ. Надъ всѣми стоитъ общественное мнѣніе, и случаи открытой и упорной борьбы рѣзки, но антагонизмъ въ подробностяхъ—явленіе и естественное, и обыкновенное. Американскому правительству недостаетъ единства, сосредоточенности, активности. Это серьезный недостатокъ, но едва ли нужно повторять, что онъ имѣетъ и хорошую сторону. Такое правительство не можетъ сдѣлаться деспотическимъ. Оно мало окажетъ помощи обществу, но общество и не стремится къ такой стѣснительной помощи. Оно предпочитаетъ двигаться самостоятельно, мирится съ несовершенствомъ своего политическаго строя, чтобы сохранить за нимъ его подчиненное значеніе. Американцы смотрятъ на государство не какъ на могущественное средство совершенствованія отдѣльныхъ лицъ, организаціи общественныхъ силъ, направленія общественныхъ интересовъ. Они оставляютъ за нимъ ограниченную роль по охраненію необходимаго закона и порядка. Оно въ лучшемъ случаѣ необходимое зло, которое должно быть сведено на minimum, и нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ основной печальной необходимости вытекаетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ несовершенствъ и недостатковъ. Брайсъ готовъ видѣть въ такомъ пониманіи слѣды пуританизма съ его осужденіемъ человѣческой природы. Онъ противуполагаетъ его оптимизму, проникавшему первое поколѣніе французской революціи. Едва ли, однако, дѣло восходитъ къ этимъ религіозно - нравственнымъ основаніямъ и, во всякомъ случаѣ, трудно усмотрѣть радикальный контрастъ между конституціями Соединенныхъ Штатовъ и французской монархіи 1789 года: и та, и другая смотрятъ съ оптимизмомъ на общество или народъ; и та, и другая съ недовѣріемъ относятся къ правительству; и та, и другая получаютъ свое характерное направленіе не столько отъ взгляда на природу человѣка и его исконную грѣховность или добродѣтель, сколько изъ стремленія обезпечить возможно свободное развитіе отдѣльной индивидуальности. Со стороны французскихъ революціонеровъ такое стремленіе было, можетъ быть, преждевременно; американская исторія показала, что оно имѣетъ не только отвлеченное значеніе, а можетъ воплотиться въ жизненныхъ учрежденіяхъ и послужить основаніемъ могучаго общественнаго развитія.

Павелъ Виноградовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Д. Хвощинская-Заіончковская.

(В. Крестовскій-псевдонимъ) *).

IV.

Замужство и отношенія къ мужу.

Иванъ Ивановичъ Заіончковскій, уроженецъ Калужской губерніи, учился въ рязанской гимназіи и въ 1857 году поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. По отзыву одного изъ товарищей, это былъ человѣкъ безусловно честный, мягкій, необыкновенно деликатный, съ манерами настоящаго джентльмена, по убѣжденіямъ принадлежавшій къ лучшей части тогдашняго студенчества. Средства у него были очень ограниченныя: въ 15-ти копѣчныхъ кухмистерскихъ приходилось не доѣдать, не допивать, отчего, конечно, страдало здоровье. По окончаніи курса въ 1863 году, онъ былъ арестованъ по обвиненію въ распространеніи прокламацій и посаженъ въ крѣпость. Однажды ночью вѣтромъ вырвало окно, выходящее на Неву въ камерѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, и, проведя такимъ образомъ всю ночь, онъ жестоко простудился. Послѣ 11-ти мѣсячнаго одиночнаго заключенія онъ былъ освобожденъ на поруки; впослѣдствіи сенатъ вмѣнилъ ему въ наказаніе заключеніе въ крѣпости, но здоровье его было совершенно подорвано. Онъ отправился жить въ Рязань, гдѣ мужъ его сестры, тогда уже умершій, былъ прежде учителемъ въ гимназіи. Заіончковскій постоянно бывалъ у Хвощинскихъ и мѣсяца черезъ полтора по смерти Софьи Дмитріевны онъ сказалъ Надеждѣ Дмитріевнѣ: «Вы остались одни, я тоже одинокъ, выходите за меня замужъ». Н. Д., которой тогда было уже 40 лѣтъ (женихъ былъ на 13 лѣтъ ея моложе), согласилась, и черезъ нѣсколько дней, 25 сентября 1865 года, уже произошло вѣнчаніе. «Изъ-за того я и замужъ пошла, что боялась одиночества,—разсказывала она впослѣдствіи.— Развѣ возможно никого не имѣть?» **).

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

**) *Виницкая*: „Воспоминанія о Н. Д. Хвощинской". *Ист. Вѣстн.* 1890 г., № 1, стр. 152.

Заіончковскій, красивый, стройный брюнетъ, былъ человѣкъ хорошо образованный. Послѣ брака онъ переѣхалъ съ женою въ Петербургъ, а лѣтомъ 1866 года, съѣздивъ на кумысъ въ Самару *), получилъ мѣсто уѣзднаго врача въ Рязани. Живя съ мужемъ въ Петербургѣ въ 1865—66 гг., Н. Д. могла болѣе познакомиться съ тамошнею молодежью, прежде ей мало извѣстною, и изучить какъ дурныя, такъ и хорошія стороны этого времени. Съ осени 1866 года Заіончковскіе поселились въ Рязани. Ив. Ив. первоначально служилъ, но затѣмъ разногласія съ администраціею побудили его выйти въ отставку. Поводомъ къ этому, какъ мы слышали, послужила смерть на порогѣ больницы одного больнаго, который не былъ принятъ по недостатку мѣста. Этотъ фактъ такъ возмутилъ Заіончковскаго, что онъ тотчасъ же вышелъ въ отставку.

Этотъ бракъ не доставилъ счастія Надеждѣ Дмитріевнѣ. Ея мужъ былъ человѣкъ крайне увлекающійся по натурѣ, а въ данномъ случаѣ возможность увлеченія поддерживалась значительною разницей лѣтъ, такъ что, въ концѣ-концовъ, Н. Д. возвратила ему полную свободу; затѣмъ между ними были существенныя различія во взглядахъ и, наконецъ, его здоровье было совершенно подорвано. Страдая страшнымъ ревматизмомъ, онъ полгода лежалъ въ Рязани почти безъ движенія и былъ крайне раздражителенъ. Ей приходилось ухаживать за мужемъ и по ночамъ, и такъ какъ она не могла не засыпать отъ усталости, то, чтобы разбудить ее въ случаѣ надобности, мужъ привязывалъ ей къ рукѣ веревочку. Вслѣдствіе всего этого, Н. Д. долго не могла въ то время работать. Зимою 1866—67 гг. она сама была больна горячкой. 2 февраля 1867 г. младшая сестра Н. Д., Прасковья Дмитріевна, писала А. А. Краевскому: «Опасность теперь миновалась, но она такъ слаба и такъ истощена всѣми прежними болѣзнями и печалями, что, вѣроятно, поправляться будетъ медленно и трудно. Нервы ея страшно разстроены, голова полна заботъ... она постоянно находится въ тревожномъ состояніи». Въ концѣ апрѣля то же лицо извѣстило Краевскаго, что больная окончательно оправилась, а сама Н. Д. приписала: «Сбиралась умирать и для чего-то осталась... все такая же, какъ стала въ послѣднее время. Авось теплые дни позовутъ на работу, безъ которой и пусто, и тяжело». Черезъ мѣсяцъ Н. Д. писала Краевскому: «Въ іюнѣ... я пришлю вамъ свою повѣсть. Два года я ничего не дѣлала, перемѣнъ и со мной, и во мнѣ было много... Я почти что начинаю вновь». Но обстоятельства все мѣшали работать. Въ декабрѣ Н. Д. писала тому же лицу: «Вотъ два мѣсяца, какъ мой мужъ хвораетъ, не вставая съ постели, а что до меня самой,—я забыла, какъ люди бываютъ здоровы». Наконецъ, наиболѣе извѣстный рязанскій врачъ потребовалъ, чтобы Заіончковскій отправился за границу (въ 1868 г.).

Ив. Ив. жилъ въ Швейцаріи и Германіи, гдѣ слушалъ лекціи въ уни-

*) Н. Д. считала, кромѣ того, полезнымъ удалить мужа изъ Петербурга въ то тяжелое время, какое настало послѣ 4 апрѣля 1866 года. Сама она провела это лѣто въ Петербургѣ и писала ради заработка фельетоны о заграничной жизни въ *Голосѣ*.

верситетахъ (въ Цюрихѣ, Гейдельбергѣ), затѣмъ жилъ во Франціи. И разойдясь съ женой, Ив. Ив. продолжалъ горячо любить ее,—онъ чуть не ежедневно и чрезвычайно много писалъ ей. Что касается Н. Д., то она сохранила къ мужу, несмотря на всю неудачность этого брака, самое доброе, почти материнское чувство. Въ одномъ письмѣ къ пріятельницѣ (въ августѣ 1870 г.) она называетъ его «взрослымъ ребенкомъ». «Не я забаловала его,—пишетъ она,—забаловали его *до* меня, а мнѣ онъ достался балованный, разбитый и больной, такъ что мудрено было перевоспитывать. Но и я сама была не въ силахъ, и тогдашнее глупо растрепанное время записывало меня въ число негодныхъ, отсталыхъ и—хуже. Онъ дурѣлъ до того, что воображалъ во мнѣ—*во мнѣ!*—чувственную страсть къ нему и ничего болѣе, и *меня*—годную (годною?) единственно для кухни или аристократіи. *Какъ* все это вѣрно, вы... еще тогда залетѣвшая ко мнѣ, могли судить сами. Полтора года здѣсь, въ Рязани, были тяжелы и на этотъ, и на другой ладъ. Мнѣ было горько его проводить (за границу), не ради будущей разлуки, а ради неудачнаго, несчастнаго, невозвратимаго прошедшаго. У меня на рукахъ осталась семья. Я сама осталась въ положеніи 5 августа 1865 года, когда у меня съ Соней все умерло. Я оглянулась,—мать и сестра были въ конечной нищетѣ. Не оставалось, что̀ продать или заложить въ домѣ, чтобъ имѣть (буквально) что̀ завтра пообѣдать. На меня, въ отчаяніи, налетѣло вдохновеніе: планъ, который я предложила сестрѣ. Началось его исполненіе съ мая 1868 г. и понемногу справляется *Первою борьбой* и *Большою Медвѣдицей*... Чего стоило это усиліе... вы можете понять, какъ никто! У насъ еще теперь двѣ тысячи и больше долгу, кромѣ необходимости жить; но я знаю, что справлюсь со всѣмъ, потому что *должна* это сдѣлать.

«Тогда же, съ его отъѣздомъ (потому что все это случилось въ одно время), я сгоряча рѣшилась показать ему, что̀ я такое. На глазахъ—онъ не замѣчалъ, не слушалъ, не вѣрилъ,—ну, скажу все,—и огорчалъ довольно для того, чтобы заставить потерять всякую энергію. Я начала съ того, что предоставила ему полную свободу и, наконецъ, добилась своего оправданія въ этой подлой ревности, которую (т.-е. обвиненіе въ которой) не знаю кто вложилъ ему въ голову. Теперь онъ меня понялъ и уважаетъ. Я предоставила ему полнѣйшее право любить кого угодно и какъ угодно, съ однимъ условіемъ: его собственнаго счастья и достоинства, и счастья, и достоинства той, которую онъ выберетъ. Я—въ сторонѣ. Хоть на вѣки. Я даже думаю, что это будетъ на вѣки. *Третьей* жить весьма неудобно, ради людскихъ глазъ и своего собственнаго спокойствія, необходимаго для работы. Да я же, воротясь въ то святое мѣсто, гдѣ она (сестра Софья Дмитріевна) умерла, не въ силахъ выйти изъ него. Если выйду, не чувствую, но *навѣрно знаю*,—я буду опять не я».

Весною 1870 г. у Ив. Ив. явился планъ пріѣхать на дачу подъ Петербургомъ въ Тосну, гдѣ жила одна знакомая семья, и вызвать туда же и жену. Получивъ это предложеніе, Н. Д. отвѣчала мужу 26 мая: «Милое

мое счастье, сейчасъ получила твое письмо...» Н. Д. указываетъ далѣе на то, что жизнь холоднымъ лѣтомъ подъ Петербургомъ можетъ быть очень вредна для здоровья Ив. Ив. «Я пишу это и едва не плачу... Въ Рязань ты не хочешь; это я очень понимаю... Рязань тебѣ не отдыхъ. Только твоя *совѣстливость пріѣхать съ пустыми руками*—совсѣмъ напрасная. Даже было бы лучше, если бы было кого совѣститься: значитъ, были бы люди. Но ихъ нѣтъ,—меньше, чѣмъ было. *Своихъ* старыхъ,—кого не найдешь, кого не узнаешь. Въ Рязани жизнь возможна только вотъ такая, какую ведутъ Ростиславовъ *), Г. да я: свой уголъ и свое дѣло. Ну, а для этого нуженъ извѣстный возрастъ и извѣстный характеръ... Въ Петербургѣ нашелся бы кто-нибудь. Но, вѣдь, тебѣ *нельзя* жить въ Петербургѣ... Тамъ можетъ найтись какая-нибудь работа, но, знаю, какая бѣдная. Для тебя—это невозможно. Ты замрешь совсѣмъ...

«Это пришло мнѣ на мысль на твои слова «остаться въ Россіи, переводить, искать мѣста». Все это, не скрою, для меня кажется и печально, и страшно. На первое я тебѣ сейчасъ сказала. *Переводить*—ты видишь на себѣ успѣхъ этихъ работъ, гдѣ все справляется какимъ-то кумовствомъ и гдѣ даютъ грошъ. *Искать мѣста*—гдѣ милый, честнѣйшій..., тебѣ нѣтъ мѣста,—это я пишу съ полнѣйшею законною гордостью, съ любовью къ тебѣ до благоговѣнія. Мѣста даются тѣмъ, кто кланяется, живутъ на нихъ тѣ, кто не думаетъ и усыпляетъ совѣсть... Ты не въ состояніи, какъ У—въ защищать въ судѣ мошенниковъ... Ты скажешь, что-жь дѣлать?—То, что ты задумалъ. Ты хотѣлъ заняться другими сторонами медицины или естественныхъ наукъ; займись, добейся своего, а тогда, вѣрю (скажу: вѣрую), есть Боткинъ, который доставитъ тебѣ мѣсто при любомъ нашемъ университетѣ поюжнѣе. Люди нужны, а ты будешь такимъ человѣкомъ. Вѣрь, счастье мое, моей неослѣпленной любви, моей высоко-человѣческой оцѣнкѣ: такіе, какъ ты, не пропадаютъ, когда они на своемъ пути, а тотъ путь—исканье мѣста—не твой. Это путь ищеекъ, *практическихъ господъ*... А ты... даже *врачъ непрактичный*.

«Короткій пріѣздъ (о совершенномъ возвращеніи уже рѣчи нѣтъ) только собьетъ тебя съ колеи, въ которую ты немного вошелъ. Это будутъ только переѣзды, переустройства, хлопоты, а удовольствіе—одни свиданія. Взглянуть въ твои глаза—мнѣ радость, но не возьму я ее за ту муку, что буду видѣть, какъ они потускнѣютъ. Я тебя люблю—для тебя. Скажу ужасное слово: я не хочу тебя здѣсь видѣть. Опять твои страданія, и физическія, и нравственныя, опять оглядка на нестоющихъ людей. Нѣтъ, жизнь моя, не сбивайся, продолжай, что началъ, перенеси временную скуку, поправляйся, хорошѣй, находи людей, *живи*, добивайся *своего*—и не заглядывай въ Россію, пока не станешь бодро на ногахъ.

---

*) Хорошій знакомый Н. Д., бывшій профессоръ петербургской духовной академіи, авторъ книги *Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ монастырей* и обширныхъ мемуаровъ, печатаемыхъ въ *Русской Старинѣ* съ 1880 года.

«...Въ дополненіе, я тебѣ скажу еще, что лѣтомъ, если бы мы вздумали съ тобою кататься съ мѣста на мѣсто, и я бы сбилась съ пути: мое дѣло спѣшное, почти къ сроку,—ты знаешь. Въ сентябрѣ я буду съ капиталомъ и вышлю тебѣ, такъ, что, полагаю, по твоимъ скромнымъ разсчетамъ, тебѣ хватитъ на годъ, а тамъ и еще посмотримъ; ты это помни, что я *твоя*. Не видать тебя и не знать, что ты покоенъ, веселъ и здоровъ, или видѣть измученнымъ—да... развѣ kitka обезумѣла, чтобы одну минуту раздуматься? Голубчикъ... вотъ ужь крѣпко-то я тебя обнимаю! Я, признаюсь, была смущена часъ назадъ, теперь—опять тверда и покойна. Прощай, надолго прощай, и чѣмъ дольше, тѣмъ для тебя лучше,—стало быть, и для меня. Не скучай, не робѣй. Ну... дѣлай хоть глупости, чтобъ развлечься лѣтомъ... Прощай, мой Wanderer, люби *тамъ*, а на родинѣ тебя любитъ невидимая kitka... Я написала все это *не суетясь*. Я все дѣлаю покойно... У меня такая натура: первую минуту меня будто отуманитъ новость впечатлѣнія; но я очень скоро и ужь твердо разбираюсь въ немъ. Я помню крѣпко все—характеры, отношенія, положенія свои и другихъ, а потому тотчасъ разбираю, какъ и чѣмъ приложима или неприложима какая-нибудь перемѣна. Прощай еще!»

Многое въ этомъ письмѣ было сказано, чтобы успокоить больнаго; въ письмѣ къ пріятельницѣ, по этому же вопросу, Н. Д. высказывалась прямѣе:

«...Что такое исканье мѣста для человѣка, который ужь почти не медикъ?.. Блажить грѣхъ великій, а онъ имъ опять страдаетъ. Чтò-жь будетъ съ нимъ въ Россіи безъ средствъ, безъ мѣста, безъ занятія и безъ здоровья? Вы понимаете, что это меня встряхнуло. Хорошо же могутъ идти разные умственные труды среди такой неурядицы! Теперь я могу что-нибудь для него,—тогда я опять не буду ни на что и никому не годна».

Черезъ нѣсколько дней (31 мая) Н. Д., получивъ письмо отъ этой пріятельницы, вновь писала ей о мужѣ: «Что... до Ив. Ив.,—вы ошибаетесь... Онъ очень несчастливъ, очень жалокъ, потому что болѣнъ; но если ему и *представляется*, будто его печаль оттого, что *онъ самъ ничего для кого-нибудь*, такъ это только *представляется*. У него, къ сожалѣнію, всегда на первомъ планѣ—*онъ самъ*. Вотъ его горе. Дайте ему друзей—онъ ихъ не оцѣнитъ. Дайте *что* хотите—не побережетъ. Вы говорите, что онъ *слишкомъ* свободенъ, и оттого хандритъ. Онъ былъ *всегда* свободенъ, а я слышала столько жалобъ, что онъ стѣсненъ.

«*Поѣздка* въ Россію—это такъ, маленькое развлеченіе, *необходимое*, видите ли... Неужели онъ не понимаетъ, что есть люди, которымъ, какъ жизнь, нужны вещи меньше, дешевле этого, и они ихъ имѣть не могутъ?... Не совѣстно ли такъ прихотничать?...

«Вы понимаете, что я не для *своего* спокойствія хлопочу. Мое *спокойствіе*—усиленная работа для насущнаго хлѣба, никакъ не больше. И ему пригодится моя работа, стало быть, я вправѣ желать, чтобы ее не смущали... Натолкните его на мысль писать статейки, вродѣ корреспонденцій о томъ, что видитъ и слышитъ. Чтò онъ живетъ, закрывая глаза на все,

кромѣ *своихъ* потребностей? Это было бы занятіе и, пожалуй, заработокъ. Я не предлагаю этой мысли,—чтобъ ужь не все подавать совѣты... Вѣдь, у него есть и умъ, и образованіе,—почему же не употреблять ихъ въ дѣло? Вѣдь, любая изъ насъ не прожила бы два года въ чужихъ земляхъ, не вынеся изъ нихъ хоть что-нибудь?

«Я... пишу только о немъ. Да больше и нечего. Съ 27, какъ получила его письмо и писала вамъ, это сбило меня и съ работы. Вы знаете, это нѣжная штука—писаніе. Извольте еще наверстывать эти дни, когда въ головѣ другое, да и въ житейскихъ отношеніяхъ—во всемъ, не въ однихъ дѣлахъ мужа—куда ни кинь, все клинъ и все расползается. Вы знаете, *все* на моихъ рукахъ».

Письмо Н. Д. подѣйствовало на ея мужа, и онъ остался за границей.

7 іюля 1870 г. Н. Д. писала о немъ той же пріятельницѣ: «Сегодня получила его карточку, только что сдѣланную въ Цюрихѣ. Онъ очень перемѣнился противъ прошлаго года, почти таковъ, какъ поѣхалъ изъ Рязани въ 1868 году—судите, красивъ ли. Это мнѣ было очень горько... Не могу сказать вамъ, какъ меня мучитъ его тоска. Но что дѣлать, скажите, что можно сдѣлать для человѣка, котораго причины печали всѣ *въ немъ самомъ*, въ его болѣзни физической и въ болѣзненно настроенномъ характерѣ? Чѣмъ поправить то и другое, потому что одно помогаетъ портиться другому? То болѣнъ, оттого что скученъ, то скученъ, оттого что болѣнъ.

«Я заработалась и конца не вижу работѣ. Не одному этому роману, а тому, что̀, по закону судѣбъ, должно быть впереди. Если бы за *Медвѣдицей* можно было спустить съ цѣпи сотню медвѣдей, я бы была рада. Станетъ ли головы—неизвѣстно. *Нужно!*... Не сочтешь... *сколько* нужно и *куда* нужно! Иногда, на сонъ грядущій, задумаюсь, да ужь и ложусь ничкомъ, чтобы не думать... Работа связала. Я одурѣла совсѣмъ. Вы говорите, чтобъ я не трудила себя. Этого, другъ, *не можетъ быть* во вѣки. Работа—моя судьба до гробовой доски, а объ этомъ послѣднемъ предметѣ вы знаете мое мнѣніе. Если бы я не была нужна,—ну, старая пѣсня...»

Въ августѣ того же года мужъ Н. Д. сталъ звать ее къ себѣ за границу.

«Зоветъ меня въ сентябрѣ пріѣхать въ Гейдельбергъ,—писала Н. Д. той же пріятельницѣ.—Да, батюшки, *гдѣ* Гейдельбергъ въ нынѣшнее время? *гдѣ* у меня средства для разъѣздовъ?... И еще—въ сентябрѣ!... Но я раньше ноября физически не могу кончить романа и еще кончу ли!»

3 сентября Н. Д. писала тому же лицу:

«Сейчасъ получила письмо отъ мужа. Опять зоветъ меня... Чѣмъ бы учиться, заниматься, жить, сходиться съ людьми, наблюдать жизнь, которая такъ и кипитъ, онъ все выписываетъ себѣ поддержку!... Тащитъ, горемычную, меня, которая остановилась среди мукъ жизни на исполненіи своей обязанности—на трудѣ и работѣ, сознавъ, что въ этомъ *единственное*, что̀ мнѣ осталось! Да, поѣзжай я къ нему—чрезъ недѣлю онъ заскуча-

етъ со мною по-старому, и только я потеряю всѣ результаты годовъ терпѣнія, труда и покоя! Не поѣду,—вотъ что̀ я рѣшила».

Въ январѣ 1871 г. Н. Д. писала: «Еще о моей поѣздкѣ. Она невозможна, потому что не на что! Что-жь дѣлать? По моимъ понятіямъ, если человѣкъ однажды сказалъ, что дѣлаетъ *для другихъ*, онъ уже не имѣетъ права брать своего слова назадъ. Я сказала такое слово. Я и жить осталась для работы. Ну, поблажила, пожелала—и будетъ. Не должно, такъ и нельзя, не надо».

«... Иванъ Ивановичъ жалуется на себя, что у него нѣтъ работы. Не знаю, какъ онъ тамъ ничего не выберетъ, у самаго источника для перевода. Что̀ его переводъ Петтенкофера въ *Арх. судебн. медиц.*—напечатанъ или нѣтъ?» *).

Наконецъ, въ сентябрѣ того же года Н. Д. писала: «Мой супругъ въ Граубюнденѣ; на зиму думаетъ во Флоренцію. Кажется, здоровъ, но я перестаю вѣрить: онъ все лечится. Можетъ быть, привычка, можетъ быть, мнительность, можетъ быть, дѣлать нечего, но, можетъ быть, и нужно. Я даю свое благословеніе ѣхать, куда пожелаетъ».

Разумѣется, Н. Д. была совершенно права въ томъ, что не поѣхала за границу, но трудно винить и ея мужа; это былъ человѣкъ уже совершенно больной. Нѣкоторые обвиняли Заіончковскаго, что онъ женился только изъ разсчета; это совершенно несправедливо,—онъ былъ честный человѣкъ, неспособный на такую подлость. И изъ предъидущаго видно, что онъ старался, насколько могъ, работать, но работа шла плохо при той хандрѣ, которая его одолѣвала и которая въ свою очередь обусловливалась болѣзнью. Не задолго до смерти онъ перевелъ стихами *Эгмонда* Гёте и просилъ жену предложить актеру Самарину поставить эту драму въ свой бенефисъ, но тогда это оказалось неудобнымъ. Впослѣдствіи С. А. Юрьевъ изъявлялъ готовность напечатать этотъ переводъ въ редактируемой имъ *Бесѣдѣ*, но журналъ вскорѣ прекратился.

Одно время здоровье И. И. Заіончковскаго поправилось, но затѣмъ явилась скоротечная чахотка, и онъ умеръ въ Бэ въ 1872 г. Н. Д. всегда вспоминала о мужѣ, какъ о честномъ, хорошемъ человѣкѣ, несмотря на то, что этотъ бракъ нисколько не скрасилъ ея печальной жизни.

Мы видѣли, что въ 1870—71 гг. Заіончковская самымъ усиленнымъ образомъ работала надъ *Большою Медвѣдицей*, и, въ концѣ-концовъ, это страшно ее утомило. Въ сентябрѣ 1871 г. она писала одной пріятельницѣ: «Романъ меня одолѣлъ. Въ концѣ іюня, безъ всякаго преувеличенія, я сходила съ ума. Пятая часть была еще не начата, потому что набросковъ, клочковъ нельзя считать за начало. Я принялась едва съ десятыхъ чиселъ іюля, и—ну, горячку порола, и только. День и половиаа ночи за дѣломъ; во снѣ вижу то же. Рехнулась. И, наконецъ, 11 сентября, въ субботу, въ 4 часа дня, насталъ вожделѣнный конецъ. Дописала, въ ту же ночь списа-

*) Онъ остался ненапечатаннымъ.

ла, что оставалось (я переписывала въ часы отдыха, чтобы успѣть къ сроку), и отправила на слѣдующее утро. Первымъ дѣломъ было—выспаться. Я двѣ недѣли не ложилась раньше четырехъ... Знаете, до чего я омедвѣдилась съ этою штукой? Ни о чемъ, кромѣ ея, не могу покуда думать. Все еще въ глазахъ и эта мука, и эти образы. Выйдетъ въ свѣтъ вся пятая (часть) въ ноябрѣ, тогда же и отдѣльное изданіе... Не хочу книжки... хочу гулять... трудъ,—ну, знаемъ, вѣруемъ,—еще Курочкинъ воспѣвалъ: «Слава святому труду!» А, все-таки, право, когда васъ два года безъ отдыха погоняютъ на этомъ трудѣ, да вы *напишете* собственною рукой *милліонъ двѣсти тысячъ* буквъ (30 листовъ), да *перепишете* столько же (итого 2.400,000)... Ой, не хочу ничего дѣлать!... И это, говорятъ, творчество! Я бы *ихъ* посадила творить! Кого *ихъ* — неизвѣстно; такъ, я на *кого*-то мысленно озлилась».

Утомленіе отъ работы усиливало и безъ того нерадостное настроеніе Заіончковской. 31 августа 1871 г. она писала одному знакомому литератору: «Не знаю, въ какую сторону толкнуться...» «Не вижу уголка въ жизни, гдѣ бы мнѣ хоть чуть-чуть посвѣтило...» «Отворачиваюсь отъ всего,—отъ себя, и сижу за романомъ...» «Это было бы смѣшно, въ самой презрѣннѣйшей степени, если бы не было ужасно...» «Если бы кто видѣлъ, какъ я измучена!...»

V.

Отношеніе критики къ произведеніямъ Крестовскаго-псевдонима.—*Первая борьба.*—*Альбомъ.*—*Былое.*

Несчастная въ личной жизни, Хвощинская была не вполнѣ счастлива, по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго времени, и въ своей литературной дѣятельности. Правда, ея произведенія охотно печатались и имѣли въ публикѣ значительный успѣхъ, но она довольно долго не могла похвалиться особенно благосклоннымъ отношеніемъ къ ней критики. Еще въ пятидесятыхъ годахъ *Современникъ* подтрунивалъ надъ ея повѣстью въ стихахъ *Деревенскій случай*; затѣмъ въ журналахъ встрѣчались болѣе или менѣе благопріятные отзывы объ ея произведеніяхъ. Впервые въ *Пантеонѣ* 1854 г., а затѣмъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1859 г. появился общій сочувственный отзывъ о ея литературной дѣятельности. Такой же отзывъ сдѣлала о В. Крестовскомъ и г-жа Ев. Туръ въ статьѣ по поводу *Въ ожиданіи лучшаго* *). Наконецъ, г. Боборыкинъ въ статьѣ *Скромное имя* **), написанной по поводу разсказа *За стѣною* В. Крестовскаго, высказалъ слѣдующее: «Вотъ писатель, который болѣе десяти лѣтъ съ несомнѣннымъ и въ высшей степени симпатичнымъ дарованіемъ дѣйствуетъ на литера-

---

*) *Русская Рѣчь* 1861 г., № 12, стр. 181—186. Другіе сочувственные отзывы объ этомъ произведеніи см.: г. А. Милюкова въ *Свѣточѣ* 1861 г., № 2, и В. Попова въ *Русскомъ Словѣ* 1861 г., № 3.

**) *Библіотека для Чтенія* 1863 г., № 2.

турномъ поприщѣ... Высокоталантливый романъ этого писателя *Въ ожиданіи лучшаго* въ любой литературѣ надѣлалъ бы шуму...» Некрасовъ въ концѣ 1867 г., какъ мы уже упоминали, самымъ любезнымъ письмомъ приглашалъ Заіончковскую сотрудничать въ обновляющихся *Отечественныхъ Запискахъ*. Казалось бы, литературная репутація В. Крестовскаго была окончательно установлена. Но въ 1870 г. въ *Дѣлѣ* (№ 9) появилась жестокая и совершенно незаслуженная Заіончковскою критическая статья о ея литературной дѣятельности подъ заглавіемъ *Женское бездушіе (по поводу сочиненій В. Крестовскаго-псевдонима)*. Въ этой статьѣ, при всемъ признаніи со стороны критика таланта разбираемаго автора, между прочимъ, встрѣчаются такія мѣста: «Крестовскаго можно назвать романистомъ праздныхъ читателей, имѣющихъ слишкомъ много времени для того, чтобы примѣривать на себя страсти и страданія пассивно страдающихъ героевъ и героинь, которые и сами мучатся душевно только потому, что у нихъ нѣтъ никакого другаго дѣла. Этотъ литературный аристократизмъ (?) дѣлаетъ Крестовскаго писателемъ, по преимуществу, не оставляющимъ за собою никакого слѣда» (стр. 8). «Крестовскій не рѣшился бы подписаться подъ *Обрывомъ*, говоритъ далѣе критикъ,—но мы думаемъ, что если бы ему дать мужскую смѣлость и отнять отъ него женскую скромность, заставляющую его становиться на второй планъ, то онъ могъ бы написать *Обрывъ*» (стр. 9, 10). Мало того, по мнѣнію критика, произведенія такихъ людей и талантовъ, какъ В. Крестовскій, «гораздо вреднѣе для жизни всякихъ *Обрывовъ*... Гладкая благоприличность Крестовскаго, смазывающая васъ прозрачнымъ лакомъ неподвижности, есть философія застоя. Эта скромная благоприличность тиха, какъ богомолка, и ядовита, какъ ханжа (!). Съ подобнымъ замаскированнымъ зломъ нужно бороться сильнѣе и не щадить его, если оно попадается на дорогѣ. Въ философіи Крестовскаго есть своеобразность. Но это философія гр. Толстаго, только болѣе скромная и въ женскомъ платьѣ, болѣе безобидная и болѣе деликатная, какъ женщина, но, въ сущности, стремящаяся къ той же голубиной непосредственной мудрости и проповѣдующая всѣмъ слабымъ смиреніе и покорность» (стр. 12). Такой отзывъ о произведеніяхъ Крестовскаго-псевдонима жестокъ, несправедливъ и совершенно незаслуженъ авторомъ, въ честномъ направленіи трудившимся всю жизнь.

Въ 1869 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ* появилось едва ли не лучшее произведеніе Крестовскаго-псевдонима—*Первая борьба*. Здѣсь авторъ съ рѣдкимъ мастерствомъ изображаетъ молодаго бездушнаго эгоиста, съ дѣтства прослѣживая развитіе его характера. Выполненіе этой задачи тѣмъ труднѣе, что разсказъ ведется отъ лица героя, и, однако, авторъ превосходно разрѣшаетъ ее, не вдаваясь въ шаржъ и преувеличеніе. Мы полагаемъ, что это произведеніе Крестовскаго-псевдонима имѣетъ даже общечеловѣческое значеніе и авторъ является въ немъ до нѣкоторой степени предшественникомъ Додэ съ его *La lutte pour la vie*,—Додэ, а не Бурже съ его *Le disciple*, такъ какъ авторъ не ставитъ въ связь развитіе эгоизма

его героя ни съ какимъ современнымъ ученіемъ, вродѣ теоріи Дарвина, не пользуется этимъ типомъ, какъ поводомъ къ нападкамъ на современную науку. Повторяемъ, *Первая борьба*—одно изъ самыхъ выдающихся произведеній нашего автора, а, между тѣмъ, въ то время критика совершенно не оцѣнила этого chef-d'oeuvre'а Крестовскаго-псевдонима. Въ названной статьѣ *Женское бездушіе* въ журналѣ *Дѣло* критикъ упоминаетъ, прежде всего, о томъ, что какой-то провинціальный читатель понялъ *Первую борьбу* такимъ образомъ, будто бы Крестовскій предлагаетъ философію эгоизма, какъ руководящій принципъ: «Если даже десятая часть читателей,—продолжаетъ критикъ,—поняла его разсказъ такъ, какъ понялъ его господинъ, выразившій о немъ непечатное мнѣніе, то это показываетъ, что г. Крестовскому нужно серьезно подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ... *Первая борьба*—такая вещь, которая и опытнаго читателя можетъ поставить въ недоумѣніе. Повидимому, это тонкая иронія надъ человѣческою черствостью и бездушіемъ, но иронія такъ двусмысленна (?), что выдается вопросомъ: куда стрѣляетъ авторъ — впередъ или назадъ?» (стр. 29). «Крестовскій остороженъ и мягокъ, какъ моралистъ; онъ покрываетъ свои картины лакомъ и завѣшиваетъ ихъ дымкой. Въ полусвѣтѣ не все увидишь, не всегда различишь друга отъ врага, не всегда замѣтишь камень за пазухой. Впрочемъ, мы высказываемъ только свои подозрѣнія (!!). Намъ только кажется, что Крестовскій вооружается, и кажется, что вооружается тайно и осторожно. Настоящей войны еще нѣтъ. Но если Крестовскій вздумаетъ объявить ее своему времени, то и т. д.» (стр. 63).

А, между тѣмъ, смыслъ *Первой борьбы* совершенно ясенъ. Казалось бы, это превосходное произведеніе никакъ не могло вызвать вышеуказанныхъ недоразумѣній и подозрѣній, и Крестовскій-псевдонимъ столь же мало могъ бы быть обвиненъ въ проповѣди бездушнаго эгоизма, какъ, напримѣръ, авторъ *Le mensonge* не можетъ быть принятъ за проповѣдника лжи и разврата. И *Первая борьба*, и *Le mensonge* едва ли излечатъ тѣхъ, кто уже зараженъ болѣзнями, мастерской діагнозъ которыхъ представленъ тѣмъ и другимъ авторами. *Первая борьба*, быть можетъ, и не подходящее чтеніе для зеленыхъ, неустановившихся въ нравственномъ отношеніи юнцовъ, какъ *Le mensonge* едва ли можно порекомендовать дѣвушкамъ-подросткамъ. Злой и безсердечный юноша, пожалуй, и воспользуется уроками *Первой борьбы* для того, чтобы ловче обманывать и мистифицировать родителей или искуснѣе наносить раны ихъ болѣющимъ о дѣтяхъ сердцамъ, точно также какъ развратная женщина можетъ поучиться лжи и обману у героини *Le mensonge*, но, вслѣдствіе этого, ни повѣсть Крестовскаго-псевдонима, ни романъ Бурже не перестанутъ считаться произведеніями замѣчательными въ художественномъ отношеніи и полезными по тому нравственному вліянію, какое должно имѣть на общество всякое мастерское изображеніе существующаго въ немъ зла.

Заіончковская была глубоко оскорблена статьею критика журнала *Дѣло*. По прочтеніи ея, она написала одной пріятельницѣ: «Господь, при моемъ

рожденіи, далъ мнѣ непогрѣшимость въ двухъ порокахъ. Это признавалъ когда-то мой духовникъ, нѣсколько лѣтъ назадъ скончавшійся, единственный *священникъ*, какого я знала и признаю. Одинъ порокъ—это зависть; другой порокъ, въ которомъ мнѣ отказано и который до сихъ поръ напрасно старались развить во мнѣ близкіе и далекіе, это—литературное самолюбіе. Нѣтъ его во мнѣ и—хоть что̀ угодно. Недавно я узнала, что одинъ литераторъ прямо выражается, что я «исписалась». Соглашаюсь, потому что предполагала это за собою еще съ своего втораго произведенія. Но еще недавнѣе, дней пять назадъ, во мнѣ поднялось что-то совсѣмъ новенькое. Вы, конечно, прочли статью Ш—ва въ *Дѣлѣ*. Скажите, *что̀* такое я по словамъ этой статьи? Все *литературное*—талантъ, наблюдательность, умъ—все въ сторону; я ни о чемъ этомъ (какъ сказано выше) никогда не заботилась. Но *направленіе*—то̀, изъ-за чего я билась, чѣмъ жила двадцать лѣтъ... коротко выразить, однимъ словомъ: В. Крестовскій—подлецъ и предатель!

«Вы этихъ словъ не пугайтесь, а признайте ихъ,—такъ какъ они—resumé статьи, и потолкуемъ.

«*Ка̀къ* это доказывается, *ка̀къ* извращены факты, ка̀къ мнѣ, автору, навязаны понятія моихъ лицъ, ка̀къ непоняты ни иронія, ни негодованіе, ни затаенная горечь (все, что критикъ понимаетъ или обязанъ понимать съ полуслова), ка̀къ забыто *время*, когда это писалось, какое незнаніе общества, съ котораго это писано,—все это въ сторону. Скажите мнѣ, *зачѣмъ* это сдѣлано?

«Зачѣмъ—роковое слово. На него, знаю, всегда и во всемъ отвѣчать мудрено.

«Зачѣмъ это сдѣлалъ глава и авторитетъ молодаго поколѣнія? Зачѣмъ ему было нужно оттолкнуть и опозорить того, кто всегда былъ за *нихъ?* Онъ знаетъ, что *меня* не читаютъ, а *его*—всегда прочтутъ, что, прочтя его, отъ меня отвернется даже желающій изъ любопытства узнать меня, и что я, слѣдовательно, пропала.

«Этой *цѣли* я не понимаю. Еслибъ я несомнѣнно не вѣровала въ свою честность, я бы стала, повѣсивъ голову, ощупываться: не въ самомъ ли дѣлѣ какъ-нибудь, по невѣдѣнію, я *то̀*, чѣмъ меня выставили? Но нѣтъ: у меня нѣтъ и поползновенія предлагать себѣ эти вопросы. Я не могла сказать того, чего не чувствовала, я не могла проповѣдывать то, что презирала, бить по тому, что любила. Я могла выразить свои сочувствія блѣдно, вяло, слабо; согласна. Но это дѣло *таланта*, а не *направленія*. Или талантъ ужъ такъ никуда не годенъ, что, воображая, будто дѣлаетъ одно, дѣлалъ другое? языкъ, или перо, вертясь направо, попадали налѣво? Это было бы чудо, неслыханное во всей исторіи литературы, сколько я ее знаю! Но и Ш—въ, къ несчастью, не отказываетъ въ талантѣ и *грѣха по неразумѣнію* не допускаетъ.

«Изъ такого своего собственнаго самосознанія вышло, что я не огорчена ни мало, зная себя и вѣря въ себя. Я даже не разсержена, находя,

что сердиться—мелко; но я обезпокоена, увидя врага тамъ, гдѣ его не ждала. Знаю, что̀ вы на это мнѣ скажете: вы—молодое поколѣніе, и вы меня любите. То же сказали мнѣ здѣсь многіе изъ молодаго поколѣнія. Но... друзья, вы меня знаете *лично*, а это очень важно!»

Это письмо прибавляетъ не мало симпатичныхъ чертъ къ литературному портрету Крестовскаго-псевдонима; для насъ дороги и та горячность, съ которою она защищаетъ свою литературную честность, и то уваженіе, съ которымъ она, несмотря на личную обиду, относится къ столь жестоко оскорбившему ее критику. Впослѣдствіи авторъ статьи въ *Дѣлѣ* измѣнилъ свое мнѣніе о литературной дѣятельности Крестовскаго-псевдонима *); но Заіончковская даже и въ послѣдніе годы жизни, не разъ съ величайшею болью въ сердцѣ, вспоминала объ этой статьѣ. Очень тяжело было ей прочесть и статью А. М. Скабичевскаго *Волны русскаго прогресса* **). Правда, критикъ вполнѣ признаетъ талантъ Крестовскаго-псевдонима, но, въ то же время, онъ весьма мало удовлетворенъ литературною дѣятельностью этой писательницы. «Перечитывая произведенія Хвощинской 50-хъ годовъ,—говоритъ онъ,—вы постоянно чувствуете невыразимую жалость, видя предъ собою могучій, свѣжій, оригинальный и весьма симпатичный талантъ и чувствуя, какъ онъ не можетъ, такъ сказать, расправить крылья, сжатый, съ одной стороны, узкостью круга наблюденій, а съ другой—узкостью самаго міросозерцанія писателя». Критикъ долженъ, однако, признать, что «какъ ни тѣсна сфера наблюдательности Хвощинской, авторъ глубоко изучилъ жизнь своего уголка, во всей его ужасающей пустотѣ лжи и крайняго растлѣнія», что она «не смягчаетъ, не идеализируетъ всей этой печальной дѣйствительности, а изображаетъ ее во всей ея безобразной наготѣ, не жалѣя красокъ, не жалѣя анализа крайне утонченнаго, подчасъ даже, если можно такъ выразиться, поистинѣ микроскопическаго». Но «величайшій недостатокъ» романовъ Хвощинской, по мнѣнію критика, «состоитъ въ томъ, что, не въ силахъ будучи остановиться на одномъ отрицаніи, она спѣшитъ успокоить читателей, выводя рядъ свѣтлыхъ явленій, положительныхъ, идеальныхъ типовъ, но эти типы являются совершенно въ духѣ смиренномудрія пятидесятыхъ годовъ». Подъ «всевозможными добродѣтелями», говоритъ критикъ, которыми Хвощинская надѣляетъ

---

*) Въ декабрѣ 1874 года онъ написалъ ей самое сочувственное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „Сейчасъ прочиталъ вашъ *Альбомъ*. Такъ хотѣлось бы мнѣ пожать вамъ руку—крѣпко, крѣпко... И не то поплакать, не то... нѣтъ, скорѣе поплакать. Васъ, можетъ быть, удивитъ, что все это пишу я. Но, Боже, Боже. Если бы вы знали, что человѣкъ только потому и топчетъ своихъ боговъ, что имъ молится; только потому онъ злится на тѣхъ, кто напоминаетъ ему его болѣзнь, что самъ боленъ тѣмъ же!... Какъ я жалѣю о томъ, что географическое положеніе, которое вѣчно вмѣшивалось не кстати въ мою жизнь, не позволяетъ мнѣ лично засвидѣтельствовать вамъ, какъ я глубоко васъ уважаю. Простите мою смѣлость!“ Сообщая современемъ одной пріятельницѣ объ этомъ письмѣ своего критика, Заіончковская говоритъ: „я отвѣчала ему и все свое письмо исплакала“.

**) *Отечественныя Записки* 1872 г., т. I.

своихъ героевъ, «вопреки желанію самого автора, такъ и проглядываютъ или филистерство, или узкая ограниченность мѣщанской посредственности, или же невообразимая тряпичность». Можно соглашаться или не соглашаться съ критикомъ въ оцѣнкѣ какъ болѣе раннихъ произведеній нашего автора, такъ и романа *Большая Медвѣдица*, напечатаннаго въ *Вѣстникѣ Европы* въ 1870—71 гг., но, разумѣется, нельзя отказать ему въ правѣ высказать печатно свое искреннее мнѣніе о ея литературной дѣятельности; нельзя только не пожалѣть, что, порицая сочувственное отношеніе автора къ старику Багрянскому въ *Большой Медвѣдицѣ* (хотя, нужно замѣтить, Хвощинская и не скрываетъ измѣненія его характера къ худшему съ пріѣздомъ сына), высказывая предположеніе, не таковъ ли былъ Багрянскій и до своего превращенія, критикъ говоритъ: «Описанный какою-то надутою риторикой, полубиблейскимъ слогомъ, поставленный въ какія-то заоблачныя выси, припахивающій запахомъ постнаго маслица — этотъ процессъ превращенія живо напоминаетъ вамъ Гоголя въ его послѣдніе годы (!), и вамъ невольно думается, что послѣ *Большой Медвѣдицы* не издастъ ли Хвощинская переписку съ друзьями въ такомъ же духѣ и тонѣ» (?!) *). Такихъ заподозриваній вовсе не заслужила писательница, никогда не работавшая въ интересахъ обскурантизма и мракобѣсія. Статья А. М. Скабичевскаго должна была тѣмъ болѣе огорчить Н. Д., что она появилась на страницахъ нашего лучшаго журнала, въ которомъ и до, и послѣ того Хвощинская помѣщала свои произведенія чаще, чѣмъ гдѣ-либо.

Однако, и эти глубокоогорчившія Н. Д. критическія статьи не заставили ее совершенно опустить руки; быть можетъ, онѣ даже принесли ей нѣкоторую долю пользы, такъ какъ, затѣмъ, она стала высказывать свои общественныя симпатіи съ бо̀льшею опредѣленностью. Очень утомленная непосильнымъ трудомъ надъ *Большою Медвѣдицей*, Заіончковская въ 1872—73 гг. ничего не печатала; годы отдыха и могли дать ей возможность вновь провѣрить свое міросозерцаніе. Въ слѣдующихъ затѣмъ ея произведеніяхъ уже звучатъ нѣкоторыя новыя струны.

Въ 1874 году возобновляется литературная дѣятельность Крестовскаго-псевдонима: въ *Отечественныхъ Запискахъ* появляются *Счастливые люди* **); въ *Вѣстникѣ Европы* 1874—75 гг. напечатано три очерка изъ *Альбома*; въ 1876 году *На вечерѣ* въ *Отеч. Зап.* и фельетонъ *По поводу одной оперы, которая никому не нравится* (*Русскія Вѣдомости*, мартъ); въ 1877 году: въ *Отеч. Зап.*—*Изъ записной книжки* и *Между друзьями*, въ *Вѣстникѣ Европы*—четвертый очеркъ изъ *Альбома* и двѣ *Литературныя бесѣды* въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ 1878 году въ *Отеч. Зап.* появилось начало романа *Былое* изъ жизни молодежи шестидесятыхъ годовъ, продолженіе котораго не вышло и который остался недописаннымъ, и, кромѣ того, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* напечатана

*) *Сочиненія А. Скабичевскаго.* Спб., 1890 г., т. I, стр. 668, 670, 671, 674, 693.
**) Впослѣдствіи этотъ разсказъ вошелъ въ составъ *Альбома*.

третья *Литературная бесѣда.* Въ 1879 году Заіончковская напечатала въ *Отеч. Зап.* разсказъ *Свиданіе* и переводъ въ стихахъ пятиактной комедіи Косса *Неронъ*, три *Литературныя бесѣды* въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, предисловіе къ *Сказкамъ* Музеуса, изданнымъ другомъ Н. Д., г-жею Каррикъ, и еще одинъ небольшой переводъ въ собраніи романовъ, издаваемыхъ г-жею Лебедевою.

Несмотря на то, что Хвощинская въ семидесятыхъ годахъ писала менѣе, чѣмъ въ предшествующее десятилѣтіе, ея литературный заработокъ значительно увеличился, частью вслѣдствіе увеличенія гонорара, частью вслѣдствіе того, что она получила значительныя суммы за отдѣльныя изданія своихъ сочиненій. Сразу огромное повышеніе гонорара за литературный трудъ Крестовскаго-псевдонима было произведено редакціею *Вѣстника Европы.* Еще въ 1869 г. редакція *Отечественныхъ Записокъ* за такую выдающуюся вещь, какъ *Первая борьба*, заплатила Заіончковской всего по 75 руб. за печатный листъ, между тѣмъ какъ въ слѣдующемъ году редакція *Вѣстника Европы* предложила ей за *Большую Медвѣдицу* по 200 руб. за печатный листъ, и она въ два года получила за этотъ романъ болѣе шести тысячъ рублей. Кромѣ того, отдѣльныя его изданія и переводъ на французскій языкъ въ *Journal de S.-Pétersbourg* дали ей въ 1870—72 гг. еще около двухъ съ половиною тысячъ. Послѣ этого и редакція *Отечественныхъ Записокъ* предложила Заіончковской гонораръ въ 200 руб., а въ 1879 году и въ 250 руб. съ листа *).

Литературная извѣстность Крестовскаго-псевдонима все болѣе и болѣе возростала; съ особеннымъ сочувствіемъ и публикою, и критикою были приняты очерки нашей писательницы, печатавшіеся подъ названіемъ *Альбомъ* въ *Вѣстникѣ Европы* 1874—75 и 77 гг. Критикъ *Отечественныхъ Записокъ*, А. М. Скабичевскій, такъ сурово отнесшійся къ Хвощинской въ 1872 г., призналъ *Альбомъ* «однимъ изъ тѣхъ немногихъ произведеній, которыя прямо попадаютъ въ жилку современности», и заявилъ, что «при всей своей хаотичности, при всей своей необработанности», эти очерки, «тѣмъ не менѣе, производятъ на читателя самое потрясающее впечатлѣніе» **).

---

*) Всего въ теченіе семидесятыхъ годовъ Заіончковская получила въ видѣ гонорара за новыя литературныя произведенія болѣе двѣнадцати тысячъ рублей, да за отдѣльныя изданія своихъ романовъ и повѣстей пять тысячъ, итого болѣе семнадцати тысячъ рублей,—слѣдовательно, средній годовой заработокъ ея въ это десятилѣтіе нѣсколько превышалъ 1,700 руб.

**) *Сочиненія А. Скабичевскаго*, II, 163—164. Въ октябрѣ 1878 года Заіончковская не безъ удовольствія сообщила своей пріятельницѣ, что одинъ изъ очерковъ *Альбома* (*Риднева*) переведенъ на итальянскій языкъ. Этотъ переводъ вышелъ въ свѣтъ во Флоренціи еще въ 1876 г., подъ заглавіемъ: „*Krestowsky*: La signora Ridneff. Traduzione dal Russo di S. de Gubernatis - Besobrasoff". Другой очеркъ появился гораздо позднѣе во французскомъ переводѣ: „*Krestovsky*: Vériaguine. Traduit de russe par Victor Derély". P., 1888. Нѣсколько ранѣе былъ переведенъ на французскій языкъ и очеркъ *Альбома*, подъ заглавіемъ *Риднева*.

Въ очеркѣ, вошедшемъ въ составъ *Альбома*, *Счастливые люди* (первоначально напечатанномъ въ *Отеч. Зап.* 1874 года), есть несомнѣнно автобіографическія строки: «Говорятъ о людяхъ «сороковыхъ», «шестидесятыхъ» годовъ, между ними есть промежутокъ: это—мое поколѣніе, мои сверстники. Насъ смѣшиваютъ съ нашими предшественниками. Правда, мы получили тотъ же складъ воспитанія, то же направленіе, мы шли вслѣдъ за ними, какъ младшіе братья, но,—какъ воспитаніе всякихъ меньшихъ,—наше воспитаніе было неглижировано, отчего и направленіе вышло неопредѣленно. Мы выросли слабѣе нашихъ старшихъ, можетъ быть, отъ ихъ недоглядки: воспитывая насъ, они слишкомъ довѣрчиво полагались на наши способности, можетъ быть, отъ собственныхъ нашихъ особенностей и, положительно, отъ стѣсненія, которое легло на насъ еще тяжелѣе, чѣмъ на нашихъ старшихъ. Ни у одного поколѣнія не было молодости печальнѣе нашей. Намъ достались самые темные годы. Мы такъ и называли себя дѣтьми темнаго времени... Насъ, недовольныхъ, было немного. Безправное меньшинство, забытое, осмѣянное или гонимое,—мы затеривались или бились не только безъ надежды на успѣхъ, но заранѣе увѣренные въ пораженіи. Мы тратились на слова, не имѣя возможности дѣйствовать. Можетъ быть, отъ бездѣйствія и сдѣлались мы мечтателями; можетъ быть, мы и резонеры оттого, что въ молодости удавалось отводить душу только на словахъ».

Дальнѣйшія воспоминанія, несомнѣнно, основаны на личныхъ впечатлѣніяхъ автора, но то *освѣщеніе*, которое дано этимъ воспоминаніямъ въ очеркѣ *Счастливые люди*, есть результатъ уже позднѣйшаго развитія Крестовскаго-псевдонима, результатъ тѣхъ, до извѣстной степени, новыхъ взглядовъ, какіе сложились у автора въ первой половинѣ слѣдующаго десятилѣтія.

«Мы, меньшинство, хранившее преданія *нашихъ* старшихъ,—разсказываетъ авторъ,—встрѣтили съ радостію... «новое молодое поколѣніе». Оно «не могло сказать намъ ничего новаго: его желанія, понятія, негодованія и стремленія были нашими еще съ дѣтства; могли измѣниться обстоятельства, могли встрѣчаться другія приложенія, но въ томъ, что составляло основаніе нашихъ убѣжденій,—молодое поколѣніе насъ не опередило. Мы не воскресали въ немъ, а будто продолжали вмѣстѣ съ нимъ нашу задержанную жизнь. Глядя на этихъ товарищей, думалось, что вотъ, наконецъ, стало больше людей, жаждущихъ правды, что за правду встаютъ свѣжія силы, что разгорается свѣтъ, который тѣ, лучшіе, наши старшіе носили въ душѣ и передали намъ для раздачи.

«Мы приняли, какъ свои, ихъ тревоги и невзгоды, даже ближе, нежели свои; въ опасеніи за молодыхъ сказывалось наше старшинство; мы уважали ихъ, какъ ровесниковъ, а берегли, какъ дѣтей... Я былъ старшій десятью годами, зналъ жизнь, зналъ общество, былъ въ немъ независимъ; слѣдовательно, могъ быть полезенъ моею опытностью. Дорожа независимостью и въ этомъ молодомъ кружкѣ, я не хотѣлъ держаться въ немъ ублаженіемъ, какъ въ то время дѣлали многіе старшіе, трепетавшіе назва-

нія *отсталыхъ*... Я спорилъ жарко, отстаивая особенности моихъ мнѣній отъ крайностей кружка, я напоминалъ *своимъ* о послѣдовательности, которую они восхваляли и которой требовали отъ другихъ; я требовалъ отъ нихъ той же послѣдовательности, нераздѣльности слова съ дѣломъ»...

Тутъ есть, несомнѣнно, автобіографическія черты, но, повторяемъ, общая окраска не современна эпохѣ, а есть результатъ сопоставленія съ позднѣйшимъ временемъ и дальнѣйшаго развитія автора.

«Славное время!—продолжаетъ Крестовскій-псевдонимъ свои воспоминанія.—Его печали вспоминаются не безотрадно, за его ошибки нѣтъ стыда; что было излишняго въ увлеченіяхъ — забавно безъ осужденія. Было столько самоотверженія, состраданія, доброты, какой-то ласки, что мы откинули самыя эти слова, какъ напыщенныя названія того, что просто было нашимъ физическимъ свойствомъ, что не стоило разбора, не имѣло никакой цѣны. Мы жили всею роскошью чувства, не признавая, даже не оглядываясь, что это чувство. Мы не говорили: *такъ должно*, мы говорили: *такъ нужно*. Относясь ко всему со стороны разсудка и положительной необходимости, мы, въ то же время, были страшные идеалисты и очень обижались, когда намъ замѣчали это...»

Очерки, вошедшіе въ составъ *Альбома*, вызвали восторгъ и критики, и читателей *).

Изъ другихъ произведеній Хвощинской семидесятыхъ годовъ мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о ея романѣ *Былое*, дѣйствіе котораго происходитъ въ половинѣ предшествующаго десятилѣтія. Въ первыхъ пяти главахъ, появившихся въ печати **), авторъ изображаетъ, съ одной стороны, молодую, искреннюю дѣвушку, повѣрившую горячимъ словамъ дряннаго фразера, бросившую для него семью и поставленную любимымъ человѣкомъ въ самое рабское положеніе, а съ другой—ея сожителя, нѣкогда знавшагося съ лучшею молодежью, но теперь уже льнущаго къ аристократическимъ кругамъ, и подобную же ему барыню изъ тѣхъ, которыя въ шестидесятыхъ годахъ, не дѣлая никакого дѣйствительнаго дѣла, играли въ общественную дѣятельность, снимали пѣнки съ радикализма, сваливая, однако, рискъ на другихъ, только тѣшили свое тщеславіе, а иной разъ даже и эксплуатировали молодежь, подъ видомъ доставленія ей труда. Въ противуположность этимъ отрицательнымъ типамъ въ слѣдующихъ трехъ, не вышедшихъ въ свѣтъ, главахъ изображается честная, искренняя молодежь. Тутъ, между прочимъ, появляется на сцену

---

*) Г. Боборыкинъ не сочувствовалъ „плачу о шестидесятыхъ годахъ“ нашей писательницы (см. его статью въ *Словѣ* 1879 г., № 7, стр. 39—46), это остается его личнымъ мнѣніемъ; но и онъ былъ въ восторгѣ отъ литературнаго мастерства автора. М. М. Стасюлевичъ сообщилъ Хвощинской въ сентябрѣ 1875 г., что Тургеневъ восхищается новымъ очеркомъ изъ *Альбома* (*Риднева*), а г. Боборыкинъ сравниваетъ его съ работами старыхъ венеціанскихъ мастеровъ; въ письмѣ говорится и о „всеобщемъ восторгѣ“, вызванномъ этимъ очеркомъ.

**) *Отеч. Зап.* 1878 г., № 2.

студентъ Крылицынъ, только что исключенный изъ университета за невзносъ платы по бѣдности и рѣшающійся ѣхать въ деревню для того, чтобы тамъ жить и работать, несмотря на то, что пріятель въ послѣднюю минуту предлагаетъ ему свои трудовыя деньги для взноса въ университетъ. Послѣдняя написанная глава оканчивается сценою прощанія Крылицына съ дѣвушкою, которую онъ зналъ уже давно и которую любилъ платонически.

«Они знали другъ друга два года. Съ перваго дня они сказали другъ другу, что нечестно, постыдно быть счастливыми, когда кругомъ столько несчастныхъ. Любовь была возможна; они ея не взяли. Страсть, говорили они, это—эгоизмъ; она развлекаетъ, мѣшаетъ, становится впереди труда, впереди обязанности. Для самихъ себя—забываются другіе; личнымъ чувствомъ замѣняется чувство за всѣхъ. Страсть ослѣпляетъ, не даетъ быть безпристрастнымъ, дѣлаетъ неспособнымъ научить, поддержать, дать строгій совѣтъ; она стѣсняетъ мнѣніе, она отнимаетъ свободу. Время на любовь украдено у общаго дѣла. Нельзя учиться, когда сердце смущено, когда голова горитъ... Они все это разобрали. Братъ и сестра... лучше: два работника за однимъ трудомъ. Какъ они принимались за него жарко, вдохновенно, весело! Какіе славные часы ученья, споровъ, мечтаній, стремленій, здоровой рабочей усталости!...»

Трудясь надъ романомъ *Былое*, Заіончковская писала одной пріятельницѣ 11 марта 1878 года: «И дернуло меня писать общественное! Пробавлялась бы страстью нѣжной, луной, адвокатами,—благо первое опять вошло въ моду, второе—всякій день разнообразно, а послѣднее вышло изъ моды.

Въ январѣ слѣдующаго года Н. Д. писала другой пріятельницѣ: «Вы знаете, что мой романъ, начатый въ прошломъ году, скончался до рожденія, а въ настоящее время писать его все равно, что воду толочь. Я его и оставила. Про меня сказали печатно, будто я не знаю, чѣмъ его кончить, и потому не продолжаю. Говори, кто что хочешь... Я теперь *сокращаю* себя и возвращаюсь къ семейно-сердечнымъ вопросамъ, которые тоже, вѣдь, не безплодны для общества, которое отложило въ сторону всякій анализъ чувства и всякаго размышленія. А этихъ вопросовъ—«непочатый уголъ», какъ сказалъ разъ покойный Дудышкинъ. Экіе счастливцы эти покойники!»

VI.

Критическія статьи Н. Д. Хвощинской-Заіончковской конца семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ и ея мнѣнія о литературной дѣятельности нашихъ наиболѣе выдающихся писателей.

Подобно тому, какъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ Хвощинская печатала въ *Отечественныхъ Запискахъ* критическія статьи подъ псевдонимомъ: Порѣчниковъ, въ концѣ семидесятыхъ и въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ она напечатала въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* рядъ

критическихъ фельетоновъ, подписанныхъ разными иниціалами *); мы остановимся на нихъ, чтобы познакомиться съ литературными взглядами нашей писательницы въ эту эпоху. Выясненію ихъ помогутъ и нѣкоторыя письма Заіончковской, и сообщенія людей къ ней близкихъ и ей знакомыхъ.

Въ одной изъ своихъ *Литературныхъ бесѣдъ* **) авторъ даетъ такое опредѣленіе: «талантъ—способность впечатлительности», и затѣмъ указываетъ на то, что впечатлительность развивается «нравственною, обязательною работой человѣка надъ самимъ собою. Результатъ—творчество». Современнымъ беллетристамъ авторъ даетъ такой урокъ: «Не верхоглядничай, не важничай, не выѣзжай на красивыхъ подробностяхъ, на физіологическихъ тонкостяхъ, на раздраженіи нервовъ; вникай въ суть жизни, какъ бы ни была она груба и печальна; не лѣнись трудиться мыслью, не нѣжничай взворочать свою собственную душу, а нѣтъ—такъ простись съ талантомъ».

Пушкина Заіончковская не долюбливала, между прочимъ, за его фривольныя стихотворенія въ духѣ Парни; она обвиняла его также въ наклонности къ фразѣ. Въ сентябрѣ 1880 г., говоря въ частномъ письмѣ о рѣчахъ одного господина, въ искренность котораго она не вѣрила, Заіончковская писала: «Что-жь, поставили памятникъ фразеру ***); теперь ужь фраза закрѣплена на вѣки и получила право гражданства. Я жду статьи Анненкова, такъ, съ прямымъ заглавіемъ: *Добродѣтели Пушкина*. Черезъ сотни лѣтъ біографы разбирайся, какъ знаютъ». Въ 1882 г. Заіончковская писала одному знакомому: «Для меня всегда бывало обидно, когда у насъ критика начинала сравнивать, а то и равнять съ Байрономъ Пушкина. Вотъ кому можно приписать все, что приписываютъ тому, только еще дешевенькое, низкопробное: «такъ — нарочно» безвѣріе (и трусливое ханжество, въ то же время), грязную чувственность и прочее. Вы, вѣдь, ужь знаете, какъ я люблю этого, нашего, господина. Пожалуйста, на минуту, не споря (я, вѣдь, крещусь, что признаю его «художникомъ»), не забывая, что они—современники, что Байронъ могъ быть въ числѣ учителей того, посравните ихъ теперь и скажите мнѣ, не права ли я, хотя рѣзка? Вотъ образецъ суетности, тщеславія, поклоненія успѣху и страсти къ успѣху собственному!»

Напротивъ, Лермонтова Заіончковская просто обожала. Въ 1880 г. она писала Н. К. Михайловскому: «Если бы вы знали г-жу Хвостову, писавшую о немъ совсѣмъ не то, что она *сама же* мнѣ разсказывала! Какой онъ былъ славный, Лермонтовъ, и какъ его не понимали эти барыни и барышни, которыя только и думали, что объ амурѣ и женихахъ! И хорошо онѣ его цѣнили! Вѣдь, этой самой Хвостовой онъ написалъ свое *Когда я унесу въ чужбину*, а, умирая, «какъ сестрѣ», послалъ, снявъ

*) Два критическихъ фельетона она помѣстила также въ *Живописномъ Обозрѣніи*, притомъ, одинъ изъ нихъ о Надсонѣ, за полною подписью В. Крестовскій-псевдонимъ.

**) *Русскія Вѣдомости* 1878 г., № 158.

***) Какъ извѣстно, памятникъ Пушкину былъ открытъ именно въ 1880 году.

съ своей руки, кольцо: я его видѣла — широкое, плоское. Она подарила это кольцо нѣкоему гусару, сосланному сто разъ по дѣломъ на Кавказъ за сотню подвиговъ. При мнѣ это было. Я кричала: «Помилуйте, да лучше бы вы мнѣ отдали!» — «Mais il n'est donc pas un gage d'amour, et puis, dejà quinze ans!»... Видите, какой резонъ. А потомъ пишутъ свои мемуары, да себя въ нихъ раскрашиваютъ». Въ только что цитированномъ письмѣ, гдѣ Хвощинская проводитъ такую невыгодную для Пушкина параллель между имъ и Байрономъ, она говоритъ: «вотъ Лермонтова я очень люблю; этотъ ближе гораздо къ Байрону, только не своимъ *Демономъ*, котораго я никогда не могла взять въ толкъ,—смѣшно сказать: отъ множества варіантовъ. Который настоящій — до сихъ поръ не знаю; во всякомъ случаѣ, онъ такъ много носится съ своею Тамарой, что великому духу это не къ лицу, вотъ, помните, въ *Небо и земля* у Байрона, — ангелы полюбили, да, не толкуя много, взяли своихъ дѣвъ и ушли. Что это за прелесть и дѣвы эти, и ангелы!»

Что касается Гоголя, то Заіончковская никогда не могла простить ему *Переписку съ друзьями*, и потому ей должно было быть тѣмъ оскорбительнѣе неосновательное подозрѣніе, что она можетъ написать нѣчто подобное. Она, впрочемъ, полагала, что *Переписка съ друзьями*,—«произведеніе полубезумнаго больнаго, какъ нѣчто неожиданное и грубое,—не могла имѣть и не имѣла сильнаго вліянія на общество» *). Въ другой статьѣ Хвощинская говоритъ о «колоссальномъ самолюбіи» Гоголя, о его «лицемѣріи, доходящемъ до самообмана» **).

О Бѣлинскомъ Заіончковская всегда упоминала съ благоговѣніемъ. Въ одной изъ своихъ *Литературныхъ бесѣдъ* она говоритъ: «*Критическія бесѣды* г. Евгенія Маркова—отрава неуловимая... Что̀ бы сказалъ о нихъ Бѣлинскій? Счастливецъ! не дожилъ, покуда занесли руку на его созданіе—на направленіе русской литературы» ***).

Къ Тургеневу въ это время Н. Д. относилась крайне несочувственно. Она не могла, разумѣется, отрицать его таланта, но ей не нравилось весьма многое въ немъ и какъ въ писателѣ, и какъ въ человѣкѣ. Впрочемъ, по этому вопросу она отводила душу преимущественно въ частныхъ разговорахъ и перепискѣ. Такъ, напримѣръ, ее крайне раздражало двойственное поведеніе Тургенева въ крестьянскомъ вопросѣ: если онъ такъ сильно не сочувствовалъ крѣпостному праву, какъ самъ утверждаетъ, то почему не освободилъ своихъ крестьянъ? Что касается произведеній Тургенева, то ее возмущали *Отцы и дѣти*; Неждановъ въ *Нови*. По поводу послѣдняго произведенія она писала въ одномъ письмѣ въ 1877 году: «Вѣдь, не всѣ, идущіе въ народъ, дураки и мошенники, какими изобразилъ ихъ... Тургеневъ. Признайте за ними мужество и жажду правды. А мужество и жажда правды — такія вещи, которыя не могутъ явиться безъ своей raison

*) *Русскія Вѣдомости* 1879 г., № 175.
**) *Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 94.
***) *Русскія Вѣдомости* 1879 г., № 175.

d'être» *). Въ концѣ декабря 1879 года Заіончковская писала одной пріятельницѣ: «Когда я въ полномъ присутствіи моей редакціи сказала, что не хочу читать съ Тургеневымъ, что онъ не мой человѣкъ, что я его терпѣть не могу, — такъ сказала, что даже Салтыковъ глаза вытаращилъ,—тогда, вѣроятно, это нашли рѣзкимъ и необдуманнымъ... Только онъ одинъ, онъ, редакторъ, не нашелъ, понимая, что могутъ быть, хоть рѣдко, искренніе люди. Но, вѣдь, я—юродивая. Достоевскій — ханжа, но убѣжденный фанатикъ почтеннѣе лицемѣра. Если я могу биться съ Достоевскимъ, могу его бояться, то Тургенева я просто терпѣть не могу, какъ нѣчто склизкое».

Отзывы Заіончковской о гр. Л. Толстомъ были также, большею частью, неблагопріятны. *Дѣтство, отрочество и юность* она считала талантливымъ произведеніемъ, но ей не нравилось то сочувствіе, съ какимъ авторъ относится къ герою этого произведенія, являющемуся такимъ баричемъ. И въ печати, сравнивая одинъ эпизодъ этого произведенія съ очеркомъ Гл. Успенскаго: *Парамонъ юродивый*, она говоритъ: «Вотъ и прекрасный слогъ, и художественные пріемы гр. Л. Толстаго для тебя исчезли: ихъ превзошелъ разсказъ, сравнительно, даже некрасиво отдѣланный. Видно, суть-то не въ томъ!» **). *Поликушку* гр. Л. Толстаго Заіончковская ставила очень высоко, очевидно, симпатизируя идеѣ этого произведенія. Говоря объ *Аннѣ Карениной*, она любила иронизировать надъ разными мелочами, наприм.: продолжительнымъ заказываніемъ обѣда Стивою или надъ тѣмъ, что, ѣдучи умирать, Анна Каренина считаетъ вывѣски ***). Послѣднія произведенія гр. Л. Толстаго не нравились Заіончковской: ей казалось страннымъ смѣшеніе религіозныхъ представленій съ реальною жизнью вродѣ того, что ангелъ шьетъ сапоги. Не нравилась ей и *Власть тьмы*, какъ слишкомъ мрачное, по ея мнѣнію, изображеніе народа. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ сужденіяхъ о произведеніяхъ извѣстныхъ писателей Хвощинская часто цитировала мелочи, но за этими мелочами у нея, обыкновенно, скрывалась извѣстная идея, принципіальное несочувствіе писателю; мелочи только легче подвертывались подъ перо или на языкъ.

---

*) Срав. *Русскія Вѣдомости* 1878 г., № 158. Не понравилась Заіончковской и *Пѣснь торжествующей любви;* въ статьѣ *Раздумье* она говоритъ: „Идея осталась для меня не понятна, художественность не поразила. Отношу это къ своей загрубѣлости и недостатку чуткости". Въ той же статьѣ Заіончковская говоритъ: „Беллетристы разсказываютъ необыкновенное множество сновъ, самозабвеній, галлюцинацій. Сновъ бывало особенно много и у Тургенева; у новѣйшихъ они неизбѣжны. Точно будто дѣйствительность не представляетъ задачъ достаточно серьезныхъ, увлекающихъ, стоющихъ разбора... точно будто нѣтъ въ живомъ мірѣ образовъ достаточно поразительныхъ, чтобы не было необходимости усиливать ихъ чѣмъ-то недосказаннымъ, туманнымъ, безформеннымъ". *Русскія Вѣдомости* 1884 г., № 258, подпись: Н.

**) *Русскія Вѣдомости* 1878 г., № 158, *Литературныя бесѣды*, статья III, подпись: В. К.

***) Срав. статью Заіончковской о повѣсти г-жи Шапиръ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 1880 г., № 55, подпись: Николай Куратовъ.

Талантъ Достоевскаго Заіончковская, конечно, признавала; ей нравились извѣстныя части и *Братьевъ Карамазовыхъ*, но, въ общемъ, она крайне несочувственно отзывалась объ этомъ произведеніи; она восторгалась нѣкоторыми особенно «мучительными» его вещами, но сочувствовать направленію автора не могла. Прочтя, какъ въ декабрской книгѣ *Отеч. Зап.* 1879 г. Щедринъ отдѣлалъ Достоевскаго за то, что послѣдній задѣлъ нашего сатирика, Н. Д. съ очевиднымъ сочувствіемъ писала Н. К. Михайловскому: «Не знаете ли, какъ почувствовалъ себя Достоевскій послѣ декабрской книжки?» *).

Несомнѣнно, главнымъ любимцемъ Заіончковской въ это время былъ Салтыковъ. Не разъ и въ печати она восторженно упоминаетъ о его произведеніяхъ. Въ одномъ фельетонѣ она восторгается его «своеобразною рѣчью, его веселостью, доводящею до ужаса, его краснорѣчіемъ, доходящимъ до высокаго» **); въ другой разъ—рисуетъ впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ *Дворянской хандры* Щедрина ***). Наконецъ, о *Господахъ Головлевыхъ* она говоритъ, какъ о «классическомъ твореніи, гдѣ всякая подробность, всякій образъ отъ страшнаго *Суда* до отчаяннаго *Рѣшенія*, вѣчно памятные, вѣчно понятные, вѣчно живые, обступаютъ, захватываютъ, влекутъ своею глубокою правдой, недостижимою простотой, совершенствомъ исполненія... Честь послѣдняго вклада въ общее сокровище (европейскихъ литературъ) остается пока за русскою литературой» ****). Заіончковская не только благоговѣла предъ Салтыковымъ, какъ предъ писателемъ, но и любила его, какъ человѣка. Она бывала у него и тогда, когда, по болѣзни, уже весьма рѣдко выѣзжала. Надеждѣ Дмитріевнѣ пришлось пережить Салтыкова, но пережить не надолго. Предсмертная болѣзнь помѣшала ей присутствовать на его похоронахъ; эта потеря произвела очень сильное впечатлѣніе на Н. Д. «Ты думаешь, что эта смерть мнѣ сошла даромъ?»—говорила она одной пріятельницѣ.

Мы приводили весьма сочувственный отзывъ Заіончковской объ одномъ очеркѣ Гл. Ив. Успенскаго, но вообще она не любила его произведеній, быть можетъ, потому, что не вполнѣ ихъ понимала, такъ какъ ей была почти совершенно незнакома народная жизнь.

Изъ молодыхъ беллетристовъ всего симпатичнѣе для Заіончковской былъ Всеволодъ Гаршинъ, отчасти потому, что онъ былъ всего ближе къ ней по свойству своего таланта. Въ одномъ изъ своихъ критическихъ фельетоновъ она говоритъ: «Есть у насъ такое молодое, мучительное, прелестное дарованіе—г. Всеволодъ Гаршинъ. У него все небольшія вещи и всякая изъ нихъ памятна, потому что всякая *повернула душу* читателя. Читать его—надо рѣшиться, и кто желаетъ себѣ покоя, тотъ не бе-

---

*) Объ *Обломовѣ* Гончарова есть очень сочувственный отзывъ въ статьѣ Заіончковской *Мемуары одного читателя. Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 162, подпись: Н.

**) *Русскія Вѣдомости* 1877 г., № 248.

***) *Русскія Вѣдомости* 1878 г., № 158.

****) *Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 162.

рисъ» *). Въ іюнѣ 1882 г., получивъ письмо отъ В. М. Гаршина, Н. Д. писала о немъ одному знакомому: «Онъ хочетъ побывать въ Рязани на день, на два, со мной повидаться. Вотъ человѣкъ, гибнущій отъ избытка таланта (я опредѣляю талантъ—способность впечатлительности), отъ избытка честности, отъ избытка молодой восторженности. Онъ болѣнъ болѣзнью, отъ которой совѣстно выздоровѣть. Это, пожалуй, очень непрактично, но, знаете, мученики были и есть лучшій примѣръ счастливымъ, чтобы счастливые не деревенѣли».

Изъ молодыхъ поэтовъ она признавала только Надсона, котораго и нашла нужнымъ защитить отъ весьма двусмысленнаго отзыва г. Минскаго. Статья г. Минскаго была напечатана въ журналѣ *Новь* (1885 г., № 11, стр. 488—490). Въ *Живописномъ Обозрѣніи* 1885 г. (№ 18) появилась статья за полною подписью В. Крестовскаго-псевдонима: *Стихотворенія С. Надсона* (*Рецензія по поводу рецензій*). Г. Минскій не названъ по имени въ этой статьѣ, но приведенныя изъ его рецензіи цитаты показываютъ, что авторъ имѣлъ его въ виду. Мнѣніе В. Крестовскаго о Надсонѣ самое лестное для молодаго поэта: «Сборникъ *Стихотвореній* г. Надсона,—читаемъ въ статьѣ Заіончковской,—явился впору; ужь давно они многими переписывались изъ журнальныхъ книгъ въ тетради и часто перечитывались. Ихъ желали и ждали... Почти съ первыхъ страницъ холодная литературная оцѣнка оказывается невозможна. Сначала читатель еще замѣчаетъ прелесть стиха, любуется ею какъ чѣмъ-то дорогимъ и давно невиданнымъ, благодаритъ молодаго поэта за вѣрность прежнимъ преданіямъ, за уваженіе къ родному слову... Но вдругъ все это внѣшнее какъ-то разомъ исчезаетъ, заслоняется содержаніемъ; читатель уже не останавливается на подробностяхъ; онъ увлеченъ цѣлымъ, а подробности—онъ обѣщаетъ себѣ, что разглядитъ ихъ послѣ, когда будетъ въ состояніи перечитывать спокойно... Рѣдко представляется что-нибудь такое цѣльное, какъ эта маленькая книжка. Она вся—одна идея, одно стремленіе, почти одни и тѣ же образы. Въ томъ ея сила. Книжка точно живая, честная, искренняя, чистая, печальная возвышающею печалью,—выраженіе всего лучшаго, чѣмъ только жить можно... Дочитать ее до конца и опять развернуть съ начала—вотъ ей разборъ...» Въ заключеніе Крестовскій-псевдонимъ говоритъ: «Пусть вѣритъ молодой поэтъ, что на пожатіе его руки протянутся всѣ честныя руки молодаго поколѣнія» **).

Обрадованный сочувственною статьею Крестовскаго-псевдонима, Надсонъ поспѣшилъ написать Н. Д. изъ-за границы, гдѣ въ то время лечился. Заіончковская отвѣчала ему 27 мая. «Почти смѣшно, когда вы стали оговариваться отъ «ожиданій»,—писала она ему.—Съ чего вы выдумали, что я отъ васъ *жду*? Это было бы съ моей стороны неблагодарно: чего еще ждать, когда ужь дано? Это значило бы не цѣнить, не замѣчать, что̀ и сколько, какъ много дано. Скажу вамъ по душѣ: читала я васъ и пла-

*) *Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 307.

**) *Живоп. Обозр.* 1885 г., 5 мая, № 18, стр. 282—283.

кала, читала другимъ и другіе плакали. У всѣхъ прошло по сердцу такое хорошее, которое рѣдко тамъ бываетъ; и прошлое вспомнилось, и впереди свѣтъ померещился... И нечего вамъ *въ себѣ* сомнѣваться: живая душа не можетъ, какъ вы сказали, «оказаться пустоцвѣтомъ», она живетъ за всѣхъ, дѣлится со всѣми, беретъ отъ всѣхъ и отъ всего, отъ людей, отъ природы; ее называютъ «вѣчною книгой» *).

Къ произведеніямъ Стебницкаго, Всеволода Крестовскаго и Авсѣенко, равно какъ къ историческимъ романамъ гр. Сальяса, Мордовцева, и друг. она относилась отрицательно **). 4 сентября 1879 г. Заіончковская писала Н. К. Михайловскому: «Я какъ-то вообще не понимаю этихъ *нынѣшнихъ* историческихъ разсказовъ (Карновича, Мордовцева). Когда историческое лицо является немного въ романѣ,— напримѣръ, Людовикъ XI у Гюго въ *Notre-Dame*,—оно ярко, ему вѣришь; но какъ начнутъ они всѣ разомъ прохаживаться, бесѣдовать,— мнѣ становится неловко, а иногда глупо-смѣшно. Видно, историческій романъ еще не открытый секретъ, а всего вѣрнѣе, что я ничего не понимаю». Заіончковскую отталкивали въ историческихъ романахъ, между прочимъ, слишкомъ яркія краски въ изображеніи кровавыхъ событій, чего она не выносила ни въ беллетристикѣ, ни въ живописи. «Наши историческіе романисты,—говоритъ она,—повторяютъ въ своихъ произведеніяхъ всѣ излишества французской «неистовой словесности» (романтической школы)... Ихъ не спрашиваютъ, къ чему вся кровь и грязь, которую они расточаютъ на своихъ страницахъ... Пріучать людей къ крови—нездорово. Историческій романъ какъ разъ чтеніе для молодежи. Хорошо, если молодежь съ отвращеніемъ и съ содроганіемъ закинетъ такой романъ въ уголъ, а если она пересилитъ отвращеніе и содроганіе... Если эти картины ей понравятся?» ***)

Изъ современныхъ романистокъ Заіончковская всего болѣе значенія придавала г-жѣ Смирновой. Въ одномъ изъ своихъ критическихъ фельетоновъ она высказала одобреніе этой романисткѣ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и упрекнула ее въ недостаточно тщательной обработкѣ ея произведеній. «Изъ романистокъ,— говоритъ Заіончковская,— самый крупный талантъ г-жа Смирнова. Она въ самой лучшей порѣ своихъ силъ. У нея большой запасъ силъ на будущее,— столько наблюдательности, знанія жизни, анализа,—и именно потому г-жа Смирнова болѣе всѣхъ заслуживаетъ упрека въ небрежности работы. Отъ ея перваго романа *Огонекъ* до послѣдняго *У пристани* все замѣтнѣе эта небрежность, набрасыванье, мотовство дарованіемъ. Она точно реалистка; ее занимаютъ не одни балы да нѣжныя страсти; она смѣло касается сторонъ житья-бытья и чувства самыхъ разнообразныхъ и серьезныхъ, часто болѣзненныхъ и глубокихъ. Но что же

---

*) О стихотвореніяхъ С. Андреевскаго Заіончковская помѣстила рѣзкій отзывъ, подъ псевдонимомъ: Н. Д. Воздвиженскій, въ *Живописномъ Обозрѣніи* 1886 г., № 11, стр. 167—171.

**) *Русскія Вѣдомости* 1879 г., № 8, 1880 г., №№ 162 и 307.

***) *Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 162.

она дѣлаетъ? Все раскрошено, разметано: тутъ намекъ, тамъ недомолвка, недоглядка отъ поспѣшности,—съ такимъ неуваженіемъ къ собственному труду, къ собственной идеѣ, что просто удивляешься, какъ писательница не дорожитъ хоть ими, если ужь не дорожитъ читателями. Читатель измученъ безпрестанными переходами отъ возбужденнаго вниманія къ томящей скукѣ, отъ яркой оригинальной мысли къ неизобразимой путаницѣ, къ ненужнымъ подробностямъ, отъ правдивыхъ, полныхъ жизни положеній къ приключеніямъ въ *нѣкоторомъ царствѣ»* *). Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы окончательно развить свой талантъ, г-жа Смирнова совершенно перестала печататься.

Что касается г-жи Шапиръ, то Заіончковская посвятила цѣлый фельетонъ ея повѣсти *Кандидатъ Куратовъ* **), озаглавивъ его *Литературно-семейное объясненіе* и придавъ ему форму «письма кандидата Куратова къ своей сестрѣ». Признавая здѣсь талантъ автора, Заіончковская находитъ одностороннимъ то освѣщеніе, которое придано отношеніямъ ея героя къ его сестрѣ и матери ***). Въ другомъ фельетонѣ, находя, что современныя беллетристки недостаточно обрабатываютъ свои произведенія, Заіончковская говоритъ: «Могла же г-жа О. Шапиръ мѣтко и полно обработать *Кандидата Куратова*, а теперь расплывается въ *Антиподахъ*... Было замѣчено, что *новыя* писательницы уже не ограничиваются, какъ прежнія, одними изображеніями баловъ, нарядовъ, любви, что они касаются и реальныхъ сторонъ жизни, сдѣлокъ, спекуляцій и прочей прозы. Правда, но все это еще выходитъ какъ-то неопредѣленно; *дѣла* дѣлаются у нихъ *гдѣ-то*, а не въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ; *реальное* какъ-то все еще виситъ на воздухѣ, неосязаемое. Вотъ все въ *Антиподахъ*: я такъ и отступился, не могъ понять, какое такое нечестное дѣло заставляетъ героиня сдѣлать героя, котораго желаетъ женить на себѣ» ****).

Уже изъ сказаннаго совершенно ясно, въ какую сторону клонились литературныя симпатіи Заіончковской, но ея взгляды на нѣкоторыя общественныя явленія и та горячность, съ которою она защищала ихъ, особенно ярко рисуются въ письмѣ къ одной писательницѣ, съ которою Заіончковская разошлась вслѣдствіе рѣзкой разницы въ убѣжденіяхъ. Письмо это было написано въ Рязани 23 марта 1877 года, слѣдовательно, передъ самымъ началомъ нашей войны изъ-за Болгаріи, но осталось почему-то не отосланнымъ. Заіончковская сохранила его и даже придавала ему такое значеніе, что называла своимъ profession de foi и соглашалась на напечатаніе его послѣ ея смерти. Это побуждаетъ насъ привести бо́льшую часть этого интереснаго посланія: «Другъ мой,—писала Н. Д.,—спасибо, что зовешь меня къ себѣ; но, вѣдь, ты сама знаешь, что это невозможно и не будетъ... У меня есть, какъ тебѣ и (говорятъ!!!) міру извѣстно... убѣжденія...

---

*) *Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 307.

**) Она была напечатана въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1880 г., № 1.

***) *Русскія Вѣдомости* 1880 г. № 55.

****) *Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 307. *Мемуары одного читателя*, III.

«Ну, вотъ видишь ли, куда-жъ я гожусь въ твою «коморку»? Припомни одно утро прошлою зимой... Къ тебѣ пришелъ... какой-то баринъ... Б... и началъ остроумничать о *моихъ* людяхъ. Если ты не помнишь за давностью и за всѣмъ, что, конечно, тебѣ довелось послѣ этого видѣть и слышать,—если ты не помнишь, что̀ было говорено имъ и отвѣчено мною, то, безъ сомнѣнія, помнишь, что тебѣ было непріятно. Я это видѣла тогда, и потому умолкла... Какъ же ты-то въ свою очередь не догадываешься, что *мнѣ* тоже можетъ быть многое очень непріятно? И ты меня зовешь это смотрѣть и слушать?... Гдѣ же логика и справедливость? Да *мнѣ* еще непріятнѣе, чѣмъ тебѣ,—и я это докажу: ты мѣняешь мнѣнія; вотъ, въ этой, *печатной* (значитъ, твое profession de foi) замѣткѣ, ты противъ англичанъ. Ты?! Да что же ты думала годъ, два, три назадъ?... Перемѣнится политическое настроеніе, перемѣнишься и ты... Я—не то. Разсказывать, *что̀ я*—долго и напрасно: ты меня знаешь. Слѣдовательно, какъ я обѣщалась доказать, противорѣчіе убѣжденіямъ для *меня* больнѣе, нежели для тебя. Изъ чего же мнѣ подвергаться этой боли, противъ которой я—изъ учтивости, изъ самосохраненія, изъ нежеланія быть одиноко-смѣшною—обязана была бы молчать?... Не я одна,—*мы*, то-есть *мои*, всѣ замолчали. Время такое. Я хорошо помню такія времена и надѣялась, что опять не доживу до нихъ; что̀-жь дѣлать—Богъ привелъ; Его воля. Но, какъ въ тѣ, вѣчно памятные годы, такъ и теперь, чрезъ двадцать лѣтъ, я ни словомъ, ни строкой не измѣню себѣ. Я теперь старуха и стала еще крѣпче; я теперь считаю измѣной даже молчать на то, что̀ слышу неправды. А чтобы не ставить себя въ неловко-смѣшное—опасное положеніе, чтобы избавить себя отъ искушенія промолчать ради невозможности или компромисса,—я уклоняюсь слушать. Потому—на что̀ меня въ Москву?

«Слишкомъ я прямой человѣкъ; когда ко мнѣ обратятся и спросятъ, я всегда отвѣчаю, не уклоняюсь. Ты—*спросила*, то-есть прислала свою замѣтку. Ну, красиво написано. Газеты выработали себѣ языкъ, на которомъ говорится много, не сказавъ ничего. Въ концѣ-концовъ, конечно, ничего, и можно растолковать въ оба конца. Я этого не уважаю. Хоть бы разъ подумали, что за фигурными фразами стоятъ человѣческія жизни!... Твоя замѣтка невѣрна по незнанію русской жизни. Удивительные вы!... Не видите ничего сами, а толкуете. По-твоему, славянскій вопросъ выводитъ насъ изъ какой-то «домашней тины». А если я, глядя въ оба и не оставляя своего несчастнаго края, который люблю не меньше, чѣмъ твои краснобаи газетчики, если я тебѣ скажу, что это не выводитъ насъ изъ «тины», а погружаетъ хуже, съ головой? Если я скажу, что не мѣшало бы изъ милліоновъ, — которые собраны уловками, увертками, разглагольствіями, навязчивостью, балами въ пользу убитыхъ и всѣмъ прочимъ,—не мѣшало бы дать *нашему* мужику, который голодаетъ, какъ вы, всѣ вы, понятія не имѣете?

«Зачѣмъ я тебѣ нужна? Я задохнусь, если услышу, что̀ говорятъ у васъ. Богъ съ вами. Стану тянуть свои дни въ своей темнотѣ; здѣсь

легче. Я бы тебѣ ничего этого не сказала, еслибъ ты не вызвала. Я тебѣ всегда говорила: не трогай меня, я—крайняя. Давно это знаешь и не понимаешь, не берешь въ серьезъ. Вѣдь, ты бы не пригласила Паскаля Груссе полюбоваться на генерала Винуа?

Что касается иностранной литературы, съ которою Заіончковская была прекрасно знакома, то ея поклоненіе Байрону видно уже изъ приведенныхъ выше отзывовъ ея о Пушкинѣ и Лермонтовѣ; Байрону она симпатизировала не только какъ писателю, но и какъ человѣку. Въ іюнѣ 1882 года она писала о немъ одному знакомому: «Меня, вѣкъ мой, просто обижали пошлыя нападки на его безвѣріе, безнравственность, фатство (sic) и всякое прочее. Никто менѣе его не понятъ. Въ самомъ дѣлѣ, не значитъ ли это, что онъ выше всѣхъ? Прибавьте къ этому, что лично, какъ человѣкъ, онъ былъ обожаемъ тѣми, кто былъ ему близокъ. Есть одна старая книжка... Вашингтонъ-Ирвинга *Abbotsford et Newstead*. Тамъ говорится о ранней молодости Байрона и его житьѣ въ Ньюстидѣ; просто прелесть. Вотъ, напримѣръ: крестьяне одного сосѣдняго (не его) владѣнія бунтуютъ противъ владѣльца и идутъ сотенною толпой жечь его замокъ. Надо идти полями Байрона. Они рѣшаютъ, что топтать его поля нельзя и, въ пылу бунта, идутъ гуськомъ по одному человѣку, чтобъ вытоптать только одну узенькую тропинку. Что̀-нибудь это да значитъ. Всѣ его эксцентричныя выходки благородны, изящны и, главное, искренни. Но даже—эксцентричны ли? Это, въ самомъ дѣлѣ, порываніе изъ тенетъ, изъ тупости, изъ холода общества, такого тошнаго въ началѣ нашего вѣка и, всего болѣе, такого лицемѣрнаго. Его великолѣпная супруга, черезъ пятьдесятъ почти лѣтъ послѣ его смерти, оправдала его любовь къ Терезѣ Гвиччіоли. Вы знаете, что эта леди выписала себѣ «нарочито» изъ Америки друга своего, такую же лицемѣрку Бичеръ-Стоу, и вдвоемъ занялись—отвратительно, печатно оклеветать мертваго. А благочестивая Англія повѣрила и перестала его читать. Это было въ 1868 г. Теперь, можетъ быть, очнулись, не знаю... Вы меня разманили опять выучиться по-англійски единственно для Байрона. Русскихъ переводовъ читать нельзя *): хуже французской прозы. Знала бы я по-англійски, еслибъ *тогда* два года не просидѣла за своимъ дурацкимъ романомъ, а потомъ стало ужь вовсе некогда».

Изъ французскихъ писателей Заіончковская, какъ мы уже знаемъ, всего болѣе любила В. Гюго. Объ его *Le dernier jour d'un condamné* она и въ 1882 г. думала, что «лучше этой книги на свѣтѣ нѣтъ», и тутъ же прибавила, что она «обожаетъ и книгу, и автора». Горячо любила она и произведенія Жоржъ-Зандъ **) и мастерски перевела романъ этой писательницы *Орасъ* ***).

---

*) Рѣзкій отзывъ Заіончковской о Минаевѣ, какъ переводчикѣ, см. въ ея первой *Литературной бесѣдѣ* въ *Рус. Вѣд.* 1877 г., № 43.

**) *Жив. Обозрѣніе* 1886 г., № 11, стр. 170 (статья Заіончковской о поэтѣ Андреевскомъ).

***) Въ журналѣ *Изящная Литература*.

Натурализмъ во вкусѣ Золя не могъ быть симпатичнымъ Заіончковской *). Это особенно огорчило г. Боборыкина: «Ея литературные сужденія и вкусы,—разсказываетъ онъ въ своихъ небольшихъ воспоминаніяхъ о Хвощинской,—получили крайне тенденціозную окраску. Все, что появлялось къ тому времени новаго въ реалистической литературѣ Франціи, представлялось ей подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Она видѣла въ романахъ новыхъ реалистовъ только одну грязь и цинизмъ и не хотѣла или не умѣла цѣнить тѣхъ шаговъ впередъ, какіе художественное творчество сдѣлало въ лицѣ двигателей современнаго романа» **). Хвощинская, дѣйствительно, во многомъ не сочувствовала Золя, какъ главѣ современнаго натурализма во Франціи, но, все-таки, она признавала его *Карьеру Ругоновъ*, отчасти *La curée* и *Проступокъ аббата Муре*, и особенно *Germinal*, выдающимися произведеніями; изъ романовъ Флобера она любила *Мадамъ Бовари* и *Саламбо*, а *Сантиментальное воспитаніе* ей не нравилось.

Мы указывали выше на отношеніе Заіончковской къ кровавымъ сценамъ въ историческихъ романахъ; то же самое она высказывала и относительно произведеній нашихъ художниковъ. Помню, какъ я былъ пораженъ, услышавъ отъ нея эти сужденія по поводу картинъ, если не ошибаюсь, *Казнь стрѣльцовъ* Сурикова и *Самосожигатели* Мясоѣдова.

— Какъ,—воскликнулъ я,—вы сами такая мучительница и протестуете противъ картинъ, потрясающихъ нервы зрителей?

Мое восклицаніе съ такимъ признаніемъ сильнаго впечатлѣнія ея произведеній ей, видимо, понравилось, но всѣ мои доводы не заставили Н. Д. измѣнить тотъ взглядъ, который уже давно у нея сложился и который она нѣсколько позднѣе высказала въ статьѣ подъ заглавіемъ *По поводу невиданой выставки*, подписанной на этотъ разъ не иниціалами, а ея обычнымъ псевдонимомъ. Въ этой статьѣ она заявляетъ, что для того, чтобы взглянуть на выставку, ей надо «рѣшиться», «то-есть взять на себя—побороть ужасъ, жалость, отвращеніе... За послѣдніе годы въ искусствѣ вообще,—продолжаетъ она,—къ *безобразному* и *ужасному* присоединилось еще новое... Это новое—*жестокость*... Послѣ нашихъ выставокъ» не прогонишь «всего мучительнаго, что врѣжется въ память. *Свѣточи* и эскизъ *Избіеніе младенцевъ* г. Семирадскаго, *Стрѣльцы* г. Сурикова, *Самосожигатели*, *Царевна Софія*, *Холмъ казней въ Римѣ*, *Самоубійство*, котораго причины неизвѣстны, программы на темы убійства князей въ Ордѣ, цѣлые ряды кровавыхъ картинъ г. Верещагина... Все—смерть, отвращеніе, отчаяніе... И это все—«хорошо написано»? Но развѣ зритель въ силахъ цѣнить? Онъ разстроенъ, онъ болѣнъ, ему тошно; онъ не въ состояніи разбирать идею произведенія и даже смутно чувствуетъ, что идеи тутъ нѣтъ никакой (?), что его хотѣли только запугать, схватить, что его тащать

---

*) Срав. *Рус. Вѣдомости* 1880 г., №№ 162 и 307.

**) *Новости* 1889 г., № 189.

силою, не давая ему опомниться; онъ измученъ, его сознаніе безсильно; отупѣло даже состраданіе, изъ души что-то пропало, ничего, кромѣ ужаса... Еще ужаснѣе картинъ эта «публика»—благосклонная, любопытная, здоровая, которая наслаждается, разсматривая, какъ мастерски «сдѣлана» кровь, какъ «подмѣчена» агонія... Это называютъ ростъ, «шаги впередъ», «сила искусства». Передъ чѣмъ оно остановится? Какая его цѣль? Развитіе низменныхъ инстиктовъ, поблажка звѣрству уличной толпы... Раздраженіе—вредное средство. Его подносятъ и новѣйшая литература, и новѣйшая музыка въ операхъ со сценами пытки...» *).

Односторонность этихъ взглядовъ такъ очевидна, что не заслуживаетъ опровërженія. Но Заіончковская, какъ человѣкъ искренній и правдивый, изложила тутъ свои взгляды,—лучше сказать—*ощущенія*, чѣмъ взгляды,—забывая, что не у всѣхъ такіе чувствительные нервы, какъ у нея, что для большинства публики нужны сильныя средства, чтобы произвести сильное впечатлѣніе, что, наконецъ, нельзя вычеркнуть изъ нашей исторіи кровавыхъ страницъ, весь ужасъ которыхъ будетъ понятнѣе для массы, когда онѣ предстанутъ въ реальномъ изображеніи талантливаго художника. Что касается развитія «жестокости», то, къ сожалѣнію, въ самой жизни слишкомъ много условій для возбужденія этого чувства, правдивое же изображеніе мрачныхъ картинъ прошлаго должно не поддерживать его, а, напротивъ, вызывать стремленіе къ такому переустройству общественнаго быта, когда казни окажутся дѣломъ невозможнымъ и ненужнымъ.

В. Семевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) *Русскія Вѣдомости* 1885 г., № 85.

Паденіе Сперанскаго.

(Эпизодъ изъ исторіи XIX в.).

Судьба Сперанскаго, такъ быстро возвысившагося изъ ничтожества до значенія перваго сановника Русской имперіи и такъ трагически низвергнутаго съ этой высоты, представляетъ глубокій интересъ, и біографическій, и историческій. Событіе 17 марта 1812 года, превратившее всесильнаго реформатора Россіи въ опальнаго ссыльнаго, униженнаго и оскорбленнаго, какъ почти уличенный измѣнникъ, это событіе произвело въ свое время потрясающее впечатлѣніе, и только громы бородинскаго побоища да зловѣщій свѣтъ московскаго пожара могли временно заслонить собою крушеніе этой замѣчательной государственной дѣятельности и ослабить впечатлѣніе паденія этого знаменитаго человѣка. Доселѣ нельзя почитать вполнѣ разъясненнымъ весь ходъ этого крушенія. Баронъ Корфъ, написавшій тому назадъ тридцать лѣтъ біографію Сперанскаго, не располагалъ достаточнымъ фактическимъ матеріаломъ. Съ тѣхъ поръ опубликовано немало новыхъ данныхъ и документовъ, относящихся къ этой любопытной эпохѣ и проливающихъ больше свѣта на тайныя пружины событія 17 марта. Данныя эти, разсѣянныя по мемуарамъ и частнымъ ученымъ изслѣдованіямъ, еще никѣмъ не сведены въ одну картину. Быть можетъ, поэтому, не будетъ лишена интереса предлагаемая ниже попытка дать такой сжатый сводъ. Паденіе Сперанскаго, служащее явною гранью двухъ періодовъ въ царствованіе Александра I, интересно и съ этой исторической точки зрѣнія, обрисовывая силы и тяготѣнія, шествовавшія на смѣну историческому движенію, котораго самымъ выдающимся и послѣдовательнымъ представителемъ былъ Сперанскій.

Періодъ 1808—1811 годовъ былъ эпохой наивысшаго значенія и вліянія Сперанскаго, о которомъ именно въ это время извѣстный Жозефъ-де-Местръ писалъ, что онъ «первый и даже единственный министръ» имперіи. За это время Сперанскій, по порученію Александра I, составилъ планъ общей политической реформы, которая охватывала весь строй политическихъ и гражданскихъ отношеній. Законодательство, судъ, администрація (отъ волости до высшихъ учрежденій), крѣпостное состояніе,—ничего не было за-

быто въ этомъ планѣ. Въ ноябрѣ 1809 года императоръ одобрилъ планъ и рѣшилъ постепенно приводить его въ исполненіе. Реформа государственнаго совѣта (1810 г.), реформа министерствъ (1810—1811 г.), реформа сената (1811 — 1812 г.) явились другъ за другомъ изъ-подъ пера Сперанскаго, какъ первые шаги этого общаго плана. Этого одного было бы достаточно, чтобы занять время самаго богато-одареннаго человѣка; но если этотъ человѣкъ считаетъ возможнымъ работать по восемнадцати часовъ въ сутки (какъ то дѣлывалъ Сперанскій), то этимъ жестокимъ насиліемъ надъ природой и организмомъ онъ можетъ, конечно, еще значительно увеличить количество труда. Кромѣ замѣчательнаго здоровья, кромѣ блестящихъ дарованій, необходимо для этого и много той глубокой преданности своимъ идеямъ и планамъ, которая граничитъ съ религіозною вѣрой. Въ этотъ періодъ своей кипучей дѣятельности Сперанскій, очевидно, съ избыткомъ обладалъ и такимъ желѣзнымъ здоровьемъ, и такою религіозною преданностью своимъ идеямъ, а дарованія, нерѣдко возвышавшіяся до черты геніальности, оплодотворяли эти неслыханные труды. Гражданское уложеніе, финляндская конституція, крестьянское дѣло въ Лифляндіи, учрежденіе Царскосельскаго лицея, преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній, уставъ духовныхъ академій, таможенный тарифъ, наконецъ, замѣчательные финансовые планы, впервые внесшіе порядокъ и научную систему въ управленіе русскими финансами,—таково самое краткое исчисленіе лишь самыхъ важныхъ трудовъ Сперанскаго за это время.

Богатый государственными трудами, самыми многосторонними и самыми важными, этотъ періодъ въ жизни Сперанскаго въ высшей степени бѣденъ служебными и иными личными успѣхами. Произведенный, еще до приближенія къ власти, въ 1801 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Сперанскій за все десятилѣтіе, когда, состоя сначала при Кочубеѣ (мин. внутреннихъ дѣлъ), потомъ при Александрѣ I, располагалъ громадною властью и вліяніемъ, получилъ всего въ общемъ порядкѣ чинопроизводства, въ 1809 г., чинъ тайнаго совѣтника и никакихъ матеріальныхъ гарантій своей независимости въ будущемъ, хотя такія гарантіи въ видѣ всемилостивѣйшихъ пожалованій и были тогда общимъ правиломъ. Сперанскій не послѣдовалъ этому правилу и съ высоты своей власти палъ въ 1812 году такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ за десять лѣтъ до того, до приближенія къ власти. Не болѣе того заботился Сперанскій о пріобрѣтеніи другихъ гарантій своего положенія, вродѣ установленія связей и отношеній съ вліятельными вельможами того времени. Овдовѣвъ молодымъ человѣкомъ (двадцати семи лѣтъ), послѣ одиннадцатимѣсячнаго супружества, Сперанскій остался вдовцомъ на всю остальную долгую жизнь свою (онъ умеръ 67 лѣтъ), хотя въ эпоху, о которой мы говоримъ теперь, онъ могъ бы выбирать между первыми невѣстами имперіи. Будучи первымъ послѣ императора человѣкомъ въ имперіи, тридцати съ небольшимъ лѣтъ, онъ отличался, къ тому же, привлекательною наружностью, симпатичнымъ характеромъ и, по общему свидѣтельству, имѣлъ успѣхъ среди женщинъ. Однако, оста-

ваясь романтически вѣренъ памяти жены, Сперанскій не попробовалъ закрѣпить свое положеніе брачными узами съ аристократіей. Столь же мало приложилъ онъ старанія и заботы объ укрѣпленіи дружескихъ связей съ вельможнымъ и сановнымъ міромъ, охотно искавшимъ этой дружбы. Описавъ скромное жилище Сперанскаго, баронъ Корфъ такъ продолжаетъ: «Жилищу соотвѣтствовалъ весь образъ жизни: скромный, тихій, уединенный. Еще во время служенія своего въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ наперсникъ Кочубея былъ довольно недоступенъ. Эта недоступность извинялась многодѣліемъ... Впослѣдствіи, когда императоръ Александръ приблизилъ его къ себѣ, Сперанскій, оставаясь, попрежнему, болѣе работникомъ, нежели царедворцемъ, еще рѣже сталъ показываться въ свѣтѣ... Вспоминая въ Перми объ этой эпохѣ своей жизни, Сперанскій разсказывалъ, какъ онъ работалъ нерѣдко по восемнадцати часовъ въ сутки и до того разстроилъ свое здоровье, что не могъ подъ конецъ употреблять пищи, не принявъ напередъ лѣкарства, а временами по цѣлымъ недѣлямъ не могъ разогнуть спины».

При такой работѣ, конечно, некогда было устанавливать связи въ высшемъ обществѣ, гдѣ имъ были недовольны за это и онъ не имѣлъ партіи. Скромная обстановка, болѣе нежели скромныя средства, уединенный образъ жизни, весь посвященный государственнымъ дѣламъ, громадные труды и гордая нравственно-независимая изолированность отъ придворнаго, вельможнаго и сановнаго міра съ его интригами и партіями; наконецъ, отсутствіе всякой заботы о личной карьерѣ и рѣдкая преданность заботамъ о государственныхъ и общественныхъ нуждахъ, — въ такихъ чертахъ вырисовывается жизнь и личность Сперанскаго въ этотъ періодъ его силы и власти. Немудрено, если его личная карьера оказалась вскорѣ столь непрочною. Немудрено также, если плоды его заботъ и трудовъ на пользу государственную и общественную оказались, въ то же время, столь обильны, разнообразны и благодѣтельны. И чѣмъ выше и серьезнѣе было значеніе его государственной дѣятельности, тѣмъ превратность его личной карьеры должна была обнаружиться быстрѣе и трагичнѣе. Дѣятельность эта, соблюдая интересъ общій и стремясь къ справедливости, нарушала массу частныхъ интересовъ и угрожала еще больше. Сильные вліяніемъ и положеніемъ, общественные классы уже были затронуты въ своихъ интересахъ. Еще бо́льшаго ждали и опасались. Страхъ за крѣпостное право объединялъ всѣ привилегированныя сословія. Быстро росла и накоплялась со всѣхъ сторонъ оппозиція дѣятельности Сперанскаго, — оппозиція сильная, многочисленная, неразборчивая на средства, испытанная въ придворныхъ интригахъ, искусная въ клеветѣ и доносахъ. И противъ этой оппозиціи одиноко стоялъ геніальный идеалистъ-реформаторъ, всецѣло ушедшій въ свои планы и идеи и не желавшій считаться съ окружающею средой. Презирая по заслугамъ эту среду, онъ задумалъ сломить ея упрямство и пересоздать. На повѣрку оказалось, что она сломила его идеализмъ, разбила его личную жизнь, уничтожила его предначертанія, пересоздала

самый нравственный обликъ ненавистнаго человѣка, благороднаго по природѣ, но не одареннаго героизмомъ. Изъ ссылки Сперанскій вернулся уже инымъ человѣкомъ. Печальная это исторія, печальная и глубоко-поучительная!

Нашъ одинокій реформаторъ съ своими широкими планами и грандіозными идеями опирался въ своей дѣятельности единственно на довѣріе и единомысліе императора Александра I. Были и въ то время люди въ русскомъ обществѣ, и, притомъ, въ высшихъ кругахъ, которые могли бы быть его единомышленниками и сотрудниками, могли бы составить его партію, но мы видѣли, какъ, оберегая свою нравственную независимость и увлекаясь чрезмѣрною работой, Сперанскій не позаботился объ этомъ. Стало быть, разрушить или хотя бы нарушить единомысліе Александра и Сперанскаго и внушить Александру недовѣріе къ Сперанскому — такова должна была быть цѣль все возроставшей и озлобленной оппозиціи. Надо отдать должное оппозиціи. Она съумѣла блистательно достигнуть этой цѣли. Сперанскій-реформаторъ былъ убитъ наповалъ и никогда болѣе не поднимался. 17 марта 1812 года совершено было это безкровное убіеніе. Внезапно схваченный, онъ, съ высоты своего положенія и власти, былъ отправленъ въ ссылку, сопровождаемый и опережаемый клеветой объ измѣнѣ. Это жестокое событіе мы и разскажемъ на слѣдующихъ страницахъ.

Разрушить единомысліе и подорвать довѣріе—таковы были двѣ задачи многочисленной оппозиціи. Послѣдняя задача, дѣло интриги, сплетни, ловко пущеной клеветы, искуснаго и беззастѣнчиваго доноса, все это было достаточно хорошо извѣстно врагамъ Сперанскаго, но первая задача (разрушить единомысліе Александра и Сперанскаго или хотя бы заставить перваго усомниться) была не по плечу вельможнымъ интриганамъ того времени. Они употребили, правда, для этого ученаго нѣмца Розенкампфа, но главнымъ ихъ союзникомъ неожиданно для нихъ явился Карамзинъ, подавшій императору 28 марта 1811 года, черезъ великую княгиню Екатерину Павловну, свою извѣстную записку *О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ*. Записка эта, написанная очень смѣло и критиковавшая рѣзко дѣянія Александра, должна была тѣмъ большее впечатлѣніе произвести на послѣдняго своею искренностью. Главная задача *Записки*, однако, борьба съ идеями и планами, представителемъ которыхъ былъ Сперанскій. Есть основаніе думать, что Александръ уже и до этого начиналъ колебаться въ своихъ мнѣніяхъ. Духъ реставраціи, легитимизма и политической реакціи, вскорѣ окончательно возобладавшій въ Европѣ, уже начиналъ явно сказываться въ умственномъ настроеніи европейскаго общества и политическая атмосфера была имъ пропитана. Испанія уже подняла открыто знамя легитимизма и начала національную борьбу за него съ Наполеономъ. Въ 1809 году Австрія тоже пробовала развернуть это знамя и въ Германіи эта попытка имѣла успѣхъ и подготовила взрывъ 1813 года. Проповѣдники легитимизма и реставраціи разъѣзжали по Европѣ, подготовляя свое дѣло. Петербургъ, какъ единственный поли-

тическій центръ, еще независимый отъ Наполеона, особенно привлекалъ этихъ проповѣдниковъ. Здѣсь проживалъ Жозефъ де-Местръ, сюда же направлялись эмиссары Бурбоновъ, испытанные въ придворныхъ интригахъ стараго версальскаго двора, тонко образованные, искусные діалектики. Вся эта атмосфера, враждебная либеральнымъ идеямъ, съ которыми Александръ вступилъ на престолъ и которыя Европа начинала отвергать на всемъ своемъ протяженіи, не могла не отразиться и на настроеніи Александра. Именно это время воспитывало будущаго основателя Священнаго Союза, будущаго Агамемнона консервативной и легитимной Европы. Въ это-то время подалъ Карамзинъ свою умно и горячо составленную *Записку*.

Мы не будемъ, конечно, ее здѣсь излагать, но скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ ея духѣ и направленіи. Сближеніе съ Франціей—въ политикѣ внѣшней, а во внутренней—общая политическая реформа, задуманная Александромъ и Сперанскимъ, и освобожденіе крестьянъ являются главнымъ объектомъ критики нашего исторіографа. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, мѣропріятія по ограниченію сдачи въ рекруты не въ очередь, начало освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи,—все это производило самое потрясающее впечатлѣніе на дворянство того времени, еще гораздо менѣе подготовленное къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, нежели дворянство при Александрѣ II. Наклонность императора къ освобожденію и либеральныя мнѣнія Сперанскаго, его главнаго сотрудника этого времени, были достаточно извѣстны и порождали массу слуховъ, тревожившихъ дворянство, которое въ этомъ кровномъ интересѣ своемъ сходилось съ вельможествомъ и чиновничествомъ. Крѣпостное право объединяло интересы всѣхъ привилегированныхъ сословій и заставляло ихъ бояться всякихъ либеральныхъ начинаній, принципіальная связь которыхъ съ паденіемъ крѣпостнаго права чувствовалась всѣми. Карамзинъ явился искуснымъ и талантливымъ выразителемъ тревогъ и опасеній своего сословія: «Законодатель долженъ смотрѣть на вещи съ разныхъ сторонъ,—писалъ онъ въ *Запискѣ*,—а не съ одной: иначе, пресѣкая зло, можетъ сдѣлать еще болѣе зла. Такъ, нынѣшнее правительство имѣетъ, какъ увѣряютъ, намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу. Должно знать происхожденіе сего рабства» *). Излагая эту исторію (не совсѣмъ правильно), авторъ приходитъ къ заключенію, что земля всегда принадлежала дворянству («съ IX вѣка!») и что нынѣшніе крѣпостные слагаются изъ двухъ разрядовъ: прежнихъ холопей, которые всегда были рабами, и потомковъ тѣхъ свободныхъ крестьянъ, которые были прикрѣплены Годуновымъ, но, «какъ мы не знаемъ нынѣ, которые изъ нихъ происходятъ отъ холопей и которые отъ вольныхъ людей, то законодателю предстоитъ немалая трудность въ распутываніи сего узла Гор-

---

*) *Карамзинъ*, 2300 (*Р. А.* 1870 г.). Нельзя не упомянуть кстати о свѣдѣніи, сообщаемомъ проф. Иконниковымъ (*Гр. Н. С. Мордвиновъ*, 129), что „сначала (1810 г.) Карамзинъ было заискивалъ его (Сперанскаго) покровительства“. А, между тѣмъ, 1810 годъ такъ близокъ къ марту 1811 года, когда подана *Записка* Карамзина. И въ 1810 году было уже осуществлено почти все, критикуемое въ *Запискѣ* 1811 года.

діева». Карамзинъ признаетъ за законодателемъ право лишь возстановить свободу потомковъ свободныхъ крестьянъ, выражаясь его словами: «право монарха самодержавнаго отмѣнять уставы своихъ предмѣстниковъ» (въ данномъ случаѣ царя Бориса и другихъ). Карамзинъ, правда, понимаетъ, что освобожденіе *всѣхъ* крестьянъ можетъ быть опираемо на *правѣ естественномъ*, но замѣчаетъ: «не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ гражданскому». Затѣмъ слѣдуютъ всевозможныя предостереженія отъ тѣхъ ужасовъ безначалія, своеволія и преступленія, которые ожидаютъ Россію въ случаѣ освобожденія крестьянъ: «Не знаю, хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу,—пишетъ по этому поводу Карамзинъ,—но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, теперь они имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется, что *для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу*, къ которой надо готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ». Съ такою же рѣшительностью и рѣзкостью критикуетъ Карамзинъ всѣ остальные либеральные планы этого времени и представляетъ горячую защиту существующаго строя противъ всякихъ плановъ преобразовать его. Онъ отрицаетъ даже право за Александромъ: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти. Наученная долговременными бѣдствіями, Россія передъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти, иной не имѣешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!» *).

Таковы основы принципіальной критики всего направленія, котораго лучшимъ и серьезнѣйшимъ представителемъ былъ Сперанскій. Карамзинъ, однако, не довольствуется критикою принципіальною, но съ еще бо́льшею горячностью обрушивается на тѣ законодательныя мѣропріятія, въ которыхъ уже выразилось это направленіе. Учрежденіе государственнаго совѣта, учрежденіе министерствъ, гражданское уложеніе, законъ о сдачѣ рекрутовъ помѣщиками, указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, финансовые планы Сперанскаго,—ничего не забыто въ этой критикѣ и все жестоко осуждено. Нетерпимость и явная несправедливость многихъ осужденій сами собою бросались въ глаза и вредили тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовалъ Карамзинъ, потому что вызывали протестъ неудовольствія въ Александрѣ; но общее настроеніе мыслей и чувствъ императора начинало уже и ранѣе склоняться въ пользу идей, выразителемъ которыхъ явился нынѣ Карамзинъ. *Записка* Карамзина дала искусно и не безъ таланта составленное принципіальное основаніе этому новому настроенію Александра. Въ этомъ ея важное историческое значеніе вообще, въ біографіи Сперанскаго въ частности. Александръ, сперва недовольный крайними рѣзкостями и несправедливостями *Записки*, затѣмъ оцѣнилъ значеніе ея принци-

*) *Карамзинъ*, 2272.

повъ и приблизилъ Карамзина, поощряя его въ историческихъ трудахъ, которые велись и составлялись въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и *Записка о древней и новой Россіи* *). Въ Твери, въ мартѣ 1811 года, у великой княгини Екатерины Павловны отрывки изъ своей *Исторіи* Карамзинъ читалъ Александру. Выпущена въ свѣтъ она была, какъ извѣстно, значительно позже, послѣ отечественной войны. Оппозиція явная Сперанскому не ограничивалась *Запискою* Карамзина. Противъ его финансовыхъ плановъ возставалъ министръ финансовъ Гурьевъ и подалъ записку членъ государственнаго совѣта Чичаговъ. Враги Сперанскаго пользовались также услугами вышеупомянутаго ученаго нѣмца Розенкампфа. Все это, вмѣстѣ съ общимъ духомъ легитимизма, уже начинавшаго царить въ умственной атмосферѣ того времени, все болѣе и болѣе отклоняло Александра отъ либеральныхъ идей и все рѣшительнѣе отдаляло отъ Сперанскаго. Въ началѣ 1811 года, при свиданіи съ Карамзинымъ, Александръ уже благосклонно выслушиваетъ горячія возраженія Карамзина противъ либеральныхъ идей и поощряетъ его историческіе труды, написанные въ томъ же духѣ, однако, въ это время онъ еще не соглашается съ Карамзинымъ. Черезъ годъ, въ разговорѣ съ де-Сангленомъ, мы уже видимъ Александра, осуждающаго Сперанскаго за либерализмъ. Такъ въ теченіе этого времени постепенно измѣнялось настроеніе, а съ нимъ и намѣренія императора. Сперанскій былъ, конечно, теперь не у мѣста. Александру надлежало съ нимъ разстаться. Вопросъ заключался только въ томъ, какъ должно произойти это событіе.

Сперанскій самъ начиналъ видѣть, что онъ становится не ко двору. Еще въ началѣ 1811 года онъ просилъ у Александра отставки отъ должности государственнаго секретаря и статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи. Въ запискѣ, поданной имъ по этому поводу, находимъ слѣдующія поучительныя и благородныя строки: «Представляясь попеременно то въ видѣ директора коммиссіи, то въ видѣ государственнаго секретаря; являясь, по повелѣнію Вашему, то съ проектомъ новыхъ государственныхъ постановленій, то съ финансовыми операціями, то со множествомъ текущихъ дѣлъ, я слишкомъ часто и на всѣхъ почти путяхъ встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистью, а еще болѣе съ неразуміемъ. Кто можетъ устоять противъ всѣхъ сихъ встрѣчъ? Въ теченіе одного года я попеременно былъ мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и сдѣлался, наконецъ, записнымъ иллюминатомъ. Толпа подьячихъ преслѣдовала меня за указъ 6 августа эпиграммами и каррикатурами. Другая такая же толпа вельможъ, со всею ихъ свитою, съ женами и дѣтьми, меня, заключеннаго въ моемъ кабинетѣ, одного, безъ всякихъ связей, меня, ни

*) По выходѣ въ свѣтъ первыхъ томовъ *Исторіи государства Россійскаго*, въ 1816 году, Карамзину была пожалована анненская лента за историческіе труды, но при этомъ, по свидѣтельству гр. Блудова, государь далъ ему знать, что награждаетъ не столько за его исторію, сколько за его *Записку о древней и новой Россіи*. (*Иконниковъ*: „Гр. Мордвиновъ“, стр. 127).

по роду моему, ни по имуществу не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуютъ, какъ опаснаго уновителя. Я знаю, что большая ихъ часть и сама не вѣритъ симъ нелѣпостямъ, но, скрывая собственныя страсти подъ личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именемъ вражды государственной. Я знаю, что тѣ же люди превозносили меня и правила мои до небесъ, когда предполагали, что я во всемъ буду съ ними соглашаться, когда воображали найти во мнѣ послушнаго кліента и когда пользы ихъ страстей требовали противуположить меня другому. Я былъ тогда одинъ изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ исполнителей. Но какъ только движеніемъ дѣлъ былъ я приведенъ въ противуположность имъ и въ разногласіе, такъ скоро превратился въ человѣка опаснаго и *во все то, что Вашему Величеству извѣстно болѣе, нежели мнѣ.* Въ семъ положеніи мнѣ остается или уступать имъ, или терпѣть ихъ гоненіе. Первое я считаю вреднымъ службѣ, унизительнымъ для себя и даже опаснымъ. Дружба ихъ еще болѣе тягостна для меня, нежели разномысліе. Къ чему мнѣ раздѣлять съ ними духъ партій, худую ихъ славу и то пренебреженіе, коими они покрыты въ глазахъ людей благомыслящихъ? Слѣдовательно, остается мнѣ выбрать второе. Смѣю думать, что терпѣніе мое и опытъ опровергнутъ всѣ ихъ навѣты. Удостовѣренъ я также, что одно слово Ваше всегда довлѣетъ отразить ихъ покушенія. Но къ чему, Всемилостивѣйшій Государь, буду я обременять Васъ своимъ положеніемъ, когда есть самый простой способъ изъ него выдти и разъ навсегда прекратить тягостныя для Васъ и обидныя для меня нареканія?» Александръ, однако, не принялъ отставки Сперанскаго и оставилъ его во всѣхъ должностяхъ и обязанностяхъ. Сперанскій продолжалъ свое дѣло съ прежнею энергіей, хотя и безъ прежней увѣренности въ его полномъ осуществленіи. Послѣднее видно изъ его частной переписки этого времени, а первое—изъ массы совершоннаго имъ за этотъ послѣдній годъ его государственной дѣятельности *).

Разномысліе между императоромъ и Сперанскимъ постепенно увеличивалось и къ началу 1812 года, какъ выше упомянуто, стало столь значительнымъ, что удаленіе Сперанскаго сдѣлалось естественнымъ и необходимымъ выводомъ изъ этого факта. Вельможные враги Сперанскаго постарались о томъ, чтобы вмѣстѣ съ разномысліемъ поселить въ душѣ Александра неудовольствіе и недовѣріе. Самая беззастѣнчивая клевета, прямая фальсификація и поддѣлка документовъ, явно измышленныя ложныя свѣдѣ-

---

*) Что̀ было совершено Сперанскимъ въ это время, видно изъ слѣдующаго бѣглаго перечисленія: учрежденіе министерствъ, проектъ учрежденія сената, третья часть гр. улож., проектъ устава о судопроизводствѣ, таможенный тарифъ и пр. А мысли его о вѣроятной будущности его плановъ видны изъ слѣдующаго отрывка изъ письма его къ Столыпину (окт. 1811 г.): „Поѣздка, а паче воздержаніе отъ излишнихъ затѣй по службѣ возвратили мнѣ почти все мое здоровье. *Я называю излишними затѣями всѣ мои предположенія и желаніе двинуть грубую толпу, которую никакъ сдвинуть съ мѣста не можно*“ (*Пыпинъ*: „Общ. движ.“, стр. 146; *Иконниковъ*, ор. с., стр. 124).

нія — таковы были орудія, низвергнувшія Сперанскаго, а его удаленіе, исторически естественное, превратившія въ жестокое паденіе и безпощадную расправу, которою такъ трагически завершилась государственная дѣятельность этого благороднаго и высокодаровитаго государственнаго человѣка, такъ много и безкорыстно потрудившагося на пользу общую и для славы своего государя и своего отечества. Мы уже видимъ, что въ самомъ началѣ 1811 года Сперанскій настолько ощутилъ разномысліе съ Александромъ, что просился въ отставку. Изъ этой записки мы видимъ также, что уже тогда, за годъ съ лишнимъ до его паденія, онъ былъ окруженъ сплетнями, клеветами и интригами, о которыхъ онъ говоритъ съ благороднымъ презрѣніемъ. Были въ то время уже и доносы императору. Это видно изъ той же просьбы объ отставкѣ.

Въ февралѣ Александръ не принялъ этой просьбы и разрѣшилъ дальнѣйшіе шаги реформы (учрежденіе министерствъ и сената); въ мартѣ подалъ свою *Записку* Карамзинъ, а въ августѣ Александръ уже поручаетъ министру полиціи Балашову установить тайный надзоръ за Сперанскимъ и его личными друзьями *). Къ этому времени, стало быть, вмѣстѣ съ усилившимся разномысліемъ, въ душѣ Александра уже возникло и недовѣріе къ Сперанскому. Не внушено ли было ему подозрѣніе, что Сперанскій, разочарованный въ возможности осуществить свои завѣтныя идеи *при помощи и по желанію* Александра, способенъ искать путей и средствъ осуществить ихъ *помимо и даже вопреки* его волѣ и намѣреніямъ? Нѣсколько позднѣе (въ декабрѣ того же 1811 года) Александръ серьезно подозрѣвалъ его въ принадлежности къ тайному международному союзу иллюминатовъ и почти вѣрилъ, что Сперанскій глава (регентъ) этого революціоннаго масонства въ Россіи **). Такъ развивалась постепенно интрига, руководимая опытными и испытанными въ придворныхъ интригахъ царедворцами. «Сперва, однако, — читаемъ мы у бар. Корфа, — они предпочли попытаться на раздѣленіе съ нимъ (Сперанскимъ) власти, что, во всякомъ случаѣ, казалось тогда (во второй половинѣ 1811 года) легче, чѣмъ ее сокрушить. Два лица, уже облеченныя въ нѣкоторой степени довѣріемъ государя, предложили его любимцу пріобщить ихъ къ своимъ видамъ и учредить изъ нихъ и себя, помимо монарха, безгласный тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерства единственно въ видѣ своихъ орудій. Съ негодованіемъ отвергнулъ Сперанскій ихъ предложеніе, но онъ имѣлъ неосторожность, по чувству ли презрѣнія къ нимъ, или, можетъ быть, по другому тонкому чувству (неспособности къ доносу), умолчать о томъ предъ государемъ». Біографъ Сперанскаго считаетъ это «благородное отвращеніе отъ доноса непростительною политическою ошибкой». «Промолчавъ, Спе-

*) Сообщаетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ тогдашній министръ юстиціи И. И Дмитріевъ (извѣстный баснописецъ и писатель, другъ Карамзина). См. *Пыпинъ*: „Общ. движ. при Александрѣ“, стр. 146; *Иконниковъ*, ор. с., стр. 124.

**) *Записки де-Санглена*, часть III и IV, *Русск. Ст.* 1883 г., I, стр. 33.

ранскій далъ своимъ врагамъ способъ сложить вину своихъ замысловъ на него, связать ему руки, заподозрить его искренность». «Паденіе его сдѣлалось неизбѣжнымъ»,—заканчиваетъ бар. Корфъ разсказъ свой объ этомъ эпизодѣ, поясняя, что Сперанскій «не разглядѣлъ разставленныя ему сѣти».

Эти два лица, уже облеченныя до нѣкоторой степени довѣріемъ государя, какъ ихъ опредѣляетъ бар. Корфъ, были: бар. Армфельдъ (вскорѣ графъ), шведскій аристократъ, незадолго передъ тѣмъ перешедшій въ русское подданство и находившійся въ тѣсныхъ связяхъ съ эмиссарами Бурбоновъ, и Балашовъ, министръ полиціи *). Они-то предлагали Сперанскому союзъ для управленія государствомъ въ своихъ видахъ и, получивъ отказъ, «сложили вину своихъ замысловъ на него», какъ осторожно выражается бар. Корфъ. Около того времени мы и встрѣчаемся уже съ порученіемъ Александра одному изъ нихъ (Балашову) учредить тайный надзоръ за Сперанскимъ. Зерно недовѣрія и подозрѣнія уже было брошено въ душу императора. Оно быстро развивалось и воспитывалось дальнѣйшими свѣдѣніями, доставлявшимися Александру. «На помощь этимъ навѣтамъ, можетъ быть, и тому впечатлѣнію, которое оставила въ умѣ государя предшествовавшая имъ *Записка* Карамзина (мы бы прибавили: *собственному измѣнившемуся настроенію императора*), стали появляться подметныя письма, расходившіяся по Петербургу и Москвѣ въ тысячѣ списковъ и обвинявшія Сперанскаго не только въ гласномъ опорочиваніи политической нашей системы, не только въ предсказываніи паденія имперіи, но даже и въ явной измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ агентами Наполеона, въ продажѣ государственныхъ тайнъ и пр. За двумя главными союзниками, положившими основу всему дѣлу, потянулась толпа немалочисленныхъ ихъ клевретовъ. Что сегодня государь слышалъ въ обвиненіе Сперанскаго отъ одного, то завтра пересказывалось ему снова другимъ, будто бы совсѣмъ изъ иного источника, и такое согласіе вѣстей, естественно, должно было поражать Александра: онъ не подозрѣвалъ, что всѣ эти разные вѣстовщики—члены одного и того же союза» **). Два главные заговорщика показывали видъ, что въ ссорѣ, и дѣлали даже другъ на друга доносы ***).

Въ это время правителемъ дѣлъ у Балашова служилъ нѣкій де-Сангленъ, котораго министръ употреблялъ для своихъ дѣлъ, какъ ловкаго и способнаго человѣка, обладавшаго лоскомъ европейской образованности, качествомъ, рѣдкимъ въ полиціи того времени. Ему Балашовъ поручилъ ближе познакомиться съ прибывшимъ въ это время въ Петербургъ французскимъ дворяниномъ Шевалье де-Вернегомъ.

— Это тайный дипломатическій агентъ Людовика XVIII,—сообщилъ де-

*) Эти два имени называютъ въ своихъ мемуарахъ: Нессельроде, Растопчинъ Корниловичъ. Подробности у де-Санглена. Ихъ же называетъ и самъ Сперанскій въ пермскомъ письмѣ (*Пыпинъ*, ор. с., стр. 487).

**) *Корфъ*: „Жизнь гр. Сперанскаго", II, стр. 9—11.

***) *Де-Сангленъ*, I, стр. 20 и др. мѣста.

Санглену Балашовъ,— постарайтесь съ нимъ познакомиться поскорѣе,— чрезъ него мы можемъ многое узнать.

Знакомство состоялось. «Vergnègues сдѣлался вскорѣ у меня человѣкомъ домашнимъ»,—замѣчаетъ де-Сангленъ въ своихъ запискахъ, и ловкій французъ повелъ дѣло такъ, что не Балашовъ черезъ де-Санглена «могъ многое узнать отъ Вернега», а, наоборотъ, де-Сангленъ превратился въ агента де-Вернега и Армфельда, съ которымъ де-Вернегъ свелъ вскорѣ де-Санглена. Его-то намѣтилъ Армфельдъ, по указанію бурбонскаго агента, въ главное орудіе противъ Сперанскаго и указалъ на него Александру, какъ на лучшаго агента для надзора за Сперанскимъ. Въ декабрѣ 1811 года де-Сангленъ былъ втайнѣ призванъ во дворецъ для того, чтобы возложить на него это щекотливое порученіе.

Все это, какъ и дальнѣйшій разсказъ, основываемъ на повѣствованіи де-Санглена, но при этомъ мы относимся къ нему съ большою осторожностью и, сообщая факты, снимаемъ съ нихъ, по возможности, все приданное имъ освѣщеніе. Де-Сангленъ старается себя обѣлить и все свалить на Балашова, частью на Армфельда. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, онъ, де-Сагленъ, не доносилъ на Сперанскаго, а только все узнавалъ отъ Александра, то, спрашивается, зачѣмъ бы было Александру неоднократно тайно призывать его къ себѣ и открывать ему государственныя тайны, ему, незначительному чиновнику и мелкому дворянину? Интересъ, впрочемъ, не столько въ томъ, *кто* донесъ, а *что* было донесено. Съ этой же стороны записки де-Санглена доставляютъ богатый матеріалъ.

Донесеніями одного Балашова императоръ не удовлетворялся, да и Армфельдъ желалъ, повидимому, имѣть своего человѣка въ самомъ центрѣ дѣла.

— *Я рѣшительно никому не вѣрю*,—сказалъ на этомъ свиданіи Александръ де-Санглену,—и поручилъ ему «смотрѣть поближе и за Балашовымъ: что узнаете, скажите мнѣ».

На другой день съ де-Сангленомъ видѣлись Армфельдъ и де-Вернегъ, все по тому же дѣлу.

— Я сообщу вамъ секретъ,—сказалъ при этомъ де-Вернегъ, желая (какъ передаетъ де-Сангленъ) устранить его колебанія.—Намъ предстоитъ большая перемѣна. Россія будетъ спасена и намъ будетъ принадлежать слава, что мы этому способствовали.

Затѣмъ агентъ Бурбоновъ намекнулъ на паденіе Сперанскаго и Наполеона: «1812 годъ будетъ памятнымъ годомъ въ лѣтописяхъ Россіи.»

Къ этому любопытному разсказу де-Сангленъ прибавляетъ отъ себя: «Vergnègues и Армфельдъ работали для Бурбоновъ». Легитимизмъ протягивалъ руку русскому крѣпостничеству, чтобы низвергнуть представителя либеральныхъ идей въ русскомъ правительствѣ.

Въ декабрѣ 1811 года Балашовъ, въ исполненіе даннаго ему порученія надзирать за Сперанскимъ, представилъ Александру донесеніе, несомнѣнно произведшее впечатлѣніе на мнительнаго императора, уже безъ

того заколебавшагося въ своемъ довѣріи къ Сперанскому. Балашовъ посѣтилъ Сперанскаго вечеромъ въ семь часовъ. «Въ передней тускло горѣла сальная свѣча, во второй большой комнатѣ—тоже; отсюда ввели его въ кабинетъ, гдѣ догорали два восковые огарка; огонь въ каминѣ погасалъ. При входѣ въ кабинетъ, почувствовалъ онъ, что *полъ подъ ногами его трясся, какъ будто на пружинахъ, а въ шкафахъ, вмѣсто книгъ, стояли стклянки, наполненныя какими-то веществами*. Сперанскій сидѣлъ въ креслѣ передъ большимъ столомъ, на которомъ лежало нѣсколько старинныхъ книгъ, изъ которыхъ онъ читалъ одну, и, увидя Балашова, немедленно ее закрылъ. Сперанскій, принявъ его ласково, спросилъ: «какъ вздумалось вамъ меня посѣтить?» и просилъ сѣсть на стоящее противъ него кресло, такъ что столъ оставался между ними. Балашовъ взялъ предлогомъ желаніе посовѣтоваться, нельзя ли дать министерству полиціи болѣе пространства. Оно слишкомъ сжато, даже въ нѣкоторой зависимости отъ другихъ министерствъ, такъ что для общей пользы трудно дѣйствовать свободно. Много говорили о полиціи Фуше и, наконецъ, Сперанскій, при вторичной просьбѣ Балашова о расширеніи круга дѣйствій министерства, сказалъ ему: «развѣ современемъ можно будетъ сдѣлать это», прибавя: «вы знаете мнительный характеръ императора. Tout ce quil fait, il le fait à demi». Потомъ, говоря далѣе объ императорѣ, замѣтилъ: «il est trop faible pour régir et trop fort pour être règi» *). Въ этомъ донесеніи инсинуируется чуть ли не чернокнижничество Сперанскаго. Это было, конечно, не умно и едва ли могло произвести впечатлѣніе на Александра, но заключительныя строки доноса, цитирующія отзывы Сперанскаго о самомъ императорѣ, не могли не оскорбить его и не усилить его недовѣрія и даже раздраженія. Сама инсинуація въ занятіяхъ чуть ли не черною магіей могла склонить къ мысли объ иллюминатствѣ и вообще тайномъ обществѣ. Вскорѣ де-Сангленъ снова вызванъ къ императору. Въ это второе свиданіе Александръ спросилъ у де-Санглена:

— Вы франкъ-масонъ или нѣтъ?

— Я въ молодости былъ принятъ въ Ревелѣ; здѣсь, *по приказанію министра*, посѣщаю ложу Астрея.

— Знаю. Эта ложа Бебера. Онъ честный человѣкъ. Братъ Константинъ бываетъ въ ложѣ его. Вамъ извѣстны всѣ петербургскія ложи?

— Кромѣ ложи Астреи, есть ложи Жребцова, Шарьера и Лабзина.

— А Сперанскаго ложу вы забыли?

— Я объ ней, государь, никакого понятія не имѣю.

— Можетъ быть. По мнѣнію Армфельда, эта ложа иллюминатовъ и Балашовъ утверждаетъ, что они лѣтомъ собираются въ саду у Розенкампфа, а зимой у того и другого въ домѣ. Нельзя ли вамъ поступить въ эту ложу?

— Государь, если это въ самомъ дѣлѣ орденъ иллюминатовъ, то оный совершенно различенъ отъ франкъ-масонскаго. Здѣсь каждая ложа доступна каждому франкъ-масону, но надобно быть иллюминату, чтобы поступить въ ихъ собраніе.

— Балашовъ самъ вступилъ въ ложу Жеребцова.

---

*) *Де-Сенгленъ*, I, 24.

— Знаю, государь, отъ самого министра и, удивляюсь, какимъ образомъ министръ полиціи былъ принятъ въ сотрудники и собраты.

Государь засмѣялся.

— Я думаю, не трудно будетъ на почтѣ перехватить переписку иллюминатовъ съ головою ихъ Вейсъ-Гауптомъ? Балашовъ говоритъ, что Сперанскій регентомъ у иллюминатовъ.

— Я сомнѣваюсь, государь, какъ могъ онъ узнать тайну, которая такъ строго соблюдается между иллюминатами *).

Такъ передаетъ этотъ замѣчательный разговоръ де-Сангленъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько справедливо его показаніе о собственной роли въ этомъ извѣтѣ на Сперанскаго, ясно, тѣмъ не менѣе, что и Армфельдъ, и Балашовъ сообщали Александру о принадлежности Сперанскаго къ ордену иллюминатовъ и что Александръ былъ уже расположенъ этому повѣрить. Отпуская на этотъ разъ де-Санглена, императоръ замѣтилъ: «Къ чему было Сперанскому вступать въ связь съ министромъ полиціи? Онъ былъ у меня въ такой довѣренности, до которой Балашову никогда не достигнуть, а, можетъ быть, никому. Одинъ—пошлый интриганъ, какъ я теперь вижу; другой—уменъ, но умъ, какъ интрига, могутъ сдѣлаться вредными». О связяхъ Сперанскаго съ Балашовымъ нашептывалъ Армфельдъ, про котораго, однако, Александръ тутъ же выразился: «Онъ хлопочетъ, прислуживается, чтобъ урвать у меня на приданое побочной дочери».

Такъ заключился 1811 годъ **). Александръ, уже разошедшійся въ мнѣніяхъ и планахъ со Сперанскимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ уже сильно раздраженъ противъ него за его отзывы, переданные Балашовымъ, и склоненъ былъ повѣрить, что Сперанскій, обманывая его довѣріе, добивается осуществленія своихъ плановъ иными, уже анти-правительственными путями, чрезъ тайныя общества, чрезъ секретныя связи съ другими сановниками и т. д. Однако, Александръ еще не обнаруживалъ перемѣны своей въ отношеніяхъ къ Сперанскому и 1 января 1812 года пожаловалъ ему знаки ордена Александра Невскаго. Сперанскій, уже ясно сознававшій разномысліе съ Александромъ, ничего, повидимому, не подозрѣвалъ о другомъ душевномъ процессѣ, совершавшемся въ душѣ Александра, и, попрежнему, съ презрительнымъ равнодушіемъ относился къ клеветѣ и интригѣ, которая развивалась все дальше и развертывалась все смѣлѣе.

Въ началѣ 1812 года (трудно установить дату по имѣющимся въ моемъ распоряженіи документамъ) Балашовъ доложилъ Александру, что жена Н. З. Хитрово, «бывъ у Коленкура на вечерѣ, принесла ему при всѣхъ скамейку, чтобы онъ уложилъ на нее свою больную ногу». Императоръ

---

*) *Де-Сангленъ*, I, 33.

**) Де-Сангленъ не даетъ точной даты своего второго свиданія съ государемъ, но оно было скоро послѣ перваго, которое было въ декабрѣ. Третье же свиданіе было послѣ нѣкотораго промежутка и несомнѣнно относится уже къ 1812 году, что явствуетъ и изъ содержанія бесѣды.

былъ раздосадованъ этою угодливостью въ то время, какъ уже готовились къ войнѣ съ Франціей. «Велѣно имѣть за Хитрово бдительный надзоръ», потому что это можетъ имѣть «связь со Сперанскимъ, ибо Воейковъ, правитель канцеляріи военнаго министра, въ связи съ Магницкимъ» (слова Балашова де-Санглену). Вскорѣ послѣ того де-Сангленъ былъ предувѣдомленъ Армфельдомъ и Вернегомъ, что императоръ пришлетъ за нимъ, причемъ Армфельдъ прибавилъ: «Балашовъ представилъ императору несомнѣнное доказательство вѣроломства Сперанскаго». Между тѣмъ, у Хитрово былъ сдѣланъ обыскъ (самъ онъ высланъ изъ Петербурга). Захваченныя бумаги переданы де-Санглену для разбора. «Какъ я ни рылся, но нигдѣ и тѣни того не было, о чемъ мнѣ Балашовъ объявлялъ»,—отмѣчаетъ де-Сангленъ въ своихъ мемуарахъ. Балашовъ интересовался, есть ли письма Воейкова; нашлись, но, по свидѣтельству де-Санглена, безъ всякаго политическаго значенія. Какая-то карта расположенія русскихъ войскъ, будто бы найденная въ бумагахъ Хитрово (въ числѣ бумагъ, переданныхъ де-Санглену, ея не было), была особо представлена государю Балашовымъ (прочія бумаги де-Сангленомъ) вмѣстѣ съ письмомъ изъ Кіева съ контрактовъ «на имя Сперанскаго, которое его сильно компрометируетъ» (слова Балашова Де-Санглену).

На другой день, въ 6 часовъ пополудни, я былъ призванъ къ государю,—продолжаетъ де-Сангленъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались,—сказалъ императоръ,—сколько происшествій! Кто могъ подумать, что русскій Хитрово могъ сдѣлаться прислужникомъ Коленкура? Хорошъ и Воейковъ! Какъ выпустить изъ рукъ карту съ обозначеніемъ маршрута въ Вильну!

— Я, государь, этой карты не видалъ.

— Она у меня,—сказалъ государь.

— Не выкрадена ли эта карта у Воейкова?—отвѣчаю я.

— Нѣтъ, она прислана къ Магницкому, который передалъ ее Хитрово. Спасибо Балашову, который перехватилъ.

— Государь, я Воейкова не знаю, но удивляюсь, какъ на это рѣшиться.

— Странно, что не только Воейковъ, но и самъ военный министръ (Барклай-де-Толли) утверждаютъ, что на посланной къ Магницкому картѣ никакихъ знаковъ карандашомъ не было *); слѣдовательно, Хитрово чертилъ самъ **), но все же Воейковъ виновенъ.

— Конечно. Хитрово могъ бы ее купить у книгопродавца и чертить по собственной волѣ.

— Вы военнаго министра не знаете? Я хочу васъ съ нимъ сблизить... Онъ человѣкъ честный и отличный генералъ ***).

Я поклонился.

— Вотъ еще новость.

И съ сими словами подалъ мнѣ государь распечатанное письмо. Я прочиталъ надпись: *Его Высокопревосходительству м. г. М. М. Сперанскому. С.-Петербургъ.* Съ

*) Т.-е. что это была просто карта Европейской Россіи и дана она была, стало быть, съ вѣдома и согласія самого Барклая.

**) Хитрово ли, или послѣ него?

***) Во время войны де-Сангленъ былъ назначенъ состоять при Барклаѣ.

боку приписано „со вложеніемъ 80 т. руб. ассигн.“. Пока я разсматривалъ конвертъ, государь смотрѣлъ на меня пристально.

— Что вы такъ разсматриваете?

— Это получено не по почтѣ, печатей казенныхъ нѣтъ.

— Балашовъ мнѣ письмо представилъ, прочтите.

Это письмо было изъ Кіева, съ Контрактовъ, въ которомъ поляки благодарили за всѣ доставленныя имъ выгоды и въ знакъ благодарности просили принять посылаемыя 80 тыс. ассигн.

— Что скажете?

— Судя по конверту, не знаю, могли ли тутъ уложиться 80 тысячъ? Не если могли, представлены ли Вашему Величеству?

Государь ударилъ себя въ лобъ, сказавъ: „Какъ мнѣ это на умъ не пришло? Письмо было уже распечатано“.

— Слѣдовательно, и деньги у него.

— Прекрасно! Я ихъ потребую, а вамъ легко съ Сперанскимъ познакомиться. Вы важную услугу ему оказали.

Я видѣлъ, что не столько относилось ко мнѣ, какъ къ досадѣ на неудачу *).

По порученію Александра, авторъ цитируемыхъ мемуаровъ былъ на другой день у Барклая. «Это все глупости,—сказалъ при этомъ военный министръ,—сердятъ государя, а въ этомъ вашъ Балашовъ—великій мастеръ. Разстаться съ Воейковымъ мнѣ прискорбно будетъ: я къ нему такъ привыкъ». Честный и не посвященный въ дворцовыя интриги генералъ думалъ, что это только глупости, и не зналъ, что погибель Хитрово, Воейкова, Магницкаго,—все это нужно лишь какъ ступени для достиженія болѣе громкаго, историческаго паденія. Открывая измѣну, надо открыть и соучастниковъ. Дѣло съ картою, будто бы найденною у Хитрово и будто бы съ отмѣтками о движеніи арміи, сдѣланными не то имъ, не то Воейковымъ, не то Магницкимъ, по указаніямъ Воейкова, а, быть можетъ, и самимъ Сперанскимъ (прямо еще не названъ), и предназначенною для Коленкура, это дѣло, какъ и дѣло о кіевскомъ конвертѣ, продолжало развиваться. Денегъ Балашовъ, конечно, не представилъ, сославшись, что письмо перехвачено уже распечатанное. Это возбудило Александра противъ него, но, разъ повѣря извѣту, онъ подумалъ только, что Балашовъ деньги присвоилъ **), а это, конечно, не послужило къ оправданію Сперанскаго въ продажности и, притомъ, явнымъ сторонникамъ Наполеона, съ которымъ готовилась война. Де-Сангленъ былъ снова призванъ. Ему дано было 5 тысячъ руб. за оказанныя услуги. «Изъ донесенія гр. Растопчина о толкахъ московскихъ,—говорилъ Александръ,—я вижу, что тамъ ненавидятъ Сперанскаго, полагаютъ, что онъ въ учрежденіяхъ министерствъ и совѣта хитро подкопался подъ самодержавіе... Графъ Марковъ отзывается о немъ дерзко и предсказываетъ ужасную будущность, которую нанесетъ Наполеонъ Россіи. Здѣсь, въ Петербургѣ, Сперанскій пользуется общею ненавистью и вездѣ въ народѣ проявляется желаніе ниспровергнуть его учрежденія. Слѣдовательно, учрежденіе министерствъ есть ошибка». Мнѣніе Але-

*) *Де-Сангленъ*, I, 40—41.

**) *Де-Сангленъ*, I, 46.

ксандра, стало быть, было уже составлено и участь Сперанскаго была почти рѣшена. При этомъ Александръ даже выразился: «Интриганы въ государствѣ такъ же полезны, какъ честные люди, а иногда первые даже полезнѣе послѣднихъ». О своихъ приближенныхъ онъ отзывался: «Хорошо я окруженъ. Козодавлевъ плутуетъ, жена его собираетъ дань. Балашовъ мнѣ 80 тысячъ не даетъ. Я приступаю, онъ утверждаетъ, что пакетъ найденъ безъ денегъ. Все ложь! Графъ Т. твердитъ уроки Армфельда и Вернега, который живетъ съ его женою. Волконскій безпрестанно проситъ взаймы 50 тысячъ на 50 лѣтъ безъ процентовъ. Насилу я съ нимъ сошелся на 15 тыс. безъ возврата. Вотъ все какіе у меня помощники!» *).

И въ это-то время горькая иронія судьбы отнимала у Россіи благороднаго и безкорыстнаго государственнаго человѣка, котораго, и оклеветаннаго, и заподозрѣннаго, Александръ не вдвинулъ въ эту галлерею своихъ сановниковъ! Однако, именно эти сановники и доставляли свѣдѣнія о Сперанскомъ.

Событія развивались. Война надвигалась. Александръ рѣшился еще разъ посовѣтоваться съ Сперанскимъ о дѣлѣ первой государственной важности. Вѣрный своимъ мнѣніямъ, Сперанскій отвѣтилъ совѣтомъ собрать государственную думу, разсчитывая, конечно, этимъ средствомъ сдѣлать войну популярною и превратить ее въ національную. Александръ, настроеніе котораго уже больше не гармонировало со строемъ идей Сперанскаго, остался крайне недоволенъ такимъ совѣтомъ. «Что же я такое?—говорилъ онъ де-Санглену.—Нуль! Изъ этого я вижу, что онъ подкапывался подъ самодержавіе, которое я обязанъ вполнѣ передать наслѣдникамъ моимъ» **). Исторія съ картою получила новую редакцію, будто Барклай-де-Толли отправилъ Воейкова къ государю съ маршрутомъ всей арміи въ Вильну и съ означеніемъ порядка марша каждаго корпуса. Сперанскій зналъ, что императоръ этого ожидалъ, и былъ съ докладомъ у государя, когда объявили о Воейковѣ. Сперанскій выходитъ изъ кабинета и, увидя Воейкова, отвѣчалъ (?): «Вотъ онъ! Пожалуйте»,—сказалъ Сперанскій и пошелъ съ этою бумагой обратно въ кабинетъ» ***).

Къ половинѣ марта раздраженіе Александра противъ Сперанскаго достигло крайняго предѣла. 11 марта 1812 года де-Сангленъ былъ призванъ къ Александру утромъ. «Кончено,—сказалъ государь,—и какъ мнѣ это ни больно, но съ Сперанскимъ разстаться долженъ. Я уже поручилъ это Балашову, но я ему не вѣрю и потому велѣлъ ему взять васъ съ собою. Вы мнѣ разскажете всѣ подробности отправленія». Отправленіе это должно было, однако, состояться еще черезъ шесть дней. Къ 17 марту всѣ распоряженія были сдѣланы, а 15 марта вечеромъ посѣтилъ императора извѣстный физикъ, проф. Дерптскаго университета Парротъ, пользовав-

*) *Де-Сангленъ*, I, 44—46.
**) *Де-Сангленъ*, II, 378.
***) *Де-Сангленъ*, II, 392.

шійся большимъ довѣріемъ Александра. Ему было открыто въ этой вечерней бесѣдѣ готовившееся событіе, скрытое въ глубокой тайнѣ. Честный, далекій отъ дворцовой жизни съ ея волненіями и интригами ученый былъ страшно взволнованъ бесѣдою. Александръ ему сообщилъ объ *измѣнѣ* Сперанскаго и о своемъ намѣреніи *разстрѣлять* государственнаго секретаря. Вернувшись домой и собравшись съ мыслями, Парротъ рѣшился писать императору: «Въ минуту, когда Вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь Вашего сердца объ *измѣнѣ* Сперанскаго, я видѣлъ Васъ въ первомъ пылу страсти и надѣюсь, что теперь Вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ Васъ набрасываетъ на него большую тѣнь, но въ томъ ли Вы расположеніи духа, чтобы взвѣсить справедливость этого обвиненія, а если бы и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то Вамъ ли его судить? Всякая же коммиссія, наскоро для того наряженная, могла бы состоять только изъ его враговъ» *).

Далѣе Парротъ предлагаетъ ограничиться временно удаленіемъ Сперанскаго, назначивъ послѣ войны законный судъ. «Мои сомнѣнія въ дѣйствительной виновности Сперанскаго подкрѣпляются тѣмъ,—прибавляетъ Парротъ,—что въ числѣ второстепенныхъ доносчиковъ на него находится одинъ отъявленный негодяй, уже однажды продавшій *другаго* своего благодѣтеля». Въ заключеніе Парротъ замѣчаетъ: «Отъ находящихъ свой интересъ слѣдить за Вашимъ характеромъ не укрылось, я это знаю, свойственная Вамъ черта подозрительности и ею-то хотятъ на Васъ дѣйствовать. На нее же, вѣроятно, разсчитываютъ и непріятели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими слабою стороной Вашего характера, чтобы овладѣть Вами». Впослѣдствіи Парротъ приписывалъ себѣ заслугу спасенія Сперанскаго отъ смерти (въ письмѣ къ императору Николаю отъ 8 января 1833 г.), но едва ли Александръ имѣлъ когда-либо серьезное намѣреніе казнить Сперанскаго. Слова, сказанныя въ увлеченіи и свидѣтельствовавшія лишь о степени раздраженія Александра противъ государственнаго секретаря, были приняты почтеннымъ физикомъ въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ. Наконецъ, чтобы казнить, надо было судить, а болѣе, нежели сомнительно, чтобы какой бы то ни было судъ могъ осудить Сперанскаго по тѣмъ даннымъ, которыя могли бы представить Балашовъ, Армфельдъ и ихъ достойные сотрудники. Мы выше видѣли, что еще за три дня до бесѣды Александра съ Парротомъ ссылка, а не судъ и казнь, была предназначена для Сперанскаго.

Ссылка въ административномъ порядкѣ, безъ суда и публичнаго обвиненія, всегда оставляетъ вопросъ: «за что былъ наказанъ и заточенъ человѣкъ?» Чему изъ столь разнообразныхъ доносовъ и извѣтовъ повѣрилъ императоръ, рѣшившій участь Сперанскаго? Подозрѣніе въ измѣнѣ руководило этимъ рѣшеніемъ или негодованіе за обличенную будто бы про-

---

*) *Корфъ*, II, 14.

дажность (извѣтъ съ кіевскимъ письмомъ), или намѣреніе покарать приписанные обвиняемому дерзкіе отзывы о правительствѣ и монархѣ, или опасеніе тайныхъ козней и сношеній съ иллюминатами и либералами, или, наконецъ, при неполномъ убѣжденіи въ каждомъ изъ этихъ обвиненій въ частности, подѣйствовало рѣшающимъ образомъ ихъ соединеніе? Завершеніе перваго либеральнаго періода правленія Александра естественно должно было сопровождаться удаленіемъ отъ дѣлъ Сперанскаго, главнаго представителя преобразовательной политики, но это «естественное удаленіе» не объясняетъ и не оправдываетъ жестокой участи, постигшей Сперанскаго. Выше мы собрали весь фактическій матеріалъ, который можетъ дать это объясненіе. Приведемъ еще нѣсколько выводовъ изъ него, сдѣланныхъ современниками и потомками, государственными людьми и учеными историками: «Сперанскій былъ жертвою Балашова и Армфельда,—пишетъ въ своихъ *Запискахъ* гр. Нессельроде,—воспользовавшихся общественнымъ мнѣніемъ, враждебнымъ къ реформамъ, возлагавшимся на Сперанскаго» *). Тогдашнее общественное мнѣніе—это было мнѣніе вельможества, дворянства и чиновничества. Мы видѣли мотивы ихъ вражды къ реформамъ, такъ что основная причина удаленія Сперанскаго указана графомъ Нессельроде совершенно вѣрно, но для объясненія ссылки она недостаточна. Самъ Армфельдъ говорилъ де-Санглену: «Знайте, что Сперанскій, виновенъ онъ или нѣтъ, долженъ быть принесенъ въ жертву. Это необходимо для того, чтобы привязать народъ къ главѣ государства и ради войны, которая должна быть національною» **). Это выходитъ похоже на то, что Армфельдъ навязывалъ императору нѣчто вродѣ извѣстнаго растопчинскаго поступка съ Верещагинымъ. Извѣстно, что, возбудивъ населеніе Москвы своими афишами и окруженный толпою, встревоженною слухами о сдачѣ, гр. Растопчинъ выдалъ ей нѣкоего Верещагина, какъ измѣнника, и пока чернь расправлялась съ мнимымъ предателемъ, благоразумно оставилъ столицу. Александру, конечно, не нужно было скрываться отъ народа, ему преданнаго, и только иностранецъ, лишь вчера перемѣнившій отечество, какъ мѣняютъ службу одного вѣдомства на другое, могъ думать, что нужны какія нибудь искусственныя мѣры для возбужденія русскихъ къ защитѣ Россіи. Война, перенесенная въ предѣлы Россіи, становилась уже по этому одному войною національною. Конечно, русскій императоръ не нуждался въ своемъ Верещагинѣ, въ своемъ сознательно мнимомъ измѣнникѣ, отданномъ на жертву черни. Де-Сангленъ, однако, повѣрилъ Армфельду.

Враждебное настроеніе общества по отношенію къ Сперанскому указывало, по мнѣнію де-Санглена, на него и его принесли въ жертву. «Такимъ образомъ, всѣ актеры, — прибавляетъ де-Санглемъ, — кромѣ царя, который одинъ былъ дѣятеленъ и одинъ съ Армфельдомъ направлялъ таинственно весь ходъ драмы, остались въ дуракахъ. Мы дѣйствовали, какъ теле-

*) *Иконниковъ*, op. c., стр. 129.
**) *Де-Сангленъ*, II, 377.

графы, нити которыхъ были въ рукахъ императора. Изъ чего хлопотали? О томъ, что давно рѣшено было въ умѣ государя». Въ послѣднемъ, повидимому, есть доля истины. Паденіе Сперанскаго, какъ кажется, было предрѣшено сравнительно задолго до катастрофы. Александръ лишь собиралъ данныя: «Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ отечества,—сказалъ долго спустя Александръ въ разговорѣ съ гр. Закревскимъ,—но вина его относилась лично ко мнѣ» *). Такъ колебались современники въ объясненіи катастрофы 17 марта 1812 г. Проф. Романовичъ-Славатинскій даетъ сжатое резюме этихъ разнорѣчивыхъ объясненій и толкованій: «Интрига воспользовалась тѣмъ мрачнымъ состояніемъ духа, въ которомъ находился императоръ Александръ въ началѣ 1812 года, когда уже близилась война съ Наполеономъ. Дѣло интриги повели гр. Армфельдъ и министръ полиціи Балашовъ. Сперанскаго прямо обвинили въ измѣнѣ. Государь хорошо зналъ неосновательность этого обвиненія, но, все-таки, пожертвовалъ своимъ благороднѣйшимъ слугой. Въ лицѣ его онъ хотѣлъ покарать иллюзіи своей молодости» **). Что главная причина паденія заключалась въ направленіи Сперанскаго, думали и нѣкоторые изъ современниковъ. Въ *Запискахъ* Корниловича читаемъ: «Сперанскій былъ сосланъ по наущеніямъ шведа Армфельда и министра полиціи Балашова, за представленные императору проекты объ отдѣленіи судной власти отъ правительственной и о постепенномъ введеніи представительнаго правленія» ***).

Но если у Сперанскаго не было сильныхъ друзей, то были все же единомышленники въ русскомъ обществѣ, всѣ эти дѣятели первой половины правленія Александра. Сами враги Сперанскаго, какъ свидѣтельствуетъ де-Сангленъ, опасались, что Сперанскій можетъ быть энергично поддержанъ либеральными вельможами и сановниками, въ особенности гр. Кочубеемъ и гр. Мордвиновымъ. Друзья Сперанскаго разсчитывали еще на гр. Шувалова. Послѣдній дѣйствительно высказывался въ пользу Сперанскаго, но его голосъ не имѣлъ большаго значенія. Кочубей, самъ выдвинувшій Сперанскаго и высоко цѣнившій его, поддался въ это время вліянію сплетенъ и великосвѣтскихъ клеветъ. Не довѣряя, конечно, толкамъ объ измѣнѣ, онъ заколебался въ вопросѣ о корыстности и интересовался состояніемъ Сперанскаго. Это временное колебаніе, скоро прошедшее, заставило, однако, Кочубея воздержаться отъ всякихъ шаговъ въ пользу Сперанскаго, съ которымъ вскорѣ, еще опальнымъ, онъ возобновилъ дружескія сношенія и переписку. Заступничество Кочубея, однако, едва ли принесло бы пользу Сперанскому, какъ не принесъ ему пользы Мордвиновъ, въ то время болѣе вліятельный, нежели Кочубей. Не будучи въ состояніи спасти Сперанскаго, Мордвиновъ, этотъ рыцарь чести и пуристъ благородства, подалъ въ отставку ****). Не получая формальнаго увольненія,

*) *Иконниковъ*, ор. с., стр. 131.
**) *Романовичъ-Славатинскій. От. Зап.* 1873 г., т. IV, стр. 191.
***) *Русск. Старина* 1876 г., т. V, стр. 76.
****) *Иконниковъ*, ор. с.

Мордвиновъ, все-таки, оставилъ Петербургъ немедленно послѣ высылки Сперанскаго и не стѣснялся громко защищать послѣдняго.

Между тѣмъ, Сперанскій ничего не подозрѣвалъ и продолжалъ спокойно работать въ тиши своего кабинета и вести свой обычный уединенный образъ жизни, посѣщая немногихъ близкихъ знакомыхъ. 17 марта 1812 года, въ воскресенье, онъ обѣдалъ у пріятельницы своей покойной жены, г-жи Вейкардтъ. Сюда явился фельдъегерь съ приказаніемъ явиться къ государю въ тотъ же вечеръ, въ 8 часовъ. «Приглашеніе это, которому подобныя бывали очень часто, не представляло ничего необыкновеннаго,—замѣчаетъ баронъ Корфъ,—и Сперанскій, заѣхавъ домой за дѣлами, явился во дворецъ въ назначенное время. Въ секретарской ожидалъ пріѣхавшій также съ докладомъ князь А. Н. Голицынъ, но государственный секретарь былъ позванъ раньше». Александръ объявилъ Сперанскому объ ожидавшей его участи: *удаленіе отъ дѣлъ и ссылка подъ надзоръ полиціи въ Нижній-Новгородъ.* Но какая причина этого жестокаго рѣшенія? Ни объ измѣнѣ, ни о продажности Александръ ничего не сказалъ Сперанскому. Здѣсь, лицомъ къ лицу съ своимъ сотрудникомъ столькихъ лѣтъ, императоръ не произнесъ обвиненія, еще за день лишь сообщеннаго Парроту. Его ли, Сперанскаго, обвинять въ продажности и корыстныхъ видахъ, его, который не воспользовался своею близостью императору и его расположеніемъ и ничего для себя не исходатайствовалъ, ни арендъ, ни земель, ни капиталовъ, какъ то было тогда въ обычаѣ? Его ли, Сперанскаго, обвинять въ франкофильствѣ и пожертвованіи русскими интересами, когда исключительно благодаря его инициативѣ и энергіи былъ созданъ таможенный тарифъ 1810 года, столь сильно повредившій французской торговлѣ и промышленности и открывшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, первую серьезную брешь въ континентальной системѣ, этомъ любимомъ дѣтищѣ Наполеона? Ему ли, наконецъ, предъявлять объвиненіе въ измѣнѣ въ интересахъ Франціи и Наполеона, когда именно черезъ него въ теченіе столькихъ лѣтъ Александръ направлялъ свою неоффиціальнную политику, не довѣрявшую оффиціальной французской дружбѣ? Личность Сперанскаго, представшая Александру въ этотъ вечеръ во всемъ его скромномъ, нравственномъ величіи, однимъ своимъ появленіемъ отстранила всѣ эти обвиненія... Что же оставалось? «Я не знаю въ точности,—пишетъ въ своемъ пермскомъ письмѣ Сперанскій, — въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, которыя, при отлученіи меня, Ваше Величество сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство, 2) привести налогами въ ненависть правительство и 3) отзывы о правительствѣ». Первые два пункта имѣютъ очевидную связь съ записками Карамзина, Чичагова и Розенкампфа, а послѣдній съ вышеприведеннымъ доносомъ Балашова. Покуда продолжалась эта послѣдняя аудіенція, князь Голицынъ и генералъ-адъютантъ графъ Павелъ Кутузовъ ожидали въ секретарской. Наконецъ, вышелъ Сперанскій. Онъ былъ «почти въ безпамятствѣ, вмѣсто бумагъ сталъ укла-

дывать въ портфель свою шляпу и, наконецъ, упалъ на стулъ, такъ что Кутузовъ побѣжалъ за водою. Спустя нѣсколько секундъ дверь изъ государева кабинета отворилась и Александръ показался на порогѣ, видимо, разстроенный: «еще разъ прощайте, Михаилъ Михаиловичъ»,—проговорилъ онъ и потомъ скрылся» *).

Сперанскій отправился домой, гдѣ его съ полиціей ждали Балашовъ и де-Сангленъ, уже успѣвшіе выпроводить Магницкаго и нынѣ съ тревогою ожидавшіе Сперанскаго, слишкомъ замѣшкавшагося у государя. По собственному сознанію де-Санглена, и ему, и Балашову приходило въ голову: «Ну, если *онъ* оправдается и, вмѣсто Сперанскаго, отправлены будутъ они, Балашовъ и де-Сангленъ?» «Признаюсь,—говорилъ Балашовъ,—эта мысль тревожила и меня. Чего добраго? Ни на что полагаться нельзя». Наконецъ, въѣхала карета. Это былъ Сперанскій, у заговорщиковъ отлегло отъ сердца. Засимъ все послѣдовало, какъ принято. Бумаги были собраны и заперты въ кабинетѣ, который были запечатанъ де-Сангленомъ. Нѣкоторыя, отобранныя Сперанскимъ и запечатанныя имъ въ конвертъ, вручены Балашову для передачи въ собственныя руки императору. Сперанскій не захотѣлъ тревожить спавшую дочь и, сдѣлавъ распоряженіе о слѣдованіи семейства за нимъ (то-есть тещи и дочери), простился съ прислугою. Съ частнымъ приставомъ Шипулинскимъ его помчали въ ссылку, черезъ Москву, въ Нижній-Новгородъ. Такъ совершилось это историческое событіе и такъ завершился первый періодъ правленія Александра I, періодъ либеральныхъ начинаній и преобразовательныхъ плановъ.

С. Южаковъ.

---

*) *Корфъ*, II, 15.

ВЪ ЖИЛОМЪ МУЗЕѢ *).

(Воспоминанія о поѣздкахъ въ Толедо).

1885—1886 гг.

III.

Первыя впечатлѣнія въ Толедо.—Крѣпость, тюрьма или городъ.—Толедскія патіо.—Въ гостяхъ у поэта.—Толедскіе художники.—Гостиница въ инквизиціонной тюрьмѣ. — Почему мавры калифата называли Толедо „Золотымъ копытомъ"?

Насколько мрачны улицы и наружные фасады домовъ въ Толедо, настолько свѣтлы и изящны ихъ patio. Вы уже знаете, что въ испанскихъ и, главнымъ образомъ, андалузскихъ домахъ patio называются внутренніе дворики. Я даже былъ пораженъ на первыхъ порахъ. Черная разбойничья улица, угрюмый фасадъ стараго, слѣпаго снаружи дома. Вверху только коегдѣ два-три окна, да и тѣ похожи на бойницы. Какой-то выступъ вродѣ башенки. Отлично оттуда обстрѣливать эту щель вдоль... Я бы хотѣлъ сказать «поперекъ», но «поперека» въ такихъ трещинахъ не полагается. Это именно и было жилье поэта, археолога и знатока толедскихъ былинъ и легендъ, Гомеса, къ которому мнѣ дали письмо изъ Мадрида. Я остановился передъ воротами, которыя сдѣлали бы честь любой крѣпости. Точно броня современнаго фрегата. Сверхъ этого, въ нихъ были вбиты полуапельсины (medio-narunja) и раковины, именно такія, какія изображаются на плащѣ с. Яго Компостельскаго... И полуапельсины, и раковины—изъ желѣза, и, притомъ, такой старины, что у собирателей коллекцій, что называется, разгораются на нихъ глаза. Я сначала искалъ звонка, но его не оказалось. Прохожій, мрачно завернувшійся въ капу и, въ качествѣ истаго толеданца, надвинувшій сомбреро на носъ, такъ, что отъ всего образа и подобія Божьяго только одинъ этотъ носъ и было видѣнъ, ощутилъ состраданіе и подошелъ ко мнѣ.

— Чего вы ищете, сеньоръ-кавальеро?

— Звонка.

— У насъ нѣтъ звонковъ. Вонъ ударьте этою ручкой.

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

Въ воротахъ сверху висѣлъ молотокъ, въ видѣ какого-то геральдическаго звѣря, съ оскаленными зубами и крокодильими лапами.

— Позвольте я за васъ...

И «сеньоръ-кавальеро» началъ изо всей силы стучать имъ о желѣзную доску, оказавшуюся подъ геральдическимъ звѣремъ. Громоподобный трескъ раздался съ одного конца всей этой щели до другаго. Очевидно, «кавалеру» эта музыка доставляла большое удовольствіе, онъ вошелъ въ ражъ и застучалъ съ неистовствомъ, съ увлеченіемъ; онъ продолжалъ даже стучать тогда, когда одна изъ бойницъ подъ крышей отворилась снизу вверхъ и оттуда выглянулъ растрепанный старикъ.

— Сеньоръ, сеньоръ! Насъ уже услышали!...—останавливалъ я напрасно кавалера. Наконецъ, я долженъ былъ дотронуться до его плеча. Онъ точно проснулся.

— Благодарю васъ... Насъ услышали, сейчасъ отворятъ ворота. Благодарю васъ.

— Не за что. Это такъ пріятно, знаете.

Но моя увѣренность въ томъ, что сейчасъ отворятъ ворота, оказалась нѣсколько преждевременной. Голова старика вверху замѣнилась головою старухи, столь же растрепанной. Я разсмотрѣлъ только, что ея острый носъ хочетъ во что бы то ни стало клюнуть такой же острый подбородокъ.

— Что нужно сеньору?—визгливо крикнула она сверху.

Я хотѣлъ было отвѣтить, но остановился въ недоумѣніи. Гдѣ я видѣлъ эту пасть, это хищное лицо?

— Что нужно сеньору?—еще настоятельнѣе и грознѣе потребовала она отъ меня «страшнаго» отвѣта.

— Ба!... Разумѣется. Вотъ она, эта старуха. Ее сдѣлали по образцу молотка, висящаго на воротахъ. Тотъ же оскалъ, та же хищная рожа и, вѣроятно, такія же крокодильи лапы.

— Вѣдь, вы же стучали?—уже съ отчаяніемъ надсаждалась она въ небесахъ.—Вѣдь, это вы стучали?

— Простите, сеньора!...—наконецъ, опомнился я.—Стучалъ я дѣйствительно. Не здѣсь ли живетъ сеньоръ Эмиліо Гомесъ?

— Гомесъ? Это мой сынъ. А вамъ какое дѣло до Гомеса?

«Крѣпко живутъ толедскіе поэты!»—сообразилъ я.

— У меня письмо къ нему.

— Отъ кого?

Богопротивная старуха, очевидно, готовилась учинить мнѣ допросъ по всей формѣ. Понявъ, что для нея «поэты» не имѣютъ никакого значенія, вмѣсто всякихъ объясненій, отвѣтилъ кратко и выразительно:

— Отъ его превосходительства министра Нуньеса де-Арсе.

Я думаю, поэтъ Нуньесъ де-Арсе самъ забылъ, что онъ былъ министромъ, тѣмъ не менѣе, онъ былъ имъ когда-то, хотя и не долго, что мнѣ и дало право именно такъ его назвать. Старуха была поражена.

— Письмо отъ министра?—заорала она на всю улицу, желая, чтобы всѣ сосѣдки ее слышали.

— Да, вотъ оно, это письмо!

— Отъ его превосходительства, министра, къ моему сыну, Эмилію Гомесу?—безпощадно ставила она точки на і.

Благодаря моей находчивости, черезъ нѣсколько минутъ за крѣпостными воротами этого дома послышался какой-то грохотъ. Грохотъ перешелъ въ гулъ, прокатившійся по самымъ воротамъ, замо̀къ въ нихъ отворился съ шумомъ, подобнымъ выстрѣлу, потомъ неистово завизжалъ отодвигаемый засовъ... Въ воротахъ была калитка. Но отворить ее человѣку, снабженному письмомъ отъ министра, болѣе чѣмъ странно, и посему я простоялъ еще двѣ-три минуты лишнихъ, пока челюсть адова не разверзлась передо мною. Въ ней мнѣ показалось что-то невообразимо темное, мрачное, какая-то пещера, что ли. Справа стоялъ растрепанный старикъ, слѣва—растрепанная старуха; оба они кланялись столь торжественно, что, будь я гордъ, я бы вообразилъ себя, по меньшей мѣрѣ, министерскимъ курьеромъ, являющимся съ приказомъ о награжденіи Эмилія Гомеса Станиславомъ III-й степени за благонамѣренное направленіе его литературной дѣятельности.

Пещера оказалась промежуткомъ между этими воротами и такими же внутри. Пространство между ними выстлано острыми каменьями. По обычаю (испанская формула вѣжливости), старикъ сообщилъ мнѣ, что этотъ домъ принадлежитъ мнѣ, что онъ самъ и его жена находятся въ моемъ полномъ распоряженіи. Я пришелъ бы въ ужасъ отъ послѣдняго, если бы не зналъ, что это только слова.

Вторыя ворота отворились столь же торжественно. И... но позвольте...

Случалось ли вамъ видѣть какой-нибудь скверный сонъ: адъ, бездну, море тумана, вы летите въ какой-то мракъ... и вдругъ просыпаетесь и голубое утро смѣется вамъ въ открытое окно, и солнце ласково свѣтитъ въ вашу комнату, и какая-то пичужка, уцѣпившись за вѣтку сирени въ саду, заливается во все свое маленькое горлышко такою пѣсенкой, что у васъ сразу становится необыкновенно ясно и свѣтло на душѣ? То же случилось и со мною, когда раскрылись вторыя ворота этого «сеазама».

Солнце, цвѣты и зелень... Я даже зажмурился. Вмѣсто тюрьмы, какую я ожидалъ видѣть, судя по наружному фасаду, или, по крайней мѣрѣ, вмѣсто каземата крѣпости — нѣчто феерическое, яркое, свѣтлое, улыбающееся. Говоръ воды,—оказалось, посреди выстланнаго шашками чернымъ и бѣлымъ мраморомъ двора бьетъ прелестный фонтанъ. Кругомъ розы, лиліи, магноліи, олеандры, жасмины, гарденіи. Въ patio тройнымъ рядомъ мавританскихъ аркадъ выходятъ три этажа дома. Бѣлыя мраморныя колонны, бѣлые мраморные своды... Изъ этого патіо не хотѣлось никуда. Тонкій ароматъ цвѣтовъ наполнялъ воздухъ... Эмиліо Гомесъ засталъ меня совершенно восхищеннымъ. Еще бы! я былъ въ положеніи сказочнаго царе-

вича, въ горбатой, хромой и беззубой старухѣ нашедшаго прелестную дѣвушку. Только для моего случая не надо было пускать въ ходъ никакихъ чаръ и заклинаній. Оказалось достаточно нѣсколькихъ строкъ отъ эксъ-министра.

— Неужели у васъ много такихъ дворцовъ?—спросилъ я у молодаго поэта.

— О, мой еще одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ,—скромно улыбался онъ.

Потомъ я убѣдился, что Толедо на всѣхъ этихъ узкихъ и мрачныхъ улицахъ обманываетъ путника угрюмыми фасадами своихъ домовъ. Войдите внутрь и, вмѣсто каземата, вы встрѣтите маленькій рай. А самыя улицы! Я могу сравнить ихъ только съ ложами высохшихъ горныхъ потоковъ. Это болѣе чѣмъ вѣрно. Но мученіе ходить по нимъ всегда вознаграждается удовольствіемъ попасть въ одинъ изъ такихъ двориковъ и отдохнуть тамъ подъ мечтательный говоръ воды, въ прохладѣ и задумчивой тѣни мраморныхъ арокъ. Даже madame Гомесъ здѣсь не показалась мнѣ такою вѣдьмой, хотя и ея сынъ отзывался о ней:

— Знаете, мама производитъ всегда довольно непріятное впечатлѣніе, но это на первыхъ порахъ. Потомъ вы убѣдитесь, что она добрая женщина.

Я, впрочемъ, убѣдился въ этомъ тотчасъ же, когда увидалъ, съ какою гордостью она любуется своимъ сыномъ, какъ ревниво относится ко всему, что̀ онъ написалъ. Надо было слышать ея голосъ, когда она говорила о немъ, когда читала наизусть его стихи. Но, увы, конецъ испортилъ все дѣло. Только что я было разсантиментальничался на тему о материнской любви, какъ она вдругъ поразила меня истинно-материнскою глупостью:

— Знаете, Сервантесъ, *говорятъ*, хорошо писалъ и этотъ, какъ его, французъ?... Ахъ, да, Александръ Дюма, тоже, но мой сынъ лучше ихъ всѣхъ, и даже я не сравню съ нимъ проповѣди нашего капеллана фра-Мигуэля... Вы его слышали уже?

Эта путаница авторитетовъ такъ ошеломила меня, что я совершенно растерялся. Правду сказать, и я, и ея сынъ почувствовали себя свободнѣе, когда она ушла.

Благодаря Эмилію Гомесу, оказавшемуся очень милымъ малымъ, я познакомился съ фалангою молодыхъ толедскихъ живописцевъ. Суровая и зловѣщая наружность этого города не совсѣмъ мирится съ условіями, необходимыми для художественнаго творчества. Но въ этомъ отношеніи вся Кастилія одинакова, а, между тѣмъ, за послѣднее время ни одна страна въ мірѣ не поражаетъ такимъ обиліемъ молодыхъ силъ въ искусствѣ, какъ она. Большіе таланты и большія идеи—вотъ ихъ характеристика. Видимо, здѣшнихъ художниковъ волнуютъ глубокія мысли, которыми живетъ человѣчество, захватываютъ его гуманитарныя стремленія. Каждый изъ нихъ является не только поклонникомъ красоты въ природѣ, но и добра въ человѣчествѣ. Мстительная кисть испанскаго живописца, задавшагося цѣлью написать страничку изъ мрачнаго прошлаго своей страны, преображается

въ пламенный мечъ, безпощадно разящій католическій деспотизмъ и насилія аскетизма. Посмотрите, напримѣръ, картину толедскаго живописца, обращавшую на себя такое вниманіе впослѣдствіи въ залахъ парижской выставки,—на этого блѣднаго Филиппа II, угрюмая фигура котораго до сихъ поръ и изъ-за гроба заститъ Испаніи выходы къ свѣту. Вечеръ. Сумракъ мрачною синевой легъ на холодныя окрестности Эскоріала. Въ немъ чувствуется ледяное и мертвящее дыханіе Гвадарамы. Въ скалѣ выбито сѣдалище — знаменитое «la Silla de Felipre II». Зловѣщій, какъ эта наступающая ночь, Филиппъ II тамъ уже. У него въ рукахъ приговоръ; судьи около. Почтительное молчаніе кругомъ. Внизу дрожатъ отъ стужи носильщики королевскихъ креселъ. Туманъ густѣетъ, холодно. Холодно всѣмъ, только не этому блѣдному призраку. У него въ душѣ еще бо̀льшій холодъ, и горе тому, чье имя значится на роковомъ пергаментѣ. Король не умѣлъ прощать и, во всякомъ случаѣ, не среди дикой и суровой окрестности Эскоріала могла придти въ голову и запасть въ сердце трогательная мысль о помилованіи. Если для подобныхъ картинъ улицы и темничные фасады Толедо могли дать настроеніе и краски, то что могло вдохновить Хименеса Аранда написать здѣсь своего Христа?... И онъ написалъ Его именно тутъ и даже болѣе—въ самомъ дворцѣ, гдѣ когда-то помѣщался страшный трибуналъ инквизиціи. «Христосъ» Аранды великолѣпенъ. Облака и туманъ заволокли Голгоѳу—въ одномъ только мѣстѣ прорвались они—и въ этомъ просвѣтѣ—Распятый. Ничего кругомъ. Точно крестъ остановился среди безконечности и хаоса...

Я сказалъ, что Хименесъ Аранда писалъ своего Христа въ бывшемъ дворцѣ инквизиціи. Странная судьба постигла этотъ дворецъ! Я никакъ не ожидалъ, подходя сюда, что за этимъ сумрачнымъ фасадомъ, за этими камнями, отъ которыхъ до сихъ поръ, кажется, пахнетъ кровью, гдѣ сквозь трещины должны сочиться слезы безчисленныхъ замученныхъ жертвъ, теперь не тюрьма... «Posada de la Hermandad»... Трактиръ св. Братства,—не великолѣпно ли это? Громадныя крѣпостныя ворота его заключены между двумя колоннами коринѳскаго стиля. Колоссальная готическая арка надъ ними и въ ней, единственное на весь домъ снаружи, чудовищное и зловѣщее окно, закованное въ толстѣйшую желѣзную рѣшотку. Кругомъ щиты съ гербами. Надо сказать правду, св. Германдада сначала не была тѣмъ отвратительнымъ учрежденіемъ, въ какой выработалась она впослѣдствіи; Фердинандъ Католическій создалъ ее для освобожденія испанскихъ дорогъ отъ разбойничества. И здѣсь, на пустынной Толедской улицѣ, за желѣзными засовами, сидѣли сначала просто «рыцари ножа и петли». Потомъ «Германдада» оставила въ покоѣ разбойниковъ, даже больше — вступила съ ними въ тѣснѣйшій союзъ и сама усвоила ихъ пріемы. За это она сразу стала «святою» и уже боролась противъ свободы человѣческой мысли, преслѣдуя все выдающееся въ своей странѣ... Не знаю, какъ другіе, а я бы предпочелъ переночевать на улицѣ, но ни за что не остановился бы въ этой гостиницѣ «св. Братства». Все время до утра мнѣ бы снились узни-

ки инквизиціоннаго трибунала, красные, замаскированные палачи, черные длиннополые судьи и орудія невѣроятныхъ пытокъ... Я видѣлъ на пути изъ Перми въ Екатеринбургъ арестантскую партію: это было еще въ то время, когда желѣзная дорога только строилась. Несчастные остановились на привалъ и слѣдовавшая за мужемъ-каторжникомъ жена подала ему ребенка. Дитя весело, заливаясь хохотомъ, стало играть кандалами отца... Представьте себѣ веселую пирушку здѣсь, въ этой «Posada de la Hermandad». Не то же ли было бы самое? А эти суровыя лица инквизиторовъ, на которыхъ ни одинъ заключенный не могъ прочитать для себя надежды! Посмотрите на бурбарановскихъ монаховъ; онъ обезсмертилъ ихъ фанатически горящіе глаза, судорогу безкровныхъ губъ, желтизну впалыхъ щекъ. О, эти не знали пощады! Они дѣйствовали именемъ Бога,—а развѣ Богъ ошибается? Самозванные толкователи Его, они самое небо дѣлали сообщникомъ своихъ преступленій. Въ дряхлой, оставленной церкви Толедо, подъ старинными истершимися плитами, лежатъ эти церемоніймейстеры аутодафе... Я навѣстилъ ихъ. Даже именъ нельзя было разобрать на камняхъ. Исторія и народъ были, такимъ образомъ, великодушны: первая ихъ забыла, второй стеръ ихъ ногами. А, между прочимъ, гг. толедскіе инквизиторы отличались даже остроуміемъ. Жидовъ они, напримѣръ, зашивали въ свиную шкуру и бросали въ Тахо, мавровъ сжигали на кострѣ привязанными къ тѣмъ же животнымъ, оболочка которыхъ служила послѣднимъ пристанищемъ для несчастнаго Израиля. Что̀ можетъ быть ужаснѣе этой мерзости?

Мнѣ хотѣлось отдохнуть отъ мрачнаго зрѣлища черныхъ улицъ и угрюмыхъ снаружи дворцовъ. А тутъ еще зловѣщій фасадъ св. Братства встрѣтился по пути! Наканунѣ мнѣ привелось прочесть *Подлинное описаніе праздника, устроеннаго въ Толедо великимъ инквизиторомъ Пересомъ Альтамура*. Невѣдомый, но чрезвычайно добросовѣстный авторъ, подробно перечисливъ всѣхъ сорокъ шесть еретиковъ, которые были торжественно сожжены на Зокодаверѣ во время этого пира, разсказалъ біографію ихъ, причемъ самымъ виновнымъ оказался именно Альваресъ Лазарихо, усомнившійся въ томъ, чтобы пророкъ Іона могъ три дня и три ночи провести съ полнымъ комфортомъ во чревѣ китовѣ. Его бы побичевали и, пожалуй, выпустили, потому что онъ раскаялся и, притомъ, прошлое его не внушало къ нему недовѣрія, но бѣдняга привыкъ выпить, и съ радости, что дѣло его принимаетъ хорошій оборотъ, вмѣстѣ съ своимъ сторожемъ опорожнилъ бутылочку-двѣ какого-то предательскаго вина. Оно развязало языки обоимъ. Стали говорить о Ветхомъ Завѣтѣ и Библіи. На свое горе, Альваресъ Лазарихо начитался ея и усомнился въ святости Лота. Тюремщикъ, принадлежавшій къ какому-то монашескому ордену, взбѣсился... На другой день Альваресъ Лазарихо уже корчился въ камерѣ пытокъ, а черезъ двѣ недѣли его вели на аутодафе, какъ нераскаяннаго «еретика и богохульца».

Отыскивая мѣста, гдѣ бы прошлое не выдвигало такихъ ужасныхъ воспоминаній, я выбрался на какую-то площадь съ башней. Дверь въ нее

была отворена. За дверью въ сумракѣ намѣчивались довольно смутно ступени лѣстницы. Я крикнулъ,—никто мнѣ не отозвался. Оставалось заключить одно: башня пуста, оставлена и ходи по ней всякій, кому угодно. Такъ я и сдѣлалъ. Лѣстница шла спиралью,—я взбирался, взбирался. Кое-гдѣ пообвалились ступени, въ другихъ мѣстахъ онѣ стерлись. Изрѣдка сумракъ озарялся изъ узкихъ бойницъ, въ которыя виднѣлись уже внизу тѣ же мрачныя улицы, тѣ же строгіе силуэты средневѣковыхъ домовъ. Черезъ нѣсколько минутъ предо мною оказался выходъ на кровлю башни. Съ ея зубцовъ при моемъ появленіи сорвался какой-то ястребъ и въ углу что-то подозрительно зашуршало въ кучѣ щебня и мусора. Я подошелъ къ краю... Что за картина раскидывалась кругомъ!... Небо синее, синее, такое, какимъ я его видѣлъ впослѣдствіи въ Африкѣ, и подъ нимъ стройный силуэтъ этого готскаго «гордаго города на горѣ», «матери испанскихъ городовъ», «благороднѣйшаго, законнѣйшаго, императорскаго», какъ значится въ его гербѣ *). Онъ весь на плоскости утеса, который внизу подковою огибаетъ Тахо... Только глядя отсюда на эту подкову красивой рѣки, я понялъ, почему арабскіе поэты называли Толедо «Золотымъ копытомъ».

Но если бы я зналъ, что̀ ждетъ меня, едва ли я увлекся бы восточными сравненіями Бенъ-Омара. Вспомнивъ, что я обѣщалъ Гомесу идти вмѣстѣ съ нимъ на оружейную фабрику и что мнѣ остается только нѣсколько минутъ на то, чтобы добраться до него, я поспѣшно спустился съ башни и попалъ въ какой-то мракъ. Ощупью ищу дверь, всюду сплошная стѣна. Спотыкаюсь, встаю, опять продолжаю поиски... Наконецъ, рука нащупала желѣзо—ворота... Толкаюсь—они заперты... Стучу и чувствую, что стука моего по этой толщѣ никто не услышитъ. Нагибаюсь найти камень, чтобы имъ заколотить въ эту западню—камня нѣтъ... Кричу опять. Гдѣ-то—не то вверху, не то глубоко внизу—какое-то глухое отзвучіе... И опять тишина. Что мнѣ оставалось дѣлать?

Взойти на башню и заорать оттуда?

Немного смѣшно, но, вѣдь, не оставаться же здѣсь въ этомъ мракѣ? И я опять поспѣшно полѣзъ по полуразрушившейся лѣстницѣ.

IV.

На башнѣ.— Странички изъ прошлаго. — Гарсіа де ла Вега.—Толедскіе художники. — Визиготы. — Романтическія были. — Почему окрестности Толедо безплодны.

Надо признаться, положеніе мое было не изъ пріятныхъ. Средневѣковая, какое средневѣковая,— *готская* площадь. Старѣе тѣхъ домовъ, которые выдвинули на нее свои мрачные фасады, я и не видалъ. Въ ихъ рѣдкихъ окнахъ красовались такія рѣшотки, точно за ними берегли величайшихъ злодѣевъ. Пустыня совершенная. Когда я направился сюда, то на улицѣ я не видѣлъ ни одного прохожаго. Теперь сверху, съ башни, я встрѣчалъ

*) Muy noble, muy bale imperial ciudad de Toledo.

только черные дома, черныя щели улицъ между ними и темно-голубое небо вверху, казалось, съ сожалѣніемъ смотрѣвшее на этотъ безлюдный городъ. Тишина ненарушимая.

Слава Богу, на площади показывается кто-то,—идетъ благополучный падре. Я закричалъ. Патеръ остановился въ остолбенѣніи. Неужели разверзлась твердь и ему, скромному служителю церкви, явится во всей славѣ одинъ изъ ея небожителей?... Я трепеталъ, какъ бы онъ не испугался и не юркнулъ назадъ въ темную щель, откуда, какъ черный тараканъ, онъ выползъ на эту площадь. Нѣтъ, слава Богу. Остолбенѣніе проходитъ, онъ озирается... Такъ задираетъ голову, что солнце ему прямо въ глаза бьетъ, жмурится. Я кричу опять... О, счастье! Онъ меня видитъ и почему-то обѣ руки подымаетъ кверху; я тоже простираю къ нему свои.

— Кто вы?—слышится мнѣ, наконецъ, жирный басокъ новаго донъ-Базиліо.

— Путешественникъ!

— Но какъ вы попали сюда?

— Двери внизу были отворены, я и влѣзъ.

— Но развѣ во всякую отворенную дверь можно входить?... Врата геенны отверсты каждому,—что же, вы и въ нихъ отправитесь? Вы знаете, пути грѣховные такъ легки и удобны, но...

Нравоученіе было прекрасно, хотя немного неумѣстно. Тѣмъ не менѣе, надо было покорно слушать.

Патеръ, наконецъ, успокоился, подошелъ къ воротамъ стараго дома и неистово застучалъ молоткомъ. Я съ радостно бьющимся сердцемъ слышалъ, какъ они отворились и какъ изъ-за нихъ показалась на улицу какая-то разбойничья харя. Священникъ заговорилъ съ нею, указывая на меня. Право, я думаю, что въ эту минуту было бы довольно неблагородно смѣяться надо мною, хотя я и походилъ на ворону. Но эти господа смѣялись. Очевидно, зрѣлище было таково, что даже кастильская вѣжливость не выдержала испытанія. Особенно хохотала разбойничья рожа. Скоро въ воротахъ показались еще трое праздныхъ джентльменовъ, не безъ удовольствія смотрѣвшихъ на меня. Когда, наконецъ, дверь въ башню была отворена внизу, меня ждало человѣкъ двадцать... Точно рыба на наживку собралась.

— Вотъ что значитъ иностранцу бродить по городу безъ гида!—нравоучительно проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— А вы, вѣрно, гидъ?

— Къ услугамъ вашей милости!

Казавшееся мнѣ сверху разбойничьимъ, лицо обладателя ключа внизу представилось мнѣ, напротивъ, очень милымъ и любезнымъ. Когда я извинялся, владѣлецъ башни очень искренно засмѣялся и предложилъ мнѣ посмотрѣть его домъ, гдѣ всякихъ остатковъ старины собрано довольно много. Я отрекомендовался, онъ тоже. «Гарсіа де ла Вега»—эта фамилія не была мнѣ незнакома.

— Не съ авторомъ ли *Исторіи Толедо* я имѣю честь видѣться?

Онъ покраснѣлъ, но, разумѣется, ему было пріятно, что его знаютъ и внѣ массивныхъ стѣнъ его роднаго города. Патеръ, очевидно, былъ одержимъ страстью къ нравоученіямъ, потому что онъ сейчасъ же произнесъ, похлопывая меня по плечу:

— Вотъ видите, стезя человѣческая нежданно приводитъ и грѣшника ко спасенію.

Затѣмъ не менѣе претенціознымъ тономъ онъ заключилъ:

— Донъ-Гарсіа угоститъ насъ шоколадомъ, разумѣется.

Мы отправились къ моему новому знакомцу, съ которымъ впослѣдствіи у насъ завязались самыя пріятельскія отношенія. Гарсіа де ла Вега—великій знатокъ всего Толедо. У него только одинъ недостатокъ: цѣлымъ міромъ онъ интересуется лишь настолько, насколько это имѣетъ отношеніе къ Толедо. Вселенная можетъ провалиться въ тартарары, лишь бы «Золотое копыто» готскаго города стояло незыблемо въ своей серебряной подковѣ. Императоръ Карлъ V не былъ бы великъ, если бы онъ не царствовалъ въ Толедо.

Спасеніе міра можетъ придти только изъ Кастиліи. Даже ея безлюдье и запустѣлость, по мнѣнію Гарсіа, представляютъ въ этомъ отношеніи одно изъ лучшихъ условій. Палестина была такъ же выжжена, а тамъ родился Богочеловѣкъ; каменистыя пустыни Аравіи дали Магомета. Нигдѣ, видите ли, умъ человѣческій не дѣйствуетъ такъ вкупѣ и влюбѣ съ его воображеніемъ, какъ на спаленныхъ солнцемъ мѣстностяхъ. А Кастилія именно такое плато, къ которому весь остальной Пиренейскій полуостровъ подходитъ ступенями. На этомъ пьедесталѣ и мѣсто истинному величію. Гарсіа не смущаютъ нынѣшній упадокъ и мертвенность Кастиліи. Она сдѣлала столько въ прошломъ, что для новаго нужны вѣка внутренней творческой подготовки.

А дѣйствительно ужасна эта Кастилія.

Плато ея безплодны и дики. Они такъ подняты надъ уровнемъ моря, что въ этомъ отношеніи Испанія является самою «высоко-поставленною» страной въ Европѣ. Даже Швейцарія и Шотландія не сравняются съ нею въ этомъ отношеніи (я говорю не о горныхъ вершинахъ). Мадридъ стоитъ выше Лангра, а надъ нимъ еще подымаются холодныя скалы Гуадарамы. Отъ береговъ внутрь страны надо подыматься все время, пока доберешься до этой выпуклины. Поэтому тутъ такъ рѣдки рѣки и такъ глубоко хоронятся онѣ въ свои трещины, а положеніе земли настолько увеличиваетъ силу испаряемости, что Кастилія еще болѣе является безплодною. Рядомъ съ рѣдкими прекрасными полями раскидываются печальныя «paramers»—обширныя равнины безъ обитателей. Кастильцы при этомъ не только не заботились объ облѣсеніи края, но, какъ я имѣлъ случай говорить, старались уничтожить послѣднія деревца, подымавшіяся на лысинахъ ихъ родины. Нынѣшній кастильскій земледѣлецъ боится дерева: дерево—это птица, говоритъ онъ, а птица, видите ли, должна уничтожать хлѣбъ съ полей,

выклевывать сѣмена, которыя бросаютъ въ землю. Въ старое время лѣса кастильскихъ плоскогорій были уничтожены во время войнъ готовъ съ маврами.

Только въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ въ году эти пустыни покрываются верескомъ, дрокомъ и множествомъ другихъ сильно пахнущихъ дикихъ растеній. Своими коврами зелени онѣ на минуту дѣлаютъ болѣе привлекательными кастильскія плато, но проходитъ эта минута, и опять пустыня, спаленная солнцемъ, точно змѣиная кожа, тянется передъ вами, доводя до отчаянія. Безплодныя вершины не привлекаютъ къ себѣ облаковъ, такъ что и съ этой стороны влага не приходитъ на помощь жаждущей землѣ. Скопившіяся въ другихъ мѣстахъ дождевыя массы, если вѣтеръ ихъ перебросить на Старую и Новую Кастиліи, разрѣшаются потоками влаги, но она скользитъ по этимъ голымъ вершинамъ, плато и скатамъ, не задерживаясь и не останавливаясь нигдѣ. Именно какъ съ гуся вода! Образуются отъ нея не питательные для страны рѣки и ручьи, а бурные потоки, вырывающіе для себя щели и рытвины все глубже и глубже, но гдѣ черезъ нѣсколько дней нѣтъ уже ни капли воды. Нельзя поэтому строить мостовъ,—ихъ снесетъ; нельзя учредить навигаціи, потому что сегодняшнее русло завтра смѣнится другимъ, а послѣ - завтра явится сухимъ, точно какими-то катаклизмами обезображеннымъ ложемъ, съ навороченными на немъ скалами, съ трещинами, разбѣгающимися во всѣ стороны. По всему этому голому простору, надъ которымъ игомъ лежитъ сухая и жгучая лѣтомъ и леденящая зимою атмосфера, если и подуетъ вѣтеръ, то это или *gallego*—неукротимый и разрушительный, сѣверо-восточный, сметывающій все на пути своемъ и нигдѣ, по характеру мѣстности, не встрѣчающій себѣ препятствій, или же *solano*, до самаго Бургоса доносящій знойное, изсушающее, мертвящее дыханіе Африки, перебрасывающій воздухъ Сахары въ Кастилію,—солано, когда здѣсь больше всего случается убійствъ, когда нервы возбуждены до крайности, когда смерть царитъ не только въ атмосферѣ, но и въ крови, и въ мысли человѣка...

Воды изрѣдка уходятъ въ глубину. Плодородность нѣкоторыхъ частей Кастиліи, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, объясняется тѣмъ, что вода хотя не вездѣ, но, все-таки, скопляется подъ змѣиною кожей поверхностнаго слоя. Корни растеній жадно проростаютъ до него, чтобы спастись самимъ и спасти стебли отъ сухости насыщеннаго африканскимъ зноемъ воздуха. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ низинъ въ лѣтніе мѣсяцы тонкорунныя стада должны уходить въ горы, потому что на равнинахъ и плато солнце сжигаетъ и заставляетъ разсыпаться прахомъ послѣднюю былинку. Посреди именно такого унынія и стоитъ на своемъ гранитномъ «копытѣ» Толедо, въ подковѣ «обведеннаго стѣнами утесовъ» Тахо.

Ко всѣмъ этимъ прелестямъ прибавьте нестерпимый блескъ солнца, слѣпящіе отсвѣты его на скалахъ, на золотыхъ пескахъ «paramera», на змѣиной кожѣ выжженныхъ полей... Только красные откосы у рѣкъ, точно облитые кровью, даютъ отдохнуть зрѣнію. Не оттого ли такая масса слѣ-

пыхъ здѣсь? Я уже не говорю о нищихъ. Въ деревняхъ и городахъ встрѣчается очень много ихъ среди достаточнаго населенія. Кастильское солнце не шутитъ. Только одно мѣсто здѣсь является оазисомъ, это—Ara Jovis (алтарь Юпитера) древнихъ,—Аранхуэсъ, весь закутавшійся въ ревнивую тѣнь своихъ платановъ. Вѣроятно, здѣсь именно и можно только пѣть:

Fleuve du Tage,
Je fuis tes bords heureux.

По всему остальному теченію этой рѣки счастливыхъ береговъ что-то вовсе не приходится видѣть. По крайней мѣрѣ, подъ Толедо рѣка, точно змѣя, спряталась въ щель и тамъ шипитъ и гремитъ, стараясь совладать съ каменными переборами своего дна.

Для Гарсіа де ла Вега нѣтъ, какъ я уже говорилъ, города выше Толедо. Еще бы! здѣсь даже мусульманское владычество не могло стереть величавыхъ остатковъ готскаго царства. Освобожденный Альфонсомъ VI въ 1085 г., Толедо тотчасъ же забылъ эпоху владычества кордуанскихъ калифовъ и вернулся къ суровымъ преданіямъ готскаго режима. Поэтому люди романтическаго направленія и антикваріи, любители bric-a-brac'а, старыхъ вещей, скульптуръ, отрываемыхъ изъ-подъ земли, старыхъ стѣнъ и узкихъ улицъ, полуразвалившихся башенъ влюбляются въ эту готскую твердыню и даже остаются здѣсь, случайно попавъ сюда, цѣлые годы. Одинъ изъ такихъ, Систо-Рамонъ-Парро, составилъ *краткое* описаніе Толедо и всѣхъ его достопримѣчательностей въ двухъ томахъ, заключающихъ около 1,550 страницъ. Въ предисловіи къ этому *Toledo en la mano* авторъ извиняется, что книга его еще далеко не полна, и обѣщаетъ въ слѣдующихъ работахъ восполнить ея пробѣлы.

Гарсіа де ла Вега въ патіо своего дома подъ благоуханными апельсинными деревьями разсказывалъ намъ столько легендъ и преданій изъ прошлаго Толедо, что намъ подъ конецъ стало казаться, будто въ каменныхъ массахъ «матери испанскихъ городовъ» заключенъ цѣлый міръ. Часто яркая лунная ночь заставала насъ въ оживленной бесѣдѣ. Въ серебряномъ свѣтѣ рѣзче ложились тѣни подъ аркадами, ярче выступали мраморныя колонны, громче плакалъ и жаловался фонтанъ, сильнѣе пахли цвѣты. Въ эти счастливыя минуты все далекое прошлое становилось прозрачно, какъ эта ночь, и мы ясно видѣли передъ собою героевъ и властителей этого «гордаго города на горѣ». Гарсіа де ла Вега, самъ готъ по происхожденію, не могъ равнодушно слушать, когда ему доказывали, что мавры внесли цивилизацію въ эти рыцарскія полудикія области Испаніи. Ему ссылались на авторитеты Конде и Мадоза, но Вега только зажималъ уши, не желая даже слышать эти «еретическія» имена. По его словамъ, мавры ворвались сюда на готовое дикарями и, только усвоивъ все, что застали здѣсь, могли развить далѣе тотъ золотой вѣкъ науки и искусства, слѣды котораго всюду замѣтны въ Испаніи. Воспользовавшись этимъ, скажу и я нѣсколько словъ о далекомъ прошломъ этой страны, именно потому, что она связана съ исторіей Толедо.

Задолго до Рождества Христова Пиренейскій полуостровъ, населенный иберійцами, кельтами и кельто-иберійцами, являлся золотымъ дномъ для смѣлыхъ финикійскихъ, греческихъ и карфагенскихъ мореплавателей-купцовъ, которые здѣсь по берегамъ основали множество колоній. Испанія того времени была богата золотомъ, серебромъ, желѣзомъ. Взамѣнъ этого сюда доставляли восточныя произведенія, такъ что все Средиземное поморье и тогда уже отличалось роскошью своихъ жителей. Воды его не были пустынны. Тысячи судовъ красовались своими пестрыми парусами на его чистой лазури. Аристотель разсказываетъ, что какіе-то финикіане въ Тартассусѣ (Тарифа въ настоящее время) накупили столько серебра, что суда ихъ оказались недостаточными, чтобы поднять его. Тогда они бросили желѣзные якоря и замѣнили ихъ серебряными.

Кадиксъ, Малага, Кордуа, Картеха (близъ Гибралтара) тогда уже были для далекой Финикіи тѣмъ, чѣмъ великая Греція и Сицилія стали впослѣдствіи для Эллады. Греки и фокеяне осѣли въ Каталоніи и Валенсіи. Выступивъ на міровую сцену, карѳагеняне захватили всю Андалузію (Бетику) и впервые, вмѣсто пріемовъ мирнаго подчиненія себѣ туземцевъ, стали практиковать систему вооруженныхъ захватовъ. За 225 лѣтъ до Р. Х. они уже забрали здѣсь почти все подъ свою властную и, надо сказать, тяжелую руку. Въ этомъ отношеніи Амилькаръ (отецъ Аннибала) и Аздрубалъ дѣйствовали такъ безпощадно, что коренное населеніе страны, поднимаясь массами, убѣгало въ горы. Еще нѣсколько лѣтъ и оно, соединясь съ греческими колоніями, послало ходоковъ вымаливать помощи у единственнаго соперника Карѳагена — у Рима. Всемірная пьевра, какою являлся уже этотъ семихолмный городъ, обрадовалась и съ иберійцами, кельтами и греками заключила тѣснѣйшій союзъ. Во главѣ его сталъ злополучный Сагунтъ. Аннибалъ съ полуторастотысячнымъ войскомъ пошелъ на него. Передавать исторію этой осады нечего,—ее знаютъ всѣ. Еще на школьной скамьѣ намъ разсказывали, какъ защитники Сагунта отчаянно дрались и умирали на его стѣнахъ и у стѣнъ. А когда не стало надежды, жены и дѣти ихъ бросались добровольно въ пламя, обратившее цвѣтущій городъ въ пепелъ. Въ Мурвіедро (miri - veteres или murosviejos), къ сѣверу отъ Валенсіи, вы увидите еще стѣны Сагунта, каждый камень котораго былъ обрызганъ благороднѣйшею кровью ея защитниковъ. Городъ былъ взятъ, и передъ Аннибаломъ (219 г. до Р. Х.) открылась безпрепятственная дорога черезъ Пиренеи. Римляне явились слишкомъ поздно: союзная Испанія лежала въ крови и руинахъ. Въ ней не оставалось живаго мѣста. Сципіонъ Африканскій, тѣмъ не менѣе, былъ встрѣченъ какъ избавитель. Уцѣлѣвшіе иберійцы и греки ревностно служили въ его легіонахъ, и карѳагеняне скоро были выброшены вонъ. Кельто-иберійцы, лузитане праздновали это событіе какъ новую эру своего благополучія, но Риму чужды были сантиментальныя наклонности. Разъ наложивъ свою желѣзную руку на полуостровъ, онъ такъ могуче сжалъ ее, что населеніе чуть не задохнулось отъ этихъ дружескихъ тисковъ. Начались

возстанія противъ недавнихъ союзниковъ,—возстанія, отъ которыхъ рѣки крови пролились вновь по несчастной странѣ. Это казалось впослѣдствіи уже неизбѣжнымъ закономъ. Римъ смѣнился маврами, мавры—Филиппомъ II,—короче, во всю свою долгую политическую жизнь Испанія была осуждена на мучительную борьбу. Битвы не прекращались въ ней съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ, и на мрачныхъ фасадахъ Толедо я читалъ исторію этого края лучше, чѣмъ на пыльныхъ страницахъ ея полузабытыхъ хроникъ. Какъ впослѣдствіи готы дали Сида Кампеадора, такъ въ тѣ далекія времена лузитанскій пастухъ Виріатъ выдѣлился изъ среды возставшаго населенія и повелъ его къ побѣдамъ надъ несокрушимыми римлянами. Побѣды эти были несчетны. Въ 149—140 годахъ онъ билъ римскіе легіоны всюду, гдѣ встрѣчалъ ихъ. Имя его стало Риму грозно почти также, какъ имена Аннибала и Митридата. Даже своимъ характеромъ, простотою, соединенною съ хитростью, преданностью землѣ родной и высокими гражданскими добродѣтелями Виріатъ напоминаетъ Сида. Римъ не могъ побѣдить его въ открытомъ полѣ, и то, чего впослѣдствіи гнушались мавры, къ чему не хотѣли они прибѣгнуть, сдѣлалъ Римъ. Лузитанія была бы освобождена, но римляне подкупили убійцъ и Виріата задушили въ его хижинѣ. Всѣ, въ комъ еще жила доблесть Виріата, кто желалъ лучше умереть свободнымъ, чѣмъ жить рабомъ, собрались въ Нуманціи. Примѣръ сагунтцевъ вдохновилъ ихъ. Когда въ 133 году Сципіонъ-Эмиліанъ взялъ этотъ городъ, они сожгли его и сами погибли въ пламени. Отцы убивали своихъ дѣтей, мужья—женъ, братья—сестеръ и потомъ бросались въ огонь. Близъ Соріи когда-то стояла руина со слѣдами пожарища. Теперь тамъ остаются груды камня—и только. Еще недавно какой-то крестьянинъ, роясь въ землѣ около, нашелъ великолѣпное золотое ожерелье, доказывающее, на какой высокой степени стояло въ древней Нуманціи ювелирное дѣло. Ожерелье было украшено медальонами, которымъ цѣны не было. Онъ продалъ, по невѣжеству, свою находку мѣстному капеллану за 160 реаловъ (40 фран.), а этотъ, по еще бо́льшему невѣжеству, показавъ колье археологамъ, не дождался, чтобы они его купили, а перетопилъ его на золото.

— Зачѣмъ вы сдѣлали это?—съ отчаяніемъ спрашивали у него.

— Какже? Бѣсовскаго дѣла вещь, а огонь съ молитвою—все очищаютъ!

Римлянамъ, взявшимъ Нуманцію, достались разрушенныя стѣны, догоравшіе костры и мертвецы. Сагунтъ и Нуманція! Если бы у Испаніи было только два такихъ имени, она и тогда могла бы требовать себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи борьбы противъ насилія. Впослѣдствіи, черезъ девятнадцать столѣтій, она доказала, что духъ ея сыновъ не погасъ, что онъ живетъ еще, и Сарагосса явилась тѣмъ же Сагунтомъ. И еще ранѣе города возстававшихъ коммунероссовъ воскрешали героическую быль Нуманціи. Защитники были тѣ же. Только вмѣсто Сципіона-Эмиліана и Аннибала на нихъ наступали Карлъ V и Филиппъ II, а впослѣдствіи полщища Палафокса и маршала Ланна. Пятьсотъ лѣтъ Испанія была римской. Только горы не признавали Рима.

Тамъ еще какъ девизъ звучали имена «Сагунтъ и Нуманція». Римляне усобничали. Перксина убилъ Серторія, Цезарь боролся съ сыномъ Помпея, одни римскіе города въ Иберіи дрались съ другими. Земля все жаднѣе и жаднѣе пила кровь, но не дѣлалась отъ этого плодороднѣе и счастливѣе. Только при императорахъ страна вздохнула. Въ Астуріи, Кантабріи и Наварѣ еще держались горные орлы, знать не хотѣвшіе римскаго орла. Все остальное подчинилось Риму. Потемки, въ которыхъ жила страна, мало-помалу отходили назадъ подъ напоромъ потоковъ свѣта, хлынувшихъ сюда отовсюду. Проводились дороги; черезъ рѣки, текущія въ глубокихъ трещинахъ, перебрасывались мосты (теперь ихъ меньше, чѣмъ было тогда), строились гигантскіе акведуки, выростали римскія колоніи, заселялись берега, множился флотъ. Напрасно «неудавшійся Виріатъ», Каракота, хотѣлъ поднять населеніе противъ римлянъ: блага цивилизаціи слишкомъ оказывались очевидными, и населеніе жадно стало посѣщать римскія школы. Культура вѣрнѣе оружія завоевываетъ страну: чего не могли сдѣлать римскіе легіоны, легко исполнили римскіе учителя. И вотъ Испанія, въ благодарность Риму за его науку и искусства, даетъ Траяна, Марка Аврелія, Адріана. Понятно, что они не забывали въ Капитоліи своей солнечной родины. Тысячи новыхъ мостовъ и памятниковъ воздвигаются въ странѣ. Мостъ д'Алькантара, арка Торре-дель-Барка, циркъ Италики, башня Геркулеса въ Кордуѣ, акведуки въ Сеговіи, Тарагонѣ, стѣны, храмы, театры, бани, дворцы покрываютъ всю Испанію.

Антонинъ объявляетъ испанцевъ гражданами Рима, полноправными въ немъ и единственными господами своей страны, и тотчасъ же оказывается достаточнымъ на весь Пиренейскій полуостровъ оставить три легіона, да и тѣ впослѣдствіи не знали, что̀ имъ здѣсь дѣлать. Трагикъ Сенека, риторъ Квинтиліанъ, поэты Луканъ и Марціанъ, ученый Колумела были испанцами. Рядомъ съ архитектурою и другими искусствами, на удивительную высоту, по свидѣтельству Плинія-натуралиста, подымались здѣсь земледѣліе и скотоводство, разработка металловъ, торговля.

— И послѣ того говорите, что мавры внесли къ намъ цивилизацію,— негодуя восклицалъ Гарсіа де ла Вега.—Они явились сюда дикарями и у насъ научились всему. И до нихъ у насъ существовали земледѣліе, орошеніе полей, садоводство. Прочтите десятую книгу Колумелы и...

— Почему же потомъ готскія провинціи оказались необработанными и земледѣліе послѣ мавровъ упало?

— Потому что въ вѣчныхъ войнахъ за свою страну мы перестали работать, потому что единственное ремесло воина-конквистадора (завоевателя) считалось честнымъ.

Визиготы, въ V вѣкѣ наводнившіе Испанію и принявшіе христіанство, сохранили, какъ величайшую святыню, цивилизацію Рима. Едва ли какое другое племя дало столько мучениковъ, проповѣдниковъ, христіанскихъ ученыхъ *). Епископъ Фруктюозъ въ Тарагонѣ, св. Евгеній и св. Леокадія—

*) Аббатъ Годаръ.

въ Толедо, свв. Юстъ и Пастеръ—въ Алкала де-Хенаресѣ (Complutum), св. Винсентъ съ братьями и сестрами—въ Авилѣ (Abula), Евретріусъ и Каледопіусъ—въ Калатравѣ (Oretum), Элена и Сентола—въ Бургосѣ (Bravum Burgi), Манселлусъ съ семьей—въ Леонѣ (Legio Septimagemina), Марфа—въ Асторгѣ (Asturica Augusta), Марина и Эвфемія—въ Оренсе (Aquac Origines) и безъ числа—въ Брагѣ (Braccera Augysta), Лиссабонѣ, Меридѣ (Emerita Augusa), Кордуѣ (Corduba), Кадиксѣ, Малагѣ, Киронѣ, Барселонѣ, Леридѣ, Севильѣ (Hispalis), Сарагоссѣ. Тысячами надо считать мучениковъ въ этой странѣ, никогда ничего не дѣлавшей въ половину. Она и въ христіанство внесла страстное и безконечное увлеченіе.

Визиготы, пришедшіе въ Западную Европу съ береговъ Вистулы отъ 410 — 450 гг., владѣли областью, простиравшеюся отъ Луары до Эбро. Кловисо въ 507 году отбросилъ ихъ къ Пиренеямъ и они поэтому наводнили всю Испанію своими отважными дружинами. Захвативъ полуостровъ, они избрали Толедо столицею,—Толедо, и до тѣхъ поръ значительнѣйшій городъ Иберіи и едва ли не самый старинный. По крайней мѣрѣ, онъ имѣетъ одно изъ неизбѣжныхъ качествъ старыхъ городовъ, т.-е. считаетъ свою родословную восходящею въ самыя нѣдра того «мрака временъ», о которомъ можно и не будучи поэтомъ врать сколько угодно. По разсчету ихъ оказывается, что ихъ городъ существовалъ уже тогда, когда Адамъ съ женою были прогнаны изъ рая; по крайней мѣрѣ, сынъ Каина, Тубалъ, поселившійся здѣсь, уже нашелъ на золотомъ копытѣ надъ серебряною подковой Тахо «старый, обнесенный стѣнами», городъ. Менѣе честолюбивые историки толедскіе приписываютъ основаніе своего отечественнаго гнѣзда Геркулесу. Евреи, пользовавшіеся въ силу обстоятельствъ, о которыхъ я разскажу ниже, правомъ безпрепятственно жить здѣсь въ то время, когда изъ остальной Испаніи они были изгоняемы, увѣряли, что гостепріимный городъ этотъ построили ихъ предки послѣ вавилонскаго плѣна. Въ числѣ первыхъ правителей здѣсь находились извлеченные на подержаніе изъ того же мрака временъ: Геріонъ Жестокій, Какусъ, Геркулесъ Великій, Озирисовъ сынъ Атласъ и проч., и проч., и проч. Аббатъ дю Вейранъ, осмѣивая претензіи толедскихъ патріотовъ, увѣряетъ, что первымъ ихъ царемъ былъ Адамъ, и солнце послѣ своего сотворенія взошло именно надъ Толедо. Такимъ образомъ, Толедо оказывается престоломъ и средоточіемъ вселенной, что̀ мой пріятель Гарсіа де ла Вега считаетъ только простою справедливостью, отданною, наконецъ, монументальному готскому городу.

Визиготы, избравшіе Толедо столицей, были не такъ дики, какъ другія германскія племена, еще поклонявшіяся идоламъ. Визиготы исповѣдывали христіанство и принадлежали къ сектѣ Арія. Ихъ епископъ Улфилисъ перевелъ Библію на готскій языкъ, отъ котораго не осталось въ современной Испаніи ни одного памятника. Готы имѣли уже писанные законы, хотя ихъ первые короли (еще аріанцы), Эрикъ и Аларихъ II, уже отказались отъ прежнихъ и усвоили римскіе (впослѣдствіи они вошли цѣли-

комъ въ кодексъ Толедо). Когда король Хиндасвиндъ, дворецъ котораго въ Толедо еще показываютъ въ одной старой улицѣ (лучше, впрочемъ, мѣсто дворца,—не думаю, чтобы онъ могъ быть въ 652 году выстроенъ такимъ образомъ), замѣнилъ римскіе законы своимъ «Fuero Juzgo» (Forum Judicum), то это уложеніе все оказалось основаннымъ на указахъ императорскихъ и на началахъ христіанства, чѣмъ не могутъ похвалиться другіе средневѣковые «варварскіе» кодексы. Св. Леандръ Севильскій въ 589 г. обратилъ изъ аріанства въ католицизмъ готскаго короля Рекареда I и вслѣдъ за своимъ повелителемъ все Толедо отказалось отъ «первоначальной ереси», хотя еще недавно, въ 585 г., король Леовигильдъ казнилъ своего сына за то же самое. Этого христіанскаго мученика именовали «Эрменегильдомъ» и, по легендѣ толедскаго собора, онъ разъ показался въ числѣ молящихся въ одеждѣ простаго странника, всходилъ на каѳедру, говорилъ оттуда проповѣдь, указалъ мѣсто, гдѣ его убили, занимаемое нынѣ серединою собора, и, объявивъ свое имя, исчезъ: «разсѣялся въ воздухѣ, какъ бы его никогда и не бывало»,—говоритъ преданіе. По толедскимъ законамъ, наказанія за преступленія были одинаковы для всѣхъ, какъ для завоевателей, такъ и для завоеванныхъ. Та же мудрость и справедливость, которая проникаетъ все, уже проявлена была въ Равеннѣ Теодорикомъ Великимъ, и здѣсь сказывается въ дѣяніяхъ первыхъ правителей этого племени, болѣе счастливаго, чѣмъ готы, завоевавшіе Италію. Въ Толедо можно было даже епископа призвать къ суду. Судебныхъ поединковъ не признавалось, требовались свидѣтельскія показанія, пытокъ не было,—ихъ уже впослѣдствіи при христіанскихъ короляхъ Карлѣ V и Филиппѣ II практиковали инквизиціонные трибуналы. Если тяжущіеся были недовольны судьями, они обращались къ епископамъ, и тѣ или вмѣстѣ съ судьями, или отдѣльно пересматривали приговоры. Бѣдныхъ и невольниковъ защищали передъ судомъ государственные чиновники. Никто не имѣлъ ни надъ военноплѣннымъ, ни надъ рабомъ права жизни и смерти. Честь невольницы строго охранялась закономъ. Владѣлецъ пользовался только трудомъ своихъ рабовъ. Преступленія ихъ карались государственными судами. Визиготскіе законы въ Толедо не брали никогда въ разсчетъ убытка, причиненнаго преступленіемъ, а карали моральное зло. Это было большимъ шагомъ впередъ послѣ того, какъ во всей остальной Европѣ виновные могли откупаться сообразно стоимости причиненнаго ими вреда. Женщины въ наслѣдствахъ пользовались равными правами съ мужчинами. Ихъ имущественные интересы охранялись такъ же, какъ и ихъ братьевъ, мужей. Власть матери равнялась отцовской. Во всемъ сказывалась мудрость толедскихъ законодателей, что̀ дало право воскликнуть Мадозу, обращаясь къ остальнымъ провинціямъ: «Мы, толедяне, были людьми даже тогда, когда вы бродили во образѣ звѣриномъ. Справедливость Августинъ Великій называлъ орломъ, и этотъ орелъ свилъ свое гнѣздо уже въ VI вѣкѣ на скалахъ Толедо. Если потомъ онѣ и обагрились кровью, если за желѣзными засовами и рѣшетками тюремъ раздавались стоны пытаемыхъ, лились слезы

неправедно заключенныхъ, то это вы внесли къ намъ... Филиппъ II ушелъ изъ Толедо потому, что здѣсь бы онъ не могъ оставаться тѣмъ антихристомъ, котораго едва ли превзойдетъ апокалипсическій!»

Чтобы никто не могъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, съ одной стороны, и, съ другой, чтобы каждый бѣднякъ твердо зналъ свои права и обязанности, ни одинъ экземпляръ «Fuero» не могъ быть проданъ въ странѣ дороже пятнадцати копѣекъ по нашему счету. Всякій, кого уличали въ противномъ, подвергался ста ударамъ бича, будь онъ покупщикъ или продавецъ, все равно. Дѣйствіе этого кодекса продолжалось до XIII вѣка, когда Альфонсъ X замѣнилъ его своими «Partidas».

— Такимъ образомъ, вы видите,— воскликнулъ Гарсіа де ла Вега, — что и по отношенію къ законодательству мавры ничему не могли научить готовъ нашего славнаго Толедо!

При визиготахъ Толедо сталъ центромъ просвѣщенія и права. Здѣсь собирались совѣты изъ епископовъ и представителей народа, бывшіе зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи выросли кортесы и генеральные штаты королевства. На одномъ изъ этихъ совѣтовъ въ 633 году, то-есть за 1260 лѣтъ до *нашего времени*, было заключено: «Невѣжество, мать всяческихъ заблужденій, должно быть изгоняемо распространеніемъ знаній. Сему обязаны содѣйствовать всѣ священники Господа Бога»! Тотчасъ же было поставлено первымъ условіемъ существованія каждаго монастыря имѣть школу и собирать коллекціи манускриптовъ. Даже св. Исидоръ Севильскій, отвращавшій подчиненное ему духовенство отъ занятій языческою литературой, настаивалъ на устройствѣ библіотекъ и отмѣчалъ въ письмахъ ту жадность, съ которой въ Испаніи того времени собирали сокровища ума человѣческаго. Эти библіотеки были открыты для всѣхъ. Короли Сизебутъ, Рессевинтъ сами писали книги. Королевскія книгохранилища считались народнымъ достояніемъ. Визиготскіе властители въ Толедо собирали рукописи съ такою страстностью, что про одного изъ нихъ разсказываютъ, будто онъ «рожденъ быть учителемъ, а не вождемъ народа». Толедо назывался въ тѣ времена «Аѳинами» Пиренейскаго полуострова. Жаждавшая знанія готская молодежь стремилась сюда со всѣхъ концовъ его и на этой самой площади, гдѣ я такъ неудачно забрался въ полуразвалившуюся башню, находилась открытая арена для ежедневныхъ бесѣдъ, споровъ и чтеній по разнымъ научнымъ, нравственнымъ и литературнымъ вопросамъ. Короли на свой счетъ выкупали грамотныхъ рабовъ и возвращали имъ свободу. Литература поэтому росла у визиготовъ не по днямъ, а по часамъ. Разумѣется, это была письменность на добрыя двѣ трети экклезіастическая или духовно-нравственная вообще, но для того времени и за это слава Богу! Когда впослѣдствіи св. Донатъ, тогда еще простой монахъ, привезъ съ собою изъ Африки цѣлый грузъ рукописей, готскій король встрѣтилъ его съ царственными почестями, помѣстилъ его въ собственномъ дворцѣ въ Толедо и оказывалъ ему величайшее уваженіе. Самое появленіе этихъ рукописей при-

казано было считать народнымъ праздникомъ, причемъ были прощены всѣ королевскіе долги, помилованы преступники, бѣднякамъ въ теченіе недѣли раздавались щедрыя милостыни. Когда у короля Рессевинта пропалъ одинъ цѣнный манускриптъ, онъ считалъ это наказаніемъ Божескимъ и публично передъ народомъ каялся въ своихъ грѣхахъ. Визиготы гордились цѣлою литературой, къ величайшему сожалѣнію историковъ, утраченною во время войнъ съ маврами. Современники съ восторгомъ встрѣчали появленіе такихъ манускриптовъ, какъ *Хроники* епископа Іоанна, *Исторія Испаніи подъ владычествомъ визиготовъ* Максима, епископа Сарагоссы, описаніе военныхъ подвиговъ короля Вамбы толедскаго епископа Юліана. Самый этотъ *Вамба*, завоеватель и солдатъ по натурѣ, почти всю жизнь проведшій на боевомъ полѣ, настолько освоившійся съ нимъ, что, не желая знать пышнаго дворца своего, онъ спалъ зимою и лѣтомъ на его дворѣ, бросая на землю звѣриную шкуру, короче: *Суровый Вамба* легендъ, когда его посѣтилъ простой монахъ, написавшій *Наставленіе какъ учить народъ*, былъ столь обрадованъ, что служилъ ему за столомъ, точно монахъ былъ королемъ, а онъ, Вамба, его слугою. Даже Леовигильдъ-аріанецъ, неистово преслѣдовавшій католицизмъ, несмотря на свою ненависть, рѣшительно отказывался казнить виновныхъ, отличавшихся ученостью.

«Я не хочу снимать голову, заключающую въ себѣ міръ знанія,»—говорилъ онъ.

Леовигильдъ ограничивался изгнаніемъ ихъ изъ страны. Когда судъ присудилъ одного изъ такихъ ученыхъ монаховъ къ обезглавленію, то Леовигильдъ далъ ему возможность бѣжать. Считая самъ себя преступникомъ, онъ явился передъ судьями и приказалъ судить себя, короля, по существующимъ законамъ. Визиготъ св. Исидоръ, оставившій послѣ себя болѣе двадцати книгъ знаменитыхъ Этимологій, и св. Ильдефонсо, когда они пріѣхали въ Толедо, получили дворцы въ награду за ихъ просвѣтительную дѣятельность. Вамба, одержавшій множество побѣдъ, гордился не ими, а тѣмъ, что въ его царствованіе было открыто болѣе стапятидесяти новыхъ школъ для народа. Вмѣстѣ съ этимъ толедскіе властители считали своею обязанностью поощрять и искусства. Скульптура тогда еще была въ младенчествѣ, но ваятель пользовался правомъ «обѣдать вмѣстѣ съ королемъ и получать отъ него платье», а архитекторъ, воздвигшій церковь св. Леокадіи въ Толедо, королевскимъ указомъ былъ признанъ «равнымъ королю». Арабы, занявшіе Толедо, не могли воздержаться отъ изумленія при видѣ его цитадели, дворцовъ, храмовъ. Мулей-Ибрагимъ, одинъ изъ раннихъ писателей ихъ, признавалъ, что на первыхъ порахъ они только учились у визиготовъ Толедо.

Таковы были эти закованные въ гранитъ и желѣзо «Готскія Аѳины». Проходя по ихъ узкимъ, болѣе похожихъ на «ложа высохшихъ потоковъ» улицамъ, я не разъ уносился мыслью болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ передъ этимъ и рисовалъ себѣ ту кипучую, ключомъ бившую жизнь... Вѣроятно, мало измѣнился самый планъ города. На мѣсто старыхъ дворцовъ и церквей выстроены новые, и только. До сихъ поръ подъ плитами собора по-

коются кости величайшихъ королей его, Вамбы и Рессевинта, и если какимъ-либо чудомъ они бы воскресли, едва ли имъ пришлось бы заблудиться въ ихъ лабиринтахъ... Самое безлюдье современнаго Толедо заставляло сильнѣе работать мое воображеніе. Гранитные фасады говорили о далекомъ прошломъ и почти ничто не намекало на сегодняшній день. Чудилось, что, повернувъ въ ту улицу, я наткнусь на одного изъ вельможъ Вамбы, одѣтаго въ пурпуръ, или на его солдатъ съ распущенными по плечамъ волосами, открытыми загорѣлыми лицами и длинными бородами. На ихъ латы наброшены звѣриныя шкуры, когти пантеры или медвѣдя точно впились въ ихъ плечи, широкіе мечи висятъ съ боку и то же самое яркое, щедрое, благоволящее солнце весело играетъ на остріяхъ ихъ копей и на стали ихъ шлемовъ... Старыя были казались дѣйствительностью въ этомъ романтическомъ городѣ. Толедо монастырей, башенъ и дворцовъ изъ всѣхъ испанскихъ городовъ былъ единственнымъ, гдѣ воскресала вся эта славная и поэтическая готская быль...

Толедо и послѣ мавровъ одно время былъ Кастильскими Аѳинами. Вмѣстѣ съ Севильей и Саламанкой, онъ считался въ 16-мъ столѣтіи свѣточемъ королевства... Объ этомъ мы разскажемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь, чтобы покончить съ просвѣтительнымъ направленіемъ визиготскихъ королей, не можемъ не привести одну народную легенду. Она рисуетъ, до какой степени они дорожили знаніемъ и какъ народъ понималъ это даже въ своихъ вымыслахъ.

Мавры уже прочно сидѣли на «Золотомъ копытѣ».

Разъ ночью дочь правителя толедскаго проснулась отъ страннаго ощущенія. Ей показалось, что ея плеча коснулась чья-то холодная, какъ ледъ, рука. Она стремительно поднялась. Луна ярко сіяла въ окна ея комнаты. Въ саду роптали фонтаны, слышался легкій шорохъ деревьевъ, по вѣтру доносилось тонкое благоуханіе розъ и жасминовъ.

— Кто здѣсь?—спросила она и отшатнулась въ ужасѣ.

Надъ ея изголовьемъ стоялъ, весь закованный въ броню, воинъ съ золотымъ львомъ на груди. Золотой левъ былъ и на его щитѣ. Рыжеватые волосы, вившіеся отъ природы кольцами, падали на его плечи. Голову охватывалъ золотой обручъ съ подвѣсками изъ драгоцѣнныхъ камней. Лицо его было страшно блѣдно. Можно было бы подумать, что это мертвецъ, если бы не такимъ яркимъ пламенемъ сверкали его глаза.

— Кто ты, чего тебѣ надо?

— Не бойся меня!... Я не своею волей пришелъ и не для того, чтобы сдѣлать тебѣ вредъ... Твой отецъ получилъ отъ калифа кордуанскаго повелѣніе прислать къ нему тѣ старыя рукописи, что лежатъ въ церкви св. Леокадіи.

— Такой церкви нѣтъ...

— Есть! Вы обратили ее въ мечеть, но это только призракъ, какъ призракъ все ваше владычество въ Испаніи. Я знаю, ты сама любишь науку и

знаніе,—ты должна спасти эти книги. Въ Кордовѣ ихъ сожгутъ *). Это принесетъ тебѣ счастье и взамѣнъ я открою тебѣ, гдѣ лежатъ мои сокровища.

— Но еще разъ—кто ты?

— На землѣ я былъ визиготскимъ королемъ Рессевинтомъ. Прахъ мой покоится подъ тѣми плитами, на которыхъ молится твой отецъ... Слѣдуй за мной.

Дрожа отъ ужаса, мавританка поднялась и пошла за призракомъ Рессевинта. По камнямъ улицы не было слышно шума отъ его шаговъ. Дѣвушка скользила за нимъ, едва держась на ногахъ. Когда она пріостанавливалась, видѣніе оглядывалось на нее и она невольно шла за нимъ. Луна ярко сіяла. Къ крайнему своему ужасу, мавританка замѣтила, во-первыхъ, что тѣло Рессевинта не бросаетъ тѣни и потомъ, что церковь св. Леокадіи, обращенная въ мечеть, вся освѣщена огнями безчисленныхъ свѣчей и лампадъ... Ея двери раскрылись, и въ осіянномъ просторѣ храма она увидѣла массу молящихся. По пути не было ни одного мавра. Воины со львами на груди, женщины въ старинныхъ готскихъ платьяхъ, монахи, какіе-то люди въ пурпурѣ, съ подстриженными на лбу волосами... Рессевинтъ протянулъ руку и они разступились передъ нимъ и дочерью толедскаго правителя. Вдали у алтаря въ сизыхъ клубахъ ѳиміама молился епископъ, христіанскій епископъ въ бѣлой сутанѣ, слушая литургію. Невидимые голоса пѣли не внизу, а вверху, подъ куполомъ церкви. Въ воздухѣ носились чьи-то серебристыя крылья... Впереди стояла дѣвушка ослѣпительной красоты; передъ нею Рессевинтъ преклонилъ колѣно и поцѣловалъ бѣлую полу ея хитона.

— Св. Леокадія,—сказалъ мусульманинъ-призракъ.—Поклонись ей, это принесетъ тебѣ счастье!

Дочь правителя Толедо исполнила совѣтъ и св. Леокадія положила ей на голову руку.

Потомъ Рессевинтъ повелъ ее куда-то сквозь маленькія двери въ стѣнѣ. Тутъ была келья, гдѣ при свѣтѣ лампы сидѣлъ старикъ монахъ.

— Св. Ильдефонсо! вотъ та, которая должна спасти наше сокровище!

Монахъ всталъ, снялъ съ амбразуры окна, за которымъ свѣтила луна, громадную связку рукописей и вручилъ ее дѣвушкѣ. Та подумала, что не подыметъ ее, но когда св. Ильдефонсо положилъ ихъ на руки мусульманкѣ, онѣ оказались легче пуха. Она опять прошла черезъ полную народомъ церковь и со своею драгоцѣнною ношей вернулась домой.

Утромъ она проснулась. Ярко свѣтило солнце, громко пѣли птицы, весело журчала вода въ басейнѣ и, попрежнему, сонно разсказывала струя фонтана свою однообразную сказку розамъ и жасминамъ пышнаго сада.

«Какой сонъ я видѣла сегодня!»—улыбнулась она, вспоминая видѣнное ночью.

---

*) Легенда лгала на мавровъ. Они никогда не жгли книгъ въ Испаніи.

Но въ эту минуту къ ней вошли служившія ей дѣвушки. На лицахъ ихъ была тревога.

— Что случилось?

— Весь городъ въ волненіи. Изъ главной нашей мечети пропали хранившіяся тамъ для отсылки въ Кордову, къ калифу, христіанскія книги.

Она поблѣднѣла.

Когда, одѣвшись, она подошла къ одному изъ своихъ шкафовъ, связка рукописей была тамъ. Она не знала, что дѣлать съ ними. Ей хотѣлось разсказать обо всемъ отцу, но она не смѣла сдѣлать этого. Что-то могучее остановило ее. Въ слѣдующую ночь она услышала странный шумъ и проснулась. Уголъ, гдѣ былъ ея шкафъ, ярко сіялъ. Когда она поднялась, оказалось, что отъ спасенныхъ ею манускриптовъ исходитъ нестерпимый глазамъ блескъ.

Тотъ же визиготскій король подошелъ къ ней, указалъ ей взять эти драгоцѣнныя книги и направилъ ее въ садъ къ глубокому колодцу. Въ немъ давно не было воды. Питавшіе его источники высохли.

— Брось туда!

Она бросила свою ношу, вернулась назадъ и заснула опять. Нѣсколько разъ ей чудился какой-то шумъ въ ея комнатѣ, но она не могла раскрыть глазъ. Только утромъ проснулась она и, отъ удивленія, не могла шевельнуться. На коврахъ пола, на низенькихъ арабскихъ столикахъ лежали неисчислимыя сокровища—старинныя запястья, какихъ она и не видывала, пояса, сверкавшіе драгоцѣнными камнями, груды золота и серебра, оружіе въ оправѣ, сіявшее жемчугами и рубинами...

Это были сокровища визиготскихъ королей.

Слухъ объ этомъ прошелъ по всему Толедо. Отецъ дѣвушки не смѣлъ скрыть всего случившагося и калифъ Кордовы приказалъ ему явиться вмѣстѣ съ дочерью. Красота ея такъ поразила повелителя, что онъ взялъ ее къ себѣ женою. Она до конца жизни была счастлива, любима и могущественна. Въ ней христіане находили защитницу своихъ правъ, и она же добилась того, что калифъ разрѣшилъ ихъ священникамъ молиться въ церкви св. Леокадіи. Разъ, когда она заболѣла и уже готовилась къ смерти, ночью во снѣ явилась ей дѣвушка въ бѣломъ, которую она видѣла тогда во храмѣ, и также положила ей руку на голову, какъ и въ первый разъ. Жена калифа была исцѣлена и затѣмъ жила еще долго, молясь Богу христіанъ, столько разъ совершившему для нея чудо...

Несмотря на несообразность легенды, сколько разъ я рисовалъ себѣ эту дочь арабскаго вождя слѣдующею за призракомъ готскаго короля по мрачнымъ улицамъ Толедо. Проходя по нимъ въ серебряныя лунныя ночи, такъ хотѣлось чудеснаго. Вѣрилось въ воскресеніе поэтическихъ былей и среди этого безлюдья рисовалась иная жизнь, такъ мало общаго имѣвшая съ сегодняшнею дѣйствительностью. И какая тишина стояла кругомъ! Изрѣдка только въ глубинѣ темной улицы звенѣла гитара и за желѣзною рѣшоткой окна рисовался блѣдный силуэтъ красавицы, прислушивавшейся

къ шепоту влюбленнаго новіо... И опять безлюдье, и опять ни звука. Минуты бѣгутъ за минутами... Бьетъ два часа ночи... Откуда-то далеко слышится грустный напѣвъ сорено (ночнаго сторожа):

Два часа... Ясно...
Ave Maria Purissima...

Но «обязательный» пѣвецъ уходитъ, голосъ его замираетъ за башнями и колокольнями, и вновь среди безмолвія подымаются изъ-подъ могильныхъ плитъ и поросшихъ гераніумомъ руинъ величавые призраки...

А луна все ярче и ярче. Небо прозрачнѣе. Чернѣе тѣни домовъ, пока передъ вами не подымается царственный силуэтъ августѣйшаго собора обѣихъ Кастилій. Толедская базилика, вся облитая сіяніемъ, стоитъ въ этомъ ореолѣ, на рубежѣ великаго прошлаго и загадочнаго будущаго, уходя прочь отъ земли своею дивною колокольней...

V.

Толедскій соборъ—одно изъ чудесъ Испаніи.

Опять по узкимъ улицамъ, обставленнымъ то мрачными готскими дворцами, то пестрыми домами, на облинявшихъ фасадахъ которыхъ кое-гдѣ мерещатся пятна старыхъ фресокъ, мимо крѣпостныхъ воротъ и арокъ, являющихся изящнѣйшими образчиками того, что̀ испанцы называютъ «herradura»—подкова, мимо барельефовъ, геральдическихъ изображеній всевозможныхъ небывалыхъ цвѣтовъ и животныхъ, мимо мраморныхъ порталовъ, колоннъ, ни съ того, ни съ сего вмазанныхъ нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ въ стѣны, мимо старинныхъ гербовъ угасшихъ фамилій, мимо изящныхъ построекъ, помнящихъ времена калифовъ и до сихъ поръ еще носящихъ свою израсцовую облицовку,—мы идемъ къ одному изъ «чудесъ Испаніи». Какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, каждый городъ здѣсь непремѣнно долженъ обладать «чудомъ». Такіе есть въ Леонѣ, Бургосѣ, Саламанкѣ, Вальядолидѣ, Сеговіи, Пласенсіи,—короче, вездѣ, и надо сознаться, что претензіи кастильцевъ основываются въ этомъ отношеніи на дѣйствительно великолѣпныхъ сооруженіяхъ ихъ предковъ. Толедскій соборъ является, какъ и бургосскій, какою-то эпопеей, созданною изъ мрамора и гранита. Трудно себѣ представить что-нибудь величественнѣе. Кастильскій духъ весь ушелъ въ этотъ камнемъ и металломъ выраженный порывъ отъ земли къ небу. Кажется, еще одно мгновеніе и онъ бы достигъ своей цѣли, но, обезсилѣвъ, остановился послѣднею затерявшеюся въ недосягаемой вышинѣ иглою готической колокольни... Еще первоначальные властители Пиренейскаго полуострова жили на землѣ и для земли, но войны съ маврами, носившія характеръ священной борьбы за вѣру, сообщили кастильскому духу именно это страстное стремленіе къ небесамъ, это вѣчное исканіе Бога надъ міромъ, а не въ мірѣ, Бога вокругъ себя, а не въ себѣ, какъ будто вся Испанія каменными руками своихъ соборовъ, гигантскими, какъ эти базилики,

старается въ лазури неба нащупать и найти то, къ чему такъ страстно и неудержимо неслись столько столѣтій мысль и чувство этого великаго народа. Толедскій соборъ выдвинулъ именно одну изъ такихъ рукъ въ высоту, и она на вѣки вѣчные кажется обращенною гнѣвнымъ божествомъ въ камень, надъ этимъ мрачнымъ городомъ. И самый соборъ снаружи суровъ, какъ городъ. Нѣтъ свѣтлыхъ мраморовъ, нѣтъ барельефовъ, нѣтъ статуй и кружевъ, изваянныхъ изъ камня. Это—героическая поэма, написанная рѣзкими и широкими штрихами. Къ сожалѣнію, какъ и во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ, дома, точно дѣти, такъ и жмутся къ его царственнымъ стѣнамъ. Трудно найти пунктъ, откуда бы его можно было охватить въ цѣломъ, гдѣ бы онъ весь выдвинулся передъ вами своимъ строгимъ профилемъ. Мы долго ходили кругомъ. Въ одномъ мѣстѣ меня поразила изящнѣйшая розетка, но ее точно лишаемъ полузакрылъ какой-то блинъ старыхъ часовъ, сѣрыхъ и грубыхъ; по другой сторонѣ, вмѣсто стѣнъ собора, мы видѣли прилѣпившіеся къ нимъ, какъ гнѣзда къ башнѣ, дома съ ихъ желѣзными балконами и спущенными маркизами; казалось, они спятъ, закрывъ свои вѣки. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ площадка немного раздвинулась и передъ нами точно разомъ выросъ этотъ подавляющій своими размѣрами силуэтъ. Именно стремленіе, неудержимый порывъ снизу вверхъ!... Внизу голый и грубый камень, такой же голый и грубый, какъ скала, изъ которой онъ выросъ, только вверху начинается дивная рѣзьба розетокъ, колоннады галлерей и ихъ изящныя арки, высокіе своды, на которыхъ покоются куполы и выступы грандіозныхъ каменныхъ «порывовъ къ небесамъ», стройныя, величественныя окна съ мраморными переборами и кружевами, готическія стрѣлки неосилѣвшей пространства человѣческой мысли. Иной разъ мнѣ казалось, что никакое другое сооруженіе не рисуетъ такъ ярко несчастной и загадочной судьбы человѣка, одареннаго безконечнымъ умомъ и прикованнаго къ землѣ, сознающаго вѣчность только для того, чтобы понять, какъ кратокъ предѣлъ его жизни, это мучительное исканіе крыльевъ, которыя бы унесли его прочь изъ тѣснаго и замкнутаго міра...

А колокольня собора съ ея безчисленными этажами, вытягивающимися въ высоту! Изъ каждаго, какъ изъ тростниковаго колѣна, ростетъ слѣдующій, и все это строго, сурово, величаво опять до высоты, гдѣ уже въ лазури небесъ начинаетъ работать неистовая и неудержимая фантазія строителя. Тамъ тонутъ въ синевѣ колонны, сквозятъ готическія окна... Смотришь, и кажется, что вмѣстѣ съ этою гигантскою мачтой несешься... куда?—куда-то въ вѣчность, въ безпредѣльность, въ осіянный просторъ.

Потомъ уже внизу замѣчаешь глубокія арки порталовъ, защищенныя желѣзными рѣшотками съ безчисленными нишами въ своихъ стѣнахъ. Въ нишахъ, каменные святые стоятъ, молитвенно сложивъ руки и вперивъ незрячіе глаза въ тьму, густящуюся подъ сводами...

Это достойный памятникъ готскому величію!... Хочется видѣть самому, какъ изъ этихъ вратъ выйдетъ Рессевинтъ въ свой золотой повязкѣ на главѣ,—повязкѣ, съ которой падаютъ внизъ усыпанныя драгоцѣнными ка-

меньями подвѣски, или св. Евгеній, основатель этого собора и первый готскій епископъ Толедо. Когда мавры захватили Толедо, они не тронули его величественной базилики, но обратили ее въ мечеть, впослѣдствіи даже разрѣшивъ въ извѣстные часы христіанамъ, оставшимся въ городѣ, исполнять въ ней свои службы. Всякій разъ, когда мусульмане хотѣли вполнѣ завладѣть ею, калифу во снѣ являлись святые покровители собора, и, повинуясь загробнымъ велѣніемъ, завоеватели-мавры оставляли за готами ихъ права. 374 года продолжалось это, причемъ попеременно съ высоты его колокольни кричали муэззины о томъ, что «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его», и благовѣствовали христіанскіе колокола о новыхъ внесенныхъ въ міръ завѣтахъ любви и всепрощенія, когда Толедо былъ, наконецъ, взятъ кастильцами,—взятъ благодаря великодушію калифа... Али-Май-Мунъ пріютилъ у себя изгнаннаго донъ-Алонсо,—это случалось часто. Испанцы то воевали съ маврами, то заключали съ ними союзы противъ другихъ королевствъ полуострова, мусульманскихъ или готскихъ, безразлично. Халифы давали пристанище бѣглецамъ, короли ли они, или простые рыцари—все равно. Такимъ образомъ, жилъ у Али-Май-Муна донъ-Алонсо, скучая и не зная, куда дѣвать свою жажду дѣятельности. Отнявшій у него тронъ донъ-Санчо умеръ. Узнавъ это, донъ-Алонсо призадумался: какъ бы ему уйти изъ Толедо, который изъ прибѣжища дѣлался тюрьмою, а онъ изъ гостя становился заложникомъ? Халифъ позвалъ его, какъ всегда, играть въ шахматы. Алонсо все время молчалъ и былъ мраченъ. Каливъ, знавшій уже о смерти Санчо, лукаво улыбался. Наконецъ, проигравъ своему гостю три раза подрядъ, онъ весело приказалъ ему:

— Уходи, уходи, уходи!...

Въ этомъ отношеніи калифы были рыцарями. Али-Май-Мунъ, какъ истинно-великодушная натура, хотѣлъ прикрыть для Алонсо горечь одолженія внѣшнею грубостью формы, въ которой оно было ему оказано.

Алонсо не заставилъ себя повторять этого. Онъ покинулъ дворецъ, перебросилъ черезъ стѣны все, что у него было, кинулся въ Замору, завладѣлъ скипетромъ, собралъ войска и... пошелъ съ нимъ на гостепріимный Толедо и на великодушнаго Али-Май-Муна. Захваченный врасплохъ, послѣдній былъ разбитъ. Алонсо VI это было сдѣлать тѣмъ легче, что онъ гостемъ Али-Май-Муна отлично высмотрѣлъ все слабыя стороны Толедо. Въ капитуляцію, заключенную имъ съ маврами, было внесено, что мечеть (т.-е. старый готскій соборъ) сохранятся за арабами. Такъ шло первое время. Алонсо по дѣламъ королевства пришлось поѣхать куда-то. Епископъ Бернардо, не выносившій мысли, что христіанская базилика находится въ рукахъ у невѣрныхъ, убѣдилъ королеву донью-Констанцію помочь ему завладѣть соборомъ. Та согласилась. Были собраны воины. Ночью они бросились на мечеть, уничтожили въ ней списки Корана и все, что принадлежало арабамъ. Утромъ у алтарей уже шли службы, на колокольнѣ гудѣли колокола, такъ что мусульмане на первыхъ порахъ растерялись и не знали, что имъ дѣлать. Только черезъ три дня они очнулись. Кастильскій

гарнизонъ здѣсь былъ очень силенъ. Совладѣть съ нимъ нечего было и думать. Они поэтому собрали ходоковъ и послали съ ними жалобу королю. Алонсо VI былъ взбѣшенъ. Преимущества вѣроломства онъ оставлялъ себѣ, съ другими же вовсе не хотѣлъ дѣлиться этимъ правомъ. Онъ немедленно прервалъ свою поѣздку по королевству и вернулся съ цѣлью жестоко покарать королеву (которую, кстати, онъ терпѣть не могъ) и архіепископа (властолюбіе и предпріимчивость Бернардо ему были не по душѣ). У воротъ города его встрѣтили депутаціи отъ духовенства и дворянства, умоляя помиловать Констанцію и Бернардо. Король ничего не хотѣлъ слышать. Онъ уже приказалъ приготовить темницы для обоихъ, когда арабы сообразили, что за эту временную побѣду христіане имъ жестоко отомстятъ потомъ. Одинъ ихъ «альфаки» (докторъ правъ) посовѣтовалъ оставить дѣло и присоединиться къ ходатаямъ о прощеніи виновныхъ. Сверхъ этого, онъ внушилъ имъ мысль заявить о томъ, что они сами добровольно передаютъ мечеть побѣдителямъ на вѣчныя времена. Такимъ образомъ, все устроилось къ общему удовольствію и благодарное духовенство въ главномъ придѣлѣ собора поставило статую умнаго «альфаки». Впослѣдствіи старая готская базилика была разрушена св. Фердинандомъ. Онъ не выносилъ мысли, что когда-то на ея плитахъ мусульмане молились своему Богу и его пророку. Въ 1227 году, поэтому, онъ заложилъ новую, строившуюся потомъ два съ половиною вѣка. Толедскому собору при этомъ выпало на долю великое счастье. Въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ онъ воздвигался по плану и подъ исключительнымъ наблюденіемъ одного и того же архитектора Педро Переса, поэтому и вышелъ такимъ выдержаннымъ, цѣльнымъ, стройнымъ. Чистѣйшій готическій стиль базилики снаружи не нарушается ни одною деталью. Все строго соотвѣтствуетъ общему замыслу. Восемь громадныхъ дверей исчезаютъ въ красотѣ и величіи всего сооруженія. По главному фасаду трое вратъ: «del infierno» (адовы), «perdon» (прощенія), «el jució» (суда). Нужно самому ихъ видѣть! Кажущійся снаружи совершенно обнаженнымъ, здѣсь въ этихъ порталахъ соборъ представляетъ подъ прекрасными готическими арками массу ангеловъ, святыхъ, сценъ изъ св. писанія, мраморныхъ кружевъ, гирляндъ, арабесокъ изъ каменныхъ веревокъ (одно изъ любимыхъ украшеній испанскихъ соборовъ), виноградныхъ лозъ, переплетающихся неизобразимыми сѣтями, барельефовъ, колоннъ, связывающихся вверху въ ключахъ сводовъ, нишъ, изъ сумрака которыхъ чуть-чуть мерещутся новыя изображенія... Положительно мысль теряется передъ этимъ. А «Puerta de los leones»! Это опять чудо искусства и исполненія. Отвяжитесь скорѣе отъ безобразнѣйшихъ нищихъ у входа въ нихъ, швырните имъ что-нибудь и входите сюда... Впереди на шести колоннахъ львы, держащіе въ лапахъ гербы собора, за желѣзною рѣшеткою величавыя врата, въ готическихъ аркахъ которыхъ видна величавая глубь августѣйшей базилики Толедо. Снизу вверхъ вдоль этой арки идутъ статуи, благословляющія васъ, когда вы стоите подъ ними, мраморныя кружева, кажется, заколеблются, когда дунетъ вѣтерокъ,—такъ они легки, тонки, кра-

сивы. Вверху въ развѣтвленіяхъ тонкихъ колоннокъ—медальоны и барельефы. Если бы все каменное населеніе этого собора ожило вдругъ, его одного хватило бы съ избыткомъ, чтобы наполнить цѣлый городъ. Кажется, воображеніе человѣческое никогда не придумывало столько всевозможныхъ фантастическихъ звѣрей, которые здѣсь торчатъ во всѣхъ направленіяхъ. И, тѣмъ не менѣе, общее такъ давитъ эти детали, сливаетъ ихъ, уничтожаетъ своими колоссальными размѣрами, что вы ихъ не видите вовсе. Стоя снаружи, вы замѣчаете только его профиль, его голыя стѣны... Ни одинъ изъ испанскихъ соборовъ до тѣхъ поръ не производилъ на меня такого впечатлѣнія!

Даже досадно становилось, когда, благодаря величію общаго, я сначала проходилъ мимо удивительныхъ его подробностей. Такъ, напримѣръ, только въ пятое посѣщеніе я замѣтилъ надъ однимъ изъ порталовъ кроткую мадонну, наклонившуюся надъ входившими въ соборъ. Надо видѣть, какъ она изваяна. Кажется, камень теплится и живетъ. Чувствуешь бьющееся сердце подъ этимъ мраморомъ. Недаромъ я засталъ однажды передъ статуей толпу поселянокъ, пѣвшую ей, стоя на колѣнахъ, гимнъ:

Virgen de consolacion
Consoladora del triste
Consuela mi corazon.
(Утѣшительная дѣво,
Утѣшительница скорбныхъ,
Утѣшь мое сердце!).

И дѣва, склоняясь надъ ними, казалось, внимала имъ и понимала слова этой молитвы.

Строгость наружнаго фасада совсѣмъ не соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію собора. Тутъ что ни шагъ, то новая деталь, новое очарованіе. Соборъ, когда войдешь въ него, весь точно покрытъ чешуей барельефовъ, картинами, лѣпными украшеніями, памятниками и деревянною рѣзьбой, щитами съ миѳическими изображеніями, позолотою и чисто-золотымъ литьемъ, серебрянными листами и гирляндами. Подобной пышности ни прежде, ни послѣ я не видалъ. Есть художники, которыхъ можно оцѣнить и понять только здѣсь. Таковъ, напримѣръ, Доминго Теотокопули, ученикъ Тиціана, скоро освободившійся изъ-подъ могучаго вліянія своего геніальнаго учителя. Онъ жилъ и работалъ съ 1577 г. въ Толедо, главнымъ образомъ, посвящая свое время его собору. Тутъ подъ этимъ преувеличеннымъ солнцемъ, гдѣ такъ ярки его лучи, такъ чисто и нѣжно небо и такъ мрачны и зловѣщи улицы самаго города, понятны рѣзкіе тоны и крайнія противуположности, неожиданные переходы его картинъ. Въ нихъ нѣтъ ничего обыденнаго, будничнаго. Страсть, умиленіе, вѣра, ненависть, радость,—все въ остромъ пароксизмѣ, въ вершинѣ своего выраженія. Нѣкоторые находятъ воображеніе автора болѣзненнымъ,—не знаю; думаю, что, по самому свойству своего таланта, Теотокопули не могъ улавливать промежуточныхъ тѣней, переходныхъ моментовъ и ему было доступно только послѣднее рѣзкое проявленіе того или другаго чувства. Отсюда у него такъ

часто бѣлый и черный цвѣта смѣняются одинъ другимъ, оттого его святые — дѣйствительные трупы, выходящіе изъ могилъ, и только въ ихъ пламенныхъ глазахъ сосредоточена страшная сила религіознаго экстаза. Посмотрите *Раздѣлъ туники Спасителя*, *Святое семейство*, *Богородицу у креста Распятаго* — и васъ поразитъ замѣчательный творческій дальтонизмъ этого художника.

Теотокопули испанцы не хотѣли уступить Греціи, гдѣ онъ родился, или Италіи, гдѣ онъ. работалъ сначала. Поэтому они дали ему имя Грено и подъ этимъ только его и знаютъ. Самъ Грено былъ такъ же страненъ, рѣзокъ и оригиналенъ въ своей частной жизни, какъ и въ своихъ картинахъ, являлся такою же выдѣляющеюся фигурой, какія онъ любилъ рисовать. Онъ не считалъ, наприм., сообразнымъ съ достоинствомъ художника *продавать* свои картины и поэтому закладывалъ ихъ, включая въ условіе право выкупить по собственному желанію. Онъ никогда не отказывалъ обращающимся къ нему за помощью, но требовалъ одного, чтобы они считали это долгомъ (хотя безъ отдачи) и не смѣли благодарить его. Одного гидальго, которому онъ далъ кошелекъ золота, Грено сбросилъ съ лѣстницы, переломавъ ему ребра, за то, что тотъ наклонился въ порывѣ благодарности поцѣловать ему руку. Женщину, которую онъ страстно любилъ, онъ выгналъ на улицу и во всю жизнь не хотѣлъ съ нею примириться потому, что она для него и его именемъ получила съ монаховъ Санта Клары задатокъ за работу. Его закащики могли принимать его условія или отказываться отъ нихъ прямо и рѣзко, но разговаривать онъ имъ не позволялъ, говоря:

— Здѣсь не лавка и я не торговецъ. Идите вонъ!

Жилъ онъ не по средствамъ.

Рука его, какъ и сердце, была всегда раскрыта. Онъ велъ жизнь истиннаго «кавальеро», и когда герцогъ де ла Санхесъ укорялъ его въ этомъ, Грено ему отвѣтилъ:

— Я трачу то, что мнѣ послано Господомъ Богомъ; мои деньги не облиты слезами и пòтомъ, какъ деньги вашей свѣтлости.

Когда одинъ гордый дворянинъ отказался отъ его вызова, Теотокопули избилъ его палкою на улицѣ. Онъ не подавалъ никогда руки тѣмъ, кто былъ, по общественному положенію, выше его, и когда король пожелалъ осмотрѣть его мастерскую, Грено отвѣчалъ рѣшительно:

— Скажите, что я съ друзьями и намъ некогда.

— Но это король...

— Онъ король на улицѣ, но не у меня въ домѣ. Здѣсь нѣтъ другаго короля, кромѣ Бога и меня.

Когда соборный капитулъ заспорилъ относительно его картины *Св. Францискъ*, онъ схватилъ ножъ и разсѣкъ ее пополамъ. Онъ не позволялъ при себѣ ни хвалить, ни бранить своихъ произведеній. Работалъ онъ такъ много, что современники распустили слухъ, будто онъ только подписываетъ фамилію подъ чужими произведеніями. Теотокопули возмутился и публично въ теченіе недѣли написалъ три большихъ картины. Не-

обузданный, не знавшій предѣла своимъ желаніямъ, онъ переходилъ отъ нищеты къ богатству и отъ богатства къ крайней нищетѣ. Умирая, Теотокопули оставилъ 218 начатыхъ работъ.

Соборъ Толедо считается базиликою всей Испаніи. Внутри онъ раздѣленъ на пять большихъ кораблей. Между ними 83 колоссальныхъ столба, изъ которыхъ каждый представляетъ собою соединеніе 16 стремящихся въ высоту колоннъ, раскидывающихся тамъ во всѣ стороны, образуя множество величественныхъ сводовъ. Соборъ внутри занимаетъ 379 футовъ въ длину и пятьдесятъ въ ширину. Высота его въ центральномъ кораблѣ равняется 150 футамъ. Кругомъ множество богатѣйшихъ капеллъ, на которыя пошла значительная часть золота, доставленнаго въ Испанію изъ Америки. Въ сумракѣ ихъ хранятся величайшія сокровища искусства и толедане вправѣ говорить, что одинъ ихъ соборъ представляетъ цѣнность любого королевства средней руки. 750 оконъ едва-едва оказываются достаточными, чтобы освѣтить внутренность толедскаго собора, причемъ каждое изъ оконъ является въ своемъ родѣ chef d'eauvr'омъ по подбору цвѣтовъ и рисункамъ на нихъ. Когда я вошелъ сюда, безконечное разнообразіе въ окраскѣ лучей, ихъ мистическій свѣтъ, лившійся въ сумракъ стараго собора, ихъ соединеніе и безконечная игра въ пунктахъ встрѣчи, ихъ отраженіе на мраморахъ, золотѣ и серебрѣ, на статуяхъ и барельефахъ, на красныхъ сутанахъ мальчиковъ, прислуживавшихъ въ церкви, на алмазахъ и яхонтахъ окладовъ—производили удивительное впечатлѣніе, точно я былъ въ какомъ-то фантастическомъ, заколдованномъ царствѣ. Тутъ ничто не говорило о сегодняшней мѣщанской дѣйствительности, о нашихъ узенькихъ рамкахъ и дешевой ремесленной роскоши XIX вѣка. Малѣйшая деталь, каждая точка храма была сама по себѣ величайшею драгоцѣнностью. Это цѣлый міръ, который, дѣйствительно, могъ задушить такой народъ, какъ испанцевъ, и такую страну, какъ Испанія. Я началъ уже тогда понимать, что въ блескѣ и призрачномъ великолѣпіи такихъ именно соборовъ околдованные люди на нѣсколько сотъ лѣтъ могли отстать отъ могучаго движенія, охватившаго Европу, и самая до тѣхъ поръ сильная нація въ ней обратилась въ слабѣйшую.

Къ одному изъ нищихъ, «состоящихъ при соборѣ», при мнѣ подошелъ какой-то англичанинъ. Что̀ между ними произошло, я не знаю, только англичанинъ обидѣлся и обозвалъ перваго «оборвышомъ».

Нужно было видѣть, съ какимъ достоинствомъ этотъ завернулся въ изодранную паутину своего плаща и какъ онъ выставилъ руку впередъ.

— Я богаче тебя!... Да, богаче тебя въ своихъ лохмотьяхъ! — гордо произнесъ соборный попрошайка.

— Какъ это?—улыбнулся «инглезъ».

— Да такъ. Что у тебя есть? Я милліонеръ въ сравненіи съ тобою, ибо мнѣ принадлежитъ этотъ соборъ. Онъ мой. Ты слышишь, мой...

— Почему?

— Потому что я толедецъ! Соборъ нашъ, значитъ, и мы... А что ты, жалкій человѣкъ, можешь поставить рядомъ съ этимъ? Если вы издали

пріѣзжаете сюда любоваться нашимъ Толедо, то, значитъ, у васъ нѣтъ ничего подобнаго. Вѣдь, не ѣздимъ же мы къ вамъ.

Англичанина, очевидно, тѣшилъ гнѣвъ оборвыша.

— Если это твой соборъ, продай его и закажи себѣ штаны.

— Продать? Это только вы, англичане, продаете Бога!

Надо было слышать, съ какимъ негодованіемъ произнесъ это нищій. Точно онъ выросъ на преданіяхъ старой сцены благородныхъ отцовъ. Да, впрочемъ, гдѣ театральнымъ благороднымъ отцамъ до этого жеста, до этого величія! Можно было подумать, что царственный соборъ и на «своего нищаго» бросилъ въ эту минуту свой отсвѣтъ.

— Я нищій собора,—объяснялъ онъ мнѣ потомъ.—Я нищій собора, я выросъ здѣсь, я ребенкомъ ночевывалъ въ немъ, на его плитахъ—и умру на нихъ. У какого же царя во всей вселенной есть такой дворецъ? А этотъ «несчастный» вообразилъ, что онъ выше меня и сильнѣе, и богаче!

Войдите вы въ Capilla Major. Она одна цѣлый соборъ. Я думаю, что только могущественнѣйшая имперія, располагавшая богатствами цѣлаго міра, могла создать что-либо подобное. Эта «Капиллья Майоръ» занимаетъ только пространство между четырьмя союзами описанныхъ выше колоннъ. Ея «ретабло» вырѣзано изъ лиственничнаго дерева и состоитъ изъ пяти этажей, переполненныхъ статуями и украшеніями неописуемаго богатства. Всѣ эти балдахины надъ статуями святыхъ, гирлянды, ожерелья, крылья ангеловъ, ниши—въ общемъ сливаются во что-то до такой степени чудесное, фантастическое, что сознаніе дѣйствительности утрачивается, является вѣра въ невозможное. Хаисъ описалъ это retablo на 420 страницахъ,—работа добросовѣстная, но она никакого понятія не даетъ о царственномъ характерѣ цѣлаго. Я, сидя на одной изъ скамеекъ около, наблюдалъ за приходившими сюда путешественниками. Разсѣянность, веселость,—все это сбѣгало у нихъ съ лица и смѣнялось у однихъ благоговѣніемъ, у другихъ—растерянностью. Даже клыкастыя и красныя англичанки переставали стрекотать. Ихъ сорочья болтливость замирала передъ таинственною тишиной гигантскаго собора. По обѣимъ сторонамъ этого алтаря этажами — могилы погребенныхъ здѣсь королей. Тутъ и Санчо II, и инфантъ донъ-Педро, и Альфонсъ VII, и сынъ Хайме-завоевателя. Съ общимъ тономъ всего этого сливается каждая, громадная сама по себѣ, конная статуя этихъ властителей Испаніи до Карла V, сковавшаго изъ разрозненныхъ королевствъ могучую имперію. Нужна была вся звѣриная злоба, весь фанатизмъ маньяка-тюремщика Филиппа II, этой трихины, разъѣвшей могучій организмъ дарованной ему Богомъ страны, чтобы довести ее — цвѣтущую, счастливую и сильную — до такого униженія, нищеты и упадка, въ какихъ она является нынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы понять это, не надо далеко выходить изъ Толедо, считавшаго когда-то 350,000 жителей, а теперь едва-едва насчитывающаго 18,000 душъ.

И какъ изваяны эти памятники! Посмотрите на побѣдителя при los Navas de Tolosa Альфонса VIII и на пастуха, проведшаго христіан-

скую рать черезъ таинственныя и гибельныя ущелья Сіерры Морены... Сколько въ этомъ простоты и дѣйствительной силы! Вотъ и нашъ знакомецъ арабскій докторъ—«альфаки», которому капитулъ обязанъ мудрою передачей этого собора кастильцамъ. Тутъ все заслуживаетъ удивленія и восторга включительно до рѣшотки, надъ которой точно паритъ въ воздухѣ колоссальное Распятіе. И опять то же ощущеніе цѣльности, общности. Все складывается въ гигантскія черты, каждая отдѣльно крупная вещь въ общемъ кажется только тѣмъ, чѣмъ является черточка въ гравюрѣ, мазокъ кисти въ картинѣ.

А хоры, а ихъ «силлерія»! Даже такіе знатоки, какъ Теофилъ Готье, Эдгаръ Кинэ, Шредеръ, де-Латуръ, Давилье, Амичисъ, Борроу, Стэнли, Стюартъ, Этнёръ не находили словъ для выраженія своего восторга передъ ними. Сѣдалища изъ дерева въ три ряда составляютъ силлерію. Каждое—чудо искусства, памятникъ страшнаго вложеннаго въ него труда, вкуса, фантазіи, если хотите, даже генія, потому что какъ Берругатъ, такъ и Филиппъ Бургундскій были, дѣйствительно, геніальными скульпторами «дерева». Готическое искусство въ этомъ отношеніи остановилось на силлеріи толедскаго собора, какъ на предѣлѣ доступнаго. Дальше нельзя было идти, дальше оставалось дать только языкъ и движеніе фигурамъ, въ которыя художники вложили свою душу. Это цѣлый міръ всевозможныхъ изображеній, то дѣйствительныхъ, то полуфантастическихъ, то совершенно сказочныхъ. Ваятелямъ была предоставлена полная свобода брать содержаніе ихъ откуда они хотятъ и они вышли далеко за предѣлы религіозной идеи. Здѣсь и жизнь, и исторія, и сцены любви, и каррикатура, и арабески, и хаосъ перепутанныхъ образовъ, и люди, и цвѣты, и животныя, и ангелы, и созданія средневѣковой демонологіи, кошмаръ и рай,—все перепуталось. Позади, въ нишахъ, колоссальныя фигуры святыхъ, королей, рыцарей, народныхъ богатырей. Это какой-то пантеонъ Испаніи во всѣхъ отношеніяхъ. Прослѣдите за деревянными барельефами, изображающими исторію завоеванія Гренады. Камень подъ рѣзцомъ не принимаетъ такихъ живыхъ формъ, какъ это дерево. Колонны зеленаго мрамора въ силлеріи не нарушаютъ общаго тона ея. Здѣсь же гигантскіе бронзовые пюпитры съ огромными служебниками, разрисованными такими миніатюрами, что каждая изъ нихъ стóитъ Богъ знаетъ какихъ суммъ. Два органа, равняющіеся каждый маленькой церкви, наполняютъ этотъ чудовищный просторъ своими величавыми звуками.

Нищій у воротъ собора былъ правъ, называя англичанина бѣднякомъ въ сравненіи съ собою.

Въ толедской базиликѣ можно изучить всю исторію живописи и ваянія за послѣднія 600 лѣтъ. Тутъ и колоссальный св. Христофоръ съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ,—такой колоссальный, что капитулъ собора, несмотря на грубость рисунка, оставилъ его,—ибо это самое громадное изображеніе въ мірѣ. Тутъ же картины величайшихъ художниковъ католическаго міра. Тутъ и выставка людскаго тщеславія и гордости. Вотъ, напримѣръ, *въ сводѣ храма* надгробная плита. Ей не мѣсто тамъ, вверху,

совсѣмъ не мѣсто. Разспросите гидовъ, и они вамъ разскажутъ *на этотъ разъ* совершенно правдиво объ одномъ толедскомъ богачѣ, оставившемъ собору громадное состояніе съ условіемъ, чтобы тѣло его было замуровано въ сводѣ собора. «Я не хочу,—изобразилъ этотъ благородный гидальго въ своемъ завѣщаніи,—чтобы всякая *сволочь* попирала ногами мой животъ!» Почему онъ оскорблялся именно за животъ, а не за лицо, грудь? Не потому ли, что вся жизнь его была посвящена именно этому мамону? Такъ и почиваетъ кавальеро теперь въ потолкѣ надъ головами молящихся.

Но одна изъ замѣчательнѣйшихъ подробностей толедской базилики — это капелла, гдѣ совершается католическая служба по старому обряду, какъ она совершалась въ первые вѣка христіанства готами. Когда мавры заняли Толедо, то въ числѣ условій капитуляціи готы выпросили себѣ право сохранить для себя шесть церквей, иначе они хотѣли оставить Толедо совсѣмъ. Мавры никогда не притѣсняли побѣжденныхъ,—напротивъ, они жили въ отличныхъ отношеніяхъ съ ними, не давая имъ особенно чувствовать тяжести ихъ положенія. Они отвели для христіанскаго богослуженія церкви, какихъ пожелали и какія указали готы. Четыреста лѣтъ, такимъ образомъ, вѣра сохранялась въ завоеванномъ городѣ, причемъ толедане получили названіе «мозарабовъ», т.-е. живущихъ среди арабовъ. Въ это время на Пиренейскомъ полуостровѣ готическій обрядъ измѣнился, но у толедскихъ «мозарабовъ» онъ сохранился въ первоначальной чистотѣ. Папскій легатъ Рикардо, воспользовавшись завоеваніемъ Альфонса VI, потребовалъ уничтоженія мозарабскаго богослуженія. Жена короля, все та же неистовая, благожелавшая прелатамъ, донья-Констанса, предпочитавшая римскій обрядъ, тоже присоединилась къ легату. Альфонсъ VI въ свою очередь склоненъ былъ считать «мозарабовъ» чуть не еретиками. Толедо, возмущенное насиліемъ надъ его исконными обрядами, готовилось возстать какъ одинъ человѣкъ. Тогда король, испуганный оборотомъ дѣлъ, предложилъ городу Божій судъ, т.-е. рѣшить *поединкомъ*: чей обрядъ болѣе угоденъ Господу, мозарабскій или римскій.

— Пусть само небо укажетъ, на какомъ языкѣ ему пріятнѣе молитва: на готскомъ или латинскомъ.

Мозарабы такъ были увѣрены въ своей правотѣ, что съ восторгомъ приняли это предложеніе. Своимъ бойцомъ они избрали Руиса де ла Матанса, мѣстомъ дѣйствія вегу (поле) около Толедо. Руисъ приготовился къ бою постомъ и молитвой. Исторія не сохранила имя его противника, представителя римскаго обряда. Результатъ битвы былъ именно тотъ, котораго ожидали мозарабы. Руисъ вышелъ побѣдителемъ и старый готскій обрядъ восторжествовалъ. Но Рикардо былъ въ этомъ отношеніи истиннымъ сыномъ папскаго Рима. Въ тотъ самый моментъ, когда толедане плакали отъ радости и служили благодарственные молебны, Рикардо явился къ королю съ доньей-Констансой и убѣдилъ его, что поединокъ ничего не значитъ, что его величество долженъ уничтожить ересь въ самомъ ея корнѣ. Ко-

роль поддался и предложилъ мозарабамъ новое испытаніе. Еще болѣе утвердившіеся въ своей правотѣ, они приняли его не колеблясь. Назначены были общій постъ и молитва. По окончаніи поста на Зокодаверѣ воздвигли громадный костеръ, «залитый масломъ, смолою и другими легко-воспламеняющимися жидкостями». Всю площадь и дома заняла блестящая толпа. Въ городѣ не осталось живой души, все сошлось сюда. Никогда до тѣхъ поръ Толедо не видѣлъ такихъ роскошныхъ костюмовъ. «Королевская ложа сіяла, какъ солнце, прелаты, кардиналы, епископы явились въ невиданномъ великолѣпіи. На другой сторонѣ набожная и скромно одѣтая масса мозарабовъ хранила благоговѣйное молчаніе». Въ одинъ и тотъ же моментъ подожгли костеръ мозарабъ Педро д'Альтамура и одинъ изъ сановниковъ римской церкви. «Пламя поднялось къ небесамъ, какъ бы давая тѣмъ самымъ знать, что Господь принимаетъ вызовъ»,—говоритъ мозарабскій лѣтописецъ. Въ огонь, разгорѣвшійся съ ужасающею быстротой, бросили одновременно два требника—римскій и мозарабскій. Рѣшено было: если небу угодно мозарабское служеніе, то его требникъ не сгоритъ и въ огнѣ. Вся площадь покрылась колѣнопреклоненными людьми. Въ эту минуту одинаково молились обѣ партіи и «Господь свершилъ предъ своими рабами чудо несказанное». Латинскій служебникъ, затлѣвшійся по краямъ, былъ выброшенъ сильнымъ порывомъ пламени вонъ изъ жертвенной купины, такъ что листы его разсѣялись во всѣ стороны, а мозарабскій сіялъ, посреди пламени, невредимый, въ томъ самомъ видѣ, какъ его бросили туда».

Король, королева и прелаты были смущены и «скрѣпя сердце» должны были признать чудо. Обрядъ мозарабскій и старый готскій требникъ сохранились въ Толедо. Сначала мозарабамъ было разрѣшено служить въ соборѣ, послѣ римско-католической литургіи, свою два раза въ недѣлю; но съ теченіемъ времени, когда мозарабы слились съ кастильцами воедино этотъ обрядъ сталъ забываться и исчезать. Онъ бы такимъ образомъ уничтожился въ самой памяти толедскаго населенія, тѣмъ болѣе, что оно перестало понимать языкъ, на которомъ онъ написанъ. Дону Франсиску Хименесу, толедскому архіепископу, обязанъ готскій городъ сохраненіемъ мозарабской службы. Онъ въ соборѣ устроилъ отдѣльную капеллу для нея, приказалъ перевести и напечатать на разговорномъ языкѣ требникъ, до сихъ поръ сохранявшійся въ готическомъ письмѣ, назначилъ спеціальныхъ священниковъ для совершенія службы и первые годы послѣ того неизмѣнно самъ присутствовалъ на ней.

Различіе мозарабскаго обряда отъ католическаго, въ сущности, не важное: «Отче нашъ» и «Вѣрую» читались до выноса даровъ, благословеніе совершалось иначе и просфора дѣлилась на девять частей, которыя священникъ укладывалъ на дискосѣ крестомъ, посвящая каждую часть событію изъ жизни Спасителя. Собственно это ничто иное, какъ первоначальный грегоріанскій обрядъ, хранящійся на Востокѣ, у армянъ и грегоріанцевъ.

Въ капеллѣ мозарабской величайшаго вниманія заслуживаютъ старинныя готскія фрески, изображающія битвы христіанъ съ маврами, и мозаики, присланныя изъ Рима. Всюду старые гербы Толедо,—пять звѣздъ на серебряномъ полѣ и посреди съ высоты купола виситъ кардинальская шляпа Франсиска Хименеса, прозваннаго Сиснеросомъ.

Мозарабская капелла, хотя и выстроенная впослѣдствіи, часто является мѣстомъ, которое избираютъ «призраки» для того, чтобы пугать однихъ и давать шпоры фантазіи другихъ. Трудно перечислить, чего только о ней ни разсказываютъ въ Толедо. Я думаю, на всемъ Рейнѣ съ его замками нѣтъ столькихъ легендъ, сколько ихъ относится къ этой части толедской базилики. Слышали ли вы, напримѣръ, о дочери мавра? Она является прямо изъ стѣны... Между молящимися вдругъ оказывается блѣдная, какъ мраморъ, красавица съ опущенными рѣсницами, въ платьѣ, о которомъ мы имѣемъ понятіе лишь по рисункамъ художниковъ, изображающихъ намъ старый мавританскій бытъ. Она проходитъ отъ одной стороны до другой, отъ стѣны до стѣны. Посрединѣ она останавливается, простираетъ руки къ алтарю и опять идетъ дальше. Она исчезаетъ въ стѣнѣ такъ же, какъ и выходитъ изъ нея. Одинъ разъ смѣльчакъ остановилъ ее, но она подняла на него глаза съ выраженіемъ такой нечеловѣческой тоски, такой страстной муки, что онъ до конца жизни не могъ оправиться и умеръ, бредя ею. Въ другой разъ какой-то «галлего» (выходецъ изъ Галиціи) схватилъ ее за бѣлый край ея накидки, но тотчасъ же отдернулъ руку: она у него вся почернѣла и оставалась всегда такою. Кромѣ дочери мавра, здѣсь оказывается черный рыцарь. Онъ является тоже вдругъ, но въ то время, какъ дочь мавра выходитъ изъ стѣны, черный рыцарь внезапно оказывается стоящимъ у входа въ «капиллью», съ опущеннымъ мечомъ въ рукахъ, но съ поднятымъ забраломъ. Глаза его слѣдятъ за первымъ видѣніемъ съ выраженіемъ непримиримой ненависти; когда въ противуположной стѣнѣ исчезаетъ дочь мавра, черный рыцарь проваливается сквозь плиты и подъ ними слышенъ гулъ... Есть и еще легенда. Иногда въ темныя ночи мозарабская капелла вдругъ освѣщается яркимъ огнемъ. Никто не смѣетъ подступиться къ ней, но разъ заснувшій въ самомъ соборѣ сторожъ видѣлъ чудо: сами собою зажглись лампады, послышалось какое-то странное пѣніе и въ придѣлѣ вдругъ оказалась толпа народа, совсѣмъ не похожаго на нынѣшнихъ посѣтителей собора. Впереди стояло нѣсколько человѣкъ въ пурпурѣ, въ золотыхъ обручахъ съ подвѣсками на головѣ; подвѣски сверкали рубинами и яхонтами. Мой пріятель Гарсіа де ла Вега увѣрялъ, что это короли Рессевинтъ, Вамба и другіе. Разъ черная птица прилетѣла и уцѣпилась когтями за шляпу Сиснероса, висящую въ капеллѣ. Только плохо выбрала моментъ! Въ это время священникъ возносилъ дары и черная птица камнемъ ударилась о полъ, обернулась въ какого-то ящера и поползла, дыша огнемъ, вонъ изъ капеллы. Одинъ изъ служителей схватилъ съ алтаря крестъ и швырнулъ имъ въ этого оборотня, тогда въ церкви послышался

совершенно человѣческій крикъ, полный нестерпимой муки, огонь охватилъ животное и оно въ немъ исчезло... Разсказываютъ, что въ соборѣ часто показываются фантомы на стѣнахъ... Какія-то движущіяся тѣни... Головы можно отличить еще, но все остальное сливается и тонетъ въ сумракѣ. Дѣти видятъ въ цвѣтныхъ лучахъ, падающихъ изъ окна вглубь собора, чьи-то крылья, радужныя, сквозныя... Разъ одинъ ребенокъ протянулъ руки къ нимъ и на него упало перо, сіявшее, какъ звѣзда, но скоро исчезнувшее, какъ исчезаетъ облачко, разсѣявшись въ воздухѣ.

На первый разъ съ меня было довольно.

Я рѣшился на другой день опять вернуться въ соборъ. Теперь же слѣдовало разобраться съ своими впечатлѣніями, придти въ себя. Такое сооруженіе нельзя осматривать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Оно слишкомъ громадно.

Солнце ярко сіяло на улицахъ.

Я быстро прошелъ къ гостиницѣ, гдѣ остановился. Тамъ обѣдали. Запахъ деревяннаго масла, на которомъ здѣсь жарятъ все, тучей стоялъ въ корридорахъ и comedor'ѣ (столовой). Мнѣ едва удалось отыскать себѣ мѣстечко. Сразу пришлось отъ величаваго прошлаго опуститься въ суетливое и мелочное настоящее. Кастеляръ только что произнесъ свою рѣчь въ Мадридѣ, газеты доставили ее въ извлеченіи и страстный споръ загорѣлся по этому поводу.

И какою чудною, прекрасною казалась оставшаяся тамъ, за тѣми величавыми стѣнами базилики, благоговѣйная тишина ея капеллъ, прохлада алтарей, сумракъ далей, въ которомъ скрещивались тысячи лучей изъ цвѣтныхъ оконъ, шепотъ молитвы закутанной во все черное толеданки, распростершейся передъ Мадонной и весь міръ забывшей въ страстномъ порывѣ... Какою поэзіей далекой старины, наивною, вѣрующею, вѣяло отъ всѣхъ этихъ легендъ, какой сладкій туманъ заволакивалъ сердце и мысль, въ какой просторъ уносилась вторая и какъ ширилось первое, точно заключая цѣлый міръ въ своихъ раздвинувшихся стѣнахъ!

Я уже нетерпѣливо ждалъ завтрашняго дня. Меня неотразимо манила къ себѣ мистическая, таинственная тишина мерцавшихъ въ смутномъ сумракѣ придѣловъ.

VI.

Еще соборъ.—Евреи въ Толедо.—Монастырь Санъ-Хуанъ de los Reyes.—Упраздненныя обители.

Нищій толедскаго собора чуть не за своего сталъ считать меня. На другой день, когда я подходилъ къ нему, стоящій у входа Puerta del Leone старикъ Пако заволновался и издали замахалъ мнѣ костылемъ.

— Что такое?

— Какъ же это можно?—негодовалъ онъ.—Развѣ такъ дѣлаютъ?

— Ничего не понимаю.

— Второй часъ уже, какъ кардиналъ здѣсь... Изъ самаго Рима пріѣхалъ... Меня благословилъ тоже!... И съ нимъ всѣ наши прелаты тамъ въ церкви.

— Да мнѣ-то что до этого?

— Какъ что? Развѣ я вчера не видалъ, что вы все въ книжку записываете?

Я вошелъ въ прохладу и сумракъ собора. Опять безчисленныя молчаливыя мраморныя капеллы—въ бронѣ своихъ барельефовъ, въ каменномъ кружевѣ тончайшихъ изваяній,—капеллы, гдѣ, распростершись на своихъ холодныхъ пьедесталахъ, цѣлые вѣка недвижно лежатъ, сложившіе на груди мраморныя руки, прелаты, рыцари, короли, богатыри Старой Кастиліи, со щитами и львами внизу, съ гербами и мечами... Поневолѣ пришли на память строки, когда-то занесенныя въ мою памятную книжку:

Изваянья на стѣнѣ,
Феодалъ въ своей бронѣ,
Шишаки, мечи, тіары,
И корону, и шеломъ
Одинаково кругомъ
Обвѣваютъ смерти чары.

Гербъ на мраморѣ колоннъ
Старымъ стягомъ заслоненъ,
И порою, полны лѣни,
По забытымъ знаменамъ,
По капелламъ и стѣнамъ
Пробѣгаютъ чьи-то тѣни...

Не воскресли-ль мертвецы?
И шеломы, и вѣнцы
Будто перьями колышутъ,
И въ могильной тишинѣ
Чьи-то вздохи слышны мнѣ:
Груди каменныя дышутъ!

Въ строгомъ сумракѣ придѣловъ даже деревянныя, красками расписанныя статуи не оскорбляютъ вашего взгляда. Идешь мимо—и чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе поддаешься благоговѣйному чувству. Такъ что даже вчуже дѣлается обидно, когда до тебя доносится веселый смѣхъ. Невольно всматриваюсь: откуда это? Ба! Совсѣмъ типъ во вкусѣ Рабле. Жирный благополучный каноникъ, у котораго, кажется, отъ природы глаза щурятся на каждый шелестящій мимо него подолъ. Тройной подбородокъ на груди лежитъ, руки, какъ у ребенка, толстыя, точно перевязанныя ниточками, поглаживаютъ животъ, которому позавидовалъ бы и Фальстафъ. На всю эту роскошь старой базилики онъ смотритъ съ лукавою полуулыбкой. Очевидно, то, что для всѣхъ является источникомъ глубокихъ впечатлѣній, для него только средство къ жизни—и ничего больше. Служба, канцелярія! Для донъ-Базиліо нѣтъ здѣсь ни царственнаго величія, ни ле-

гендъ, ни призраковъ. Ему все равно!... Поневолѣ я вслѣдъ ему повторилъ испанскую поговорку:

Se los gitanos son bastizados y cazados,
Se los sacristanos odien la missa,
Se los sacerdotes son religiosos!...*)

Мы идемъ мимо сакристіи, своды которой расписаны Лукою Джіордано, мимо «custodia», осыпанной брилліантами, громадной, какой я до сихъ поръ не видывалъ даже въ испанскихъ соборахъ. Она вся изъ чистаго серебра и золота, вѣситъ около 13 пудовъ. Въ ней 268 статуэтокъ изъ того же драгоцѣннаго матеріала. Надъ ней, по заказу кардинала Хименеса (Сиснеросъ), девять лѣтъ работалъ Энрико де-Арфэ. Цѣлая коллегія ювелировъ продолжала потомъ работу 89 лѣтъ. Кустодія состоитъ изъ массы частей; для того, чтобы сложить ее, надо дѣйствовать по особой книгѣ, написанной тѣмъ же де-Арфэ, съ указаніемъ употребленія и очереди 80,000 винтовъ, связывающихъ ее. Въ кустодіи, какъ въ футлярѣ, другая, уже изъ чистаго золота. Она вычеканена изъ перваго металла, добытаго Христофоромъ Колумбомъ за океаномъ. Дороже алмазовъ въ ней — удивительныя эмали и медальоны съ рисунками, составляющими чудо искусства. А платье Богородицы! На нее пошло 256 унцій мелкаго жемчуга, 85,000 крупныхъ жемчужинъ, болѣе 20,000 брилліантовъ, рубиновъ, аметистовъ. Здѣсь цифры краснорѣчивѣе описанія. Одежда младенца Іисуса, вѣнецъ его и браслеты, надѣваемые въ процессіяхъ на статую Божіей Матери, стоятъ около трехъ милліоновъ рублей! Во время большихъ церковныхъ праздниковъ, когда всѣ эти сокровища выносятся и подъ яркимъ солнцемъ слѣдуютъ по Зокодаверу, улицамъ города и вдоль его стѣнъ, тогда, по словамъ моего пріятеля, нищаго Пако, солнце затмѣвается отъ зависти.

И на каждомъ шагу новая легенда.

Sagrario! Остановитесь тутъ... Въ день, когда мавры нежданно-негаданно вошли въ Толедо, во всѣхъ его храмахъ шла служба, а здѣсь передъ образомъ Спасителя только что зажгли свѣчу... Арабы ворвались въ соборъ, свѣча и икона вдругъ исчезли въ стѣнѣ... Прошло около четырехъ вѣковъ, христіане отняли у мавровъ базилику и городъ, и въ первую же христіанскую службу, когда священникъ вознесъ дары, вдругъ разверзлась стѣна и изъ нея показалась чудесная икона и все также горящая передъ нею свѣча. Не напоминаетъ ли вамъ это преданіе легенду св. Софіи въ Константинополѣ? Тамъ стѣна разверзлась и замкнулась за священникомъ съ дарами и, по словамъ повѣрья, въ день, когда впервые опять раздастся чтеніе Евангелія въ стѣнѣ нынѣшней мечети, священникъ выйдетъ изъ этой стѣны и пріобщитъ чудесно сохранившимися вмѣстѣ съ нимъ дарами побѣдителя невѣрныхъ.

---

*) Если бы цыгане крестились и вѣнчались,
Если бы пономари слушали обѣдню,
А священники были религіозны!

Трудно описывать сокровища толедской базилики. Въ драгоцѣнной мраморной залѣ El ochavo (ochao—осьмиугольный) около ста восьмидесяти серебряныхъ и золотыхъ ковчеговъ съ мощами, причемъ особенною массивностью отличаются раки св. Евгенія и Леокадіи. Чтобы немного отдохнуть отъ этихъ грудъ брилліантовъ, горъ золота, жемчуга, чудныхъ картинъ и скульптуръ, мы уходимъ въ «соро»...

Вотъ онъ, этотъ кардиналъ, полюбоваться на котораго такъ тревожно торопилъ меня Пако!... Пышная свита прелатовъ кругомъ, длинные хвосты канониковъ. Всѣ они преклонили колѣна передъ однимъ изъ сѣдалищъ, отдѣланнымъ съ особенною пышностью. Они касаются его пальцемъ и потомъ цѣлуютъ этотъ палецъ.

— Что тамъ такое?

Каноникъ, котораго я спросилъ, съ негодованіемъ оглядѣлъ меня.

— Да вы, сеньоръ-кавальеро, откуда?

— Не съ луны, но, во всякомъ случаѣ, издали.

— Неужели же вы не слыхали ничего о касультѣ (casulta)?

— Нѣтъ.

Онъ воздѣлъ руки кверху.

— Видите ли, давно это было, еще до мавровъ. Въ старой базиликѣ, стоявшей тутъ, правилъ службу архіепископъ, нынѣ во святыхъ отецъ нашъ Ильдефонсо. Онъ долгое время трудился надъ книгою *De virginitate sanctae Mariae*. Можно сказать, что сочиненіе это было написано пламеннымъ крыломъ серафима. Никогда еще духъ человѣческій не возносился на такую высоту религіознаго восторга. Каждая строчка его объемлетъ душу благоговѣйнымъ порывомъ. Вѣрующіе глазами видятъ образы, которые св. Ильдефонсо изобразилъ вдохновеннымъ словомъ; Пречистая Матерь Божія хотѣла показать, какъ Ей угодно было это произведеніе, и вотъ въ одну изъ мессъ, совершавшихся его авторомъ, Она вдругъ сошла съ небесъ, сѣла на архіепископское мѣсто и когда онъ преклонился передъ Нею, Она надѣла на него «casulta»—ризу. При этомъ Св. Дѣва сказала, что риза принадлежитъ Ея Божественному Сыну. Когда арабы взяли Толедо, касульта была перенесена въ Астурію и теперь находится въ Овіедо, въ соборѣ этого города.

— Хотите поклониться этому мѣсту?—спросилъ онъ у меня.

— Кто же его занимаетъ теперь?

— Кто смѣетъ занять? Если какой-нибудь святотатецъ пробовалъ садиться, его изгоняли ангелы. Разъ какой-то нечестивецъ засмѣялся, проходя мимо, и его поразила молнія.

Надъ этимъ мѣстомъ, надъ камнемъ, куда Мадонна вступила, вдѣланнымъ теперь въ стѣну, существуетъ надпись:

Cuando la Reina del cielo
Puso los pies en el suelo
En esta piedro los puso.

Т.-е.:

Когда Царица неба
Ступила ногою на землю,
На этотъ именно камень ступила.

Отъ капеллы къ капеллѣ, отъ одного чуда къ другому я проходилъ, ошеломленный неисчислимыми ихъ сокровищами, пока передо мною не оказалась antesala капитула толедской базилики. Не въ Альгамбрѣ ли я? Тысячи пестрыхъ арабесокъ разбѣгались во всѣ стороны, нѣжна взглядъ прелестью рисунка и необыкновеннымъ изяществомъ въ подборѣ цвѣтовъ. Сіяющій золотомъ и бирюзой потолокъ переносилъ въ царство сказокъ *Тысяча и одной ночи*. Зала самая тоже заслуживаетъ подробнаго обозрѣнія. Григорій Пардо нѣсколько лѣтъ потратилъ на ея отдѣлку. Вырѣзанные изъ орѣховаго дерева арабески, гирлянды, листья, амуры, сатиры, цвѣты являются верхомъ совершенства. Вы можете разсматривать ихъ въ лупу и—все равно—впечатлѣніе тонкости работы не будетъ нарушено. Въ этой залѣ собирался и собирается весь капитулъ собора, сотосящій изъ богатѣйшихъ людей Испаніи. Руисъ Мендоса говоритъ, что стоявшіе во главѣ этого капитула толедскіе архіепископы, въ то же самое время, примасы Испаніи и великіе канцлеры обѣихъ Кастилій, получали ежегодно не менѣе 200,000 золотыхъ дукатовъ. Самый соборъ имѣлъ 150 beneficiados, состоявшихъ изъ 14 dignidades (главныхъ сановниковъ), 40 canigos, 50 racioneros (пребендаріевъ), 50 capellanes de coro (хоровыхъ капеллановъ) и 4 estravagantes (сверхштатныхъ). Въ числѣ канониковъ числились обязательно испанскіе короли, и такъ какъ они не занимали назначеннаго имъ мѣста на хорахъ, то должны были вносить въ соборъ по 2,000 мараведисовъ ежегодно въ видѣ штрафа.

Когда я вышелъ изъ собора на улицу, мнѣ казалось, что въ шумъ и суету сегодняшняго дня я попалъ разомъ изъ какого-то иного, ничего общаго съ этимъ не имѣющаго міра. Теперь нужно было осмотрѣть колокольню и знаменитыя фрески Байо.

На одной изъ фресокъ, у дверей колокольни «злодѣи жиды» похищаютъ дитя передъ этими самыми дверями, на другой—оно уже на крестѣ съ пробитою грудью. Убійца держитъ у себя въ рукахъ его маленькое сердечко.

Фреска воспроизводитъ басню, которая повторяется здѣсь всѣми. Въ свое время ради нея не мало было сожжено на кострахъ, замучено за рѣшотками св. Германдады неповиннаго народа. Невѣжественная масса въ этихъ внѣшнихъ остаткахъ стараго суевѣрія видитъ непоколебимое доказательство ихъ неоспоримой дѣйствительности. Что съ этимъ сдѣлаешь? Не уничтожать же наслѣдія среднихъ вѣковъ и не обезличивать ихъ часто странные памятники! Легенда разсказана въ *Centinela contra Judios* (*Стражъ противъ іудеевъ*). Приводимъ ее здѣсь, какъ характерное произведеніе средневѣковаго вымысла, съ которымъ невѣжественная масса и теперь не разсталась. Она относитъ событіе къ 1491 году, когда въ Толедо «торжественно и свято» праздновался великій «актъ вѣры», т.-е., попросту, на Зокодаверѣ жгли несчастныхъ жертвъ

инквизиціоннаго трибунала. Нѣсколько евреевъ изъ Темблека, Ла-Гуардіи и Квинтанара присутствовали при этомъ, хоронясь въ толпахъ. Когда костры погасли, они въ подавленномъ состояніи духа шли по улицѣ. Участь эта грозила каждому изъ нихъ. Болѣе впечатлительный квинтанарскій еврей, наконецъ, проговорилъ:

— Я знаю, чѣмъ *ихъ* всѣхъ вывести изъ себя. Я отомщу за нашихъ братій и Моисеевъ законъ будетъ торжествовать еще разъ надъ Распятьемъ.

Они стали совѣтоваться. Злоба смѣнила недавній ужасъ. Собравшись еще разъ въ Темблекѣ, рѣшили похитить младенца, «уста котораго еще не знали лжи, а сердце злобы». Предпріятіе это долженъ былъ выполнить Хуанъ Ираніо, «лукавѣйшій изъ когда-либо подвергавшихся обрѣзанію». Онъ пріѣхалъ въ Толедо и, переодѣтый нищимъ, стоялъ долго именно у этихъ вратъ въ соборную колокольню. Подъ вечеръ къ нему подбѣжалъ прехорошенькій ребенокъ. Еврею удалось заманить его къ себѣ. Пока еще не сѣло солнце, онъ переправился черезъ Тахо и къ утру былъ уже со своею жертвой дома, въ Ла-Гуардіи.

— Откуда это у тебя ребенокъ?—спросили его встрѣтившіеся.

— Мой сынъ. Я отдавалъ его кормилицѣ въ деревню.

На Страстной недѣлѣ всѣ евреи, участвовавшіе въ этомъ заговорѣ, собрались въ гротъ около. Снова открыто было совѣщаніе, что дѣлать. Рѣшили повторить сцены мученичества и смерти Спасителя. Ребенку надѣли на шею веревку и повели его въ синедріонъ. Игравшіе роль первосвященниковъ Каіафы и Анны выслушали свидѣтелей, повторившихъ показанія, тысячу четыреста шестьдесятъ лѣтъ передъ этимъ сдѣланныя передъ настоящими судьями. Затѣмъ ребенка стали заушать и бить, плевали ему въ лицо и богохульствовали, «какъ бы это былъ дѣйствительно Спаситель».

Темблекскій еврей Фернандо де Рибейра игралъ роль Понтія Пилата. Онъ въ точности исполнилъ все, что надо было. Также въ уничиженномъ видѣ показалъ ребенка неистовствовавшей толпѣ, приказалъ одѣть ему на голову терновый вѣнецъ и изрекъ приговоръ.

«Нино»—такъ звали ребенка—былъ мучимъ опять и, наконецъ, распятъ и пронзенъ ударомъ копья.

Въ это самое мгновеніе давно уже слѣпая мать Нино вдругъ прозрѣла.

Они вырвали сердце у Нино и, подкупивъ новообращеннаго изъ евреевъ христіанина Хуана Гомеса украсть для нихъ освященные дары, отправили ихъ съ нимъ къ евреямъ Заморы. Дары, заложенные въ молитвенникъ, были вмѣстѣ съ сердцемъ ребенка завернуты въ холстъ. Добравшись до Авилы, Гомесъ, желая отвлечь подозрѣніе отъ себя, пошелъ въ соборъ и, развернувъ этотъ молитвенникъ, притворился углубившимся въ него. Кромѣ него, тутъ были другіе богомольцы, изумившіеся сіянію, исходившему отъ страницъ этой раскрытой книги. «Онѣ блестѣли, какъ солнце, и только одинъ Гомесъ въ ослѣпленіи своемъ не видѣлъ этого». Всѣ приняли его за святаго, и когда онъ пошелъ въ «posada», гдѣ остановился, послѣдовали за нимъ. Въ Авилѣ, какъ и вездѣ въ Кастиліи, было судилище св. Братства. Члены

его немедленно узнали о чудѣ и о гостиницѣ, гдѣ находится новоявленный угодникъ Божій. Но если толпа вѣрила въ чудеса, то инквизиторы никакъ не могли допустить, чтобы они совершались безъ ихъ предварительнаго одобренія. Въ средніе вѣка и на проявленія божественной силы непремѣнно налагалась предварительная цензура. Посему Хуана Гомеса немедленно доставили въ трибуналъ. Его допросили. Видъ темнаго подземелья, факеловъ, зловѣще сверкавшихъ въ углу, красная фигура палача смутили новообращеннаго. Онъ спутался въ отвѣтѣ; его немедленно заключили въ одну изъ самыхъ страшныхъ тюремъ Авилы, города, пользовавшагося въ этомъ отношеніи высокою репутаціей. При Гомесѣ нашли письма, выдавшія его съ головою, и вскорѣ въ Толедо былъ совершонъ инквизиціонный актъ вѣры: на кострахъ было сожжено около пятидесяти участвовавшихъ въ этихъ новыхъ страстяхъ Господнихъ евреевъ.

Послѣ этого событія, выдуманнаго, какъ надо полагать, инквизиторами, захватившими при этомъ громадныя суммы толедскихъ жидовъ, противъ и безъ того загнаннаго племени началась такая травля, что терпѣливые и смиренные кастильскіе іудеи должны были скрываться и бѣжать изъ страны, и народныя пословицы здѣсь обогатились новою: «берегись спрятавшагося въ капюшонъ инока, голоднаго солдата и гонимаго жида».

Положеніе евреевъ въ Испаніи было всегда ужасно. И всего смѣшнѣе, когда историки, желающіе оправдать своихъ предковъ въ ужасахъ, которые тѣ продѣлывали надъ Израилемъ, приводятъ его ненависть къ христіанамъ. Странное требованіе! Я схвачу васъ за горло, стану душить и при этомъ еще буду требовать нѣжнѣйшей любви ко мнѣ. Евреи, поэтому, не считая себя никогда испанцами, всюду, гдѣ только могли, содѣйствовали арабскому завоеванію. Такъ, Толедо считался и былъ неприступнымъ городомъ. Маврамъ никогда бы не удалось его взять, но жившіе тамъ евреи воспользовались праздникомъ Вербнаго воскресенья и отворили непріятелю ворота, когда всѣ готы были въ церквахъ. Толедскіе евреи еще съумѣли поставить себя, благодаря нѣкоторой находчивости, въ нѣсколько лучшее положеніе. Они заявили публично, что когда Христа предали суду синедріона, то совѣтъ священниковъ подъ главенствомъ Каіафы послалъ одного изъ своей среды къ толедскимъ евреямъ спросить у нихъ совѣта: предать его смерти или освободить. Толедская синагога собралась по этому случаю и постановила торжественно, что Христосъ Іисусъ долженъ быть избавленъ отъ всякаго преслѣдованія. Слѣдовательно, кровь Его не падаетъ на толедскихъ евреевъ. Синагога ссылалась на то, что «отвѣтъ ея по этому поводу, въ оригиналѣ съ латинскимъ переводомъ, хранится въ архивахъ Ватикана». Наивные ученые Толедо, разобравъ это, нашли, что мѣстный Израиль неповиненъ въ смерти Спасителя. Почему имъ разрѣшено было готскими королями строить себѣ синагогу, гдѣ они и молились безпрепятственно до тѣхъ поръ, когда кастильцы вновь не завладѣли древнимъ готскимъ городомъ.

Къ толедскимъ евреямъ мѣстные короли и правители обращались толь-

ко тогда, когда имъ самимъ приходилось жутко. Деньги были у Израиля, и чтобы добыть ихъ, признавались хорошими всякія средства. Такъ, Петръ Жестокій, называвшій своего «казнохранителя», мудраго Самуила Леви, «другомъ», бывавшій у него не разъ въ домѣ, узналъ какъ-то, что его «другъ» ликвидировалъ значительныя суммы.

Онъ немедленно посѣтилъ «друга», обласкалъ его и какъ бы вскользь спросилъ, гдѣ онъ хранитъ свои деньги.

— Ты знаешь, христіане ненавидятъ жидовъ. И я очень боюсь, чтобы они не сдѣлали тебѣ вреда.

Самуилъ Леви успокоилъ короля.

— Я храню ихъ въ такихъ подвалахъ, что народу никогда не добраться до моихъ сундуковъ.

— Однако, толпа въ неистовствѣ своемъ можетъ разнести твой домъ.

— Да, но входъ у меня устроенъ въ мои подвалы изъ выстроенной мною, съ королевскаго соизволенія вашего, синагоги.

— Слава Богу!—значительно произнесъ Петръ Жестокій и, прощаясь, «поцѣловалъ своего добраго Самуила Леви».

Въ ту же ночь, по королевскому повеленію, Леви былъ взятъ изъ своего дома, запертъ въ тюрьму, безъ объясненія причинъ этого насилія. На другой день его пытали, при королѣ, причемъ послѣдній допрашивалъ, гдѣ именно въ синагогѣ находится входъ въ казнохранилище этого еврея. Когда послѣдній указалъ мѣсто, то деньги и сокровища его были взяты въ королевскую казну, а Самуилъ Леви казненъ на Зокодаверѣ за злоупотребленія при взысканіи податей въ Толедо, отданныхъ ему на откупъ. «И,—оканчиваетъ лѣтописецъ,—вѣрные толедане весьма хвалили короля и славили его справедливость».

Одному изъ безчисленныхъ Альфонсовъ, правившихъ королевствомъ изъ Толедо, понравилась еврейка, дочь богача Моисея. Онъ безъ всякой церемоніи приказалъ ее привести къ себѣ во дворецъ. Жидовку схватили и привели къ королю. Ея родные собрались и поднесли ему подарокъ. Онъ его принялъ благосклонно, но заявилъ, что не можетъ отпустить дѣвушку, ибо она уже «раздѣлила его ложе» и теперь находится въ темницѣ.

Евреи, раздирая на себѣ платья, съ отчаяніемъ вопрошали: «за что же?»

И Альфонсъ резонно удовлетворилъ ихъ любопытству. Дьяволъ, видите ли, избралъ «прекрасную еврейку» своимъ орудіемъ для того, чтобы ввести короля въ грѣхъ. Такъ какъ дьявола никакой судъ въ мірѣ вызвать и покарать не можетъ, то рѣшено наказать его—въ «орудіи» его.

Отецъ ея заплакалъ и обнималъ колѣна Альфонса, умоляя возвратить ему дочь.

— О чемъ ты, глупый еврей?... Пойми, что, благодаря этому, Господь проститъ ей прегрѣшенія ея и то, что она была еврейка... Съ костра она прямо попадетъ въ рай. Надо быть такимъ слѣпымъ жидомъ, какъ ты, чтобы не понимать этого и не радоваться.

Маріамъ окрестили въ темницѣ. По малому размышленію, Альфонсъ

рѣшилъ избавить ее отъ смерти въ огнѣ и несчастную удавили въ кельѣ, куда она была посажена. Тѣло ея—и то не было выдано роднымъ. Оно не могло находиться въ рукахъ невѣрныхъ, не потому, что она приняла христіанство, а потому, что «его касалась королевская рука». За то похоронили Маріамъ съ величайшею пышностью и даже самъ король плакалъ на ея могилѣ.

И эти странные люди—жиды смѣли еще быть недовольными королевскою милостью!...

Желая чѣмъ-нибудь облегчить свое положеніе, они начали принимать христіанство, но между новообращенными и христіанами—«viejos y rancios» *)—разомъ образовалась пропасть. Положеніе ихъ не улучшилось вовсе, и они, все-таки, должны были оставлять страну своихъ отцовъ, дѣлая изъ имени Isabel (Изабелла католическая), изгнавшей евреевъ вообще изъ Испаніи въ 1492 году, библейскую Іезавель.

Главными врагами евреевъ въ Толедо и авторами всѣхъ легендъ о нихъ были монахи здѣшнихъ монастырей.

Странно, что народъ, и до Сервантеса смѣявшійся надъ ними, ненавидѣвшій ихъ, все-таки, вѣрилъ имъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи ихъ указаніямъ.

«Монахъ помнитъ то, чего никогда не было, и забываетъ дѣйствительно случившееся»,—говоритъ пословица.

Другая: «Не бери хорошаго монаха—въ друзья, плохого—въ враги».

Третья: «Остерегайся быка спереди, мула сзади и монаха со всѣхъ сторонъ».

Четвертая: «Если монахъ тебѣ сказалъ: теперь день, и ты дѣйствительно видишь солнце въ небѣ, не вѣрь солнцу».

Пятая: «Когда монахъ предлагаетъ тебѣ вкусное блюдо, заставь его сначала самого попробовать».

Понятно отсюда, какой восторгъ въ Толедо вызвало уничтоженіе монастырей. Народъ праздновалъ это событіе, причемъ къ свободномыслящимъ присоединялись и невѣжественные крестьяне. Теперь, безмолвные и молчаливые, угрюмо стоятъ на толедскихъ улицахъ эти оставленныя обители въ некрушимыхъ стѣнахъ своихъ и только мы, неугомонные путешественники, нарушаемъ могильную тишину ихъ и покой... А надо сказать, что святые отцы умѣли строиться на чужой счетъ и ихъ монастыри до сихъ поръ являются грандіозными памятниками, свидѣтельствуя, какая страшная властъ принадлежала нѣкогда ихъ нынѣ благополучно изгнаннымъ хозяевамъ. Чтобы создать такія обители, страна вся должна была обнищать, развалиться и погибнуть, народу ея оставаться въ вѣчномъ мракѣ, обрекая лучшихъ людей своихъ на мученичество.

Да, эти монастыри были дѣйствительно прекрасны.

Проходя по ихъ пустыннымъ заламъ, проросшимъ травою дворомъ, садомъ, за которымъ теперь уже некому ходить, кельямъ, гдѣ уже около

---

*) Старыми и протухлыми,—такъ они себя называли сами.

пятидесяти лѣтъ не слышно человѣческаго голоса, я невольно рисовалъ себѣ *ту* жизнь, когда отсюда шло безпощадное управленіе страной, задушившее ее и въ заключеніе вызвавшее уничтоженіе самого монастыря. Какая поучительная идея заключена въ этихъ руинахъ недавняго могущества! Какой урокъ для безжалостной тираніи, сначала мертвящей все кругомъ, а потомъ умирающей въ свою очередь на пустомъ мѣстѣ! А какихъ только твердынь ни настроили эти повелители недавняго прошлаго! Въ изумленіи проходишь мимо ихъ сооруженій! Они разсчитаны на тысячелѣтія, — на то, чтобы, какъ и пирамиды фараоновъ, пережить своихъ властителей и оставаться, на ужасъ слѣдующимъ поколѣніямъ, памятниками необузданной гордости и уроками для цѣлыхъ народовъ. Эти колоссальныя двери, массивныя стѣны, гордыя башни, мраморные полы, изящныя арки, чудовищныя колонны, это золото на плафонахъ, лазурь и киноварь на стѣнахъ, картины великихъ мастеровъ, служившихъ неправдѣ, статуи, передъ которыми когда-то плакали и молились, а теперь стоитъ рыжій англичанинъ съ путеводителемъ въ рукахъ и повѣряетъ, все ли здѣсь налицо!... Стоило убивать тысячами и умирать самому для столь вожделѣннаго конца! Вотъ, напримѣръ, сохранившійся лучше другихъ Санъ Хуанъ королей (S.-Juan de los Reyes). Посмотрите, какъ гордо до сихъ поръ онъ возвышается среди охраняющаго его безлюдья, какъ могуче готическія стрѣлки его поднялись надъ руинами, какъ эта каменная масса давитъ, страшно давитъ, все окружающее. Твердыня недавняго прошлаго, она издали, словно туча, надвигается на васъ, когда вы подходите къ ней... Фердинандъ и Изабелла Католическая разбили на голову своихъ же братій португальцевъ подъ Торо. Надо было чѣмъ-нибудь увѣковѣчить эту побѣду, тѣмъ болѣе, что они предполагали участіе неба въ этой рѣзнѣ. Сверхъ того, они хотѣли, чтобы останки ихъ почивали въ Толедо, а старые, существовавшіе уже храмы казались недостаточно пышными для этого. Прахъ ихъ, все-таки, не попалъ сюда, а служитъ источникомъ прекраснаго дохода для сторожей королевской капеллы въ Гренадѣ. Тѣ даже подъ шумокъ торгуютъ кусочками Фердинанда и Изабеллы. Одинъ наивный соотечественникъ купилъ такой кусочекъ и носилъ его въ медальонѣ, соединяя, впрочемъ, Фердинанда и Изабеллу въ одно лицо... Спрашивается, что̀ ему Гекуба?... Начавъ постройку монастыря, королевская чета поразила Толедо своею щедростью. Особенно пышные подарки были сдѣланы ею по окончательномъ изгнаніи мавровъ изъ предѣловъ всего Пиренейскаго полуострова. Въ память этого чудной базиликѣ обители были дарованы цѣпи, на которыхъ мавры держали нѣкогда христіанскихъ плѣнныхъ въ Альмеріи и Малагѣ. Изабелла (Іезавель—по толкованію евреевъ) хотѣла окончить всѣ работы до пріѣзда своего супруга. Архитекторомъ былъ избранъ Хуанъ Гуасъ, по указанію Божьему. Легенда говоритъ, что Изабелла не знала, кого избрать строителемъ. Монахи ей совѣтовали своихъ, придворные—тоже. Въ это время какой-то сумасшедшій нищій, проходя подъ окнами ея дворца, крикнулъ:

— Хуанъ Гуасъ удивитъ Кастилію, Хуанъ Гуасъ удивитъ Кастилію!

— Кто такой Хуанъ Гуасъ?—спросила королева у окружающихъ.

Никто такого не зналъ.

Въ эту ночь королева видѣла во снѣ, что какой-то высокій и рослый кастилецъ въ ея глазахъ возводитъ нѣчто чудесное изъ гранита и мрамора. Утромъ, проѣзжая черезъ Зокодаверъ, она вдругъ остановилась, пораженная. Въ толпѣ, восторженно привѣтствовавшей ее, былъ дубликатъ видѣннаго ею во снѣ кастильца.

— Какъ зовутъ васъ?—обратилась она къ нему.

— Хуанъ Гуасъ.

— Кто вы такой?

— Архитекторъ къ услугамъ вашего величества.

Гипноза тогда еще открыто не было, благочестивая королева Изабелла сочла это за указаніе свыше и постройка была поручена Гуасу. Подъ его начало отдали 122 мастера - каменотеса съ цѣлою арміей рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, монастырь былъ законченъ только черезъ 58 лѣтъ послѣ ея смерти. Филиппъ II поторопился, завершилъ его кое-какъ на-скоро и, какъ все, на что онъ ни накладывалъ свою блѣдную, веснусчатую руку, главный фасадъ оказался обезличеннымъ и не соотвѣтствующимъ красотѣ остальнаго.

Солнце жгло сильно, когда мы по старымъ улицамъ подходили къ этому памятнику славнаго прошлаго Кастиліи. Весь въ тонкой рѣзьбѣ своей, манилъ насъ прохладой и тѣнью главный входъ. Рѣзная мраморная арка его была необыкновенно красива: листы и арабески бѣжали по ней снизу вверхъ, гдѣ мраморные ангелы держали въ рукахъ такой же убрусъ съ ликомъ Спасителя. По сторонамъ изящныя колонны, изъ темныхъ нишъ смотрятъ на насъ громадныя статуи святыхъ. Тишина кругомъ... Мы постучались, вышелъ подслѣповатый старикъ, недружелюбно посмотрѣлъ на насъ, причемъ въ его глазахъ такъ и читалось: «опять принесло чертей!» Впрочемъ, дуросъ мигомъ смягчилъ этого цербера и онъ даже показалъ намъ камень, гдѣ разъ явился ангелъ съ пламеннымъ мечомъ, именно потому, что наканунѣ евреи сговорились обокрасть церковь. Чего не знали его сторожа, знало небо и послало сюда хранителя.

— Что же евреи?

— Они, подлецы, увидали ангела издали и не рѣшились подойти.

— Ну, а христіане не видѣли?

— Нѣтъ, не видѣли.

— Какъ же это ангелъ явился жидамъ, а католиковъ не удостоилъ?

— Вѣдь, вотъ подите, какой хитрый народъ эти жиды!—съ негодованіемъ проговорилъ сторожъ, которому, очевидно, только сейчасъ пришло въ голову, что и тутъ Израиль обогналъ благороднаго кастильца.

— Ну, а вы видѣли ангеловъ?

— Мнѣ нельзя ихъ не видѣть!—гордо проговорилъ онъ.—Я состою при

этомъ дѣлѣ!... Я даже видѣлъ разъ, какъ эти вотъ статуи нашихъ благочестивыхъ королей ожили въ лунную ночь...

И онъ указалъ на нихъ.

Статуи были прекрасны, но статуи въ Испаніи есть вездѣ. Особенность Санъ Хуанъ де лосъ Рейесъ не въ нихъ. Мы вошли внутрь и были поражены видомъ разрушенія, царившаго среди этого великолѣпія.

Какъ хорошъ этотъ старый храмъ съ его полуготическою, полуарабскою отдѣлкой внутреннихъ стѣнъ, залъ, трапезной, двора, корридоровъ! Какъ прекрасны эти колонны съ силуэтами святыхъ, королей и кастильскихъ героевъ! Какъ живъ и тепелъ этотъ желтоватый цвѣтъ, который мраморъ принимаетъ отъ времени всюду, гдѣ нѣтъ дождей!... А громадная галлерея, по которой короли шли въ церковь; ея колоссальныя двойныя готическія окна остаются въ памяти съ волнами свѣта, льющагося въ нихъ на каменныя стѣны и мраморные полы. Пышная зелень со двора пробивается сквозь нихъ въ корридоръ и ласково колышется вамъ на встрѣчу, струя по вѣтру свѣжесть и благоуханіе отъ распустившихся на нихъ цвѣтовъ. Высоко-высоко надъ головой скрещиваются своды. Шаги звучатъ гулко... Галлереи эти обходятъ дворъ монастыря кругомъ, пустынны и безмолвны, какъ всѣ здѣсь, какъ сама церковь, печальная въ своемъ сиротствѣ и одиночествѣ. Грустно съ ея стѣнъ глядятъ девизы и гербы, короны и щиты Кастиліи и Аррагона, орлы, когда-то полміра державшіе въ своихъ цѣпкихъ когтяхъ. Широко лучи и тѣни ложатся на плиты невѣдомыхъ могилъ, на дивную рѣзьбу хоровъ, на деревянныя статуи, между которыми есть одна Алонсо Кано чудо въ своемъ родѣ... Меня давитъ безмолвіе этого пышнаго храма, разрушаемаго временемъ и людьми безъ всякаго сожалѣнія. Вѣдь, не невѣжественный же кустодъ можетъ сохранить всѣ эти дива, у него и средствъ нѣтъ на это! Да англичане-путешественники ужъ слишкомъ щедро оплачиваютъ всякое святотатственное расхищеніе сокровищъ обители...

И весь этотъ монастырь таковъ.

Давно уже ни «Ave Maria», ни «Gloria in excelsis» не звучали торжественно и благоговѣйно подъ его сводами. Я входилъ въ ячейки-кельи и тамъ все было покрыто пылью, на которой даже мыши не оставили слѣдовъ. Именно мертвый храмъ, мертвая обитель... Къ разрушенію Санъ Хуанъ де лосъ Рейесъ приложили руку и французы. Въ мистической тишинѣ его, на этихъ обведенныхъ величавыми галлереями дворахъ они во время оккупаціи Толедо устроили... конюшню. Грубая солдатчина тѣшилась, ломала великолѣпнѣйшія мраморныя кружева, головки и руки на барельефахъ, ювелирную отдѣлку стѣнъ и колоннъ, раскалывала памятники надъ могилами прелатовъ и героевъ старой Испаніи... Подъ этими царственными сводами раскладывались костры, на которые пошло не мало превосходныхъ сѣдалищъ монастыря, его деревянныхъ статуй. Огонь костровъ коптилъ своды, заставлялъ трескаться стѣны... Весь дворъ покрытъ осколками разбитыхъ французами скульптуръ, колоннъ, капителей... И, все-

таки, посреди этого уничтоженія гордо и пышно поднимаются несравненныя готическія арки, поразительныя изяществомъ и совершенствомъ своихъ формъ. Какъ смѣло и граціозно возносятся къ небесамъ эти тонкія колонки, обвитыя изумительно вырѣзанными листьями, цвѣтами, птицами, ящерицами, со статуями на высотѣ! Не понимаешь, какъ онѣ держатся подъ этимъ пышнымъ уборомъ, которымъ ихъ покрылъ искусный ваятель... Нѣжно и ласково прижимаются къ этимъ колонкамъ каприфоліи и плющи. Точно легкими листами своими, прикасаясь, хотятъ залечить раны, нанесенныя остаткамъ пышной старины руками невѣжественныхъ или глупыхъ людей. Должно быть, испанцы дѣйствительно богаты такими памятниками прошлаго. Иначе я ничѣмъ не могу объяснить ихъ небрежность по отношенію къ нимъ. Надо видѣть, какъ Италія, наприм., хранитъ свои руины: какъ реликвіи, съ благоговѣніемъ вѣрующаго, съ страстною нѣжностью археолога, съ знаніемъ и искусствомъ художника и ученаго. Когда мы вышли отсюда и оглянулись назадъ на строгій профиль оставленнаго монастыря, такъ цѣльно и рѣзко выдѣлявшійся на темной синевѣ неба, намъ казалось, что мы только что были въ склепѣ, гдѣ схоронены трупы когда-то могучихъ властелиновъ,—когда-то, но ныньче позабытыхъ міромъ...

Да, дѣйствительно, глубокая идея лежитъ въ этихъ разваливающихся памятникахъ стараго міра... И въ этихъ творческихъ громадахъ заключена та же истина непрочности всего, что стоило столькихъ слезъ и крови подневольному человѣчеству. Сѣрые и бѣдные дома толедскихъ предмѣстій кругомъ. Слѣпые. Нѣтъ оконъ на улицу. Безмолвіе и мерзость запустѣнія и на этихъ площадяхъ, гдѣ нѣтъ живой души... Два-три деревца безлистые, но въ цвѣтахъ. Внизу жалуется и плачетъ Тахо въ своихъ крутыхъ обрывахъ. Даль вся въ нѣжныхъ, неуловимыхъ оттѣнкахъ,—такихъ нѣжныхъ, такихъ воздушныхъ, что, кажется, нѣтъ кисти, которая передала бы ихъ полотну...

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Русскій Туркестанъ.

„Сила территоріальнаго расширенія Россіи всегда была больше усвоенія присоединенныхъ народностей“.

Wallace: „Russia“.

За послѣдніе тридцать лѣтъ и безъ того огромная территорія Россійской имперіи получила значительное приращеніе путемъ присоединенія обширныхъ земель, лежащихъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, въ предѣлахъ такъ называемаго Арало-Каспійскаго или Туркестанскаго бассейна. Правда, что далеко еще не всѣ части этого бассейна вошли въ составъ нашего государства, такъ какъ Хива и Бухара, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, считаются самостоятельными, а многочисленныя ханства Афганскаго Туркестана и южная часть Туркменіи пока подчинены Афганистану.

Однако, такое положеніе дѣлъ на нашей среднеазіатской окраинѣ чрезвычайно непрочно. Хивинское и бухарское ханства, въ сущности, находятся въ полнѣйшей фактической зависимости отъ Россіи. Окончательное присоединеніе ихъ къ составу Россійской имперіи есть вопросъ времени и, по всей вѣроятности, весьма недалекаго. Съ присоединеніемъ же Бухары, Россія завладѣетъ также и нѣкоторыми ханствами, нынѣ входящими въ составъ ея и лежащими въ верховьяхъ р. Аму-Дарьи, на Памирѣ, и по правому берегу ея, каковы: Каратигенъ, Дарвазъ, Рошанъ и Шигнанъ. Овладѣвъ ими, Россія войдетъ въ естественныя границы съ Китаемъ, которыя пройдутъ здѣсь по восточной окраинѣ Памира. Что же касается Афганскаго Туркестана, то его составляютъ слѣдующія ханства, лежащія между Аму-Дарьей и горами Гиндукушъ: Ваханъ, Бадахшанъ, Кундузъ, Балхъ, Анхой, Шибирханъ, Сарипуль, Меймене и др. Какъ по природѣ, такъ и по населенію, всѣ эти ханства имѣютъ гораздо болѣе общаго съ Бухарой, чѣмъ съ Афганистаномъ, отъ котораго они отдѣлены высокими и труднопроходимыми горами. Въ виду этого, они только условно подчинены Афганистану, на самомъ же дѣлѣ замѣтно тяготѣютъ къ Бухарѣ и господствующей надъ ней Россіи. То же самое слѣдуетъ сказать и про южную

часть Туркменіи, составляющей афганскую оборонительную линію по направленію къ Герату.

Такимъ образомъ, вся обширная территорія только что перечисленныхъ мелкихъ среднеазіатскихъ ханствъ, лежащихъ по верхнему теченію Аму-Дарьи, къ сѣверу отъ Гиндукуша и древняго Парапомиза, представляетъ область неустойчиваго политическаго равновѣсія, испытывающую на себѣ борьбу двухъ могучихъ вліяній,— съ одной стороны, Бухары и, главнымъ образомъ, стоящей за нею Россіи, а съ другой—Афганистана, сильно поддерживаемаго Англіей. При такомъ положеніи дѣлъ, едва ли возможно сомнѣваться, что рано или поздно обѣ великія европейскія державы, поглотивъ въ себя нынѣ посредствующія государства, Бухару и Афганистанъ, сойдутся на Гиндукушѣ, какъ на единственной естественной или, по выраженію Биконсфильда, научной границѣ, которая въ будущемъ должна раздѣлять азіатскія владѣнія Россіи и Англіи. Во всякомъ случаѣ, при наличномъ порядкѣ вещей, положеніе Россіи къ сѣверу отъ Гиндукуша и Парапомиза достаточно прочно, и нужно думать, что не далеко то время, когда, безъ борьбы и кровопролитія, границы нашихъ обширныхъ среднеазіатскихъ владѣній совпадутъ съ естественными предѣлами Арало-Каспійскаго бассейна, который и теперь уже съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ «Русскимъ Туркестаномъ».

Какъ географическій терминъ, Русскій Туркестанъ обнимаетъ собою довольно значительную площадь азіатскаго материка, простирающуюся отъ Муголжарскихъ горъ и восточныхъ побережій Каспійскаго моря на западѣ до Джунгарскаго Ала-Тау, Тянь-Шаня и Памира на востокѣ; отъ горъ Копетъ-Дага, Парапомиза и Гиндукуша на югѣ до Тарбагатая, Чингизъ-Тау и Арало-Иртышскаго водораздѣла на сѣверѣ. Эта вполнѣ замкнутая и обособленная площадь, лишенная естественныхъ стоковъ къ океану, представляетъ собою неправильный многоугольникъ, замѣтно вытянутый съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Поверхность его имѣетъ до 3.500,000 квадр. верстъ. Для болѣе нагляднаго представленія всей обширности нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, достаточно сказать, что поверхность Русскаго Туркестана, ограниченнаго только что указанными предѣлами, составляетъ $^2/_3$ поверхности Европейской Россіи и почти въ 7 разъ превосходитъ поверхность Франціи.

Впрочемъ, не въ обширности нашихъ среднеазіатскихъ владѣній съ ихъ довольно скуднымъ населеніемъ заключается важное значеніе этихъ новыхъ пріобрѣтеній Россіи, а въ совокупности тѣхъ многочисленныхъ особенностей, которыя со временъ глубокой древности дѣлали этотъ край предметомъ особеннаго вниманія для всего человѣчества. Здѣсь мы имѣемъ область, которая, по всей справедливости, можетъ быть названа гигантскою гекатомбой человѣческаго рода; здѣсь же, во время хаотическаго движенія народныхъ массъ, извѣстнаго подъ именемъ великаго переселеія народовъ, совершались тѣ кровавыя столкновенія, отъ которыхъ гибли цвѣтущія монархіи; сюда направляли свои походы міро-

вые завоеватели. Но не одни боевыя столкновенія видимъ мы въ этомъ краѣ,—въ немъ процвѣтало и мирное развитіе: отсюда, по преданіямъ, произошло разселеніе человѣческаго рода по лицу земли; здѣсь совершилась смѣна нѣсколькихъ культуръ, которыя и донынѣ приводятъ насъ въ изумленіе; отсюда же, изъ Согдіаны, этой священной земли Востока, впервые распространилась кроткая религія Зороастра; наконецъ, тутъ же, въ долинахъ Тянь-Шаня и Гиндукуша, загорѣлся тотъ тихій и ясный свѣтъ арійской цивилизаціи, который разлился потомъ по всему міру. Вдоль древняго Окса (Аму-Дарьи) и Яксарта (Сыръ-Дарьи) долгое время направлялась торговля изъ Внутренней Азіи къ Каспійскому морю, и даже послѣ открытія морскаго торговаго пути рынки Европы все еще снабжались отсюда индійскими товарами. Не меньшій интересъ представляетъ этотъ край и въ физико-географическомъ отношеніи. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлый рядъ рѣзкихъ противуположностей: заоблачныя выси горъ, поднимающихся до 25,000 футовъ надъ уровнемъ моря, смѣняются равнинами, поверхность которыхъ лежитъ ниже уровня воды въ океанѣ; всеоживляющая влажность въ горахъ противуполагается мертвящей сухости воздуха въ пустыняхъ; ужасающій зной чередуется съ леденящею стужей; изумительное плодородіе лёссовой почвы проявляется рядомъ съ ея мертвеннымъ безплодіемъ и т. п. «Но интересъ, представляемый прошедшимъ этой страны,—говоритъ нашъ уважаемый ученый, Р. Э. Ленцъ,—и преобразованіями, совершившимися въ ней въ настоящее время, еще болѣе увеличивается естественно представляющимся вопросомъ объ ея будущности. Сюда должны мы направить наше вниманіе ради будущаго; отсюда предстоитъ намъ распространять наше вліяніе на дальній Востокъ; здѣсь открывается для нашей торговли съ Внутреннею Азіей наиболѣе легкій и удобный путь,—путь, которымъ пользовались уже тысячи лѣтъ тому назадъ, который затѣмъ пришлось оставить, вслѣдствіе упадка культуры въ странѣ и послѣдовавшаго за этимъ одичанія ея обитателей, но который можетъ быть возвращенъ намъ путемъ цивилизаціи и мира» *).

Несмотря, однако, на глубокій интересъ, представляемый этимъ краемъ для всего образованнаго міра, и важное значеніе его для Россіи, значительное большинство русской публики до самаго послѣдняго времени относилось къ нашимъ среднеазіатскимъ владѣніямъ съ изумительнымъ равнодушіемъ, представлявшимъ полную противуположность тому серьезному оживленію, какое было вызвано въ Англіи и другихъ странахъ Западной Европы нашими военными и мирными успѣхами на Востокѣ. Равнодушія этого не чужды были и наши дѣловыя сферы, удѣлявшія чрезвычайно слабое вниманіе нашимъ восточнымъ окраинамъ. Русскіе промышленники и торговцы вели свои сношенія съ Среднею Азіей по старой рутинѣ и въ прямой ущербъ какъ производства, такъ и потребленія. Между тѣмъ, за-

---

*) *Наши свѣдѣнія о нижнемъ теченіи Аму-Дарьи. Зап. Импер. Русск. Геогр. Общества* (по общей географіи), т. IV, 1871 г., стр. 86.

падно-европейскіе капиталисты и предприниматели давно уже соблазняются разработкой естественныхъ богатствъ Русскаго Туркестана и, въ то же время, всячески стараются овладѣть нашими среднеазіатскими рынками.

Только русская наука не раздѣляла этого равнодушнаго и почти пренебрежительнаго отношенія къ новымъ пріобрѣтеніямъ Россіи въ Средней Азіи и въ цѣломъ рядѣ многочисленныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ многія носятъ характеръ научныхъ подвиговъ, достойныхъ глубокаго удивленія, дала обширные матеріалы для всесторонняго познанія Русскаго Туркестана. Опираясь на труды русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, посвятившихъ свои работы этому предмету, мы и рѣшаемся остановить вниманіе читателей какъ на оцѣнкѣ политическихъ и научныхъ успѣховъ, достигнутыхъ нами въ Средней Азіи, такъ и на выясненіи основныхъ задачъ культурной миссіи Россіи въ томъ краѣ, въ которомъ ей предстоитъ играть чрезвычайно важную историческую роль.

Сношенія нашего отечества съ Среднею Азіей очень древни. Многочисленныя находки азіатскихъ монетъ VII—X вѣка въ предѣлахъ средней и восточной Россіи, особенно на пространствѣ отъ тѣхъ частей Поволжья, гдѣ жили волжскіе болгары, и до побережій Балтійскаго моря, служатъ достаточнымъ вещественнымъ доказательствомъ существованія дѣятельныхъ торговыхъ сношеній славянъ съ народами Средней Азіи. По свидѣтельству Ибнъ-Хордадъ-Бека, писавшаго въ серединѣ IX вѣка, наши предки появлялись частью для грабежа, частью для торговли даже по ту сторону Каспійскаго моря. Несторъ также указываетъ путь, какимъ можно «идти въ Болгары и въ Хвалисы (Каспійское море), на востокъ, дойти въ жребій Симовъ». Съ половины же XIII вѣка къ нашимъ торговымъ сношеніямъ съ Среднею Азіей присоединились еще и политическія, явившіяся слѣдствіемъ почти трехвѣковаго владычества татаръ надъ Русью. Послѣ монгольскаго погрома, потрясшаго почти всю Азію и восточную Европу, русскіе князья и простые люди волей-неволей должны были познакомиться съ самыми отдаленными странами, входившими въ составъ огромной имперіи Чингизидовъ.

Благодаря всѣмъ этимъ какъ добровольнымъ, такъ и вынужденнымъ сношеніямъ, въ русскомъ народѣ постоянно поддерживались обстоятельныя свѣдѣнія о Туркестанѣ, занесенныя даже и въ лѣтописи. Такъ, о мѣстѣ рожденія Тамерлана Никоновская лѣтопись говоритъ, что «страна нѣкая есть между яко быти Индѣйкъ сѣверными странами и восточными, именемъ Араръ, нарицаетъ же ся междорѣчье, занеже двоимъ источникамъ, окружающимъ ю, и въ той странѣ сынъ нѣкоего мѣста старѣйшины, именемъ Тамеръ, свирѣпъ зѣло», и далѣе, что «о семъ убо Темиръ-Аксацѣ повѣдаша нѣцыи, яко отъ Заяцкихъ Татаръ отъ Самарханскія отъ Синія орды, иже бѣ за Желѣзными враты». Зная многое о Туркестанѣ, русскіе люди XIII, XIV и XV вѣковъ знали также и дороги, ведущія къ нему, изъ которыхъ одна — сѣверная — шла мимо Аральскаго моря, а другая—южная—направлялась черезъ Астрахань, восточную окраину Кавказа и далѣе въ обходъ Каспійскаго моря.

По мѣрѣ освобожденія Руси отъ монгольскаго ига, въ ней все яснѣе и яснѣе стало обнаруживаться сильное стремленіе къ расширенію на востокъ и юго-востокъ, причемъ починъ въ этомъ движеніи всегда принадлежалъ народу. Со второй же половины XVI вѣка въ это дѣло вмѣшалась и государственная власть. Въ 1552 г. Іоаннъ Грозный окончательно покорилъ Казанское царство, овладѣвъ, такимъ образомъ, ключомъ къ обладанію Волгой. Вскорѣ послѣ этого пало Астраханское царство и, вмѣстѣ съ нимъ, подчинились русской власти Башкирія и Ногайская орда. Волга, сдѣлавшись русскою рѣкой, быстро заселялась и въ короткое время вернула себѣ свое прежнее значеніе главнаго торговаго пути для сношеній съ Среднею Азіей. Событіе это тотчасъ же было оцѣнено иностранцами, которые неоднократно являлись въ Москву съ ходатайствомъ о дозволеніи вести черезъ Русь торговыя сношенія съ Востокомъ.

Одновременно съ этимъ Волга, особенно въ своихъ низовьяхъ, стала театромъ грабежей и разбоевъ со стороны козачества, быстро усилившагося наплывомъ бѣглаго и бродячаго населенія изъ разныхъ концовъ Россіи. Іоаннъ Грозный въ 1577 году выслалъ войска противъ «воровскихъ козаковъ», которые были разбиты и разбрелись въ разныя стороны. Одни изъ нихъ, подъ предводительствомъ знаменитаго Ермака, пошли по Камѣ и Чусовой къ Строгановымъ и впослѣдствіи поклонились царю Сибирскимъ царствомъ, другіе ушли на Донъ и Терекъ и, наконецъ, третьи поселились на Яикѣ (Уралѣ). Эти послѣдніе, окруженные со всѣхъ сторонъ ордами кочевниковъ и сильно нуждаясь во внѣшней опорѣ, также должны были подчиниться московскому царю, что, однако, нисколько не мѣшало имъ производить самовольные набѣги на Хиву, относящіеся къ началу XVII столѣтія. Такихъ набѣговъ было сдѣлано два: одинъ подъ начальствомъ Нечая, а другой—Шамая, и оба они кончились полнѣйшимъ пораженіемъ смѣлыхъ авантюристовъ.

Покореніемъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго царствъ и занятіемъ Яика Россія не уничтожила, а только загнала въ наши нынѣшнія среднеазіатскія владѣнія тѣ подвижныя народныя массы, которыя столь долго тяготѣли надъ нею и задерживали ея развитіе. Хотя и побѣжденные, но все еще свободные кочевники среднеазіатскихъ степей, поддерживаемые независимыми ханствами Туркестана, до такой степени безпокоили и даже громили наши, прилегающія къ нимъ, окраины, что борьба съ ними русской заволжской и сибирской колонизаціи обратилась въ борьбу за существованіе, продолжавшуюся около двухсотъ лѣтъ орьба эта совершалась здѣсь почти безъ всякой поддерж государственной власти и вообще наше движеніе на юго-востокъ въ теченіе XVII и XVIII столѣтій велось безъ всякаго опредѣленнаго плана, подъ вліяніемъ различныхъ случайностей, всецѣло являясь дѣломъ безотчетнаго народнаго стремленія.

Правда, московскіе цари не переставали поддерживать дѣятельныхъ сношеній съ Хивою и Бухарою путемъ довольно частыхъ посольствъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны, но главною цѣлью этихъ сношеній

были, однако, не завоевательныя стремленія, для которыхъ Московское государство было еще слишкомъ слабо, а забота о развитіи торговыхъ связей не только съ Туркестанскимъ краемъ, но и съ далекою Индіей. Особенно частыми стали наши посольства въ XVII вѣкѣ. Очевидно, что при такихъ сношеніяхъ русскія географическія свѣдѣнія о Средней Азіи должны были значительно пополниться. Дѣйствительно, еще Іоаннъ Грозный «въ 1552 году велѣлъ землю измѣрить и чертежъ государства сдѣлать». При Борисѣ Годуновѣ онъ былъ дополненъ, а при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, около 1627 года, старый чертежъ «избился весь и развалился, такъ что впредь по немъ урочищъ смотрѣть не можно», и потому необходимо было «примѣрися къ старому чертежу въ туежь мѣру сдѣлать новый чертежъ всему Московскому государству по всѣ окрестныя государства». Тогда же была составлена къ нему и Книга Большаго Чертежа — этотъ важный историческій документъ, позволяющій судить о полнотѣ русскихъ географическихъ свѣдѣній въ XVI и XVII вѣкахъ какъ относительно Московскаго государства, такъ и относительно странъ, сопредѣльныхъ съ нимъ. Самый чертежъ до насъ не дошелъ, но книга была напечатана нѣсколько разъ.

Характеризуя допетровскій періодъ движенія Россіи въ глубь Азіи, мы не можемъ не отмѣтить, что московское правительство закрѣпляло только то, что было достигаемо путемъ стихійнаго стремленія народныхъ массъ, причемъ оно чаще всего довольствовалось оборонительными мѣрами. Совершенно иначе отнесся къ этому дѣлу Петръ Великій, который, по фигуральному выраженію одной анонимной брошюры *), «прорубая окно въ Европу на моряхъ Черномъ и Балтійскомъ, въ то же время, искалъ ключъ и врата ко всѣмъ азіатскимъ странамъ со стороны Киргизскихъ и Туркменскихъ степей». Исходя изъ сложныхъ политическихъ и экономическихъ соображеній, онъ не находилъ полезнымъ ограничиваться мѣрами пассивной обороны Россіи со стороны Средней Азіи и предпочелъ имъ дѣйствія активныя и наступательныя. Моряку Соймонову онъ самъ говорилъ: «Отъ Астрабада до Балха и Бадакшана только 12 дней ходу, а тамъ, во всей Бухаріи, середина всѣхъ восточныхъ комерцій и тому пути никто помѣшать не можетъ»; а другой, близкій къ Петру человѣкъ, Кириловъ, свидѣтельствуетъ, что «отворенія свободнаго съ товарами пути въ Бухару, Бадакшанъ, въ Балхъ и Индію императоръ Петръ Великій весьма домогался, не жалѣя ни казны, ни людей». Вотъ почему и были снаряжены имъ двѣ военныя экспедиціи: одна отъ р. Иртыша къ Эркети (Яркенду) въ Восточный или Китайскій Туркестанъ, подъ командой Бухгольца, а другая отъ Каспійскаго моря къ Хивѣ въ Западный Туркестанъ, подъ начальствомъ князя Александра Бековича Черкасскаго. Въ концѣ наказа этому послѣднему государь собственноручно приписалъ: «По симъ пунктамъ господамъ сенату съ лутчаю ревностью сіе дѣло, какъ наискоряя, отправить,

*) *Аму и Узбой*. Самара, 1879 г., стр. 7.

понеже зѣло нужно». Какъ извѣстно, обѣ эти экспедиціи окончились полнѣйшею неудачей, за которую Петръ вознаградилъ себя блестящими побѣдами надъ Персіей и подчиненіемъ себѣ побережій Каспійскаго моря.

Какъ ни неудачны были эти первые опыты наступательныхъ дѣйствій Россіи въ Туркестанскій край, однако, они имѣли довольно важныя послѣдствія какъ въ военномъ, такъ и въ научномъ отношеніяхъ. Прежде всего, они невольно привели русскихъ къ необходимости занять новыя пограничныя линіи и къ устройству крѣпостей по рѣкамъ Иртышу и Яику, причемъ иртышская линія получила начало въ 1716 году во время экспедиціи Бухгольца, а уральская была основана только въ 1735 году, послѣ принятія киргизъ-козаками подданства Россіи. Затѣмъ, съ научной стороны наступательныя предпріятія Петра Великаго, всегда интересовавшагося Каспійскимъ моремъ и странами, лежащими къ востоку отъ него, дали весьма цѣнные географическіе матеріалы. «Результатомъ всѣхъ этихъ стремленій Петра,—говоритъ профессоръ Мушкетовъ,—помимо различныхъ свѣдѣній о Туркестанѣ и въ особенности объ Аму-Дарьѣ, появилась первая болѣе точная карта Арало-Каспійской страны, которая въ свое время надѣлала много шуму и имѣла настолько важное значеніе, что французская академія выбрала Петра Великаго, представившаго ей эту карту, своимъ почетнымъ членомъ» *).

Дѣятельное стремленіе Петра расширить предѣлы своей имперіи на юго-востокъ возбудило въ англичанахъ сильныя опасенія, и они поспѣшили внушить Портѣ мысль о необходимости силою оружія остановить успѣхъ русскихъ на Каспійскомъ морѣ, обѣщая на случай войны денежную помощь не только отъ короля, но и отъ всего англійскаго народа.

Событія, происходившія на нашей среднеазіатской окраинѣ въ теченіе прошлаго столѣтія, были крайне маловажны, хотя уже къ половинѣ его обѣ вышеупомянутыя оборонительныя линіи, уральская и иртышская, сомкнулись другъ съ другомъ, и, такимъ образомъ, составилась одна непрерывная, пограничная съ киргизъ-козаками, линія крѣпостей отъ устья р. Яика до Усть-Каменогорска и далѣе, на протяженіи 3,500 верстъ. Линія эта получила названіе оренбургско-сибирской и впослѣдствіи послужила операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшаго наступательнаго движенія русскихъ въ Туркестанскій край. Подъ прикрытіемъ этой же линіи явилась возможность болѣе тщательнаго изученія тогдашнихъ среднеазіатскихъ окраинъ Россіи, что и было исполнено въ концѣ прошлаго столѣтія соединеннымъ трудомъ нѣсколькихъ ученыхъ, которые, по иниціативѣ Екатерины II, совершили рядъ научныхъ поѣздокъ по различнымъ частямъ Россіи. Въ числѣ ихъ назовемъ: Гмелина, Фалька, Палласа, Гюльденштедта, Георги, Лепехина, Рычкова, Соколова, Зуева и друг. Хотя всѣ они только коснулись сѣверныхъ окраинъ Туркестана и ни одинъ изъ нихъ не проникалъ въ глубь его, тѣмъ не менѣе, труды ихъ значительно расширили географическія свѣдѣнія о немъ.

*) *Туркестанъ*, т. I. Спб., 1886 г., стр. 71.

Несмотря на довольно сильное боевое снаряженіе оренбургско-сибирской линіи, она почти совершенно не достигала своего назначенія даже въ смыслѣ пассивной обороны нашей границы, не говоря уже объ активномъ вліяніи на залинейныхъ русскихъ подданныхъ. Киргизы и другіе кочевники, сильно поддерживаемые хивинскими ханами и бухарскими эмирами, безнаказанно производили набѣги на линію, легко прорывались черезъ нее, угоняли скотъ, захватывали въ плѣнъ людей и продавали ихъ въ туркестанскія ханства рабами, и даже открыто нападали на русскія поселенія. Чтобы положить конецъ такому порядку вещей, необходимо было окончательно овладѣть Киргизскою степью, такъ какъ только этимъ путемъ было возможно навсегда обуздать хищничество не только киргизовъ, но и вообще среднеазіатскихъ кочевниковъ. Необходимость этого шага сознавалъ еще Петръ Великій, который, по свидѣтельству мурзы Тевкелева, будучи въ Астрахани, «чрезъ многихъ изволилъ увѣдомиться, что хотя де Киргизъ-Кайсацкая орда—степной и легкомысленный народъ, токмо-де ко всѣмъ азіатскимъ странамъ оная орда ключъ и врата».

Задача эта была выполнена въ теченіе первой половины нынѣшняго столѣтія, для чего, помимо сильныхъ военныхъ и научныхъ рекогносцировокъ, потребовалось выдвинуть въ оба отдѣла Киргизской степи, оренбургскій и сибирскій, достаточное число русскихъ укрѣпленій и поселеній, опиравшихся на значительную военную силу. Результатомъ этого движенія было то, что къ исходу сороковыхъ годовъ русское господство окончательно упрочилось на всемъ пространствѣ къ сѣверу отъ линіи, проходящей отъ полуострова Мангишлака, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, черезъ Аральское море до озеръ Балхаша и Ала-Куля. Вмѣстѣ съ этимъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій, положившихъ начало изученію природы и населенія Туркестана, продолжающемуся и по настоящее время. Вмѣстѣ съ русскими славу первыхъ піонеровъ науки въ этомъ краѣ раздѣляютъ и англичане. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣхъ ученыхъ дѣятелей, посвятившихъ за это время свои силы изученію Туркестана, а потому остановимся только на важнѣйшихъ изъ нихъ. Еще въ 1819 году Н. Муравьевъ предпринялъ весьма трудное и опасное путешествіе съ восточнаго берега Каспія черезъ Туркменскія степи въ Хиву и тѣмъ значительно пополнилъ географическія свѣдѣнія о нихъ. Въ слѣдующемъ же году снаряжается посольство Негри въ Бухару, въ которомъ принимаютъ участіе Мейендорфъ, Пандеръ, Эверсманъ и др. Благодаря участію въ немъ названныхъ натуралистовъ, результаты этого посольства были весьма почтенны какъ въ географическомъ, такъ и въ естественно-историческомъ отношеніяхъ. Въ 1825 году была снаряжена военно-ученая экспедиція подъ начальствомъ Берга, въ составѣ болѣе 2,000 человѣкъ и при участіи Эверсмана, Лемма и др. Экспедиція эта, произведшая сильное впечатлѣніе на Хиву, впервые занялась подробнымъ изслѣдованіемъ Усть-Урта, лежащаго между Araломъ и Каспіемъ, и посредствомъ барометрической нивеллировки доказала, что уровень перваго

лежитъ выше уровня втораго. Особенно много потрудился въ дѣлѣ изученія Арало-Каспійскаго бассейна Г. С. Карелинъ, пріобрѣтшій почетную извѣстность своими путешествіями не только у насъ, но и за границей. Въ 1824 году Карелинъ былъ сосланъ, по приказанію Аракчеева, неизвѣстно за что, въ Оренбургъ и зачисленъ въ тамошній гарнизонъ. Быть можетъ, благодаря этой грустной случайности, русская наука и пріобрѣла въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ дѣятелей, столь много содѣйствовавшаго ея успѣхамъ своими многосторонними занятіями. Онъ умеръ въ 1872 году въ Гурьевѣ. Къ сожалѣнію, большая часть изслѣдованій Карелина, отчасти благодаря пожару, случившемуся въ годъ его смерти, отчасти же благодаря невниманію близкихъ къ нему людей, навсегда потеряны для науки. Не менѣе достойна сожалѣнія судьба другаго талантливаго изслѣдователя Туркестана—Виткевича. Дѣятельность этого предпріимчиваго и ловкаго путешественника тѣсно связана съ началомъ политической борьбы Россіи съ среднеазіатскими ханствами. Сосланный въ 1823 году рядовымъ въ Орскую крѣпость, Виткевичъ обратилъ на себя вниманіе знаменитаго Ал. Гумбольдта, который въ 1829 году совершалъ свое въ высшей степени плодотворное путешествіе по Уралу, Алтаю и Прикаспійскимъ степямъ. Рекомендація геніальнаго ученаго сильно выдвинула Виткевича, который уже въ 1836 году въ азіатскомъ костюмѣ ходилъ съ торговымъ караваномъ въ Бухару, а на слѣдующій годъ былъ отправленъ съ политическимъ порученіемъ въ Афганистанъ къ тогдашнему эмиру Достъ-Магомету. Порученіе это Виткевичъ выполнилъ блестяще, чѣмъ сильно смутилъ англичанъ, но, возвратившись въ Петербургъ въ концѣ апрѣля 1839 года, онъ сжегъ всѣ свои бумаги и застрѣлился. Между изслѣдователями Арало-Каспійскихъ странъ назовемъ еще А. Левшина, Ханыкова, Лемана, Богословскаго, Данилевскаго, Базинера, Шренка и др. Изъ англійскихъ путешественниковъ особенно смѣлыми и замѣчательными были изслѣдованія Муркрафта, Бёрнса и Вуда. Нельзя не упомянуть также о двухъ другихъ отважныхъ англійскихъ путешественникахъ, Конолли и Стодартѣ, которые были казнены въ Бухарѣ въ 1841 году. Большая часть всѣхъ выше перечисленныхъ изслѣдованій пришлась на долю низменной части Туркестанскаго бассейна; что же касается горныхъ частей его, то туда проникали только немногіе, преимущественно англійскіе путешественники. Вполнѣ же доступными онѣ стали только тогда, когда русская власть окончательно утвердилась въ этомъ краѣ, т.-е. за послѣднія тридцать лѣтъ.

Водвореніе русскихъ въ Киргизскихъ степяхъ имѣло самыя благотворныя послѣдствія. Оно сразу достигло полнаго умиротворенія этого обширнаго края, причемъ киргизы оказались вовсе не такимъ безпокойнымъ народомъ, какимъ они представлялись раньше. Но съ упорядоченіемъ дѣлъ въ степи явилась необходимость охраненія самихъ киргизовъ отъ насилій и хищничества хивинцевъ, коканцевъ и поддерживаемыхъ ими туркменовъ, господствовавшихъ по теченію Сыръ-Дарьи. Военныя дѣйствія съ хивинцами начались еще въ 1839 году неудачнымъ походомъ на Хиву генерала

Перовскаго. Затѣмъ, съ укрѣпленіемъ русскихъ на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, дѣйствія эти возобновились въ 1847 году, а черезъ три года послѣдовалъ цѣлый рядъ столкновеній съ коканцами, имѣвшій результатомъ занятіе русскими войсками Заилійскаго края и коканской крѣпости Акъ-Мечети (теперешній Перовскъ). Послѣднее событіе, совершившееся въ 1853 году, имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія и потому съ полнымъ правомъ можетъ считаться исходнымъ моментомъ нашего теперешняго господства въ Туркестанѣ.

Съ этого времени цѣлью нашихъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ стремленій стало Коканское ханство, на которое русскія войска надвигались какъ со стороны Семирѣчинской области, такъ и по Сыръ-Дарьѣ. Такъ, уже въ 1863 году возникло предположеніе сомкнуть сыръ-дарьинскую линію съ Семирѣчьемъ, вмѣсто кружной, болѣе короткою пограничною линіей. Мысль эта и вызвала новыя военныя экспедиціи, такъ какъ провести такую пограничную линію безъ военныхъ столкновеній съ Коканкимъ ханствомъ было совершенно невозможно. Предпріятіе это блестяще осуществилось занятіемъ въ 1864 году крѣпостей Ауліе-Ата и Туркестана, а въ слѣдующемъ году генералъ Черняевъ взялъ Чемкентъ и Ташкентъ.

Успѣхи русскаго оружія въ Средней Азіи въ свое время сильно встревожили англичанъ, такъ что князь Горчаковъ счелъ долгомъ успокоить ихъ правительство особымъ циркуляромъ, въ которомъ онъ выяснялъ, что одна только крайняя необходимость оградить свои владѣнія побуждаетъ Россію къ подчиненію своей власти новыхъ областей, указавъ при этомъ на Сырь-Дарью, какъ на естественную границу съ среднеазіатскими ханствами. Однако, вопреки всѣмъ этимъ успокоительнымъ завѣреніямъ и дипломатическимъ попыткамъ остановить дальнѣйшее движеніе русскихъ войскъ, завоеванія наши продолжались. Неизбѣжное для насъ взятіе Ходжента, послѣдовавшее въ 1866 году, совершенно замкнуло Коканское ханство въ Ферганской долинѣ. Въ то же время, непріязненныя выходки подстрекаемаго англичанами бухарскаго эмира, не постѣснившагося даже заарестовать русское посольство, привели къ полному пораженію его и къ занятію въ 1868 году генераломъ Кауфманомъ Самарканда, а вмѣстѣ съ нимъ и плодородной Зеравшанской долины, что поставило Бухарское ханство въ политическую и матеріальную зависимость отъ Россіи.

Оставалось только свести старые счеты съ Хивою. Въ поводахъ для этого недостатка не было. Не говоря уже о постоянныхъ набѣгахъ хивинцевъ и покровительствуемыхъ ими туркменовъ на наши пограничныя владѣнія, хивинскій ханъ, съ гордостью насчитывавшій подъ своею властью до 750,000 туркменовъ, киргизовъ и каракалпаковъ, и слишкомъ увѣренно положившійся на безпредѣльность и недоступность пустынь, окружающихъ его оазисъ, отказался удовлетворить предъявленное къ нему въ 1872 году требованіе освободить русскихъ плѣнниковъ, въ большомъ числѣ находившихся въ его ханствѣ. Чтобы положить конецъ его самоувѣренной надменности, рѣшено было организовать большую военную экспедицію,

которая и закончилась занятіемъ Хивы въ 1873 году русскими войсками подъ начальствомъ генерала Кауфмана. Часть оазиса, по правому берегу Аму-Дарьи, тогда же была присоединена къ Россіи и по договору, которымъ окончилась хивинская война, за ханомъ была оставлена только именная верховная власть и права верховнаго судьи. Въ вознагражденіе за снаряженіе экспедиціи ханъ обязался уплатить 2.200,000 рублей, съ разсрочкою на 20 лѣтъ, и сверхъ этого уничтожить рабство и признать надъ собою верховную власть русскаго императора.

Одновременно съ этими событіями состоялось дипломатическое соглашеніе съ Англіей относительно Средней Азіи. Еще въ началѣ 1869 года англійское правительство, для успокоенія общественнаго мнѣнія въ Англіи, сильно встревоженнаго успѣхами русскаго оружія въ Туркестанѣ, предложило русскому правительству оставить между владѣніями двухъ имперій въ Азіи нейтральный поясъ, который предохранялъ бы ихъ отъ взаимнаго столкновенія. Принятое въ принципѣ, предложеніе это послужило предметомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, на основаніи которыхъ такой нейтральный поясъ долженъ былъ составлять Афганистанъ. Однако, англичане, желая включить это независимое государство въ сферу своего непосредственнаго вліянія, не остановились на этомъ и повели переговоры уже не о нейтральномъ поясѣ, а о чертѣ раздѣленія сферъ вліянія Англіи и Россіи по р. Аму-Дарьѣ или, по крайней мѣрѣ, по сѣверной границѣ Афганистана. Границу же эту англичане опредѣляли предѣломъ земель, не только состоявшихъ въ дѣйствительномъ владѣніи афганскаго эмира, Ширъ-Али-хана, но и тѣхъ, которыя нѣкогда находились подъ властью его отца, Достъ-Магомета, таковы, напримѣръ, Бадахшанъ и Ваханъ. Все это значительно измѣняло первоначальную основу переговоровъ; однако, въ началѣ 1873 года князь Горчаковъ согласился на присоединеніе Вахана и Бадахшана къ Афганистану, съ тѣмъ, чтобы, съ другой стороны, остальныя ханства, лежащія въ верховьяхъ Аму-Дарьи, т.-е. Шигнанъ, Рошанъ, Дарвазъ и Каратигенъ, вошли въ составъ Бухарскаго ханства. Такимъ образомъ, всѣ эти ханства, помимо всякаго ихъ участія, были подѣлены, а за черту, раздѣляющую вліянія Россіи и Англіи, признана рѣка Пянджъ и составляющаяся изъ нея Аму-Дарья до урочища Ходжа-Сале, въ какомъ положеніи это дѣло остается и по настоящее время.

Черезъ два года послѣ окончанія хивинскаго похода туркестанскимъ войскамъ пришлось снова взяться за оружіе, вслѣдствіе вспыхнувшаго въ Коканскомъ ханствѣ возстанія противъ нелюбимаго народомъ Худояръ-хана съ провозглашеніемъ священной войны (газавата) противъ русскихъ. Быстро развившіяся военныя дѣйствія противъ возставшихъ коканцевъ привели къ занятію Коканскаго ханства, которое, согласно высочайшей волѣ, 5 февраля 1876 г. вошло въ составъ Россійской имперіи, подъ именемъ Ферганской области.

По окончаніи борьбы съ Бухарою, Хивою, Коканомъ и распространеніи непосредственнаго вліянія почти на весь Туркестанъ, оставалось только

покончить съ другимъ не менѣе безпокойнымъ и самонадѣяннымъ врагомъ— туркменами, кочевавшими въ обширныхъ песчаныхъ равнинахъ между Каспійскимъ моремъ и Аму-Дарьей. Военныя дѣйствія противъ этихъ степныхъ грабителей все время шли съ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, на которыхъ еще въ 1834 году оренбургскимъ вѣдомствомъ было устроено Ново-Александровское укрѣпленіе, которое въ 1846 году было перенесено на полуостровъ Мангишлакъ и переименовано потомъ въ фортъ Александровскій. Затѣмъ, въ концѣ 1869 года, кавказскія войска, подъ начальствомъ полковника Столѣтова, переправясь изъ Петровска черезъ Каспійское море, высадились въ Муравьевской бухтѣ и основали г. Красноводскъ. При основаніи этого города имѣлось въ виду создать на восточномъ берегу Каспія опорный пунктъ какъ для бо́льшаго обезпеченія кавказскими войсками господства, пріобрѣтеннаго русскими въ Киргизскихъ степяхъ и Туркестанѣ, такъ и для открытія кратчайшихъ и дешевѣйшихъ торговыхъ путей въ туркестанскія ханства. По отношенію же къ туркменамъ предполагалось всячески избѣгать такихъ мѣръ и предпріятій, которыя могли бы имѣть послѣдствіемъ вооруженное сопротивленіе съ ихъ стороны. Нечего и говорить, что столкновенія съ туркменами были неизбѣжны, и, въ концѣ-концовъ, русскія военныя власти были вынуждены произвести цѣлый рядъ рекогносцировокъ и занять Чекишляръ при устьѣ рѣки Атрека. За этими рекогносцировками послѣдовали другія, иногда и не совсѣмъ удачныя, что чрезвычайно ободряло туркменъ, отчасти подстрекаемыхъ англійскими агентами. Приходилось думать не о томъ, чтобы избѣжать столкновеній, а о томъ, чтобы серьезно дать имъ почувствовать силу русской власти. Первая попытка этого рода была сдѣлана въ 1879 года экспедиціей генерала Ламакина, имѣвшаго цѣлью овладѣть Геокъ-Тепе. Какъ извѣстно, она окончилась полнѣйшею неудачей, сильно компрометировавшею русское вліяніе въ Средней Азіи. Въ виду этого, необходимо было возможно скорѣе и полнѣе ослабить дѣйствіе этой неудачи, для чего въ 1880—1881 годахъ была организована новая военная экспедиція въ Геокъ-Тепе, подъ начальствомъ генерала Скобелева, по настоянію котораго тогда же было положено начало постройки закаспійской желѣзной дороги. Побѣда Скобелева привела къ неизбѣжному подчиненію русской власти почти всѣхъ туркменскихъ племенъ, изъ которыхъ многіе, какъ, напримѣръ, жители Мервскаго оазиса, приняли русское подданство добровольно. Наконецъ, закаспійская желѣзная дорога, доведенная 15 мая 1888 г. до Самарканда, окончательно упрочила господство Россіи въ этой части нашихъ среднеазіатскихъ владѣній.

Всѣ эти событія снова встревожили англійскую печать и правительство. Такъ, когда русскій инженеръ, нынѣ русскій дипломатическій агентъ въ Бухарѣ, Лессаръ, доказалъ своими изслѣдованіями полную возможность постройки желѣзной дороги отъ Асхабада къ Герату, генералъ Раулинсонъ въ своемъ докладѣ, сдѣланномъ по этому поводу 27 ноября 1882 г. въ лондонскомъ геог-

рафическомъ обществѣ, слѣдующими словами характеризовалъ практическую важность изысканій Лессара: «Въ настоящее время мы знаемъ, что величественная горная цѣпь, которая, согласно взглядамъ оптимистовъ, должна служить «Палладіумомъ» для Индіи, есть ничто иное, какъ незначительная серія холмовъ до 1000 метровъ высоты, которая, какъ показалъ Лессаръ, легко исчезнетъ подъ рельсами желѣзной дороги, проложенной русскими инженерами. Если бы г. Лессаръ не сдѣлалъ ничего другаго, кромѣ изученія этого пугала, Парапомиза, о которомъ говорили, что онъ поднимается до высоты 20,000 футовъ къ сѣверу и западу отъ Кабула, то онъ, все-таки, имѣлъ бы большую заслугу. Но онъ сдѣлалъ болѣе: онъ показалъ, что, въ отношеніи физическихъ трудностей, нѣтъ никакихъ препятствій для того, чтобы въ любое время, при работѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проложить желѣзный путь до Герата». Воздавъ затѣмъ похвалу цивилизаторской дѣятельности Россіи въ Средней Азіи, генералъ продолжалъ: «Какъ ни привлекательна и удовлетворительна подобная перспектива, она нисколько не убѣждаетъ меня въ необходимости простирать до Индіи сферу благодѣтельнаго вліянія Россіи и облегчать съ нашей стороны проведеніе желѣзной дороги до Герата. Я не хочу вѣрить, чтобы, при настоящемъ положеніи нашихъ сношеній съ Востокомъ, Англія равнодушно или даже съ удовольствіемъ смотрѣла на предпріятіе, которое, если только оно осуществится, должно сильно ослабить нашъ престижъ въ Центральной Азіи». Еще бо̀льшую тревогу возбудило въ Англіи занятіе Мерва русскими войсками. По мнѣнію такихъ англійскихъ публицистовъ, какъ Марвинъ, О'Донованъ и друг., покореніе Мерва есть не простой захватъ пустыннаго края, а нѣчто гораздо важнѣе. Прежде всего, имъ достигается окончательное соединеніе боевыхъ силъ Кавказа и Туркестана, что уже само по себѣ чрезвычайно важно; затѣмъ, событіемъ этимъ не только завершается завоеваніе среднеазіатскихъ пустынь, но и полагается начало обладанію великою плодоносною горною областью Персіи и Афганистана; наконецъ, Мервъ составляетъ передовой постъ по направленію къ Герату, до котораго русскія войска легко могутъ достигнуть въ теченіе 12 дней.

Въ виду такого настроенія общества, англійское правительство рѣшило дѣйствовать, и хотя Мервъ никогда не принадлежалъ Афганистану, надъ которымъ англичане успѣли уже пріобрѣсти исключительное политическое вліяніе, тѣмъ не менѣе, въ присоединеніи его къ Россіи англійскіе государственные люди усмотрѣли нарушеніе договора, заключеннаго въ 1873 году. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, русское министерство иностранныхъ дѣлъ предложило англійскому правительству провести точную границу между Россіей и Афанистаномъ отъ Ходжа-Сале на Аму-Дарьѣ до персидской границы, составивъ для этого смѣшанную коммиссію изъ уполномоченныхъ Россіи и Англіи. Дѣйствія этой коммиссіи сопровождались цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ выходокъ со стороны афганцевъ, которые присмирѣли только тогда, когда генералъ Комаровъ нанесъ имъ сильное пораженіе на берегу р. Кушки 18 марта 1885 года. Послѣ этого дѣла

дипломатическіе переговоры Россіи съ Англіей значительно обострились, но, тѣмъ не менѣе, соглашеніе состоялось и проведеніе границы было окончено въ 1887 году. Этимъ актомъ и завершился рядъ событій, которыя роковымъ образомъ привели къ подчиненію русской власти почти всю западную часть Средней Азіи.

Рука объ руку съ военными успѣхами шли и научныя завоеванія въ этомъ обширномъ краѣ, чему много способствовало основанное въ 1845 г. Императорское русское географическое общество, а также дѣятельное содѣйствіе научнымъ изслѣдованіямъ со стороны такихъ просвѣщенныхъ администраторовъ, какимъ былъ покойный туркестанскій генералъ губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Со времени утвержденія русскихъ по Сыръ-Дарьѣ, т.-е. съ пятидесятыхъ годовъ, завѣтною цѣлью научныхъ стремленій русскихъ путешественниковъ становится изученіе загадочнаго Тянь-Шаньскаго нагорья, съ перваго же раза представившее очень серьезныя затрудненія. «Изъ трехъ путешественниковъ,—говоритъ одинъ изъ первыхъ изслѣдователей Тянь-Шаня, П. Семеновъ,—одновременно и, можно сказать, по взаимному соглашенію поставившихъ себѣ задачею проникнуть въ глубь Азіи до Тянь-Шаня, только мнѣ одному изъ Сибири удалось проникнуть въ завѣтныя долины величественнаго хребта до ледниковъ Ханъ-Тенгри и верховьевъ рѣкъ Сыръ-Дарьинской системы. Отважно пробравшійся изъ Индіи въ Китайскій Туркестанъ д-ръ Шлагинтвейтъ, въ виду Тянь-Шаньскаго нагорья, сложилъ свою голову на площади Кашгара, а Н. А. Сѣверцовъ, достигшій до западной оконечности Тянь-Шаньской системы изъ форта Перовскаго, увидѣлъ ея снѣжныя вершины только издали, изъ Ташкента, куда послѣ кровопролитной схватки съ коканцами былъ привлеченъ израненнымъ плѣнникомъ на арканѣ» *).

Вскорѣ, однако, Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ возвратился изъ плѣна и, начиная съ 1864 г., онъ всецѣло посвящаетъ себя систематическому изученію Туркестана. Судьба помогла ему изслѣдовать не только Тянь-Шань, но и сказочный Памиръ—эту обширную горную страну, площадь которой составляетъ около 70,000 кв. верстъ. Вообще, можно сказать, горный Туркестанъ былъ такъ же хорошо извѣстенъ ему, какъ его родная Воронежская губернія. Къ сожалѣнію, въ ночь съ 27 на 28 января 1885 г. онъ неожиданно скончался въ самомъ разгарѣ обработки обширныхъ научныхъ матеріаловъ, вывезенныхъ имъ изъ его многократныхъ путешествій въ Туркестанъ.

Съ легкой руки Н. А. Сѣверцова, всестороннее изученіе этого края развивается съ изумительною быстротой. «Уже одно движеніе русскихъ войскъ,—говоритъ профессоръ Мушкетовъ,—доставило множество разнообразныхъ и совершенно новыхъ свѣдѣній о самыхъ отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ частяхъ Туркестана; постоянно дѣлаются новыя съемки, соби-

*) *Туркестанъ и Закаспійскій край въ 1888 г. Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.* т. XXIV, вып. 5, 1889 г., стр. 290.

раются любопытныя данныя о городахъ, населеніи и проч.; литература о Туркестанѣ, особенно съ 1867 года, такъ быстро разростается, что услѣдить за нею представляется дѣломъ далеко не легкимъ, а разбирать ее значило бы писать подробную исторію русскаго управленія» *), что, само собою понятно, не можетъ входить въ нашу задачу. Но мы не можемъ не упомянуть, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ, посвятившихъ свои силы изученію Туркестана. Такъ, нельзя не вспомнить о Валихановѣ, очень талантливомъ и образованномъ киргизѣ, совершившемъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ путешествій. Но жизнь и этого человѣка, полнаго силъ и дарованій, окончилась раньше, чѣмъ этого можно было ожидать,—Валихановъ умеръ на тридцатомъ году жизни отъ чахотки, не успѣвъ сообщить въ печати своихъ богатыхъ свѣдѣній. Чрезвычайно много и въ высшей степени плодотворно потрудился надъ изученіемъ Туркестана и въ частности Коканскаго ханства Алексѣй Павловичъ Федченко, которому всегда дѣятельно и вполнѣ самоотверженно помогала его жена, Ольга Александровна Федченко. Къ сожалѣнію, и ему не суждено было обработать своихъ обширныхъ матеріаловъ,—А. П. Федченко погибъ во время одной несчастной экскурсіи въ 1874 году въ долинѣ Шамуни. За этими тремя именами можно было бы назвать цѣлый рядъ не менѣе достойныхъ ученыхъ дѣятелей, каковы: Борщевъ, Куропаткинъ, Романовскій, Мушкетовъ, Миддендорфъ и др., но подробная характеристика ихъ трудовъ и высокихъ научныхъ заслугъ далеко бы вышла изъ предѣловъ нашего короткаго очерка. Скажемъ только, что плодотворные труды русскихъ ученыхъ за послѣднія двадцать лѣтъ раздѣляли и англичане, особенно члены кашгарской экспедиціи Форсайта, снаряженной въ 1873 году, а въ послѣдніе годы къ нимъ присоединились и французы, изъ числа которыхъ мы назовемъ Бонвало и Капю.

Соединенные труды этой арміи ученыхъ съ величайшею подробностью разъяснили всѣ особенности природы и населенія Русскаго Туркестана. Такъ, по орографіи горныхъ частей Туркестана, въ настоящее время окончательно выясненъ грядовой характеръ такихъ гигантскихъ возвышенностей, какъ Тянь-Шань и Памиръ, причемъ хребты, составляющіе ихъ, имѣютъ приблизительно широтное направленіе, такъ что меридіональный Болоръ-Тагъ Гумбольдта оказался несуществующимъ. Точно также предположенное имъ соединеніе Арало-Каспійскаго бассейна съ Ледовитымъ океаномъ посредствомъ еще сравнительно недавно существовавшаго Арало-Иртышскаго пролива болѣе, чѣмъ сомнительно, по крайней мѣрѣ, геологическія данныя говорятъ скорѣе противъ, чѣмъ за это предположеніе. Далѣе, послѣ тщательныхъ геологическихъ изслѣдованій такъ называемыхъ старыхъ руслъ Аму-Дарьи и особенно знаменитаго Узбоя приходится признать, что Аму-Дарья никогда не впадала въ Каспійское море и что на мѣстѣ Узбоя былъ только проливъ, соединявшій нѣкогда Аралъ съ Каспіемъ. Впрочемъ, съ проведеніемъ закаспійской желѣзной дороги, этотъ жгу-

*) *Туркестанъ*, стр. 180.

чій вопросъ потерялъ всякое практическое значеніе. Нельзя не отмѣтить также несомнѣнно удостовѣреннаго факта замѣтнаго усыханія поверхностныхъ водъ не только въ низменной, пустынной, но даже и въ горной части Туркестана, что представляетъ чрезвычайную важность для будущности этой страны. Геологическими изслѣдованіями, преимущественно послѣдняго времени, выясненъ вопросъ и о происхожденіи летучихъ песковъ, покрывающихъ такія громадныя пространства, какъ Кизылъ-Кумы, большіе Кара-Кумы и др.; оказалось, что только на ограниченныхъ пространствахъ пески эти морскаго происхожденія, чаще же всего они представляютъ типичныя наземныя образованія, возникающія путемъ разрушенія отъ вывѣтриванія подстилающихъ песчаныхъ породъ. Рядомъ съ этимъ было удостовѣрено чрезвычайно обширное распространеніе, особенно въ области предгорій, лёсса или желтозема, представляющаго одну изъ плодороднѣйшихъ почвъ, но только подъ условіемъ обильнаго орошенія. Чрезвычайно важное значеніе воды въ этомъ почти безводномъ краѣ, количество ея запасовъ и условія пользованія ею были разъяснены также съ величайшею подробностью. Собраны подробныя свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ Туркестана, которыя, за исключеніемъ каменнаго угля, нефти, каменной соли и желѣза, оказались далеко не столь значительными, какъ это предполагалось раньше. Выяснены многія особенности растительнаго и животнаго міра этого края, а равно и этнографическій составъ его населенія, очень рѣдкаго въ пустыняхъ и чрезвычайно скученнаго въ оазисахъ и такихъ плодородныхъ долинахъ, какъ Ферганская, Зеравшанская и др. Не оставленъ безъ вниманія характеръ землевладѣнія и условія земледѣльческой культуры. Изучены нравы и промыслы населенія; выяснены его религіозные и умственные интересы. Короче сказать, весь край подвергся всестороннему изслѣдованію, позволившему не только узнать его во всѣхъ подробностяхъ, но и намѣтить также цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, требующихъ столь же тщательнаго изученія, которое далеко еще нельзя считать вполнѣ законченнымъ. Въ окончательномъ же результатѣ мы, мало того, что завоевали, но и изучили Русскій Туркестанъ, т.-е. пріобрѣли все то, что только необходимо для быстраго развитія богатыхъ производительныхъ силъ его природы и населенія.

Въ этомъ отношеніи Россіи предстоитъ въ высшей степени важная и чрезвычайно благородная культурная миссія въ Средней Азіи, успѣшное выполненіе которой составитъ ея несомнѣнную заслугу передъ всѣмъ человѣчествомъ. Было бы, конечно, крупною ошибкой мечтать о томъ, чтобы создать изъ Русскаго Туркестана вторую Индію. Задача наша гораздо скромнѣе,—обезпечивъ какъ внѣшнее, такъ и внутреннее спокойствіе въ немъ, мы должны создать здѣсь такой порядокъ вещей, при которомъ, безъ обремененія государственнаго бюджета и расхищенія естественныхъ богатствъ края, благоденствіе его населенія было бы вполнѣ упрочено, а производительныя силы его достигли возможно высшаго процвѣтанія. Короче ска-

зать, мы должны возвратить цивилизаціи тѣ области Средней Азіи, которыя служили нѣкогда ея колыбелью.

Обращаясь къ разъясненію нѣкоторыхъ частностей вышенамѣченной задачи, мы, прежде всего, остановимся на характеристикѣ внѣшней политической обстановки, въ которой въ настоящее время находится Русскій Туркестанъ. Если не принимать во вниманіе такихъ ничтожныхъ по своему значенію и полунезависимыхъ государствъ, какъ Бухара и Афганистанъ, то остается только признать, что, подчинивъ себѣ Туркестанъ, Россія затронула интересы слѣдующихъ трехъ государствъ: Персіи, Китая и Англіи.

Что касается перваго изъ названныхъ государствъ, то нашу границу съ нимъ на большемъ ея протяженіи составляютъ довольно высокія (6,000—9,000 футовъ) горы Копетъ-Дага, прорѣзанныя нѣсколькими горными проходами, по которымъ проложены болѣе или менѣе удобныя дороги. Только далѣе къ югу, около Мешхеда и Серахса, русская граница съ Персіей болѣе открыта и всегда можетъ быть перейдена безъ особыхъ затрудненій. Но, принимая во вниманіе прекрасныя отношенія, существующія между Персіей и Россіей, и, главное, то плачевное состояніе, въ какомъ находится персидская армія, можно съ увѣренностью сказать, что съ этой стороны едва ли возможно ожидать какого-либо столкновенія. Правда, Россія подчинила себѣ почти всѣ туркменскія племена, на обладаніе которыми могла претендовать Персія, но, въ сущности говоря, персидское населеніе только выиграло отъ замиренія Туркменіи, которое, прежде всего, избавило его отъ постоянной опасности увода въ плѣнъ и обращенія въ позорное рабство, а затѣмъ замѣтно оживило промышленность и торговыя сношенія. Если же къ этому прибавить, что о какихъ-либо наступательныхъ по отношенію къ Персіи дѣйствіяхъ со стороны Россіи не можетъ быть и рѣчи, то для насъ станетъ вполнѣ очевиднымъ, что эта часть нашей среднеазіатской границы надолго можетъ быть названа вполнѣ прочной и обезпеченной.

По отношенію къ Китаю дѣло представляется нѣсколько иначе. Не говоря уже о совершенно условныхъ границахъ съ нимъ въ области Памира, въ предѣлахъ Средней Азіи есть еще одна мѣстность, занимающая нѣсколько щекотливое положеніе. Такова Кульджа, совершенно открытая со стороны Россіи и замкнутая со стороны Китая высокими горами. Еще въ 1871 году, въ связи съ дунганскимъ возстаніемъ, охватившимъ весь западный Китай, русскія войска, для обезпеченія спокойствія въ русскихъ предѣлахъ, заняли Кульджинскую область, которую черезъ десять лѣтъ русское правительство возвратило китайцамъ, хотя населеніе ея и сейчасъ замѣтно тяготѣетъ къ Россіи. Этою уступкой мы значительно успокоили китайцевъ, но возможность столкновенія съ ними вовсе не устранена ею, особенно при томъ значительномъ протяженіи, какое имѣютъ наши границы съ Китаемъ. Несомнѣнно, что китайское правительство имѣетъ свои виды на пограничныя владѣнія Россіи и ради этого всячески старается

упрочить свою власть среди все еще враждебно-настроеннаго магометанскаго населенія западнаго Китая. Съ этою цѣлью оно, при помощи европейскихъ инженеровъ, строитъ здѣсь укрѣпленія, улучшаетъ пути сообщенія, обезпечиваетъ продовольствіе и боевое снаряженіе своихъ войскъ и т. п. Впрочемъ, до вооруженнаго столкновенія Китая съ Россіей, повидимому, еще далеко,—первый пока не достаточно силенъ для этого, а послѣдняя не имѣетъ поводовъ искать его.

Несравненно болѣе натянутыя отношенія существуютъ на афганской границѣ, особенно между рѣками Герирудомъ и Мургабомъ, гдѣ она ближе всего подходитъ къ Герату. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что теперешняя наша граница съ Афганистаномъ даетъ не дѣйствительное, а только дипломатическое удовлетвореніе тѣхъ интересовъ, какіе заявляютъ раздѣленныя ею государства. Съ одной стороны, Россія стремится войти здѣсь въ тѣ естественные предѣлы Арало-Каспійскаго бассейна, какіе проходятъ по Гиндукушу и горамъ, лежащимъ къ сѣверо-западу отъ Кабула, а съ другой—Англія постоянно тревожится за цѣлость не столько Афганистана, сколько своихъ владѣній въ Индіи. При такомъ положеніи дѣлъ, какъ бы ни были мирно настроены руководители политики въ Петербургѣ и Лондонѣ, никто, однако, не можетъ поручиться за будущее. Отношенія на нашей афганской границѣ настолько натянуты, что достаточно новаго инцидента, подобнаго столкновенію на Кушкѣ, или народнаго возмущенія въ Афганистанѣ, чтобы самые мирные планы русскихъ военныхъ властей были нарушены и войска двинулись въ предѣлы Афганистана, чего Англія, какъ она уже сама объявила, ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ.

И такъ, Россія находится подъ постоянною угрозой столкновенія съ Англіей на афганской границѣ. «И не тамъ ли, — спрашиваетъ по этому поводу извѣстный географъ Элизе Реклю,—въ центрѣ тяжести азіатскаго континента, должна гораздо больше, чѣмъ въ Константинополѣ, разрѣшиться, наконецъ, великая проблема политическаго равновѣсія между Европой и Азіей, извѣстная подъ именемъ *восточнаго вопроса*?» *). Конечно, трудно сказать, произойдетъ ли здѣсь военное столкновеніе этихъ двухъ великихъ европейскихъ націй, столь различныхъ по нравамъ и учрежденіямъ, владѣющихъ огромными колоніями, которыя сами по себѣ могутъ составить цѣлыя имперіи, и раздѣленныхъ только узкою полосой земли, или, наоборотъ, онѣ мирно будутъ продолжать развиваться одна на сѣверѣ, а другая на югѣ отъ Гиндукуша, каждая сохранивъ за собою совершенно различныя сферы дѣятельности? Какъ бы то ни было, но Россія должна быть ко всему готова, возможно полнѣе обезпечивъ себя въ своихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, гдѣ ей, помимо политическихъ и военныхъ задачъ, предстоитъ гораздо болѣе важная мирная работа.

Обращаясь, затѣмъ, къ мѣрамъ по обезпеченію порядка и спокойствія внутри завоеванныхъ странъ, мы должны замѣтить, что достигнутые въ

*) *L'Asie russe. Nouv. Géorg. univer.* T. VI, Paris, 1881 г., стр. 469.

этомъ отношенiи результаты поистинѣ изумительны. Тамъ, гдѣ 10—15 лѣтъ тому немыслимо было проѣхать безъ прикрытiя значительной военной силы, въ настоящее время для проѣзжающихъ является такая же степень опасности, какъ на любомъ русскомъ проселкѣ. Достаточно сказать, что какъ за время постройки, такъ и при эксплуатацiи закаспiйской желѣзной дороги, которую сами туркмены называютъ желѣзными цѣпями, приковавшими ихъ къ Россiи, не было ни одного случая злонамѣренной порчи рельсоваго пути со стороны туземцевъ. Благодаря утвержденiю русской власти въ Туркестанскомъ краѣ, такiе исконные враги, какъ персы и туркмены, теперь мирно работаютъ рядомъ другъ съ другомъ, совершенно забывъ про то, что еще такъ недавно они безъ ненависти не могли смотрѣть другъ на друга. Благодѣтельность такой перемѣны оцѣнена даже, хотя и въ довольно сдержанной формѣ, однимъ изъ нашихъ политическихъ противниковъ, генераломъ Раулинсономъ, по словамъ котораго, «никто не станетъ отрицать, что успѣхи русскаго оружiя на востокъ отъ Каспiя въ послѣднее двадцатилѣтiе принесли громадную пользу краю: отвратительный торгъ невольниками со всѣми сопутствующими ему ужасами уничтоженъ, разбои прекращены, магометанскiй фанатизмъ и жестокость его ослаблены и сдержаны. Торговля стала болѣе безопасною, мѣстное искусство и промышленность поощряются, и на нужды населенiя обращается болѣе вниманiя, нежели это дѣлалось при азiатскихъ правителяхъ».

Понятно, что новыя условiя общежитiя, водворенныя русскими въ ихъ теперешнихъ владѣнiяхъ, кажутся чрезвычайно заманчивыми для обитателей пока еще независимыхъ ханствъ Средней Азiи, что значительно способствуетъ укрѣпленiю въ нихъ русскаго влiянiя. «Спокойствiе и порядокъ въ русскихъ областяхъ Туркестана, несравненно менѣе отяготительныя податныя обязательства, которымъ подчиненъ здѣсь туземецъ, русскiй подданный, въ сравненiи съ коканскими, бухарскими и прочими сартами, при всѣхъ другихъ облегченiяхъ, матерiальныхъ и нравственныхъ, дѣлаютъ край весьма привлекательнымъ для всѣхъ, кто по собственному опыту или по слухамъ успѣлъ ознакомиться въ смежныхъ владѣнiяхъ съ новыми условiями жизни народной, подъ русскимъ владычествомъ. Земледѣльца манитъ сюда обезпеченная жатва, половина которой не будетъ отнята изъ его рукъ ханскими серкерами (сборщиками-откупщиками податей), амлякдарами и привилегированными собственниками земли. Безземельнаго чернорабочаго ждетъ вѣрный и хорошiй заработокъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ прочная надежда на возможность устроить хозяйство самостоятельное, вмѣсто тяжелой бѣдности и постоянной работы за скудную плату, при той дурной экономической организацiи, которая въ ханствахъ держитъ трудящуюся массу въ безвыходной бѣдности, подъ постояннымъ гнетомъ злоупотребленiй административныхъ, податныхъ и владѣльческихъ. Наконецъ, торговцу въ краѣ гарантированы свободныя отъ зякетныхъ стѣсненiй и произвольныхъ поборовъ коммерческiя предпрiятiя, обставленныя такими важными льготами, которыя даютъ несравненныя преимущества и прибыли туземцамъ, нашимъ

подданнымъ, на ряду съ туземцами въ ханствахъ. Какъ могущественны и неотразимы, по вліянію на умы населенія, всѣ обозначенныя обстоятельства, всего лучше доказывается существованіемъ въ каждомъ изъ этихъ владѣній сильной и опирающейся на живое сочувстіе народныхъ массъ партія, стремящейся положить конецъ послѣднимъ признакамъ политической самобытности ханствъ, чтобы достигнуть для нихъ тѣхъ же благодѣяній мира и порядка гражданственности, какими пользуется нынѣ туземное населеніе Русскаго Туркестана» *).

И такъ, первые шаги наши въ Туркестанѣ были несомнѣнно успѣшны. Остается только обезпечить дальнѣйшій успѣхъ нашей культурной работы. Громадную услугу въ этомъ отношеніи оказало проведеніе сплошнаго желѣзно-дорожнаго сообщенія на протяженіи 1,360 верстъ, отъ береговъ Каспія до Самарканда. Самыя простыя соображенія заставляютъ желать, чтобы этотъ грандіозный путь былъ продолженъ до Ташкента, до котораго отъ Самарканда около 350 верстъ. Этимъ будетъ достигнуто не только соединеніе съ главнымъ городомъ всего края, но и въ то же время, будетъ открытъ необходимый сбытъ богатымъ и разнообразнымъ произведеніямъ плодородной Ферганской области. Нужно думать, что послѣ недавней поѣздки въ Туркестанъ министра финансовъ осуществленіе этого предпріятія и вообще улучшеніе путей сообщенія не заставятъ долго ждать себя. Во всякомъ случаѣ, постройка не только ташкентскаго участка закаспійской желѣзной дороги, но и еще нѣсколькихъ рельсовыхъ путей будетъ несравненно плодотворнѣе, чѣмъ всѣ многолѣтнія и безуспѣшныя попытки учрежденія пароходства по среднеазіатскимъ рѣкамъ. Конечно, въ ограниченныхъ размѣрахъ оно несомнѣнно возможно и развитіе его крайне желательно, но при этомъ, однако, все-таки, не слѣдуетъ забывать, что въ Средней Азіи вода имѣетъ другое, несравненно болѣе важное назначеніе, какъ элементъ, оживляющій почву, которая только до тѣхъ поръ даетъ обильные урожаи, пока пользуется достаточнымъ орошеніемъ.

Когда русскіе впервые водворились въ Туркестанскомъ краѣ, они, какъ люди сѣвера, богатаго водою, мало или даже совсѣмъ не цѣнили столь благодѣтельнаго значенія воды, пробуя пользоваться ею или для судоходства, или для рыболовства. То и другое прививалось крайне плохо. Въ то же время, искусственная поливка полей и луговъ, какъ дѣло новое и совершенно непривычное, почти не примѣнялась ими. Мало того, забрасывались и даже совсѣмъ разрушались оросительныя сооруженія, устроенныя руками прежнихъ обитателей этихъ мѣстъ. Наконецъ, только въ недавнее время на этотъ предметъ было обращено необходимое вниманіе и устройство правильной ирригаціи введено въ кругъ неотложныхъ нуждъ края. При этомъ, однако, почти съ первыхъ же шаговъ возникъ цѣлый рядъ затрудненій какъ съ технической, такъ и съ юридической стороны, что

---

*) *Проектъ всеподанн. отчета туркест. ген.-губернатора фонъ-Кауфмана.* Спб. 1885 г., стр. 133—134.

при нашей неподготовленности значительно затормазило дѣло. Для устраненія техническихъ затрудненій пришлось даже обратиться къ опыту иностранцевъ, какъ это случилось недавно съ ирригаціонными сооруженіями въ Мервскомъ оазисѣ по теченію р. Мургаба. Что же касается юридическихъ затрудненій, то здѣсь участіе иностранцевъ совершенно безполезно и намъ приходится устранять ихъ своими собственными силами. Все дѣло въ отношеніи этихъ затрудненій сводится къ тому, чтобы, не ограничиваясь частными мѣропріятіями, выработать общій сводъ правилъ, утвержденныхъ законодательнымъ порядкомъ, о правахъ владѣнія и пользованія водами, предназначенными для орошенія. Какъ извѣстно, наше законодательство въ этомъ отношеніи крайне неполно, между тѣмъ какъ для такихъ частей Россіи, какъ Крымъ, Кавказъ и Туркестанъ, это одинъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ, послѣ того, какъ, войдя въ составъ Россійской имперіи, они подчинились общимъ законамъ, дѣйствующимъ въ ней. Вотъ почему вопросы водовладѣнія и ирригаціи должны быть безотлагательно поставлены на очередь и разрѣшены съ полнѣйшимъ вниманіемъ и осмотрительностью. Вмѣстѣ съ этимъ должны быть употреблены всѣ зависящія средства для расширенія оросительной сѣти и при этомъ въ интересахъ не столько крупной, какъ о томъ мечтаютъ нѣкоторые загребистые предприниматели, сколько мелкой собственности. Недостатка въ водѣ для этого не будетъ, такъ какъ только въ трехъ большихъ рѣкахъ Туркестана: Аму-Дарьѣ, Сыръ-Дарьѣ и Или, по приблизительному разсчету, имѣется свободное количество воды, совершенно достаточное для орошенія пространства не менѣе 100,000 кв. верстъ или болѣе 10.000,000 десятинъ. Такимъ образомъ, только путемъ разумнаго пользованія водою и достаточнаго орошенія мы будемъ въ состояніи отнять у пустыни и возвратить культурѣ обширнѣйшія пространства земли, способной прокормить многочисленное населеніе.

Вообще энергичная борьба съ мертвящимъ вліяніемъ пустыни составляетъ одну изъ основныхъ задачъ нашей дѣятельности въ Туркестанѣ. Между тѣмъ, мы пока не только ничего не сдѣлали въ интересахъ успѣха этой борьбы, а, наоборотъ, даже способствовали тому, чтобы пустыня съ ея летучими песками еще дальше продвинулась внутрь культурныхъ земель. Прежде всего, этому сильно способствовало безпощадное истребленіе лѣсовъ въ горахъ и кустарниковой растительности въ песчаныхъ пустыняхъ. Въ послѣднее время дѣло дошло даже до того, что истребленію подвергается не только всякая надземная поросль, но даже и корни, чѣмъ окончательно разрушается защитный растительный покровъ песковъ, которые послѣ этого уже свободно развѣиваются вѣтромъ. Дѣлается все это, конечно, по нуждѣ въ топливѣ, а отчасти и вслѣдствіе неразумнаго хищничества. Во всякомъ случаѣ, необходимо возможно скорѣе положить этому предѣлъ, а для снабженія населенія достаточнымъ топливомъ безотлагательно приступить къ разработкѣ каменноугольныхъ и нефтяныхъ мѣсторожденій, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ Туркестанскомъ краѣ.

Что касается вопроса о его заселеніи, то не слѣдуетъ забывать, что при разрѣшеніи его приходится считаться, прежде всего, съ размѣрами площадей, достаточно орошенныхъ и годныхъ подъ культуру. При наличномъ порядкѣ вещей, всѣ такія земли на-перечетъ извѣстны и онѣ едва ли будутъ въ состояніи вмѣстить бóльшее населеніе, которое и безъ того довольно густо размѣщено на нихъ. Поля же безъ искусственнаго орошенія или «ляльми» могутъ удовлетворить не осѣдлаго жителя, а только такого полукочевника, какъ киргизъ, такъ какъ урожай на нихъ и невеликъ, и мало обезпеченъ. Впрочемъ, на болѣе или менѣе значительныхъ высотахъ земледѣліе возможно и безъ искусственнаго орошенія, но поля въ этомъ случаѣ должны быть расположены на высотахъ не менѣе какъ въ 3—4,000 футовъ, а такихъ земель не можетъ быть особенно много.

Вотъ почему колонизація края русскими поселенцами должна быть ведена съ крайнею осторожностью, дабы не было никакихъ поводовъ къ неудовольствіямъ какъ со стороны поселенцевъ, такъ и со стороны мѣстнаго населенія. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ уже опытъ козачьей колонизаціи въ Туркестанѣ, который далъ чрезвычайно поучительные результаты. Козаки были поселены не по принужденію, а по охотѣ на бывшихъ киргизскихъ земляхъ въ Семирѣченской области, причемъ имъ были отведены въ надѣлъ лучшія земли въ количествѣ 100 десятинъ на хозяйство и, сверхъ этого, оказана и денежная помощь. Въ результатѣ же оказалось, что спустя 8 лѣтъ послѣ водворенія козаковъ на новомъ мѣстѣ изъ 22,376 десятинъ, отобранныхъ въ надѣлъ имъ отъ киргизовъ, подъ пашней было всего лишь 1,526 десятинъ. Сверхъ этого, козаки совершенно истребили лѣса въ занятомъ ими районѣ, запустили ирригаціонныя сооруженія и т. п. «Экспропріація лучшихъ киргизскихъ пашень и кочевокъ (подъ выгонъ и покосы), систематическая эксплуатація киргизъ, замѣнившая для станичниковъ правильное трудовое хозяйство, ихъ притѣсненія, вымогательства, поборы, нарушавшіе грубо наиболѣе священные изъ обычныхъ правъ и исконныхъ вольностей туземнаго киргизскаго населенія,—все это вносило, въ то же время, неизбѣжное развращеніе въ среду самого козачьяго населенія» *). Насколько жутко приходилось отъ нихъ киргизамъ, можно судить по слѣдующимъ характернымъ выраженіямъ жалобы киргизовъ Каптай-Матаевской волости, принесенной ими на козаковъ въ 1864 году: «По направленію къ Балхашу, если покочевать въ пески, мало травъ, волости не помѣстятся и скотъ можетъ выпасть... На воздухъ летѣть—крыльевъ не имѣемъ, и на сохраненіе скота—мѣстъ также не имѣемъ». Болѣе удачною мѣрой было привлеченіе въ Семирѣченскую область переселенцевъ изъ крестьянъ, но и они почти забросили земледѣліе и занялись другими промыслами и мелкою торговлей. Въ Сыръ-Дарьинской области дѣло было еще хуже. «Попытки водворить русскихъ крестьянъ,—говоритъ академикъ Миддендорфъ,—не удались тамъ по Сыръ-Дарьѣ, гдѣ киргизы съ энергіей

---

*) *Проектъ всеп. отчета турк. г.-губер. фонъ-Кауфмана*, стр. 151.

и успѣхомъ занимались земледѣліемъ, напримѣръ, близъ Казалинска и форта Перовскаго, или между Джулекомъ и Туркестаномъ. Переселенцы не могли сладить съ орошеніемъ: оросительныя воды то изсякали, то разливались, уничтожая все на своемъ пути»... «Поселеніе крестьянъ на этихъ земляхъ,— говоритъ онъ далѣе,— совершенно не удалось, хотя они были осмотрѣны и облюблены ходоками. Они не могли приспособиться къ уже готовымъ ирригаціямъ: то Сыръ-Дарьи имъ не хватало, то она затопляла ихъ посѣвы, то объявляли они, что земля выпахана, т.-е. истощена... Короче, дѣло кончилось тѣмъ, что они, наконецъ, пораспродали свой скотъ и занялись мелкою торговлей; только нѣкоторымъ посчастливилось въ извозѣ, тогда какъ другіе ушли на рыбныя ловли, открывшіяся въ устьяхъ Арала» *).

Конечно, не слѣдуетъ обобщать столь плачевныхъ результатовъ русской колонизаціи въ Туркестанѣ, но, во всякомъ случаѣ, успѣхи ея незначительны. Тѣмъ не менѣе, мы вполнѣ признаемъ и возможность, и необходимость такой колонизаціи, но организована она должна быть съ большимъ знаніемъ дѣла и полнѣйшею осторожностью. Полезное указаніе для этого даетъ нашъ знаменитый знатокъ Туркестана, Н. А. Сѣверцовъ, по мнѣнію котораго для успѣшнаго поселенія выходцевъ изъ Россіи и удачнаго выбора мѣстъ для нихъ необходимы два условія: 1) «чтобы эти мѣста были свободны, и колонизація произошла бы безъ стѣсненія кореннаго мѣстнаго населенія, и 2) чтобы эти мѣста соотвѣтствовали русскимъ хозяйственнымъ привычкамъ, т.-е. были бы обезпечены лѣсами и дождемъ для земледѣлія; съ орошеніемъ и насажденіемъ лѣсовъ наши поселенцы плохо справляются, а болѣе умѣютъ запускать существующіе арыки, истреблять лѣсъ и просить, затѣмъ, объ отводѣ земли на новыхъ мѣстахъ» **).

Большое значеніе въ смыслѣ болѣе прочнаго заселенія Туркестана имѣетъ годъ отъ года увеличивающееся обращеніе кочевниковъ, туркменовъ и киргизовъ, къ осѣдлой жизни и земледѣльческой культурѣ. Не нужно думать, чтобы это достигалось примѣненіемъ какихъ-либо принудительныхъ мѣръ,—наоборотъ, это совершенно естественный процессъ, который русскимъ властямъ остается только регулировать. Эти новые земледѣльцы или, какъ ихъ называютъ здѣсь, «игеньчи», не только охотно «садятся» на землю, но и примѣняютъ на ней пріемы высшей земледѣльческой культуры, т.-е. орошеніе, травосѣяніе и т. п., предпринимая для этого нерѣдко грандіозныя ирригаціонныя сооруженія. Такъ, въ 1883 году, киргизы Джулекской волости, Перовскаго уѣзда, просили разрѣшить имъ возобновить древній, совершенно заброшенный оросительный каналъ Чіели и, получивъ разрѣшеніе на это, такъ быстро повели дѣло, что уже черезъ два года изъ этого канала было орошено и засѣяно до 7,000 десятинъ земли, ранѣе того бывшей совершенно безплодной. Разумное руководство этимъ

---

*) *Очерки Ферганской долины.* Спб., 1882 г., стр. 348.

**) *Путешествіе по Туркестанскому краю.* Спб., 1873 г., стр. 93.

процессомъ осѣданія кочевниковъ можетъ имѣть для края не меньшее значеніе, чѣмъ колонизація его пришельцами со стороны. Трудъ этотъ значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Туркестанѣ есть обширный контингентъ прекрасныхъ туземныхъ мелкихъ хозяевъ-собственниковъ, который можетъ представить отличную школу для этихъ новыхъ «прозелитовъ» земледѣлія. Таковы сарты и таджики, представляющіе исконное арійское населеніе, прочно привязанное къ землѣ.

Дѣйствительно, это природные земледѣльцы, для которыхъ земледѣліе, и, притомъ, крайне интензивное, составляетъ своего рода культъ. Насколько оно идеализировано въ глазахъ мѣстнаго мусульманскаго населенія, можно судить уже по тому факту, что народная литература выработала даже особый земледѣльческій катихизисъ или *Ресайль*. Вотъ нѣкоторыя обѣщанія, какія даются въ этомъ *Ресайлѣ* земледѣльцу: «Послѣднее дыханіе человѣка, изнурившаго себя постомъ, потъ земледѣльца или сажателя деревьевъ и кровь мученика представляютъ равную заслугу передъ Богомъ. Богъ не только приравнялъ земледѣльца книжникамъ, воинамъ и богомольцамъ, но и поставилъ перваго превыше другихъ, ибо безъ земледѣльца ни книжникъ не можетъ посвятить себя изученію Корана, ни воинъ вести войны, ни богомолецъ ходить въ Мекку... Истинно великій Богъ, за каждое посѣянное земледѣльцами зерно, вычеркиваетъ изъ книги грѣховъ десять прегрѣшеній, содѣянныхъ имъ, заноситъ въ нее десять награжденій и возвышаетъ его мѣсто въ раю на десять ступеней. Если зерно всходитъ и зеленѣетъ — это равнозначуще съ воскрешеніемъ вѣрующаго земледѣльцемъ; зеленѣющая нива молитъ Бога о прощеніи грѣховъ сѣятеля» *). Патрономъ земледѣлія въ этомъ *Ресайлѣ* считается самъ Адамъ, который избралъ себѣ земледѣліе, какъ благороднѣйшій изъ промысловъ. Любопытнѣе всего, что *Ресайль* замледѣльца очень древняго происхожденія—составленіе его относятъ къ XIV вѣку. Неудивительно, что при такомъ вѣковомъ воспитаніи интереса къ земледѣлію, мѣстное земледѣльческое населеніе достигло изумительнаго совершенства, представляя прекраснѣйшій обращикъ могучаго значенія этой дѣйствительно благороднѣйшей отрасли народнаго труда. Обладая крайне незначительными участками земли, они съ необыкновенною тщательностью обрабатываютъ ее, употребляя при этомъ самыя утонченные, вѣками выработанные пріемы интензивной земледѣльческой культуры, и получаютъ при этомъ баснословные урожаи, о которыхъ наши земледѣльцы и понятія не имѣютъ. Помимо земледѣлія, таджики и сарты охотно занимаются также огородничествомъ и садоводствомъ. Вообще, это чрезвычайно дѣятельный и богато одаренный элементъ туркестанскаго населенія, хотя и не чуждый недостатковъ и пороковъ, привитыхъ ему вѣковымъ рабствомъ.

Благодаря своему превосходству въ духовномъ отношеніи, неоднократно порабощаемые, таджики, однако, всегда представляли господ-

---

*) *Очерки Ферганской долины*, стр. 354.

ствующій интеллигентный слой въ народѣ, выдвигая изъ своей среды учителей, ученыхъ знатоковъ Корана, духовенство, старшинъ (аксакаловъ) и даже столь важныхъ по своему значенію «кази», т.-е. судей и законодателей. При новомъ, русскомъ, господствѣ они вполнѣ удержали свое прежнее положеніе и, несмотря на недовѣріе къ нимъ русскихъ властей, они были охотно назначаемы на должность старшинъ. Какъ землемѣры, собиратели статистическимъ данныхъ, какъ фельдшера и наблюдатели метеорологическихъ явленій, они въ короткое время успѣли зарекомендовать себя съ самой выгодной стороны. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ дѣлѣ распространенія новыхъ полезныхъ свѣдѣній, занятій, отраслей производства таджики будутъ очень полезны намъ, такъ какъ они чрезвычайно воспріимчивы ко всякаго рода удачнымъ нововведеніямъ. Для этого только необходимо отвлечь ихъ отъ торгашества и расширить ихъ умственный кругозоръ, открывая для нихъ низшія и среднія школы, въ которыхъ на первое время сообщались бы свѣдѣнія чисто-прикладнаго характера, распространяя между ними учебники и книжки на ихъ родномъ языкѣ, съ изложеніемъ научно практическихъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ повседневному обиходу жизни, и т. п. Всѣ эти мѣры совершенно примѣнимы, такъ какъ грамотность здѣсь повсемѣстно распространена въ народѣ. Во всякомъ случаѣ, намъ нельзя не считаться съ этимъ сильнымъ культурнымъ элементомъ, такъ какъ сарты и таджики не удовольствуются уже скромною ролью послушныхъ подданныхъ, а стремятся къ большему. Если еще до русскаго господства они успѣли ассимилировать узбекскую народность, то въ настоящее время они съ неменьшею энергіей стараются о томъ же по отношенію къ киргизскому населенію, далеко вдвигаясь въ него своими мелкими хуторами, лавочками и т. п. «Нельзя не остановиться на роли этихъ мелкихъ осѣдлостей, на важности ихъ для киргизскаго населенія. Особенную важность представляетъ то, что съ самаго возникновенія своего степные хутора сартовъ естественно становятся здѣсь не только центрами и разсадниками земледѣлія, но и культурными школами перевоспитанія кочевниковъ въ духѣ общемусульманской сартовской гражданственности. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ нельзя не отдать справедливости особой энергіи, искусству и практическимъ пріемамъ сартовъ-колонизаторовъ, оставляющихъ далеко за собою нашихъ русскихъ крестьянъ, поселенныхъ въ Семирѣченской степи. Земледѣльческія и торговыя способности сартовъ, неустанное и упорное трудолюбіе ихъ, въ соединеніи съ бережливостью и умѣренностью въ потребностяхъ, ихъ практическая опытность въ искусственномъ орошеніи, садоводствѣ и огородничествѣ создаютъ въ немного лѣтъ тамъ, гдѣ они селятся, цвѣтущіе благоустроенные оазисы, на мѣстахъ, служившихъ до нихъ пастбищами или убогими пашнями, эксплоатировавшихся кочевниками грубѣйшими первобытными способами» *). Оставляя въ сторонѣ дурную сторону вліянія ихъ, какъ ограниченныхъ фанатиковъ или суевѣрныхъ ханжей, все-таки, мы

*) *Проектъ всепод. отчета турк. ген.-губер. фонъ-Кауфмана*, стр. 142.

не можемъ игнорировать эту громадную культурную силу, всячески стараясь направить ее въ интересахъ высшей европейской культуры. Единственнымъ средствомъ для этого можетъ служить не сила «приказа» или «распоряженія за № 000», а возможно широкое распространеніе просвѣщенія и призывъ на наши окраины людей образованныхъ и чуткихъ къ запросамъ мѣстной жизни. При ихъ участіи могли бы возникать на мѣстѣ общества, имѣющія цѣлью искорененіе предразсудковъ, вредныхъ обычаевъ, дурныхъ нравовъ, ослабленіе фанатизма, возрожденіе духовныхъ интересовъ народа и т. п. При участіи этихъ же силъ могла бы возникнуть мѣстная періодическая печать, которой почти совсѣмъ нѣтъ въ этомъ краѣ.

Между тѣмъ, практика нашего культурнаго воздѣйствія на народы Средней Азіи шла пока по совершенно иной дорогѣ. Мы охотно устраиваемъ всю внѣшнюю, показную сторону культурной обстановки, начиная желѣзными дорогами, электрическимъ освѣщеніемъ, мостовыми и т. д. и кончая извощиками, городовыми и другими аттрибутами внѣшняго благополучія; мы поддерживаемъ всякаго рода торговыя и промышленныя предпріятія, организуемыя на американскій манеръ; держимъ себя за панибрата съ туземцами; строимъ для нихъ мечети; организуемъ благотворительныя учрежденія и т. д.,—все это, конечно, очень хорошо, но хорошо постольку, поскольку за этимъ стоитъ другое, болѣе важное дѣло, сущность котораго по отношенію къ Средней Азіи прекрасно формулирована въ слѣдующихъ глубоко симпатичныхъ словахъ уважаемаго изслѣдователя Ферганы, академика Миддендорфа: «Часто подъ непонятными для насъ формами все еще существующей культуры мы встрѣчаемъ тамъ такія условія, которыя должны быть тщательно изслѣдованы и надлежаще признаны, прежде чѣмъ европеецъ сочтетъ себя вправѣ ворваться въ эту своеобразную жизнь для измѣненія ея къ лучшему. Съ неотвратимою естественною необходимостью развилось, при существовавшихъ тамъ условіяхъ, оригинальное своеобразіе, которое должно быть сохранено, подобно своеобразію каждаго комплекса среди безчисленныхъ другихъ членовъ нашего неизмѣримаго государства, вмѣщающаго въ себѣ разнообразнѣйшія мѣстныя особенности. Наши сотоварищи по подданству могутъ быть приведены къ цѣли—достиженію высшаго совершенства развитія—лишь тогда, когда будетъ обращено должное вниманіе на каждую историческую, т.-е. порожденную естественною необходимостью, особенность. Правда, на бумагѣ быстро достигается формальная однородность; но дѣйствительные успѣхи являются плодомъ лишь терпѣливой, выносливой и добросовѣстной работы. Впрочемъ, и такая работа можетъ оказывать совершенствующее вліяніе на судьбы какой-либо страны лишь постольку, поскольку она поддерживается высшею культурой и цивилизаціей, равно какъ и практическимъ направленіемъ ума» *).

В.—ъ.

---

*) *Очерки Ферганской долины,* стр. 451.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ послѣднее время наша періодическая печать особенно усердно занималась болгарскими дѣлами. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужили статьи одной петербургской газеты, въ которыхъ корреспондентъ сообщалъ подробности о своемъ свиданіи съ Стамбуловымъ и другими болгарскими министрами, а также съ германскимъ и австрійскимъ консулами въ Софіи. Нашъ консервативный лагерь раздѣлился при этомъ на двѣ части: съ одной стороны были *Новое Время* (гдѣ помѣщались статьи г. Татищева) и *Русскій Вѣстникъ*, а съ другой—*Московскія Вѣдомости* и *Русское Обозрѣніе*. Въ полемикѣ приняли участіе и другія изданія, въ особенности *Славянскія Извѣстія*.

Вопросъ заключается въ томъ, возможно ли для Россіи сближеніе съ нынѣшнимъ болгарскимъ правительствомъ и признаніе принца Фердинанда Кобургскаго законнымъ княземъ Болгаріи. Г. Татищевъ и его единомышленники отвѣчаютъ, что возможно, что этого требуютъ наши собственные интересы. *Московскія Вѣдомости*, *Русское Обозрѣніе* и *Славянскія Извѣстія* держатся противуположнаго мнѣнія. Стамбуловъ и все вообще нынѣшнее болгарское правительство, по мнѣнію этихъ послѣднихъ органовъ печати, отличаются непримиримою ненавистью къ Россіи. Русскому правительству не слѣдуетъ поэтому,—доказываютъ *Московскія Вѣдомости* и *Русское Обозрѣніе*,—вступать въ какіе бы то ни было компромиссы съ самозваннымъ, по мнѣнію этихъ газетъ, правительствомъ Болгаріи.

Для разъясненія дѣла могутъ послужить статьи органа болгарскаго министра-президента по поводу корреспонденцій г. Татищева. *Свобода* отрицаетъ нѣкоторыя немаловажныя подробности въ сообщеніяхъ г. Татищева и прямо упрекаетъ его въ фантазированіи. Такъ, напримѣръ, «обстановка встрѣчи его съ министрами и характеръ, который онъ хочетъ ей приписать, переданы совсѣмъ невѣрно. Г. Татищевъ нарисовалъ дѣло такъ, какъ будто съ его появленія въ Софіи министры и всѣ видныя лица сейчасъ разбѣжались, спотыкаясь отъ скорости, лишь бы поскорѣе ему поклониться и услыхать, *что скажетъ русскій человѣкъ*. Мало того, онъ старается дать понять косвенно, что германскій дипломатическій агентъ струсилъ его пріѣзда и хлопоталъ, бѣгалъ къ Стамбулову, лишь бы тотъ принялъ Татищева» *).

*) Мы цитируемъ по *Славянскимъ Извѣстіямъ* (№№ 41 и 42).

Насъ, собственно говоря, мало интересуютъ личныя впечатлѣнія г. Татищева. Во всякомъ случаѣ, впечатлѣнія эти не совпадаютъ съ тѣмъ, что думаетъ о *софійскомъ свиданіи* другая сторона, т.-е. Стамбуловъ. Въ статьѣ *Русскаго Обозрѣнія*, направленной противъ г. Татищева, дѣло не обошлось, къ сожалѣнію, безъ кое-какихъ инсинуацій и личныхъ злобныхъ выходокъ. Въ результатѣ оказалось, что каждый остался при своемъ мнѣніи и мы нисколько не подвинулись впередъ въ разрѣшеніи вопроса о русско-болгарскихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, разрѣшить этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, было бы полезно въ наивозможно скорѣйшемъ будущемъ. Само собою разумѣется, что намъ ничего неизвѣстно о видахъ и намѣреніяхъ императорскаго русскаго правительства, кромѣ того, что̀ правительство это объявляло оффиціальнымъ путемъ. Изъ этихъ оффиціальныхъ заявленій очевидно, во-первыхъ, желаніе нашего правительства сохранить миръ и, во-вторыхъ, рѣшительное нежеланіе его признать принца Фердинанда Кобургскаго законнымъ княземъ Болгаріи. Изъ этого вытекаетъ неизбѣжность дипломатическаго отчужденія Россіи отъ Болгаріи. Отказавшись совершенно отъ мысли о насильственномъ вмѣшательствѣ во внутреннія болгарскія дѣла, приходится прервать всякія сношенія съ фактическимъ правительствомъ княжества и ждать его паденія вслѣдствіе возстанія или какихъ-либо иныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Но послѣднія извѣстія изъ Болгаріи подтверждаютъ мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что Фердинандъ Кобургскій и Стамбуловъ пользуются сочувствіемъ и поддержкой большинства населенія. Выборы въ народное собраніе кончились рѣшительною побѣдой сторонниковъ правительства. Правда, и болгарскіе, и русскіе противники Стамбулова объясняютъ это торжество сильнымъ правительственнымъ давленіемъ, тѣми стѣсненіями свободы, которыя были пущены въ ходъ администраціей. *Московскія Вѣдомости* и другія газеты сообщали о гоненіяхъ, которымъ подвергается болгарская печать. Но трудно предположить, даже при полной достовѣрности всѣхъ подобнаго рода сообщеній, что болгарскій народъ послалъ въ народное собраніе своихъ депутатовъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, не по доброй волѣ. Въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ чуть не ежедневно предсказывалось паденіе принца Фердинанда и Стамбулова и предсказанія такого рода имѣютъ въ настоящее время не больше шансовъ на осуществленіе. Враждебная Россіи иностранная печать сообщаетъ о значительныхъ успѣхахъ Болгаріи на пути экономическаго развитія и культуры. Допустимъ, что въ этихъ отзывахъ много преувеличеннаго, но остаются факты, которые свидѣтельствуютъ, что дѣла въ княжествѣ идутъ во многихъ отношеніяхъ хорошо. Количество школъ быстро увеличивается. Болгарскій вывозъ и ввозъ также возростаютъ. Въ 1886 г. ввозъ равнялся 64.285,309 левовъ (франковъ), а въ 1889—72.869,245. Вывозъ съ 50.404,314 л. (1886 г.) поднялся до 80.581,076 *). Особенно усилилась торговля Болгаріи съ

*) *Статистика за търговлята на българското княжество съ чуждитѣ държави за 1889 година.* София, 1890 г.

Австро-Венгріей, съ Великобританіей и Франціей. По свидѣтельству такого компетентнаго лица, какъ Гладстонъ, не менѣе значительны успѣхи Болгаріи и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ народѣ болгарскомъ отнюдь не замѣчается враждебнаго отношенія къ русскому народу. Любопытнымъ доказательствомъ этого можетъ служить очень распространенная болгарская христоматія Мангова: *Бащинъ Езикъ*, въ которой въ самыхъ сочувственныхъ по отношенію къ Россіи выраженіяхъ разсказывается о русско-турецкой войнѣ 1877 г.

При такихъ условіяхъ, въ виду нѣсколько разъ высказаннаго нашимъ правительствомъ отрицательнаго отношенія къ нынѣшнему болгарскому правительству, остается возложить надежду на умиротворяющее дѣйствіе времени. Миролюбивая и выжидательная политика дождалась благопріятныхъ для Россіи измѣненій во внутренней жизни Сербскаго государства. Быть можетъ, естественный ходъ вещей приведетъ къ такому же результату и русско-болгарскія отношенія. Во всякомъ случаѣ, на обязанности публицистики лежитъ разъясненіе недоразумѣній и устраненіе всего того, что можетъ обострять отношенія Россіи и Болгаріи ко вреду для послѣдней и къ невыгодѣ нашего отечества. Вспоминать старыя ошибки полезно потому, что это предохраняетъ отъ новыхъ ошибокъ, но настаивать на дипломатическихъ обидахъ и раздражать подобными воспоминаніями общественное мнѣніе—значитъ сбивать это общественное мнѣніе съ правильной дороги. Необходимо оберегать интересы и достоинство русскаго народа въ настоящемъ и будущемъ, а не заниматься дрязгами, въ которыхъ заинтересованныя лица выступаютъ съ взаимными обвиненіями. Если наши предположенія вѣрны, если нынѣшнее болгарское правительство, которое опирается на большинство народнаго собранія, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ волѣ и стремленіямъ болгарскаго народа, то та пассивная политика, о которой мы говорили выше, поведетъ къ долгому отчужденію Болгарскаго княжества отъ Россіи,—отчужденію въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Это ограниченіе необходимо было сдѣлать потому, что литературная наша связь съ болгарскимъ обществомъ все возростаетъ. Во многихъ болгарскихъ періодическихъ изданіяхъ мы встрѣчаемъ переводы сочиненій лучшихъ русскихъ писателей. Несмотря на обострившіяся политическія отношенія, тамъ внимательно относятся къ успѣхамъ и потерямъ нашей науки и литературы. Больно предположить, что возможенъ разрывъ съ народомъ, на освобожденіе котораго потрачено столько русской крови и средствъ русскаго народа.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что наши отношенія къ славянскимъ племенамъ Балканскаго полуострова осложняются борьбою между болгарами и сербами въ Македоніи,— борьбою, которая доходитъ до печальныхъ и кровавыхъ столкновеній. Нынѣшнее правительство Сербскаго королевства дружественно Россіи, и поэтому, если вообще возможно политическое вмѣшательство со стороны нашего государства, оно направится, очевидно, въ пользу Сербіи. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію,

что нашему отечеству всего болѣе подобаетъ примирительная роль. Для насъ должны быть въ одинаковой степени дороги успѣхи и сербовъ, и болгаръ. Найти въ подобнаго рода условіяхъ надлежащія мѣры, съумѣть развязать, а не разрубить этотъ Гордіевъ узелъ—дѣло нелегкое, но въ высокой степени почтенное. При всей слабости русскаго общественнаго мнѣнія, оно не можетъ остаться безъ вліянія на рѣшеніе вопроса, затрогивающаго существенные интересы нашего общества, и мы думаемъ, что озлобленныя выходки противъ Болгаріи могутъ сослужить намъ только недобрую службу. Если справедливо, что политическая свобода такъ стѣснена въ Болгаріи правительственнымъ давленіемъ, какъ сообщаютъ объ этомъ, напримѣръ, *Московскія Вѣдомости*, то это очень прискорбно. Но достовѣрны ли, вполнѣ ли достовѣрны всѣ подобнаго рода сообщенія? Насколько намъ извѣстно, многія русскія повременныя изданія не пропускаются въ Болгарію, а болгарскія—въ Россію. При такихъ условіяхъ трудно составить себѣ ясное и отчетливое представленіе о русско-болгарскихъ отношеніяхъ и о положеніи дѣлъ въ княжествѣ. А тамъ, гдѣ нѣтъ точнаго знанія, возможны серьезныя практическія ошибки и опасныя дипломатическія предпріятія. Насъ поражаетъ въ разсужденіяхъ консервативной и реакціонной русской печати странная двойственность, тѣ непримиримыя противорѣчія, въ которыя эта печать входитъ. Такъ, *Московскія Вѣдомости*, нападающія на автономію Финляндіи, въ высшей степени сочувственно относится къ автономіи чешской. Справедливо возставъ противъ оппортюнизма г. Татищева, который готовъ пожертвовать принципами ради непосредственныхъ практическихъ выгодъ, московская газета сама далеко не строго выдерживаетъ тѣ основныя начала, которыя возвѣщаются ею, какъ единственно истинныя. Такъ, *Московскія Вѣдомосши* становятся на сторону младо-чеховъ и сочувственно относятся, напримѣръ, къ ихъ требованію, чтобы въ богемскомъ сеймѣ намѣстникъ говорилъ на чешскомъ, а не на нѣмецкомъ языкѣ *). Вѣдь, не можетъ же газета, въ объясненіе такихъ противорѣчій, сослаться на глупую поговорку: что нѣмцу здорово, то русскому смерть.

Чтобы не оставлять Балканскаго полуострова, на которомъ сосредоточены важные интересы нашего отечества, упомянемъ о греческихъ дѣлахъ. На общихъ выборахъ въ парламентъ правительственные кандидаты потерпѣли пораженіе. Министерство Трикуписа принуждено было выйти въ отставку и король, по конституціоннымъ правиламъ, долженъ былъ призвать для образованія новаго кабинета главу оппозиціи Деліаниса. Этотъ послѣдній, покуда находился не у власти, былъ сторонникомъ болѣе рѣшительной политики по отношенію къ Турціи. Весьма вѣроятно, что Деліанисъ министръ-президентъ окажется гораздо болѣе умѣреннымъ, чѣмъ Деліанисъ оппозиціонный депутатъ. Подобныя превращенія совершались неоднократно. Тѣ практическія затрудненія, которыя казались маловажными, покуда не воз-

*) *Моск. Вѣд.*, № 285.

никала серьезная отвѣтственность передъ страною, становятся непреодолимыми задрудненіями, когда правительству небольшаго государства приходится лавировать между національными стремленіями своего народа и грозною опасностью международныхъ столкновеній. Отношенія между Греціей и Турціей приняли довольно острый характеръ, который усиливался въ послѣднее время вслѣдствіе борьбы съ Портою константинопольскаго патріарха. Однимъ изъ поводовъ разрыва была выдача турецкимъ правительствомъ бератовъ болгарскимъ епископамъ въ Македоніи, гдѣ сталкиваются греческое, сербское и болгарское вліянія. Константинопольскій патріархатъ прибѣгнулъ въ борьбѣ съ турецкимъ султаномъ къ средневѣковому оружію: на всей территоріи Оттоманской имперіи закрыты церкви и прекращено богослуженіе. Трудно предположить, чтобъ это средство въ наше время оказалось столь же дѣйствительнымъ, какъ въ средніе вѣка. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что образъ дѣйствія константинопольскаго патріарха создаетъ для Порты немаловажныя тревоги. А затрудненія и безпокойства ростутъ для Турціи и съ другой стороны. Между армянскимъ населеніемъ этой имперіи не прекращается сильное броженіе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходило въ открытое и кровавое столкновеніе. Въ самомъ Константинополѣ не прекращаются аресты среди выдающихся представителей армянской колоніи. Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* сообщаетъ длинный рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о насиліи и жестокости турецкаго правительства. Армянская печать подвергается сильнѣйшимъ стѣсненіямъ. Армянскіе публицисты заключаются въ тюрьму по одному подозрѣнію въ составленіи заговора противъ турецкаго владычества или за статьи, въ которыхъ они горячо отстаиваютъ интересы своего многострадальнаго народа. Само собою разумѣется, что полицейскими мѣрами нельзя искоренить стремленія христіанскаго народа сбросить иго деспотическаго мусульманскаго правительства, и недалеко, по всей вѣроятности, то время, когда глухое броженіе армянъ перейдетъ въ открытое возстаніе. Естественно, что борьба этого народа противъ все еще столь сильной военной державы, какова Турція, можетъ окончиться побѣдою лишь въ томъ случаѣ, когда армяне будутъ поддержаны могущественною христіанскою державой. Всего ближе и справедливѣе оказать армянамъ эту поддержку нашему отечеству, съ помощью котораго будетъ такимъ образомъ освобожденъ послѣдній изъ христіанскихъ народовъ, томящихся подъ турецкимъ владычествомъ. Существуютъ, однако, опасенія, что освобожденная Арменія можетъ стать источникомъ безпокойства для самой Россіи, вслѣдствіе того, что въ предѣлахъ послѣдней находится многочисленное армянское населеніе. Это населеніе, предполагаютъ нѣкоторые публицисты, будетъ стремиться къ соединенію съ турецкою Арменіей. Намъ такого рода опасенія представляются совершенно неосновательными. Въ границахъ Россійской имперіи армянское населеніе такъ перемѣшано съ другими народностями, что объ осуществленіи національной идеи въ упомянутомъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи. Наоборотъ, протекторатъ Россіи надъ освобожденною отъ турецкаго влады-

чества Арменіею могъ бы доставить ей обезпеченіе независимаго и правильнаго внутренняго развитія. При этомъ слѣдуетъ прибавить, что намъ можетъ дѣйствительно грозить нѣкоторая опасность, если Россія не поддержитъ армянъ въ ихъ борьбѣ противъ Турціи, хотя бы въ предѣлахъ берлинскаго трактата, которымъ была обѣщана автономія Арменіи. Какъ мы уже замѣтили, движеніе среди армянскаго народа все усиливается и дни турецкаго владычества надъ нимъ уже сочтены. Не встрѣтивъ сочувствія и поддержки со стороны нашего отечества, несчастное населеніе турецкой Арменіи, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени найдетъ ее у великобританскаго правительства. Понятно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ русскимъ интересамъ будетъ нанесенъ существенный ущербъ. Хотя нынѣшній консервативный кабинетъ Салисбюри и не расположенъ содѣйствовать дальнѣйшему распаденію Турецкой имперіи, но общественное мнѣніе Великобританіи, возмущенное турецкими насиліями, можетъ вынудить вмѣшательство въ пользу армянъ. Если же власть вновь перейдетъ въ руки Гладстона и его ближайшихъ сотрудниковъ, то въ такомъ вмѣшательствѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Впрочемъ, распущенія парламента до срока ожидать трудно. Извѣстный депутатъ Лабушеръ сообщилъ въ одной изъ англійскихъ газетъ, что нынѣшній министръ - президентъ обѣщалъ королевѣ Викторіи произвести общіе выборы въ парламентъ только тогда, когда они станутъ неизбѣжными въ силу конституціи. Въ этомъ смыслѣ, будто-бы, получилъ увѣренія во время своего пребыванія въ Англіи и императоръ Вильгельмъ II, для котораго возвращеніе къ власти либеральной партіи создало бы немаловажныя затрудненія. Частные выборы въ парламентъ, происходившіе въ послѣднее время, и муниципальные выборы, которые обыкновенно не носятъ политическаго характера, но на этотъ разъ приняли отчасти такой характеръ, — свидѣтельствуютъ, что общественное мнѣніе Англіи все болѣе и болѣе переходитъ на сторону оппозиціи консервативному правительству; но будетъ ли это теченіе настолько сильно, что заставитъ лорда Салисбюри распустить парламентъ до его законодательныхъ полномочій, — это мудрено предвидѣть. Неожиданную услугу въ этомъ отношеніи можетъ оказать какое-нибудь новое полицейское насиліе въ Ирландіи, гдѣ агенты Бальфура стараются всячески добиться внѣшняго спокойствія, загнать въ глубь ту ненависть, которую питаетъ ирландскій народъ къ нынѣшней системѣ британскаго управленія въ Ирландіи.

Начавшаяся сессія французскаго парламента посвящена чрезвычайно важнымъ вопросамъ. Палата занимается законопроектами по рабочему вопросу. Фабричное законодательство и вообще вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ отношеніи между трудомъ и капиталомъ составляетъ предметъ заботливаго вниманія со стороны депутатовъ. Бюджетъ, внесенный правительствомъ, вызвалъ сильное нападеніе со стороны нѣкоторыхъ народныхъ представителей. Одинъ изъ нихъ, Локруа, напомнилъ о томъ, что умѣренные республиканцы взывали къ единенію съ другими

республиканскими группами. Радикаламъ предлагали во имя этого единенія, въ виду опасности отъ буланжистовъ, бонапартистовъ и роялистовъ, отказаться отъ всякихъ проектовъ пересмотра конституціи и вообще отъ политическихъ реформъ. Вмѣсто всего этого, обѣщаны были серьезныя экономическія и финансовыя преобразованія. Локруа находитъ, что умѣренные республиканцы не сдержали своихъ обѣщаній. Онъ считаетъ косвенные налоги антидемократическимъ способомъ обложенія. Уже Гамбетта замѣтилъ, что французскія подати поражаютъ гражданъ въ соотвѣтствіи съ ихъ потребленіемъ, а не съ ихъ имуществомъ. Эти и подобныя замѣчанія не остались безъ вліянія на палату депутатовъ. Она приняла правительственный бюджетъ, но въ постановленіи своемъ выразила желаніе, чтобы финансовая система была преобразована въ демократическомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ приближенія къ наиболѣе справедливой системѣ податей, къ подоходному налогу. Необходимо замѣтить, что всѣ финансовыя затрудненія Франціи происходятъ отъ войны, которую такъ безумно объявилъ Германіи Наполеонъ III, и отъ необходимости тратить громадныя суммы на войско и флотъ, чтобы не отставать отъ германскихъ вооруженій. Общій итогъ государственныхъ расходовъ въ 1891 году достигнетъ трехъ милліардовъ двухъ сотъ сорока семи милліоновъ франковъ. Въ 1869 году эти расходы равнялись одному милліарду восемьсотъ сорока семи милліонамъ,—иными словами, въ двадцать одинъ годъ издержки Франціи увеличились на одинъ милліардъ четыреста милліоновъ. Непосредственнымъ результатомъ несчастной войны 1870 года былъ долгъ въ семь милліардовъ двѣсти милліоновъ. Въ эту сумму вошла колоссальная контрибуція Германіи въ пять милліардовъ. Возстановленіе разрушеннаго во время войны военнаго матеріала стоило одинъ милліардъ шестьсотъ милліоновъ франковъ. Платежъ по государственнымъ займамъ и военныя издержки поглощаютъ бо́льшую часть французскаго бюджета. Тѣмъ не менѣе, благодаря необыкновенной даровитости и трудолюбію французскаго народа, благодаря хорошимъ политическимъ учрежденіямъ, государству не пришлось прибѣгать къ созданію новыхъ крупныхъ налоговъ. Однако, въ нападеніяхъ на финансовую политику правительства со стороны Пельтана, Локруа и другихъ видныхъ представителей прогрессивныхъ партій республиканскаго большинства заключается много справедливаго. Благосостояніе Франціи сильно возросло, за послѣднія двадцать лѣтъ поднялся экономическій уровень и рабочихъ классовъ; но, благодаря системѣ косвенныхъ налоговъ, эти послѣдніе классы платятъ непропорціонально много и республикѣ необходимо провести въ этомъ отношеніи обширныя и глубокія измѣненія. Измѣненія податной системы, именно въ этомъ направленіи, предстоятъ и въ другихъ государствахъ. Такъ, новый прусскій министръ финансовъ, бывшій національ-либеральный депутатъ Микель, приготовилъ проектъ новаго обложенія, который вносится въ нынѣшнюю сессію прусскаго ландтага. Тронная рѣчь четырнадцатаго января 1889 года уже возвѣщала предстоящую реформу прямыхъ налоговъ, въ особенности подоходнаго налога. Въ основу этого послѣдняго предполага-

лось положить заявленіе о доходѣ самихъ плательщиковъ податей и возможныя облегченія наименѣе состоятельныхъ классовъ населенія. До сихъ поръ, однако, ничего еще сдѣлано не было. Мы постараемся своевременно сообщить читателямъ о результатахъ обсужденія проектовъ Микеля въ прусскомъ ландтагѣ. Сомнительно, чтобы ему удалось провести серьезную финансовую реформу, и еще болѣе сомнительно, чтобъ эти реформы могли удовлетворить германскихъ плательщиковъ податей, которые страдаютъ отъ милитаризма въ гораздо болѣе значительной степени, чѣмъ французскіе плательщики податей. Положеніе Германіи въ этомъ отношеніи имѣетъ болѣе сходства съ положеніемъ Италіи, которой приходится расплачиваться за манію государственнаго величія. Этою маніей одержимъ итальянскій министръ-президентъ Криспи, но ею же безспорно страдаетъ и значительная часть итальянскаго общества. Оппозиціи до сихъ поръ не удалось поколебать положенія Криспи, но предстоящіе общіе выборы въ парламентъ могутъ рѣшительнымъ образомъ измѣнить политическое положеніе. Слѣдующія цифры могутъ служить показателемъ того, чего стоитъ Италіи таможенная война съ Французскою республикой, которую ведетъ Криспи въ угоду Германіи: въ 1888 г. Италія вывозила во Францію 729,000 гектолитровъ вина, въ 1889 году только 82,000, а въ истекающемъ году вывозъ упалъ до ничтожной цифры—6,000 гектолитровъ. Предполагалось вознаградить это успѣхами на нѣмецкомъ рынкѣ, но оказалось, что вывозъ въ Германіи равнялся въ 1888 году 171,600 гектолитровъ, въ прошломъ году—301,000, а въ 1890 г.—189,000. Естественно, что подобные результаты правительственной политики служатъ основаніемъ для совершенно справедливыхъ нападеній со стороны ораторовъ оппозиціи. Въ этомъ отношеніи особенно выдается обширная рѣчь, которую произнесъ на многолюдномъ банкетѣ въ Флоренціи, въ октябрѣ, знаменитый Каваллоти. Ораторъ съ необыкновенною горячностью и силою нападалъ на тройственный союзъ и привелъ, между прочимъ, слѣдующія любопытныя цифры: ежегодное количество банкротствъ подъ управленіемъ Криспи увеличилось съ 700 (1867) до 2,200 (1889). Въ 1879 году военныя издержки Италіи равнялись 232.000,000 (19% всѣхъ расходовъ); въ настоящее время онѣ достигли 600.000,000 (35%) *).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вопросъ объ участіи Италіи въ тройственномъ союзѣ и о вызванномъ этимъ участіемъ страшномъ развитіи милитаризма будетъ играть главную роль на выборахъ въ итальянскій парламентъ. Отъ результата этихъ выборовъ будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть группировка европейскихъ державъ въ ближайшемъ будущемъ.

В. Г.

---

*) *Il Secolo*, 14—15 ottobre.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наставленіе земскимъ начальникамъ въ двухъ губерніяхъ. — Проектъ закона о неотчуждаемости крестьянской земли.—Эмиграція въ Бразилію.—Положеніе сельскаго духовенства.—Нравственный бытъ народа.—Военные округи или арміи.—Коммиссія по пересмотру таможеннаго тарифа.—Вопросы о сельско-хозяйственныхъ машинахъ и о кустарномъ производствѣ.—Фальсификація вина.

Учрежденіе мировыхъ судей, которые нынѣ замѣнены въ уѣздахъ земскими начальниками, вызвало въ свое время не мало толковъ въ обществѣ, но толки эти были совсѣмъ иного рода, чѣмъ «эффектъ», произведенный первыми распоряженіями земскихъ начальниковъ. При началѣ дѣятельности мировыхъ судей, наибольшее впечатлѣніе производило то обстоятельство, что генералъ сталъ призываться въ камеру наравнѣ съ мужиками, и въ отношеніи ихъ обоихъ сталъ примѣняться тождественный порядокъ судопроизводства. Для общества, которое прежде того знало въ мелкихъ дѣлахъ только судъ полицейскій, такая перемѣна не могла не казаться большою новостью. Впрочемъ, о ней такъ много говорили въ обществѣ и въ печати, что очень скоро послѣ введенія судебныхъ уставовъ вышло разъяснительное распоряженіе, установлявшее, что лицъ первыхъ четырехъ классовъ, призываемыхъ въ свидѣтели, мировые судьи обязаны допрашивать на дому.

Затѣмъ прошло долгое время и къ дѣятельности мировыхъ установленій Россія легко привыкла, учрежденіе это оказалось одною изъ наиболѣе удачныхъ частей судебныхъ уставовъ. Если и слышались порой нареканія, то они были такого свойства, что безпристрастіе ихъ не могло не казаться сомнительнымъ. Такъ, были попытки представить мировыхъ судей въ видѣ какихъ-то «соціалистовъ», подкапывающихъ общественные устои тенденціознымъ направленіемъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ въ пользу однихъ крестьянъ. Такому обвиненію общество не вѣрило, вполнѣ сжилось съ новыми учрежденіями и перестало говорить о немъ, что для учрежденій, пожалуй, служитъ лучшею похвалой, какъ и для женщинъ, по извѣстной поговоркѣ. Только два года тому назадъ, то-есть послѣ болѣе чѣмъ 20-ти лѣтней дѣятельности мировыхъ судей, послѣдовалъ извѣстный сенатскій указъ, обна-

руживавшій медленность въ судопроизводствѣ у нѣкоторыхъ судей, произвольность въ назначеніи засѣданій, выборъ неудобныхъ для населенія мѣстъ для камеръ и т. п.

Нѣсколько иначе отозвался общественный говоръ о первыхъ шагахъ земскихъ начальниковъ. Правда, съ одной стороны, и о нихъ пошли толки, что эти должностныя лица поняли свое назначеніе нѣсколько односторонне, но уже въ смыслѣ «подтягиванія» народа, вслѣдствіе чего, будто бы, явились усиленныя «порки»; эти толки отразились даже въ иностранной печати. Съ другой стороны, тѣ органы печати, которые возлагали наибольшія надежды на новое учрежденіе, наиболѣе ликовали по его поводу, продолжаютъ предъявлять требованія какихъ-то дополненій и поправокъ къ закону 12 іюля 1889 года, какъ будто учрежденіе земскихъ начальниковъ, въ нынѣшнемъ его видѣ, не вполнѣ ихъ удовлетворило, еще недостаточно соотвѣтствуетъ тому его назначенію, какое эти органы считали себя вправѣ угадывать независимо отъ текста закона и какъ бы «сверхъ» положительной его буквы.

Такъ, газета *Гражданинъ* выступила съ проектомъ прибавки земскимъ начальникамъ жалованья. Затѣмъ, та же газета высказала убѣжденіе, что съѣзды, которымъ подчинены земскіе начальники, стѣсняютъ ихъ дѣйствія и отчасти искажаютъ учрежденіе, по той причинѣ, что въ съѣздахъ извѣстная роль принадлежитъ представителямъ судебнаго вѣдомства. Возвращаясь, далѣе, къ необходимости увеличить содержаніе земскихъ начальниковъ, *Гражданинъ* провелъ мысль, что земскій начальникъ долженъ прежде всего быть «бариномъ», что лишнимъ чиновникомъ «нашего мужика не удивишь», что на 2,200 р. содержанія, включая сюда расходы на канцелярію, «порядочные люди» въ уѣздѣ не могутъ жить, что земскій начальникъ по необходимости долженъ нѣсколько «задавать тону», ѣздить въ щегольскихъ экипажахъ и даже раздавать подарки.

Послѣдняя статья имѣла форму письма, но и такое письмо имѣетъ свое значеніе, показывая, чего иные люди, наиболѣе радовавшіеся новому учрежденію, ожидали отъ него и какъ понимали истинное его назначеніе. И вотъ авторъ письма, помѣщеннаго въ *Гражданинѣ*, признаетъ необходимымъ, чтобы земскій начальникъ представлялся крестьянамъ не обыкновеннымъ должностнымъ лицомъ, но «царскимъ посланцомъ». Самую опрометчивость въ дѣйствіяхъ этихъ чиновниковъ письмо признаетъ не столь важною, обращая главное вниманіе на слѣдующую опасность: «какъ замѣтитъ или услышитъ мужикъ, что земскій начальникъ не по-барски себя показываетъ,— кончено: будь онъ семи пядей во лбу,—не быть ему новымъ (?) для мужика начальникомъ».

Изъ такой агитаціи post factum уясняется, что люди, которые усиленно проводили мысль о необходимости учрежденія земскихъ начальниковъ, еще не вполнѣ удовлетворены тѣми условіями, въ какихъ оно осуществлено закономъ. Эти опоздавшія указанія для законодательства свидѣтельствуютъ, что въ воображеніи нѣкоторыхъ ревнителей должно было быть

возстановлено рѣшительное преобладаніе «барина» надъ крестьянствомъ, и еще, что, будучи бариномъ, не чиновникомъ, но «посланцомъ (точно дѣло идетъ о представителяхъ русской власти въ Хивѣ и Бухарѣ), земскій начальникъ, однако, долженъ всѣ средства къ жизни почерпать изъ жалованья.

На такія домогательства были предъявлены въ печати достаточно вѣрныя возраженія. Съ ними выступилъ даже одинъ изъ несомнѣнныхъ органовъ петербургскаго консерватизма --*С.-Петербургскія Вѣдомости*, и если точно,— говоритъ газета—«порядочнымъ людямъ» нельзя прожить, съ канцеляріею, въ деревнѣ на 2,200 р. въ годъ, то это доказываетъ, во-первыхъ, что порядочные люди не имѣютъ ни кола, ни двора, и ихъ имущественный цензъ представляетъ фиктивную величину, а, во-вторыхъ, что у «порядочныхъ людей» развились чисто-петербургскіе и вообще городскіе вкусы, выставляющіе ихъ принадлежность къ помѣстному дворянству въ весьма сомнительномъ свѣтѣ. Должность земскихъ начальниковъ,--продолжаютъ *С.-Вѣд.*,—не синекура для благородныхъ, но обѣднѣвшихъ порядочныхъ людей, и не хлѣбное мѣсто для неимѣющихъ штатской должности, причисленныхъ къ министерству петербургскихъ чиновниковъ, а чисто - земская и мѣстная функція, представляющая дополненіе къ общественной роли дворянина-землевладѣльца.

Въ самомъ дѣлѣ, странно, что тѣ, кто больше всѣхъ настаиваютъ на отличіи земскаго начальника отъ обыкновеннаго чиновника, на помѣстно-дворянскомъ характерѣ новаго института, тѣ же представляютъ прибавку въ 500 рублей, какъ такую необходимость, безъ которой упомянутый характеръ можетъ пострадать и цѣль учрежденія не достигнется. Предводители дворянства вовсе жалованья не получаютъ, а земскій начальникъ, какого бы значенія онъ ни достигъ, все-таки, не можетъ быть болѣе крупнымъ представителемъ дворянства, чѣмъ предводитель, и болѣе обремененнымъ издержками на «представительство». Если предводитель обходится безъ жалованья, то земскій начальникъ, получающій 2,200 рублей, можетъ обойтись безъ прибавки въ 500 рублей, не теряя своего дворянскаго значенія.

Впрочемъ, указанное противорѣчіе проявляется, быть можетъ, только въ словахъ. Ходатаи за прибавку сами внутренно сознаютъ, что существенное отличіе участковаго начальника отъ всякаго иного чиновника заключается лишь въ имущественномъ цензѣ, и «цензъ» этотъ бываетъ таковъ, что никакого дохода не «даетъ». Дворянинъ, обратившійся къ губернатору съ прошеніемъ о мѣстѣ земскаго начальника и получившій это мѣсто, долженъ жить зачастую только на жалованье и изъ него содержать канцелярію. Но въ такомъ случаѣ, на практикѣ, исчезаетъ всякое различіе этого должностнаго лица отъ прочихъ. Разсматривая же вопросъ въ его простомъ видѣ: достаточно ли служащему въ уѣздѣ 2,200 рублей, съ издержкой изъ нихъ 500 р. на канцелярію,—нельзя не отвѣтить на это утвердительно.

Что касается затрудненій, будто бы представляемыхъ для административнаго лица—участіемъ въ съѣздѣ представителя отъ судебнаго вѣдомства, то непонятно, откуда они могли бы возникнуть, такъ какъ административныя дѣйствія земскаго начальника не подлежатъ судебному присутствію съѣзда.

Возвратимся, однако, къ болѣе серьезной сторонѣ дѣла. Извѣстія о томъ, что иные земскіе начальники поняли свое назначеніе преимущественно въ смыслѣ «подтягиванья» и стали внезапно исполнять всю массу залежавшихся въ волостныхъ судахъ приговоровъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, получили оффиціальное подтвержденіе. Нижегородскій губернаторъ обратился къ земскимъ начальникамъ съ циркуляромъ, въ которомъ упоминаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ собрали свѣдѣнія о неисполненныхъ приговорахъ, «громогласно заявляя, что всѣ приговоры о тѣлесныхъ наказаніяхъ и прочихъ карахъ ими, земскими начальниками, немедленно будутъ приведены въ исполненіе». Губернаторъ замѣчаетъ далѣе, что «въ числѣ земскихъ начальниковъ есть много лицъ весьма молодыхъ, начинающихъ свою служебную карьеру и желающихъ скорѣе заявить свою дѣятельность». Въ виду этого, начальникъ губерніи даетъ своимъ подчиненнымъ нѣсколько благоразумныхъ указаній, что «взысканія и наказанія имѣютъ тѣмъ бо̀льшую силу, чѣмъ случаи примѣненія ихъ болѣе справедливы и рѣдки, а потому употреблять наказаніе слѣдуетъ съ крайнею осмотрительностью»; что на прежніе приговоры волостныхъ судовъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на матеріалъ, такъ какъ самое учрежденіе должности земскихъ начальниковъ было вызвано отчасти именно неудовлетворительностью волостныхъ судовъ; наконецъ, что самое «отсутствіе на первыхъ порахъ слуховъ и извѣстій о дѣятельности земскихъ начальниковъ скорѣе можетъ считаться доказательствомъ серьезности ихъ приступа къ дѣлу, чѣмъ указаніемъ на отсутствіе у нихъ желанія работать».

Остается только пожелать, чтобы совѣтами нижегородскаго губернатора воспользовались земскіе начальники и другихъ губерній. Дѣйствительно, въ результатѣ одного только подтягиванія новое учрежденіе получило бы въ глазахъ народа смыслъ преимущественно полицейскій. А, между тѣмъ, для должностнаго лица, которое съ призваніемъ мироваго судьи соединяетъ обширныя права по надзору за крестьянскимъ управленіемъ и даже по руководству этимъ послѣднимъ, вполнѣ возможно, при знаніи народа, природномъ умѣ и опытности, пріобрѣсти довѣріе крестьянъ въ такой же мѣрѣ, какое съумѣли внушить къ себѣ мировые посредники перваго призыва. Но для этого надо, чтобы земскій начальникъ смотрѣлъ на свою должность не какъ на начало служебной карьеры, а какъ на данную мѣстному жителю возможность приносить пользу, пріобрѣсти авторитетъ среди близкихъ людей и оставить добрую по себѣ память. Безъ побужденій самолюбія, конечно, не обходится человѣческая дѣятельность. Но есть разные виды самолюбія: одно—высшее, о которомъ мы теперь упомянули, другое—мелкое и пошлое.

Если рядомъ съ совѣтами Н. М. Баранова, губернатора нижегородскаго, мы поставимъ напутственную рѣчь начальника Симбирской губерніи, то убѣдимся, какъ различно могутъ административныя власти оттѣнять главныя особенности одного и того же призванія. Нижегородскій губернаторъ говоритъ объ «осмотрительности», о рѣдкости взысканій,—симбирскій настаиваетъ, главнымъ образомъ, на твердости. Правда, и онъ признаетъ желательнымъ, чтобы крестьяне привыкли смотрѣть на земскаго начальника какъ на своего защитника и покровителя, но, все-таки, въ его указаніяхъ преобладаетъ забота объ обузданіи, сокращеніи и искорененіи. Искоренить зло, причиняемое обществамъ кабаками и міроѣдами (легко это сказать!), какъ можно меньше давать «разнымъ непризнаннымъ адвокатамъ, повѣреннымъ и ходатаямъ-писакамъ разводить въ народѣ кляузничество и сутяжничество», постановлять рѣшенія «твердыя», уничтожить ту рознь, «которая, къ сожалѣнію, встрѣчалась (?) между учрежденіями судебными и административными»,—все это болѣе требуетъ Щедринской «быстрой распорядительности», чѣмъ долговременнаго пріобрѣтенія себѣ дѣйствительнаго нравственнаго авторитета.

Впрочемъ, быть можетъ, самая оффиціальность языка не позволяла мѣстнымъ администраторамъ положительно указать земскимъ начальникамъ, что они призваны, главнымъ образомъ, сослужить службу не дворянству, но крестьянамъ, и что для пріобрѣтенія возможности къ исполненію этого надо любить народъ. То, чего не сказали или не могли сказать лица административныя, прекрасно выразилъ, при молебнѣ, послѣдовавшемъ за пріемомъ у того же симбирскаго губернатора, архимандритъ Сергій. Онъ напомнилъ земскимъ начальникамъ слова апостола: «нынѣ пребываютъ вѣра, надежда, любовь, три сія; больше же сихъ—любы». Въ концѣ слова о. Сергій сказалъ: «любите народъ, порученный вашему водительству, и благоплодна будетъ дѣятельность ваша». Такое опредѣленіе главаго условія дѣятельности земскихъ начальниковъ гораздо выше и умнѣе, чѣмъ толки объ одномъ «подтягиваніи», а тѣмъ болѣе заботы о «щегольскихъ экипажахъ и задаваніи тону» для того, чтобы народъ видѣлъ въ земскомъ начальникѣ—«барина». Не мѣшаетъ при этомъ напомнить, что указъ 1889 года вовсе не упоминалъ о баринѣ, но опредѣлялъ функцію земскихъ начальниковъ просто какъ «правительственную власть».

Вопросъ объ установленіи неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли, неоднократно возбуждавшійся въ печати, поставленъ, наконецъ, на законодательную почву. Проектъ временныхъ правилъ по этому предмету, составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, судя по довольно подробному изложенію въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, въ принципѣ, рѣшаетъ вопросъ радикально. Мы приведемъ только основныя положенія: надѣльныя земли не могутъ быть отчуждаемы изъ владѣнія сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ крестьянъ въ руки лицъ, не принадлежащихъ къ сельскому состоянію, никакими способами; на надѣльныя земли не могутъ быть обра-

щаемы взысканія по претензіямъ какъ лицъ постороннихъ, такъ и крестьянъ: такъ, надѣльныя земли не могутъ быть продаваемы съ публичныхъ торговъ и по судебнымъ рѣшеніямъ въ пользу кредиторовъ; сообразно съ этимъ, надѣльныя земли не могутъ быть и представляемы въ залогъ ни по ссудамъ, ни по обязательствамъ съ казною.

Затѣмъ, отчужденіе допускается только въ видѣ исключеній, опредѣленныхъ въ проектѣ: въ случаѣ неудобства части надѣла (съ разрѣшенія министра), въ пользу причтовъ, въ видѣ добровольнаго обмѣна, наконецъ, по наслѣдованію и завѣщаніямъ, совершоннымъ до изданія закона. Одинъ только видъ отчужденія по взысканію долга оставляется,—это продажа надѣльной земли за неисправный взносъ выкупныхъ платежей. Какъ извѣстно, одну изъ главныхъ брешей въ упроченіи за крестьянами земельнаго надѣла представляло право выдѣла участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ. Кулакъ вноситъ за хозяина досрочную уплату выкупа, участокъ выдѣляется въ полную собственность крестьянина и передается имъ кредитору. Право такого выдѣла въ новыхъ правилахъ пріостановляется, а право выдѣла земли еще не оплаченной обусловливается приговоромъ общества.

При такомъ установленіи неотчуждаемости земли единственное серьезное возраженіе представляется въ нѣкоторомъ пониженіи ея цѣнности въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ хочетъ отъ нея отказаться, и въ стѣсненіи кредита, который уже не можетъ быть обезпечиваемъ залогомъ земли. Такъ, необходимымъ послѣдствіемъ принципа является, что хозяинъ, желающій выйти изъ общества и перейти въ другое состояніе, можетъ только отказаться отъ своей земли въ пользу общества или, при подворномъ владѣніи, продать землю только крестьянамъ же. Въ обоихъ случаяхъ, то вознагражденіе, какое онъ получитъ, понижается вслѣдствіе стѣсненія условій переуступки. Особенно же стѣсняется кредитъ, лишенный обезпеченія.

Но эти невыгоды не должны останавливать законодательство въ установленіи общаго принципа неотчуждаемости. Стѣсненіе въ случаяхъ переуступки съ выходомъ изъ общества разумѣется само собой при закрѣпленіи земли за крестьянствомъ. Стѣсненіе кредита можетъ ускорять отказъ отъ надѣла въ случаяхъ близкой несостоятельности. Но для государства въ этомъ важномъ дѣлѣ долженъ представляться на первомъ планѣ не интересъ отдѣльныхъ личностей, но противодѣйствіе процессу обезземеленія крестьянскихъ обществъ, т.-е. тому явленію, которое угрожало въ будущности всей операціи надѣла.

Мы вполнѣ согласны съ доводомъ приверженцевъ свободы экономическихъ транзакцій въ томъ, что никакими законами нельзя удержать земли въ рукахъ Петра и Ѳедора, если Петръ и Ѳедоръ—плохіе или несчастливые хозяева. Но мы держимся того мнѣнія, и полагаемъ, что оно служитъ главною основой предполагаемаго закона, что полезны для государства тѣ, вообще, узаконенія, которыя клонятся къ тому, чтобы эксплуатація земли не подраздѣлялась на нѣсколько категорій участниковъ, какъ

то: номинальныхъ собственниковъ, пользующихся земледѣльческою рентой, ипотечныхъ кредиторовъ упомянутыхъ собственниковъ, арендаторовъ и, наконецъ, дѣйствительныхъ хлѣпопашцевъ-батраковъ. Полезны тѣ постановленія, которыя стремятся (насколько то осуществимо законодательнымъ путемъ) упростить эту сложность земледѣльческаго промысла и благопріятствовать такому порядку, чтобы дѣйствительные работники оставались и дѣйствительными собственниками земли, безъ посредниковъ, безъ раздѣла барышей.

Такой взглядъ вполнѣ согласенъ съ устанавляющимся и на западѣ Европы экономическимъ взглядомъ, что, въ виду конкурренціи заокеанскихъ земель, не обремененныхъ тройною формой пользованія землею и свободныхъ отъ ипотечнаго кредита, будущность земледѣльческаго промысла въ Европѣ обусловлена именно тѣмъ, чтобы собственникомъ земли былъ тотъ, кто обрабатываетъ ее своими руками.

На ряду съ заботами объ упроченіи операціи крестьянскаго земельнаго надѣла, нельзя не упомянуть о выступившемъ наиболѣе рельефно, именно въ прошломъ мѣсяцѣ, явленіи—эмиграціи въ Бразилію крестьянъ изъ губерній западно-русскихъ и польскихъ. Какъ оказалось изъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, главный контингентъ въ этой эмиграціи поставляли именно губерніи съ населеніемъ литовскимъ.

Эмиграція изъ государства, во всякомъ случаѣ, явленіе печальное. Но едва ли было бы правильно ограничиться въ данномъ случаѣ однѣми воспретительными мѣрами. Дѣло въ томъ, что «нужда» приняла въ литовско-бѣлорусскихъ губерніяхъ, а отчасти и въ привислянскихъ, широкіе размѣры. Здѣсь преобладаютъ факты малоизвѣстные большинству общества. Обыкновенно говорится, что крестьне въ Западномъ краѣ получили высшіе надѣлы, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, а потому благосостояніе ихъ должно быть обезпечено. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается, что хотя оцѣнка земли при выкупѣ въ западныхъ губерніяхъ и представляется ниже, чѣмъ въ великорусскихъ, въ смыслѣ безусловномъ, но по сравненію съ дѣйствительною стоимостью земли, она была, все-таки, выше, изъ чего слѣдуетъ и бо̀льшая обременительность выкупныхъ платежей. Дѣйствительно, средній размѣръ выкупнаго платежа составляетъ въ западныхъ губерніяхъ 1 р. 84 к. съ десятины, а въ губерніяхъ великорусскихъ смежныхъ 2 р. 37 к. съ десятины. Но если принять во вниманіе банковую оцѣнку стоимости земли въ тѣхъ и другихъ губерніяхъ, то окажется, что банковая оцѣнки гораздо выше въ губерніяхъ великорусскихъ, чѣмъ въ сѣверо-западныхъ. Если сравнивать только сосѣднія между собой губерніи обѣихъ категорій, то средняя оцѣнка банковъ въ сѣверо западныхъ губерніяхъ составляетъ всего 37 р. дес., а въ граничащихъ съ ними—55 рублей.

Это обстоятельство имѣетъ нѣкоторое значеніе при объясненіи эмиграціи изъ такихъ губерній, въ которыхъ крестьянство можно было бы считать вполнѣ обезпеченнымъ, если принимать во вниманіе только перевѣрку надѣловъ, послѣдовавшую при гр. Муравьевѣ. Изъ указаннаго нами факта

слѣдуетъ, что на полную обезпеченность, при бѣдности земли, несмотря на большіе размѣры надѣловъ и на низшія нормы выкупныхъ платежей, еще нельзя полагаться.

При этомъ малая развитость промысловъ въ Сѣверо-западномъ краѣ и даже отсутствіе въ немъ значительныхъ фабрикъ не даютъ ни подспорья для труда земледѣльческаго, ни выхода для крестьянъ безземельныхъ. Что касается губерній привислянскихъ, то на положеніе въ нихъ фабричныхъ рабочихъ, а отчасти и земледѣльцевъ могли оказать вліяніе новѣйшія тарифныя распоряженія—въ смыслѣ стѣсненія подвоза изъ окраинъ къ центру государства и въ смыслѣ пониженія провозныхъ платъ отъ центра въ окраинамъ. Рельефный результатъ этихъ мѣръ представила нынѣшняя нижегородская ярмарка, на которую польскихъ продуктовъ было привезено гораздо менѣе прежняго, даже не болѣе, чѣмъ ихъ привозилось лѣтъ 15 тому назадъ, когда они впервые появились на макарьевской ярмаркѣ.

Естественно, что лодзинская, сосновицкая, ченстоховская промышленность могла, въ виду этого обстоятельства, сократить обороты, то-есть распустить часть рабочихъ, а мы видимъ, что главный контингентъ эмиграціи — собственно изъ Царства Польскаго, именно, и доставляется губерніями Плоцкой и Радомской. Сверхъ того, надо принять во вниманіе близость ихъ къ границамъ. Въ общемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, вслѣдствіе нѣсколькихъ причинъ, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, какъ и въ губерніяхъ Царства, происходитъ всеобщее обѣднѣніе помѣщиковъ и экономическихъ работниковъ, сокращеніе мануфактурныхъ оборотовъ и заработка рабочихъ фабричныхъ, а въ соотвѣтствіи съ этимъ и паденіе доходности имѣній и даже домовъ въ большихъ городахъ.

Все это составляетъ достаточныя условія для того, чтобы въ тѣхъ полосахъ государства возникло въ послѣднее время стремленіе къ переселенію, хотя бы въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ то же стремленіе проявляется въ губерніяхъ центральныхъ, какъ, наприм., въ Курской, стоящей въ этомъ отношеніи впереди другихъ. Но такъ какъ тѣ губерніи западной полосы, въ которыхъ эмиграціонное движеніе обнаружилось нынѣ наиболѣе сильно, а именно: Ковенская, Плоцкая и Радомская, лежатъ вдоль границъ государства, то нѣтъ ничего удивительнаго, что тамошнимъ крестьянамъ скорѣе приходитъ мысль о переселеніи за границу, чѣмъ на отдаленный русскій Востокъ. Понятно, что вблизи границы устроены агентства, получающія процентъ съ «головы» эмигранта, и эти агентства распускаютъ разные слухи. Да, сверхъ того, если уже переселяются, то съ австрійской или прусской границъ, пожалуй, не дальше до Бразиліи, чѣмъ до Владивостока.

Указанныя обстоятельства слишкомъ серьезны, чтобы въ такомъ дѣлѣ можно было вполнѣ полагаться на свѣдѣнія отрывочныя и поверхностныя. Въ подобныхъ свѣдѣніяхъ нѣтъ недостатка. Лица, заинтересованныя въ томъ, чтобы предложеніе труда, а, стало быть, и дешевизна его на мѣстахъ не уменьшались, могутъ довольствоваться анекдотическими разъяс-

неніями нынѣшняго эмиграціоннаго движенія, какъ, наприм., будто крестьяне убѣждены, что св. отецъ исходатайствовалъ имъ отводъ земель у бразильской «королевы», и будто изъ Бразиліи слышенъ звонъ колоколовъ въ костелѣ св. Петра въ Римѣ. Это—присказки тенденціозныя. Во всякомъ же случаѣ, въ виду новыхъ распоряженій тарифнаго комитета, которыя повели къ сокращенію оборотовъ фабричной промышленности въ Царствѣ Польскомъ и къ еще бо̀льшему, чѣмъ прежде, паденію мѣстныхъ цѣнъ на хлѣбъ, необходима крайняя осторожность въ запретительныхъ мѣрахъ противъ крестьянской эмиграціи.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ возникли слухи о назначеніи всему приходскому духовенству въ Россіи опредѣленнаго жалованья, съ запрещеніемъ поборовъ за требы. Въ прошломъ мѣсяцѣ *Церковный Вѣстникъ* объявилъ, что эти слухи лишены всякаго основанія. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о необезпеченности сельскаго духовенства и о ненормальныхъ отношеніяхъ его къ прихожанамъ остался если не на очереди, то, все-таки, въ сознаніи каждаго мыслящаго человѣка.

Вопросъ стоитъ такъ: примѣрно, половина приходскаго духовенства уже обезпечена жалованьемъ, преимущественно въ западной части государства, гдѣ приложены старанія, чтобы сельское духовенство не было поставлено въ необходимость вымогать высокія цѣны за требы и тѣмъ вызывать неблагопріятное отношеніе къ себѣ прихожанъ. Разсуждая теоретически, можно было спросить, почему же такое устраненіе неблагопріятныхъ отношеній не признано желательнымъ въ губерніяхъ великорусскихъ и новороссійскихъ, гдѣ дѣйствуютъ старые расколы, а отчасти также проявилось новое религіозное теченіе—штунда? Къ сожалѣнію, о внутреннихъ губерніяхъ иногда разсуждаютъ, что здѣсь все, что есть ненормальнаго, какъ-нибудь да обойдется. А, между тѣмъ, внутреннія-то губерніи и создаютъ типъ русскаго быта вообще.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о догматахъ, какъ не подлежащій свѣтской печати, мы не можемъ не признать, что духовенство въ селѣ представляетъ собой силу интеллигентную, постоянно на мѣстахъ присутствующую, чего нельзя сказать о другихъ интеллигентахъ, временно пребывающихъ въ усадьбахъ. И вотъ, всѣми признано, что нынѣшнія отношенія между сельскимъ духовенствомъ и паствой недостаточно удовлетворительны.

Хотя назначеніе жалованья и не устранитъ безусловно возможности не только принятія, но и вымогательства платъ за требы, но оно, все-таки, сдѣлало бы послѣднія рѣдкими. Правда, противъ назначенія казеннаго жалованья всему приходскому духовенству имѣется соображеніе финансовое—обременительность для государства расхода, который составилъ бы, въ общемъ, около 30 милл. р. въ годъ. Спрашивается, откуда взять эти средства? Правильное распредѣленіе требовало бы, чтобы ихъ взимать пропорціонально имуществамъ или доходамъ православнаго населенія, въ видѣ особаго «духовнаго» налога съ земли и съ души населенія. Но можетъ

быть въ виду и такое соображеніе, что установленіе подобнаго спеціальнаго налога съ православнаго населенія представляло бы собой какъ бы премію для населеній неправославныхъ.

Слухъ о предстоящемъ будто бы назначеніи жалованья всему духовенству въ теченіе нынѣшняго года возникалъ дважды; при вторичномъ его обсужденіи въ печати высказано было предположеніе, что средства для такого обезпеченія могли бы быть найдены въ лучшемъ распредѣленіи доходовъ съ церковныхъ имуществъ. Намъ кажется, однако, сомнительнымъ, чтобы такое распредѣленіе было осуществимо. Доходъ съ земель, отведенныхъ причтамъ, конечно, весьма различенъ въ разныхъ мѣстностяхъ, соотвѣтственно самому пространству отведенныхъ земель. Но извлеченіе этого дохода и распредѣленіе его производятся самими же причтами. Въ губерніяхъ западныхъ, включая балтійскія, причтамъ отведено большое количество земли, но тамъ духовенство обезпечено уже и нынѣ жалованьемъ. Возможно ли, однако, чтобы сельскій священникъ въ Волынской губерніи, который самъ ведетъ сельское хозяйство, продаетъ и покупаетъ, отдавалъ часть извлеченнаго изъ земли дохода въ какой-нибудь общій капиталъ, изъ котораго выдавалось бы жалованье священнику Самарской губерніи? Дѣло въ томъ, что самый способъ веденія хозяйства зависитъ отъ того, обращается ли доходъ въ пользу хозяина, или этотъ хозяинъ собиралъ бы его не для себя.

Иначе представлялось бы дѣло, если бы, во-первыхъ, собраны были свѣдѣнія о томъ, каковы размѣры всякаго дохода, получаемаго сельскимъ духовенствомъ — съ земли, отъ требъ и отъ преподаванія въ школахъ, въ разныхъ губерніяхъ, съ цѣлью нѣкотораго уравненія; а, во-вторыхъ, если бы подвергнутъ былъ пересмотру весь бюджетъ духовнаго вѣдомства, съ доходами отъ капиталовъ, имуществъ, церковныхъ сборовъ, частныхъ пожертвованій и пособій изъ государственнаго казначейства. Бюджетъ этотъ столь значителенъ, что пересмотръ его, сообразно со сравнительною важностью нуждъ, могъ бы, по всей вѣроятности, открыть источники для постепеннаго умноженія числа причтовъ, пользующихся жалованьемъ. Неравномѣрность въ распредѣленіи средствъ на содержаніе духовенства обнаруживается хотя бы въ такомъ примѣрѣ, что вокругъ того или другаго богатаго монастыря, гдѣ иноки живутъ съ комфортомъ и нерѣдко откладываютъ значительныя сбереженія, разбросана сѣть сельскихъ приходовъ, въ которыхъ духовенство, получившее семинарское образованіе (чего отъ монаховъ не требуется), — духовенство обязательно семейное, отъ котораго требуется, сверхъ богослуженія, трудъ по проповѣди, по преподаванію и по веденію метрическихъ книгъ, наконецъ, трудъ хозяйственный для содержанія семьи,—живетъ въ нуждѣ и иногда, дѣйствительно, предъявляетъ такую требовательность, которая мѣшаетъ удовлетворительнымъ отношеніямъ съ прихожанами и иногда можетъ препятствовать нравственному на нихъ вліянію священника.

Вообще, что-нибудь должно бы быть сдѣлано для болѣе справедливаго

устройства быта сельскаго духовенства во внутреннихъ губерніяхъ. Устранить вознагражденіе за требы невозможно. Для этого пришлось бы возложить слишкомъ большіе расходы на казну; сверхъ того, благодарность за требы установлена обычаемъ и, наконецъ, этимъ вознагражденіемъ продолжаетъ пользоваться духовенство и тамъ, гдѣ оно обезпечено и большимъ земельнымъ надѣломъ, и жалованьемъ. Стремиться можно только къ тому, чтобы нѣкоторымъ улучшеніемъ быта духовенства во внутреннихъ губерніяхъ облегчить гнетъ матеріальной заботы и уменьшить если не возможность, то по меньшей мѣрѣ необходимость иногда въ вымогательствахъ.

Вопросъ о положеніи сельскаго духовенства имѣетъ большое нравственное значеніе особенно въ настоящее время, когда, на ряду съ упадками хозяйственными, все чаще доходятъ свидѣтельства весьма неутѣшительныя и въ отношеніи нравственнаго состоянія. На земскихъ начальниковъ ъ этомъ отношеніи разсчитывать можно только какъ на власть предупреждающую и карающую проступки. Одинъ священникъ въ селѣ могъ бы представлять силу нравственную, дѣйствующую на взрослыхъ, подобно тому, какъ учитель вліяетъ на дѣтей. Авторъ одной статьи въ *Недѣлѣ* рисуетъ весьма мрачную картину процесса, совершающагося среди деревенскаго люда. «Самые почтенные наблюдатели народной жизни,—говоритъ онъ, между прочимъ,—свидѣтельствуютъ, что не только русское простонародье не дѣлается зажиточнѣе, какъ западно-европейское, образованнѣе и мягче нравами, но совершается видимый и рѣзкій процессъ разложенія деревни, оскудѣнія и матеріальнаго, и духовнаго». Авторъ указываетъ на повальный моръ дѣтей, на хроническую эпидемію пожаровъ и продолжаетъ: «исключительная некультурность русскаго простонародья сказывается въ страшномъ распространеніи пьянства и сифилиса»... «Подъ гибельными вліяніями пьянства, плохаго питанія, непосильнаго труда и болѣзней, вырождается, видимо, самый физическій типъ русскаго крестьянина. Нѣкогда сильная, талантливая порода начинаетъ вырождаться въ чахлое, слабосильное племя, теряющее даже способность прогрессировать». Авторъ скорбитъ, что черезъ тридцать лѣтъ послѣ освобожденія, «вмѣсто чудеснаго подъема народныхъ массъ», мы видимъ общее обѣднѣніе, возростаніе пролетаріата, пониженіе средняго потребленія хлѣба и повышеніе процента смертности.

Положимъ, эта картина слишкомъ пессимистична. Прежде всего, отзывы автора о нравственномъ бытѣ народа, доходящемъ будто бы до «разложенія», давали бы право обратиться къ самой *Недѣлѣ* съ вопросомъ: какимъ же образомъ она когда-то настойчиво указывала самой интеллигенціи на необходимость искать именно нравственныхъ идеаловъ въ той же, нравственно и матеріально будто бы «разлагающейся» деревнѣ? Но эта замѣтка наша относится только къ преувеличеніямъ въ упомянутой статьѣ.

Что народъ, въ теченіе періода, взятаго для сравненія, сталъ образованнѣе, это доказывается процентомъ грамотныхъ среди новобранцевъ, который съ 10 на 100 возросъ до 25. Повліяло ли распространеніе грамотности на смягченіе нравовъ, это—иной вопросъ. Если не уменьшилось

пьянство, если, при существующей системѣ низшаго управленія, не могло установиться въ крестьянинѣ чувства личнаго достоинства, если никакая интеллигентная сила не заботилась о нравственномъ воспитаніи народа и не имѣла въ его глазахъ авторитета, то понятно, что развитіе одной грамотности не могло ни смягчить нравовъ, ни улучшить бытъ семейный.

Тѣмъ не менѣе, успѣхи грамотности, все-таки, фактъ положительный. Другой фактъ представляется въ несомнѣнномъ улучшеніи въ нѣкоторыхъ, хотя и второстепенныхъ, внѣшнихъ условіяхъ быта: почти исчезли курныя избы, лучина смѣнилась керосиномъ, распространилось потребленіе чая, завелась привычка къ лучшей обуви, уменьшились, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, лишенія и потеря времени въ пути на отхожіе заработки. Но основное благосостояніе, все-таки, не поднялось.

Независимо отъ мѣръ, могущихъ поднять земледѣліе и предупредить обезземеленіе крестьянъ, необходимо также обратить вниманіе и на нравственную сторону быта, на борьбу съ пороками, усиливающими смертность, на введеніе болѣе гуманныхъ отношеній въ семьѣ и вообще на смягченіе нравовъ. Излишнее усердіе въ «поркѣ», конечно, не могло бы этому способствовать.

Въ этомъ дѣлѣ наиболѣе слѣдовало бы разсчитывать на сельское духовенство, а потому необходимо бы поставить его въ болѣе близкія и болѣе живыя отношенія съ народомъ. Напримѣръ, если бы духовное вѣдомство, тщательно пересмотрѣвъ свой бюджетъ, нашло въ сборахъ или имуществахъ, или въ сокращеніи нѣкоторыхъ расходовъ источникъ для назначенія сельскимъ священникамъ особаго вознагражденія за извѣстное число проповѣдей или нравственныхъ внѣ-церковныхъ собесѣдованій въ году, то это могло бы одновременно увеличить средства болѣе усердныхъ въ дѣлѣ проповѣди и учительства пастырей, а съ другой—приносило бы пользу народному воспитанію. Воспитаніе мы разумѣемъ при этомъ совсѣмъ независимо отъ грамотности.

О воспитаніи народа у насъ доселѣ никто не заботился, а это дѣло въ прежніе вѣка на Западѣ было совершено именно духовенствомъ. Та народно-нравственная, наслѣдственная культура, которая отличаетъ крестьянина европейскаго, хотя бы неграмотнаго, даже отъ нашего грамотнаго, но до извѣстной степени еще полудикаго кулака, вся была дѣломъ духовенства. А у насъ народъ стоитъ еще именно на той степени, что нравственный подъемъ его можетъ быть предпринятъ только духовенствомъ. И это нисколько не было бы навязываніемъ народу чего либо противъ его воли. Наоборотъ, народъ жаждетъ болѣе дѣятельной религіозной жизни, въ немъ постоянно замѣчается стремленіе къ отысканію духовнаго идеала.

Есть слухъ, что вопросъ объ отмѣнѣ военныхъ округовъ снова выходитъ на сцену. Предполагается, будто бы, такое преобразованіе, чтобы войска, расположенныя на западѣ и на югѣ имперіи, соединить въ двѣ большія арміи, войска петербургскаго округа (быть можетъ, со включеніемъ

гренадерскаго корпуса) поставить также въ видѣ особой арміи, а затѣмъ, въ центральныхъ и восточныхъ полосахъ государства, оставить командованіе отдѣльными корпусами или округами. При этомъ войска на Кавказѣ, какъ базисѣ для возможной войны въ Средней Азіи, вѣроятно, также получили бы составъ особой арміи.

Вопросъ о распредѣленіи управленія войсками въ мирное время на округа или арміи уже однажды,—послѣ преобразованія, произведеннаго въ 1864 г. графомъ Д. А. Милютинымъ,—былъ возбужденъ весьма серьезно въ началѣ 70-хъ годовъ. Вопросъ этотъ касается не численности войскъ, содержимыхъ въ мирное время, но именно системы управленія ими. Весьма вѣскимъ аргументомъ въ пользу сгруппированія войскъ, стоящихъ вблизи границъ, въ арміи заключается въ томъ, что во время войны совершается переходъ отъ системы округовъ къ системѣ армій и что лучше управлять войсками и въ мирное время такъ, чтобы не было нужды въ слишкомъ рѣзкомъ переходѣ при мобилизаціи. Когда войска, положимъ, двухъ округовъ составляли бы армію, то былъ бы постоянно наготовѣ большой штабъ, который иначе приходится создавать на-ново передъ войною, изъ людей, не привыкшихъ дѣйствовать вмѣстѣ, не знающихъ частей, съ которыми будутъ имѣть дѣло. Приверженцы этой системы утверждаютъ даже, что сильнымъ своимъ политическимъ вліяніемъ въ царствованіе императора Николая Россія была обязана системѣ готовыхъ большихъ армій.

За то защитники округовъ утверждаютъ, что при переходѣ на военное положеніе, даже и при существованіи готовыхъ армій, все равно совершаются измѣненія въ ихъ составѣ, а, между тѣмъ, управленіе въ мирное время при подобномъ образованіи представляетъ такія неудобства, какъ слишкомъ непосредственное личное вліяніе главнокомандующихъ на части административную и хозяйственную. Дѣятельность военнаго министерства, до нѣкоторой степени, стѣсняется и въ этомъ отношеніи при существованіи большихъ штабовъ, которое, логически, вело бы къ сосредоточенію высшаго управленія строевою частью въ лицѣ равноправнаго съ военнымъ министромъ начальника главнаго штаба. Такая должность, какъ извѣстно, существуетъ въ Германіи, существовала въ прежнія времена и у насъ.

Что касается расхода на содержаніе большихъ штабовъ, то онъ едва ли превосходилъ бы нынѣшній расходъ на штабы окружные. Такъ, въ каждомъ округѣ имѣются: командующій войсками, начальникъ артиллеріи и инженеровъ, интендантъ и начальникъ штаба.

Нельзя, однако, не замѣтить, что, при осуществленіи такого преобразованія военнаго управленія на старый ладъ, представилась бы необходимость переработать и узаконенія о военномъ хозяйствѣ, вообще произвести ломку, которой необходимость не вполнѣ еще выясняется изъ доводовъ, приводимыхъ за нее.

Работы по общему пересмотру нашего таможеннаго тарифа производились доселѣ въ приготовительныхъ коммиссіяхъ, назначавшихся министерствомъ финансовъ. Этихъ коммиссій было двѣ: первая, составленная изъ профессоровъ технологическаго института, начертала первый проектъ новаго тарифа, вторая, состоявшая изъ директоровъ департаментовъ министерства, подъ предсѣдательствомъ министра, переработала этотъ проектъ. Затѣмъ, въ августѣ испрошено было повелѣніе относительно назначенія третьей коммиссіи, въ составъ которой входятъ уже чины не только финансовой администраціи, но и другихъ министерствъ, а также представители промышленности, торговли и сельскаго хозяйства. Эта коммиссія, въ которой также предсѣдательствуетъ министръ финансовъ, открыла свои засѣданія въ половинѣ минувшаго мѣсяца.

Членовъ отъ постороннихъ вѣдомствъ въ коммиссіи состоитъ 5, а отъ министерства финансовъ—16; представителей отъ сельскаго хозяйства всего 2 (отдѣльно по одному отъ дворянскаго землевладѣнія и отъ сельско-хозяйственной промышленности), между тѣмъ какъ отъ совѣта торговли и мануфактуръ и московскаго его отдѣленія имѣется по 2, а сверхъ нихъ по 1 отъ ивановскаго комитета торговли и мануфактуръ, и отъ всѣхъ биржевыхъ комитетовъ. Такимъ образомъ, допуская даже, что двое членовъ отъ министерства государственныхъ имуществъ будутъ постоянно поддерживать интересы сельскаго хозяйства, заодно съ спеціальными представителями послѣднихъ, мы видимъ, что противъ еще бо́льшаго возвышенія пошлинъ въ коммиссіи выступитъ лишь незначительное меньшинство.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что делегаты мануфактурной промышленности и торговли станутъ усиленно домогаться установленія тарифа запретительнаго на издѣлія и на всѣ привозные продукты вообще, за исключеніемъ тѣхъ, которые служатъ матеріаломъ для внутреннихъ фабрикъ и заводовъ. Что касается членовъ отъ финансоваго вѣдомства, то ихъ общій взлядъ на вопросъ также достаточно выяснился. Въ докладахъ, сопровождавшихъ государственныя росписи за послѣдніе годы, постоянно высказывалась мысль объ усиленіи покровительства внутренней промышленности; сверхъ того, при обсужденіи проекта, составленнаго первою коммиссіей, коммиссія вторая, состоявшая исключительно изъ чиновъ финансовой администраціи, какъ сообщаютъ, измѣнила тотъ проектъ, уже составленный въ духѣ протекціонистскомъ, значительно поднявъ предположенный размѣръ возвышенія пошлинъ.

Послѣдовавшее недавно общее добавленіе 20% къ пошлинамъ доселѣ существовавшимъ послужитъ, по всей вѣроятности, минимумомъ, съ котораго начнутся предположенія о дальнѣйшемъ возвышеніи. Между тѣмъ, тотъ подъемъ вексельнаго курса, которымъ означенная мѣра была мотивирована, можетъ оказаться непрочнымъ; въ прошломъ мѣсяцѣ было уже нѣкоторое пониженіе курса, а отсутствіе спроса на нашъ хлѣбъ за границу до половины октября оправдываетъ опасеніе, что въ февралѣ, то-есть ко времени молчанія отчетовъ по главной части отпускнаго оборота, по-

ниженіе курса можетъ сдѣлаться значительнымъ. Тогда и нынѣшіе размѣры покровительства могутъ оказаться уже слишкомъ тяжкими.

Выборъ времени для новаго всеобщаго возвышенія пошлинъ представляется не удобнымъ и въ виду тѣхъ общественныхъ заявленій, которыя только что стали возникать въ Пруссіи и которыя требуютъ отмѣны или уменьшенія такъ называемыхъ «боевыхъ» пошлинъ, установленныхъ тамъ на нашъ хлѣбъ и мясо. Можно опасаться, что заявленія этого рода будутъ парализованы новымъ поднятіемъ русскаго таможеннаго тарифа; если упомянутыя «боевыя» пошлины были признаны необходимыми въ виду прежняго нашего тарифа, то возможно ли ожидать ихъ отмѣны при новомъ, значительномъ и всеобщемъ его возвышеніи? А, между тѣмъ, на пошлины тѣ постоянно указывалось, какъ на одинъ изъ факторовъ въ нашемъ сельско-хозяйственномъ кризисѣ.

На несвоевременность новаго усиленія таможеннаго обложенія указываетъ и тотъ фактъ, что привозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ и продуктовъ въ нынѣшнемъ году не только не усилился, какъ бы слѣдовало ожидать отъ поднятія покупнаго значенія кредитнаго рубля, но, наоборотъ, продолжалъ уменьшаться.

Положительные факты въ нашемъ экономическомъ положеніи представляются, съ одной стороны, безвыгодностью сельскаго хозяйства, а съ другой—высокими размѣрами чистаго дохода, какіе показываются въ отчетахъ, представляемыхъ акціонерными мануфактурно-заводскими предпріятіями. При такомъ положеніи дѣлъ, не легко понять, какими же собственно данными объяснялась бы необходимость еще бо́льшаго увеличенія дохода нѣсколькихъ сотъ крупныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ, еще бо́льшее вздорожаніе фабрично-заводскихъ продуктовъ для сельскаго хозяйства и для всей массы потребителей? Никакого кризиса въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ въ настоящее время нѣтъ, тарифъ 1868 года, вслѣдствіе троекратнаго общаго (процентнаго) возвышенія и цѣлаго ряда единичныхъ примѣненій, представляется въ настоящее время по меньшей мѣрѣ удвоеннымъ. Привозъ сокращался въ громадной прогрессіи и продолжаетъ сокращаться; перевѣсъ отпуска надъ привозомъ выражается колоссальною суммой. Все это—факты несомнѣнные, весьма крупные. Между тѣмъ, остается совершенно невыясненнымъ, гдѣ же тѣ положительные факты, которые могли бы оправдать новое обложеніе страны въ пользу фабрикантовъ?

Нельзя не признать, что тѣ мотивы къ этому шагу, какіе доселѣ выразились въ печати, болѣе похожи на «общія мѣста», чѣмъ на фактическіе доводы, могущіе имѣть вѣсъ въ дѣлахъ законодательныхъ. Ссылаются на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, на законъ Мак-Кинли, на поворотъ къ протекціонизму въ законодательствѣ разныхъ европейскихъ странъ. Но, прежде всего, пересмотръ нашего тарифа съ цѣлью общаго возвышенія пошлинъ былъ рѣшенъ ранѣе, чѣмъ явился законъ Мак-Кинли. Затѣмъ, если основываться, главнымъ образомъ, на примѣрѣ иностранныхъ государствъ, то слѣдовало бы примѣръ этотъ подвергнуть фактическому об-

слѣдованію; а мы не слышали, чтобы кто-нибудь былъ командированъ съ этою цѣлью въ Соединенные Штаты и въ западныя государства Европы. Допустимъ, что изслѣдованіе *ad hoc* подтвердило бы: 1) что фабричная промышленность въ Соединенныхъ Штатахъ, пользуясь высокимъ тарифомъ еще до закона Мак-Кинли, сдѣлала большіе успѣхи и дошла до значительной степени совершенства, и, притомъ, не увеличивая, но понижая свои продажныя цѣны; 2) что сельское хозяйство въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣднія 25 лѣтъ не только не упало, но получило огромное развитіе и завоевало себѣ европейскій рынокъ. Въ такомъ случаѣ, вся ссылка на сѣверо-американскій примѣръ сразу потеряла бы всякое значеніе, какъ мотивъ для возвышенія нашего тарифа. Дѣло въ томъ, что у насъ высокое покровительство повело доселѣ только къ вздорожанію мануфактурныхъ и заводскихъ продуктовъ, а сельское хозяйство у насъ упало. Какъ бы нарочно, новые выборы въ палату представителей въ Соединенныхъ Штатахъ дали значительное большинство противникамъ закона Мак-Кинли.

Что касается странъ европейскихъ, то каковы бы ни были обнаруживающіяся въ нихъ протекціонистскія стремленія, нашъ таможенный тарифъ, еще до послѣднихъ возвышеній, былъ гораздо выше по всѣмъ статьямъ, чѣмъ въ любой странѣ Европы, а по большей части выше, чѣмъ въ тѣхъ же Соединенныхъ Штатахъ Америки. Неужели же у насъ приступятъ къ новому обложенію потребителей въ силу однѣхъ бездоказательныхъ ссылокъ на иностранные примѣры, не обслѣдовавъ предварительно, какова сравнительная высота тарифовъ и какіе результаты возвышенія его дали въ дѣйствительности?

Сверхъ того, казалось бы, что столь важной законодательной мѣрѣ, какъ общее возвышеніе таможеннаго тарифа, должны были бы, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, предшествовать изслѣдованія состоянія нашей фабричной и заводской промышленности. Такъ, въ промышленности сельско-хозяйственной кризисъ обнаружился видимо для всѣхъ. А, между тѣмъ, прежде составленія какихъ-либо законодательныхъ предположеній, учреждаемы были дважды особыя коммиссіи по изслѣдованію состоянія сельскаго хозяйства. Странна была бы чрезмѣрная поспѣшность въ выработкѣ новыхъ мѣръ для покровительства фабрикантамъ по сравненію съ осторожностью и медлительностью дѣлопроизводства по оказанію помощи сельскому хозяйству, критическое положеніе котораго находится внѣ сомнѣнія.

Затѣмъ, кромѣ ссылокъ на Америку и Западную Европу, никѣмъ не провѣренныхъ, не изслѣдованныхъ толкомъ, остальные аргументы нашихъ протекціонистовъ сводятся лишь на фельетонныя соображенія, что фритредерство отжило свой вѣкъ и что фритредерство въ нашей государственной жизни было внутреннею смутой, худшею, чѣмъ польское возстаніе 1863 г. (*Новое Время*). Да и умѣстно ли говорить о фритредерствѣ, когда для новаго возвышенія пошлинъ мы отправляемся отъ реакціоннаго (анти-фритредерскаго) тарифа 1868 года, возвышеннаго затѣмъ въ $1^{1}/_{2}$ раза однимъ переложеніемъ пошлинъ на золото, прибавкою еще 10%, потомъ рядомъ специ-

альныхъ возвышеній и, наконецъ, общею прибавкой 20% къ таможенному обложенію. Какое ужь тутъ фритредерство и умѣстно ли вспоминать о немъ? Въ согласіи съ дѣйствительностью, настоящій вопросъ могъ бы быть поставленъ только такъ: желательно ли, несмотря на отсутствіе кризиса въ фабричной промышленности и при несомнѣнномъ кризисѣ въ промышленности сельско-хозяйственной, перейти нынѣ отъ таможеннаго тарифа, почти запретительнаго, къ безусловно запретительному?

Мы убѣждены, что, при разсмотрѣніи послѣдующаго представленія министерства финансовъ въ государственномъ совѣтѣ, дѣлу дана будетъ постановка болѣе реальная, чѣмъ сравненіе съ закономъ Мак-Кинли, и болѣе всесторонняя. Въ виду этого, нельзя впередъ не пожелать, чтобы финансовая администрація не повторила въ данномъ случаѣ слишкомъ скороспѣлаго проекта о возвышеніи цѣны заграничныхъ паспортовъ до 500 руб. въ годъ, и рядомъ съ потребностями фабрикантовъ, которые желаютъ богатѣть скорѣе, получая не нынѣшніе 20—30% чистаго дохода, но 50 и 60%, приняла бы во вниманіе интересы земледѣльцевъ, да и всего русскаго народа.

Мы вполнѣ понимали бы общее преобразованіе таможеннаго тарифа для согласованія его, въ виду полной логической анархіи, введенной въ это дѣло отдѣльными поправками, послѣдовавшими въ теченіе 22 лѣтъ. Сверхъ того, мы даже были бы готовы вполнѣ сочувствовать отдѣльнымъ измѣненіямъ, если бы намъ указали на фактическіе къ тому поводы. Такъ, наприм., мы готовы допустить основательность предположенія первой коммиссіи, составленной изъ профессоровъ петербургскаго технологическаго института, о томъ, что могли бы быть обложены выше нѣкоторые химическіе препараты, приготовляемые изъ матеріаловъ, имѣющихся и въ Россіи. Какъ слышно, въ первыхъ же засѣданіяхъ новѣйшей коммиссіи представители сельскаго хозяйства самымъ энергичнымъ образомъ возстали противъ усиленнаго обложенія суперфосфатовъ и фосфоритовъ. Но, при полномъ вниманіи къ нуждамъ сельскаго хозяйства въ искусственномъ удобреніи, можно согласиться, что множество продуктовъ химической техники, могущіе быть приготовляемыми въ Россіи, подлежали бы высшему обложенію для развитія нашего химическаго производства. Однако, чѣмъ болѣе мы готовы признать основательность подобныхъ единичныхъ измѣненій тарифа, тѣмъ убѣжденнѣе мы должны возражать противъ огульнаго, не основаннаго на достаточномъ сравнительномъ изслѣдованіи, возвышенія всего таможеннаго тарифа.

Коммиссія сельскаго хозяйства въ прошломъ мѣсяцѣ сообщила министерству финансовъ свои соображенія противъ обложенія сельско-хозяйственныхъ машинъ. Въ настоящее время менѣе чѣмъ когда-либо возможно отдѣлять вопросъ о покровительствѣ фабрикантамъ отъ насущнаго вопроса, какъ вообще прожить нашему сельско-хозяйственному промыслу, который, въ сущности, кормитъ всѣ остальныя. Соединительный пунктъ внутренней фабрикаціи и сельскаго хозяйства наиболѣе непосредственно и представ-

ляется въ производствѣ и потребленіи сельско-хозяйственныхъ машинъ. Въ послѣдніе годы были двѣ значительныя выставки сельско-хозяйственныхъ машинъ, именно: харьковская всероссійская выставка въ 1887 году и земская саратовская въ 1889 году. Эксперты, обсуждавшіе положеніе этого дѣла, говорятъ такъ: «Заграничныя машины заслужили свою добрую репутацію безукоризненною сборкой, однородностью матеріала и точностью исполненія; если бы разобрать и смѣшать части 100 американскихъ жней, то ихъ сполна можно собрать, причемъ всѣ гайки и всѣ винты придутся. Совсѣмъ не то съ нашими заводами; не только винты и гайки, но даже на одномъ выставленномъ плугѣ кольца не пришлись, когда ихъ перенесли съ одного конца оси на другой. Кто слѣдитъ за нашею сельско-хозяйственною литературой, тому не одинъ разъ приводилось читать горькія жалобы нашихъ сельскихъ хозяевъ на плохую сборку, сырое дерево и вообще на неоднородность матеріаловъ, употребляемыхъ для постройки однихъ и тѣхъ же орудій». Извольте улучшать хозяйство съ такими машинами, а улучшать надо, иначе грозитъ полное разстройство. «На выставкѣ (саратовской) мы видѣли копіи, не всегда хорошо исполненныя, цѣна которыхъ даже при существующемъ тарифѣ (который предполагается поднять) была равна, а часто и превышала цѣны заграничныхъ оригиналовъ». «Дальше этого не можетъ идти эксплуатація землевладѣльцевъ со стороны машино-строительныхъ заводовъ»,—восклицаетъ протекціонистское *Новое Время*, по поводу приведеннаго отзыва, и замѣчаетъ еще, что машины, все-таки, и теперь пріобрѣтаются хозяевами изъ-за границы, несмотря на пошлины. «Очевидно, переплаты за прекрасныя заграничныя машины являются налогомъ на землевладѣльцевъ, въ пользу немногихъ нашихъ крупныхъ машиностроителей, какъ Липгардтъ, коломенскій заводъ и др., облегчая имъ конкурренцію съ заграничными фирмами, способствуя возвышенію цѣнъ ихъ издѣлій и убивая стремленіе къ усовершенствованію машинъ». Неожиданное заключеніе въ одномъ изъ органовъ протекціонизма. Но такъ какъ при 20% повышенія тарифа въ нынѣшнемъ году обложеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ также было допущено, въ размѣрѣ 15%, то нѣтъ повода ожидать, что и въ новомъ совѣщаніи сдѣлано будетъ исключеніе въ ихъ пользу.

Причины отсталости сельско-хозяйственно-машиннаго производства указываются въ отчетахъ выставокъ различныя, какъ, напримѣръ, дороговизна администраціи, недостатокъ спеціализаціи производства и т. д. Тотъ же Воткинскій заводъ строитъ не только плуги и бороны, но и паровики, въ томъ числѣ паровозы для желѣзныхъ дорогъ и многое другое; въ такихъ же условіяхъ работаетъ коломенскій заводъ Струве и проч. Сельско-хозяйственныя механическія заведенія не спеціализируются на какихъ-нибудь немногихъ орудіяхъ, а стремятся производить всѣ безъ исключенія машины и орудія, отъ лопаты и кирки до паровой молотилки. Этому обстоятельству отчетъ харьковской выставки придаетъ особое значеніе.

Замѣчательно еще, что въ то время, какъ крупные «отечественные»

заводы почіютъ на лаврахъ, благодаря покровительству, кустарное производство у насъ совершенствуется. На саратовской выставкѣ кустарямъ, какъ мѣстнымъ, такъ и сосѣднихъ губерній, отдана была полная справедливость. Въ отчетѣ о выставкѣ говорится: «члены распорядительнаго комитета и экспертныхъ коммиссій убѣдились въ достоинствѣ и дешевизнѣ земледѣльческихъ орудій и пожарныхъ насосовъ, которые производятся крестьянами Саратовской и сосѣднихъ губерній. Благодаря дешевизнѣ издѣлій, кустарное производство развивается внѣ сферы вліянія покровительственныхъ тарифовъ и потому не можетъ бояться уничтоженія ввозныхъ пошлинъ».

Вотъ это—совершенно новая постановка вопроса о нашемъ протекціонизмѣ, имѣющемъ характеръ монопольной преміи со всей страны въ пользу нѣсколькихъ сотъ крупныхъ заводчиковъ. Спрашивалось бы, что̀ настоятельнѣе въ данную минуту: возвышеніе ли крайне высокихъ и безъ того пошлинъ въ пользу крупнаго капитализма, или освобожденіе кустарныхъ промысловъ отъ страшной эксплуатаціи капитализма? Въ трудахъ коммиссіи по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ почти все мѣсто занимаютъ факты безпощадной эксплуатаціи кустарниковъ купцами, въ силу неимѣнія первыми самыхъ незначительныхъ наличныхъ средствъ и кредита. Эксплуатація эта доходитъ (наприм., въ кузнечномъ дѣлѣ въ Нижегородской и Тверской губерніяхъ, въ металлическомъ—въ Тульской и т. д.) до размѣровъ самаго возмутительнаго хищничества.

При такомъ положеніи дѣлъ, промышленность некапиталистическая, наиболѣе близкая къ быту крестьянскому, а нерѣдко и состоящая съ нимъ въ личной связи, вовсе не заинтересована въ общемъ возвышеніи таможеннаго тарифа. Малѣйшая затрата государства на то или другое облегченіе для кустарей была бы для нихъ гораздо важнѣе охранительныхъ пошлинъ, которыми пользуется только фабрикація высшихъ сортовъ. Въ сферѣ кустарнаго производства господствуетъ именно та эксплуатація, которая основана на беззащитности, на недоступности правильнаго кредита, на некультурности нашихъ экономическихъ отношеній вообще. Здѣсь капиталъ, угнетая трудъ, приноситъ по 100 и болѣе процентовъ.

Вотъ еще рядъ положительныхъ фактовъ, которые заслуживаютъ несравненно бо̀льшаго вниманія, чѣмъ американскій законъ Мак-Кинли и общія мѣста о выходѣ въ Европѣ изъ моды фритредерства. Едва ли не было обязанностью финансовой администраціи, въ дѣлѣ покровительства русской промышленности, заняться сперва изысканіемъ мѣръ для нѣкоторой эмансипаціи кустарнаго производства.

Результатомъ обѣихъ упомянутыхъ выше выставокъ сельско-хозяйственныхъ машинъ явилось заключеніе отчетовъ о положительной необходимости совершенной отмѣны пошлины на эти машины. Земство, въ которомъ отзываются всѣ хозяйственные интересы, приняло такіе результаты къ свѣдѣнію. Земство саратовское вошло съ ходатайствомъ о полномъ сложеніи пошлинъ съ земледѣльческихъ машинъ и орудій, ввозимыхъ изъ-за

границы въ Россію. Московское общество сельскаго хозяйства высказалось въ томъ же смыслѣ. «Если простые крестьяне, — разсуждаетъ коммиссія саратовскаго земства, — съ успѣхомъ конкуррирующіе съ русскими заводчиками, не нуждаются въ покровительствѣ ввозныхъ пошлинъ, то тѣмъ болѣе мы вправѣ требовать этого отъ богатыхъ заводовъ, располагающихъ всѣми усовершенствованными средствами современной техники».

Соображенія эти вполнѣ справедливы. Есть въ Россіи болѣе настоятельная задача для инициативы правительства въ дѣлѣ промышленномъ, чѣмъ огульный подъемъ пошлинъ. Бѣда только въ томъ, что интересы кустарной промышленности не имѣютъ представителей ни въ московскомъ отдѣленіи мануфактуръ и торговли, ни въ ивановскомъ комитетѣ, ни въ центральномъ совѣтѣ въ Петербургѣ. Наоборотъ, капиталистическая промышленность располагаетъ всякими средствами для ходатайства: комитетами, аудіенціями у высшихъ должностныхъ лицъ, торжественными заявленіями.

Нельзя при этомъ не вспомнить о недавно умершемъ М. Х. Рейтернѣ: его лично занимала мысль о русскомъ же, къ тому же, чисто-народномъ кустарномъ производствѣ; онъ учредилъ даже выдачу казенныхъ ссудъ товариществамъ кустарей. Это была правильная дорога; такой видъ покровительства народному труду могъ, въ самомъ дѣлѣ, оказаться плодотворнымъ. Къ сожалѣнію, этотъ путь впослѣдствіи былъ оставленъ. Нельзя также не замѣтить, что каждый изъ ближайшихъ къ намъ періодовъ нашей экономической исторіи имѣлъ своихъ особыхъ фаворитовъ, которымъ какъ бы приносились въ жертву интересы большинства. Таками были нѣкогда винные откупщики, за ними—желѣзно-дорожные концессіонеры; нынѣ подобными же фаворитами, повидимому, являются крупные фабриканты и заводчики.

У насъ въ послѣднее время усилены мѣры противъ фальсификаціи продуктовъ. Въ числѣ такихъ мѣръ финансовое вѣдомство предположило взять подъ ближайшій надзоръ разливку винограднаго вина. По истребованіи мнѣній управляющихъ акцизными сборами, министерство, какъ передаютъ газеты, остановилось на такомъ проектѣ, чтобы разливка вина иностраннаго производилась подъ надзоромъ таможенъ, а разливка винъ русскихъ была дозволена только у самихъ винодѣловъ и въ оптовыхъ складахъ.

Несомнѣнно, что такая мѣра была бы совершенно въ интересѣ потребителей, такъ какъ надзоръ за качествомъ товара въ оптовыхъ складахъ могъ бы быть удобнѣе. Но разливка вина, какъ и развѣсъ чая, даетъ торговцамъ бо́льшую половину ихъ барыша и, вслѣдствіе предполагаемаго узаконенія, могло бы произойти нѣкоторое сокращеніе патентнаго сбора. Впрочемъ, относительно этого вопроса наиболѣе компетентно финансовое вѣдомство. Нельзя не согласиться также съ раціональностью проектируемаго запрещенія фабрикаціи дешеваго искусственнаго вина. Какъ только допу-

щено, что въ продажѣ можетъ находиться вино, добытое не изъ винограда, то большинство продаваемаго вина непремѣнно будетъ съ примѣсями: въ дешевыхъ сортахъ виноградъ замѣняется другими ягодами, а въ средніе подбавляются разные красильные и ароматическіе составы, для того, чтобы вино подходило къ болѣе высокимъ типамъ и могло быть продаваемо дороже.

Даже тѣ изъ управляющихъ акцизными сборами, которые высказались за дозволеніе «сдабриванія» вина безвредными примѣсями, полагали установить, чтобы примѣси къ вину допускались не свыше опредѣленнаго размѣра, и чтобы при этомъ употреблялся спиртъ непремѣнно виноградный, а не иной. Основательность этого послѣдняго требованія вполнѣ подтверждается врачебною статистикой: то же количество алкоголя въ формѣ винограднаго вина дѣйствуетъ на организмъ гораздо менѣе вредно, чѣмъ во всякомъ иномъ видѣ. Даже водки, добываемыя изъ выжимокъ винограда, менѣе вредны всѣхъ иныхъ, но такихъ водокъ почти нѣтъ въ продажѣ. Министерство финансовъ намѣрено вовсе не допускать фабрикаціи вина, т.-е. выдѣлки его изъ чего-либо, кромѣ винограда. Понятно, что это не относится къ фабрикаціи шипучихъ винъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они не содержали ничего, кромѣ продуктовъ виноградного броженія съ искусственными насыщеніями углекислотою. Но и относительно такъ называемаго «сдабриванія», вѣроятно, сдѣлана будетъ уступка для добавки виноградного спирта и сахара. Безъ добавки спирта немногіе сорты выдерживаютъ перевозку, а безъ примѣси сахара всѣ дешевые сорты невкусны.

Русскія вина до такой степени распространились, что въ настоящее время слѣдовало бы не повышать, а скорѣе понизить пошлину на иностранныя. Дѣло въ томъ, что и здѣсь отъ покровительства выиграли только производители. Русскія вина такъ вздорожали, что уже превзошли въ погребной цѣнѣ прежде получавшіяся иностранныя вина равнаго достоинства. Правда и то, что винодѣламъ достается только треть той цѣны, по которой продаютъ вино торговцы, пользующіеся еще правомъ и барышами разливки. Вообще торговый барышъ въ Россіи громаденъ. Любопытно, что съ переходомъ извѣстнаго имѣнія кн. Воронцова, Массандры, въ удѣльное вѣдомство, отмѣнена скидка торговцамъ съ винъ этого имѣнія, вслѣдствіе чего торговцы только распродаютъ оставшіеся запасы. Хотя для продажи этихъ винъ имѣются въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ особые склады, но, по всей вѣроятности, доходъ съ имѣнія упадетъ отъ прекращенія сбыта въ меньшихъ городахъ и отъ уменьшенія его въ самыхъ столицахъ. Но, вѣроятно, удѣльное вѣдомство и сдѣлало это только потому, что торговцы привыкли къ уступкѣ непомѣрной, при которой пришлось бы возвысить цѣну на вина и въ удѣльныхъ городскихъ складахъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театръ: *Смерть Агриппины*, драма въ 5 дѣйствіяхъ В. П. Буренина; *Новое дѣло*, комедія въ 4 дѣйствіяхъ Вл. И. Немировича-Данченко.

На сценѣ Малаго театра, 18 октября, произошло то, чего мы ожидали: г. Буренинъ убилъ на-повалъ Агриппину; но случилось еще нѣчто, совершенно нами непредвидѣнное, — г. Буренинъ наклеветалъ на Агриппину, будто правды-то про нее мало, и изувѣчилъ ее, а заодно уже изувѣчилъ и Нерона, и Поппею, и Актею, и Сенеку, и всю милую компанію, окружавшую страшнаго императора - скомороха. У насъ какъ-то издавна повелось, что драматурги и романисты присвоили себѣ право распоряжаться исторіей по своему усмотрѣнію, искажать событія, какъ имъ вздумается, и уродовать историческіе характеры и лица, сообразно собственнымъ измышленіямъ. Вообще, это обычай прескверный. Если въ достовѣрной исторіи нѣтъ подлиннаго матеріала для драмы или романа, то не зачѣмъ и трогать такого историческаго эпизода, не для чего переиначивать факты и тащить на сцену небывальщину, обставленную сочиненными историческими личностями. Въ исторіи и безъ выдумокъ есть достаточно событій, легко укладывающихся въ рамки драмы, трагедіи или романа; но немного найдется моментовъ, болѣе для того удобныхъ, чѣмъ послѣдніе годы жизни и смерть Агриппины, какъ о томъ разсказываетъ Тацитъ или какъ излагаетъ дѣло графъ де-Шампаньи въ своей книгѣ *Les Césars* (т. II). Понять нельзя, для чего понадобились г. Буренину придуманныя имъ извращенія фактовъ и искаженія извѣстныхъ личностей. Тѣмъ болѣе это непостижимо, что несомнѣнная драма или, вѣрнѣе, трагедія въ передачѣ г. Буренина превратилась въ скучнѣйшій рядъ сценъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ и не дающихъ ни малѣйшаго понятія о тогдашней римской жизни, о лицахъ, окружавшихъ Нерона, и объ интригахъ, приведшихъ къ страшному преступленію. Напомнимъ вкратцѣ истинныя событія. Неронъ получилъ императорскую власть шестнадцатилѣтнимъ юношей (въ 54 г. по Р. Х.), благодаря цѣлому ряду преступленій, совершонныхъ для того его матерью Агриппиной. Какъ трагически-страстно добивалась Агриппина власти для сына, можно судить по тому, что когда астрологи предсказали

ей, что Неронъ будетъ царствовать, но убьетъ свою мать, то она отвѣтила: «Пусть убиваетъ, лишь бы царствовалъ!» Неронъ былъ уже женатъ на Октавіи, но жену не любилъ и находился въ открытой связи съ отпущенницей Актееей. «Самые строгіе друзья» Нерона относились къ этому снисходительно, изъ боязни, какъ бы онъ «не сталъ развращать знатныхъ римлянокъ, если запретить ему связь съ Актеей». Мы цитируемъ по Тациту. «Строгіе друзья» были Сенека и Бурръ, его воспитатели. Одна Агриппина «разсыпалась въ жалобахъ, что ее промѣняли на отпущенницу, преслѣдовала его безпрестанными упреками». Раздраженный этимъ Неронъ отдалился отъ матери «и отдался Сенекѣ». «Тогда Агриппина, измѣнивъ политику, стала подступать къ сыну съ ласками, стала предлагать ему даже собственную спальню и собственное ложе, лишь бы только скрыть то, что неизбѣжно въ такой молодости и на верху могущества». Тутъ закипѣла сложная дворцовая интрига въ борьбѣ между Агриппиной и Сенекой изъ-за вліянія на молодаго императора, предававшагося тѣмъ временемъ самымъ безпутнымъ ночнымъ похожденіямъ и уличнымъ буйствамъ съ толпой пьяныхъ товарищей. Вышедшая изъ себя Агриппина «разразилась страшными угрозами» низвергнуть Нерона и возвести на престолъ Британника. Неронъ отравилъ его на пиру. Агриппина «пришла въ ужасъ», тѣсно сблизилась съ Октавіей, «безпрестанно имѣла тайныя совѣщанія съ друзьями», старалась привлечь къ себѣ трибуновъ и центуріоновъ. «Неронъ узналъ объ этомъ и отнялъ у нея почетный караулъ». «Домъ Агриппины опустѣлъ»; въ виду явной немилости императора, всѣ отшатнулись отъ нея. Актеръ Парисъ, приверженецъ заклятыхъ враговъ Агриппины, по ихъ наущенію, передалъ Нерону во время ночной попойки о заговорѣ противъ него Агриппины и «такъ испугалъ его», что Неронъ тутъ же «хотѣлъ лишить жизни мать» и ея сообщниковъ. Сенека и Бурръ пошли къ Агриппинѣ на разсвѣтѣ. Бурръ изложилъ ей обвиненіе и «сталъ угрожать ей». Агриппина отвѣчала имъ страстною и трогательною рѣчью, дословно записанною въ *Лѣтописи* Тацита, потомъ пошла къ сыну и мастерскими изворотами «выхлопотала наказаніе доносчикамъ и награды друзьямъ». Только Парисъ избѣжалъ кары; «онъ былъ слишкомъ нуженъ для развратнаго Нерона». Тѣмъ временемъ отпущенницу Актею смѣнила Поппея, женщина знатнаго рода и замѣчательной превлекательности. «Будучи замужемъ за Руфіемъ Криспиномъ, отъ котораго имѣла сына, она отдалась молодому развратнику Отону, потому что онъ пользовался большою дружбой Нерона». Съ мужемъ она развелась и вышла замужъ за Отона, который и помогъ ей стать любовницей императора. Поппея знала, что «пока жива Агриппина», ей не добиться брака съ Нерономъ, и пустила въ ходъ всѣ очарованія, интриги и сплетни, чтобы окончательно уничтожить вліяніе Агриппины. Тутъ еще разъ появляется отпущенница Актея, подосланная Сенекой, съ чудовищною сплетней, распущенною врагами Агриппины. Тогда уже окончательно рѣшено было во что бы то ни стало отдѣлаться отъ Агриппины убійствомъ. Отпущенникъ Аницетъ, командовавшій флотомъ, предложилъ свои услуги.

«Навѣрное извѣстно, что какой-то шпіонъ донесъ Агриппинѣ объ угрожающей ей опасности», и она отправилась въ Баіи не моремъ, а на носилкахъ. Но тамъ сынъ успокоилъ ее ласками и нѣжностью и проводилъ до корабля, на которомъ должно было совершиться страшное преступленіе. Агриппина спаслась лишь благодаря какому-то чуду, получивши, однако же, рану въ плечо. Укрывшись въ свою виллу, она рѣшила, что ей «осталось одно средство избавиться отъ бѣды: притвориться, что ничего не подозрѣваетъ». Неронъ «совершенно потерялъ присутствіе духа, онъ до того перепугался, что ему стало мерещиться, что вотъ-вотъ явится она, быстрая на месть», и уничтожитъ его. «Тотчасъ онъ призываетъ къ себѣ Сенеку и Бурра» и съ ихъ совѣта поручаетъ опять Аницету убить Агриппину. Аницетъ съ отрядомъ солдатъ «разгоняетъ народъ», пришедшій поздравить ее съ избавленіемъ отъ опасности, «оцѣпляетъ виллу, приказываетъ выломать двери, отражаетъ рабовъ, которые хотѣли было защищаться», и врывается въ спальню императрицы «въ сопровожденіи тріерарха Геркулея и флотскаго центуріона Олоарита». «Если ты пришелъ узнать о моемъ здоровьѣ,—сказала Агриппина,—доложи Нерону, что мнѣ лучше. Если же ты хочешь совершить преступленіе, то я ни за что не повѣрю, чтобы сынъ мой могъ дать приказаніе лишить жизни собственную мать»... «Убійцы окружили постель, и тріерархъ первый ударилъ ее палкой по головѣ. Видя, что центуріонъ обнажилъ уже мечъ, она подставила чрево и съ восклицаніемъ: «Рази сюда!» — пала подъ множествомъ ударовъ».

Думаемъ, что къ этой трагедіи нѣтъ надобности прибавлять какіе-либо вымыслы собственно изобрѣтенія; надо только умѣло разбить ее на дѣйствія, картины и сцены. У Тацита дѣйствующія лица такъ живы, что никакою фантазіей нельзя сдѣлать ихъ болѣе реальными и характерными. Г. Буренинъ предпочелъ, повидимому, *Лѣтописи* Тацита *Агасвера въ Римѣ* Гамерлинга; и имъ, однако, онъ не удовлетворился,—насочинялъ всякаго вздора отъ собственнаго «нутра», очень талантливаго, но безповоротно загубленнаго привычкой къ безшабашнымъ пародіямъ и ругательствамъ. А потому и *Смерть Агриппины* оказалась, въ сущности, не историческою драмой, а «пародіей» на драму и на исторію. По пьесѣ г. Буренина, Агриппина,—невѣдомо зачѣмъ,—влюблена въ актера Париса; Поппея влюблена въ него же, безъ малѣйшей въ томъ надобности и въ полное искаженіе характера этой римской дамы, которая никогда и ни въ кого не была, да и не могла быть влюблена. Актея—мечтательная и экзальтированная барышня; она поетъ Нерону, и только, а онъ нѣжно сантиментальничаетъ съ нею на берегу моря. Это—Неронъ-то! Сенека выведенъ на сцену лишь затѣмъ, чтобы быть осмѣяннымъ и опозореннымъ. По всему ходу пьесы въ интригахъ противъ Агриппины онъ не принимаетъ никакого участія. Убѣждаетъ Нерона убить мать отпущенникъ Тигелинъ, въ дѣйствительности совершенно непричастный этому дѣлу. По г. Буренину, послѣ неудачнаго покушенія на кораблѣ, Агриппина возвращается во дворецъ сына и

мечтаетъ о томъ, чтобы сдѣлать императоромъ своего любовника Париса. Неронъ закалываетъ Париса. Агриппина приходитъ въ ту же комнату, гдѣ еще лежитъ тѣло зарѣзаннаго актера, и ложится спать. Ее будитъ какой-то страшный сонъ. Она вскакиваетъ и видитъ Аницета и Тигелина, пришедшихъ ее убить. «Бей въ грудь, вскормившую Нерона!»—восклицаетъ буренинская Агриппина. Ее убиваетъ Тигелинъ, въ дѣйствительности даже не присутствовавшій при ея смерти. Врывается народъ, никогда во дворецъ Нерона не врывавшійся, и требуетъ Агриппину. Неронъ беретъ факелъ и съ восклицаніемъ: «Вотъ она!» — показываетъ народу лежащее на полу тѣло своей матери. Пьеса кончена.

Во всей этой сплошной несодѣянности нѣтъ ни намека на характеры, ни какого-либо подобія жизни взятой авторомъ эпохи. Такого безсмысленнаго вздора, навѣрное, никогда еще не появлялось ни на одной театральной сценѣ, и весьма желательно, чтобы впредь тоже никогда не появлялось. И вотъ почему: огромное большинство зрителей не имѣетъ никакого понятія о подлинной исторіи Агриппины и Нерона. Показать имъ эту исторію въ лицахъ, какъ она происходила на самомъ дѣлѣ, какъ Шекспиръ показываетъ *Смерть Юлія Цезаря*, дѣло полезное и хорошее. Масса публики знакомится съ исторіей, съ ея выдающимися дѣятелями и съ бытомъ данной эпохи. Изъ пьесы же г. Буренина публика выноситъ совершенно ложное и превратное понятіе обо всемъ этомъ. И потомъ ее уже не разубѣдишь, что дѣло было совсѣмъ не такъ, какъ изображено извѣстнымъ сочинителемъ и какъ показано на казенной сценѣ. Пишущему эти строки самолично довелось и не одинъ разъ слышать, какъ люди, принадлежащіе къ такъ называемому образованному обществу, судили и рядили о настоящихъ Агриппинѣ и Неронѣ на основаніи невообразимой чепухи, сочиненной г. Буренинымъ, и убѣдить ихъ въ томъ, что все это—непозволительное вранье, нѣтъ почти никакой возможности. Это и побудило насъ изложить въ короткихъ словахъ, по крайней мѣрѣ, внѣшніе факты даннаго событія въ томъ видѣ, какъ они переданы намъ достовѣрною исторіей. Пьеса г. Буренина «провалилась» вполнѣ по ея достоинству. Объ игрѣ артистовъ говорить нечего: безсмыслицѣ не могутъ придать смыслъ никакіе исполнители. Правда мститъ за себя безпощадно авторамъ и актерамъ. Противъ этого ничего не подѣлаешь ни роскошною постановкой пьесы, ни обстановкою ея лучшими силами первоклассной труппы, ни декораторскими фокусами, какъ надвигающаяся гроза въ 3-мъ дѣйствіи. Завѣдующіе этою частью въ казенныхъ театрахъ большіе мастера своего дѣла и, несомнѣнно, выдающіеся художники. Тѣмъ болѣе замѣтными оказываются всякіе промахи, хотя бы и не особенно важные, вродѣ, напримѣръ, галеры, стоящей у берега съ сильно надутыми вѣтромъ парусами. Это немножко забавно и очень много невѣрно. «Ночь блистала звѣздами, море было гладко и спокойно»,—говоритъ Тацитъ, описывая это событіе. Столько же смѣхотворное впечатлѣніе производитъ костюмъ г. Ленскаго въ ненужной для пьесы роли какого-то «старика-христіанина».

Послѣ двухъ плохихъ *(Сестры Саморуковы* и *Симфонія)* и двухъ никуда негодныхъ пьесъ *(Старая сказка* и *Смерть Агриппины)* мы разсчитывали, что *Новое дѣло*, комедія г. Немировича-Данченко, сколько-нибудь скраситъ неприглядное начало нынѣшняго сезона, и ошиблись: *Новое дѣло* такъ слабо, что его хоть заново передѣлывай. Мотивы для комедіи въ этой пьесѣ есть, не особенно новые, но, тѣмъ не менѣе, довольно интересные; только комедіи-то авторъ изъ нихъ не сдѣлалъ, а потому и сами мотивы расползлись врознь и вывѣтрились въ пустыхъ разговорахъ. При иныхъ комбинаціяхъ тѣ же мотивы получили бы другое освѣщеніе, и изъ ихъ взаимодѣйствія могло бы получиться нѣчто оригинальное. Центральное мѣсто въ пьесѣ занимаетъ пожилой помѣщикъ Столбцовъ (г. Ленскій), почти старикъ, аферистъ, прожектеръ, мечтающій сразу зацапать милліоны, безъ затраты труда, силою одной своей богатой фантазіи. Онъ уже нѣсколько разъ примѣривался получить лакомые милліоны такимъ образомъ, затѣвалъ разныя предпріятія, строилъ какіе-то заводы и на всемъ обрывался; кончилось тѣмъ, чѣмъ и должно было кончиться: отъ большаго когда-то состоянія не осталось у него ничего, кромѣ неоплатныхъ долговъ. Но помѣщикъ не унимается и не унываетъ. Свое пылкое воображеніе онъ принимаетъ за необыкновенную энергію, сочиненіе проектовъ считаетъ серьезнымъ дѣломъ и непоколебимо убѣжденъ, что онъ-то и есть самый первоклассный дѣлецъ, способный вывести русскую промышленность на путь блестящаго процвѣтанія. Задуманное имъ «новое дѣло» состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти отъ сосѣднихъ крестьянъ участокъ земли и начать разработку найденнаго на немъ каменнаго угля. Каменноугольное дѣло у насъ не особенно «ново», и совсѣмъ не новость—покушеніе разорившагося барина начать милліонное дѣло съ пустымъ карманомъ. Надо добыть на первый разъ какихъ-нибудь двѣсти-триста тысячъ. Сущіе пустяки: старшая дочь Столбцова замужемъ за московскимъ купцомъ-милліонеромъ; стоитъ только доѣхать до Москвы—и купеческіе желѣзные сундуки родственно раскроются настежъ передъ геніальнымъ прожектеромъ. Выѣхать только не съ чѣмъ. Столбцовъ отбираетъ послѣдніе гроши у обобранной уже имъ дальней родственницы Питолички (г-жа Щепкина) и отправляется на поиски золотаго руна съ женой, Ольгой Ѳедоровной (г-жа Бларамбергъ-Чернова), съ дочерью Соней (г-жа Лешковская) и молодымъ инженеромъ Орскимъ (г. Южинъ). Жоржъ Орскій любитъ Соню, Соня любитъ Жоржа; но они—положительные молодые люди и не хотятъ вступать въ бракъ, прежде чѣмъ инженеръ наинженеритъ достаточное обезпеченіе для будущей семьи. Преблагоразумные молодые люди; сердца у нихъ, кромѣ околосердечной оболочки, заключены еще въ разсчетные листы. Очень хороши эти Жоржъ и Соня. Въ способности и дѣловитость папаши они не вѣрятъ ни на грошъ и ведутъ свою линію, смѣкая про себя относительно московскихъ родственныхъ сундуковъ.

А тамъ, въ Москвѣ, въ роскошнѣйшихъ палатахъ благополучно процвѣтаетъ торговый домъ братьевъ Колгуевыхъ. Семья состоитъ изъ крѣп-

ко-купеческой маменьки (г-жа Садовская), вдоваго старшаго брата, Прокофья Никитича (г. Рыбаковъ), меньшаго Андрея (г. Садовскій), женатаго на Людмилѣ Васильевнѣ (г-жа Ѳедотова), дочери Столбцова, выданной имъ насильно замужъ за милліонера купца. Старуха Колгуева вѣритъ только государственному банку и собственному несгораемому сундуку. Прокофій Колгуевъ вѣритъ только себѣ и въ себя вѣритъ безгранично. Кулакъ безпощадный, онъ притворяется англоманомъ, желаетъ довести отечественный протекціонизмъ до полнаго запрещенія ввоза иностранныхъ товаровъ, отцовское наслѣдіе бережетъ свято и рачительно преумножаетъ. На этотъ предметъ онъ совершенно неожиданно нашелъ себѣ дѣятельную помощницу въ лицѣ жены меньшаго брата, превратившейся изъ барышни Столбцовой въ надлежащую хранительницу колгуевскихъ амбаровъ, сундуковъ и бриллiантовъ. Только ея мужъ, Андрей, не подходитъ къ этой достойной семьѣ. Нервный, слабый, болѣзненно-впечатлительный, онъ живетъ въ какомъ-то фантастическомъ мірѣ звуковъ, слышныхъ только ему одному. Люди веселятся, смѣются, говорятъ беззаботно, а его чуткому уху, или чуткой душѣ, слышится ихъ скорбь, гнетущая забота, и это мучаетъ его, терзаетъ: «зачѣмъ это такъ, зачѣмъ?... Лучше бы иначе какъ-нибудь, чтобы хорошо было». Жалко ему всѣхъ ихъ, а какъ имъ помочь, онъ не знаетъ. Деньги не имѣютъ для него никакой цѣны, купеческія дѣла—никакого значенія. Если бы не обдѣлистая жена, его давно признали бы неправоспособнымъ и взяли бы подъ опеку. Неформально онъ, впрочемъ, и теперь подъ опекой жены и подъ надзоромъ какого-то дядьки, слѣдящаго за каждымъ его шагомъ. Жена не даетъ ему денегъ, дядька наблюдаетъ, чтобы онъ не напился пьянъ. Въ эту-то семью Столбцовъ является съ своимъ проектомъ разработки каменнаго угля, мечется, кидается, убѣждаетъ и, разумѣется, не можетъ ничего добиться. Всѣ видятъ, что человѣкъ онъ «не-серьезный» и что дать ему деньги въ руки—все равно, что «выкинуть ихъ за окно». Только на Андрея «мучительно» подѣйствовали уловленные имъ «звуки», и онъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, обѣщаетъ дать тестю полтораста тысячъ потихоньку отъ своихъ. Столбцовъ приходитъ въ какой-то восторженный ражъ, начинаетъ пѣть во все горло, безобразничать и, вообще, вести себя въ чужомъ домѣ совершенно непристойно. А инженеръ Орскій ведетъ свою линію, потихоньку, осторожно, исподоволь подбирается къ Прокофью Колгуеву и его сундукамъ. Преобстоятельный молодой человѣкъ этотъ Жоржъ!

Въ третьемъ актѣ Столбцовъ убѣждается, что добромъ не получить ему отъ Андрея обѣщанныхъ денегъ, и вымогаетъ у него векселя на полтораста тысячъ. Въ этомъ ему помогаютъ жена и дочь, а инженеръ Жоржъ стоитъ на караулѣ, чтобы кто-нибудь изъ Колгуевыхъ не помѣшалъ столь похвальному дѣлу. Столбцовъ прикарманилъ векселя и уходитъ козыремъ. Людмила Колгуева допытывается отъ мужа о векселяхъ, грозитъ отступиться отъ него и отдать его формально подъ опеку. Андрей поднимаетъ кулакъ, чуть не бьетъ Людмилу, упрекаетъ ее въ томъ, что она въ пять

лѣтъ супружеской жизни не сказала ему ни одного ласковаго слова, остается съ нимъ «на вы». Растроганная,—неизвѣстно чѣмъ,—она говоритъ ему нѣжныя слова: «ты», «милый» и т. под., обнимаетъ его и вмѣстѣ съ нимъ роняетъ слезы умиленія. Въ послѣднемъ дѣйствіи получаются извѣстія, что все имущество Столбцова описано и назначено въ продажу за долги. Инженеръ Орскій подводитъ свою линію къ концу и объясняетъ Колгуевымъ, что каменноугольное предпріятіе есть, въ сущности, очень выгодное дѣло, если имъ будетъ распоряжаться онъ, инженеръ Орскій, а не легкомысленный фантазёръ Столбцовъ. Людмила и Прокофій Колгуевы останавливаются на такомъ рѣшеніи: взять дѣло въ свои руки и передать его Жоржу въ видѣ приданаго за Соней, Столбцову же удѣлять изъ доходовъ необходимое для безбѣднаго существованія. А чтобы онъ воображалъ, будто и на немъ лежитъ какое-то дѣло, купить ему экипажъ и лошадей, пусть катается, шумитъ и фантазируетъ. Столбцовъ на такія штуки не согласенъ; онъ самъ, своими руками, хочетъ дѣлать свое «новое дѣло», подъ команду къ «инженеришкѣ» не желаетъ попадать и отказываетъ ему въ рукѣ дочери. Теперь ему никого не нужно,—у него въ карманѣ векселя Андрея на полтораста тысячъ. Происходитъ цѣлый скандалъ, прерываемый поданною телеграммой, сообщающей, что бельгійцы купили у крестьянъ каменноугольный участокъ. Столбцовъ, въ отчаяніи, громитъ купцовъ и ихъ неподвижность, за недостатокъ предпріимчивости, за отсутствіе патріотизма, вслѣдствіе чего иностранцы захватываютъ лучшія дѣла и забираютъ лакомые куши. Ему, Столбцову, не деньги нужны, не полтораста тысячъ, а «новое дѣло»; онъ выкидываетъ векселя къ ногамъ Андрея и уходитъ измышлять еще какое-нибудь «новое дѣло». Купцы смущены и общимъ семейнымъ совѣтомъ приходятъ къ заключенію, что такіе господа, какъ Столбцовъ, необходимы, что если съ его предпріимчивостью соединить знанія и благоразуміе инженера Жоржа, да капиталы и торговую умѣлость ихъ, Колгуевыхъ, тогда можно надѣлать диковинныхъ дѣлъ. И процвѣтетъ любезное наше отечество, яко кринъ, иноземцы же посрамлены будутъ и отыдутъ со стыдомъ во-свояси. Во что бы ни стало, надо вернуть Столбцова, иначе отечество не процвѣтетъ, а иностранцы будутъ въ немъ наживаться и надъ нами посмѣиваться. Вернуть Столбцова,—безъ него пропадемъ!

И такъ, г. Немировичъ-Данченко сооружалъ всю эту четырехъэтажную машину для поученія, какъ намъ довести родную землю до процвѣтанія. Выходитъ такъ просто, что надо удивляться, какъ это раньше-то никто не сообразилъ, отчего у насъ «застой промышленности», «кризисы» и всякіе карманные «жупелы». Все это необычайно легко устранить: первымъ дѣломъ кликнуть кличъ и созвать проюрдонившихся помѣщиковъ, одаренныхъ пылкою фантазіей и пустившихъ на вѣтеръ всѣ свои животишки. Набѣжитъ ихъ, вѣроятно, довольное количество. Изъ нихъ поставить въ первую категорію имѣющихъ дочерей на возрастѣ, дабы одну отдать за богатаго купца, хотя бы немножко и полоумнаго,—другую за обдѣ-

листаго инженера, хотя бы немножко и смахивающаго на обстоятельнаго прохвоста. Если окажется третья дочка, ее недурно повѣнчать съ адвокатомъ, на всякій случай; мало ли что произойти можетъ въ патріотическомъ увлеченіи пользами и нуждами дорогаго отечества,—вымогательство векселей, напримѣръ, или другая небольшая уголовщинка. Буде которая изъ дѣвицъ заартачится, согнуть ее въ крендель и отдать замужъ насильно для ея же блага и для блага родины. У кого нѣтъ дочерей, тотъ станетъ во вторую категорію и пуститъ въ оборотъ родныхъ сестеръ или иныхъ родственницъ, или самъ подъѣдетъ къ купеческой дочкѣ, у которой мамаша на желѣзномъ сундукѣ сидитъ. При такихъ родственныхъ союзахъ дѣла пойдутъ превосходно: промотавшіеся помѣщики будутъ фантазировать, проекты писать и «новыя дѣла» изобрѣтать, раскошелившіеся купцы—на счетахъ щелкать и балансы подводить, инженеры—орудовать, адвокаты—обѣлять и концы прятать, отечество—процвѣтать, иностранцы—рты разѣвать и руками разводить, откуда только у насъ что берется! Не комедію написалъ г. Немировичъ-Данченко, а проектъ въ лицахъ. Въ этомъ проектѣ предусмотрѣны даже такія подробности, какъ способъ наиудобнѣйшаго пріобрѣтенія отъ крестьянъ земли, нужной для «новаго дѣла». Всѣмъ извѣстно, что съ мужиками столковаться трудно и хлопотливо. Такъ вотъ авторъ и показываетъ, какъ обдѣлываютъ такое дѣло Столбцовъ и Орскій. Они просто подкупаютъ пропойцу деревенскаго «аблаката», Лашенкова (г. Музиль), сидѣвшаго нѣсколько разъ въ острогѣ за мошенничество и подлоги, и отправляютъ его «объегоривать» крестьянъ-землевладѣльцевъ. Само собою разумѣется, къ проекту въ лицахъ нельзя предъявлять такихъ же требованій, какія мы предъявляемъ къ комедіи. Проектъ не имѣетъ ни завязки, ни фабулы, ни интриги, ни развязки. Таково и *Новое дѣло* г. Немировича-Данченко. Проектъ всегда болѣе или менѣе скученъ, и новое произведеніе г. Немировича-Данченко очень скучно. Не разогналъ этой скуки ни г. Музиль комизмомъ весьма сомнительнаго достоинства, ни г. Ленскій совсѣмъ уже несомнѣннымъ шаржемъ. Вина въ томъ, т.-е. въ шаржѣ, лежитъ, по нашему мнѣнію, въ равной мѣрѣ на авторѣ и на артистѣ; авторъ насолилъ, а артистъ еще пересолилъ, и изъ Столбцова вышло нѣчто ни на что непохожее и рѣшительно невозможное. Каковъ онъ ни есть человѣкъ, все же предполагать надо, что внѣшній-то лоскъ, знаніе приличій у него должно быть. Столбцовъ же въ «проектѣ» г. Немировича-Данченко ведетъ себя такъ, какъ это нигдѣ не видано и не слыхано,—мечется, какъ угорѣлый, гогочетъ, оретъ, поетъ во всю глотку въ чужомъ домѣ... Насколько г. Ленскій пересолилъ, настолько же не досолилъ г. Рыбаковъ. Вмѣсто крѣпколобаго, упорнаго и безпощаднаго кулака, «не умѣющаго ничего забывать и ничего прощать», онъ изобразилъ какого-то мягкотѣлаго рыхляка, нисколько не характернаго. Замѣчательно хорошъ былъ г. Садовскій, особливо во второмъ дѣйствіи. Глядя на этого несчастнаго милліонера, одареннаго чуткою, артистическою душой, страшно становилось и больно,—чѣмъ его довели до состоянія

близкаго къ помѣшательству и, во всякомъ случаѣ, ненормальнаго. Намѣчался типъ въ высокой степени любопытный и оригинальный. Къ сожалѣнію, авторъ не справился съ нимъ и мало-по-малу свелъ его, такъ сказать, на нѣтъ. Въ концѣ-концовъ, не получилось ни типа, ни характера, ни даже ясно опредѣленнаго лица. Впрочемъ, такою же неопредѣленностью страдаютъ и другія роли, при всемъ превосходствѣ ихъ исполненія. Что такое Людмила? Заглохла и зачерствѣла она въ этой золотой обстановкѣ между несгораемымъ шкафомъ, амбаромъ и бумагопрядильною мануфактурой, или же въ дѣлѣ ищетъ исхода своимъ силамъ? Любитъ она мужа или выносить его не можетъ? Что такое инженеръ Жоржъ? По всѣмъ признакамъ—прохвостъ, а, между тѣмъ, чувствуется особенное расположеніе къ нему автора, какъ будто на него-то, именно, возлагаются большія надежды. Смутно все это, неопредѣленно, недодумано и недодѣлано.

Ан.

Корреспонденты и публицисты.

(Замѣтки о текущей народной жизни).

I.

Деревенскіе «корреспонденты» и «публицисты» появились на страницахъ многихъ провинціальныхъ листковъ, кажется, единственно благодаря почину *Сельскаго Вѣстника* *), редакція котораго съумѣла завести съ своими деревенскими читателями самую оживленную переписку по всевозможнымъ вопросамъ обихода жизни современной деревни. Кромѣ оффиціальнаго отдѣла, въ *Сельскомъ Вѣстникѣ* помѣщаются толково изложенныя статьи, касающіяся улучшенія земледѣлія, подробно излагаются пріемы всякаго рода кустарныхъ ремеслъ, сообщаются общеполезныя свѣдѣнія, но затѣмъ первенствующее мѣсто отдается редакціей именно перепискѣ съ деревенскимъ читателемъ и обывателемъ по всѣмъ вопросамъ его семейной и общественной жизни. Въ отдѣлѣ *Сообщеній изъ волостей* мѣстные обыватели помѣщаютъ статьи, такъ сказать, публицистическаго характера, обсуждаютъ положеніе вещей въ той или другой волости, вообще и почти всегда указываютъ средства исцѣленія. Въ отдѣлѣ *Отвѣты редакціи* обыватели корреспондируютъ, главнымъ образомъ, о случаяхъ своихъ личныхъ затрудненій (въ огромномъ количествѣ касающихся послѣдствій извѣстной 165 ст.) и просятъ у редакціи совѣта и указанія, какъ выбраться изъ бѣды. Отвѣты редакціи отличаются внимательнымъ отношеніемъ ко всякимъ просьбамъ, иногда даже къ такимъ, въ которыхъ выражаются самыя ничтожныя, а подчасъ «нелѣпыя требованія»: въ какихъ волостяхъ въ Россіи есть свободныя мѣста для волостныхъ писарей? Гдѣ купить билетъ дворянскаго банка? и т. д. Всѣ вопросы, касающіеся дѣйствительно затруднительнаго, а иногда безъисходнаго положенія деревенскихъ обывателей, разъясняются редакціей какъ нельзя лучше. Просмотрѣвъ 44 нумера *Сельскаго Вѣстника* за настоящій годъ и, ознако-

---

*) *Сельскій Вѣстникъ,* еженедѣльная газетка, издается при ред. *Прав. Вѣстника* и безплатно разсылается по всѣмъ волостямъ, а для подписчиковъ стоитъ 1 р. 60 к. съ ежегоднымъ безплатнымъ приложеніемъ календаря и справочной книжки.

мившись съ разнообразнѣйшими мнѣніями деревенскаго жителя о современной деревенской жизни, я нашелъ въ нихъ такъ много поучительнаго, что рѣшаюсь кое-что изъ этого поучительнаго пересказать и читателямъ. Не касаясь тѣхъ насущныхъ надобностей и затрудненій деревенскаго обывателя, который желаетъ получить отъ редакціи совѣтъ и указаніе, какъ ему быть, куда и кому жаловаться, — такъ какъ нуждъ этихъ и затрудненій деревенскаго обывателя положительно невозможно даже и перечислить въ этихъ замѣткахъ,—мы остановимъ наше вниманіе только на общихъ сужденіяхъ о современной деревенской жизни и народѣ, — сужденіяхъ, выходящихъ изъ той же народной среды и изъ-подъ пера тѣхъ же деревенскихъ обывателей.

II.

Мнѣнія о томъ, хорошо или худо живетъ и ведетъ себя современный крестьянинъ, разнообразны до чрезвычайности, но на первомъ мѣстѣ и во множествѣ мнѣніе это есть самое безпощадное порицаніе всего, что только ни дѣлается въ деревнѣ. Пьянство и необузданный развратъ молодежи, средства «обузданія» народа отъ этихъ растлѣвающихъ привычекъ—это самымъ подробнымъ образомъ излагается во множествѣ корреспонденцій (*Сообщенія изъ волостей*). Чтобы судить, что̀ пишутъ «благоразумые обыватели о неблагоразумныхъ», приведемъ вопли тѣхъ же деревенскихъ жителей, которые иногда положительно поражены и потрясены этими сообщеніями; отставной фейерверкеръ, проживающій въ д. Савинкѣ, Кролевскаго у., Черн. губ., въ ужасѣ восклицаетъ:

«Нельзя не скорбѣть, что читаешь *Сельскій Вѣстникъ* и отовсюду слышишь только объ одной неправдѣ. А куда же правда-то дѣвалась, какъ будто бы ея и въ живыхъ нѣтъ? Ужели померла правда и поминки по ней отзвонили? Такъ нѣтъ, другіе говорятъ, что правда еще живетъ. Гдѣ же ты, правда-матушка? Ужели и ты развратилась съ нечестивыми? или тебя осилили твои недруги? Но нѣтъ: правда—яко горы Божіи, говоритъ Давидъ. Или ты совсѣмъ оставила нашу сторону, думая, что здѣсь люди православные, и всѣ живутъ по твоимъ священнымъ правиламъ, а сама залетѣла въ далекую сторону? Возвратись же скорѣе, лети на крыльяхъ сокола и съ силою орла поражай твоихъ недруговъ, и будь нашей защитой и оградой отъ злыхъ нашихъ недруговъ—неправды и *обиды*».

Еще съ бо̀льшимъ огорченіемъ вопіетъ противъ попрековъ на народъ крестьянинъ Геннадій Титовъ изъ Соловицкой вол., Вяземск. у., Смоленск. губ.: «Вотъ уже пятый годъ я получаю *Сельскій Вѣстн.* и нахожу въ немъ много полезнаго и поучительнаго. Только одно меня приводитъ въ недоумѣніе: это—сообщенія изъ волостей. Неужели правда все, что въ нихъ пишутъ? Неужели нигдѣ нѣтъ перемѣны къ лучшему? Меня это очень удивляетъ, и мнѣ думается, не пишется ли это *по чувству вовсе нехристіанскому*, т.-е., замѣчая у своихъ ближнихъ и разглашая одно дурное, про-

пускаютъ мимо глазъ и ушей *все хорошее?* Вслѣдствіе этого, я и хочу сообщить о своей мѣстности. Положимъ, что и у насъ нѣтъ большаго совершенства, но гдѣ же оно и прежде было? Я желаю высказаться по совѣсти, наблюдая нѣсколько лѣтъ за развитіемъ крестьянскаго хозяйства и за поведеніемъ молодежи. Ежели сравнить съ настоящимъ все, что разсказываютъ старожилы и чему я самъ былъ очевидцемъ лѣтъ десять назадъ или болѣе, *то я вижу во всемъ перемѣну къ лучшему*».

Крестьянинъ Титовъ съумѣлъ наилучшимъ образомъ защитить своихъ односельчанъ, но объ этомъ будетъ рѣчь тамъ, гдѣ мы будемъ говорить о крестьянахъ, защитникахъ деревни вообще. Теперь же приведемъ тѣ мнѣнія порицателей народа и его жизни, сужденія которыхъ первенствуютъ въ *Сообщеніяхъ изъ волостей* и по количеству значительно превосходятъ сообщенія защитниковъ.

О пьянствѣ всѣхъ крестьянъ отъ мала (съ 13 л. возраста) и до велика, и о такомъ распутствѣ молодежи, что деревенскій публицистъ не рѣшается даже и говорить, мы имѣемъ пространнѣйшія корреспонденціи положительно со всѣхъ концовъ Россіи. Имѣемъ вѣсти изъ губерній Псковской, Тверской, Полтавской, Рязанской, Ярославской, Пермской, — словомъ, со всѣхъ концовъ имперіи, и во всѣхъ этихъ порицаніяхъ, кромѣ безумнаго пьянства, непремѣнно изображается, прежде всего, поведеніе молодежи обоего пола въ самомъ позорномъ видѣ, причемъ одинъ изъ публицистовъ пріурочилъ пожары нынѣшняго года именно къ распутству молодежи, говоря, что Господь послалъ ихъ, «любя насъ, для нашего вразумленія и исправленія» (изъ Тверской губ). Другое, непремѣнное качество враждебныхъ деревнѣ корреспонденцій—постоянный упрекъ родителямъ за то, что они не препятствуютъ дѣтямъ распутствовать, ссылаясь въ оправданіе дѣтей на свою молодость: «и мы въ молодости такъ же гуляли, какъ гуляютъ и наши дѣти». Вотъ, примѣрно, какъ живописуютъ публицисты и моралисты (большею частью писаря) распутство молодежи (изъ с. Демидовки, Кременч. у., Полтавской губ., сообщеніе сельскаго писаря Маркіана Лиходѣя): «День и ночь гуляютъ парни съ дѣвицами; а такъ какъ зимою на улицѣ, подъ открытымъ небомъ, особенно ночью, не очень разгуляешься, то эти молодые люди нанимаютъ для себя теплое помѣщеніе, гдѣ бы имъ удобно было проводить цѣлыя ночи въ гульбѣ. Это помѣщеніе называютъ «вечерныци», и нанимаютъ его дѣвицы преимущественно у вдовъ или вдовцовъ, или у другихъ лицъ, имѣющихъ просторную хату. «Вечерныцъ» этихъ въ селѣ находится четыре: въ одной гуляютъ дѣти съ 10 до 13 лѣтъ, въ другой отъ 13 до 16, въ третьей отъ 16 до 18 и въ четвертой отъ 18 до 22 лѣтъ и старше. Всѣ молодые люди означенныхъ возрастовъ, по заходѣ солнца, собираются сюда съ криками и пѣніемъ *безобразныхъ* пѣсенъ и находятся на этихъ пагубныхъ вечерныцахъ до самаго утра, парни съ дѣвицами все попарно. Въ лѣтнее же время, въ воскресные и праздничные дни, они собираются въ ближайшій отъ села лѣсъ, человѣкъ до 30-ти, и также попарно расходятся въ разныя сторо-

ны. Можно ли ожидать отъ такой молодежи чего-нибудь хорошаго, особенно отъ дѣвицъ? Стыжусь это далѣе описывать, и лучше о дальнѣйшемъ умолчу. А родители не обращаютъ вниманія на худые поступки своихъ дѣтей. Нѣсколько разъ я говорилъ объ этомъ родителямъ, чтобы они хоть малолѣтнихъ съ 10 до 13 лѣтъ воздержали отъ зла; но слышалъ только отвѣты: «Що-жь, це ны за насъ заведено (т.-е. это не при насъ заведено), не намъ и выводить, и мы колысь такымы булы». И никакими доводами не убѣдишь ихъ, что за грѣхи дѣтей они должны отвѣчать передъ Богомъ и что они заглушаютъ въ себѣ слова премудраго Соломона: «наказуяй чадо свое насладится о немъ» и «сотри выю ему дондеже малъ есть, зане ожествѣвъ не покорится тебѣ». Такъ въ дѣйствительности и есть: съ 16-ти лѣтъ мальчишка не повинуется родителямъ и самъ собой распоряжается. Такимъ несчастіемъ заражено все село, которое можно назвать Содомомъ и Гоморрой».

Въ другихъ корреспонденціяхъ, позорящихъ молодежь, то же самое повторяется буква въ букву и непремѣнно о тѣхъ же вечерницахъ. Корреспондентъ изъ Тверской губ., Зубцов. уѣзда, увеличиваетъ свое негодованіе сообщеніемъ вещей, о которыхъ ему *даже стыдно и говорить*. «Пробезобразничавъ до полуночи, парни остаются и,—совѣстно даже вымолвить,—ложатся съ дѣвками спать. *Хотя мнѣ и не всякій повѣритъ*, но это сущая правда. Щадя самолюбіе и стыдливость (какая ужь тутъ стыдливость!) своихъ сородичей, о другихъ безобразіяхъ лучше *умолчу*». Однако, не умолчалъ: «Въ этихъ вертепахъ безобразій и пороковъ теряются въ молодомъ поколѣніи всѣ добрые зачатки, привязанность къ домашнему очагу, добрая нравственность и *нерѣдко* цѣломудріе, что дороже золота и серебра, такъ что подкидыши у насъ не рѣдкость. И на все это родители и воспитатели глядятъ сквозь пальцы».

По этому, повидимому, прочно установившемуся образцу написано множество самыхъ омрачительныхъ корреспонденцій, но по мѣрѣ того, какъ деревенскіе публицисты и моралисты пріучались набивать руку на «литературѣ», расширялись и предѣлы явленій народной жизни, достойныхъ порицанія. Въ послѣднихъ №№ *Сельскаго Вѣстника* къ пьянству и распутству присоединилось еще жестокое порицаніе крестьянскихъ женщинъ вообще. Публицистъ и моралистъ изъ Васильевской волости, Любим. уѣз., Яросл. губ., нѣкто Николай Салтыковъ, посвящаетъ обличенію крестьянскихъ женщинъ почти всю корреспонденцію, руководствуясь при этомъ цѣлью доказать, что не мужиковъ, а бабъ и женъ крестьянскихъ слѣдовало бы подвергать *тѣлесному наказанію*. О «поркѣ» вообще въ послѣднее время разсуждаютъ въ нѣкоторыхъ, сердитыхъ на народъ, органахъ печати довольно много, но разсужденія эти всегда отличаются какимъ-то грубымъ тономъ и отсутствіемъ какихъ бы то ни было резоновъ и доказательствъ благотворнаго дѣйствія порки. Можно смѣло сказать, что деревенскіе публицисты несомнѣнно превосходятъ моралистовъ сердитыхъ органовъ печати какъ въ техникѣ изложенія, такъ и въ искусствѣ затемнить непріятное

дѣло порки высшими вопросами нравственности. Съумѣлъ же ярославскій публицистъ подкрѣпить свои доводы текстомъ изъ Іоанна Златоуста *), имѣя на умѣ самыя жестокіе замыслы противъ крестьянскихъ женщинъ. Разсмотримъ поближе эту хитрую механику словосочиненія:

«Но самою главною причиной *обѣдненія* является *неограниченное самовластіе женщинъ*. Такъ, еще немного лѣтъ тому назадъ женщины занимались въ зимнее время пряденіемъ льна, нынче же говорятъ: «не стóитъ». Если разсчитать, то и дѣйствительно не стóитъ, если бы женщины старались найти какой-нибудь другой заработокъ или помогали бы своимъ мужьямъ въ работахъ по земледѣлію; но онѣ остаются совершенно праздными, а эта праздность и является матерью всѣхъ пороковъ. По вечерамъ бываютъ *дѣвичьи посидки*, на которыхъ дѣвушки *прядутъ для своей надобности*. Сюда приходятъ молодые ребята, преимущественно питерцы, пріѣзжающіе на время въ деревню, и вотъ заводятся плясы, которые заведены у насъ изъ самыхъ отлетныхъ домовъ Петербурга. Дѣвки поютъ до черноты во рту безсмысленныя пѣсни, и въ тѣсной хатѣ плясы продолжаются нѣсколько часовъ. Матери сидятъ тутъ же, смотрятъ на своихъ дочерей, и такимъ образомъ проходитъ вся зима. Облѣнившіяся зимою такъ же стараются провести и лѣто. Вмѣсто того, чтобы вскопать гряду подъ какой-нибудь овощъ, баба выходитъ на улицу, къ ней подходитъ другая, потомъ и третья, и начинаются такого рода разговоры: «Здорово, Васильевна!»—«Здорово, Михайловна!—«Да ты чтò, дѣвка, дѣлаешь?»—«Да чтò дѣлать,—вотъ мужъ послалъ вскопать гряду подъ лукъ, да ну его, не пойду: и купить-то на какой-нибудь гривенникъ ничего не стóитъ... А ты чтò дѣлаешь?»—«Да вотъ *попримыкалась* со стиркой,—вѣдь, я не люблю кое-какъ ходить. Самъ-то ворчитъ: только, говоритъ, и дѣла въ мытьѣ да стиркѣ, мыла не напасешься,—да я его не больно боюсь, пожалуй, ругайся. А ты куда идешь, Митревна?—«Да матка послала за водой на чай, аль не видишь?»—«Да ужь ты никакъ вдругорядь?»—«А мы и все два да три раза чай **) пьемъ. Муженекъ-то давича поворчалъ, говоритъ—надо бы поберегать деньги-то, надо косулю купить, да старостѣ надо. Да я его мало слушаю: пожалуй, поддайся... и поворчитъ, да такой же будетъ»...

*) „Св. Іоаннъ Златоустъ въ словѣ 84 говоритъ: пляшуща жена—любодѣйца дьявола, супруга адова. Любящій плясаніе безчестіе Іоанну Крестителю творитъ“ (*С. В.*, № 42).

**) Изъ-за такой роскоши, какъ *чай* (одна изъ причинъ народнаго обѣдненія и возростанія недоимокъ), произошла между деревенскими моралистами настоящая полемика. Началась она съ совершенно несуразной корреспонденціи какого-то крестьянина *Изъ Московскаго уѣзда*, въ которой онъ, ни въ чемъ же сумняся, предлагаетъ правительству такія мѣропріятія: „Корень обѣдненія, по моему мнѣнію, нужно искать въ другомъ. Нужно наложить подать на чай, сахаръ и конфекты. И подать эта должна быть *вдвое* противъ стоимости названныхъ предметовъ. Это принесетъ большую пользу для правительства и для сельчанъ, которые отъ этого не только не обѣднѣютъ, но, напротивъ, состояніе ихъ улучшится. Подать на одинъ сахаръ сразу принесетъ *три пользы*: прибыль казнѣ (когда никто не будетъ пить чаю), у дѣтей не будутъ болѣть зубы и будетъ развиваться пчеловодство... Отъ самоваровъ происходятъ пожары, дѣти обвариваются

И дѣйствительно, что̀ будешь дѣлать съ бабой? Если мужъ поколотилъ, не далъ воли, то она оставляетъ дѣтей и уходитъ, *бѣдному мужику приходится кланяться бабѣ въ ноги, что и бываетъ*. У насъ рѣдкая молодуха проживетъ годъ въ семействѣ, состоящемъ хотя бы изъ свекра и свекрови, но стараются отдѣлиться, чтобы лучше самовольничать. Хоть мужу вовсе не охота, да что же сдѣлаешь, *если права жены не ограничены*? Вотъ раздѣлились, тутъ и бѣдность; надо строить хату, надо заводить земледѣльческія орудія и разную домашнюю утварь... Бѣда бѣду родитъ, воля заноситъ въ неволю. Староста тащитъ его на волостной судъ за нерачепіе къ дому, *и мужика наказываютъ розгами, а жена, хоть вѣкъ не радѣетъ дому или явно измѣняетъ мужу, все остается ненаказанной*».

Такъ изображено самовластіе женщинъ ярославскимъ моралистомъ; не отсталъ отъ него и вышневолоцкій: «Раздѣлы и непокорность происходятъ *отъ своеволія женскаго пола*. Лѣтъ 20 назадъ жена жила съ мужемъ, дѣти при отцѣ, братъ съ братомъ, и все было хорошо; а теперь братъ пошелъ на брата, сынъ на отца, жена на мужа, вездѣ суды да тяжбы; все это приноситъ убытки,—тратится даромъ время и расходуются деньги. И все это произошло отъ самовольства женщинъ. 20 лѣтъ назадъ меньше было раздѣловъ, были большія семьи, жили исправно; а теперь подѣлились, изъ хорошихъ домовъ сдѣлали кое-какія лачуги, изъ хорошихъ семей сдѣлались бѣдняками. 20 лѣтъ назадъ женщина помогала мужчинѣ, особенно въ зимнее время, отпуская мужа на заработки. А нынѣ этого нѣтъ: скорѣй увидишь, что мужикъ, пріѣхавши съ работы, помогаетъ женѣ—носитъ дрова, воду, а часто и помои; *жена же сидитъ, держа на рукахъ младенца*. Часто можно видѣть, что мужъ трудится, хлопочетъ, а жена становитъ чайникъ въ печь и говоритъ: «Ахъ, какъ у меня въ горлѣ-то болитъ, знать я простудилась,»—и мужъ несетъ *съ радостью* чаю и сахару. «Поправляйся, молъ, жена». Если же мужъ *дерзнетъ* ей противорѣчить, жена сейчасъ же бросаетъ дѣтей и мужа, говоря, что съ нимъ жить не будетъ. И тогда мужчина поневолѣ долженъ терпѣть. 20 лѣтъ назадъ можно было бѣдному у богача попросить въ долгъ, и богачъ вѣрилъ. А нынѣ того уже не стало; напротивъ, если бѣдному удалось какъ-нибудь обмануть богача, то онъ и радуется, и не думаетъ, что впередъ понадобится опять попросить. Богатые со своей стороны стали осторожнѣе, на всѣ долги стали писать письменные договоры и стали требовать проценты; для уплаты же долга стали назначать сроки и, въ случаѣ просрочки, требуютъ порядочной неустойки. Притомъ нужно быть свидѣтелю или росписку засвидѣтельствовать, чтобы можно получить долгъ хоть судебнымъ порядкомъ; а для договорной записи нужно уплатить какъ писцу,

---

кипяткомъ. А какая потеря времени за самоваромъ?" Нелѣпица продолжается довольно долго, но мы ограничимся тѣмъ, что̀ приведено. За „чай" вступилось много народу и между ними одинъ изъ полемистовъ, въ доказательство пользы чая, утверждаетъ, что онъ прекращаетъ преждевременный аппетитъ къ пищѣ".

такъ и свидѣтелю; къ тому же, нужно угощеніе—чай и бутылка водки,—и всѣ эти убытки ложатся на *бѣднаго* заемщика. Про это и поговорка сложилась: *бѣдный плачетъ, да подноситъ, — богачъ морщится, да пьетъ*» (стр. 77).

Читая эти скорбящія проповѣди о гибели крестьянъ всякаго возраста и пола, невольно вспоминается поговорка: «шила въ мѣшкѣ не утаишь». Провираются эти моралисты на каждомъ шагу. Ярославскій проврался уже и въ той части своей корреспонденціи, которая приведена выше: «женщины не прядутъ, не ткутъ, а на вечерницахъ, напротивъ, тѣ-жь самыя женщины работаютъ, прядутъ и, въ то же время, распутствуютъ такъ, что стыдно сказать». Затѣмъ, въ той же корреспонденціи моралистъ проговорился о крайней бѣдности крестьянъ, вынужденныхъ посылать дѣтей на заработки уже съ 12—13 лѣтн. возраста на заводы, въ Москву въ трактирные слуги. Полтавскій то же сплоховалъ и, сравнивъ свою деревню съ Содомомъ и Гоморрой, онъ въ той же корреспонденціи проговорился неожидано о бѣдственномъ положеніи жителей Содома: «Всѣ крестьяне этого села живутъ очень бѣдно, такъ что многіе домохозяева *вовсе не имѣютъ полевой земли*, а имѣютъ только однѣ усадьбы, да и то весьма малыя. Поэтому крестьяне берутъ въ существующей въ этомъ селѣ экономіи на отработъ землю, т.-е. обязуются, по первому требованію, убрать и свезти въ экономію 3 десятины хлѣба за каждую взятую ими *одну* десятину. Но эта работа невыгодна и крестьяне сидятъ голодные: не одному приходится еще съ 1 января покупать хлѣбъ! Да еще и не на одинъ хлѣбъ нужны деньги, а также на уплату повинностей и другія надобности. Во избѣжаніе нужды, крестьяне *посылаютъ своихъ дѣтей наниматься въ экономіи на срокъ, съ ранней весны до глубокой осени, т.-е. по 14 ноября*. По окончаніи этихъ работъ дѣти на зиму возвращаются къ своимъ родителямъ. Деньги же, заработанныя дѣтьми, родители употребляютъ частью на свои собственные расходы, а частью расходуютъ и на дѣтей: справляютъ имъ на зиму обувь и одежду. Такой порядокъ въ нашемъ селѣ ведется у крестьянъ изъ года въ годъ, изъ чего можно видѣть, что *жизнь крестьянъ у насъ горькая*: они—вѣчные работники».

И затѣмъ начинается описаніе распутства, начинается очень характерною фразой: «*Несмотря на такую бѣдность, наши крестьяне живутъ порочно*». Проговорившись разъ, и въ другой разъ сплоховалъ: «Въ этомъ селѣ только въ январѣ 1890 г. открылась церковно-приходская школа, а до сего время никакого училища не было, кромѣ училища пороковъ».

Прорѣха на рукавѣ сердитой деревенской публицистики особенно ясно видна въ тѣхъ цѣлебныхъ средствахъ, которыя предлагаютъ «сердитые» для врачеванія язвъ, изъѣдающихъ народную душу и разрушающихъ его хозяйство. Всѣ надежды возлагаются на начальство; оно не достаточно строго («ни урядникъ, ни духовенство ничего не могутъ сдѣлать») преслѣдуетъ пьянство и посидѣнки и мирволитъ недоимщикамъ. Крестьянинъ Самар. губ., нѣкто Епанешниковъ, положительно помѣшанъ на неистовой

ненависти къ крестьянамъ, именно за *недоимки* и за *долги* крестьянъ земству и правительству по продовольственному капиталу. Крестьяне плутуютъ, не уплачиваютъ долговъ и податей, и тѣлесное наказаніе плутовъ покажетъ, что *у нихъ есть чѣмъ уплатить долги.*

Пьянство, распутство, недоимка, обѣдненіе и исцѣленіе этихъ недуговъ строгимъ и *настоящимъ* наказаніемъ—вотъ въ чемъ вся суть «сердитой» публицистики.

III.

Но не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ «сердитые». Изъ той же развратной, распутной деревни идутъ голоса совершенно иного рода, высказываются справедливыя сужденія и даются основательныя объясненія тѣмъ мрачнымъ явленіямъ народной жизни, которыя, по мнѣнію «сердитыхъ», врачуются исключительно «*настоящимъ* наказаніемъ». Нѣкто Василій Максимовъ, крестьянинъ Бутырской волости, Касимовск. уѣз., Ряз. губ., разсказываетъ такое ужасное дѣло: «Къ вечеру 17 числа (третій день праздника Успенія) зыковцы (с. Зыково) до того перепились, что не понимали, кто куда идетъ и кто куда кого ведетъ; пошли у нихъ пляски, да гармонныя игры, и гуляли они такъ далеко за полночь. Потомъ разсказывали, что присталъ къ нимъ еще одинъ солдатикъ изъ сосѣдней деревни, отпущенный на побывку къ роднымъ. Извѣстно, пьяному море по колѣно. Вотъ затѣялась промежь гулякъ изъ-за чего-то ссора, кому-то немного досталось; потомъ начали они приставать къ одной женщинѣ, тоже изъ чужой деревни и веселаго десятка; чѣмъ-то она не заслужила имъ, они и давай ее бить, и избили ее до полусмерти, да еще и раздѣли догола. А тутъ *кто-то* и скажи: «Ребята, вѣдь, она пожалуется, что мы ее били и обнаготили, пойдемъ—добьемъ ее, тогда она ужь не пожалуется». Такъ и случилось: добили ее до смерти и оттащили за версту въ сосѣднія поля. Негодяи думали, что всѣ концы въ воду схоронили. А на другой-то день дѣло и вышло наружу. Убійцы были арестованы и отданы подъ судъ. Какъ слышно было, *солдатикъ получилъ свою достойную награду*: *его присудили на 4 года въ каторжныя работы*, а потомъ на вѣчное поселеніе въ Сибири; еще двоихъ на поселеніе сослали, а человѣкъ восемь нѣсколько разъ таскали на судъ.

«Вотъ до чего доводитъ людей пьянство! Допиваются до того, что ничего не помнятъ».

Не безъ подражанія сердитымъ публицистамъ Максимовъ написалъ: *кто-то надоумилъ*, «бросая тѣмъ упрекъ распутной молодежи», тогда какъ 4 года каторжной работы ясно свидѣтельствуютъ, что надоумилъ и сдѣлалъ ужасное дѣло солдатикъ *изъ сосѣдней* деревни. Не избѣжалъ Максимовъ и прорѣхи, свойственной сердитымъ публицистамъ: въ началѣ корреспонденціи онъ говоритъ, что былъ очень удивленъ тѣмъ, что̀ видѣлъ въ Зыковѣ, и въ концѣ, разсказавъ объ ужасномъ дѣлѣ, неожиданно и прогово-

рился: «да незачѣмъ и далеко ходить; эта лесть (пьянство и распутство) *и въ нашихъ деревняхъ есть*: между нашими деревнями верста разстоянія, и какіе здѣсь бываютъ разгулы!...» Но, не избѣжавъ недуга сердитой публицистики, онъ не умолчалъ и о положеніи крестьянъ с. Зыкова: «Здѣсь числится 120 рев. душъ. И такой здѣсь обычай заведенъ: дѣвицы и молодые парни до 15-ти лѣтъ вмѣстѣ гуляютъ. *Старшая молодежь находится на работахъ въ плотникахъ, и мужиковъ средняго возраста вовсе дома не бываетъ, остаются только шестидесятилѣтніе старики. Поэтому и допущена такая слабость*, что дѣвки съ парнями устраиваютъ по деревнѣ разгулъ: заходятъ во дворъ къ какой-либо дѣвушкѣ, и та угощаетъ ихъ виномъ; потомъ переходятъ въ другой дворъ — и тамъ также угощаютъ».

Очевидно, что эти 15-ти лѣтніе юноши и дѣвушки «предоставлены на волю Божію». Если бы въ Зыковѣ была школа, то Максимовъ непремѣнно бы проговорился о ней, и если не проговорился, то, стало быть, дѣти ростутъ безъ всякаго «призора». Но Максимовъ только проговорился о причинахъ погибели молодежи, а тамбовскій деревенскій корреспондентъ изъ Шацкаго уѣзда прямо объяснилъ причину и *происхожденіе* въ деревнѣ буйной и распутной молодежи:

«Къ тому же времени (Михайлову дню, когда въ деревнѣ начинаются свадьбы) молодежь готовится къ призыву на военную службу. Эти молодые люди, подъ названіемъ гожихъ, недѣли за три до призыва оставляютъ службу, если кто-нибудь служитъ, *уходятъ съ работы и всѣ являются въ свое село погулять*. И вотъ, собираясь всѣ вмѣстѣ, разгуливаютъ шайками по кабакамъ, трактирамъ и посидѣлкамъ. Поведеніе этихъ «гожихъ» весьма и весьма негоже. Не говоря уже о томъ, что *они безъ дѣла бродятъ по цѣлому мѣсяцу, пьянствуя и производя всевозможныя безобразія* на улицахъ, такъ что съ этими пьяными шайками опасно даже встрѣтиться, особенно ночью, эти же гуляки, за неимѣніемъ денегъ, зачастую прибѣгаютъ къ воровству. Вообще *этотъ народъ (рекруты), готовясь въ военную службу, считаетъ себя людьми какими-то неустрашимыми, неподсудными, а потому безобразничаетъ и безъ пощады прогуливаетъ семейные трудовые и общественные мірскіе гроши*. А, вѣдь, лучше было бы сберечь лишнюю копѣйку себѣ въ военную службу или оставить ее своей семьѣ—нерѣдко престарѣлымъ отцу, матери и женѣ съ дѣтьми, *которые лишаются своего главнаго работника*. Тяжело смотрѣть на такихъ людей...»

И такъ, мы узнаемъ (хотя и шацкій корреспондентъ не избѣжалъ сердитой точки зрѣнія), что *этотъ* безобразный *народъ*—рекруты, т.-е. оторваные отъ семейства «главные работники», обреченные на жизнь недеревенскую. Понятно, каково должно быть настроеніе этихъ «безобразниковъ», разлучающихся съ родиной. Но тѣ же безобразники, оставаясь въ деревнѣ «главными работниками», изображаются добросовѣстными деревенскими корреспондентами совершенно иначе:

«Скажу прежде насчетъ крестьянскаго хозяйства (пишетъ это тотъ самый Геннадій Титовъ, крестьянинъ Смоленской губерніи, протестъ котораго противъ поклеповъ на молодежь волостныхъ публицистовъ былъ приведенъ выше). Всѣ крестьяне у насъ стремятся къ улучшенію его. Я знаю много деревень поблизости нашей, въ которыхъ *отцы нынѣшнихъ хозяевъ*, имѣя по три, по четыре надѣла земли на дворъ, имѣли по одной, много по двѣ лошади, также и коровъ, *отпускали сыновей на заработки въ Москву, отдавали половину земли въ наймы подъ посѣвы за деньги или за проценты*, потому что, несмотря на помощь сыновей изъ Москвы и на деньги, взятыя за землю, они никакъ не могли обойтись безъ того, чтобы не занять денегъ на подати или сѣмянъ на посѣвъ, *и даже хотѣли совсѣмъ отказаться отъ земли въ первыя девять лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права.* И вотъ, годовъ десять назадъ, *нынѣшніе хозяева* взялись за хозяйство, по старости отцовъ, и *перестали посылать далеко на заработки лишнихъ членовъ семейства, находя дѣло около себя*; перестали также и землю людямъ закладывать. И какъ скоро созрѣли плоды трудолюбія и разумнаго веденія хозяйства, можно видѣть изъ того, что, находясь на той же землѣ и при тѣхъ же условіяхъ, деревни стали неузнаваемы: на мѣстѣ ветхихъ избушекъ красуются хорошія, новыя и прочныя хаты, вмѣсто одной или двухъ клячъ, выводятъ со двора четверку и болѣе сытыхъ и сильныхъ лошадей; количество скота удвоилось; вмѣсто заклада своей земли, они принанимаютъ къ своей еще столько же. Еще я знаю нѣсколько деревень, изъ которыхъ *рѣдкій крестьянинъ прежде не ходилъ по-міру просить милостыню, а теперь тамъ же новые хозяева пооткупили помѣщичьи имѣнія и живутъ очень зажиточно.* А еще поблизости нѣсколько деревень занялось сѣяніемъ клевера: отбиваютъ часть поля изъ-подъ ржи и засѣваютъ клеверомъ и тимоѳеевкой, а изъ остальныхъ полей дѣлаютъ еще три поля, вслѣдствіе чего у нихъ является четырехпольное хозяйство. Положимъ, что такихъ немного, но, все-таки, есть перемѣна къ лучшему. *Десять лѣтъ назадъ крестьяне не хотѣли и слушать о томъ, чтобы сѣять клеверъ*, считая это дѣло совершенно невозможнымъ, а теперь многіе поговариваютъ *) объ этомъ.

---

*) На Руси есть такія мѣста, гдѣ не только не „поговариваютъ“ ни о какихъ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ, но упорно отстаиваютъ первобытные порядки земледѣлія. И эти первобытные земледѣльцы проживаютъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ именуемыхъ „сердитыми“ распутныхъ мѣстъ, именно въ Костромской губ., въ Бортновской вол., въ деревнѣ Семеновъ. Крестьянинъ Егоръ Лебедевъ такъ описываетъ жизнь первобытныхъ:

„Наша волость состоитъ изъ восьми деревушекъ, вокругъ которыхъ на всѣ четыре стороны, куда ни пойдешь, все 10 верстъ лѣсу. Есть у насъ приходская церковь, а питейныхъ заведеній въ нашемъ мѣстѣ нѣтъ никакихъ и не найдешь ихъ ближе 25 и 30-ти верстъ, также какъ и торговыхъ селъ. Земля у насъ не очень плодородна—все иловатая, и хлѣбъ родится не очень хорошо. Если уродится самъ-пятъ или шестъ, то лучше этого и не бывало. Воздѣлывается она по старинѣ, пашутъ косулями, о плугахъ же у насъ не знаютъ и отъ роду ихъ не видали, поблизости ихъ и нѣтъ нигдѣ. Боронуютъ у насъ тоже деревянными боронами, а желѣзныхъ ни у кого нѣтъ. Народъ у

«Есть, конечно, и обратные примѣры, но ихъ очень мало: изъ десяти хорошихъ, пожалуй, двое сдѣлались худыми, а восемь остались, все-таки, такими же; а изъ десяти худыхъ восемь сдѣлались хорошими, а двое остались такими же.

«Что касается поведенія молодежи, *то просто не вѣрится, что разсказываютъ старожилы про прежнее время, собственно при крѣпостномъ правѣ.* Въ нашей мѣстности ни посидокъ, ни вечеринокъ нѣтъ, какъ пишутъ о томъ изъ другихъ мѣстностей. Ходятъ на улицу, поютъ пѣсни, водятъ хороводы, но поздно никогда на улицѣ не остаются, и ничего безнравственнаго при этомъ не бываетъ. *И къ грамотѣ у насъ проявляется большое стремленіе*».

Еще лучше защитилъ крестьянскую молодежь крестьянинъ И. И. Ивякинъ (изъ с. Журавки, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ.). Разсказавъ безсмысленную покупку земли при помощи крестьянскаго банка, запутавшую крестьянъ Журавки въ 100 тысячный долгъ, и объяснивъ эту безсмыслицу неумѣньемъ стариковъ разсчитать и обдумать дѣло *разсудительно*, крестьянинъ Ивякинъ пишетъ:

«Крестьяне наши вѣчно жалуются на свои недостатки, но истинный-то ихъ недостатокъ, котораго они въ себѣ и не замѣчаютъ, это — ихъ умственная неразвитость и вообще ихъ маломысліе. Народъ, *кромѣ молодаго поколѣнія*, почти весь безграмотный, всякое дѣло дѣлается у нихъ безъ знанія и опыта, на-авось. Чего можно ожидать хорошаго отъ неграмотныхъ старостъ, руководимыхъ сельскими писарями, которыхъ они уважаютъ изъ-за боязни, какъ бы ихъ въ противномъ случаѣ не запутали въ мірскихъ счетахъ, ибо, вѣдь, писаря записываютъ мірскіе расходы и приходы? Вотъ по этой-то причинѣ сельскіе старосты находятся въ рукахъ у писарей. Дѣйствительно, много и весьма даже много поступаетъ въ старосты и хорошихъ людей, да, не зная своихъ обязанностей, считая все уже подѣланнымъ, что же ему послѣ этого и дѣлать, какъ не идти въ кабакъ?

насъ небогатаго состоянія, живетъ средне, но есть и бѣдняки, которые даже милостыней питаются. Вообще жить у насъ крестьянамъ трудно, потому что живемъ мы отъ торговъ далеко, на 25—30 верстъ, и дороги на базары весной и лѣтомъ очень трудны; если крестьянинъ не запасется чѣмъ зимой, то весной уже трудно запастись, потому что лѣсомъ не проѣдешь, ибо очень грязно. Нѣкоторые торговлей занимаются, но мало; ремесломъ никакимъ не заняты и на заработки никуда не ходятъ. Только лѣтнею работой и живутъ. Народъ у насъ—старина, стариной и кажется. Если гдѣ сидятъ старики на гуляньѣ и приди къ нимъ молодой человѣкъ, одѣтый понаряднѣй, то они и зачнутъ себѣ вздыхать, и станутъ говорить, что народъ сталъ щеголять въ послѣднее время, и сколько перемѣнъ они видали на своемъ вѣку. Въ нашей мѣстности крестьяне вовсе малоученые; въ приходѣ у насъ нѣтъ никакой школы, поэтому у насъ и придерживаются все старины.

„Скажу еще нѣсколько словъ о сѣменахъ. Рожь и овесъ у насъ не перемѣняются, какъ завели наши прадѣды, такъ они и ведутся, можетъ быть, имъ лѣтъ двѣсти; оттого, быть можетъ, и неурожай, что сѣмена выродились. А если станешь говорить старикамъ о перемѣнѣ сѣмянъ, то они отвѣтятъ: „Что Богъ вложитъ, то и уродитъ!“ Такъ и идетъ все прежнимъ порядкомъ“.

«Намъ, крестьянамъ, нужна не столько денежная помощь, *сколько умственная*, чтобы намъ запастись *умомъ-разумомъ*, а безъ этого если бы и даромъ намъ давали участки земель, то мы настолько же поправимъ свое положеніе, насколько поправились видѣнныя во снѣ египетскимъ фараономъ тощія коровы, пожравшія тучныхъ, но отъ этого не потолстѣвшія, какъ говорится въ Писаніи.

«Теперь, слава Богу, съ открытіемъ земскихъ школъ молодое поколѣніе почти все стало грамотнымъ *и, навѣрное, будетъ много умнѣе и опытнѣе своихъ отцовъ и дѣдовъ*».

Грубый, жестокій самарскій мужикъ Епанешниковъ *), проповѣдникъ порки за недоимки, не миновалъ должнаго возмездія со стороны своего же брата-крестьянина, Николая Талызина, той же Самарской губ. (Тимошковской волости, Бугурусл. уѣзда):

«Какъ крестьянина, меня удивило въ письмѣ Епанешникова, что крестьянинъ же стоитъ за наказаніе розгами. Невольно задумаешься о томъ, неужели мы дошли до того, что безъ розогъ путнаго изъ насъ будетъ мало? Конечно, люди порядочные, имѣющіе достатокъ, не будутъ имъ подвергаться, наприм., за недоимки, ибо могутъ исправно уплачивать свои повинности; но каково другимъ-то желать такого наказанія! *Не приведи Богъ испытать его!* Конечно, въ семьѣ не безъ урода; такъ и въ нашихъ обществахъ есть и хорошіе люди, есть и плохіе. *Но накопленіе недоимокъ право же зависитъ не отъ нихъ.* Беру, напримѣръ, нашъ Бугурусланскій уѣздъ: начиная съ 1885 и по 1889 годъ были неурожаи хлѣба, и многимъ крестьянамъ правительство выдавало ссуду; но вотъ 1889 годъ *немного порадовалъ урожаемъ*, *даже только посредственнымъ*, и то по одной нашей волости поступило въ уплату недоимки 9,712 рублей, и пополненъ весь окладъ за этотъ годъ—8,961 руб., т.-е. всего взыскано 18,673 рубля; а, вѣдь, въ нашей волости всего 1,954 ревизскихъ души. Какъ слышно, и другія волости не отстали отъ насъ,—и, конечно, благодаря содѣйствію мѣстной полиціи, *а ужъ никакъ не наказанію розгами.* Если ужъ у кого нечѣмъ заплатить, *то его хоть ежедневно наказывай*, *а подати все будутъ не уплачены*,—*только понизится нравственность наказаннаго.* Не надо забывать, что богатый крестьянинъ не менѣе бѣдняка имѣетъ недоимокъ, и у него всегда является отговорка: «Пусть прежде заплатитъ бѣднякъ, а я еще успѣю заплатить во всякое время» **).

---

*) Вотъ, для примѣра пріемъ отношеній Епанешникова къ народу: „Въ избѣ сидѣли два парня-лоботряса, въ красныхъ кумачныхъ рубахахъ и въ жилетахъ (это у насъ первое франтовство), сидятъ да покуриваютъ папироски. „Откуда это у васъ? Проѣзжіе какіе-нибудь?— спрашиваю я. — „Нѣтъ это наши; отъ хозяевъ вернулись... ужь очень плохо кормятъ, одна ржанина (это, значитъ, сѣтуютъ на то, что не давали пшеничнаго хлѣба). Положимъ, что и щи были, и каша, да масла въ кашу не даютъ“. Оно и видно, что плохо кормили: шеи у молодцовъ, какъ у быковъ, лица лоснятся, а обо лбы поросенка можно убить“.

**) Эта фраза богатаго мужика—далеко не простое хвастовство: „Въ большихъ се-

И выходитъ, что наказывать розгами придется не однихъ бѣдняковъ, но и богатыхъ».

Отъ редакціи *Сельскаго Вѣстника* къ этому прибавлено: «Этого вовсе не выходитъ, *ибо, при строгомъ взысканіи вообще со всѣхъ*, богатые не затягивали бы платежей. «Содѣйствіе полиціи» означаетъ уже *строгое* взысканіе, благодаря которому и собраны платежи успѣшно въ прошломъ году, чего сельское и волостное начальство безъ полиціи не съумѣло сдѣлать. *Дѣло не въ розгахъ именно, а въ томъ, чтобы наказаніе было не поблажкой, а дѣйствительнымъ наказаніемъ, котораго беззаботные люди боялись бы.* Никто не потребуетъ тѣлеснаго наказанія, если дѣйствуютъ другія, болѣе легкія мѣры. И нравственность понижается не отъ этого (не отъ розогъ?) наказанія, а отъ привычки не исполнять своихъ обязанностей».

Хотя *дѣло не въ розгахъ*, а въ томъ, чтобы наказаніе не было *поблажкой* (наказаніе-то?),—все-таки, намъ кажется до чрезвычайности страннымъ, что ред. *Сельскаго Вѣстника* ни разу не сдѣлала такого же рода примѣчанія (*дѣло не въ розгахъ*) къ тѣмъ сообщеніямъ изъ волостей, гдѣ розги проповѣдуются какъ цѣлебное средство. Отчего редакція не сдѣлала примѣчанія къ статьѣ Епанешникова, проповѣдника розогъ, и не указала ему на «непривычку крестьянъ не исполнять своихъ обязанностей», а сдѣлала это въ укоръ крестьянину, вопіющему противъ розогъ?—«Не преведи Богъ испытать это!» Мы положительно недоумѣваемъ и не понимаемъ этого противорѣчія во мнѣніяхъ редакціи, постоянно оказывающей къ нуждамъ крестьянина самое искреннее вниманіе и участливость.

Что не въ розгахъ дѣло, это мы на каждомъ шагу видимъ въ томъ же *Сельскомъ Вѣстникѣ*, гдѣ безъ всякихъ примѣчаній волостные публицисты во всеуслышаніе проповѣдуютъ розгу и строгость. Въ одномъ только

лахъ Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., вошло въ обычай собирать подати именно съ бѣдняковъ.

„Понуждайте прежде голытьбу-то,—совѣтуютъ міроѣды властямъ,—а за нами дѣло не станетъ: изъ кармана деньги выложить не долго. Власти слушаются, налегаютъ на бѣдняковъ, которые и принуждены продавать хлѣбъ по крайне дешевой цѣнѣ тѣмъ же міроѣдамъ или другимъ мѣстнымъ мелкимъ кулакамъ; при этомъ еще должны ихъ упрашивать: „Благодѣтель ты мой, возьми, пожалуйста, хлѣбецъ: деньги нужны на подушны". Міроѣды скупаютъ хлѣбъ на тѣ деньги, которыя они должны бы внести сборщику податей, а сами уплачиваютъ повинности тогда, когда продадутъ скупленный хлѣбъ крупнымъ торговцамъ, причемъ получаютъ отъ 10 до 20 коп. съ пуда барыша.

„Было бы гораздо правильнѣе мѣстнымъ властямъ поступать наоборотъ: требовать сборы прежде съ зажиточныхъ крестьянъ, а бѣднякамъ давать льготу, чтобы они имѣли возможность продавать хлѣбъ по настоящей цѣнѣ, а не отдавать его, не навязывать чуть не даромъ, отчего они съ каждымъ годомъ еще больше бѣднѣютъ.

„Эти же „податныя деньги" сельскія старосты, во множествѣ случаевъ, пускаютъ въ ростъ и наживаютъ деньги, опять на бѣднякѣ. Недоимки возростаютъ потому, что запутавъ крестьянина въ долги (съ процентами), староста отбираетъ податныя деньги съ должниковъ въ свою пользу".

11 № *Сельскаго Вѣстника* мы находимъ три вѣсти, далеко не похожія на вѣсти о повсемѣстномъ распутствѣ:

«Въ слободѣ Березенской, Лукояновскаго у., Нижегородской губ., существуетъ народное училище, въ которое ходитъ до 115 дѣтей; но собственнаго зданія оно не имѣло, а помѣщалось въ домѣ частнаго лица за особую плату. Чтобы дать школѣ свое помѣщеніе, былъ пріобрѣтенъ крестьянами на деньги мірскаго капитала, хранящагося въ Починковскомъ ссудо-сберегательномъ товариществѣ, каменный домъ за 1,600 руб., который до весны прошлаго года оставался неисправленнымъ и для помѣщенія училища неудобнымъ. Истративъ на исправленіе дома 1,400 р., крестьяне освятили и открыли школу 22 октября».

«Крестьяне села Казачки, Балашовскаго у., Саратовской губ., 17 марта 1889 года, находясь на сельскомъ сходѣ, приговоромъ постановили, чтобы отнынѣ каждый одноообщественникъ *обязательно посылалъ всѣхъ сыновей* (въ учебное время года), *по достиженіи ими девятилѣтняго возраста, въ мѣстную сельскую школу*, и непремѣнно въ продолженіе трехъ лѣтъ, для того, чтобы мальчикъ могъ окончить курсъ въ школѣ и получить свидѣтельство; если же кто не будетъ подчиняться этому постановленію, т.-е. не будетъ посылать своихъ дѣтей въ школу безъ уважительныхъ на то причинъ, съ того взыскивать чрезъ сельскаго старосту штрафъ въ 5 р., въ пользу мірскихъ суммъ, каковой штрафъ можетъ быть взыскиваемъ старостой при ослушаніи крестьянина до трехъ разъ».

Изъ Баскаковской волости, Сычевскаго у., Смоленской губ., К. И. Ровинскій сообщаетъ: «Народъ здѣсь проявляетъ сильное влеченіе къ образованію: въ предѣлахъ волости двѣ школы, переполненныя учащимися; грамотныхъ мужчинъ въ волости 941, женщинъ 160; учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ около 300. Семей съ грамотными 632. Многіе крестьяне выписываютъ книги и газеты. Въ селѣ Баскаковѣ нѣсколько крестьянъ выписываютъ *Сельскій Вѣстникъ*, въ деревнѣ Бородулинѣ одна крестьянка получаетъ журналъ *Духовно-нравственное Чтеніе*, который жадно читается ея односельчанами.

«Но еще болѣе пріятно видѣть, когда не отдѣльныя лица, а цѣлая деревня сообща заботится утолить духовную жажду и разумно наполнить свой досугъ. Такой примѣръ показываетъ дер. Тюлено, Баскаковской волости: здѣсь всѣ крестьяне нанимаютъ избу, гдѣ по вечерамъ сходятся и грамотные читаютъ по очереди вслухъ *Сельскій Вѣстникъ*, книги, а иногда и другія газеты. Въ этой избѣ зимой крестьяне засиживаются до поздняго вечера, причемъ въ ней не только никто не думаетъ пить водку, но даже не пьютъ чаю: *почтенные люди* сходятся сюда лишь для единственной цѣли—*чему-нибудь научиться*».

Вотъ къ такого рода «вѣстямъ» дѣйствительно слѣдовало бы дѣлать «поощрительныя» примѣчанія, возбуждая въ народѣ потребность умственнаго развитія и стыдя сердитыхъ волостныхъ публицистовъ за ихъ тиранскія идеи. Къ счастью, починъ выйти изъ мрака къ свѣту, какъ мы ви-

дѣли, уже сдѣланъ поколѣніемъ «новыхъ хозяевъ», и сдѣланъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, въ широкихъ размѣрахъ. «*Наши крестьяне не потеряли образа человѣческаго*, какъ было писано изъ Бугурусланскаго уѣзда»,—пишетъ, по адресу того же жестокаго мужика Епанешникова, кр. Андрей Тузовъ изъ д. Дуленовой, Волоколамскаго у., Московской губ., и доказываетъ справедливость сказаннаго имъ подробнымъ описаніемъ жизни крестьянъ д. Дуленовой:

«Мы были временно-обязанными князей Стрѣшневыхъ; волость наша состоитъ изъ шести деревень; земельнаго надѣла имѣемъ очень мало — 2 десятины съ четвертью удобной и неудобной земли; хозяйство ведемъ трехпольное, каждый годъ высѣваемъ ржи 5 мѣръ на душу; при среднемъ урожаѣ на годъ хлѣба намъ не хватаетъ, несмотря на хорошую обработку и хорошее удобреніе навозомъ. Корма для скота тоже мало, такъ что приходится прикупать. Приведу къ примѣру себя. Семейства у меня 6 сыновей и одна дочь; двое сыновей женаты и имѣютъ шесть человѣкъ дѣтей; всего семейства, значитъ, у меня 17 человѣкъ. Для обработки поля нанимаю двухъ работниковъ, потому что самъ я не пашу, а занимаюсь съ тремя сыновьями сапожнымъ ремесломъ, четвертый сынъ служитъ въ солдатахъ; кромѣ того, я имѣю пятерыхъ рабочихъ сапожниковъ. Всего годоваго расхода съ податями у меня выходитъ 2,000 руб., а съ земли, на 8 душъ земельнаго надѣла, получаю дохода отъ травы, хлѣба и овощей, при среднемъ урожаѣ, 800 руб.; значитъ, мнѣ приходится прибавлять денегъ на расходы 1,200 руб. Другому покажется страннымъ, какъ я управляюсь съ такимъ большимъ расходомъ, но я, съ помощью Божіею, трудами своими преодолѣваю его. Наше сапожное мастерство хотя и не очень завидное, но со стараніемъ и трезвостью жить можно. Прочіе крестьяне нашей деревни занимаются, кромѣ обработки земли, торговлею сырыми кожами, льномъ (который сами обрабатываютъ и скупаютъ) *), опойкомъ и разнымъ товаромъ, который ѣздятъ собирать по деревнямъ верстъ за сто. Торгуютъ они съ Осташковымъ (Тверской губ.) и Москвою. Есть у насъ и свои два крестьянскіе кожевенные завода, на которыхъ въ лѣтнее время живетъ болѣе 150 человѣкъ.

«Многіе крестьяне у насъ, въ Россіи, въ зимнее время сидятъ на лавкѣ, сложа руки **), а нашъ мужикъ добываетъ деньги: средній торговецъ

---

*) Всего отправляется льна до 200 тыс. пудовъ въ Тверь, въ Зубцовъ, въ Гжатскъ, въ Вязьму. Эта торговля, а также и сѣменная, развиты болѣе другихъ.

**) Что на Руси есть такія мѣста, гдѣ крестьянинъ зимой не только сидитъ сложа руки, а изнемогаетъ отъ бездѣлья, свидѣтельствуетъ крестьянинъ Андрей Есиповъ, Нижне-Ландехской вол., Гороховецк. у., Влад. губ.:

„Сильный работникъ зимою въ деревнѣ не знаетъ, куда и время дѣвать. Вставши раннимъ утромъ, хозяинъ спѣшитъ убрать скотъ, напоить его, задать корму, принести воды, порасчистить кое-гдѣ снѣжные заносы. Всей этой работы хватитъ на три часа. Потомъ во второй разъ придется дать скоту кормъ днемъ и въ третій разъ на ночь. Въ промежутки же между дачами корма работнику дѣлать нечего, и собираются они по два, по три въ одну избу. Разговоровъ особыхъ нѣтъ,— все уже успѣли переговорить, всѣ сказки уже сказаны,—и сходятся они только для того, чтобы вмѣстѣ полежать.

рублей 50 на однѣ руки, а нѣкоторые до 200 рублей въ зиму; у кого же есть порядочное семейство, то добываютъ и до 2,000 рублей. *За то у насъ и заведенія нѣтъ ходить на чужую сторону, и дѣтей туда не посылаемъ, а всякій старается работать при семействѣ.* Особенно развита у насъ грамотность въ молодомъ поколѣніи: рѣдко встрѣтишь такого, который бы не кончилъ ученія въ сельскомъ училищѣ. Два приходскихъ училища у насъ существуютъ уже 25 лѣтъ (въ Ивячиковѣ и въ с. Корневскомъ). Съ 1887 года дер. Горы выстроила, съ помощью земства, еще училище, на что потрачено 2,000 рублей. Мы, дуленовцы, тоже на свой счетъ, выстроили училище, потративъ 1,000 руб., а земство выслало къ намъ учителя. На содержаніе сторожа и отопленіе въ годъ выходитъ 100 руб., а учится въ училищѣ до 70 дѣтей. Такимъ образомъ, мы имѣемъ четыре училища, на разстояніи одно отъ другаго не болѣе трехъ верстъ.

«И въ молодежи у насъ нѣтъ такой распутности, какъ описывается. У насъ каждый молодой человѣкъ старается сохранить свою честь и добрую славу, и каждый хозяинъ слѣдитъ за своимъ хозяйствомъ со всѣмъ стараніемъ, чтобы у него ничего не пропадало въ хозяйствѣ даромъ, а приносило бы пользу. Нашему хозяину не приходится продавать на наряды корову или лошадь: *у него обходится и безъ этого.* Хотя и у насъ есть люди *праздношатающіеся*, но только очень мало, *потому не даемъ мы развиваться, находимъ имъ мѣста.* При всемъ малоземельи, наши крестьяне не только сами себя кормятъ, но и другимъ людямъ хлѣбъ даютъ, а именно извозчикамъ, которые возятъ ленъ, сѣмя и другіе товары не менѣе какъ по 20 коп. съ пуда. Однимъ словомъ, наши крестьяне не потеряли образа человѣческаго, какъ было писано... Совѣтую всѣмъ крестьянамъ стараться какъ *можно болѣе строить школъ и обучать дѣтей грамотѣ*, слѣдить за ними, обучать ихъ ремеслу или торговлѣ, глядя по состоянію мѣста, гдѣ и чѣмъ лучше заняться, воздерживать ихъ отъ пьян-

---

„— Эй, кума Дарья, дай-ка какой-нибудь кафтанишко подъ головы, а то жестко такъ-то.

„— Ишь, вы, бездѣльники! Дома точно и мѣста нѣтъ? — ворчитъ Дарья, подавая кафтанъ.

„Кумъ Аввакумъ, сватъ Панкратъ, да хозяинъ дома Дема и разлягутся по лавкамъ, перекинутся двумя-тремя словами, покурятъ махорки и заснутъ себѣ сномъ крѣпкимъ.

„Хозяйка бѣгаетъ, суетится или сидитъ за гребнемъ.

„— Дарьюшка, а Дарьюшка,—раздается подъ окномъ голосъ,—мой-то не у васъ ли въ избѣ? Запропалъ гдѣ-то,—уже обѣдать пора.

„— Здѣсь, здѣсь, храпитъ во всю ивановскую,—отвѣчаетъ Дарья.—Да что съ улицы-то говорить—войди въ избу.

„— Ухъ, голубушка, сколько холоду-то принесла,—говоритъ Авдотья, входя въ избу и молясь предъ иконами.

„Дарья и Авдотья долго ведутъ разговоръ: сонные мужья — хорошій предлогъ для судаченья.

„Наконецъ, проснутся мужья, почешутъ въ затылкахъ, порасправятъ косточки и уходятъ изъ избы свата, пригласивъ его къ себѣ. И такъ спятъ изо дня въ день. Поѣздка въ лѣсъ, за сѣномъ въ поле—большой и рѣдкій праздникъ“.

ства и другихъ пороковъ и самимъ тоже удаляться отъ всѣхъ дурныхъ наклонностей».

Читатель видитъ, какая огромная разница въ воззрѣніяхъ крестьянина и волостнаго публициста на крестьянина. Публицистъ сосредоточилъ все свое вниманіе на изобрѣтеніи средствъ «наказанія» и смотритъ на крестьянина какъ на существо, «утратившее образъ человѣческій»; крестьянинъ ревностно борется за образъ человѣческій, вопіетъ противъ розги, превозноситъ школу, образованіе.

— Не въ розгахъ дѣло, а въ *дѣйствительномъ наказаніи!* — поучаютъ руководители народныхъ массъ.

— Не дай Богъ испытать это!—вопіютъ народныя массы и, какъ видите, идутъ къ свѣту безъ всякаго руководства.

IV.

Одинъ крестьянинъ спрашиваетъ редакцію *Сельск. Вѣстн.: отнимутъ у него земельный надѣлъ*, если онъ получитъ высшее образованіе? Редакція отвѣчаетъ: «отнимутъ», потому что высшее образованіе даетъ право личнаго дворянства. Вопросъ крестьянина — большой вопросъ: онъ хочетъ много знать, но не покидать деревни, не разрывать съ нею нравственной связи. Въ настоящее время въ учительскихъ семинаріяхъ учителя въ большинствѣ изъ крестьянъ и имѣютъ неразрывныя связи съ деревней, съ ея нуждами. «Любезному сыну Петру Ивановичу посылаемъ низкій поклонъ. Погорѣли мы до-чиста подъ самый подъ Успленьевъ день», — читаетъ студентъ учительскаго института въ Петербургѣ, въ 13 линіи, и въ два-три свободные часа изъ конца въ конецъ бѣгаетъ по урокамъ. Рубли, полученные за уроки, превращаются въ деревнѣ въ срубъ. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ молодежь, получающая высшее образованіе, опять возвращается въ колонію учителемъ, врачомъ, агрономомъ, а не разрываетъ связи съ землей. Почему же у насъ образованіе крестьянина должно прерывать его связь съ крестьянствомъ, разъ объ этомъ желаніи – не прерывать связи— возникаетъ вопросъ въ деревнѣ? Въ этомъ желаніи таится зерно народной интеллигенціи; идти въ народъ изъ «образованнаго общества», хотя бы и съ искреннимъ порывомъ сердца служить народу, не то, что воспитаться въ «необразованномъ обществѣ народа», имѣть съ нимъ неразрывную связь и понимать его нужды во всемъ объемѣ.

Глѣбъ Успенскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Ноябрь. 1890 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и педагогика.— Археологія и исторія.—Политическая экономія.—Этнографія.—Медицина.—Техническія книги.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** „Вѣстникъ Европы“, *октябрь.*—„Сѣверный Вѣстникъ“, *августъ—октябрь.*—„Юридическій Вѣстникъ“, *январь—октябрь.*

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Потревоженныя тѣни“. *Сергѣя Атавы* (*С. Н. Терпигорева*). — „Крымскія стихотворенія“. *Вл. Шуфа.*—„Сибилла и другія стихотворенія“ *гр. П. Бутурлина.*

Потревоженныя тѣни. Сергѣя Атавы (С. Н. Терпигорева). Томъ второй. Спб., 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к. Во второмъ томѣ *Потревоженныхъ тѣней* г. Атава опять рисуетъ намъ печальное время крѣпостнаго права. Въ *Дядиной любви* С. Н. Терпигоревъ разсказываетъ про подвиги блестящаго гвардейскаго офицера Петра Васильевича, который засѣкъ на смерть нѣсколькихъ крѣпостныхъ и погубилъ молоденькую дѣвушку, воспитанницу одного изъ петербургскихъ училищъ. Въ безпритязательномъ и живомъ разсказѣ г. Атавы ярко встаетъ все безобразіе *добраго стараго времени.* Рабская среда пагубно отражалась какъ на крѣпостныхъ, такъ и на господахъ, развращала или губила всѣхъ людей, такъ или иначе приходившихъ съ ней въ соприкосновеніе. Изъ крестьянъ вырабатывались управляющіе, подобные Максиму Ефимову, о которомъ повѣствуетъ авторъ, люди необычайной жестокости и безупречной преданности господину. Докторъ, исправникъ (въ томъ же разсказѣ *Дядина любовь*) рядомъ соблазновъ и страховъ переходили на сторону обидчиковъ и хоронили концы темныхъ дѣлъ. Особенно плохо жилось дѣтямъ и хуже всего дворянскимъ дѣтямъ, когда они отличались чуткостью къ правдѣ и замѣчали царившія вокругъ насилія и ложь. Въ *Потревоженныхъ тѣняхъ* разсказъ ведется отъ имени автора, какъ воспоминанія его ранняго дѣтства. По времени разсказы эти захватываютъ эпоху передъ Крымскою войной и самую эту войну. Страшно читать, какъ торговали рекрутами, какъ бѣдствія государства становились предметомъ выгодныхъ сдѣлокъ и возмутительныхъ злоупотребленій. Тяжелое впечатлѣніе оставляетъ и третій разсказъ, помѣщенный въ книгѣ г. Атавы. Разсказъ этотъ называется *Въ раю* и отъ этого крѣпостнаго рая жутко становится даже при чтеніи. Познакомиться съ тѣнями, потревоженными г. Атавой, особенно полезно людямъ съ короткою памятью или прошедшимъ курсъ *краткихъ наукъ.* Грустно убѣдиться въ живучести тѣхъ недуговъ, которые были привиты русскому обществу печальной памяти крѣпостнымъ правомъ.

Крымскія стихотворенія Владиміра Шуфа. Москва, 1890 г. Цѣна 1 рубль. Въ стихотвореніяхъ г. Шуфа мелькаютъ искорки поэтическаго дарованія, не крупныя, но свѣтленькія. Если г. Шуфъ очень молодой человѣкъ, то про него можно сказать, что онъ „подаетъ надежды“; сказать же „большія надежды“ языкъ не поворачивается. Это уже его дѣло будетъ превратить наши простыя „надежды“ въ большія и осуществить хотя бы только первыя. Чтобы сдѣлать это, т. е. стать настоящимъ поэтомъ, не только первоклассным, но и второстепеннымъ, или какимъ бы ни было поэтомъ, а не стихослагателемъ, — для этого мало одного дарованія. Съ однимъ талантомъ, если таковой не особенно выдающихся размѣровъ, далеко не уѣдешь. Талантъ не надо зарывать въ землю. Однако же, и пускать его въ оборотъ надлежитъ очень осмотрительно, развивши его предварительно ученіемъ, освѣтивши свѣтомъ знанія и мысли. Вотъ этого-то именно мы и не усмотрѣли въ произведеніяхъ г. Шуфа. Въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ слышится искреннее и теплое чувство, какъ, напримѣръ, въ стихахъ:

„Не тревожь мое сердце разбитое,
Про любовь мнѣ свою не тверди:
Пусть умретъ это чувство забытое
Одиноко въ усталой груди“... и т. д.

Только, вѣдь, это очень не ново, повторялось несчетное число разъ и всѣмъ давнымъ-давно извѣстно, что у всякаго гимназиста, пытающагося сочинять стишки, непремѣнно есть „сердце разбитое“ „въ усталой груди“, хотя въ дѣйствительности бойкое сердчишко такъ и прыгаетъ, такъ и скачетъ въ юной груди, знакомой лишь съ однимъ видомъ усталости—классной. Г. Шуфъ взялъ иной мотивъ, серьезный и величавый, положилъ его въ стихи въ *Гимнѣ софтовъ* и съ нимъ не справился. Въ легендѣ разсказывается, какъ голубь укрылся подъ мантію Магомета, спасаясь отъ орла, и просилъ спасенія ради двухъ малыхъ птенчиковъ. А орелъ заявилъ, что у него самого шесть малыхъ птенцовъ голодныхъ ждутъ добычи—корма.

„Душа учителя скорбѣла:
Ему обоихъ было жаль,
И въ милосердьи безъ предѣла
Кускомъ отъ собственнаго тѣла
Онъ утолилъ его печаль.

—

И вотъ тогда предъ Магометомъ
Свершилось чудо изъ чудесъ:
Двѣ птицы озарились свѣтомъ
И *превратились*, и съ привѣтомъ
Предстали слугами небесъ“... и т. д.

Слабо это, мелко, не въ тонъ, — не въ соотвѣтствіи съ возвышенностью сюжета,—и не приведенныя нами двѣ строфы, а все стихотвореніе, слишкомъ длинное для того, чтобы выписывать его сполна. Является вопросъ: чего не хватаетъ у автора—силы, умѣнья или терпѣнія? Противъ недостатка силы, конечно, ничего уже не подѣлаешь. Что же касается умѣнья и соединеннаго съ нимъ вкуса, то ихъ надо пріобрѣсти трудомъ; а затѣмъ надо очень терпѣливо трудиться надъ обработкой каждаго стиха, надъ тщательнымъ подборомъ каждаго слова, каждаго звука. Безъ этого всегда будетъ выходить: „чудо изъ чудесъ“ для риѳмы „небесъ“, „превратились“ (неизвѣстно во что) ради извѣстнаго числа слоговъ, нужныхъ для стиха, и „двѣ птицы озарились свѣтомъ“ для того, чтобы всунуть недостающій стихъ между риѳмами „Магометомъ“ и „привѣтомъ“. Мы говоримъ все это въ предпо-

ложеніи, что г. Шуфъ очень молодой человѣкъ, „подающій надежды". Если же онъ человѣкъ не очень молодой, тогда — ему поздно писать стихи.

Сибилла и другія стихотворенія графа П. Бутурлина. Спб., 1890 г. Цѣна 1 рубль. По старой привычкѣ, сдѣланной еще на школьной скамьѣ, мы ищемъ въ стихотвореніяхъ непремѣнно поэзіи, а стихотворцевъ называемъ поэтами. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ титулъ „поэта" нисколько не приличествуетъ теперешнимъ сочинителямъ стиховъ. Во множествѣ проходящихъ черезъ наши руки произведеній этого рода не больше „поэзіи", чѣмъ въ передовыхъ статьяхъ газеты *Гражданинъ*, имѣющихъ ту общую черту съ нынѣшними стихами, что тѣ и другіе часто лишены всякаго человѣческаго смысла. Читаешь, перечитываешь и не понимаешь, въ чемъ же тутъ, наконецъ, дѣло, для чего составленъ этотъ наборъ словъ и фразъ. Положимъ, бывали у насъ поэты, писавшіе по преимуществу безсмыслицу то безъ сказуемыхъ, то безъ подлежащихъ, и даже знаменитость стяжали; но ихъ безсмыслица была, все-таки, облечена въ извѣстную, условную форму, подкупавшую музыкальностью и звучностью. Слова бывали пустыя, но отъ ихъ сочетаній шелъ „лирный звонъ" и получалось нѣкоторое подобіе поэзіи. Графъ П. Бутурлинъ пошелъ дальше, а куда онъ пошелъ, судите сами по его стихотворенію *Эросъ*:

„Въ ночной тиши Эросъ явился мнѣ;
Изъ крыльевъ трепетныхъ его
Лучи текли, сжигая темноту.
Съ улыбкой странной въ сизой глубинѣ
Загадочнаго взора онъ сказалъ:
„Меня любить ты будешь одного,
Мой вѣрный рабъ,—и я, Любовь, люблю тебя".
Потомъ—исчезъ. Падучую звѣзду
Такъ поглощаетъ ночь, какъ охватила тьма
Его сіяющую наготу"... и т. д.

Вотъ другое стихотвореніе—*Крымскія пѣсни*, № 8:

„Хоть въ Ялтѣ крокусы еще не зацвѣли,
Въ горахъ фіалками лѣса благоухали
И въ горы далеко съ тобою мы пошли.
Послѣдній снѣгъ бѣлѣлъ надъ Учанъ-су вдали;
Заливъ у нашихъ ногъ синѣй былъ синей стали;
Дулъ свѣжій вѣтеръ,—волновалъ лѣса
И взбилъ тебѣ такъ мило волоса!" и т. д.

Что хуже, *Эросъ* въ виршахъ безъ риѳмъ, или эта „пѣсня" съ риѳмами „благоухали", „вдали" и „стали"? На стр. 11 есть такой стихъ: „И, глядя на балконъ, *вздрогнулъ* онъ, удивленный"... на стр. 27: „И мысли *вихрятся*, какъ снѣгъ родныхъ ущелій"... на стр. 30: „Ничѣмъ не *нарушенъ* торжественный покой"... И зачѣмъ это понадобилось графу П. Бутурлину стихи сочинять и, въ особенности, печатать ихъ? По рукописной тетрадкѣ и въ кругу добрыхъ знакомыхъ такъ бы это и сошло за плоды „поэтическихъ" вдохновеній, самъ графъ слылъ бы за „поэта", и никто бы прекословить этому не сталъ. Совсѣмъ иное дѣло—„по-печатному". Тутъ уже требуютъ отъ стихотвореній не только смысла, но и надлежащихъ риѳмъ, и соблюденія законовъ метрики, и еще настолько привередливы, что, при наличности всего этого, не признаютъ поэтомъ того, въ чьихъ произведеніяхъ не усматривается признаковъ поэтическаго дарованія.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Критико-біографическій словарь“. *С. А. Венгерова.* —„Иллюзіи поэтическаго творчества“. *Н. М. Соколова.* — „Русскіе писатели послѣ Гоголя“. *О. Ѳ. Миллера.* — „Публичныя лекціи о Шиллерѣ“. *Куно-Фишера.*

Критико-біографическій словарь. С. А. Венгерова. Выпускъ 26. Двадцать шестой выпускъ *Словаря* г. Венгерова останавливается на К. Н. Батюшковѣ. Изъ замѣчательныхъ литературно-общественныхъ дѣятелей въ этомъ выпускѣ, кромѣ названнаго поэта, вошли слѣдующія лица: П. И. Бартеневъ (издатель *Русскаго Архива*), Баршевъ (покойный профессоръ Московскаго университета), Барыкова поэтесса, Басистовъ (извѣстный педагогъ), Батенковъ (декабристъ) и др. Отзывъ г. Венгерова о С. И. Баршевѣ кажется намъ нѣсколько одностороннимъ. Не мы, конечно, будемъ оправдывать реакціонное направленіе, усвоенное Баршевымъ въ послѣдніе годы его жизни; но неточно утвержденіе г. Венгерова, что Баршевъ ни единаго раза не позволилъ себѣ критически отнестись къ нашему законодательству. Въ общемъ, новый выпускъ *Словаря* г. Венгерова отличается обычными достоинствами этого необычнаго у насъ труда. Особенно хороши статьи о Батенковѣ и Батюшковѣ (послѣдняя еще не кончена).

Иллюзіи поэтическаго творчества. Эпосъ и лирика гр. А. К. Толстаго. Критическое изслѣдованіе Н. М. Соколова. Спб., 1890 г. Ц. 2 р. Странную книгу написалъ г. Соколовъ. Въ ней онъ обнаружилъ и начитанность, и выдающуюся способность анализа, развилъ нѣсколько правильныхъ мыслей; но на ряду съ этимъ мы встрѣчаемъ въ книгѣ крайнюю придирчивость въ разборѣ произведеній гр. А. К. Толстаго и нѣсколько парадоксовъ и противорѣчій, соединенныхъ съ довольно сбивчивыми утвержденіями. На страницѣ 4-й авторъ говоритъ, что такъ называемое интеллигентное общество совсѣмъ перестало интересоваться широкими обобщеніями и попытками дать отвѣты на вопросы философіи. Въ концѣ той же страницы сказано, однако, слѣдующее: „Несомнѣнно, что современный научный экспериментъ, можетъ быть, вполнѣ достигающій своей непосредственной цѣли, часто не лишенъ своеобразной мечтательности и склонности къ широкимъ гипотезамъ“. Во всѣхъ современныхъ теоріяхъ, по довольно странному мнѣнію автора, мало серьезности и жизненности; онѣ будто бы не возбуждаютъ споровъ и спокойно прозябаютъ среди тоже всеобщаго равнодушія. Если читатель припомнитъ, какіе страстные споры и толки возбуждали у насъ, напримѣръ, идеи народничества, непротивленія злу и т. п., если онъ сколько-нибудь знакомъ съ бьющею ключомъ жизнью Запада, то безъ труда признаетъ неосновательность утвержденія г. Соколова.

Вся характеристика современной нашей поэзіи, заключая въ себѣ нѣсколько вѣрныхъ частностей, грѣшитъ въ основаніи. Г. Соколовъ упрекаетъ современныхъ поэтовъ за то, что они не любятъ воспѣвать природу такъ (*такою*?), какъ она существовала и существуетъ на памяти людей.

Первый и послѣдній день міра,—говоритъ онъ,—тайны первобытнаго хаоса и страшный часъ *великаго крушенія* сильнѣе всего затрогиваютъ ихъ воображеніе. На это можно возразить, что многіе поэты и теперь воспѣваютъ природу такъ, какъ этого желаетъ г. Соколовъ, а съ другой стороны *великое крушеніе* привлекало къ себѣ и прежнихъ поэтовъ. Одна *Тьма* Байрона чего стóитъ.

Отчего,—спрашиваетъ авторъ,—въ русской пессимистической поэзіи печали больше, чѣмъ у западныхъ первоучителей, а основанія для нея меньше? Будто бы меньше?—спросимъ мы въ свою очередь. „Кантъ,—пишетъ г. Соколовъ,—скорбѣлъ о томъ, что вещь въ себѣ непознаваема. Шопенгауэръ сердился на людей, потому что они глупы и не понимаютъ призрачности своихъ желаній. Леопарди тосковалъ о прежней славѣ своей родины. Но о чемъ плачутъ гг. Минскіе?“ Нельзя позавидовать въ данномъ случаѣ проницательности г. Соколова, особенно, если сопоставить это мнѣніе съ слѣдующими словами автора: „Современные критики слишкомъ раздражительны и сердиты; они почти всегда говорятъ такимъ ожесточеннымъ и язвительнымъ языкомъ, какимъ никогда не говорятъ спокойные и разсудительные люди“. Этимъ довольно правильнымъ утвержденіемъ г. Соколовъ нанесъ сильный ударъ собственной разсудительности.

Не будемъ останавливаться на крайне мрачномъ и черезъ-чуръ одностороннемъ изображеніи современной періодической печати вообще и литературной критики въ частности. Самъ авторъ въ одной изъ газетъ давалъ по этому поводу объясненія, въ которыхъ смягчается смыслъ выходокъ, напечатанныхъ въ его книгѣ. Нельзя признать правильными нѣкоторыхъ теоретическихъ положеній автора. „Красиво только то, что можно видѣть. Красота всегда конкретна или, по терминологіи искусства, пластична. Въ искусствѣ красота передается рѣзцомъ или кистью“ (стр. 59). Это опредѣленіе отличается узкостью. Невозможно отрицать красоты, напримѣръ, въ увертюрѣ къ *Лоэнгрину* или въ Шекспировской *Корделіи*. „Быть только красивымъ,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—не много“ (стр. 66). Это справедливо, поэтому-то въ искусствѣ, даже въ пластическомъ, все больше и больше мѣста начинаетъ занимать идея. Напрасно утверждаетъ г. Соколовъ, что „все исключительное и рѣдкое, каковъ идеалъ въ жизни, не входитъ и не должно входить въ содержаніе жизненнаго характера“ (стр. 71). Но если *идеалъ въ жизни*, то какимъ образомъ его художественное изображеніе будетъ лишено *жизненнаго характера?*

Мы сказали выше, что разборъ произведеній гр. А. К. Толстаго написанъ г. Соколовымъ придирчиво и односторонне, но въ разборѣ этомъ встрѣчаются правильныя замѣчанія и вообще онъ читается съ интересомъ. По мнѣнію автора, гр. А. Толстой искалъ красоты внѣ своихъ личныхъ художественныхъ инстинктовъ и думалъ, что она придетъ къ нему извнѣ, изъ очертаній внѣшней природы и пластическихъ элементовъ человѣческой фигуры (стр. 299). Въ этомъ есть частица истины, но односторонность приведеннаго сужденія еще усиливается, когда мы сопоставимъ съ нимъ слѣдующее утвержденіе г. Соколова: „Живописецъ не можетъ уйти за предѣлы одного момента; если онъ ищетъ въ жизни красоты, то онъ выберетъ то, что почти останавливаетъ дѣятельность мысли и даетъ пищу только глазу“ (стр. 169). На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одной талантливо нарисованной картины, которая не возбуждала бы дѣятельности мысли,—даже такія произведенія, какъ *Фрина* Семирадскаго, возбуждаютъ разныя мысли и разсужденія.

Г. Соколовъ утверждаетъ, что онъ не нашелъ у гр. А. Толстаго ни одного стихотворенія, которое пробудило бы въ насъ мысль о безграничности и самоотверженности сочувствія. Это, конечно, дѣло субъективное. Многія стихотворенія Толстаго на насъ лично производятъ подобное впечатлѣніе, напримѣръ, въ *Іоаннѣ Дамаскинѣ*: „Благословляю васъ, лѣса“, или: „Средь шумнаго бала случайно“, или: „Западъ

гаснетъ въ дали блѣднорозовой", или, наконецъ, чтобъ не умножать примѣры, стихотвореніе, начинающееся словами:

„Меня, во мракѣ и пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова".

Не будемъ настаивать собственно на этихъ примѣрахъ, скажемъ только, что съ анатомическимъ ножомъ, которымъ вооружается г. Соколовъ противъ гр. А. Толстаго, можно изувѣчить и Пушкина, и Лермонтова.

Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Въ двухъ частяхъ. Спб., 1890 г. Цѣна за двѣ части 4 р. Покойный О. Ѳ. Миллеръ занималъ своеобразное мѣсто въ нашей литературѣ и въ нашихъ общественныхъ направленіяхъ. Нѣмецъ по отцу и по матери, протестантъ по религіи, Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ сдѣлался однимъ изъ самыхъ искреннихъ и честнѣйшихъ представителей славянофильской школы. Впрочемъ, въ рядахъ этой школы существуетъ такое смѣшеніе, что многіе не признавали Миллера славянофиломъ. Въ свою очередь покойный петербургскій профессоръ рѣшительно отвергалъ солидарность съ реакціонными группами славянофильства и во многихъ отношеніяхъ сближался съ либеральными теченіями русской литературы. На ряду съ лучшими изъ вождей славянофильства онъ стоялъ за свободу печати и за свободу религіозной совѣсти.

Къ посмертному (4-му) изданію его *Русскихъ писателей послѣ Гоголя* приложенъ портретъ Ореста Ѳедоровича и біографическій очеркъ, написанный г. Глинскимъ. Очеркъ этотъ даетъ ясное понятіе о жизни и дѣятельности Миллера. „Всѣ его помыслы,—говоритъ г. Глинскій,—покоились не на реально-существующемъ, а на отвлеченномъ, на абстрактномъ; онъ вѣчно виталъ въ области идеала, эстетики, точно не желая знать, игнорируя все дѣйствительное, земное, которое рисовалось ему, съ точки зрѣнія абсолютной нравственности и евангельскаго ученія, полнымъ зла и неправды. Его мысль не останавливалась на окружающемъ, поскольку оно было историческимъ или сознательнымъ явленіемъ, а разсматривалось имъ какъ выраженіе ничтожнаго бытія, переходной ступени къ иной будущей жизни" (стр. 25).

Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, съ одной стороны, весьма сочувственно относился къ Бѣлинскому въ позднѣйшемъ періодѣ его критической дѣятельности, „который запечатлѣнъ общественнымъ направленіемъ" (часть первая: *Нѣсколько словъ о Гоголѣ и критикѣ гоголевскаго періода*, стр. 2); съ другой стороны, онъ утверждалъ, что чуткость въ распознаваніи существенныхъ свойствъ писателя проявлялась у Аполлона Григорьева. Даровитымъ послѣдователемъ Григорьева Миллеръ считалъ Н. Н. Страхова, отъ котораго „по преимуществу *посчастливилось*, Л. Н. Толстому" (ibid., стр. 19).

Разбирать статьи и лекціи Ореста Ѳедоровича Миллера мы не станемъ. Эти статьи и лекціи вышли четвертымъ изданіемъ (исправленнымъ и дополненнымъ), стало быть, пользуются большимъ распространеніемъ. Во многомъ и существенномъ мы, конечно, расходимся съ покойнымъ писателемъ. Въ первую часть его *Русскихъ писателей послѣ Гоголя* вошли лекціи и статьи о Тургеневѣ и Достоевскомъ, во вторую— о Гончаровѣ, Писемскомъ, Салтыковѣ, Толстомъ. Тургенева О. Ѳ. Миллеръ цѣнилъ очень высоко. „О Тургеневѣ часто говорятъ, — пишетъ Миллеръ,—что онъ, прежде всего, художникъ. Но художники, если они

живые люди, неразрывно связаны съ родною землей, являются непремѣнно и гражданами". Разборъ произведеній Достоевскаго Миллеръ начинаетъ справкою съ словами Бѣлинскаго: „Честь и слава молодому поэту,— писалъ Бѣлинскій по поводу *Бѣдныхъ людей*,— муза котораго любитъ людей на чердакахъ и въ подвалахъ и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: вѣдь, это тоже люди, ваши братья". Но, къ сожалѣнію, Миллеръ относится сочувственно и къ нравственно-политическимъ воззрѣніямъ Достоевскаго, въ которыхъ такъ много и туманнаго, и неправильнаго. Это не мѣшало Миллеру относиться съ большимъ сочувствіемъ и къ М. Е. Салтыкову. Въ его произведеніяхъ покойный петербургскій профессоръ справедливо находилъ присутствіе теплой положительной струи и высокаго идеализма.

Публичныя лекціи о Шиллерѣ. Куно-Фишера. Москва, 1890 г. Цѣна 1 руб. Лекціи Куно-Фишера отличаются обычными достоинствами этого философа. У насъ мало переведено сочиненій, посвященныхъ Шиллеру; едва ли не лучшимъ изъ нихъ слѣдуетъ считать книгу Іоганна Шерра. Къ сожалѣнію, переводъ книжки Куно-Фишера нѣсколько тяжеловатъ. Слѣдовало бы избѣгать такихъ, наприм., фразъ: „Такое внутреннее зерно долженъ имѣть каждый характеръ, характеръ въ *прегнантномъ* значеніи слова" (стр. 24); свободныя силы у переводчика „совершенно *эксцентрично* относятся къ общежительному и цивилизованному міру" (стр. 25) и т. д.

Въ первой лекціи Куно-Фишеръ говоритъ о *самопризнаніяхъ* Шиллера, отразившихся въ его произведеніяхъ. Послѣднимъ изъ такихъ самопризнаній является знаменитое произведеніе *Художники*, первымъ были *Разбойники*. „Во всѣхъ произведеніяхъ,—говоритъ Куно-Фишеръ,— этого бурнаго времени Шиллеръ искалъ самого себя, потому-то эти произведенія были самопризнаніями: онъ напрасно искалъ себя въ міровомъ разрушителѣ Моорѣ, во всемірномъ гражданинѣ Позѣ и, наконецъ, дѣйствительно нашелъ себя въ художникѣ. Теперь поэтъ переходитъ въ художника, а послѣдній ищетъ только красоты. Изъ поэта становится классическій художникъ, который, къ чему бы ни прикоснулся, все возвышаетъ и облагораживаетъ. Мѣрою красоты онъ смягчилъ величіе и въ каждомъ словѣ сохранилъ то, что ему, отошедшему въ вѣчность, сказалъ его великій другъ: „что въ мірѣ семъ царитъ могуче надъ толпою, онъ пошлость далеко оставилъ за собою!" Во второй лекціи Шиллеръ разсматривается какъ философъ, въ третьей — какъ комикъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Введеніе въ философію". *Г. Струве*. — „Опытъ примиренія науки и метафизики". *Л. Е. Оболенскаго*. — „Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ за 1889 годъ". — „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи". *Е. Лихачевой*.

Введеніе въ философію. Генриха Струве. Варшава, 1890 г. Цѣна 3 руб. По опредѣленію автора, введеніе въ философію и энциклопедія философскихъ наукъ и направленій должны заключать въ себѣ слѣдующее: во-первыхъ, разборъ основныхъ началъ философіи вообще, ея предмета и задачъ, ея характеристическихъ чертъ въ сравненіи съ другими явленіями умственной жизни, ея метода и пособій (*Введеніе въ философію*); во-вторыхъ, разсмотрѣніе научной организаціи

философіи, истекающей изъ спеціализаціи ея задачъ, проблемъ (*Энциклопедія философскихъ наукъ*), и, наконецъ, въ-третьихъ, обозрѣніе и сравнительную оцѣнку разнородныхъ типическихъ попытокъ рѣшенія философскихъ задачъ, т.-е. такъ называемыхъ направленій или школъ (*Энциклопедія философскихъ направленій*).

Вышедшая теперь книга посвящена введенію въ философію. Философы,— говоритъ авторъ,— расходятся въ своихъ взглядахъ не только относительно выводовъ изъ своихъ изслѣдованій, но, главнымъ образомъ, и относительно основныхъ вопросовъ, касающихся философіи вообще. Изслѣдователь поэтому долженъ самостоятельно опредѣлить эти начала. Философія изучаетъ общее въ частномъ, спеціальныя науки— частное въ общемъ; предметомъ послѣднихъ служитъ *познаніе* явленій, предметомъ философіи—*объясненіе* явленій. Это объясненіе возможно только при помощи уразумѣнія единства и однообразія бытія, его всеобщихъ и существенныхъ началъ, изученіемъ которыхъ занимается философія. Конечно, и спеціальныя науки даютъ объясненія, но онѣ основываются на ближайшихъ началахъ явленія. Различіе между философскими и спеціальными науками основывается, такимъ образомъ, на различной степени объединенія и обобщенія явленій бытія и его началъ. Но между философіей и спеціальными науками существуетъ тѣсная связь: «Спеціальныя науки руководятся въ своихъ изслѣдованіяхъ, по необходимости, извѣстными общими воззрѣніями, почерпаемыми изъ философіи; а философія въ свою очередь по необходимости принимаетъ во вниманіе результаты изслѣдованія спеціальныхъ наукъ. Познаніе явленій невозможно безъ ихъ объясненія; а объясненіе ихъ немыслимо безъ ихъ познанія. Дѣло не въ томъ, важнѣе ли философія, или спеціальныя науки, но въ томъ, чтобы оба эти начала знанія пополняли другъ друга и соединялись въ одномъ стройномъ цѣломъ“ (стр. 49).

Главныя черты философіи сводятся къ критической самостоятельности мышленія и къ образованію общаго міровоззрѣнія. Единственнымъ ограниченіемъ въ этомъ стремленіи философія признаетъ относительность умственныхъ способностей человѣка, доказанную анализомъ его познавательной дѣятельности. Философія должна основываться только на неоспоримыхъ данныхъ: такими данными являются факты нашего сознанія. Съ этой точки зрѣнія, предположенія какъ математики, такъ и естествознанія могутъ быть признаны безспорными только на основаніи предварительнаго критическаго разбора ихъ содержанія. Для характеристики воззрѣній г. Струве слѣдуетъ указать на то, что онъ считаетъ недостаточнымъ предположеніе о механическомъ соотношеніи явленій. По его мнѣнію, до тѣхъ поръ, пока цѣлые ряды фактовъ обнаруживаютъ своеобразный характеръ, отличный отъ явленій физическихъ, до тѣхъ поръ законовъ естествознанія нельзя признавать ни единственными, ни самыми внѣшними законами бытія. Философскій анализъ обнимаетъ собою три слѣдующихъ момента: во-первыхъ, психологическій анализъ познавательной дѣятельности ума и его воззрѣній на міръ, или *критику ума*; во-вторыхъ, сравнительный анализъ предположеній и результатовъ спеціальныхъ наукъ, насколько они важны для философскаго міровоззрѣнія, или *философскую критику спеціальныхъ наукъ*, и, наконецъ, въ-третьихъ, критическій анализъ прошедшаго философіи, или *историческую критику самой философіи*.

Анализъ умственной дѣятельности и ея произведеній, — говоритъ г. Струве, — составляетъ самое важное и необходимое основаніе философскаго критицизма. „Законы ума, т.-е. его чисто-раціональное содер-

жаніе, дано вмѣстѣ съ существованіемъ и организаціею ума, и поэтому должно быть признано прирожденнымъ, апріорнымъ, подобно тому, какъ и законы тѣлеснаго организма составляютъ прирожденныя начала его отправленій“ (стр. 319).

Разсматривая предположенія спеціальныхъ наукъ, философія не принимаетъ ихъ результатовъ непосредственно; она пользуется этими результатами только послѣ ихъ предварительной оцѣнки. Г. Струве безпристрастно указываетъ, что это значеніе спеціальныхъ наукъ для философіи съ надлежащею ясностью раскрылъ Огюстъ Контъ. „Контъ убѣдительно доказалъ, — признаетъ варшавскій профессоръ,— что философія безъ помощи спеціальныхъ наукъ не можетъ разрѣшить своихъ задачъ, что наука, въ сущности, одна, что ея истинный прогрессъ основывается на взаимномъ пополненіи спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій“ (стр. 323). Существеннымъ недостаткомъ Конта г. Струве считаетъ то, что великій французскій мыслитель принимаетъ непосредственно результаты спеціальныхъ наукъ, не подвергая ихъ предположеній критическому анализу и не признавая вообще основнаго значенія за критикою ума для научнаго міровоззрѣнія. Философскимъ анализомъ не исчерпывается задача философскаго уразумѣнія вещей: для этого необходимъ синтезъ, при помощи котораго мы доходимъ до объединенія началъ и явленій бытія и оцѣниваемъ ихъ значеніе въ общемъ міровоззрѣніи.

Таковы главныя идеи, развиваемыя въ сочиненіи г. Струве. Авторъ принадлежитъ къ метафизическому направленію въ философіи, но книгу его съ пользою прочтутъ всѣ, приступающіе къ занятію философіей. Она написана ясно и толково и заключаетъ въ себѣ много полезныхъ библіографическихъ указаній. Къ числу недостатковъ сочиненія слѣдуетъ отнести довольно длинныя отступленія о житейской мудрости, о степеняхъ магистра и доктора философіи и т. д. Рецензентъ журнала *Вопросы философіи и психологіи* (кн. 4) отмѣчаетъ въ сочиненіи г. Струве весьма симпатичную черту: авторъ внимательно относится къ трудамъ русскихъ философовъ, какого бы они ни были направленія, и даетъ такой полный обзоръ и характеристику русскихъ работъ въ области философіи, какихъ мы еще до сихъ поръ не имѣли. Дѣйствительно, уваженіе къ чужому мнѣнію характеризуетъ трудъ г. Струве и выгодно отмѣчаетъ его въ этомъ отношѣніи отъ работъ большей части нашихъ философовъ-метафизиковъ.

Опытъ примиренія науки и метафизики. Л. Е. Оболенскаго. Спб., 1890 г. Изданіе журнала „Русское Богатство“. Г. Оболенскій задумалъ опредѣлить истинное значеніе науки и позитивизма и доказать ихъ недостаточность, какъ философіи. Большинство прежнихъ философовъ,—говоритъ авторъ,— были натурами глубокими, поэтическими творцами, для которыхъ задачи философіи были вопросами жизни и смерти, надеждъ или отчаянія въ лучшемъ высшемъ, разумно нравственномъ состояніи міра и человѣчества. Таковы были и Сократъ, и Платонъ, и Бруно, и Спиноза, и Лейбницъ, и Кантъ, и даже Гегель и Фихте. Позитивизмъ и реалистическая философія вообще могутъ, по мнѣнію г. Оболенскаго, отвѣтить только на немногіе изъ философскихъ вопросовъ. Кромѣ міра явленій, которыя мы постигаемъ опытомъ нашихъ чувствъ и научными орудіями, есть еще сверхчувственное и непознаваемое. Истинная философія, *панфилософія*, по терминологіи г. Оболенскаго, должна охватывать собою не только явленія, но и ихъ сущность или вещь въ себѣ. „Она есть полное органическое слитіе критической философіи (въ духѣ Канта), научной философіи въ духѣ позитивизма

и умозрительной философіи, идущей методомъ внутренняго опыта и самосозерцанія“ (стр. 17—18). Она основываетъ свое предположеніе и на данныхъ современной физіологіи, по которой внѣшній міръ претерпѣваетъ въ насъ два вида измѣненій: во-первыхъ, всякое его воздѣйствіе на насъ превращается сперва въ нервный токъ и мозговое измѣненіе и, во-вторыхъ, этотъ нервный токъ или мозговое измѣненіе обращаются въ ощущенія.

Г. Оболенскій поспѣшилъ издать *основныя начала* своей панфилософіи и въ настоящемъ видѣ теорія его представляется и недостаточно ясною, и недостаточно обоснованною. Возражая противъ позитивизма и матеріализма, г. Оболенскій говоритъ: „Я вижу въ источникѣ этого заблужденія не логику, а какое-то страстное желаніе послѣднихъ столѣтій, унизивъ природу до мертваго механизма, унизить до этого же человѣка, вопреки очевидности и собственному опыту. Я же возстановляю только право логики, а въ то же время и нравственнаго чувства человѣческаго достоинства“ (стр. 57—58). Намъ притязанія г. Оболенскаго кажутся, по меньшей мѣрѣ, преувеличенными, и обвиненіе, имъ произносимое, лишено всякой серьезности. И Контъ, и Милль, и другіе мыслители, которыхъ слѣдуетъ отнести къ разнообразнымъ направленіямъ положительной философіи, всею своею жизнью, всѣми своими трудами именно послужили правамъ логики и нравственному достоинству человѣка. Благіе порывы и возвышенныя чувства, безъ сомнѣнія, весьма почтенны, но основная задача философіи и главное достоинство мыслителей есть истина. Надобно при этомъ замѣтить, что эта истина, во всякомъ случаѣ, не можетъ противорѣчить нравственному достоинству человѣка, хотя и можетъ лишить его нѣкоторыхъ успокоительныхъ и ласкающихъ вѣрованій.

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ за 1889 г. Барнаулъ, 1890 г. Сибиряки въ своей заботѣ о школѣ далеко превосходятъ насъ, жителей Европейской Россіи, и, сознавая важное значеніе школъ, они идутъ на встрѣчу съ каждымъ годомъ возростающей въ народѣ потребности обучаться, не дожидаясь приказанія начальства. Въ такомъ именно направленіи въ Сибири работаютъ нѣсколько обществъ попеченія о начальномъ образованіи, изъ которыхъ намъ извѣстны общества въ городахъ: Томскѣ, Иркутскѣ и Барнаулѣ. Изъ отчета барнаульскаго общества мы узнаемъ, что въ немъ принимаетъ участіе много членовъ, что оно располагаетъ значительными для небольшаго города средствами и въ его вѣдѣніи находится 2 библіотеки: одна—безплатная, народно-школьная, другая—платная. Обѣ эти библіотеки охотно посѣщаются какъ учениками школъ, такъ и публикой. Самый фактъ посѣщенія юными читателями библіотеки, по мнѣнію автора отчета, „служитъ доказательствомъ той постепенно нарождающейся духовной связи, которая устанавливается между школами и библіотекою, съ одной стороны, и городскимъ населеніемъ—съ другой“. Въ заключеніе отчета авторъ говоритъ, что школьное общество призываетъ на помощь всѣхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу умственнаго развитія народа.

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Е. Лихачевой. Спб., 1890 г. Книга г-жи Лихачевой представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу литературу. Цѣннымъ этотъ трудъ является потому, что у насъ до сихъ поръ, насколько мы помнимъ, еще не было попытокъ собрать и систематизировать матеріалъ по исторіи женскаго образованія. Свои *Матеріалы* г-жа Лихачева начинаетъ съ

1086 года, когда, по свидѣтельству Татищева, была основана первая женская школа княжною-инокинею Анной (Янкой) Всеволодовной. Хотя во многихъ лѣтописяхъ объ этой школѣ не упоминается, но г-жа Лихачева думаетъ, что можно положиться на свидѣтельство Татищева, особенно если вспомнить, что въ это время еще не существовало затворничества русскихъ женщинъ и она играла довольно видную роль въ обществѣ, часто управляя волостями и давая совѣты самимъ князьямъ. Само по себѣ знаніе грамоты въ это время было необходимо, такъ какъ чтеніе божественныхъ книгъ считалось средствомъ спасти душу. Чтеніемъ и перепиской книгъ занимались какъ мужчины, такъ и женщины, и послѣднія даже больше первыхъ, что подтверждается, напримѣръ, раскольничьимъ бытомъ, въ которомъ свято чтятся преданія предковъ; у раскольниковъ мы видимъ и по сіе время читалокъ, канонницъ, старицъ, келейницъ, учительницъ, уставщицъ и др. грамотныхъ женщинъ. Въ XI и XII вѣкахъ стали, кромѣ того, открываться школы при церквахъ, въ которыхъ сначала священники, а потомъ и міряне учили всѣхъ желающихъ. Въ XII вѣкѣ была открыта еще школа Евфросиньей, дочерью кн. Полоцкаго. Начиная съ XIII вѣка мы уже не встрѣчаемся съ тою свободною русскою женщиной, которую мы видѣли раньше. Татары, покорившіе Россію, внесли къ намъ страшную деморализацію; деморализовался и взглядъ на женщину, которая съ этого времени является приниженной и угнетенной и, по словамъ Забѣлина, „она не должна выражать мужу ни сужденія, ни умѣнья понимать дѣло, особенно при людяхъ“. А *Домострой* дозволялъ даже плеткой учить жену. „Со второй половины XIII вѣка,—говоритъ авторъ *Матеріаловъ*,—свѣдѣнія о ходѣ нашего просвѣщенія становятся все рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекращаются“. Широкія реформы Петра I тоже не коснулись женскаго образованія, и „по мѣрѣ того,—говоритъ г-жа Лихачева,—какъ подвигалось наше знакомство съ европейскою наукой, русскія женщины оставались позади въ общемъ просвѣщеніи страны“. При Екатеринѣ взглядъ на образованіе женщинъ совершенно мѣняется. Умная, высокообразованная императрица, задавшись цѣлью преобразовать русское общество, большія надежды возлагала при этомъ и на женщинъ, а потому одной изъ первыхъ ея заботъ было „путемъ гуманнаго и раціональнаго воспитанія и образованія“ поднять нравственный уровень отдѣльной личности, при благопріятномъ вліяніи которой само собой должно было, по мысли императрицы, подняться и благосостояніе всего народа. Эта новая эра въ исторіи русской женщины наступила съ 1764 года, года изданія *Генеральнаго учрежденія для воспитанія юношества обоего пола*. Императрица намѣтила планъ, по которому должны были обучаться дѣти; изъ этого плана видно, какъ ясно и глубоко понимала сама законодательница цѣли просвѣщенія. Прежде всего, она заботится о томъ, чтобы внушать паче всего юношеству вкусъ къ чтенію книгъ, какъ для собственнаго увеселенія, такъ и для происходящей отъ того пользы. Далѣе императрица заботилась, чтобы дѣти были веселы, имѣли бодрый видъ и „сильныя дѣйствія души“, но, кромѣ того, воспитателямъ вмѣняется въ обязанность, чтобы дѣйствія ихъ были не только благоразумны и искусны, но и соединены съ кротостью, „а наипаче съ непринужденною веселостью“. Это обстоятельство считалось, очевидно, весьма важнымъ въ дѣлѣ воспитанія, потому что И. И. Бецкій, писавшій уставъ по мысли императрицы, особенно на этомъ останавливается. Въ генеральномъ планѣ московскаго воспитательнаго дома находится вопросъ: „надобно ли въ семъ заведеніи дѣвочкамъ учиться тому, что для мальчи-

ковъ сказано?“ Планъ отвѣчаетъ на это утвердительно, и этотъ утвердительный отвѣтъ мотивируетъ высокимъ назначеніемъ женщины, которой „мы за все одолжены: за первую помощь и сбереженіе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся“. Далѣе авторъ плана продолжаетъ: „понявъ это (т.-е. важное значеніе просвѣщенія), не сыщется еще такой, кто бы толь далеко отступилъ отъ здраваго разума, кому бы не чувствительно было благоденствіе рода человѣческаго и кто бы не желалъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ, просвѣщенный разными знаніями, для гражданской жизни полезными“. При Екатеринѣ II были основаны: 1) Смольный институтъ для 200 благородныхъ дѣвицъ, 2) училище для 2,400 мѣщанскихъ дѣвушекъ. Послѣднее учебное заведеніе было основано Екатериной потому, что она хотѣла перевоспитать весь свой народъ, а не какой-либо отдѣльный классъ. Въ концѣ царствованія Екатерины II было открыто много частныхъ школъ и пансіоновъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Замѣчателенъ еще тотъ фактъ, что хотя вся система народнаго образованія была Екатериною взята изъ Австріи (по словамъ г-жи Лихачевой), гдѣ существовали строгія тѣлесныя наказанія въ школѣ, у насъ всякія тѣлесныя наказанія въ школахъ строго запрещались.

Книга издана хорошо и мы желаемъ автору продолжать собираніе матеріаловъ по исторіи женскаго образованія до нашихъ дней.

АРХЕОЛОГІЯ И ИСТОРІЯ.

„Русскія древности въ памятникахъ искусства“. *Изд. гр. И. Толстаго и Н. Кондакова.*—„Краткій очеркъ греческой исторіи“. *Р. Пельмана.*—„Bibliotek Deutscher Geschichte“.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ III. Древности временъ переселенія народовъ. Спб., 1890 г. Съ третьимъ выпускомъ издатели окончательно вступаютъ въ малоизслѣдованную область „варварскаго“ искусства. Еще не такъ давно образцы этого искусства изучались учеными разныхъ странъ совершенно изолированно другъ отъ друга и въ результатѣ выдавались повсюду за образцы *мѣстнаго* національнаго стиля. Такимъ образомъ, предметы варварскаго искусства, смотря по мѣсту нахожденія, характеризовались какъ предметы меровингскаго, англо-саксонскаго, скандинавскаго, готскаго стилей. Только въ послѣднія десятилѣтія археологическія находки южной Россіи, Кавказа и Востока вообще обратили вниманіе ученыхъ на то обстоятельство, что элементы этихъ quasi-національныхъ стилей должны быть отыскиваемы далеко отъ сферъ распространенія германскихъ народностей — въ исторіи средне-азіатскаго искусства. Тогда и противъ теоріи національныхъ стилей началась рѣшительная реакція, выразителями которой являются и издатели *Русскихъ древностей*. „Варварскія и народныя древности начальнаго средневѣковья южной Европы, отъ предѣловъ Каспійскаго моря до Франціи, Англіи и Испаніи, связываются *въ одно цѣлое общимъ стилемъ*, господствующимъ съ II вѣка по VII включительно“ (стр. 3). Наиболѣе яркія особенности этого стиля суть, во-первыхъ, употребленіе для украшенія металлическихъ предметовъ—цвѣтныхъ камней или стеколъ, во-вторыхъ, развитіе звѣриныхъ формъ орнамента. Настоящій выпускъ и представляетъ, повидимому, попытку сгруппировать важнѣйшій мате-

ріалъ, данный раскопками (въ предѣлахъ теперешней Россіи) для исторіи этихъ общихъ чертъ варварскаго стиля.

Такимъ образомъ, по новости матеріала, III-й выпускъ представляетъ весьма значительный интересъ не только для большой публики, для которой предназначается изданіе, но и для спеціалистовъ. Къ сожалѣнію, относительно текста приходится повторить то, что мы говорили о текстѣ первыхъ двухъ выпусковъ: онъ не удовлетворяетъ ни спеціалиста, ни обыкновеннаго читателя. Для обыкновеннаго читателя текстъ этотъ содержитъ слишкомъ много лишняго, сыраго матеріала; кромѣ того, онъ слишкомъ многое предполагаетъ извѣстнымъ. Для спеціалиста онъ не заключаетъ главнаго, что нужно: спеціалистъ найдетъ въ немъ много интересныхъ и важныхъ отдѣльныхъ замѣчаній, но не найдетъ ни опредѣленно поставленнаго вопроса, ни методическаго изслѣдованія. Сколько можно судить по отдѣльнымъ замѣчаніямъ, издатели задаются цѣлью прослѣдить на матеріалѣ русскихъ раскопокъ переходныя стадіи „на пути перехода новаго искусства изъ Азіи въ Европу“ (стр. 10). Но, поставивъ эту задачу, издатели пользуются ею только для нѣкоторой внѣшней систематизаціи излагаемыхъ фактовъ. Книга начинается съ пересказа свѣдѣній Арріана, Страбона и др. о географіи и этнографіи Средней Азіи при Александрѣ Македонскомъ и послѣ него. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ извлекается для исторіи искусства одно только замѣчаніе о возможности связи между скиѳскою и индусскою орнаментикой. Парѳянское царство, о которомъ говорится много, оказывается, на искусство вліянія не имѣло; а персидское искусство, имѣвшее огромное вліяніе, предполагается извѣстнымъ; изъ среднеазіатскихъ же раскопокъ сообщаются только находки въ Афросіабѣ (около Р. Х.), въ „натуралистическихъ головкахъ животныхъ“ которыхъ врядъ ли можно серьезно искать зародыши звѣринаго стиля. Затѣмъ издатели спѣшатъ перейти къ Сибири. Главнымъ матеріаломъ для характеристики сибирскаго искусства служатъ для нихъ сибирскія древности Эрмитажа; но такъ какъ мѣста находокъ этихъ вещей неизвѣстны, то издатели стараются замѣнить эти свѣдѣнія подборомъ цитатъ изъ сочиненій о Сибири, начиная съ Витзена (1692). Переходя къ самымъ памятникамъ, издатели предлагаютъ ихъ въ послѣдовательности, въ которой трудно замѣтить какую-нибудь систему. Внутри этого матеріала не дѣлается никакой классификаціи: изъ самаго матеріала выбирается только то, что можетъ освѣтить вопросъ объ исторіи звѣринаго орнамента. Подобранный такимъ образомъ матеріалъ постоянно сопоставляется съ древностями юга Россіи и иногда съ древностями Западной Европы: тѣ и другія сопоставленія очень интересны и важны; но указаній на связь съ древне-восточнымъ искусствомъ почти не дѣлается и, такимъ образомъ, исходная точка описываемаго процесса для читателя остается неосвѣщенной. Общій выводъ о сибирскомъ искусствѣ довольно нерѣшителенъ: это искусство туземное, хотя, можетъ быть, развиваемое мастерами, „пришлыми издалека“ (стр. 70), и, во всякомъ случаѣ, по „готовымъ композиціямъ“.

Слѣдуетъ отдѣлъ о пермскихъ древностяхъ или, точнѣе говоря, о „пріобрѣтенныхъ обитателями тѣхъ странъ художественныхъ сокровищахъ“, главнымъ образомъ, объ извѣстныхъ сассанидскихъ блюдахъ, которыя, конечно, представляютъ памятникъ не „варварскаго“, а восточнаго, персидскаго или индусскаго искусства. Болѣе характерныя древности Пермскаго и Вятскаго края оставлены, очевидно, издателя-

ми для слѣдующихъ выпусковъ. Никакого вывода о національномъ искусствѣ тутъ, очевидно, и нельзя было сдѣлать.

Переходя къ Кавказу, издатели, по обыкновенію, сообщаютъ выдержки изъ древнихъ писателей, затѣмъ, послѣ указаній на находки предметовъ греческаго и персидскаго искусства на Кавказѣ, обращаются къ предметамъ туземнаго кавказскаго производства. Здѣсь имъ приходится встрѣтиться со спорнымъ вопросомъ о знаменитыхъ бронзахъ Кобаньскаго могильника, отнесенныхъ Вирховымъ, а потомъ Шантромъ за 1000 л. до Р. Х. Издатели, кажется, вполнѣ основательно (ср. рефератъ Dr. Heger'а на VIII арх. съѣздѣ) сомнѣваются въ такой древности кобаньскихъ бронзъ и склонны относить ихъ къ I — II вѣку по Р. Х. Но, съ другой стороны, тенденція—отрицать ихъ оригинальный характеръ—проведена, кажется, слишкомъ далеко. „Въ предметахъ изъ бронзы древности Кавказа какъ будто заимствовали все художественное и характерное изъ Азіи, и ихъ оригиналы оказываются нынѣ среди древностей сибирскихъ“ (стр. 108). Сравненія между сибирскими и кавказскими древностями, однако же, довольно натянуты. Правда, и издатели дѣлаютъ окончательный выводъ въ нѣсколько нерѣшительной (несмотря на рѣшительность содержанія) формѣ: „связь древностей Сибири съ кавказскими открывается всѣми сторонами художественнаго содержанія и самой формы предметовъ въ этихъ, повидимому, столь разъединенныхъ мѣстностяхъ. Но эта связь не играетъ здѣсь роли господствующаго, основнаго факта. Напротивъ, на первый взглядъ, наиболѣе бросается въ глаза варварская оригинальность кавказскихъ могильниковъ. Уже на второмъ планѣ замѣчаются многочисленныя связи съ античнымъ искусствомъ... и только при подробномъ разсмотрѣніи, хотя за то почти всюду начинаешь наблюдать сходство ихъ съ древностями Сибири и искусствомъ Востока. Правда, то же наблюденіе, въ концѣ-концовъ, убѣждаетъ, что замѣчаемыя прежде другихъ варварскія особенности, какъ, наприм., кобаньскихъ древностей, ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ варварскихъ древностей Европы, что античный характеръ здѣсь составляетъ только сторонній придатокъ и что, наоборотъ, народная сущность этихъ памятниковъ или ихъ типъ заключается въ сходствѣ, въ связи съ сибирскими древностями“.

Послѣ разсказа о сибирскихъ и кавказскихъ древностяхъ издатели оставляютъ себѣ очень мало мѣста на развитіе намѣченной вначалѣ темы о стадіяхъ перехода варварскаго искусства изъ Азіи въ Европу. Заявивъ въ одной фразѣ, что „Земля Войска Донскаго“ является второю стоянкой восточнаго искусства, они затѣмъ разсказываютъ о содержаніи новочеркасскаго и друг. кладовъ этой мѣстности, бѣгло перечисляютъ предметы варварскаго стиля въ Западной Европѣ и останавливаются затѣмъ на эмалевыхъ украшеніяхъ, составляющихъ, по ихъ предположенію, подражаніе цвѣтной инкрустаціи варварскаго стиля. Отрывочными данными послѣдняго рода и кончается книга. Для общей оцѣнки ея необходимо имѣть въ виду, что многія недомолвки и неравномѣрности изложенія зависятъ отъ наличнаго количества матеріала, которымъ располагаетъ въ настоящій моментъ русская археологическая наука. Если, далѣе, издатели предлагаютъ намъ рядъ наблюденій и выводовъ, которымъ легче повѣрить, чѣмъ доказать ихъ,—это зависитъ отъ того же зачаточнаго состоянія русской археологіи. Но и оставляя въ сторонѣ упреки этого рода, мы считаемъ не лишнимъ высказать нѣкоторыя пожеланія, удовлетвореніе которыхъ совершенно не стоитъ въ связи съ даннымъ состояніемъ науки. Въ интересахъ *попу-*

лярности мы желали бы, чтобъ издатели разъясняли обстоятельнѣе тѣ элементы искусства, съ которыми они дѣлаютъ сравненія, чтобы для этой цѣли они не пренебрегали даже перепечаткой рисунковъ давно извѣстныхъ, но типичныхъ. Въ интересахъ *научности* мы желали бы видѣть въ изложеніи поменьше догматизма и побольше ссылокъ на литературу и текущіе научные споры. Наконецъ, въ интересахъ того и другаго было бы не загромождать изложенія неидущими къ дѣлу описаніями и не превращать его въ странную смѣсь монографіи по спеціальному вопросу и catalogue raisonné русскихъ древностей. Мѣстами у издателей текстъ какъ будто существуетъ только для того, чтобы выиграть мѣсто для лишнихъ рисунковъ; между тѣмъ, рисунки отлично можно было бы помѣщать хотя бы подъ конецъ выпусковъ, въ видѣ атласа. Отдѣливъ рисунки и текстъ, можно было бы то и другое расположить въ болѣе систематическомъ порядкѣ, чѣмъ теперь; не нужно бы было заполнять текстомъ непремѣнно опредѣленнаго количества страницъ, и издатели могли бы то, что они имѣютъ сказать, говорить короче и яснѣе: при теперешнемъ же безпорядкѣ изложенія слѣдить за выводами издателей непосвященной публикѣ—довольно мудрено; трудность эта увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ выпускахъ нѣтъ ни предисловій, ни оглавленій. Во всякомъ случаѣ, не по одной новизнѣ содержанія, но и по степени обработанности текста III-й выпускъ *Русскихъ древностей* стоитъ выше предъидущихъ; намъ остается пожелать дальнѣйшаго усовершенствованія изданію, въ которомъ сокровища русской археологіи впервые раскрываются передъ русскою публикой—руками достаточно компетентными, хотя все еще недостаточно умѣлыми.

Краткій очеркъ греческой исторіи. Р. Пельмана. Переводъ Н. Шамонина. М., 1890 г. Всѣ, кому приходится преподавать греческую исторію, навѣрное, будутъ благодарны г. Шамонину за переводъ очерка Пельмана. Очеркъ этотъ помѣщенъ въ мало доступной большинству энциклопедіи И. Мюллера (*Handbuch der Klassischen Alterthum wissenschaft*). А, между тѣмъ, желательно возможно широкое распространеніе этого мастерскаго, при всей сжатости своей, изложенія. Пельману удалось представить въ связной и точной формѣ главные результаты, добытые литературой по исторіи Греціи. Нечего и говорить, что на ста съ небольшимъ страницахъ нельзя было развивать отдѣльныя положенія и останавливаться на деталяхъ. Но главные пункты намѣчены, указаны даже наиболѣе важные предметы спора и даны цѣнныя ссылки на литературу, которыми можетъ воспользоваться всякій желающій ближе познакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Замѣчательно при этомъ, что Пельманъ не остается простымъ компиляторомъ, стремящимся просто извлечь существенное изъ своихъ пособій. Онъ всегда относится къ своему матеріалу сознательно и не боится въ краткихъ словахъ давать оцѣнку ученыхъ мнѣній и руководить читателя для отысканія правильнаго пути. Намъ кажется, вообще, что изъ короткихъ конспективныхъ работъ въ области исторіографіи это положительно лучшая. Особенно полезна она можетъ быть при университетскомъ преподаваніи, въ видѣ подспорья къ лекціямъ и собранія важнѣйшихъ фактическихъ свѣдѣній. Но ею могутъ воспользоваться и наиболѣе развитые ученики старшихъ классовъ гимназій. Переводъ сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно и точно; жаль только, что г. Шамонинъ ужь слишкомъ близко держался нѣмецкаго текста. Мѣстами выходитъ не совсѣмъ ясно вслѣдствіе чрезвычайной сжатости подлинника, которая становится неловкостью въ русскомъ переводѣ. Впрочемъ, никто не будетъ искать красоты слога въ подоб-

ной работѣ, а содержательность и полезность ея стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Bibliotek Deutscher Geschichte.—M. Ritter: „Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreissigjährigen Krieges (1555—1648)". Erster Band (1555—1586). Эпоха, которую обнимаетъ первый томъ соченія Риттера, представляетъ большія трудности для изложенія, разъ оно должно, какъ предполагалось въ изданіи *Библіотеки*, соединить обстоятельность и полноту научной работы съ яркостью и живостью книги, предназначенной для широкаго круга читателей. Въ исторіи Германіи время отъ аугсбургскаго религіознаго мира до возникновенія большихъ вѣроисповѣдныхъ союзовъ въ началѣ XVII вѣка отличается отсутствіемъ крупныхъ событій, выдающихся личностей, оригинальныхъ теченій въ общественной и умственной жизни; явленія этого періода во внутренней жизни имперіи кажутся мелочными, утомляютъ и затрудняютъ наблюдателя своею дробностью; въ обществѣ не видно подъема, оно вращается въ сферѣ, по бо̀льшей части, старыхъ, лишь практически неразрѣшенныхъ вопросовъ; въ политическихъ кругахъ мы видимъ не столько дѣйствія, сколько проекты и порыванія; центръ тяжести лежитъ въ событіяхъ иностранныхъ, главный интересъ въ ихъ вліяніи на внутреннія усложненія, на образованіе партій и т. д. А, между тѣмъ, отчетливое знакомство именно съ этими дробными, мелкими явленіями необходимо для того, чтобы разобраться въ многоразличныхъ теченіяхъ, изгибахъ и поворотахъ политики двухъ большихъ конфессіональныхъ партій и ихъ развѣтвленій, схватить измѣненія общественнаго настроенія, безъ чего немыслимо пониманіе послѣдующей эпохи тридцатилѣтней войны, когда съ роковою неизбѣжностью развертываются послѣдствія сложившихся въ предшествовавшія 80 лѣтъ отношеній религіозныхъ и политическихъ партій и результаты крупнаго поворота общественной мысли.

Для такого ознакомленія съ эпохой, предшествовавшей великой войнѣ, недостаточно ввести читателя въ анализъ внѣшнихъ, лежащихъ на поверхности фактовъ; необходимо ихъ затѣмъ свести къ немногимъ общимъ пунктамъ и показать глубже расположенные, опредѣляющіе ихъ мотивы, которые заключаются въ извѣстныхъ общественныхъ интересахъ. О книгѣ Риттера можно вообще сказать, что она хорошо выполняетъ первую задачу и неудовлетворительно вторую. Въ научномъ отношеніи трудъ боннскаго профессора стоитъ выше *Исторіи реформаціи* Эгельгаафа (*Русская Мысль* 1890 г. кн. VIII), которой служитъ продолженіемъ. Риттеръ, прежде всего, безусловно безпристрастенъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи. Признавая полный нравственный и умственнный упадокъ католическаго общества, совершенное безсиліе и апатію его массы, моральное ничтожество и невѣжество большинства его вождей до первыхъ завоеваній іезуитизма, онъ далекъ и отъ идеализаціи протестантизма: всѣ недостатки его съ той поры, какъ онъ пересталъ быть идеей и сдѣлался церковью и политическою партіей, рѣзко выдвинуты; мрачную картину даетъ Риттеръ въ отношеніи нравовъ, проповѣди и религіознаго обученія въ новообразованныхъ протестантскихъ общинахъ въ мѣстностяхъ болѣе отсталыхъ по развитію (какъ, напримѣръ, въ духовныхъ владѣніяхъ, въ Австріи) и преимущественно тамъ, гдѣ правительство было враждебно реформѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безсильно ей противодѣйствовать, гдѣ не было выбора проповѣдниковъ, гдѣ совершенно отсутствовалъ контроль надъ ними, и за легкимъ разрушеніемъ старой церкви слѣдовала анархія

въ жизненномъ строѣ и во взглядахъ. Риттеръ свободенъ и отъ другаго недостатка, свойственнаго многимъ германскимъ историкамъ нашего времени: онъ воздерживается отъ мудрствованiй съ точки зрѣнiя современнаго положенiя Германiи; онъ не останавливается на вопросѣ о томъ, протестанты или католики больше способствовали или мѣшали нацiональному и политическому единенiю Германiи. Чрезвычайно осторожный въ заключенiяхъ, Риттеръ избѣгаетъ даже ссылокъ и поученiй на основанiи слѣдующей эпохи тридцатилѣтней войны (какъ можно было ожидать въ оцѣнкѣ консервативной и радикальной политики протестантовъ), чтобы не подпасть упреку въ реконструкцiи причинъ ихъ результатовъ. Съ большимъ искусствомъ распутываетъ и анализируетъ онъ сложныя политическiя положенiя, внимательно слѣдитъ за колебанiемъ и видоизмѣненiемъ политическихъ факторовъ. Но эта сторона дѣла, въ которой Риттеръ чувствуетъ себя особенно сильнымъ, прiобрѣла въ книгѣ чрезмѣрный перевѣсъ, а односторонность содержанiя повела къ недостаточному освѣщенiю событiй. Лишь чисто-политическiя и внѣшне-церковныя явленiя получили мѣсто въ книгѣ; авторъ вращается почти исключительно въ кругу правительственныхъ мѣропрiятiй и проектовъ, дипломатическихъ переговоровъ и военныхъ дѣйствiй, обсужденiй въ политическихъ и церковныхъ собранiяхъ. Мы узнаемъ всѣ перипетiи тридентскаго собора, всѣ комбинацiи и колебанiя партiй на рейхстагахъ; передъ нами выступаютъ индивидуальныя черты политики различныхъ князей: несокрушимаго въ своемъ консерватизмѣ Августа саксонскаго, рьяныхъ и нетерпѣливыхъ пфальцскихъ курфирстовъ, преслѣдующихъ en grand наступательную протестантскую политику, фрондирующаго, погруженнаго въ таинственные заговоры и козни Iоанна-Фридриха веймарскаго, руководимаго то „ангелами“, то страшнымъ Грумбахомъ, типичнымъ представителемъ отживающаго разбойничьяго рыцарства, безхарактернаго, либеральнаго на словахъ, а въ сущности готоваго всѣмъ жертвовать ради династическихъ интересовъ императора Максимилiана и др. Все это обрисовано Риттеромъ съ большимъ мастерствомъ и довольно сухой матерiалъ прiобрѣтаетъ жизнь и колоритъ въ его изложенiи. Съ необыкновенною ясностью выдвинутъ основной фактъ политической исторiи Германiи этой эпохи—развитiе княжеской власти и показаны его условiя. Риттеръ ставитъ его во главѣ своего изложенiя и вводитъ въ пониманiе его судебъ превосходно составленною общею главой въ началѣ (*Fürstentümer und Städte*, стр. 27—58; большой интересъ представляетъ объясненiе роста княжеской власти изъ посредствующей и покровительственной роли, которую она играла въ промышленной борьбѣ между городскими и сельскими классами). Въ результатѣ его изображенiя мы совершенно ясно видимъ, что протестантизмъ въ Германiи сокрушился, въ концѣ-концовъ, о ту же самую силу, которая въ началѣ вынесла его на своихъ плечахъ. Въ интересѣ княжеской власти было сохраненiе существующаго имперскаго строя, т.-е. безсилiя центральныхъ учрежденiй. Это обстоятельство благопрiятствовало протестантизму, пока онъ боролся за право существованiя. Но та же княжеская власть послужила барьеромъ, передъ которымъ остановились успѣхи протестантизма, когда долженъ былъ рѣшиться вопросъ о перевѣсѣ его надъ католицизмомъ, такъ какъ его дальнѣйшее расширенiе требовало помимо отмѣны или нарушенiя reservationis ecclesiasticae, съ политической точки зрѣнiя заключавшихъ въ себѣ оскорбленiе суверенныхъ правъ князей, также бо̀льшаго сплоченiя отдѣльныхъ протестантскихъ чиновъ и вообще разрушенiя или

игнорированія существующей съ 1555 г. имперской конституціи, какъ и показываютъ проекты пфальцскихъ курфирстовъ (особ. въ 1574 г., стр. 465), всегда подчинявшихъ имперскіе интересы общепротестантскимъ. Но большинство протестантскихъ князей держалось другой, консервативной политики, которая давала возможность католикамъ эксплуатировать въ свою пользу всѣ неопредѣленные пункты религіознаго мира; типическимъ представителемъ этой политики, имперской, австрофильской и, въ то же время, преслѣдовавшей „округленіе“ территоріявляется курфирстъ Августъ, который въ изложеніи Риттера и занимаетъ, по справедливости, центральное мѣсто. Чѣмъ болѣе этотъ вліятельный и твердый вождь консервативной партіи укрѣплялся въ своихъ принципахъ, тѣмъ увѣреннѣе подымала голову католическая реакція. Въ то же время, событія, совершавшіяся за предѣлами имперіи, подбрасывая постоянно горючій матеріалъ въ борьбу партій, толкали ихъ на иноземные союзы и постепенно выводили католиковъ германскихъ изъ того изолированнаго положенія, изъ той апатіи и недовѣрія къ своимъ силамъ, которыя характеризуютъ ихъ въ 50-хъ и первой половинѣ 60-хъ годовъ XVI в.

Не трудно замѣтить, однако, что этими усложненіями не исчерпываются причины того поворота, который въ Германіи поставилъ на карту самое существованіе протестантизма и повелъ къ совершенному крушенію имперскаго строя и къ долгому умственному застою. Но Риттеръ покидаетъ здѣсь читателя: за внѣшнею, такъ сказать, оффиціальною исторіей, которой онъ занятъ, мы не видимъ вовсе германскаго общества, его настроенія, волнующихъ его идей и интересовъ. Если мы еще встрѣчаемся въ его книгѣ съ высшими и средними классами, по крайней мѣрѣ, въ ихъ оффиціальныхъ представителяхъ и корпоративныхъ интересахъ, то народъ въ ней совершенно отсутствуетъ. Риттеръ не затрогиваетъ ни литературы, ни науки, ни публицистики (хотя обзоры литературы, искусства и т. д. прямо обѣщаны были въ программѣ изданія): мы не узнаемъ, что̀ сталось съ германскимъ гуманизмомъ, какія политическія теоріи распространялись въ германскомъ обществѣ. Характеристики лицъ, религіозныхъ направленій и партій слабы, безцвѣтны. Черты позднѣйшаго лютеранства не выдвинуты достаточно ясно въ сравненіи съ юнымъ, боевымъ, неудержимо разливающимся протестантизмомъ 20-хъ годовъ. Готовность Августа саксонскаго и его партіи идти на уступки императору и католическимъ чинамъ и равнодушіе его къ невзгодамъ кальвинистскихъ протестантовъ во Франціи и Нидерландахъ недостаточно объяснять одними только династическими соображеніями и мѣстными интересами альбертинскаго курфирста, опасавшагося свергнутой эрнестинской линіи и раздѣлявшаго съ Австріей страхъ передъ турками, а рвеніе Фридриха III пфальцскаго, его постоянное и горячее участіе во всѣхъ интернаціональныхъ протестанскихъ коалиціяхъ, однимъ только личнымъ благочестіемъ его и затруднительнымъ положеніемъ его маленькаго курфиршества, замкнутаго отовсюду глубоко врѣзавшеюся католическою территоріей, какъ дѣлаетъ это Риттеръ. Не случайно, конечно, ихъ образу дѣйствій отвѣчаетъ, съ одной стороны, примирительное или, по крайней мѣрѣ, пассивное отношеніе тогдашняго лютеранства къ католицизму, рядомъ съ нетерпимостью его къ кальвинизму (напомнимъ выраженіе саксонскаго придворнаго проповѣдника Гёнэка: „скорѣе можно довѣриться папистамъ и лучше общеніе съ ними, чѣмъ съ кальвинистами“), а съ другой стороны, рѣзкій, по существу антикатолическій характеръ кальвинизма, который, къ тому же, въ

противуположность національному лютеранству, и въ Германіи выступаетъ какъ космополитическій церковный союзъ, тѣсно скрѣпляющій единовѣрцевъ разныхъ странъ, а объ этой связи Риттеръ уже ничего не говоритъ. Онъ не отмѣтилъ вовсе и того обстоятельства, что во второй половинѣ XVI в. кальвинисты были представителями унитарнаго направленія въ протестантизмѣ, а, слѣдовательно, и большей терпимости, что особенно выразилось въ гентской Harmonia confessinum 1582 г., представляющей какъ бы отвѣтъ на проникнутую узкимъ духомъ исключительности лютеранскую „Конкордію". Что касается церковной организаціи и политическихъ тенденцій кальвинизма, Риттеръ разсматриваетъ ихъ лишь въ предѣлахъ Нидерландовъ, вслѣдствіе этого не выяснена достаточно причина неудачи его въ Германіи (наиболѣе, повидимому, странной въ Пфальцѣ, гдѣ правительство положило на проведеніе его столько стараній),—причина, прежде всего, конечно, заключающаяся въ противорѣчіи между демократическимъ строемъ и началомъ самоуправленія, свойственными кальвинистской церкви, а съ другой стороны монархическими стремленіями князей, хотя здѣсь несомнѣнно должно было сказаться также извѣстное національное нерасположеніе къ „швейцарскому" ученію и къ пришлымъ, большею частью романскимъ и нидерландскимъ, проповѣдникамъ. Слабо, по нашему мнѣнію, очерчена и та духовная работа, которая шла въ католической Германіи въ эту эпоху. Объ іезуитахъ у Риттера говорится лишь въ общихъ чертахъ (стр. 183—188), между тѣмъ, важно было бы указать на особенность іезуитства въ Германіи, въ сравненіи, наприм., съ романскими странами, на большую осторожность ордена, на его въ началѣ чисто-нравственную и духовно-образовательную тенденцію здѣсь; недостаточно отмѣчена и центральная, организаторская, хотя и нешумная роль вездѣсущаго патера Канизія. Благодаря этому, политическій фактъ огромной важности, основной для послѣдней четверти столѣтія, ростъ въ имперіи католицизма и возвращеніе имъ позицій, потерянныхъ до аугсбурскаго сейма 1566 г., несмотря на то, что о немъ говорится на каждомъ шагу, пододвигается какъ-то незамѣтно, ибо остается скрытой его основная причина, внутреннее возрожденіе католицизма.

Большой интересъ представляетъ глава о нидерландскомъ возстаніи и, можетъ быть, даже заслуживала бы перевода на русскій языкъ, если бы подробное и связное изложеніе событій не останавливалось (нѣсколько произвольно, по нашему мнѣнію) на 1568 г., эпохѣ первой экспедиціи Вильгельма Оранскаго и неудачнаго дипломатическаго вмѣшательства имперскаго правительства. Риттеръ дѣлаетъ Вильгельма Оранскаго съ самаго начала управленія Филиппа II его сознательнымъ принципіальнымъ противникомъ, чуть ли не съ 1558 г., выработавшимъ широкую программу европейскаго протестантскаго союза, а съ другой стороны, самоуправленія штатовъ; съ этой точки зрѣнія объясняетъ онъ связи, которыя Вильгельмъ установилъ уже въ концѣ 50 годовъ съ протестантскими князьями Германіи и тайные переговоры, которые онъ велъ съ ними на сеймѣ 1558 г. (стр. 332 — 335). Въ событіяхъ, развертывающихся до момента реакціи 1567 г., Вильгельмъ всюду занимаетъ, по Риттеру, центральное положеніе, играетъ рѣшающую роль: онъ руководитъ и оппозиціей чиновъ въ Брабантѣ, является и душою дворянскаго союза, указывая ему цѣли и организацію, и протекторомъ кальвинистскихъ общинъ во Фландріи и Брабантѣ, ограничивая ихъ пылъ, а въ рѣшительную минуту соединяетъ массы послѣднихъ съ дворянскимъ союзомъ въ страшную революціонную силу. Та-

кое изображеніе, основанное на предположеніяхъ и вытекающее изъ представленія о необыкновенномъ политическомъ умѣ и талантѣ Оранскаго, кажется антиципаціей: идея великаго протестантскаго союза во всякомъ случаѣ выработалась уже въ эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи и нидерландскаго возстанія, именно какъ результатъ этихъ явленій.

Въ заключеніе упомянемъ объ одномъ пропускѣ, который показался намъ страннымъ въ сочиненіи, столь богатомъ деталями: именно Риттеръ ничего не говоритъ о любопытномъ свиданіи въ Цабернѣ весною 1562 г. кардинала лотарингскаго съ Христофомъ, герцогомъ виртембергскимъ. Эта встрѣча, непосредственно слѣдовавшая за „январскимъ“ эдиктомъ терпимости и совпавшая съ такъ называемымъ избіеніемъ въ Васси, которое открываетъ первую религіозную войну во Франціи, устроена была ловкимъ Гизомъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы успокоить протестантскихъ князей Германіи въ моментъ готовившейся во Франціи реакціи и, въ то же время, возстановить ихъ противъ французскихъ кальвинистовъ, какъ партіи революціонной; она характерна въ томъ отношеніи, что показываетъ мнѣніе католиковъ о религіозныхъ и политическихъ тенденціяхъ лютеранъ въ эту эпоху.

Что касается собственно внѣшней стороны труда Риттера, ему можно поставить въ вину чрезмѣрное излишество деталей и, вслѣдствіе этого, нѣкоторую разорванность изложенія. Его огромныя главы (по 70—100 стр.) утомительны, и читатель, мало знакомый съ предметомъ, будетъ чувствовать мѣстами недостатокъ перспективы. Далѣе, принимая во вниманіе интересы значительной массы читателей Риттера, трудно согласиться съ его мнѣніемъ (см. *Предисл.*), будто не зачѣмъ было разбирать или даже упоминахъ главныя сочиненія по излагаемой эпохѣ, и едва ли можно примириться съ отсутствіемъ оріентирующихъ критическихъ, а отчасти и библіографическихъ указаній, такъ какъ онъ ограничивается лишь ссылками на источники и на очень спеціальныя работы. Для начинающаго заниматься эпохой сочиненіе Риттера поэтому, къ сожалѣнію, не можетъ служить руководящею книгой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“. *В. Левитскаго.* — „Эволюція собственности“. *Летурно.*—„Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la proprieté“ *par Maxime Kovalewsky*

Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. В. Левитскаго. 1890 г. В. Ф. Левитскій даетъ въ своей книгѣ очеркъ современныхъ ученій о задачахъ и методахъ политической экономіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „имѣя въ виду труды различныхъ школъ, а не одно или нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ направленій экономической науки“, дѣлаетъ попытку выработать общее опредѣленіе задачъ и методовъ науки о народномъ хозяйствѣ. Распадаясь, сообразно съ этою двойною задачей, на двѣ части, трудъ г. Левитскаго представляетъ изслѣдованіе вопроса съ двухъ различныхъ его сторонъ: со стороны взглядовъ, которые высказывались въ литературѣ по методологіи политической экономіи, и со стороны принциповъ, на которыхъ, по мнѣнію самого автора, должно быть построено ученіе о методахъ и задачахъ экономической науки. Въ одной части г. Левитскій излагаетъ и разбираетъ ученіе выдающихся изслѣдователей вопроса, въ другой—онъ высказываетъ свои собственныя воззрѣнія; въ первой—мы имѣемъ дѣло съ литературой вопроса, во второй—

съ самостоятельною теоріей автора. Различаясь по цѣли, эти двѣ части, тѣсно сплетенныя между собою въ книгѣ, значительно различаются и по интересу, и по достоинствамъ.

Главная заслуга г. Левитскаго и преимущественный интересъ его книги заключаются въ изложеніи и отчасти въ критикѣ новѣйшей литературы по методологіи политической экономіи. Авторъ останавливается почти исключительно на трудахъ германскихъ изслѣдователей, сравнительно мало пользуется работами англійскихъ экономистовъ и удѣляетъ особенно много вниманія исторической школѣ и ея современнымъ развѣтвленіямъ. Изслѣдованіе взглядовъ, высказанныхъ представителями этого направленія на методы и задачи политической экономіи, занимаетъ очень видное мѣсто въ изслѣдованіи г. Левитскаго и большею частью, несмотря на нѣкоторые недостатки, изложеніе этихъ взглядовъ отличается, по нашему мнѣнію, достаточною ясностью, а нѣкоторыя критическія замѣчанія — убѣдительностью. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія глава, посвященная вопросу объ эгоизмѣ и мотивахъ хозяйственной дѣятельности. Разсматривая критику, которой подвергаютъ писатели исторической школы такъ называемую „посылку эгоизма", какъ одно изъ основныхъ положеній, на которомъ построена классическая теорія, г. Левитскій справедливо видитъ ошибку этой критики въ смѣшеніи двухъ точекъ зрѣнія—признанія эгоизма единственнымъ мотивомъ хозяйственной дѣятельности и предположенія, ради цѣлей изслѣдованія, что люди въ своихъ экономическихъ дѣйствіяхъ руководятся исключительно эгоистическими побужденіями. Въ общемъ нельзя не раздѣлить также мнѣній, высказываемыхъ изслѣдователемъ относительно нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, по которымъ историческая школа разошлась съ классической и въ которыхъ выражаются характерныя черты обоихъ направленій. Точка зрѣнія, принятая въ этой части изслѣдованія г. Левитскимъ, представляется намъ вполнѣ правильной: признавая заслуги исторической школы въ дѣлѣ собиранія и разработки историческо-экономическаго матеріала и постановки на научную почву ученія о хозяйственной политикѣ, и отмѣчая значеніе ея въ смыслѣ реакціи противъ исключительнаго преобладанія теоретическаго направленія въ политической экономіи, г. Левитскій вполнѣ соглашается, что къ ученіямъ классической школы могутъ и должны быть внесены болѣе или менѣе серьезныя поправки, но рѣшительно отказывается признать вмѣстѣ со многими новѣйшими критиками классической экономіи ложность принятаго ею направленія и защищаетъ его. При этомъ авторъ справедливо указываетъ на то, что писатели исторической школы, несмотря на свое отрицательное отношеніе къ классической экономіи, повторяютъ въ теоретической части своихъ трудовъ законы, выведенные Смитомъ и Рикардо. По справедливому замѣчанію автора, „отъ окончательнаго абсурда историческую школу спасла лишь ея непослѣдовательность. Отрицая въ принципѣ методъ политической экономіи, представители исторической школы, въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось рѣшать чисто-теоретическіе вопросы, въ своихъ ученіяхъ о цѣнѣ, цѣнности, кредитѣ, прибыли—фактически пользовались дедуктивнымъ методомъ, пріемами Рикардо и его школы".

Г. Левитскій совсѣмъ не принадлежитъ къ безусловнымъ поклонникамъ классической теоріи и смотритъ на тотъ строй, который изслѣдовали англійскіе экономисты, какъ на историческую категорію; но, правильно оцѣнивая заслуги писателей этого направленія, авторъ вѣрно указалъ и на промахи, допущенные большинствомъ современныхъ эко-

номистовъ въ Германіи при оцѣнкѣ ими классической школы. Такая точка зрѣнія, какой держится г. Левитскій относительно смитовскаго направленія, не составляетъ, какъ извѣстно, чего-либо новаго, и у насъ, въ Россіи, гдѣ классическая экономія въ исправленномъ видѣ находила талантливыхъ защитниковъ популяризаторовъ и истолкователей, взгляды г. Левитскаго являются лишь развитіемъ идей лучшихъ нашихъ экономистовъ. Но заслуга автора именно въ томъ и заключается, что онъ не впалъ въ начинающее распространяться, къ сожалѣнію, и у насъ увлеченіе отрицательными сторонами исторической школы. Являясь въ этой своей части дальнѣйшею разработкой и подкрѣпленіемъ идей, которыя въ теченіе послѣдней четверти вѣка находили благопріятную почву въ русской наукѣ, книга г. Левитскаго служитъ предостереженіемъ противъ пренебреженія теоретическимъ направленіемъ въ области политической экономіи и противъ той крайности въ увлеченіи фактическимъ матеріаломъ, которая должна вредно отразиться на развитіи науки.

Такова, по нашему мнѣнію, положительная сторона въ изслѣдованіи г. Левитскаго; но рядомъ съ отмѣченными достоинствами книга нашего автора страдаетъ и крупными недостатками. Оставляя въ сторонѣ небрежность литературной отдѣлки изложенія и не говоря о томъ, что тяжелый языкъ, которымъ написана книга, нерѣдко мѣшаетъ правильному пониманію мыслей, высказанныхъ авторомъ, отмѣтимъ только наиболѣе существенные, по нашему мнѣнію, недостатки его изслѣдованія. Мы относимъ эти недостатки преимущественно къ тѣмъ частямъ книги, въ которыхъ авторъ излагаетъ свои собственныя воззрѣнія на задачи и методы политической экономіи. Неудовлетворительная постановка нѣкоторыхъ существенно важныхъ положеній, неточность и неполнота опредѣленій, пробѣлы въ изслѣдованіи вопросовъ, которые относятся къ наукамъ, не входящимъ въ область экономическихъ дисциплинъ, вотъ, на нашъ взглядъ, слабыя стороны книги. Для поясненія и подкрѣпленія высказаннаго нами мнѣнія приведемъ одинъ изъ примѣровъ того смѣшенія понятій, которое составляетъ крупнѣйшій недостатокъ разсматриваемой работы.

Г. Левитскій на протяженіи всей своей книги постоянно смѣшиваетъ два очень различныя понятія—исторію хозяйственнаго быта и то, что Книсъ называетъ теоріей развитія народнаго хозяйства. Отсюда вытекаетъ, рядъ недомолвокъ и неясностей. Прежде всего, авторъ совершенно упускаетъ изъ вида одну изъ важныхъ заслугъ исторической школы, а съ другой стороны, преувеличиваетъ ея односторонность. По мнѣнію г. Левитскаго, „въ конечномъ результатѣ изслѣдованій Книса единственною задачей экономической науки, во всемъ ея составѣ, должна быть та, которую обыкновенное пониманіе относитъ къ исторіи хозяйственнаго быта, а въ такомъ случаѣ,—говоритъ авторъ книги,—между политическою экономіей и исторіей народнаго хозяйства теряется всякое различіе“. Едва ли нужно настаивать на томъ, что этотъ отрывокъ, прежде всего, невѣрно передаетъ мнѣніе Книса, который говоритъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи *Die Politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte*, что спеціальною задачей политической экономіи должно служить изслѣдованіе „экономическаго развитія народной жизни“ и что экономическая теорія должна излагать „законы развитія народнаго хозяйства“. Мы не думаемъ, чтобы было правильно отождествлять „законы развитія“ съ исторіей хозяйства, и если за историческою школой должны быть признаны научныя заслуги, то одна изъ нихъ заключается въ томъ, что она настаивала и продолжаетъ настаивать

на изслѣдованіи явленій народнаго хозяйства не только въ порядкѣ ихъ сосуществованія, но и въ ихъ послѣдовательности. Тотъ же взглядъ автора на законы развитія, какъ на исторію хозяйственнаго быта, выразился и въ опредѣленіи г. Левитскимъ теоретической экономіи, какъ дисциплины, изслѣдующей явленія только въ статическомъ отношеніи. Это мнѣніе тѣмъ болѣе удивляетъ своею односторонностью, что г. Левитскій, опредѣливъ политическую экономію какъ науку историческую въ томъ смыслѣ, что она изслѣдуетъ явленія исторически сложившіяся, даетъ читателю право ожидать другаго заключенія. Изъ дальнѣйшаго разъясненія авторомъ своихъ взглядовъ на задачи теоретическаго изслѣдованія никакъ нельзя объяснить себѣ, почему онъ исключаетъ изъ области теоріи изученіе экономическихъ явленій со стороны ихъ развитія. По мнѣнію автора, выполненіе задачи теоретическаго изслѣдованія состоитъ „въ сведеніи конкретныхъ хозяйственныхъ явленій къ такимъ типическимъ формамъ, которыя повторяются въ предѣлахъ даннаго историческаго періода, независимо отъ условій мѣста и времени, у всѣхъ народовъ, находящихся на соотвѣтствующей стадіи историческаго развитія“. Но если это такъ, то авторъ не объясняетъ, почему указанная имъ задача не можетъ быть выполнена въ примѣненіи не къ одному, а къ разнымъ историческимъ періодамъ? Почему теоретическое изслѣдованіе должно ограничиваться вопросомъ: какъ происходятъ извѣстныя явленія? Но не должно касаться вопроса: какъ развились эти явленія и въ какомъ направленіи они продолжаютъ развиваться? Мы полагаемъ, что превосходнымъ образчикомъ такого рода изслѣдованія служитъ извѣстное сочиненіе Карла Маркса, книгу котораго о капиталѣ никто, конечно, не рѣшится исключить изъ области теоретическихъ работъ по политической экономіи.

Къ числу столь же неудачныхъ заключеній автора, какъ только что приведенное, нужно отнести также его взглядъ на провѣрку законовъ, выведенныхъ при помощи дедукціи,—взглядъ тоже основанный на смѣшеніи двухъ совершенно различныхъ понятій. Но мы не считаемъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, такъ какъ указанный выше примѣръ достаточно, мы думаемъ, характеризуетъ наиболѣе существенные недостатки разбираемаго сочиненія.

Тѣмъ не менѣе, какъ было уже сказано, работа г. Левитскаго, безпорно, не лишена и серьезныхъ достоинствъ, и ради этихъ достоинствъ мы не можемъ не выразить искренняго пожеланія, чтобы авторъ исправилъ хотя бы нѣкоторые наиболѣе доступные исправленію недостатки своей книги, если ему, какъ мы надѣемся, придется выпустить ее вторымъ изданіемъ.

Эволюція собственности. Летурно. Изд. журнала „Русское Богатство“. Спб., 1890 г. *Русская Мысль* въ свое время дала отзывъ о книгѣ Летурно, когда она появилась на французскомъ языкѣ. Сочиненіе это отличается многими достоинствами и переводъ его на русскій языкъ составляетъ большую заслугу редакціи журнала *Русское Богатство*. Напомнимъ читателямъ, что Летурно, говоря о будущности права собственности, приходитъ къ такому заключенію: „Если европейская цивилизація хочетъ жить и прогрессировать, она должна измѣнить свою организацію права собственности, обуздать злоупотребленія имъ. По самому своему существу режимъ собственности есть главная пружина общественной жизни. Касаться этой пружины надо съ крайнею осторожностью“. Летурно вооружается противъ преобладающаго до сихъ поръ вліянія римскихъ юридическихъ воззрѣній на собственность и наслѣдство. Авторъ воздерживается отъ подробныхъ выводовъ относи-

тельно будущаго, такъ какъ для этого нѣтъ еще достаточно разработаннаго фактическаго матеріала.

Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété (publication de la fondation Lorén), par Maxime Kovalevsky. Stocholm, 1890. Нашъ извѣстный ученый, бывшій профессоръ Московскаго университета М. М. Ковалевскій, былъ приглашенъ прочесть въ Стокгольмѣ курсъ, посвященный исторіи первобытныхъ учрежденій. Въ 15 лекціяхъ авторъ мастерски изобразилъ послѣдовательный ходъ семьи и собственности и разъяснилъ многія явленія этого долгаго и сложнаго процесса. Профессоръ Ковалевскій составилъ себѣ почетное имя по исторіи древняго и средневѣковаго права и культуры. Его многостороннее знакомство съ русскою литературой предмета придаетъ его лекціямъ особенный интересъ и значеніе въ глазахъ западно-европейскаго читателя. Авторъ устанавливаетъ три фазы развитія семьи: матріархальную, патріархальную и индивидуальную. Общинная собственность, въ томъ числѣ и русская, по мнѣнію автора, неизбѣжно разлагается въ индивидуальную. Это разложеніе совершалось и совершается подъ могущественнымъ воздѣйствіемъ буржуазіи или третьяго сословія. Указанія исторіи приводятъ автора къ слѣдующему заключенію. Во всѣ времена собственность подвергалась извѣстнымъ ограниченіямъ. Эти ограниченія вызывались то интересомъ семьи, то интересомъ общинъ или клановъ. Въ настоящее время въ распредѣленіе земельной собственности и въ порядокъ пользованія ею вмѣшивается государство. Профессоръ Ковалевскій полагаетъ, что вмѣшательство государства въ этомъ направленіи будетъ все болѣе и болѣе развиваться. Авторъ предвидитъ въ будущемъ осуществленіе обширныхъ соціальныхъ преобразованій и основываетъ свое предположеніе на совершенствованіи человѣческой природы, на вѣрѣ въ прогрессъ. Эта вѣра не только не терпитъ отъ успѣховъ точныхъ научныхъ изслѣдованій, но именно на такого рода изслѣдованіяхъ и пріобрѣтаетъ непоколебимую прочность.

Книга г. Ковалевскаго такъ интересна, что слѣдуетъ пожелать ея скорѣйшаго появленія на русскомъ языкѣ.

ЭТНОГРАФІЯ.

„Народовѣдѣніе“. *Оскара Пешеля.*

Народовѣдѣніе. Оскара Пешеля. Переводъ подъ редакціею профессора Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1890 г. За исключеніемъ чисто-компилятивнаго сочиненія Гельвальда, переведеннаго на русскій языкъ, въ нашей литературѣ не существуетъ ни одного руководства по общей этнографіи. Книга Пешеля, вышедшая первымъ изданіемъ въ 1874 году, вполнѣ заслуживала перевода, но авторъ ея, извѣстный нѣмецкій географъ, считалъ выраженные имъ взгляды настолько законченными, что въ слѣдующихъ изданіяхъ не дѣлалъ почти никакихъ измѣненій и дополненій, между тѣмъ, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ этнографическая наука, долго пребывавшая въ загонѣ, подверглась всесторонней переработкѣ какъ въ своихъ направленіяхъ, такъ и въ отношеніи самаго матеріала. Можно было ожидать, что шестое изданіе, вышедшее черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ появленія перваго, по смерти автора, подъ редакціей одного изъ лучшихъ географовъ Германіи, Альфреда

Кирхгоффа, и русскій переводъ, редактируемый профессоромъ географіи Петербургскаго университета Э. Ю. Петри, представитъ новую, пересмотрѣнную, сообразно измѣнившимся требованіямъ и условіямъ, обработку хорошей, но значительно устарѣлой книги Пешеля. Но Кирхгоффъ отнесся къ своему труду не достаточно старательно и ограничился только немногими неважными фактическими дополненіями, а русскій редакторъ даетъ только переводъ нѣмецкаго текста безъ всякихъ съ своей стороны прибавленій.

Хотя г. Петри въ предисловіи говоритъ, что онъ удержался отъ дополненій и примѣчаній къ труду Пешеля въ виду того, что въ настоящее время имъ издается собственное руководство антропологіи, первый томъ котораго занимается вопросами, соотвѣтствующими первой половинѣ *Народовѣдѣнія* Пешеля, а третій томъ, еще не вышедшій, долженъ дать очеркъ отдѣльныхъ народовъ земнаго шара, т.-е. равняться второй половинѣ редактируемой имъ книги, однако, мы не считаемъ его оговорку удовлетворительной и устраняющей всякія возраженія со стороны критики.

Если г. Петри въ своей антропологіи даетъ трудъ, по содержанію не только равняющійся книгѣ Пешеля, но и болѣе полный и обширный, то невольно возникаетъ вопросъ: почему онъ, въ одно и то же время, выпускаетъ въ свѣтъ свое оригинальное произведеніе и переводъ книги Пешеля, нуждающійся, по собственному его признанію, въ дополненіяхъ и примѣчаніяхъ?

Между тѣмъ, всякое западно-европейское сочиненіе по общей этнографіи, по матеріалу своему, вслѣдствіе незнанія русскаго языка, является неполнымъ и представляетъ значительные пробѣлы. Обширное Русское государство, раскинувшееся на громадномъ протяженіи въ двухъ частяхъ свѣта и въ недавнее время обладавшее сѣверо-западомъ третьей, заключаетъ въ своихъ предѣлахъ многія народности, стоящія на различныхъ ступеняхъ развитія и представляющія значительный этнографическій интересъ. Только Британская имперія можетъ въ этомъ отношеніи соперничать съ Россіей. Книга Пешеля, несмотря на его поразительную эрудицію, не избѣгла общей участи и покойный лейпцигскій географъ такъ же мало знакомъ съ русскими матеріалами, какъ и остальные его сотоварищи по наукѣ. Русскій переводчикъ обязанъ былъ дополнить трудъ нѣмецкаго автора именно въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе, что такія дополненія представили бы не только лишнія фактическія подробности, но и внесли бы совершенно новый матеріалъ, проливающій свѣтъ на многіе неясные вопросы.

Что касается самаго перевода, то мы не можемъ признать его удачнымъ и удовлетворительнымъ. Языкъ подлинника отличается, благодаря дѣятельности Пешеля, какъ журналиста, легкостью и популярностью, которой мы не встрѣчаемъ обыкновенно у нѣмецкихъ ученыхъ. Нашъ переводчикъ не съумѣлъ передать всю простоту изложенія Оскара Пешеля и *Народовѣдѣніе*, изданное подъ редакціей г. Петри, читается съ большимъ затрудненіемъ по причинѣ тяжелаго и мѣстами неправильнаго русскаго языка. Попадаются мѣста, въ которыхъ, вслѣдствіе невѣрнаго перевода, получается безсмыслица; такъ, говоря о раннихъ бракахъ въ Римѣ временъ имперіи, Пешель ссылается на доказательства надписей „inschriftliche Beweise“; въ русскомъ переводѣ это выраженіе передается „*письменно* намъ свидѣтельствуютъ“. Особенно много погрѣшностей въ передачѣ именъ собственныхъ, причемъ редакторъ въ своемъ предисловіи напрасно ссылается на при-

мѣненныя будто бы имъ правила придерживаться того точнаго произношенія, „которое въ настоящее время установилось на Западѣ и которому намъ съ нашею своеобразною передѣлкой чуждыхъ названій давно пора было бы послѣдовать". Примѣръ, показанный г. Петри въ редактированномъ имъ переводѣ, наврядъ ли можетъ послужить доказательствомъ правильности его взгляда, съ которымъ, впрочемъ, мы по существу соглашаемся. Названіе рѣки Уаупесъ (Ріо-Негро) въ переводѣ г. Петри склоняется „на Уаупеси", Месопотамія пишется „Мессопотамія", Ашбёртонскія горы названы Агибёртонскими, проливъ Короля Георга совершенно напрасно именуется Кингъ-Дфоржъ-Зундомъ, а Лебяжья рѣка—Сванъ-Риверомъ (слово „river" произнесено неправильно). Одинъ американскій проливъ называется то заливомъ Пугета, то проливомъ Пугета; по-англійски онъ называется Puget-Sound, а всѣмъ, знающимъ англійскій языкъ, извѣстно, что Puget нельзя произносить Пугетъ. Неизвѣстно почему г. Петри, измѣняя своему правилу, руссифицировалъ имя нѣмецкаго этнографа Теофиля Гана и называетъ его Ѳеоѳиломъ Ганомъ; слѣдуя его правописанію, придется извѣстнаго французскаго писателя Теофиля Готье именовать Ѳеоѳиломъ Готье.

Приведенные примѣры выбраны нами наудачу. Въ *Народовѣдѣніи* Пешеля, переведенномъ подъ редакціею петербургскаго географа, погрѣшностей, уродующихъ языкъ и извращающихъ смыслъ, такъ много, что ихъ можно встрѣтить почти на каждой страницѣ. Мы, разумѣется, далеки отъ того, чтобы приписывать эти погрѣшности самому редактору; онъ виновенъ, однако, въ томъ, что не просмотрѣлъ тщательно перевода, сдѣланнаго крайнѣ неряшливо, и тѣмъ значительно испортилъ въ русской передачѣ книгу Пешеля. Впрочемъ, такое отношеніе редакторовъ отчасти объясняется общими условіями нашего книжнаго дѣла: издатели пріобрѣтаютъ за ничтожную плату плохіе переводы и, для прикрытія своей сдѣлки, передаютъ для просмотра лицамъ съ извѣстнымъ научнымъ именемъ. Редакторъ такого рода, не имѣя времени исправить работу, часто непоправимую, даетъ свое имя и въ накладѣ остается довѣрчивая публика.

МЕДИЦИНА.

„Къ вопросу о раціональномъ устройствѣ отопленія и вентиляціи". *С. Ѳ. Бубнова.*

Къ вопросу о раціональномъ устройствѣ отопленія и вентиляціи. Санитарныя изслѣдованія въ новыхъ клиникахъ Императорскаго Московскаго университета, въ дѣтской больницѣ Св. Ольги, въ Александровскомъ коммерческомъ училищѣ и въ частныхъ жилищахъ. Диссертація на степень доктора медицины С. Ѳ. Бубнова, ассистента по каѳедрѣ гигіены въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Москва, 1890 г. Въ предисловіи авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что раціональное отопленіе и цѣлесообразная вентиляція жилищъ имѣютъ для насъ, русскихъ, особо-важное значеніе, такъ какъ, вслѣдствіе природныхъ условій страны, намъ значительную часть года приходится пользоваться искусственнымъ климатомъ жилищъ. А, между тѣмъ, онъ создается у насъ обыкновенно безъ всякаго вниманія къ санитарнымъ требованіямъ, часто даже лицами мало образованными. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ, какой произволъ царитъ у насъ въ этой области санитарной техники? Дома возводятся

безъ всякаго почти контроля, а большинство домовладѣльцевъ, преслѣдуя своекорыстныя цѣли, менѣе всего заботится о здоровьи обитателей квартиръ, часто сырыхъ и холодныхъ, рѣдко удобныхъ и гигіеничныхъ. Выростающіе какъ грибы на нашихъ глазахъ многоэтажные каменные ящики съ населеніемъ чуть не цѣлаго уѣзднаго города сплошь и рядомъ строятся безъ соблюденія даже элементарныхъ гигіеническихъ требованій. Можно смѣло утверждать, что значительный процентъ заболѣваемости въ нашихъ городахъ нужно отнести если не исключительно, то главнымъ образомъ на счетъ антигигіеничнаго устройства жилищъ.

Сознавая настоятельную потребность прекратить произволъ въ созиданіи искусственнаго климата жилищъ и желая указать на неотложную необходимость и у насъ разумной, въ санитарномъ смыслѣ, постановки вопросовъ изъ этой области гигіены, авторъ предпринялъ рядъ изслѣдованій надъ отопленіемъ и вентиляціей. Нельзя не отнестись съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ предмету, избранному имъ для своей диссертаціи. Докторъ Бубновъ выбралъ для своей работы дѣйствительно животрепещущій вопросъ, и какъ бы малы ни были полученные имъ результаты, все же они содѣйствуютъ уясненію тѣхъ чрезвычайно сложныхъ явленій, которыя происходятъ при отопленіи и вентиляціи жилищъ. Санитарныя изслѣдованія этого рода еще далеки отъ желаемаго совершенства и по единогласному признанію многихъ ученыхъ, занимавшихся этими вопросами, научное рѣшеніе ихъ представляетъ значительныя затрудненія. Авторъ и самъ сознаетъ, что многаго еще остается желать, что гигіена еще не выработала вполнѣ, въ окончательной формѣ, тѣхъ требованій, которымъ безусловно должны удовлетворять приборы для отопленія и вентиляціи. Здѣсь не только въ деталяхъ, но и въ основныхъ требованіяхъ все еще существуютъ многія разногласія. Задача изслѣдователя-гигіениста, кромѣ того, весьма затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ области отопленія и вентиляціи гигіена весьма тѣсно соприкасается съ техникой, въ силу чего авторъ, наприм., вынужденъ былъ избѣгать технической стороны дѣла, какъ выходящей изъ сферы его спеціальности. Конечно, это не могло остаться безъ вліянія на характеръ изслѣдованія и на добытые результаты. Въ нихъ естественно долженъ былъ получиться нѣкоторый пробѣлъ, такой же, если не бо̀льшій, какъ и въ аналогичныхъ изслѣдованіяхъ спеціалистовъ-техниковъ, некомпетентныхъ въ гигіеническихъ вопросахъ. Подобныя работы, думается намъ, много выиграли бы, еслибъ предпринимались совмѣстно гигіенистами и техниками. „Мой трудъ,—говоритъ авторъ,—не даетъ отвѣта на вопросы, какую систему отопленія и вентиляціи должно предпочесть для каждаго даннаго зданія“; „мой трудъ,—продолжаетъ онъ далѣе,—можетъ указать лишь на нѣкоторые, хотя и несомнѣнные, факты, которые говорятъ, что работа нагрѣвательныхъ и вентиляціонныхъ приборовъ, построенныхъ даже сообразно съ санитарною программой, не всегда увовлетворительна съ санитарной точки зрѣнія и не всегда оправдываетъ теоретическіе разсчеты устроителя. Моя работа довольно наглядно, какъ мнѣ кажется, обнаруживаетъ, насколько необходимъ санитарный контроль надъ устраиваемыми у насъ нагрѣвательными и вентиляціонными приборами, особенно въ учрежденіяхъ общественныхъ“.

Трудъ доктора Бубнова представляетъ собою объемистый томъ въ 474 страницы и раздѣляется на десять главъ. Глава I заключаетъ въ себѣ историческій обзоръ санитарныхъ изслѣдованій надъ отопленіемъ

и вентиляціей; глава II—обзоръ инструментовъ и способовъ изслѣдованія; въ главѣ III разсматривается огне-воздушное отопленіе, связанное съ вентиляціей; въ главѣ IV—отопленіе обыкновенными голландскими печами; въ главѣ V—паровое отопленіе; въ глав. VI, VII, VIII и IX—водяное отопленіе; глава X-я посвящена общимъ выводамъ и заключеніямъ, а введеніе—обзору различныхъ системъ вентиляціи и отопленія съ санитарной точки зрѣнія. Въ концѣ каждой главы авторъ дѣлаетъ краткое резюме ея содержанія.

Отмѣтимъ важнѣйшіе выводы, къ которымъ пришелъ докторъ Бубновъ на основаніи своихъ изслѣдованій. Прежде всего, онъ приходитъ къ заключенію, что санитарныя условія нашихъ жилищъ въ отношеніи температуры комнатнаго воздуха являются достаточно удовлетворительными при всѣхъ центральныхъ системахъ отопленія; менѣе благопріятные результаты получились при отопленіи обыкновенными голландскими печами. Что же касается влажности комнатнаго воздуха, то она оказалась недостаточною при всѣхъ системахъ отопленія; при изслѣдованіи этого вопроса замѣчено, между прочимъ, весьма интересное явленіе, что стѣны жилищъ (отчасти мебель и т. п.) играютъ роль регулятора влажности въ нашихъ квартирахъ. Примѣняющіеся въ практикѣ способы увлажненія въ видѣ, наприм., плоскихъ сосудовъ съ водою, устанавливаемыхъ въ тепловыхъ и вентиляціонныхъ камерахъ, не удовлетворяютъ цѣли.

Въ отношеніи порчи комнатнаго воздуха продуктами сгоранія топлива естественно лучшими системами отопленія остаются водяное и паровое. Въ наибольшемъ количествѣ продукты сухой перегонки и пригоранія пыли, конечно, появляются въ воздухѣ при духовомъ отопленіи.

Обращаясь къ оцѣнкѣ вентиляціонныхъ приборовъ, авторъ отмѣчаетъ, что всѣ изслѣдованныя имъ системы вентиляціи не могутъ быть названы вполнѣ удовлетворительными въ санитарномъ отношеніи. Относительно каминовъ онъ утверждаетъ, что въ нашемъ климатѣ не можетъ быть допущено ихъ примѣненіе не только въ такихъ учрежденіяхъ, какъ больницы, но даже и въ частныхъ жилищахъ. Такъ какъ при вентиляціи помощью простыхъ вытяжныхъ каминовъ всегда происходитъ сообщеніе воздуха въ помѣщеніяхъ, даже раздѣленныхъ между собою глухими перегородками, то, по мнѣнію автора, камины должны быть безусловно исключены изъ больницъ, въ особенности когда есть основаніе опасаться переноса этимъ путемъ заразы. Въ заключеніе авторъ указываетъ, ссылаясь на примѣръ Запада, что въ этой области охраненія народнаго здравія, по крайней мѣрѣ, для учрежденій общественныхъ, необходимы извѣстныя законоположенія, причемъ законъ, конечно, долженъ ограничиваться лишь основными требованіями гигіены. Одной личной иниціативы представителей санитарной техники, хотя бы одушевленныхъ самыми лучшими желаніями, во всякомъ случаѣ, было бы недостаточно. Свои пожеланія авторъ формулируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) При устройствѣ отопленія и вентиляціи въ общественныхъ зданіяхъ, особенно въ школахъ, больницахъ и т. п., обязательно должны вырабатываться санитарныя программы; 2) при выборѣ той или другой системы отопленія и вентиляціи для общественныхъ зданій необходимо участіе не однихъ только техниковъ, но и врачей-гигіенистовъ; 3) контрольныя санитарныя изслѣдованія надъ отопленіемъ и вентиляціей должны производиться свѣдущими и безпристрастными лицами, причемъ контроль долженъ имѣть мѣсто не только послѣ выполненія того или другаго устройства, но и періодически, во

время его эксплуатаціи; 4) результаты контрольныхъ изслѣдованій должны предаваться гласности для того, чтобы они могли служить общимъ достояніемъ. Таково содержаніе интересной работы доктора Бубнова. Новаго, правда, она даетъ мало, еще разъ подтверждая, на основаніи опытныхъ данныхъ, то, что давно уже извѣстно относительно неудовлетворительности различныхъ, примѣняемыхъ въ практикѣ системъ отопленія и вентиляціи. Авторъ старательно ознакомился съ литературой предмета, дополнилъ личными наблюденіями то, что было недостаточно разработано предшествующими трудами. Большая заслуга автора уже въ томъ, что онъ затронулъ столь живой и общеинтересный вопросъ. Желательно, чтобы его работа обратила на себя вниманіе строителей и домовладѣльцевъ и не осталась безъ вниманія со стороны правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Руководство къ открытію фальсификаціи въ винѣ безъ помощи аппаратовъ, легкимъ, общедоступнымъ способомъ". *Рубинштейна.* — „Общедоступный спутникъ механика-строителя. *Иліодора Фелькнера.*— „Напряженіе въ балкахъ и усиленіе мостовъ". *Н. Бѣлелюбснаго.*

Руководство къ открытію фальсификаціи въ винѣ безъ помощи аппаратовъ, легкимъ, общедоступнымъ способомъ. Аптекаря Рубинштейна. Вильна, 1890 г. Ц. 40 коп. Въ краткомъ предисловіи авторъ объясняетъ, что онъ „поставилъ себѣ задачею явиться на помощь публикѣ, употребляющей вино, какъ обыкновенный напитокъ или какъ лѣкарство по назначенію врача, и указываетъ простѣйшіе способы открытія фальсификаціи въ винѣ и обнаруженія тѣхъ ядовитыхъ примѣсей, которыя такъ погубно дѣйствуютъ на организмъ не только больнаго, но и здороваго человѣка". Намѣреніе г. Рубинштейна безспорно заслуживаетъ всякой похвалы, и еслибъ ему дѣйствительно удалось найти простые, легко и скоро выполнимые пріемы для опредѣленія въ винѣ вредныхъ для здоровья примѣсей, то онъ безъ всякаго сомнѣнія заслужилъ бы благодарность всего здороваго и больнаго человѣчества.

Къ сожалѣнію, это задача весьма трудная и надъ ея рѣшеніемъ давно, но и до сихъ поръ безуспѣшно работаютъ химики и гигіенисты. Прежде всего автору можно поставить въ упрекъ недостаточное знакомство съ химическимъ составомъ и свойствами вина и не совсѣмъ вѣрное представленіе о томъ, что собственно нужно считать его фальсификаціей. Авторъ думаетъ, наприм., что при броженіи винограднаго сока „часть бѣлковыхъ веществъ превращается въ дрожжи, которыя способствуютъ дальнѣйшему разложенію жидкости, именно они превращаютъ часть крахмальныхъ веществъ въ сахаръ". Это совсѣмъ невѣрно. Бѣлковыя вещества никогда въ дрожжи не превращаются, а эти послѣднія не могутъ превращать въ сахаръ крахмалистыхъ веществъ по той простой причинѣ, что виноградный сокъ такихъ веществъ не содержитъ. Сообщая, наприм., что цвѣтъ вина зависитъ отъ цвѣта ягодъ, т.-е. что изъ краснаго винограда могутъ быть получаемы только красныя вина, авторъ совершенно упускаетъ изъ вида, что здѣсь важно то, какъ бродитъ виноградный сокъ, полученный изъ красныхъ ягодъ, на кожицѣ или безъ нея. Самъ по себѣ безцвѣтный сокъ послѣ броженія въ присутствіи кожицы становится краснымъ, потому что заключающееся въ кожицѣ красящее вещество нерастворимо въ водѣ,

но хорошо растворяется въ алкоголѣ. На стр. 14 совершенно неожиданно узнаемъ, что будто бы прибавляемые къ вину для букета сложные эѳиры получаются перегонкой изъ каменнаго угля и нефти (?!).

Что касается собственно фальсификаціи вина, то о ней авторъ, очевидно, имѣетъ не совсѣмъ вѣрное представленіе, если считаетъ особенно вредной подкраску винъ такими, въ сущности, совершенно безвредными веществами, какъ сженый сахаръ, шафранъ, черника и т. п. Въ большинствѣ случаевъ, красящія вещества, употребляемыя для подкрашиванія винъ, не могутъ оказывать вреднаго вліянія на здоровье, такъ какъ они и сами по себѣ не ядовиты, да, притомъ же, и количество ихъ въ винѣ настолько ничтожно, что не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо токсическомъ ихъ дѣйствіи.

Можно сомнѣваться даже, чтобы вина, подкрашенныя чистымъ фуксиномъ, были вредны для здоровья, если они не содержатъ никакихъ другихъ примѣсей. Существуютъ, конечно, и вредныя краски, но онѣ употребляются рѣдко. Поэтому авторъ напрасно увѣряетъ, что „на первомъ планѣ всякихъ фальсификацій стоитъ окраска вина, и что ее необходимо обнаружить", для чего и предлагается цѣлый рядъ способовъ, дѣйствительно простыхъ и удобовыполнимыхъ. Правда, строго говоря, въ случаѣ искусственнаго подкрашиванія, вино перестаетъ уже быть натуральнымъ и возбуждаетъ подозрѣніе, что въ немъ есть и другія примѣси, употребляемыя для исправленія вкуса, букета и пр. Съ другой стороны, также несомнѣнно, что нерѣдко винодѣлы ограничиваются одною подкраской, примѣняясь къ требованію потребителей, чтобы вино непремѣнно имѣло густой красный цвѣтъ.

Самыя пробы хотя и провѣрены авторомъ, но изложены вполнѣ эмпирически, безъ всякихъ почти разъясненій (возьми, налей и т. д.), что, конечно, весьма затрудняетъ ихъ критическую оцѣнку.

На стр. 18 авторъ выражаетъ желаніе, чтобы аптекамъ разрѣшена была продажа винъ, воспрещенная циркуляромъ мин. внутр. дѣлъ отъ 23 января 1888 г., за № 878. По его мнѣнію, это вполнѣ гарантировало бы и врачу, и больному полную доброкачественность вина. Съ этимъ, однако, можно не согласиться. Поддѣлку вина можно обнаружить, если оно куплено въ лавкѣ, при помощи аптекаря,—ну, а вино, продаваемое аптекаремъ (по аптекарской, разумѣется, таксѣ), необходимо брать на вѣру, такъ какъ въ этомъ случаѣ контроль является болѣе чѣмъ затруднительнымъ. Противъ аптеки больной уже совершенно беззащитенъ, хотя, можетъ быть, при продажѣ вина изъ аптекъ будетъ меньше злоупотребленій, чѣмъ это встрѣчается теперь.

Общедоступный спутникъ механика-строителя. Для мастеровъ, монтеровъ, машинистовъ и мастеровыхъ. Иліодора Фелькнера. Третье изданіе, исправленное и дополненное инженеръ-технологомъ А. А. Ладыгинымъ, съ 157 гравированными на деревѣ рисунками въ текстѣ. Изданіе Оглоблина. 1890 г. Цѣна 2 р. 25 к., съ пересылкою 2 р. 50 коп. Хорошая справочная книга необходима каждому механику. Къ ея помощи приходится обращаться на каждомъ шагу при всевозможныхъ разсчетахъ и вычисленіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, существующія справочныя книжки, будучи составлены, главнымъ образомъ, для техниковъ съ высшимъ образованіемъ, являются мало или совсѣмъ недоступными для механиковъ средней руки, мастеровъ, машинистовъ и т. п. Для нихъ-то именно и предназначается *Общедоступный спутникъ* Фелькнера, существенно отличающійся отъ всѣхъ другихъ подобнаго рода справочныхъ книгъ своею краткостью и осо-

бенною простотой въ изложеніи и въ выкладкахъ. Въ своемъ *Спутникѣ* авторъ ограничивается самыми простыми и удобопонятными разсчетами, для полнаго усвоенія которыхъ вполнѣ достаточно знакомства съ первыми четырьмя правилами ариѳметики, такъ какъ всѣ другія математическія свѣдѣнія по ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи, необходимыя для пользованія справочною книжкой, сообщаются въ началѣ *Спутника*. Такимъ образомъ, книга Фелькнера распадается на два отдѣла— общій и спеціальный. Въ первомъ приводятся общія математическія свѣдѣнія, второй же заключаетъ въ себѣ: сопротивленіе матеріаловъ, простѣйшія машины, гидравлику съ водяными двигателями, паровую механику съ паровыми машинами, насосы, гидравлическіе прессы, пожарныя машины, воздуходувки, мукомольныя мельницы, молота, чугунное и желѣзное производства и важнѣйшія данныя о вычерчиваніи и о размѣрахъ составныхъ частей машинъ. Далѣе слѣдуютъ таблицы скоростей, вѣса различныхъ сортовъ желѣза, чугунныхъ трубъ и т. п.

Всѣ отдѣлы справочной книжки Фелькнера обработаны весьма тщательно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Цифровыя данныя отличаются точностью. Изложеніе вездѣ почти сжато и ясно, за немногими развѣ исключеніями. Такъ, на стр. 226 непонятно выраженіе: „нагрѣвательная способность торфянаго угля близко подходитъ къ нему"; на стр. 113: „въ воротѣ скорость движенія силы (?) относится къ скорости движенія груза" и т. д.; на стр. 81: „дорога на разстояніи 142 саж. имѣетъ 8,5 саж. возстанія" (?). Можно бы указать и нѣкоторыя другія не совсѣмъ удачныя выраженія, но мы считаемъ это излишнимъ въ виду того, что всѣ подобнаго рода погрѣшности являются совершенно ничтожными по сравненію съ крупными достоинствами этого во многихъ отношеніяхъ прекраснаго труда. Мы только посовѣтовали бы автору въ послѣдующихъ изданіяхъ исправить нѣкоторыя не совсѣмъ удачныя выраженія, что поможетъ его *Спутнику* въ еще бо́льшей степени сдѣлаться общедоступнымъ.

Вообще говоря, *Спутникъ* Фелькнера представляетъ собою лучшую общедоступную справочную книжку. Издана она очень хорошо, рисунки выполнены отчетливо и цѣна назначена весьма умѣренная.

Напряженія въ балкахъ и усиленіе мостовъ. Н. Бѣлелюбскаго. Извлеченіе изъ „Извѣстій собранія инженеровъ путей сообщенія". 1890 г. Извѣстный спеціалистъ по постройкѣ мостовъ, проф. Бѣлелюбскій, затрогиваетъ въ своей брошюрѣ весьма важный вопросъ о необходимости усиленія прочности желѣзно-дорожныхъ мостовъ. Извѣстно, что со времени постройки многихъ изъ нихъ условія движенія поѣздовъ рѣзко измѣнились (появились, напримѣръ, тяжелые восьми-колесные паровозы и т. п.) и, кромѣ того, съ тѣхъ поръ многому научились, многое узнали, на что прежде не обращали вниманія. Старые мосты требуютъ поэтому повѣрочныхъ разсчетовъ и надлежащей передѣлки съ цѣлью увеличенія ихъ прочности, а для наиболѣе слабыхъ изъ нихъ, если они почему-либо неудобны для передѣлки, необходимъ тщательный надзоръ и возможное уменьшеніе напряженій, которымъ подвергается сооруженіе (уменьшеніе скорости движенія, запрещеніе двойной тяги).

Вопросъ этотъ въ послѣднее время обращаетъ на себя серьезное вниманіе и за границей, въ особенности въ Австріи, гдѣ послѣ крушенія одного желѣзно-дорожнаго моста (года три тому назадъ) весьма энергично принялись за осмотръ и укрѣпленіе мостовъ. Можно, разумѣется, пожалѣть, что это не было сдѣлано раньше. Для спеціалистовъ брошюра проф. Бѣлелюбскаго представляетъ огромный интересъ, такъ

какъ въ ней приведены нѣкоторыя весьма цѣнныя указанія по вопросу, затронутому авторомъ. Неспеціалисты отнесутся къ ней съ большимъ сочувствіемъ потому, что цѣль ея—обратить вниманіе на необходимость увеличить безопасность движенія по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ.

УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Русская исторія для народныхъ школъ". *Н. Горбова.*—„Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу". *В. Острогорскаго.* — „Начатки русской грамматики для народныхъ школъ". *Вл. Ермилова.*

Русская исторія для народныхъ школъ. Н. Горбова. М., 1890 г. Цѣна 20 к. Книжка г. Горбова написана просто и живо. Авторъ отводитъ въ ней сравнительно много мѣста разсказамъ изъ исторіи церковной. Встрѣчаются у г. Горбова и нѣкоторыя странности. Онъ увѣряетъ, напримѣръ, что въ десятилѣтнемъ Петрѣ „всѣ видѣли, что очень скоро онъ будетъ въ состояніи управлять царствомъ, и управлять какъ никто" (стр. 111). Павелъ I,—пишетъ г. Горбовъ,—„не хотѣлъ сперва воевать (съ Франціей) и приказалъ прекратить начатыя приготовленія. Враги Суворова воспользовались *этимъ* (чѣмъ?) и оклеветали его предъ императоромъ" (стр. 144). Послѣ того, какъ въ Швейцаріи французы разбили наши войска, они, по увѣренію г. Горбова, „видя, что русскихъ невозможно одолѣть, отказались отъ борьбы съ ними" (стр. 148). Это—историческая неправда, очень дурнаго тона патріотизмъ. Русскія войска считаютъ въ своей исторіи много дѣйствительныхъ и громкихъ побѣдъ, и безнравственно вводить въ народную школу преднамѣренное заблужденіе, грубый шовинизмъ. Про бородинскую битву г. Горбовъ *изъ патріотизма* говоритъ слѣдующее: „Французы дѣлали все, что могли, но русскіе оказались непобѣдимыми". Послѣ сверженія Наполеона I— „для жительства ему *отдали* одинъ пустынный островъ среди Атлантическаго океана, островъ Святой Елены".

Въ немногихъ случаяхъ и языкъ г. Горбова страдаетъ небрежностью. Вотъ, напримѣръ, удивительная фраза: „Такимъ образомъ, когда настало, наконецъ, время креститься всему русскому народу, это произошло гораздо легче, *чѣмъ какъ если бы дотолѣ* никто и не слыхалъ объ истинной вѣрѣ" (стр. 12). Нельзя не поставить автору въ большую заслугу, что онъ отвелъ нѣсколько страничекъ сочувственному разсказу объ освобожденіи крестьянъ, о введеніи земскихъ учрежденій и о судебныхъ уставахъ 1864 года.

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Виктора Острогорскаго. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к. Книга г. Острогорскаго выходитъ третьимъ изданіемъ. Она пользуется вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Въ новомъ изданіи прибавлено семь новыхъ статей (о Батюшковѣ, Веневитиновѣ, Баратынскомъ, Языковѣ, Плещеевѣ, Гончаровѣ, Некрасовѣ). Разсмотрѣны многія новыя произведенія тѣхъ писателей, которые входили въ составъ первыхъ двухъ изданій. Во введеніи авторъ говоритъ о книгахъ художественнаго содержанія для чтенія народу. Г. Острогорскій справедливо указываетъ на то, что разумныя устройства художественнаго отдѣла школьныхъ библіотекъ, основанія народныхъ читаленъ съ хорошими чтецами, праздничныхъ чтеній и составленіе дешевыхъ сокращенныхъ изданій произведеній талантливѣйшихъ нашихъ

писателей есть дѣло неотложной необходимости. Особеннаго вниманія заслуживаютъ разборы произведеній новѣйшихъ нашихъ писателей: Тургенева, Некрасова, Гончарова, Толстаго, которыхъ игнорируетъ наша классическая школа. Новѣйшимъ разсказамъ графа Л. Н. Толстаго г. Острогорскій посвятилъ много хорошихъ страницъ. Авторъ справедливо возстаетъ противъ непротивленія злу, чертовщины и изображенія въ смѣшномъ видѣ умственнаго труда. Пріятно видѣть въ книгѣ г. Острогорскаго обстоятельный разборъ произведеній Тургенева, котораго авторъ называетъ *едва ли не симпатичнѣйшимъ русскимъ писателемъ*. Нельзя не пожелать третьему изданію *Русскихъ писателей* такого же успѣха, какой имѣли два первыя изданія.

Начатки русской грамматики для народныхъ школъ съ приложеніемъ матеріала для практическихъ упражненій. (Самая краткая грамматика). Сост. Владиміръ Ермиловъ. Воронежъ, 1890 г. Цѣна 15 коп. Задавшись цѣлью составить возможно краткій учебникъ русской грамматики для народныхъ школъ, г. Ермиловъ не помѣщаетъ въ своей книжкѣ многихъ правилъ правописанія, которыя, по его мнѣнію, могутъ быть пріобрѣтены путемъ навыка. Намъ кажется не особенно удачнымъ такое сокращеніе грамматики, во-первыхъ, потому, что нельзя точно указать, какія правила усвоиваются посредствомъ навыка, а, во-вторыхъ, потому еще, что при этомъ приходится пропускать нѣкоторыя основныя правила грамматики (требующія особаго навыка) и говорить о подробностяхъ (не требующихъ особаго навыка). Такъ случилось и съ авторомъ *Начатковъ*: онъ ни слова не говоритъ о цѣлыхъ частяхъ рѣчи, наприм., нарѣчіи и мѣстоименіи, и останавливается на подробностяхъ вопросительнаго и восклицательнаго знаковъ. Хотя критерій для сужденія о томъ, что пріобрѣтается путемъ навыка, есть дѣло многолѣтняго опыта, но смѣемъ думать, что и въ этомъ отношеніи не особенно удачно составлена разбираемая нами книжка.

Самыя грамматическія правила изложены авторомъ ясно и матеріалъ для практическихъ работъ подобранъ хорошо.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Wielka encyclopedya powszechna ilustrowana“.

Wielka encyclopedya powszechna ilustrowana. Warszawa, 1890. Zeszyt 1—9. A—Alea (1—584). Передъ нами первые девять выпусковъ польской всеобщей энциклопедіи, напоминающей намъ подобное же русское изданіе проф. Андреевскаго: сравненіе между обоими только что начатыми предпріятіями напрашивается само собою, и мы не будемъ его взбѣгать. Во главѣ варшавскаго изданія стоитъ комитетъ изъ 16 лицъ, имена которыхъ объявлены на первыхъ страницахъ перваго выпуска; какъ видно изъ списка, все это извѣстные польскіе литераторы и ученые. Въ небольшомъ предисловіи издатели сообщаютъ цѣль задуманнаго предпріятія: имѣется въ виду дать польскимъ читателямъ матеріалъ, заимствованный изъ новѣйшихъ иностранныхъ энциклопедій и дополненный самостоятельными статьями мѣстныхъ спеціалистовъ по предметамъ, имѣющимъ спеціальное отношеніе къ Польшѣ. Всѣ обработанныя спеціально или переработанныя статьи подписываются иниціалами сотрудниковъ, число которыхъ, постепенно увеличиваясь, доходитъ въ 9 выпускѣ до 70. При ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ вышедшихъ выпусковъ, не трудно замѣтить, что въ основу новаго

словаря положенъ тотъ же *Conversations-Lexicon* Брокгауза, который лежитъ въ основѣ и словаря г. Андреевскаго. Но обработанъ этотъ заимствованный матеріалъ въ обѣихъ энциклопедіяхъ совершенно различно. Тѣ статьи Брокгауза, которыя приняты въ русскій словарь, почти всегда переведены буквально—очень неопытными переводчиками: языкъ въ нихъ тяжелый, транскрипція собственныхъ именъ совершенно невѣжественная; не говоримъ уже объ искаженіи мѣстами смысла переводныхъ статей. Надо думать, для чести профессора, хотя не для чести редактора, что большая часть этихъ статей появилась въ печати, не будучи просмотрѣна редакторомъ. Напротивъ, сколько мы можемъ судить послѣ тщательнаго просмотра польскаго словаря, почти ни одна статья не переведена буквально: всѣ онѣ перередактированы лицами, понимавшими ихъ содержаніе и могшими отнестись къ нему сознательно и критически. Содержаніе это всегда передано въ польскомъ словарѣ короче, съ опущеніемъ второстепенныхъ фактическихъ подробностей и съ разъясненіемъ условныхъ лаконизмовъ нѣмецкаго словаря. Въ результатѣ—*Encyclopedya powszechna* значительно уступаетъ Брокгаузу въ обиліи фактическихъ данныхъ, большею частью сохраненныхъ въ буквальномъ переводѣ проф. Андреевскаго, но превосходитъ *Conversations-Lexicon* въ удобочитаемости. Этому не мало содѣйствуетъ и то, что издатели часто сводятъ въ одну статью данныя, разбросанныя у Брокгауза подъ разными спеціальными названіями. Мы думаемъ, однако, что,—если смотрѣть на энциклопедическій словарь какъ на книгу для *справокъ*, а не для *чтенія*,—врядъ ли слѣдуетъ разрушать форму изложенія, выработанную въ классической странѣ *Conversations-Lexicon*'овъ.

Переходимъ къ самостоятельнымъ статьямъ польской энциклопедіи. Эта часть не идетъ уже ни въ какое сравненіе съ соотвѣтственною частью словаря г. Андреевскаго. Если выключить неумѣлыя сокращенія біографій русскихъ писателей изъ словаря Венгерова и заимствованія изъ географическаго словаря Семенова и изъ превосходнаго, но все же устарѣлаго словаря ученыхъ и литераторовъ 1861 г., то самостоятельно составленныя статьи представятся одиночными исключеніями въ двухъ полутомахъ г. Андреевскаго. Издатели польской энциклопедіи имѣли также передъ собой старый матеріалъ въ знаменитой *Encyclopedya powszechna* изд. Оргельбранда (1-й томъ въ 1859 г.). Иногда они и пользуются старою энциклопедіей, но большею частью относятся къ ней совершенно самостоятельно и часто только ссылаются на нее при библіографическихъ указаніяхъ; иногда можно даже упрекнуть авторовъ, что они — изъ авторской щекотливости, очевидно — опускаютъ много цѣнныхъ указаній стараго словаря (напримѣръ, изъ статей Бартошевича). Самостоятельныя статьи новаго словаря касаются, прежде всего, конечно, спеціально польскихъ отношеній: укажемъ въ этомъ ряду на обширную статью П. Хмѣлевскаго о краковской академіи. Но масса самостоятельныхъ статей замѣняетъ болѣе короткія статьи Брокгауза и по другимъ отдѣламъ. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе переработка ряда географическихъ статей польскими учеными (*Абиссинія* и *Афганистанъ*—Малковскаго, *Африка*—Шумовскаго самыя большія); при многихъ статьяхъ даны добавочныя иллюстраціи; есть цѣлый хромолитографированный листъ африканскихъ племенъ и этнографическая карта Африки. По другимъ отдѣламъ обращаютъ на себя вниманіе множество самостоятельныхъ статей: по исторіи—Корзона, по исторіи литературы, философіи, искусства—Смоликовскаго, по языковѣдѣнію—

Крынскаго, по ботаникѣ—Александровича, сотрудника старой энциклопедіи, по минералогіи—Карловича, по физикѣ—Стан. Крамштыка и др. Чтобы приблизительно оцѣнить, въ какой степени эти самостоятельныя статьи расширили содержаніе лексикона Брокгауза, достаточно упомянуть, что, при приблизительно одинаковой вмѣстимости страницы, послѣднее слово 9 выпуска новаго словаря (584 стр.) находится на 368 стр. Брокгауза и на той же 368-й страницѣ въ старой *Encyclopedia powszechna*, при вмѣстимости послѣдней въ полтора раза меньшей.

Съ грустнымъ чувствомъ кончаемъ мы эту замѣтку. Неужели то, что возможно въ Варшавѣ, слѣдуетъ признать невозможнымъ въ Петербургѣ, и неужели извѣстный русскій профессоръ взялся за дѣло для того, чтобы на нѣсколько десятилѣтій отодвинуть его удачное осуществленіе? Мы, конечно, надѣемся, что продолженіе русскаго словаря будетъ удачнѣе, чѣмъ его начало; но не ясно ли само по себѣ, что для успѣха дѣла нужны три вещи, которыя всѣ налицо—въ варшавскомъ изданіи, и всѣ отсутствуютъ—въ петербургскомъ: 1) организація *комитета* изъ компетентныхъ лицъ, которыя завѣдовали бы редактированіемъ отдѣловъ; 2) подборъ порядочныхъ *переводчиковъ* и компетентная провѣрка ихъ работы; 3) привлеченіе кружка дѣйствительныхъ, а не титулярныхъ только *сотрудниковъ*, съ своевременнымъ указаніемъ доли ихъ самостоятельнаго участія въ словарѣ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *октябрь.* — „Сѣверный Вѣстникъ“, *августъ—октябрь.* — „Юридическій Вѣстникъ“, *январь—августъ.*

Вѣстникъ Европы, *октябрь*. Въ настоящей книгѣ помѣщено начало *Воспоминаній* маститаго ученаго, профессора Буслаева. И что̀ прежде всего бросается на видъ въ очеркахъ знаменитаго русскаго филолога,—это именно образцовый, выхоленный, до мельчайшихъ мелочей правильный языкъ, которымъ они написаны. Это рѣчь безупречная, спокойная, ровная, продолжающаяся все въ одномъ и томъ же тонѣ, ни разу не повышаясь, не понижаясь,— рѣчь, не волнуемая ни страстью, ни смѣхомъ, ни горемъ. Такимъ языкомъ, дѣйствительно, могутъ писать только академики, а не простые смертные.

То, что напечатано нынѣ изъ *Моихъ воспоминаній*, относится къ 30-мъ гг., когда г. Буслаевъ былъ студентомъ Московскаго университета. Авторъ подробно, можно сказать—любовно, какъ истый старый студентъ, останавливается на топографіи Московскаго университета тѣхъ временъ; кромѣ того, онъ разсказываетъ о нравахъ тогдашнихъ студентовъ, о жизни ихъ въ „казенныхъ номерахъ“, т.-е. въ общежитіи, существовавшемъ въ стѣнахъ самаго университета, приводитъ нѣсколько анекдотовъ, характеризуетъ своихъ товарищей по общежитію. Любопытны нѣкоторые анекдоты о ночныхъ похожденіяхъ и уличномъ буйствѣ тогдашнихъ питомцевъ университета, проводившихъ обыкновенно свои досуги и вечера въ „Желѣзномъ“ трактирѣ, названномъ ими такъ потому, что онъ помѣщался надъ лавками, въ которыхъ и теперь торгуютъ желѣзомъ—насупротивъ Александровскаго сада. Иногда разгоряченнымъ головамъ приходило на мысль возвращаться въ университетъ въ видѣ торжественной процессіи, сидя верхомъ на извощичьихъ лошадяхъ и держась руками за дугу. „И вотъ, при свѣтѣ луны, вдоль Александровскаго сада плетется гуськомъ небывалая процессія,

оглашаемая хохотомъ и криками. Другой разъ,—продолжаетъ разсказчикъ,—мы охмѣлѣли въ воинственномъ расположеніи духа; мы были въ мундирахъ, со шпагой и съ треуголкой на головѣ. Намъ пришла счастливая мысль обревизовать будочниковъ, исправно ли они сторожатъ при своихъ будкахъ, и кто изъ нихъ не сдѣлаетъ намъ честь подъ козырекъ, подобающую нашему офицерскому чину, того колотить. Не знаю, сколько мы совершили опытовъ такого дозора, хорошо помню только вотъ что: каждый разъ, какъ только кто изъ насъ обидитъ будочника, тотчасъ же сунетъ ему въ руку гривенникъ или пятиалтынный сердобольный К. А. Коссовичъ, который тогда находился въ числѣ насъ". Надо признать этотъ анекдотъ чистымъ перломъ въ смыслѣ характеристики тогдашнихъ нравовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Буслаевъ свидѣтельствуетъ, что подобные анекдоты происходили не отъ винныхъ паровъ, ибо студенты пьянѣли, главнымъ образомъ, отъ веселья молодаго разгула и избытка силъ. Въ сущности, они были очень умѣренны въ жертвоприношеніяхъ Бахусу, хотя бы ужъ по той причинѣ, что средства у большинства были крайне ограниченныя: роскошью считалось взять въ трактирѣ „цѣлую порцію чего-нибудь на цѣлый двугривенный или четвертакъ". Любопытны вышеприведенные и другіе подобные анекдоты, особенно въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ относительная свобода въ уличной распущенности и драчливомъ дебоширствѣ существовала рядомъ съ полнѣйшимъ безправіемъ студента и строжайшими наказаніями въ другихъ случаяхъ,—явленіе, какъ разъ обратное тому, что вырабатывала, напримѣръ, традиція англійскихъ университетовъ, какъ это увидимъ ниже, въ статьѣ г. Клейбера.

Такъ, рядомъ съ веселыми анекдотами г. Буслаевъ приводитъ „тяжелое воспоминаніе". „Былъ одинъ медикъ, уже послѣдняго курса, можно сказать, пожилой въ сравненіи съ нами. Фамиліи его не припомню. Приходимъ мы обѣдать, и только что разсѣлись по своимъ мѣстамъ,—на пустомъ пространствѣ, между столами, появилась фигура въ солдатской шинели, и медленными шагами, понуривъ голову, стала приближаться. Это былъ тотъ самый студентъ. Мы были взволнованы и потрясены неожиданнымъ впечатлѣніемъ жалости и горя, потому что хорошо понимали весь ужасъ этого шутовскаго маскарада. Медленно и тихо прошелъ онъ далѣе и сѣлъ у окна за маленькимъ столикомъ, назначеннымъ для его обѣда.

„За большіе проступки наказывали тогда студентовъ солдатчиною. На первый разъ, въ видѣ угрозы и для острастки другимъ, виновный только облекался въ солдатскую сермягу и какъ бы выставлялся на позоръ, если же потомъ снова провинится, ему брили лобъ... Тогда зачастую слышалась угроза солдатчиною, и спустя много лѣтъ послѣ того мерещилось мнѣ иногда во снѣ, что мнѣ брѣютъ лобъ, и я надѣваю на себя солдатскую аммуницію".

Г. Буслаевъ провелъ въ казенныхъ номерахъ Московскаго университета всѣ четыре года и тщательно вырисовываетъ портреты своихъ сожителей, изъ которыхъ особенно выдѣляются извѣстные впослѣдствіи ученые Коссовичъ и Классовскій. Что касается самого автора, то о развитіи его за это время, да и вообще о его личности воспоминанія скромно умалчиваютъ. Изъ нихъ можно вывести только, что г. Буслаевъ былъ примѣрный студентъ, очень усердно занимавшійся, и что онъ всегда умѣлъ извлекать пользу изъ счастливой судьбы, посылавшей ему въ товарищи по номеру студентовъ уже съ большими свѣдѣніями по части языкознанія. Быть можетъ, вліяніе ихъ и опредѣлило самое на-

правленіе знаній и работъ будущаго знаменитаго филолога. Такъ, Классовскому авторъ былъ обязанъ успѣхами во французскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ; Коссовичъ училъ его по-санскритски; Еленевъ своею страстью къ чтенію романовъ повліялъ на г. Буслаева тѣмъ, что познакомилъ его съ Вальтеръ Скотомъ; чрезвычайно способный литвинъ, Войцѣховскій, помогалъ ему въ занятіяхъ и сталъ учить его по-еврейски...

Отъ университетскихъ воспоминаній г. Буслаева переходъ къ англійскимъ университетамъ, съ которыми знакомитъ статья г. Клейбера *Кембриджскій университетъ*, и довольно близокъ, и очень далекъ.

Очеркъ г. Клейбера могъ бы привлечь не мало читателей, если бы, къ сожалѣнію, не былъ написанъ такъ скучно и спеціально. Личныя наблюденія надъ богатою внутреннею жизнью заграничнаго университета, надъ степенью независимости науки и свободы каѳедръ новѣйшихъ знаній въ консервативнѣйшихъ по духу образовательныхъ учрежденіяхъ, какими издавна слывутъ Кембриджъ и Оксфордъ, сохранившіе во многомъ свой средневѣковый характеръ, сравненіе ихъ порядковъ съ таковыми въ другихъ странахъ,—все это имѣетъ много общаго интереса, который не удовлетворяется настоящимъ очень обширнымъ очеркомъ. Послѣдній носитъ болѣе всего характеръ справочной статьи для тѣхъ, кто, подобно г. Клейберу, вздумалъ бы отправиться въ Кембриджъ слушать лекціи по какому-нибудь спеціальному предмету. Здѣсь встрѣчаются многочисленныя точныя цифры всевозможныхъ платъ за различныя категоріи университетскаго курса и экзаменовъ, подробно разработанъ вопросъ о квартирѣ, описаны одежда, общіе обѣды и прочія детали внѣшней организаціи университета; наконецъ, значительную долю страницъ занимаютъ программы общихъ и спеціальныхъ экзаменовъ по разнымъ предметамъ, которыя, однако, сами себѣ не въ состояніи дать полнаго представленія о широтѣ и духѣ преподаванія, высотѣ той или иной каѳедры. Да и въ указанномъ практическомъ смыслѣ личныя живыя впечатлѣнія студента отъ пережитаго ихъ въ Кембриджѣ едва ли не были бы предпочтительнѣе сухаго перечня вопросовъ по математикѣ, классическимъ языкамъ и пр., списка ученыхъ степеней, золотыхъ медалей и т. п. свѣдѣній, которыя желающіе всегда могли бы при нуждѣ почерпнуть изъ спеціальныхъ источниковъ, вродѣ *Кембриджскаго университетскаго календаря*. Самъ авторъ поступилъ въ число междуколлегіальныхъ студентовъ, ибо коллегіальныя лекціи Кембриджскаго университета, по свидѣтельству его, имѣютъ болѣе элементарный, такъ сказать, техническій характеръ. Вообще, совѣтуя окончившимъ у насъ университетъ завершать свое образованіе въ Кембриджѣ или Оксфордѣ, вмѣсто обычныхъ нѣмецкихъ университетовъ, г. Клейберъ недостаточно мотивируетъ желательность подобнаго предпочтенія. Вездѣ, гдѣ у автора попадаются сужденія объ университетскомъ преподаваніи въ Англіи, они не говорятъ въ пользу такого предпочтенія, ибо г. Клейберъ останавливается преимущественно на недостаткахъ его, не указывая достоинствъ. Преподаваніе это, по его замѣчаніямъ, рисуется чрезвычайно узкимъ, одностороннимъ, носитъ „техническій характеръ" и должно непремѣнно сопровождаться помощью особаго, очень дорого стоющаго „тютора" или, по-студенчески „извощика", ибо тюторъ перевозитъ студента на экзаменахъ. Къ нему долженъ былъ прибѣгнуть и авторъ. Программы экзаменовъ на баккалавра, по свидѣтельству послѣдняго, очень неполны, односторонни и не только уступаютъ нашему университетскому курсу, но являются скорѣе экзаменомъ на аттестатъ зрѣ-

лости. Даже выше, при еще болѣе спеціальныхъ экзаменахъ, англійское образованіе являетъ огромные пробѣлы: спеціалистъ по естественнымъ наукамъ сдаетъ экзаменъ только по одной изъ главныхъ областей, наприм., только по ботаникѣ, и можетъ ничего не знать изъ химіи и зоологіи, а спеціалистъ по математикѣ не знаетъ астрономіи, физической географіи, метеорологіи и т. п.

Между тѣмъ, этотъ практическій характеръ очерка г. Клейбера со множествомъ излишнихъ подробностей сильно заслоняетъ общелитературное значеніе и интересъ, который несомнѣнно имѣютъ нѣкоторыя страницы его. Къ нимъ относится, наприм., описаніе любопытныхъ отношеній англійскаго университета къ своимъ „членамъ“, т.-е. въ томъ числѣ къ студентамъ. Такъ, г. Клейберъ приводитъ цѣлую серію мелкихъ правилъ, которыми университетъ опутываетъ какъ студентовъ, живущихъ въ коллегіяхъ, такъ и тѣхъ, которые поселяются на частныхъ квартирахъ, заставляя по договору слѣдить за ихъ выполненіемъ квартирныхъ хозяевъ. Сюда относится недозволеніе студенту выходитъ изъ дому и впускать къ нему извнѣ постороннихъ лицъ позже 10 часовъ вечера, запрещеніе студентамъ возвращаться послѣ полуночи, запрещеніе ночевать внѣ дома, устраивать у себя пирушки и т. п.; также обязанность студентовъ посѣщать извѣстный minimum лекцій, извѣстное число разъ въ недѣлю обѣдать въ калледжѣ, часто посѣщать церковную службу и проч. Изъ наказаній за нарушеніе статутовъ г. Клейберъ говоритъ лишь о денежныхъ штрафахъ, объ увеличенія для провинившихся нѣкоторыхъ стѣсненій, но нигдѣ не упоминаетъ ни объ исключеніи изъ университета, ни о какихъ-либо иныхъ запрещеніяхъ продолжать образованіе. Многія изъ правилъ, очевидно, не исполняются буквально, такъ какъ они не мѣшаютъ студентамъ вести жизнь, полную довольства, развлеченій и веселья, вовсе не похожую на монашескую. Что касается, наприм., обязательнаго посѣщенія церковныхъ службъ, то строгость этого правила ослабляется уже тѣмъ, что всякій студентъ имѣетъ право отказаться отъ посѣщенія церкви, если совѣсть ему этого не дозволяетъ.

Наконецъ, рядомъ съ дисциплинарными стѣсненіями въ нѣкоторыхъ вещахъ существуетъ полная свобода въ другихъ, болѣе существенныхъ и важныхъ. Не говоря уже о томъ, что въ стѣнахъ своего дома студентъ вполнѣ неприкосновененъ для дѣйствія помянутыхъ правилъ, что товарищи его по квартирѣ или колледжу могутъ собираться у него когда и какъ угодно, студенты Кембриджа рѣшительно не стѣснены ни въ какихъ общественныхъ или иныхъ начинаніяхъ. „Для сходокъ или собраній въ зданіи колледжей, или въ частныхъ квартирахъ, нѣтъ иныхъ ограниченій, кромѣ времени. Студенты могутъ основывать общества, занимающіяся чѣмъ угодно, начиная отъ игры въ вистъ или куренія табаку и кончая дебатированіемъ соціалистическихъ программъ; въ этомъ отношеніи имъ предоставлена полная свобода. Студенты могутъ писать и печатать что угодно“... Особенно много организуется между ними обществъ разнаго спорта и игръ на воздухѣ. Но, кромѣ того, существуютъ всевозможные кружки и общества—„этическіе“, „политическіе“ и проч.; каждый колледжъ имѣетъ свое „дебатирующее общество“, помимо которыхъ существуетъ еще общеуниверситетская „Унія“,—общество, на которое студенты смотрятъ какъ на школу для подготовленія къ будущей дѣятельности въ обществѣ и въ парламентѣ. „Игры на первомъ планѣ, затѣмъ лекціи, религія, наконецъ, политика—вотъ главные предметы, которые волею или неволею постоянно за-

нимаютъ вниманіе кембриджскаго студента". Такъ характеризуетъ г. Клейберъ жизнь англійскаго студенчества, и эти немногія слова даютъ полное понятіе, насколько всесторонне въ физическомъ и умственномъ смыслѣ развивается личность студента въ самомъ консервативномъ по духу и традиціямъ образовательномъ учрежденіи Стараго Свѣта. Обезпеченный или родителями, или крупною степендіей, обезпеченный въ занятіяхъ помощью „тютора", англійскій студентъ ведетъ жизнь, недосягаемую для студентовъ другихъ странъ по ея полнотѣ, беззаботности и комфорту. Онъ, вѣроятно, не могъ бы вмѣстить представленія о совершенно противуположномъ существованіи многихъ коллегъ своихъ на континентѣ и счелъ бы за грубую мистификацію, если бы ему сказали, что на свѣтѣ попадаются студенты, которые по бѣдности должны во время прохожденія курса исполнять обязанности истопника, ламповщика и т. под., какъ это недавно сообщалось въ нашихъ газетахъ о студентахъ Томскаго университета.

Свобода общественнаго развитія кембриджскихъ студентовъ не мѣшаетъ сильному вліянію на нихъ строго-консервативнаго и религіознаго духа воспитывающаго ихъ учрежденія, что сказывается, напримѣръ, на характерѣ преній въ упомянутой „Уніи". Однако, въ свою очередь во многомъ духъ этотъ уступаетъ требованіямъ времени. Такъ, несмотря на весь свой консерватизмъ, Кембриджскій университетъ допустилъ къ прохожденію университетскаго курса женщинъ, и теперь при немъ существуютъ уже двѣ женскія коллегіи.

Весьма жгучій вопросъ разбирается г-жею Макъ-Гаханъ въ сообщеніи ея объ *Европейской эмиграціи* въ Америкѣ. То, что напечатано изъ него въ настоящей книгѣ *Вѣстника Европы*, задѣваетъ косвенно одинъ изъ печальнѣйшихъ и запутанныхъ вопросовъ русской современности— вопросъ еврейскій, ибо здѣсь очень много говорится объ эмигрантахъ-евреяхъ, переселившихся въ Соединенные Штаты изъ южной Россіи и Польши.

Общій вопросъ объ европейской эмиграціи получилъ тамъ въ послѣдніе годы особенную напряженность вслѣдствіе того, что составъ переселенцевъ въ это время уже далеко не тотъ, что былъ ранѣе, до 60 гг. Съ этого времени въ Америку, все усиливаясь, начался приливъ самаго невѣжественнаго и обнищалаго населенія Европы; и эти-то эмигранты, по мнѣнію американцевъ, могутъ нанести серьезный подрывъ соціальному строю жизни въ Соединенныхъ Штатахъ. Приливъ несмѣтныхъ полчищъ невѣжественныхъ, заѣденныхъ нуждою эмигрантовъ изъ Европы угрожаетъ серьезною опасностью свободнымъ учрежденіямъ нашей страны,—говорятъ они. — Эти новѣйшіе гунны уже не сливаются съ природнымъ населеніемъ страны, а ему самому прививаютъ свои отличительныя черты и пороки". Тревога по поводу нашествія „гунновъ" охватила разные классы американскаго общества и вызвала сильное анти-эмиграціонное движеніе, практическимъ слѣдствіемъ котораго было тщательное изслѣдованіе вопроса и изданіе нѣкоторыхъ законовъ, ограничивающихъ безконтрольный наплывъ эмигрантовъ въ Соединенные Штаты.

Какъ парламентская коммиссія, такъ и частныя наблюденія выяснили три рода опасностей, которыми грозитъ Америкѣ нынѣшній составъ эмиграціи. Оказалось, во-первыхъ, что европейскія государства сознательно направляютъ въ американское русло всѣ свои дурные соки, содѣйствуя всѣми способами переселенію туда идіотовъ, нищихъ, калѣкъ, преступниковъ, выпущенныхъ изъ тюремъ. Затѣмъ сюда относится мас

нищаго люда, вербуемая среди подонковъ городскаго населенія Европы агентами желѣзно-дорожныхъ и промышленныхъ компаній, съ цѣлью доставить имъ болѣе дешевыхъ рабочихъ, что, разумѣется, способствуетъ пониженію заработной платы американскихъ рабочихъ. Наконецъ, очень серьезная опасность грозитъ еще отъ некультурности, умственной отсталости и равнодушія къ соціальнымъ улучшеніямъ со стороны вообще той части эмиграціи, которая стала являться теперь. Авторъ приводитъ мнѣніе такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ глава обширной ассоціаціи „Рыцарей труда“—Поудерли, который въ своемъ протестѣ противъ современной иммиграціи въ Америку отстаиваетъ не только интересы рабочей партіи, страдающіе отъ прилива дешевыхъ рукъ, но также интересы цивилизаціи и соціальнаго прогресса, которымъ они грозятъ своею неразвитостью и индифферентизмомъ, „Люди эти,—говоритъ онъ,—прибывающіе къ намъ изъ странъ угнетенныхъ, не иначе понимаютъ свободу, какъ въ смыслѣ распущенности. Не только бытомъ и примѣромъ своимъ вліяютъ эти пришельцы пагубнымъ образомъ на американцевъ, но ихъ невѣжество вноситъ растлѣніе въ общественную жизнь, подкапываетъ самыя цѣнныя привилегіи свободной націи. Хозяева гуртомъ отправляютъ этихъ невѣжественныхъ рабочихъ къ мѣстамъ подачи голосовъ съ приказаніемъ вотировать за того или другого кандитата“.

Личныя наблюденія надъ жизнью новѣйшей эмиграціи, осѣдающей исключительно въ Нью-Йоркѣ и большихъ городахъ,—наблюденія, передаваемыя г-жею Макъ-Гаханъ со словъ молодыхъ врачей бѣднѣйшихъ кварталовъ, агентовъ благотворительныхъ обществъ, женщинъ-врачей и т. под.,—показываютъ дѣйствительно, что американцы имѣютъ основаніе думать и хлопотать, какъ они говорятъ, о „самозащитѣ“.

Авторъ рисуетъ, прежде всего, жизнь, евреевъ, какъ самаго бѣднаго, невѣжественнаго и грязнаго слоя современной иммиграціи въ Америкѣ. Въ описаніи ихъ кварталовъ, жилищъ и главнаго сборнаго пункта, „Свиного рынка“, въ воображеніи читателя встаютъ знакомые виды нашихъ западныхъ и южныхъ городовъ и мѣстечекъ; но то, къ чему мы привыкли, какъ къ обыкновенному и неизбѣжному, чуть не ужасомъ поражаетъ культурныхъ американцевъ. Даже негры, по свидѣтельству г-жи Макъ-Гаханъ, не выносятъ грязнаго сосѣдства евреевъ и итальянцевъ, и выселяются изъ насиженныхъ ими трущобныхъ домовъ Нью-Йорка подальше, въ другія части города. То же презрѣніе вызываютъ въ американцахъ излюбленныя занятія евреевъ: торговля старьемъ, ростовщичество и т. под. Вслѣдствіе такой специализаціи еврейскихъ занятій, американская жизнь представляетъ для нихъ очень мало рессурсовъ, и имъ въ ней почти не къ чему пристроиться. „О землепашествѣ и говорить нечего: евреи не ужились даже въ колоніи на Martha's Vinegard, гдѣ имъ отведена была здѣшнимъ филантропомъ земля, на которой они должны были поддерживать себя садоводствомъ и огородничествомъ,—разсказываетъ авторъ.—Портняжное и сапожное ремесло—вотъ одно дѣло, на которое еврей способенъ. Затѣмъ единственное, къ чему необразованный еврей пригоденъ—это растовщичество, мелкая торговля на лоткахъ или старымъ платьемъ: въ этихъ отрасляхъ способности ихъ граничатъ съ виртуозностью“. Но и въ производительномъ трудѣ евреевъ въ Америкѣ есть сторона, вредная для интересовъ пріютившаго изъ отечества. Вслѣдствіе способности жить по 15 человѣкъ въ двухъ комнаткахъ и питаться скудною пищей, евреи довольствуются небольшимъ заработкомъ и этимъ страшно сбиваютъ плату американскихъ рабочихъ. По свѣдѣніямъ парламентской коммиссіи,

евреи повсемѣстно причиняютъ сбавку отъ 40% и до 60% прежней заработной платы американскихъ швей. „Теперь американцы низшихъ слоевъ до того преслѣдуютъ евреевъ насмѣшками и выказываютъ такое отвращенiе, что евреевъ и деньги здѣсь не радуютъ, и многiе изъ нихъ мечтаютъ о возвращенiи назадъ въ Европу“.

Однако, изъ сообщенiй г-жи Макъ-Гаханъ видно, что нищета, грязь и неприспособленность евреевъ не вызывали бы, по крайней мѣрѣ, у интеллигентныхъ и гуманныхъ людей рѣзкихъ заявленiй „о ненужности и вредѣ для Соединенныхъ Штатовъ пребыванiя въ нихъ евреевъ“, если бы послѣднiе были способны съ теченiемъ времени ассимилироваться съ кореннымъ населенiемъ, усвоить его культуру, привычки, мiровоззрѣнiе, а не коснѣли бы въ своей фанатической замкнутости и индифферентизмѣ ко всему, что не касается ихъ матерiальныхъ интересовъ. Сравненiе съ эмигрантами другихъ нацiональностей ясно выставляетъ это на видъ. „Нѣмцы въ третьемъ поколѣнiи становятся такими же хорошими американцами, какъ ирландцы во второмъ, а иногда даже и въ первомъ поколѣнiи... Въ самомъ неразвитомъ ирландцѣ все же сидитъ закваска хорошаго, независимаго гражданина; на него и американцы перестали смотрѣть какъ на чужеземца, зная, какъ скоро и легко тотъ войдетъ здѣсь въ общую житейскую колею... Нѣмцы-эмигранты выказываютъ почти такое же сильное стремленiе, какъ и ирландцы, чтобы доставить дѣтямъ образованiе. Русскiе же евреи не имѣютъ никакого желанiя изучать англiйскiй языкъ или сближаться съ американцами и посылаютъ дѣтей своихъ въ школы при синагогахъ, гдѣ дѣти ни слова англiйскаго не слышатъ, никогда не приходятъ въ соприкосновенiе съ американцами и выростаютъ, не зная совсѣмъ нашего языка и держась всецѣло того мiровоззрѣнiя и привычекъ, какiя вынесены ихъ родителями изъ Европы.“

Сѣверный Вѣстникъ, *августъ—октябрь*. Странная повѣсть—*Здравыя понятiя* г. Потапенка. Молодой, способный человѣкъ, съ независимымъ характеромъ, съ сильною волей, страстно любитъ дѣвушку, повидимому, такихъ же качествъ. Но онъ твердо убѣжденъ, что она не будетъ съ нимъ счастлива, ибо не создана для скромной доли труженицы въ тѣсныхъ будничныхъ рамкахъ небогатой семьи. Поэтому онъ добровольно отказывается отъ нея, когда ей открывается перспектива выйти за добродушнаго стараго богача, кладущаго къ ея ногамъ свои миллiоны. Съ цѣлью повлiять на гордую душу своей невѣсты, Нади, и „ради ея счастья“ заставить ее par dépit броситься въ объятiя богатаго претендента, онъ женится на другой, страстно привязанной къ нему женщинѣ. Но въ этомъ случаѣ имъ движетъ также глубокое состраданiе къ симпатичнѣйшему, несчастному человѣку. Жена его, Ольга, любвеобильная, альтруистическая натура, всегда заботилась о другихъ, сама не знала счастья и, къ тому же, находится въ чахоткѣ. И вотъ онъ хочетъ дать ей это счастье хоть на остатокъ жизни, всецѣло посвятить себя ей въ эти годы. И герой повѣсти г. Потапенка,—„благоразумный человѣкъ“, какъ называетъ его авторъ,—дѣйствительно исполняетъ эту человѣколюбивую задачу: онъ окружаетъ Ольгу самою нѣжною заботливостью, самымъ преданнымъ вниманiемъ. Мало того, онъ до такой степени привязывается къ ней, что когда она стоитъ на краю могилы, онъ чувствуетъ, что теряетъ съ нею все самое дорогое для себя на свѣтѣ. Это ли не человѣкъ мягкаго сердца, способный любить только хорошее, способный жертвовать собою для счастья другихъ? И что же? По ходу дѣйствiя и по развязкѣ оказывается, что всѣ эти поступки героя—не

результатъ свободныхъ импульсовъ благороднаго, хотя и заблуждающагося сердца, а хитрѣйшій разсчетъ, строго согласованный съ личною выгодой. „Благоразумный человѣкъ“ не болѣе, какъ легальный плутъ. Онъ просто-на-просто составилъ маккіавелевскій планъ, чтобы богатства милліонера перешли къ его бывшей невѣстѣ, на которой онъ благополучно и женится, тотчасъ какъ только чахоточная жена его и апоплексическій богачъ сходятъ въ могилу, а это, согласно ожиданіямъ проницательнаго махинатора, совершается весьма скоро. Такимъ образомъ, алчный разсчетъ руководитъ молодымъ человѣкомъ, когда онъ бросаетъ свою чистую любовь въ объятія стараго развратника; съ безстыдствомъ мѣднаго лба сторожитъ онъ его послѣднія минуты, чтобы завладѣть милліонеркой-вдовой въ тотъ моментъ, когда его нѣжно любимая жена еще дышетъ; и, не дрогнувъ, даетъ онъ послѣдней клятву вѣрности, которую рѣшилъ тотчасъ нарушить.

Выходитъ, такимъ образомъ, нѣчто вычурное по замыслу, а въ психологическомъ отношеніи мало правдоподобное. Для художника, разумѣется, весьма заманчиво изобразить тартюфскую душу человѣка, въ положеніи героя г. Потапенка, изобразить весь организмъ играющаго человѣческими чувствами юноши съ высшимъ развитіемъ,—юноши, глумящагося втихомолку надъ честными простаками за то, что они не умѣютъ, подобно ему, увѣренно и безъ малѣйшаго риска поварачивать въ свою пользу колесо фортуны. Невольно вспоминается, какіе тонкіе психологическіе узоры вывелъ бы на этой канвѣ Достоевскій, представивъ намъ героя, вылитаго изъ цѣльнаго куска стали. Но рѣзецъ г. Потапенка слишкомъ мягокъ для такой стальной души. „Благоразумный человѣкъ“ его самъ много живетъ настоящимъ чувствомъ, чтобы такъ безподобно проводить „намѣченную“ программу; у него слишкомъ отзывчатые нервы, чтобы онъ могъ во всякую минуту подчинять ихъ велѣніямъ разсчета, несмотря ни на какую помощь „гимнастическихъ движеній“; а, главное, въ немъ слишкомъ много состраданія къ чужому страданію, чтобы быть такъ великолѣпно холоднымъ. Наконецъ, авторъ часто высказываетъ устами героя неподходящія къ нимъ сентенціи, что окончательно нарушаетъ цѣльность художественнаго образа. Такимъ образомъ, психологическое значеніе *здравыхъ понятій* не велико, хотя на изображеніе внутренняго міра героя потрачено не мало стараній.

Кто такой „благоразумный человѣкъ“? Это индифферентъ въ полномъ смыслѣ слова, который никогда не рискнетъ оцарапаться объ острые углы современности. Мало того, общественной дѣятельности онъ не любитъ, она для него „чужое дѣло“; къ міру идей, знанія, пользы и добра онъ болѣе чѣмъ равнодушенъ; ни литература, ни искусство не задѣнутъ его за живое; не способенъ онъ на глубокую страсть и смѣется надъ нею; наконецъ, онъ даже не поклонникъ „цвѣтовъ, вина и райскихъ пѣснопѣній“... Словомъ, онъ „ни тепелъ, ни холоденъ“, у него спокойные нервы, которые онъ умѣетъ во-время питать чѣмъ слѣдуетъ по рецепту „благоразумія“. Какое старчество! Какая духовная плоскость! И вотъ повѣсть г. Потапенка рисуетъ намъ такого „благоразумнаго молодаго человѣка“: умный, съ недюжинными способностями, только что съ честью сошедшій съ университетской скамьи, не искалѣченный жизнью, онъ всѣ эти дары употребляетъ только на то, чтобы непредосудительнымъ на видъ способомъ набить свои карманы чужими деньгами. А дальше что? Для какой цѣли? Намъ кажется, однако, что тутъ въ этомъ легальномъ воровствѣ героя со стороны автора употребленъ нѣкоторый шаржъ, хвачено черезъ край.

Но еще болѣе, нежели „благоразумный человѣкъ“, поражаетъ душевною скудостью его соучастница, Надя, перещеголявшая даже его самого ясностью невинныхъ глазокъ, равновѣсіемъ нервовъ, спокойною самоувѣренностью. Правда, авторъ мало останавливался на этомъ образѣ, и онъ вышелъ неяснымъ, схематичнымъ. Вначалѣ Надя возмущалась „подлостью“ тѣхъ, кто хотѣлъ продать ее за милліонера, она вышла за него съ отчаянія и оскорбленія, но потомъ какъ-то очень быстро „поняла“, въ чемъ дѣло, и стала „презирать себя“ за прежнее негодованіе. „Богатство стòитъ всякой жертвы“,—говоритъ эта молодая дѣвушка съ дѣтскимъ лицомъ. Она утверждаетъ, что ничуть „не страдала“ въ объятіяхъ стараго паралитика, и категорически заявляетъ объ этомъ періодѣ жизни: „Я ни о чемъ не жалѣю“...

„Это даже черезъ-чуръ здравые взгляды“,—говоритъ герой, не ожидавшій отъ нея такихъ успѣховъ.

Въ повѣсти г. Потапенка драма заключается только во внѣшней причинѣ—въ болѣзни Ольги. Ольга вся—порывъ, беззавѣтное чувство, прямая, открытая душа, безъ всякой примѣси пресловутаго „благоразумія“. Однако, между нею и героемъ нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ нравственной коллизіи. Вообще внутренняго движенія здѣсь такъ мало, что не будь эпизода страстной, глубокой до трагизма любви Ольги, какъ теплый солнечный лучъ позолотившей эту печальную повѣсть, въ ней просто нечего было бы читать. Между тѣмъ, эпизодъ этотъ, прекрасно воспроизведенный авторомъ, можно назвать вводнымъ; отсутствіе его, по крайней мѣрѣ, въ такихъ размѣрахъ, не нарушило бы общаго плана повѣсти.

Происходившій лѣтомъ въ Петербургѣ IV-й пенитенціарный конгрессъ, въ связи съ тюремною выставкой, замѣтно возбудилъ общественное вниманіе къ вопросамъ о преступленіи и наказаніи. Поэтому сообщеніе извѣстнаго нашего ученаго, проф. Фойницкаго, о происходившемъ недавно *Бернскомъ съѣздѣ* международнаго союза уголовнаго права привлечетъ вниманіе и многихъ читателей-неспеціалистовъ и даже заставитъ ихъ пожалѣть объ его чрезвычайной краткости. Международный союзъ уголовнаго права народился очень недавно,—всего съ прошлаго года. По опредѣленію проф. Фойницкаго, первенствующая задача этого союза—критическая, и заключается во внутреннемъ пересмотрѣ уголовнаго права, вызываемомъ новыми идеями, которыя были еще неизвѣстны въ періодъ образованія нынѣ господствующей его системы. Еще точнѣе объясняютъ характеръ и прогрессивную цѣль съѣздовъ приведенныя въ сообщеніи отрывки изъ вступительной рѣчи проф. Принса на открытіи перваго изъ этихъ съѣздовъ въ Брюсселѣ: „Абстрактный типъ преступленія и преступника сглаживается,—говорилъ онъ,—преступность выступаетъ передъ нами болѣе и болѣе, какъ общественное явленіе, подчиненное общественнымъ условіямъ, преступникъ—какъ живое существо, подчиненное условіямъ человѣческой жизни. Мы должны изучать эти условія, для того, чтобы не походить на ребенка, который въ часахъ видитъ только стрѣлки, не обращая вниманія на двигающій ихъ механизмъ. Только въ такомъ случаѣ для насъ станетъ ясна недостаточность одного наказанія для борьбы съ преступностью и огромная важность для этой цѣли мѣръ предупредительныхъ въ широкомъ смыслѣ, направленныхъ на самыя условія преступности“. Отсюда видно, какъ широко поставили съѣзды уголовнаго права свою задачу, какую прогрессивную роль они могутъ играть въ исторіи будущаго законодательства. Работы этого молодаго учрежденія пока еще не-

значительны. На бернскомъ съѣздѣ, собственно говоря, обсуждалось и рѣшено только два вопроса, и лишь по одному изъ нихъ, докладчикомъ котораго былъ проф. Фойницкій,—по вопросу о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ,—достигнуто было почти полное соглашеніе. Страшный же вопросъ о признаніи существованія неисправимыхъ преступниковъ и необходимости спеціальныхъ мѣръ противъ нихъ хотя и былъ рѣшенъ съѣздомъ въ утвердительномъ смыслѣ, но только незначительнымъ большинствомъ.

Требованія же доклада г. Фойницкаго, принятыя съѣздомъ, заключались въ необходимости установленія предѣльнаго возраста дѣтской невмѣняемости въ 14 лѣтъ и въ упраздненіи вопроса о разумѣніи замѣною его вопросомъ, нуждается ли ребенокъ въ установленіи надъ нимъ общественной опеки и, въ утвердительномъ случаѣ, какой именно режимъ долженъ быть къ нему примѣненъ.

Хотя г. Фойницкій устанавливаетъ извѣстную теоретическую границу между областью вопросовъ, разбираемыхъ на пенитенціарныхъ конгрессахъ и на описываемыхъ имъ международныхъ съѣздахъ уголовнаго права, однако, въ дѣйствительности этого различія незамѣтно. Всѣ вопросы, которые обсуждались на послѣднихъ, въ томъ числѣ, кромѣ вышеприведенныхъ, объ институтѣ условнаго осужденія, чрезвычайно удачно примѣненномъ въ Бельгіи, о мѣрахъ краткосрочнаго осужденія составляли предметъ преній и петербургскаго конгресса.

Весьма кстати для сравненія работъ по этимъ вопросамъ находится въ той же октябрьской книгѣ *Сѣв. Вѣстника* статья о *IV-мъ пенитенціарномъ конгрессѣ въ Петербургѣ*. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на задачи конгресса, широко или скромно, скептически или оптимистически, во всякомъ случаѣ, очевидно, что размѣры совершоннаго имъ далеко не соотвѣтствовали ни серьезности и настоятельности самаго дѣла, ни многочисленности собранія и торжественности обстановки, ни, наконецъ, многообѣщавшему единенію людей административной практики съ людьми науки. Не углубляясь въ подробности, достаточно сказать, что такіе животрепещущіе вопросы, какъ объ институтѣ условнаго осужденія, который дозволяетъ спасти множество маловажныхъ преступниковъ отъ развращенія тюрьмы, и столь же важный, вызываемый гуманными требованіями вопросъ о преступныхъ дѣтяхъ,—оба, рѣшенные въ благопріятномъ смыслѣ на скромныхъ съѣздахъ уголовнаго права,—конгрессомъ были отложены рѣшеніемъ до слѣдующаго раза, т.-е. на пять лѣтъ. Любопытно, что наболѣвшій жгучій вопросъ о преступныхъ дѣтяхъ былъ отложенъ по случаю неявки только одного члена, докладчика. Такіе же капитальные вопросы, какъ вопросъ о смертной казни и о пожизненныхъ наказаніяхъ, совсѣмъ не были допущены къ обсужденію на конгрессѣ. „Неисправимый“ преступникъ въ принципѣ былъ отвергнутъ конгрессомъ, „такъ какъ существуютъ только неисправленные“, но на практикѣ предложены мѣры, разсчитанныя на неисправимыхъ. Авторъ очерка, впрочемъ, не забываетъ указать положительныя стороны конгресса, которыя, главнымъ образомъ, заключались въ нравственномъ воздѣйствіи на общество, „въ содѣйствіи усиленію гуманитарныхъ стремленій, въ пробужденіи въ обществѣ мысли о дальнѣйшемъ движеніи къ смягченію наказаній, къ улучшенію участи преступника“.

Но, все-таки, вдумываясь во всю постановку и обстановку этого торжественнаго собранія, происходившаго у насъ въ Петербургѣ, нельзя не почувствовать, какъ, въ сущности, далеко оно стояло отъ нашей жизни, сколько бытовыхъ и иныхъ сторонъ ея, печальнымъ образомъ

связывающихся съ вопросами наказанія и „тюрьмовѣдѣнія“, не нашли себѣ въ немъ представительства.

Въ разсматриваемыхъ книгахъ *Сѣв. Вѣстн.* попадаются вполнѣ оригинальные, собранные на мѣстѣ матеріалы по сектантству. Статья г-жи Бородаевской *Сильные волею, больные духомъ* описываетъ вѣрованія и нѣкоторые обряды хлыстовъ и прыгуновъ, еще такъ недостаточно изслѣдованные. Авторъ самъ, въ качествѣ прозелитки, присутствовалъ на хлыстовскомъ радѣніи въ Екатеринославской губ., и могъ описать его съ полною подробностью. Мистическій обрядъ этотъ, какъ оно представлялось и раньше, является чѣмъ-то вродѣ религіознаго гипноза, вызываемаго пѣснями, круженіемъ и прыганьемъ на одномъ мѣстѣ, во время чего на сектантовъ сходитъ якобы даръ пророчества, общенія съ Богомъ. Какъ ни тягостно впечатлѣніе отъ этого неестественнаго фанатическаго моленія, за то г-жа Бородаевская, какъ очевидецъ, категорически отвергаетъ всѣ тѣ разсказы о „свальномъ грѣхѣ“, который будто бы практикуется при хлыстовскихъ радѣніяхъ. Разсказы эти явились, съ одной стороны, плодомъ недоразумѣнія, вслѣдствіе малаго знакомства съ таинственною, чрезвычайно недовѣрчивою сектой, а съ другой стороны—клеветой ренегатовъ, отлученныхъ за что-либо отъ бывшихъ „братьевъ“ и „сестеръ“. Ренегаты, какъ извѣстно, всегда и всюду вѣрны себѣ.

Все сообщеніе г-жи Бородаевской проникнуто страстною грустью о „больныхъ духомъ“, часто незаурядныхъ личностяхъ, бродящихъ во тьмѣ фанатизма, доходящаго до безсмысленныхъ самоистязаній.

Болѣе здоровое впечатлѣніе производятъ *Выдержки изъ дневника* г. Чудновскаго въ областномъ отдѣлѣ IX-й книги. Г. Чудновскій заносилъ въ свой дневникъ свѣдѣнія о раскольникахъ, собранныя при подворной переписи нѣсколькихъ волостей Алтайскаго округа, Томской губ. Дѣло идетъ здѣсь не о такихъ изувѣрахъ и мистикахъ, какъ прыгуны и хлысты, а о раскольникахъ—поповцахъ, безпоповцахъ, „духовныхъ христіанахъ“, называемыхъ нѣкоторыми духоборцами, съ ихъ подраздѣленіями. Къ тому же, записи статистика очень много говорятъ о зажиточности и высокой культурѣ сибирскихъ раскольниковъ, напоминая этимъ знаменитое описаніе нашимъ великимъ поэтомъ раскольничьяго села Тарбагатай. Въ нѣкоторыхъ большихъ селеніяхъ, напримѣръ, число бѣдныхъ хозяевъ составляетъ едва 3—6% общаго числа дворовъ. Въ религіозномъ отношеніи свѣдѣнія, собранныя г. Чудновскимъ, свидѣтельствуютъ о чрезвычайно незначительной дозѣ „раціонализма“ у названныхъ раскольниковъ: обрядность, приверженность къ буквѣ, несущественныя различія разныхъ „вѣръ“ указываютъ на неразвитость религіозной мысли. Раціоналистами можно назвать только „духовныхъ христіанъ“, которые, повидимому, отрицаютъ обряды, молитвы, иконы. Они же отличаются отъ остальныхъ грамотностью и начитанностью, и даже этимъ сами себя отличаютъ отъ остальныхъ раскольниковъ, среди которыхъ особенно старообрядцы-поповцы поражаютъ безграмотностью и темнотой. Новоселы тоже охотно селятся рядомъ съ „православными христіанами“, потому что тѣ не обижаютъ ихъ.

Оба наблюдателя—и г-жа Бородаевская, и г. Чудновскій—свидѣтельствуютъ, что благосостояніе раскольниковъ держится, главныхъ образомъ, общинностью, духомъ солидарности и взаимопомощи.

Помѣщенная въ сентябрьской книжкѣ *Сѣв. Вѣстника* статья г. В. В. *Регрессивныя явленія въ общинѣ* посвящена анализу нѣкоторыхъ фактовъ разрушенія общинной формы землевладѣнія.

Особенный интересъ представляетъ та часть статьи г. В. В., гдѣ авторъ на основаніи обширнаго матеріала, собраннаго земскими статистиками, выясняетъ передъ читателями дѣйствительное значеніе приговоровъ сельскихъ обществъ о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному и мотивовъ, которыми руководствуются крестьяне, высказываясь за или противъ передѣла. Автору пришлось имѣть дѣло со всѣмъ громаднымъ матеріаломъ земско-статистическихъ изслѣдованій, именно по 75—80 уѣздамъ 17 губерній, преимущественно черноземной полосы, и обнимающихъ 20 тыс. общинъ.

Оказывается любопытный фактъ, что приговоры о переходѣ къ подворному владѣнію зарегистрованы земскими статистиками въ 25 уѣздахъ, приблизительно въ 280 общинахъ, т.-е. менѣе чѣмъ въ $1^1/_2\%$ общаго числа общинъ, но г. В. В. убѣдительно доказываетъ, что и эта цифра совершенно фиктивна. Подробное изученіе различныхъ мотивовъ и условій, при которыхъ состоялись такіе приговоры, даетъ автору возможность высказать убѣжденіе, что приговоры о переходѣ къ подворному владѣнію, „въ большинствѣ случаевъ, постановляются поспѣшно, безъ серьезной оцѣнки соотвѣтствующей формы землевладѣнія и того положенія, какое ожидаетъ крестьянъ въ случаѣ приведенія приговора въ исполненіе, почему на эти приговоры нельзя смотрѣть какъ на актъ сознательнаго предпочтенія населеніемъ одной формы владѣнія другой; что они часто постановляются для устраненія такихъ недостатковъ общиннаго владѣнія, противъ которыхъ имѣются средства общиннаго же характера; что многіе изъ случаевъ, зарегистрированныхъ, какъ выражающіе рѣшеніе общества прекратить передѣлы и т. п., на самомъ дѣлѣ не имѣютъ этого значенія, а попали въ то число или благодаря разгулу фантазіи писаря, составлявшаго письменный приговоръ, или непониманія культурнымъ человѣкомъ терминологіи народа и что, въ большинствѣ случаевъ, эти приговоры лишены юридической силы“.

Не менѣе утѣшителенъ выводъ автора и относительно причинъ, заставляющихъ крестьянъ высказаться за передѣлъ, который совершается благодаря именно поддержкѣ той части крестьянъ, которые если матеріально и не заинтересованы въ передѣлѣ, то примыкаютъ къ нему „изъ альтруизма, по мотивамъ соціальнымъ“. Конечный выводъ автора тотъ, что „населеніе отдаетъ преимущество общинѣ, какъ опредѣленной бытовой формѣ, какъ организаціи, представляющей не только извѣстныя выгоды въ настоящемъ, но и серьезныя гарантіи за будущее. Если формальное разрушеніе общины и не сдѣлало, на основаніи имѣющихся матеріаловъ, особенныхъ успѣховъ, то, во всякомъ случаѣ, общія воззрѣнія автора едва ли не грѣшатъ нѣкоторымъ оптимизмомъ. Здѣсь будетъ кстати отмѣтить противуположность взглядовъ на одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ русской жизни,—о судьбахъ формъ крестьянскаго землевладѣнія,—которую обнаруживаютъ статья г. В. В. и одновременно печатающіяся въ послѣднихъ книжкахъ *Вѣстника Европы*, по существу которыхъ мы касаться не будемъ, статьи г. Слонимскаго *Вопросы поземельной политики* и *Охрана крестьянскаго землевладѣнія*.

Оптимизмъ автора статьи *Регрессивныя явленія въ общинѣ* представляетъ слѣдствіе особой точки зрѣнія на историческое прошлое русской общины. Г. В. В. подробно отмѣтилъ въ своей статьѣ, что количественно и качественно регрессивныя явленія всего болѣе обнаруживаются въ общинѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. По мнѣнію автора, „земельный бытъ крѣпостнаго крестьянина опредѣлялся разумомъ его владѣльца, и обществу крестьянъ предоставлялось только

приводить въ исполненіе постановленіе или правило, изданное помѣщикомъ, а развитіе свободныхъ отношеній къ землѣ началось только послѣ реформы 19 февраля, поэтому указанныя явленія должны быть разсматриваемы скорѣе какъ первая неопредѣленная стадія развитія земельныхъ отношеній освобожденнаго крестьянина, подлежащая послѣдующей замѣнѣ уже опредѣленною формой землевладѣнія съ бо́льшимъ или меньшимъ преобладаніемъ общинныхъ или подворныхъ чертъ, нежели какъ начало разложенія общины, которой, повторяемъ, крѣпостные крестьяне обыкновенно не знали“. Эти сужденія автора, къ сожалѣнію, совсѣмъ не мотивированы. Между тѣмъ, такого авторитетнаго историка, какъ В. И. Семевскій, извѣстныя изслѣдованія Бѣляева, П. А. Соколовскаго и др. показываютъ намъ нѣчто иное: во-первыхъ, что бывшіе владѣльческіе крестьяне всѣхъ наименованій, особенно состоящіе на оброкѣ, пользовались такою же свободой въ порядкахъ землепользованія, какъ и бывшіе крестьяне государственные, и, во-вторыхъ, и это самое главное, что типическою формой землепользованія у великороссійскихъ крестьянъ всѣхъ наименованій являлась именно община съ періодическими передѣлами.

Юридическій Вѣстникъ, *№№ 1—10.* За текущій годъ этотъ органъ московскаго юридическаго общества выходилъ подъ редакторствомъ тѣхъ же лицъ, какъ и прошлые годы, т.-е. почтеннаго нашего ученаго С. А. Муромцева и присяжнаго повѣреннаго В. М. Пржевальскаго. Направленіе журнала осталось неизмѣннымъ. Въ разсматриваемыхъ нами книжкахъ *Юрид. Вѣст.* больше всего мѣста отведено статьямъ по политической экономіи и статистикѣ: число ихъ равняется 19-ти. Посвящены онѣ вопросамъ объ артеляхъ (С. Марусина, г. Куликовскаго), общинномъ и подворнонаслѣдственномъ владѣніи (М. Плотникова, В. Гурвича), о бумажныхъ деньгахъ (Е. Эпштейна), разнаго другаго рода экономическимъ и статистическимъ изслѣдованіямъ, касающимся нашего отечества (Н. Астырева, Д. Жбанкова, Н. Бычкова) и т. д. Многія изъ этихъ статей, сохраняя общенаучный интересъ, затрогиваютъ, кромѣ того, ту или другую злобу дня, отвѣчаютъ современнымъ запросамъ. Къ числу такихъ можно, наприм., отнести статью Бычкова (№ 7—8): *Грамотность сельскаго населенія*, на которой мы останавливаемся, какъ на одной изъ болѣе коротенькихъ статей. Написана она по даннымъ земской статистики, съ знаніемъ научныхъ пріемовъ пользованія подобнымъ матеріаломъ, дѣлаетъ выводы съ надлежащею осторожностью и затрогиваетъ весьма серьезный для насъ вопросъ. Грамотность сельскаго населенія, оказывая сильное вліяніе на уменьшеніе преступленій, поднятіе благосостоянія и на другія стороны нашей общественной жизни, въ свою очередь сама, въ своемъ развитіи, зависитъ отъ многихъ общественныхъ условій, указать которыя очень важно, дабы эта грамотность увеличивалась съ каждымъ годомъ. Авторъ упомянутой статьи и взялъ на себя такую задачу. Другое достоинство статей по политической экономіи и статистикѣ сводится къ тому, что многія изъ нихъ составляютъ обработку мало извѣстнаго матеріала, иногда даже впервые знакомятъ читателя съ фактами; упомянемъ для примѣра о статьѣ: *Общинное землевладѣніе и интензивная культура*, которая явилась какъ результатъ ознакомленія покойнаго г. Гурвича съ условіями крестьянской жизни Кашинскаго уѣзда на мѣстѣ.

Далѣе, вторымъ по обилію статей надо признать отдѣлъ *Юридич. Вѣстника*, посвященный вопросамъ судоустройства и судопроизводства

(11 статей). Здѣсь мы находимъ, главнымъ образомъ, статьи, имѣющія отношеніе къ новымъ законодательнымъ актамъ, дѣйствующему законодательству или проектамъ законовъ; нѣкоторымъ исключеніемъ является лишь одна статья А. Блукета: *Формальная теорія доказательствъ*. Такъ, И. М. Тютрюмовъ знакомитъ читателя съ публичностью въ новыхъ судебно-административныхъ законахъ, съ представительствомъ на судѣ земскихъ начальниковъ и съ гражданскимъ судопроизводствомъ въ Прибалтійскомъ краѣ, именно какъ съ *положеніемъ* о преобразованіи судебной части въ прибалтійскихъ губерніяхъ, такъ и съ измѣненіями, внесенными имъ въ уставъ гражданскаго судопроизводства.

Другой авторъ, В. И., останавливаетъ вниманіе на порядкѣ разрѣшенія частныхъ жалобъ въ судебныхъ палатахъ, справедливо называя его болѣзнью прежняго судопроизводства, вкрадывающеюся въ новыя судебныя учрежденія. Третья статья—Н. Острикова—весьма обстоятельно касается вопроса о вызовѣ и допросѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, разсматриваемымъ въ мировыхъ съѣздахъ. Порядокъ вызова и допроса свидѣтелей въ съѣздахъ давно уже признавался требующимъ поправокъ, какъ во многомъ зависящій отъ случайнаго судебнаго усмотрѣнія, что, разумѣется, должно считаться явленіемъ ненормальнымъ и вдвойнѣ нежелательнымъ, ибо, „вѣдая дѣла, относительно не важныя по объему каждаго взятаго въ отдѣльности интереса, нашъ мировой судъ, въ то же время, охватываетъ своею компетенціей всю огромную и сложную сферу повседневной, крайне, разнообразной жизни“. Указать недостатки законодательныхъ постановленій и ихъ примѣненія на практикѣ и тѣмъ намѣтить путь, по которому должна идти законодательная власть въ будущемъ, — вотъ задача статьи. Нельзя не пожалѣть, что она написана уже послѣ изданія *Правилъ* о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ: можетъ быть, она и предостерегла бы составителей этихъ *Правилъ* отъ предоставленія уѣзднымъ съѣздамъ возможности дѣйствовать, рѣшая вопросъ о вызовѣ свидѣтелей, съ еще болѣе широкимъ правомъ „усмотрѣнія“ и подсудимые имѣли бы болѣе средствъ къ защитѣ.

Статьи по уголовному и гражданскому праву и по численности, и по объему занимаютъ въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* второстепенное мѣсто. Большинство статей по этимъ вопросамъ носитъ на себѣ характеръ небольшихъ замѣтокъ, что не мѣшаетъ имъ, впрочемъ, возбуждать большой интересъ въ читателѣ и имѣть немалое значеніе. Пропуская статьи А. Загорянскаго (о пріобрѣтеніи права собственности на движимыя имущества посредствомъ передачи; принужденіе, ошибка и обманъ и ихъ вліяніе на юридическую сдѣлку), Д. А. Дриля (психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями) и лишь рекомендуя ихъ вмѣстѣ съ другими вниманію читателя, останавливаемся, наприм., на замѣткѣ Н. Загинскаго о правѣ незаконныхъ дѣтей на содержаніе отъ родителей. По нашимъ законамъ (какъ ихъ толковала до сихъ поръ практика) такое право незаконныхъ дѣтей имѣется только по отношенію къ такимъ родителямъ, которые не состоятъ въ супружествѣ, т.-е. это право не стоитъ въ зависимости отъ дѣянія субъекта исключительно, но и отъ положенія семейнаго, этого субъекта. Авторъ стремится доказать, что и дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія, не находятся также внѣ закона, что и ихъ виновникъ ихъ рожденія обязанъ кормить одинаково. Можно сказать, что въ на-

шемъ положительномъ законодательствѣ мало данныхъ для такого вывода, но нельзя автору отказать въ симпатіи къ его взгляду и въ интересѣ темы, имъ избранной.

Беднѣе всего *Юридическій Вѣстникъ* статьями по обычному, полицейскому и государственному праву, а также и по исторіи и теоріи права, хотя и здѣсь мы находимъ и серьезныя изслѣдованія, и вѣрныя, хорошія мысли. Не имѣя возможности остановиться на всѣхъ статьяхъ и замѣткахъ, мы отмѣтимъ хотя двѣ изъ всѣхъ. Въ текущемъ году появился трудъ извѣстнаго ученаго Леруа-Болье: *L'etat moderne et ses fonctions*, очевидно, вызванный все увеличивающеюся за послѣдніе годы тенденціей—уяснить вмѣшательство государства въ область экономическихъ отношеній. Появленіе этого труда позволило и нашему публицисту и ученому В. А. Гольцеву высказаться по вопросу объ обязанностяхъ государства относительно гражданъ. Государство должно, говоритъ авторъ, 1) устанавливать безопасность и осуществлять основныя начала справедливости; 2) осуществлять начало страхованія; 3) положительными мѣрами содѣйствовать развитію образованія и благосостоянія, *когда* въ этомъ отношеніи недостаточна частная иниціатива, причемъ эти обязанности дѣлятся имъ, государствомъ, съ органами самоуправленія и нельзя ни на одну минуту забывать, что государство—лишь органъ для достиженія возможнаго человѣческаго совершенствованія: стѣснять индивидуальныя права личности, ея совѣсть, свободу необходимо только при условіи, что иначе произойдетъ для общества вредъ или нарушится справедливость.

Переходимъ къ другой статьѣ—о цѣляхъ наказанія по узаконеніямъ Петровскаго царствованія—А. Филиппова. Трудную задачу взялъ на себя авторъ: ему пришлось выводить общія понятія объ этихъ цѣляхъ изъ указной практики Петра по разнымъ отдѣльнымъ случаямъ, но, несмотря на это и кропотливость работы, задача выполнена вполнѣ добросовѣстно. Резюмируя сказанное объ основныхъ цѣляхъ наказанія и констатируя, что преслѣдовались и побочныя цѣли, нисколько не вытекающія изъ понятія наказанія, какъ реакціи власти противъ ослушниковъ ея велѣній, г. Филипповъ говоритъ: „Наказывая, чтобъ отмстить, истребить или устрашить, наконецъ, чтобъ обезопасить себя, свою реформу или интересы общества отъ нападеній, законодатель, въ то же время, организовывалъ (когда это было возможно, конечно) наказаніе такъ, чтобы оно было могучимъ средствомъ для полученія отъ „презирателей указовъ“ разнаго рода важныхъ выгодъ на пользу государства. Понятно, поэтому, что личный трудъ преступника, съ одной стороны, его преимущественные достатки—съ другой, были элементами... наказаній, какія любило законодательство вѣка“. Кромѣ того, авторъ подчеркиваетъ, что трагизмъ положенія лицъ, безразличныя дѣйствія коихъ карались жестоко, заключался и въ томъ, что наказанія направлялись на обычаи и привычки, освященные вѣками, отъ которыхъ отказаться нельзя было „не только за страхъ, но и за совѣсть“.

Лишнимъ достоинствомъ указанной статьи является въ нашихъ глазахъ и то, что она довольно живо рисуетъ передъ нами картину общественныхъ нравовъ и стремленій, съ одной стороны, и съ другой—личность Петра, равно какъ и взаимныя отношенія законодателя и общества.

Хроникъ въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* двѣ: одна посвящена дѣятельности московскаго юридическаго общества за 1887—1889 г., а другая—юбилейнымъ рѣчамъ кіевск. юрид. общества по поводу двадцатипя-

тилѣтія *Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.* Послѣдняя хроника еще разъ напоминаетъ читателю о всемъ великомъ значеніи судебной реформы 20 ноября и въ бѣгломъ обзорѣ знакомитъ со всѣми надстройками и урѣзками, коимъ подверглись *Судебные Уставы. Библіографія Юридическаго Вѣстника* и *Разныя извѣстія и замѣтки* свидѣтельствуютъ о преобладаніи въ числѣ сотрудниковъ этого журнала экономистовъ надъ другими спеціалистами.

Заканчивая свой обзоръ, мы должны пожелать органу московскаго юридическаго общества самаго широкаго распространенія и одновременно оговориться, что должны были пройти молчаніемъ многія, вполнѣ достойныя вниманія, статьи, нашедшія мѣсто на страницахъ этого журнала.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла“.

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

При этой книгѣ всѣмъ подписчикамъ разсылаются объявленія отъ редакцій: „Живописнаго Обозрѣнія", „Сына Отечества" и журн. „Художникъ".

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 054651952